

... A. Bond
... Rus. T.
... (1)
...
... no 6 ex

Корней Чуковский

Shuman, 37, 5

Корній

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Ріра підняла:

— Чи не вернешся?

Писемко мовчав, охораша очима
собою. Маленькі Мухоморці на
ногах і сніг ходять. Багато
варіантів под. Виноград довго
турбували, колишній Еміль підняв
і квіти і пошук і навіть. Ріра
мислячи здалося, багаторазово спити.
Марин — кохана і шлюб, шлюбна
на, ко — праця.

Сенда бреше дитині на мову
9. Маленький Б-ус Марин Мисленко
Вітання сестри Вера Мисленко

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

ДНЕВНИК. 1936–1969

МОСКВА 2013

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Ч-88

Файл книги для электронного издания подготовлен
в ООО «Агентство ФТМ, Лтд.» по оригинал-макету издания:
Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. —
М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2007.

Составление, подготовка текста и комментарии
Е. Чуковской

Оформление художника
С. Любаева

На обложке:
фотография К. Чуковского, снимал Л. Радищев., 1968

Чуковский К. И.
Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 13: Дневник (1936—
1969) / Коммент. Е. Чуковской. — 2-е изд., электронное,
испр. — М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. — 640 с.

Третья книга «Дневника» по содержанию и тональности записей резко отличается от предыдущих. На этих страницах отразились и личные беды автора — гибель на войне сына, смерть жены, травля в печати антивоенной сказки «Одолеем Бармалея» и тяготы, переживаемые обществом в 30—40-е годы. В дневниковых тетрадях появляются пробелы, множество вырванных страниц. На уцелевших страницах сохранились отзвуки трагедии Ахматовой, Зощенко, Пастернака, Василия Гроссмана, Фадеева.

С середины пятидесятых годов начинают снова выходить такие книги, как «Высокое искусство», «От двух до пяти», впервые печатаются «Современники», «Живой как жизнь», «Чехов». Чуковский получает Ленинскую премию и почетное звание доктора литературы Оксфорда.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

© К. Чуковский, наследники, 2013
© Е. Чуковская, составление,
подготовка текста, комментарии, 2013
© Агентство ФТМ, Лтд., 2013

1 января 1936 г. Лег вчера спать в 7 часов. Встал в три и корплю над ненавистным мне «Принцем и нищим». Перевожу заново вместе с Колей. Коля взял себе вторую половину этой книги, я первую. В этой первой 96 страниц; работа идет очень медленно. Но все же сделано 82. Иная страница отнимает у меня полтора часа и даже больше. А во имя чего я работаю? Сам не знаю. Хочется писать *свое*, голова так и рвется от мыслей, а приходится тратить все дни на черную батрацкую работу. И такой работы очень много. Чуть я кончу «Принца и нищего», придется погрузиться в редактуру Некрасова, в редактуру Шекспира, в редактуру Репина, а когда же писать, черт возьми! Почему из писателя я превратился в поденщика? Вот даю себе зарок на новый год — больше до самой смерти не брать никаких окололитературных работ, а только писать повести, статьи, стихи. Ведь это смешно сказать: сказки мои имеют огромный успех, а у меня уже 5 лет нет ни секунды свободной, чтобы написать новую сказку, и я завидую каждому, кто имеет возможность, хоть и бездарно, писать свое.

5 января. Был Коля. Делает «Принца и нищего», работает в ревизионной комиссии нашего Дома писателей, пишет роман, забежал на минутку, и мы необыкновенно плодотворно поговорили с ним о Мопассане («Комбинатор», его рассказы так же «ненастоящие», как «Остров сокровищ» — не произведения, а штучки), о Бунине, о Блоке, о Мандельштаме, Безыменском. Чудесно поговорили и так странно, что это разговор отца с сыном.

7 января. Был у меня вчера Тынянов с Вениамином Каверинным. Принес сборник своих рассказов и «Стихотворения» Гейне (изд. 1935). На Гейне подписался: проваленный кандидат в секцию переводчиков, т. к., по его словам, недавняя конференция

¹ Продолжение. Начало см.: Т. 11 (1901–1921) и Т. 12 (1922–1935) наст. изд.

переводчиков в Москве подвергла его сильнейшим нападкам — постоянное его ощущение, что где-то против него ведут какую-то кампанию сплотившиеся враги. Я думаю, это у него от болезни. Лицо у него мученическое, изборождено тоской. Дома у него по-прежнему нехорошо. Он показывал в лицах всех докторов, которые лечат Елену Александровну, показал между прочим некоего Твердинского, который заявил ему в ее присутствии, что у нее туберкулез позвоночника. Великолепно показал он проф. Турнера, который лающим голосом отменил весь диагноз Твердинского и сообщил, что никакой опасности нет. Показал проф. Яновского (рентгенолог) и проч. и пр. В. Каверин упрекнул его, что он не дарит ему книг. — «Все свои книжки я дарю докторам. И если бы ты видел, с какими надписями!.. И Твердинскому тоже». Но потом Ю. Н. развеселился и показывал смешные эпизоды из жизни разных знакомых. Как в какой-то кабачок в Кисловодске вошел Ал. Толстой, когда там сидела небольшая компания, в том числе Тынянов и Мирский. Тынянов считал Мирского твердокаменным, но [Толстой] вошел так важно и поглядел на всех таким «графским» оком, что тот вскочил: «разрешите представиться». Толстой подал ему два пальца. Теперь Тынянов говорит о Толстом с ненавистью. Утверждает, что не станет с ним здороваться.

Говорили о поэтах. «Нет поэтов. Пастернак опустошен и пишет черт знает какую ерунду, напр. в «Известиях»*. От Ник. Тихонова — ждать нечего. В. потолстел. Жалуется на переутомление, но вид у него титанический». Между проч., рассказывал, что в доме у Горького он за столом сказал, что Маршак — неважный писатель. Все на него зацыкали, а жена сына Горького Тимоша сказала:

— А какой он чудесный человек, какой добрый, как любит детей.

Рассказывал о Томашевском: как Томашевский дурацки вел себя на конференции. Его спросили, почему он редактирует Пушкина. Он ответил: «За это деньги дают», как Томашевский швырнул в Степанова корректуру Пушкина (которую Степанов принес ему на квартиру) и крикнул: «Пошел вон, негодяй». А Степанов сказал будто бы: «Вы хам, Борис Викторович».

Много говорил Тынянов о Горьком, который очаровал его сразу. «Горький человек безвольный, поддающийся чужому влиянию, но человек прелестный, поэтический, великолепный (и в жизни) художник».

Все, что говорит Тынянов, он говорит с аппетитом. Жизнь, поскольку она выражается в человеческих отношениях, в разных карьерах людей, в бытовых подробностях, ему страшно любопыт-

на как беллетристу. Просидели они у нас до 12 ¹/₂. Мы с М. Б. пошли их провожать — и вот я не сплю до утра.

1936

9 января. Третьего дня Желдин мне сказал, что 15/І в Москве совещание по детской книге. Большое совещание, созываемое по инициативе ЦК, и что я должен поехать. Когда же писать! Только что было совещание с Косаревым, потом киновсовещание, потом — по детской книге. Всякая поездка в Москву стоит мне года жизни, и узнав о предстоящей поездке, я уже перестал спать за 5 дней до нее. Вчера принял вероналу, а сегодня спасибо Бобочке, он меня зачитал. Утром я проснулся с чувством величайшей к нему благодарности.

11 января. Был у меня Квитко. В великолепном костюме, в европейском пальто. Читал замечательные стихи про медведя, обедал у нас. М. Б. больна: грипп. Был Фроман, взял займы 50 р. Я хочу, чтобы он переводил Квитку. Квитко зовет в Киев. Он любит советскую власть поэтично и нежно.

17 января. Конференция детских писателей при ЦК ВЛКСМ. Длится уже два дня. Выехали мы 14-го. На вокзале собралась вся детская литература. Маршак в черной новой шапочке, веселый, моложавый. С ним по перрону ходят Габбе, Пантелеев, Ильин. Вот Лида, вот Т. А. Богданович (ее провожает Шура), вот Тырса. Ждут Ал. Толстого, вот и он с женою. Но он едет не международным, а мягким — в международном не было двух мест в купе, для него и для жены. Иду в вагон: Юрьев и Лили Брик. Юрьев, чуть только поезд тронулся, вошел в мое купе (я еду с Лебедевым В. В.) и стал занимать нас рассказами. Очень ругает новую гостиницу «Москва», которая только что открылась в Охотном ряду. «Номера, — говорит он, — плохи, прислуга грубая... Обошел всю гостиницу, не понравилась она мне. Потом дали мне книгу почетных посетителей, и я написал, что гостиница великолепна и что я в мире не видал таких гостиниц». Оказывается, это очень характерно для Юрьева. В дальнейшем он заговорил о переводах Анны Радловой. «Плохие переводы. Стесняют актера, связывают его по рукам и ногам. Особенно перевод «Отелло». «Но я все же играю в ее «Отелло» — иначе нельзя, пресса заругает, замалчивать начнут»!!!

Принципиальный артист!

Лили Брик рассказывает подробно, как она написала Сталину письмо* о трусливом отношении Госиздата к Маяковскому, что

Маяковского хотят затереть, замолчать. Написав это письмо, она отложила его на 3 недели. Но чуть она передала письмо, через два дня ей позвонил по телефону т. Ежов (в Ленинград): не может ли она приехать в Москву. — «4-го буду в Москве». — «Нельзя ли раньше?» Я взяла билет и приехала 3-го. Меня тотчас же принял Ежов. — «Почему вы раньше не писали в ЦК?» — «Я писала Стецкому, но не получила ответа». — «Я Маяковского люблю», — сказал Ежов. — Но как гнусно его издают, на какой бумаге». — «На это-то я и жалуюсь».

«Я знала, что Сталин любит Маяковского. Маяковский читал в Большом театре поэму “Ленин”. Сталин хлопал ему, высказывал громко свое восхищение. Это я знала. Но все же было жутко. Я боялась: а вдруг направит дело к Малкину. Но меня направили к Талю, и с ним я говорила больше часу».

В поезде Лебедев, которому сейчас 45 лет, делает гимнастику. Для укрепления мускулов живота и проч. Любовно говорит о боксе. Везет своей Саре финский хлеб, купленный где-то на аукционе в таможене, и молоко «Нестле».

Подошел к нам М. Ильин. Рассказывает анекдоты. Недавно к его знакомому советскому доктору привезли девочку Марию Антуанетту (!!).

— Почему вы назвали ее Марией Антуанеттой? — спросил он у ее матери.

— А я увидела в календаре строчку: «Казнь Марии Антуанетты» и решила, что она революционерка была.

По приезде в «Националь» я позвонил Цыпину. Он сразу затараторил: «Уверяю вас, что партия на моей стороне. Ленинград хитрит и мутит. Знаете ли, что Желдин принял меры, чтобы Алексей Толстой не приезжал на совещание, и прислал мне телеграмму: “Толстого в Ленинграде не найти”. Я тогда послал телеграмму Толстому от себя, и Толстой приехал. Комсомолыцы хотят, чтобы Толстой выступил. Маршак будет делать небесный доклад без конкретностей. Мы устраиваем совещание в ЦК комсомола, чтобы ясно было, что это партийное совещание. Приглашено 135 человек».

Ну вот мы, 135 человек, собрались: Забіла. Квітко. Барто. Копыленко. Браун. Конашевич. Житков. Разумовская. Оболенская.

Доклад Цыпина. Начало очень хорошее. Перечисление писателей, которые в последнее время не пишут. Ругает Наркомпрос. Десять лет упущено.

Появляется Косарев. Аплодисменты.

Самое удивительное — Венгров. Я бил его смертным боем и в «Литературной газете», и на своем выступлении в ЦК комсомола. И когда потом говорил о нем злые вещи — все же жалел его, и те-

перь, когда встретил здесь, на конференции, очень смутился и был уверен, что он не подаст мне руки. А он вдруг стал лебезить, юлить, подбежал ко мне, сказал, что «Мурзилка» ждет моего сотрудничества, что она поместила где-то мой портрет, что Квитко действительно замечательный мастер, что я в своем выступлении совершенно верно заметил о том и том-то — и проч., и проч., и проч. Последняя степень душевного ничтожества; полнейшее отсутствие достоинства. Когда Лида говорила о Пантелееве — что у Пантелеева есть выражение: морда, он крикнул: — *Жидовская морда.*

Как будто у Пантелеева это выражение — от автора!!!

Подлый гад, раздавленный... больше уж он не будет появляться публично в качестве одного из ведущих детских писателей.

Мне пришла в голову великолепная тема детской книги, в ней должна вылиться моя жаркая любовь к советскому ребенку — и сквозь этого ребенка — к эпохе. Я уже четыре года собираю для этой книги материалы, и только сейчас под впечатлением беседы с Косаревым осмыслил эту тему до конца.

Косарев — обаятелен. Он прелестно картавит, и прическа у него юношеская. Нельзя не верить в искренность и правдивость каждого его слова. Каждый его жест, каждая его улыбка идет у него из души. Ничего фальшивого, казенного, банального он не выносит. Какое счастье, что детская литература наконец-то попала в его руки. И вообще в руки комсомола. Сразу почувствовалось дуновение свежего ветра, словно дверь распахнули. Прежде она была в каком-то зловонном подвале, и ВЛКСМ вытащил ее оттуда на сквозняк. Многие фальшивые репутации лопнут, но для всего творческого, подлинного здесь впервые будет прочный фундамент.

Хочется делать в десять раз больше для детской литературы, чем делали до сих пор. Я взял на себя задание — дать Детиздату 14 книг, и я их дам, хоть издохну.

О совещании не записываю, так как и без записи помню каждое слово. То, за что я бился в течение всех этих лет, теперь осуществилось. У советских детей *будут превосходные книги.* И будут скоро.

Лежал больной: фурункул. Маршак оказался верен себе: все эти годы молчал о Квітке, ни звука. Когда я написал о Квітке в «Красной нови» — и прочитал его стихи на совещании у Косарева — Маршак попросил ему дать на один день книжки Квітки, чтобы ознакомиться с ними. Я дал ему, и он в тот же вечер уехал в Крым к Горькому *с моими книжками.* Он их переводит, он сделает шум вокруг Квитки — он... словом, повторяется та же история, что с «Nursery Rhymes» и с «Детками в клетке». «Nursery Rhymes» я про-

пагандирую с 1916 года. В 1917 я дал их Владиславу Ходасевичу — напечатать в журнале «Для детей», которого я был редактором. И Венгрову давал подстрочник — пропал гвоздь — и печатал оный в книге «Елка», издательства «Парус». Когда встретил Маршака, дал ему в 1923 году «Nursery Rhymes» — и с тех пор не получил своей книжки обратно. То же и с «Детками», вернее с рисунками Олдина, которые принадлежали Памбэ. Взял редактировать эту книгу — и Памбэ не получила ее обратно...

27/1. Сегодня должна была вторично собраться редакция по изданию *академического Некрасова*. Впервые мы собрались третьего дня: Лебедев-Полянский, Мещеряков, Кирпотин, Лепешинский, Эссен и я на квартире у Эссен. Специально выписали из Ленинграда Евгеньева-Максимова. Да, был еще и Заславский. У всех этих людей в голове есть одна идея: не изображать Некрасова — боже сохрани — народником, потому что народники, по разъяснениям авторитетных инстанций, — не такие близкие нашей эпохе люди, как думалось прежде. То обстоятельство, что Некрасов был поэт, не интересует их нисколько, да и нет у них времени заниматься стихами. Я выступил, сказал, что я белая ворона среди них, — т. к. для меня Некрасов *раньше всего поэт*, который велик именно тем, что он — мастер, художник и проч. А если бы Некрасов высказывал те же убеждения в прозе, я никогда не стал бы изучать его и любить его. Настаивал на включении во все наши будущие предисловия и критические статьи — указаний на это — незамеченное ими — обстоятельство. Отнеслись не враждебно, хотя некоторая холодность в отношении ко мне была. Выделили комиссию: меня, Евгеньева-Максимова и Эссен для обсуждения количества томов, их состава и проч. Комиссия эта была вчера у меня — мы работали долго и упорно. А сегодня оказывается, что: 1. Кирпотин уехал неизвестно куда. 2. Лебедев-Полянский занят. 3. Мещеряков занят. 4. Лепешинский уехал — и заседание коллегии откладывается. Почему? Не из-за истории ли с Косаревым? История такая: Косарев спрашивал меня, почему я не пишу новых книг. Я ответил, что я очень занят: редактурой Некрасова, редактурой Шекспира и проч. Хочется писать, а я все редактирую. — А какого Некрасова? — Под редакцией Лебедева-Полянского, академического. — Ну, мы вас от всей этой черной работы освободим. — И вдруг, к моему изумлению, в речи своей о детской литературе — заявил, что меня нужно освободить от... Лебедева-Полянского. Меня словно кипятком обдало...

Тут в Москве Тынянов, звонил ко мне два раза (один раз так: давайте пойдем в театр на «Далекое»*) — и вечером пришел. Много говорил о своих семейных горестях. «Только вам говорю: мне

так жалко Леночку, что я другой раз готов заплакать. Бедная! Все ее надежды на выздоровление рухнули. У нее уже заболела верхняя часть позвоночника».

Через 2 недели Тынянов едет на 2 месяца в Париж.

Все устроено. Остановка за валютой. Ехать он не хочет («Страшно Леночку оставить»), но ехать нужно, так как болезнь его растет. Несмотря на болезнь, он написал в Петергофе за 10 дней целый печатный лист о Пушкине, «и здесь, в Москве, помаленьку пишу». «У меня странная литературная судьба: своего Кюхлю я написал без материалов — на ура, по догадке — а все думали, что тут каждая строка документальна. А потом, когда появился роман, я получил документы». И он перешел на свою любимую тему: на Алексея Толстого.

— «Алексей Толстой — великий писатель. Потому что только великие писатели имеют право так плохо писать, как пишет он. Его «Петр I» — это Зотов, это Константин Маковский. Но так как у нас вообще не читают Мордовцева, Всева, Соловьева, Салиаса, то вот успех Ал. Толстого. Толстой пробовал несколько желтых жанров. Он пробовал желтую фантастику («Гиперболоид инженера Гарина») — провалился. Он попробовал желтый авантюрный роман («Ибикус») — провалился. Он попробовал желтый исторический роман — и тут преуспел — гений!»

Сидел он у меня долго — и я из-за этого не сплю всю ночь. Приходили при нем Натан Альтман и Квитко.

Лидина речь сегодня отлично напечатана в «Комсомолке». А моя — в «Литературке»*. Сердце родительское радуется.

Очень нездоров. Измучила меня эта зима. Ужасно, что М. Б. по болезни не могла поехать со мною. Жизнь моя здесь хуже ада. Больше 3 часов в сутки я не сплю. Скорее бы выбраться.

Тынянов очень хорошо отзывался о Коле. Хвалил его переводы, восхищался его работоспособностью.

Тынянов о Маршаке: «Он ничего не читает. Его интересует только один писатель: Ильин, да и тот Маршак».

Третьего дня мне звонил из Ленинграда Алянский. Приезжает сегодня с Конашевичем. Алянского я приспособил к Цыпину: Алянский будет жить в Ленинграде, но работать для московского Детиздата. Все мои книги, которые выходят в Москве, будет оформлять в Ленинграде Алянский.

Лебедев-Полянский, Кирпотин, Мещеряков и Заславский все время сообщали Евгеньеву-Максиму и мне, что они никак не могут собраться, никакого времени не имеют, и потому Евг.-Максиму пришлось вернуться в Ленинград ни с чем. Оказалось, что они покуда держали тайный совет, как им быть. И надумали: не давать мне редактировать стихи Некрасова, и Максиму не давать

редактировать письма, а сделать так: стихи выходят под редакцией Мещерякова и моей, письма под редакцией Лебедева и Евг.-Максимова. Я застиг их четырех в Гослитиздате: они прямо (и очень учтиво) предъявили мне свои требования. Сущность этих требований сводится вот к чему: я буду редактировать Некрасова, а Мещеряков будет редактировать меня. Но в таком случае так дело и нужно изобразить, а не выдумывать, будто мы оба редактируем Некрасова. Я так и сказал им и теперь не знаю, как быть. К сожалению, по болезни мне пришлось спешно уехать в Ленинград — и я не мог посоветоваться в ЦК.

2 февраля. Вчера вечером позвонили от Главного начальника политической милиции: когда он мог бы меня посетить. Говорили каким-то угрожающим тоном. Я страшно взволновался. Уж не натворила ли чего-нибудь Лида? Не поссорилась ли она с Детиздатом? Черт знает какие мысли лезли мне в голову. Всю ночь, чтобы успокоиться, держал корректуру книги «От двух до пяти» (6-е издание). Прокорректировал 14 листов. Весь день ни на секунду не заснул, и лишь к 6 часам обнаружилось, что начальник хочет, чтобы я... написал... детскую книжку о милиции. Утешившись, я заснул в 7 час. вечера и сегодня — 3/II проснулся в половине четвертого. До 9 часов корпел над «Принцем и нищим». Зато выкарабкиваюсь из-под этой работы. 80 страниц уже отделано окончательно.

9/II. Ужасную вещь сделал со мною Коля, сам того не подозревая. Мы решили вдвоем перевести «Принца и нищего»: я первую половину, он вторую. Работа эта нудная, путавшая все мои планы. Она отняла у меня два месяца, самое горячее время. И главное: перевод выходит не первоклассный, не абсолютный. Хочется писать свое; хочется думать свои мысли, а тут приходится часами просиживать над одной какой-нибудь фразой. Когда я сделал свои 101 страницу, я чуть не подпрыгнул до потолка: теперь могу вздохнуть свободнее. Но в это время Коля принес свою половину!!! С первого взгляда мне показалось, что перевод превосходный. Иные страницы действительно очень неплохи, но боже мой — когда я вчитался, оказалось, что половину Колиного перевода нужно делать заново. Никакого другого выхода нет. Надо сделать, мы и так запоздали. И вот я сижу несколько суток, почти без сна, и делаю эту постыльную работу. Сейчас кончил ее вчерне, в девять часов утра. Последние 10 страниц особенно трудны. Похоже, что переводчик даже не глядел в подлинник! Я Колю не обвиняю. Он пишет роман, для него «Принц и нищий» — обуза, но за-

чем же сваливать эту обузу на мои плечи? Как будто у меня нет романа, который я хотел бы написать.

1936

12/II. Был у меня сейчас Игорь Грабарь. Он председатель жюри индустриальной выставки. Занят сверхъестественно. Готовит репинскую выставку, устраивает в Ленинграде свою собственную, готовится к 26-му, когда будет праздноваться его юбилей — «банкет будет устроен, будут участвовать высокие персоны, готовятся подарки какие-то... ну орден, ну автомобиль... Это уже дело решенное, машину мне дадут!!.»

Откровенно подсчитывает барыши своего юбилея. Он к этому юбилею организационно готовится три года, завоевывал вершок за вершком те позиции, которые занимает сейчас, недаром в Москве называют его Угорь Грабарь. Среди молодежи его имя так же одиозно, как имя Бродского.

— А вы видели, Игорь Эммануилович, что написано о вас в «Правде» — во вчерашнем номере?

— Нет... а что? (невинным голосом).

— Не видели?

— Нет. Ни минуты не было свободной.

— И вам никто не показал?

— Нет.

Прошло с полчаса, и он говорит:

— А вы видали, как в «Правде» здорово попало Бухарину? И какой смешной фельетон Кольцова!

Подробно излагает и то, и другое. Между тем: и фельетон о Бухарине, и фельетон Кольцова — в том же номере, где статья о выставке Игоря Грабаря.

Боба это заметил и, когда Грабарь ушел, выразил недоумение: — Как же это так, и зачем же он врет?

14/II. Сейчас позвонил мне Маршак. Оказывается, он недаром похитил у меня в Москве две книжки Квитко — на полчаса. Он увез эти книжки в Крым и там перевел их — в том числе «тов. Ворошилова», хотя я просил его этого не делать, т. к. Фроман уже месяц сидит над этой работой — и для Фромана перевести это стихотворение — жизнь и смерть, а для Маршака — лишь лавр из тысячи. У меня от волнения до сих пор дрожат руки.

И я вспомнил, как Маршак таким же образом ограбил Памбэ («Детки в клетке»), ограбил Хармса («Жили в квартире сорок четыре...»).

17/II. Вчера позвонил Алянский и сообщил, что в «Комсомольской правде» выругали мой стишок «Робин Бобин Барабек». Это

так глубоко огорчило меня, что я не заснул всю ночь. Как нарочно, вечером стали звонить доброжелатели (Южин и др.), выражая мне свое соболезнование.

— Прекрасные стихи, мы читаем и восхищаемся, — говорят в телефон, но мне это доставляет не утешение, а бессонницу.

Вчера первый раз выходил на улицу (мороз!!) — был в школе первой ступени, преобразованной из церкви (Кирочная, против Знаменской). Читать было очень трудно, так как все звуки уходили под купол и в коридоры, ведущие в зал, но дети изумительно милые, любящие, затормошили меня своей лаской. Я читал им так много, что сорвал голос. (Горло вообще болит.)

Написал фельетон о Квитко — неважный и поверхностный*.

Сегодня, кажется, начинают *печатать* мою книгу «От двух до пяти». Лида больна гриппом. Коля тоже.

Сегодня М. Б. купила картину Коровина.

18/II. Был на блинах у полярника Самойловича. Видел его племянника Женю (3 1/2 лет), который указывает на карте и Копенгаген, и Ленинград, и Новую Землю, и Северный полюс, и Камчатку, и Сахалин.

Жена Самойловича жалуется, что Отто Юльевич Шмидт всячески душит Рудольфа Лазаревича. Уже два года не пускает его за границу.

21/II. Вчера нагрянул на меня Цыпин. Очень сладко и любовно предложил мне выбросить из программы несколько моих книжек. «Нельзя. Нельзя. По настоянию Ц. К.». Он ожидал отпора с моей стороны. Но я сказал: сделайте одолжение. Оказалось, что выбрасывать нечего, но я с радостью пожертвовал книжкой «Коттауси и Мауси» и «Путаницей».

— Мы это делаем, — пояснил мне Цыпин, — для того, чтобы иметь возможность сократить Маршака. В Ц.К. не понравилось, что он захватил всю бумагу. Кроме того, по этому поводу группа писателей подала докладную записку. И вот мне дано поручение снять с плана 50 процентов книг Маршака.

Тут пришла Сафонова и принесла рисунки к Айболиту. Рисунки удались ей очень: в них много *литературной* выдумки, они не торчат в стороне от книги, а прочно спаяны с ней, придают книге много женского уюта и тепла. Но Цыпину главным образом понравился модный теперь реализм. «Вот что нам надо!» — закричал он (т. к. ЦК требует у него теперь реализма). От радости он сразу удвоил гонорар Сафоновой, дал вместо 50 рублей за каждый рисунок — 100 рублей, а рисунков там будет около сотни.

Потом пришел Алянский. Цыпин рассказал, что решено ликвидировать ленинградскую редакцию, и очень скоро: сюда назначается некий Светлев, редактор газеты в Иваново-Вознесенске, который прибудет сюда через несколько дней, он должен с течением времени устранить Маршака от редакционной работы.

1936

22/II. Видел вчера Маршака. Горький поручил ему создать новый журнал — для юношества, детей и родителей. Маршак мало способен к такой работе, так как он лишен каких бы то ни было идей и чего бы то ни было творческого. Но он взялся за нее ретиво, по своему старинному способу: собирает заседания, собрания, говорит с каждым на всех перекрестках и ловит чужие идеи. Шум вокруг этого страшный, и через месяц на съезде Комсомола он будет говорить: «Я и Горький», «Мы с Горьким».

С Цыпиным и Алянским был вчера в Петергофе у Конашевича. Его этюды (виды из окна) изумительны — особенно те, что на японской бумаге. И портреты. Но чудак Конашевич все это добро держит под спудом — черт знает где — в комод — и не выставляет.

Вчера меня вызвали в Гослитиздат. Оказывается, печатание моей книги отложено до марта!!! Выйдет она только в апреле!! Повторяется история с «Искусством перевода».

Сию над Репиным.

25/II. Великолепную вещь предложила мне редакция Детиздата. Собрать любовные песни, романсового типа — для подростков, чтобы отбить у них охоту от цыганской пошлятины. Я с радостью выбираю у Фета, у Полонского, у Анны Ахматовой, у Бориса Корнилова. У каждого лирика. Ничего нет у Мея, хотя я перелистал его из строки в строку.

22/III. Я в Петергофе. Работаю над Репиным — над своей статьей о нем, которая кажется мне и фальшивой, и плоской. Нужно как-то расцветить, усложнить, обогатить. 20-го выступал в Союзе Художников. Совершенный позор: собралось человек до двухсот — невежественных до последней степени и плохо рисующих. Считалось, что я буду [оторвано несколько строк. — Е. Ч.]... что зря я прервал свой отдых в Петергофе, зря так долго готовился к этой лекции (я даже гулять не ходил, обед подавали мне в комнату, и я даже во время обеда писал), что то слово «художник», которое до сих пор было полно для меня чарующего смысла, — теперь наполнено иным содержанием. Даже Бродский по своей духовной организации выше, сложнее, культурнее их. Даже Сварог перед ними —

Рембрандт. И в этом нынешнем походе на Лебедева, на Тырсу и проч. все дело вовсе не в линии ЦК, а в том, что вся основная масса середняков-художников, в сущности, бездарные мазилки —

Без божества, без вдохновенья.

10/IV. Третьего дня получил приглашение, подписанное Бубновым, явиться в Кремль для обсуждения предстоящих пушкинских торжеств. Это ударило меня как обухом: был занят Репиным, отделявал своего «Медведя», составлял «Лирику», редактировал 2-й том Некрасова — все это к спеху — и вдруг на тебе. Хотели мы ехать с Марией Борисовной, но т. к. 10-го IV предполагалось открытие Комсомольского X-го Съезда, оказалось, что номеров не достать ни в одной гостинице, и М. Б-на побоялась ехать. [Низ страницы отрезан. — *Е. Ч.*] ...Еду. Со мной академик Державин. «Севастьяныч». Он оказался обывателем густопсовым: сейчас же рассказал, что получает он «за разными вычетами» 500 р. в месяц академического гонорария, да столько-то имеет от своих лекций в университете, но автомобиль обходится ему очень дорого («300 р. в месяц на чай шоферам»), а вот эти ботинки я купил в Чехо-Словакии, шавровые — швейцарской фирмы, дал 12 р. золотом — огромные деньги! и, когда я возвращался из магазина с коробкой, все уважали меня, т. к. коробка свидетельствовала, что я покупаю обувь в самом дорогом магазине. (Почему же он не ходит всю жизнь с коробкой?) Хочет ехать в Болгарию, хлопочет об этом, но излагает свои намерения так: ненавижу болгарскую буржуазию, и ехать мне страшно не хочется, но... надо... ничего не поделаешь.

Академик Орлов насмешлив, кокетлив, говорит преувеличенно народным русским языком, как будто ставит слова в кавычки. Державин взял было меня под свое покровительство: «Садитесь в мою машину, но не забудьте дать 5 р. моему шоферу», но Орлов спас меня от этого покровительства и подвез меня к «Национали». В «Национали» оказался свободным № 132. Я не спал в вагоне ночь (Севастьяныч храпел 8 часов подряд на все лады, словно в магазине: богатый выбор всевозможных храпов: не угодно ли такой? или вот такой? — у него этих храпов огромный запас, он ни разу не повторился). Я пошел, даже не умываясь, в Детиздат. И там Цыпин мне сказал, что для меня готов билет на Съезд, т. к. предполагают, что я выступлю на Съезде, — вернулся я в номер, спал от 4 до 7 ч. Проснулся, поработал над корректурой «Робинзона» и — *заснул* опять. Лег в 11, встал в 5 часов. Небывалое счастье, неожиданное...

Цыпин вдруг сообщил мне, что для меня в 1-ой Мещанской готовится квартира в 5 комнат. Я не слишком поверил ему. Тогда он вызвал управделами Глебова и приказал ему дать мне письменное сообщение о квартире, которое я и послал М. Б.

С новым портфелем (который я купил в Мосторге) иду к Кремлю. Издали вижу Севастьяныча. В качестве чичероне Эфрос. Он тут бывал, все знает, хлопаем по лужам — и вот мы уже в длинном зале заседаний Совнаркома. Уютно и величественно. Портреты Ленина и других вождей... Буденный, Куйбышев... Пушкин. Целый ряд подлинных Пушкинских реликвий по стенам. Павел Тычина, Янка Купала, Мейерхольд... Ведомый своей престарелой дочерью, девяностолетний Карпинский. Москвичи группируются возле Розмирович. Ко мне подходит Демьян Бедный и говорит, что «Искусство перевода» замечательная книга. — «Бывают же книги — умнее авторов. Вы и сами не понимаете, какую умную книгу написали». Мы садимся. Мой край стола такой:

Вересаев — Мейерхольд — Толстой — Б. Бруевич

Ленингр.
официальный
представитель

я

Орлов

Демьян
Бубнов
Чубарь
Карпинский

Таким образом я оказался против Толстого, Мейерхольда и Демьяна. Демьян настроен игриво и задорно. — Зачем вы печатали стихи Некрасова «Муравьеву», когда они написаны не Некрасовым?

— А вы зачем печатали «Светочи», если они заведомо принадлежат не Некрасову?

Демьян смущен: «Я никогда не считал, что «Светочи» написаны Некрасовым (!?), я видел тут только литературоведческую проблему».

Ленинградцев ущемляют в отношении юбилея. Толстой острит:

— Нам остается одно: привести в порядок Черную Речку!

Тут говорит Межлаук, холеный, с холеным культурным голосом. Нападает на академическое издание: «Нужен Пушкин для масс, а у нас вся бумага уходит на комментарии».

Накоряков приводит какие-то цифры, которые я слушаю плохо, — потом выступает какой-то седой из аппарата Межлаука и разбивает Накорякова в прах. Накоряков стушевывается.

Ленинградцы с места во время доклада Розмирович о том, как устраивать чествование Пушкина в маленьких городах:

— Например, в Ленинграде... Город маленький и к Пушкину не имел никакого отношения.

Толстой в это время рассматривает «Евгения Онегина» и возмущается иллюстрациями Конашевича:

— Плохо... Без-гра-мотно. Говно! — говорит он вкусным, внушительным голосом. Бонч поддакивает. В сущности, *волнуется* один лишь Цявловский. Горячим, громким голосом, которого хватило бы на 10 таких зал, сообщает о всех мемориальных досках и местах увековечения Пушкина. Кипитится, кричит, лицо красное:

— *К нашему счастью*, этот старый флигель сохранился... *К нашему глубокому горю*, от этого мезонина и следа не осталось...

Аудитория не чувствовала ни горя, ни счастья. Ленинградцы довольно вяло отстаивали свои права на устройство пушкинских торжеств именно в Ленинграде.

— Убивали там! — крикнул Демьян и выступил со своим проектом Пантеона. Нужно перенести прах Пушкина в Москву и там вокруг него образовать Пантеон русских писателей. Неожиданно Мейерхольд (который до сих пор был ругаем Демьяном нещадно) начинает ему поддакивать:

— Да, да! Пантеон, Пантеон... Великолепная мысль Демьяна... Да... да... Непременно Пантеон.

Толстой: Пантеон надо делать в Казанском соборе.

Я вглядываюсь пристальнее. Лежнев... Стецкий... Горбунов (непременный член Академии Наук) — Щербаков. Толстой говорит о нем:

— Кролик, проглотивший удава. (Не знаю почему. Не потому ли, что лицо у него каменное. Толстой жалуется: не могу глядеть на него: парализует...)

Когда я уходил из Кремля, две контролерши, выдавшие нам билеты, вдруг зарделись и заговорили свежими неофициальными голосами.

— Ах, какие вы пишете сказки! Не только маленьким они нравятся, но и взрослым...

Сейчас в «Национали» живет какой-то монгольский министр. Я спросил у лакея, прислуживавшего ему за столом, дал ли ему министр на чай. Лакей ответил:

— Прилично реагировал!

Этот же лакей со злобой говорил мне, что гостиница «Москва», о которой столько кричали, уже разрушается, потолки обсыпаются, штукатурка падает и проч. (Все это оказалось ложью. Я в

тот же день был в «Москве» — гостиница весьма фундаментальная.) «Националь» — «конкурентка» «Москвы» и потому ругает ее на чем свет стоит:

— Руки надо отрезать тому, кто строил эту гостиницу, и голову тому, кто ее принял.

Ездил в Сокольники с Янкой Купалой. Тихий, скромный, приятно-бесцветный человек. Показывал мне письмо Валерия Брюсова, которое он получил в 1914 году, когда Брюсов был военным корреспондентом. «Ваши стихи подлинные», — писал ему Валерий Брюсов и тут же приложил 3 перевода его стихов, сделанных в один день. Янка Купала — очень рассеян. Принес мне это письмо и забыл у меня на столе. Пришел за ним и забыл книжку. Пришлось придти в третий раз за книжкой. Был он на вечере «Памяти Маяковского». В восторге от Яхонтова. Мы в Сокольниках познакомились с одной мамашей (с двумя детьми), которая вдруг сказала мне: «вы такой волнительный». На Съезде видел Корнейчука. Он рассказывает, что в Праге видел Малько, который сказал ему: «Я еще с вашим отцом был знаком — с Корнеем Чуковским».

16/IV. Сегодня утром на съезде ВЛКСМ слушал речь Косарева. К сожалению, он начал ее в 11 часов, а кончил в 11 ³/₄, так что все поздно встающие гости проспали ее. Цыпин, Корнейчук, Борис Пастернак, Александрович (белорусский поэт), Леонов пришли через пять минут после окончания речи.

Получил от М. Б. телеграмму: простудилась, больна.

Пишу доклад для Съезда. Волнуюсь.

22/IV. Вчера на съезде сидел в 6-м или 7 ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пошел к нему, взял его в передние ряды (рядом со мной было свободное место*). Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, — счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — все мы так и зашептали. «Часы, часы, он показал часы», — и потом, расходясь, ужеazole вешалок, вновь вспоминали об этих часах.

Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах, эта Демченко, заслоняет его!» (на минуту).

Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью...

На съезде все эти дни бывала Н. К. Крупская. Наши места оказались рядом. Мы разговаривали. Она пригласила меня к себе побеседовать. Очевидно, хочет загладить свою старую статью о моем «Крокодиле». А мне хочется выложить ей — все, что у меня накопилось по поводу преподавания словесности в школе. Бубнов и она воображают, что в этом деле виноваты какие-то «методы». Нет, в этом деле раньше всего виноваты они, Бубнов и милая Н. К. — виноваты тем, что у них-то у самих нет подлинной внутренней любви к поэзии, к искусству.

Идиотская канитель с Мещеряковым. Месяца 2 назад я написал ему письмо, по его же просьбе: он предложил мне вступить с ним в некрасоведческую переписку: написал ему письмо, а он не ответил. Теперь дня 2 назад он позвонил: простите, что не ответил. Просто не умею писать письма (?!), давайте теперь сговоримся, я уверен, что мы поладим. А поладить мы должны вот насчет чего: чтобы я дал свои тексты Некрасова и свои комментарии к Некрасову, то есть проредактировал бы самого Некрасова, а он даст свою вступительную статью (слабую), и это будет называться под редакцией *Н. Мещерякова и К. Чуковского*.

2. V. 36. Сегодня уезжаем «Стрелой» из Москвы. 1-ое мая очаровало меня и М. Б. Стиль этого праздника теперь изменился по сравнению с прошлыми годами. Стал *народным* гулянием, национальным торжеством. Перед «Националь» «Аллея изобилия» — веселая, беззаботная, молодая кутерьма. А площадь Свердлова: паром с куклами, кино для всех на улице, танцы, гармошки, подлинно счастливые лица — никогда я не думал, что доживу до такого неофициального, полнокровного праздника. Во всех предыдущих была хоть немного какая-то официальность, а здесь словно плотину прорвало — и какие милые лица — а дети, дети! Выступал сегодня в Консерватории, но плохо, без подъема — читал «Медведя и лису».

Июнь. Черт меня дернул поселиться в Сестрорецком курорте. Жарко раскаленная крыша моей комнаты, — невозможно не только заниматься, но и высидеть 5 минут. Дамочка размазанная («я ваша почитательница») говорит за столом:

— Вы, должно быть, ужасно любите детей. Сколько замечательного вы пишете о них.

Я из ненависти к ее фальшивым ужимкам говорю:

— Нет, я терпеть не могу детей. Мне на них и смотреть противно.

— Что вы! Что вы!

— Верно вам говорю.

— Почему же вы пишете о них?

— Из-за денег.

— Из-за денег?!

— Да.

И она *поверила* и рассказывает кому-то на пляже: «Чуковский ужасный циник».

Между тем дети здесь поразительные. Дети сторожа — украинца. Их у него с полдюжины... Или больше? Очень бедны, но ни под каким видом не принимают от нас никаких угощений: гордые. Я купил малины и сказал: кто вычистит эту малину для меня, получит в награду половину. Они малину мне вычистили, но от своей доли отказались. Даже крошечная девочка, если суешь ей пирожное, ни за что не хочет взять: «спасибо, не хочется». Все шестеро (или семеро? или восьмеро?) ютятся в сарайчике — без окон — но веселы, опрятны, полны украинской приветливостью и советского самоуважения. Ни тени сервизма.

С тех пор как я познакомился с этими детьми (есть еще дочь повара и милая, худая, начитанная дочь заведующего), для меня как-то затуманились все взрослые. Странно, что отдыхать я могу только в среде детей. Замечательно мы играем с собакой. Собака как будто сроднилась с детьми сторожа (его фамилия Головотяп или что-то в этом роде) — она входит в их семью. И вот целый день они с нею проделывают миллионы штук. Главная штука такая: берут крепкую дубину, дают ей ухватиться за нее зубами и тянут, тянут всей оравой (и я вместе с ними), а она рычит, симулирует ярость, и не отдает нам дубины ни под каким видом. Мы таскали ее (собаку) по песку, по траве — и в этом для всех детей — неиссякающая радость. — Только что узнал, что умер Горький. Ночь. Хожу по саду и плачу... и ни строки написать не могу.

Бросил работу... Начал было стихи — о докторе Айболите — и ни строчки. Как часто я не понимал Алексея Максимовича, сколько было в нем поэтического, мягкого — как человек он был выше всех своих писаний.

Август 3. Я у милого Квітки. С 28 июля. После московских неудач и тревог как радостно было очутиться в атмосфере любви — среди чистосердечных людей, относящихся к тебе с братским участием. В Киеве я был уже однажды — в 1908 году, но ничего не помню (только конфеты Балабухи, которыми я объелся до рво-

1936

ты и о которых до сих пор не могу думать без мути).
Вчера с Антоном Григорьевичем (председатель Спілки Радянських Письменників), с Квіткой и Иваненко мы были в ЦК у Ник. Ник. Попова, и он сказал нам, что дело с урожаем очень плохо, т. к. жара стоит на Украине небывалая, но земледелие за эти годы поднялось на такую колоссальную высоту, что голода не будет; все будут сыты. Между тем как лет пять назад такая засуха означала бы голод. Засуха, и правда, ужасная. Я ездил вчера на Ирпень и видел целые гектары погибшей картошки. Как чудесно она прополена, сколько труда уложили в нее — и бездождие сгубило ее всю. Днепр обмелел как никогда. Его берега, обычно столь зеленые, теперь голы и желты. Плачевно выглядит из-за жары пионерлагерь в Ирпене. Ни одной клумбы, ни одного кустика. На тех клумбах, которые были приготовлены для цветников, — жестянки и камушки разложены узорами. А надпись «Загін ім. В. І. Чапаева»¹, которую следовало бы сделать на земле из цветов, сделали при помощи мелкого толченого угля. Вчера была гроза, но кратковременная. Был у Коли. Он пишет всю. Татка, приехавшая третьего дня из Артека, хочет ввести в семью артековский режим и все спрашивает: «а кто будет делать со мною зарядку?»

4 августа 1936. В 11 часов заехала за мной Роза Петровна, заведующая киевским Охмладом — Охраной материнства и младенчества. Мы поехали в Боярки в лагерь. Здесь мне отвели две комнаты на даче служащих. Я только что приехал и заметил лишь одно: что в комнате много мух — я пишу это, а они кусают меня за руки. В столовую во время нашего обеда вошла коза.

— Живой уголок ходит по столовой, — сказала заведующая.

Ночь на 5-ое августа. Не могу заснуть в проклятых Боярках. Вышел в сад: настоящая опера. Огромная украинская луна, вдали тополя, несколько яблонь, усеянных яблоками, и... справа, слева, сзади, спереди хоровое пение!! Поют во все горло в 12 ¹/₂ часов ночи!

А рядом хибарка с говорливыми прачками! А мимо проходят поезда! — И этот угол отвели мне как *самый тихий*, повинуюсь распоряжению П. П. Постышева!

Квітко провожал меня сюда в авто, чтобы посмотреть, хорошо ли мне здесь. Спокойный, любящий, заботливый.

В живом уголке есть лисица. Ей принесли в пищу живого курчонка. И она его... *испугалась*.

¹ «Отряд им. В. И. Чапаева» (укр.).

Козы: Зинка и Марфа.

Сове дети принесли ветки сосновые.

Палатный лагерь им. тов. Якира.

В соседнем лагере меня узнали — и помчались за лошастью.
«Ура! Корней Чуковский!»

1 $\frac{1}{2}$ часа ночи — потушу огонь, авось засну. Собаки лают как нанятые. Луна стала маленькой, стоит высоко и светит вовсю.

7 августа. Ездил вчера в Ворзель — на открытие нового пионерского лагеря. Там же видел Комбинат Охматдета — для подкидышей. В голодное время в 1933 году подкидышей было множество. На Крещатике их дюжинами подбирала милиция. В январе было решено открыть для них нечто вроде приюта. Д-ру Городецкому поручили в двухмесячный срок оборудовать этот приют. Он взял 12 домов — и 26 марта туда привезли 500 детей — с большими животами, с кривыми ногами, с глистами во рту, с безбелковыми отеками. Многие тут же умирали. Казалось невероятным, что останется в живых хоть один. Многих привозили в кори, в коклюше, в дифтерите. «Хотелось бежать от них куда глаза глядят», — говорит Городецкий. А теперь... пухлые «буржуйские» дети, в нарядных платьях, в бантиках — не только на голове, но и на шее, с бусами — сидят в изящной гостиной и хором поют —

Много смелости в нас,
Каждый день, каждый час
Ловки мы и притом
Крепнем мы и растем.

Декламируют Квитку, стихи Ханы Левиной.

Каждому шьется индивидуальное платье, есть для этого специальная мастерская — и поэтому они меньше всего похожи на приютских детей.

У всех у них белые отложные воротники, как у принцев, а в комнате фикусы, цветы, картины, занавески. Имена у детей вымышленные: Лида Тургенева, Галя Онегина, Владимир Ленский.

Танцуют эти дети превосходно. Танец баб рязанских в сарафанах, в красных и синих платках. Танцуют вальс: томно скользят под музыку (на пианино) шестилетнего тапера Цитовича. Им не говорят, что это — приют для подкидышей. Они уверены, что живут в санатории: «приедет мама и возьмет меня домой». И мамы действительно являются. За $\frac{1}{2}$ года из «санатория» увели 30 детей: усыновили. Я видел нескольких мужчин и «жен ответственных работников», напр., Сапову, у которой есть мальчик, она хочет девочку, которые приехали из Киева выбирать себе «родных» детей из Комбината. Долго примериваются, вглядываются, возъ-

мут на руки то одного, то другого. Дети тоже примериваются, выбирают родителей. Если их хочет усыновить небогатый, они говорят: «не пойдем: не на машине приехал». К Жене Ветровой пришла плохо одетая мать. Женя спряталась: я хочу себе другую маму. Усыновление производится тайно. Когда привезут к себе домой приютского ребенка, говорят: у мужа был в молодости грех, это ребенок мужа. Или подстраивают так, как будто работница привезла из провинции племянницу. Выбирают не только здоровых и красивых — но непременно таких, которые похожи на приемных родителей. Больше всего везет ласковому ребенку. Пусть он будет даже некрасив. Аничка Костенко подошла к посетительнице и положила ей голову на колени. И прижалась к ней тельцем. Хотя она и слабенькая, и дурнушка, посетительница сказала: Вот это мой ребенок!

Обычно долго советуются с доктором, здоров ли ребенок, проверяют и почки, и печень, и сердце, и кровь. Приезжают из Польши, из Нежина, с польской границы. В домах Наркомздрава подкидыши могут жить до 9 лет — а потом их переводят в дома Наркомпроса.

Тут явился негр, Митя Октябрьёв, мальчик, сильно испорченный показыванием. Кто бы ни приехал, к нему сейчас же ведут Митю Октябрева. «А вот это наш негр». И даже рубашку расстегивают ему, чтобы показать, какая у него черная грудь. Он привык быть экспонатом, на нем шикарный американский костюмчик — он стилизует себя под «дитя африканской природы».

— Мои папа и мама в Теплом Краю!

10/VIII. Был в Киеве у Квитко. Квитко — седоватый, широкогрудый, ясный душою, нежный, спокойный и абсолютно здоровый человек. Занимает он 3 комнаты, в обстановке которых отразилась его художественная натура: каждый коврик, каждый лоскуток на столе, каждый гвоздь, вбитый в стенку, необыкновенно четки, целесообразны, лишены какой бы то ни было сумбурности, хламности, путаницы. Ясность душевная отражается на каждом карандаше, на расстановке стульев. Жена его (родом из Умани) Берта Самойловна так же поэтична, как и он, т. е. светла в отношениях к людям и к миру, молчалива, обладает безукоризненным вкусом. Дочь Етл — художница, с очень редким у женщин талантом: умением схватывать типичнейшее в человеке. Она редко рисует лица, а главным образом позы, походки, осанки. И фигуры без лиц у нее так характерны, словно у другого художника портреты. Поражает зрелость ее дарования. (Ей только 16 лет.) Отношения дочери, матери, отца — дружественные; все трое — нерасторжимый союз. Дочь сажает грузного отца себе на колени, мать зо-

вет его Лейбеле, говорят они между собою по-еврейски. Ко мне все трое проникательно-сердечны. Вчера я с двумя свертками ушел от них на вокзал. Он, не говоря ни слова, взял наиболее тяжелый сверток — и пошел провожать; посадил меня в вагон, как мать — ребенка. Для Марины вызывают они докторов, кормят меня, обстирывают, приспособляют весь свой режим к моему, даже не показывая этого. Вчера я ушел в «Правду» — в корпункт — Квитко сопровождал меня туда, потом он ушел, и через полчаса приехал за мной на машине:

— Едем!

— Куда?

— Смотреть Чарли Чаплина.

— Да я не хочу. Бог с ним.

Отпустили машину, и тогда оказалось, что Квитко уже видел Чарли Чаплина, что он хотел истратить 3 часа только ради меня.

Ночь на 11-ое. Не сплю. Читаю письма, которые переслала мне М. Б. Некто М. Павленко сообщает, что в 1931 году в Николаеве изданы воспоминания Н. Осиповича, где описан какой-то случай из моей жизни. Какой? Интересно разыскать.

Светик (оказалось, это не его):

Пришла курица в аптеку,
Закричала кукареку,
Дайте пудры и духов
Для приманки петухов.

13/VIII. Опять я у Квитко. Мне дали машину, я вырвался в Киев, очень скверно мне на моей даче — не сплю, кругом мешчанские семьи, до лагеря добираться далеко, и вместо подлинных впечатлений, которые мне нужны, я получаю какие-то обывательские сплетни.

Дождь. Нет возможности сбежать в лагерь, получить те мощные впечатления, которые всегда мне дает коллектив ребят: у меня нет ни обуви, ни пальто. Все же я убежал. Лужа на улице была такая, что пришлось класть доску. Я прошел в изолятор — к больным детям: двое маляриков, одна больна сердцем, одна ангина. Замечательна врачиха Рахиль. И ее помощница украинка (из крестьянок, студентка).

Я посидел с больными детьми больше часа, тихо рассказывал им сказки — и пошлость как-то отошла от меня...

Вчера еще до дождя я ходил бриться в «голярню» (деревенскую). Очередь. Пришлось долго ждать. Я ждал в саду — где несколько дубов. Три девочки — Нина, Лида и еще одна — играли в мяч.

Я стал играть с ними, показал им все игры, какие знал, и пропустил очередь в голярню. Старческий инфантилизм, но эти два часа я вспоминаю как самые счастливые в Киеве.

17/VIII. Вчера заснул в 9 часов вечера после обеда у Квітко.

Затонский принял меня в Наркомпросе — вечером. Он работает с утра до поздней ночи. Я долго сидел в его синем квадратном большом кабинете и слушал, как он говорит по телефону: «Усяка справа зв'язана з грішми... Сидіти без кошту... Не можна... Скандальна історія получится. Самий мінімум що потрібен... Ми зацікавлені...»¹

Я очень люблю Володимира Петровича — еще с Харькова. Его талантливая речь в 1933 году поразила меня звуком украинского языка, которого я до той поры никогда не слышал. Она очаровала меня своими богатыми ироничными интонациями, своим юмором, своим национальным колоритом. Тогда Володимир Петрович был шире в плечах и казался богатырем. Сейчас он «скоцюрбился» — но все так же обаятелен и прост.

Заговорили мы с ним о низком уровне школьников (в отношении литературы). Я рассказал ему, как ребята из палаточного лагеря (т. е. люди лет 17 — из 8, 9 и 10 класса) на мой вопрос, кто были Тютчев, отвечали: чемпион футбола; как этим подросткам читали «Графа Нулина», и они слушали его без волнения, как скучную вещь, и сейчас же стали после Нулина читать какую-то самодельщину и т. д.

Он сказал, что, к сожалению, это так, что в Харькове на испытаниях в ВУЗы сейчас по литературе провалилось 70% испытуемых, а в Киеве — 65%. «Знание литературы, — сказал В. П., — это вопрос общей культуры. Нужно раньше всего учить учителя — тут вам работа, писателям. Нас все еще удручает бескнижье. Если мы и напечатаем какую-нб. книгу тиражом в 20 000 экз., значит, не каждая школа может получить книжку; добрая половина книг не попадает в селянские школы».

Завтра Олимпиада, на которой будет присутствовать Постышев.

18/VIII. Вчера опять был на Водной Станции. Хмуро, холодно, ребят немного. Читал утром ребятам детских домов, приехавшим на Олимпиаду. Было человек 100. Все это круглые сироты, в

¹ «Всякое дело связано с деньгами... Сидеть без средств... Нельзя... Скандальная история получится. Самый минимум, который нужен... Мы заинтересованы...» (укр.).

большинстве беспризорники. Слушали жадно — и мне было приятно читать им, т. к. оказалось, что *ни- каких моих книг они не знают*. Это так отраднo. В Ленинграде и в Москве у меня была иллюзия, будто каждый ребенок так и рождается с полным знанием моих «Мойдодыров» — и читать мне с эстрады было нечего. А теперь я читал «Тараканище», и они были в восторге. Впрочем, все они поглощены предстоящими празднествами, где все они должны выступать.

Был я потом и на этих празднествах. Богатый и веселый карнавал, показывающий, как фантастически расцвела за эти три года Украина. Ничего детскодомского. Но есть и недостатки: первый в том, что искусством на этих олимпиадах считается только пение и танцы, иногда музыка, а литература, поэзия — никогда. Если же и выйдет какое дівча с декламацией — либо стихи дрянь, либо декламация — дрянь, либо и то, и другое. Хоть плачь! Больше всего в этой Олимпиаде понравился мне — «Сурок» Бетховена, исполненный какой-то тоненькой испуганной девочкой — феноменальное чувство изящества, прелестный поэтический голос, чудесные тональности, — жаль только, что она так сильно оробела вначале. Особых лавров она не стяжала. Гораздо больше хлопали татарским, итальянским и всяким другим «гопакам», которые были исполнены виртуозно, но все же близки к физкультуре. Второй недостаток Олимпиады в том, что подавляющее большинство исполнителей — девочки. Как будто искусство — специальность одних только девочек! Дело дошло до того, что даже мужские роли (в танцах) сплошь исполняют девочки (как бы компенсация за то, что в Средних веках мальчики исполняли роли женские).

Был вчера на авиационном празднестве, на военном аэродроме. Десятки тысяч веселых людей. Демократия с арбузами, грушами, дынями, детьми, женами (одна женщина даже с козой) — разлеглась на траве — счастливая своим авиационным могуществом.

Оттуда в Ирпень — к Коле. Изумительно живописные места. Дачи писателей на берегу реки. «Дом творчества», где живут Коля, Щупак, Микола Бажан, Павел Антокольский и П. Тычина. Живет и автор картины «Земля» даровитый Довженко. Встретили меня радушно — и сейчас же предложили экспедицию за яблоками. Я взял их в «свою» машину — и мы поехали в какой-то идиллический сад, где хозяйка предоставила нам грушевое дерево: только сбивайте сверху, наверху самые спелые. Бажан взял лестницу и стал потрясать верхушку дерева. Посыпались золотые груши — мы — подбирать (оберегая головы) — а хозяйка показала нам дочку (лет 14), которая «тоже хочет быть писательницей». «Тут с нами рядом писатель живет... вот забыла фамилию... он в большой дружбе с нею...»

— Какой же писатель?

— Забыла.

Оказалось, что Макаренко, автор «Педагогической поэмы»... Я так и сорвался: пойду к нему.

— Это тут рядом.

Пошел. Небольшая дачка в большом лесу, белая, уютная, дряхлая. Первый, кого я увидал, был атлет, красавец, лет двадцати, с веселой «аристократической» улыбкой — приветливый, в руке ракетка от лаун-тенниса — почти невероятный: такое здоровье, такая гармоничность, такая душевная ясность.

С ним рыжий, тоже отлично сложенный, но рядом с тем, первым, кажущийся плюгавым: талантливые волосы (стиля соломы) и милая улыбка — «аристократа» (как изображают ее в английских романах).

А потом вышел и он: лет 50, походка четкая, рукопожатие военное. Никаких лишних движений, ни одной развинченной гайки, лицо волевое, спокойное. Дисциплина и в то же время задушевность, юмор. «Пишу книгу о воспитании. Так и будет называться: “Книга о воспитании”». Ведь сейчас такая книга ужасно нужна. Приходит ко мне на днях один родитель: что делать, как мне воспитывать моего сына? Он мальчик неплохой, но...

— Но?

— Но вошел с наганом [в] магазин, закричал “руки вверх” и ограбил кассу.

— А вы, я слышал, с Наркомпросом все ратоборствуете... Дело доброе, ваши книги страшно популярны среди наших пацанов (я ведь пацанов люблю) — в поезде везде декламируют. Вот сейчас жена руководит приютом для девочек-проституток — 400 человек — подите поглядите. Да вы даже дзержинцев не видали?! Вот вам два дзержинца — и он, к изумлению моему, показал на двух дэнди, с которыми я познакомился только что.

— Вот этот рыжий — великим будет артистом. Вы в очереди будете стоять за билетом».

Тут подъехала «моя» машина. В нашей компании была жена Довженко, Солнцева, которая страстно заинтересовалась этим рыжим — с точки зрения кино. У него фотогеничная наружность.

Угощали меня Макаренки пшонкой¹ — пшеничкой — маисом — кукурузой. С солью. С маслом.

Коля здоров. Сдружился с Бажаном и Антокольским. Чувствует себя превосходно. Написал чертову гибель. Марину все любят кругом, даже шофер говорит: «Какая она красивая, простая, не гордая». Татка (с проволокой на зубах) — собрала всех детей с Ир-

¹ Кукурузный пшеничный пшеничный (укр.).

пеньских дач и организовала их в трудовую колонию: что-то шьют вместе. О чем-то она среди них ораторствует. [Несколько листов вырваны. — *Е. Ч.*]

— Где живет Чуковский? — В Ленинграде. — А Маршак? — В Ленинграде. — А тетя Барто? — В Москве.

Писатели дяди
Живут в Ленинграде,
А тети, а тети в Москве.

22/VIII. Пушкин был сослан в Белоруссию (Бессарабию).

— Что было раньше: Цусимский бой или пребывание Иоанна Грозного в Париже, когда он держал на руках маленького Людовика XIV?

— Цусимский бой.

Этот разговор с харьковскими пионервожатыми рассказал мне Макаренко. Вчера он привел меня в гостиницу, т. к. мне сделалось худо в Союзе Писателей.

Была у меня группа школьников 9—10 класса (т. к. я болен, она пришла ко мне на дом, ее привела Раиса из «Дитячої книги»).

— Некрасов родился в 1847 году. — Значит посасывая грудь матери, написал «Еду ли ночью...».

Польское восстание знал лишь один.

Пожары 1862 г. не знал ни один.

— Чернышевского сослали в 1868 году.

— Тютчев — чемпион футбола.

У Лермонтова была дуэль с сыном голландского посланника.

И всюду читают: сидят босиком на крылечках, на баштанах, на пчельниках.

2 сентября. Был вчера по случаю Мюда* на трибуне с отличниками. Погода пестрая: то дождь, то солнце, но больше дождя и холодного ветра. Я стоял прямо против трибун, где находилось правительство: Постышев, Косиор, Затонский, Балицкий и проч. Со мной были дети в украинских национальных костюмах. Они были поражены, какой печальный вид у Постышева! В черной кепке, в черном пальто, задумчивый и грустный, он стоял и думал какую-то невеселую думу. Иногда даже не глядел на процессию. Косиор махал кепкой, кричал ура, отвечал на приветствия, а Постышев, обычно столь оживленный, не принимал ни в чем никакого участия.

— Бедный, — говорили дети. — Должно быть, у него горло болит. Как бы он еще сильнее не простудился!

Набралось народу больше 1000 человек. Пришли и дети. Их не пустили.

4/IX. Сегодня приезжает М. Б. Хочется в Крым. Здесь дожди. Бюро Обдурявания Письменников¹.

7/IX. Одесса. Вчера приехали. Не был я здесь с 1908 года. Перед этим был в 1905 г. Видел восстание «Потемкина». А перед этим здесь прошло все мое детство, вся моя молодость. А теперь я приехал сюда стариком и вспоминаю, вспоминаю... Вот биржа — в мавританском стиле. Здесь в 1903 г. в январе я стоял с томиком Чехова (издания «Нивы») и не мог донести до дому — раскрыл книгу на улице — стал читать, и на нее падал снег. Вот маяк — где мы геройствовали с Житковым. Вот одесская 2-я прогимназия, где я учился. В эту прогимназию я побегал раньше всего. Здесь теперь типография им. Ленина; у дверей копошится какой-то старик. «Я — Чуковский, писатель, здесь у вас, в типографии, печатаются мои книги, я хотел бы взглянуть на тот дворик, где я был 45 лет назад, — я здесь учился... Здесь была школа...

— Нельзя.

— Почему?

— Говорят вам, нельзя. Сегодня выходной... Я здесь хозяин».

Так и не пустил. Его фамилия Гутков.

Был на Ново-Рыбной, там, где прошло мое раннее детство. Дом номер шесть. Столбики еще целы — каменные у ворот. Я стоял у столбиков, и они были выше меня, а теперь... И даже калитка та самая, которую открывал Савелий. И двор. Даже голубятня осталась. И замечательные нищенские норы, обвитые виноградной листвой... И дети играют в саду — как я с Марусей. Собственно, не садик, а так около дому расплодился стеной виноград и создал беседку. Здесь мы с Марусей играли в путешественников, — Азия, Африка, Европа, — здесь были биндюжники — и Оля Голикова, и мамзель Рикке, напознано прошлое и не хочет уйти. Тут через 2 дома Мария Б. Гольдфельд жила в «великолепном» доме Тарнопольского, доме, который оказался чрезвычайно невзрачным. Мы здесь бушевали когда-то любовью — мы, два старичка, производящие какое-то дикое впечатление на прохожих. Новая жизнь: где был памятник Екатерине — стал памятник Карлу Марксу. Где была синагога — там клуб. Где была под-

¹ Бюро одурячивания писателей (укр.).

лая пятая гимназия — там институт. Где был Михайловский монастырь, там дом НКВД. Где были дезорганизованные, полуголодные дети, там превосходные ученики — круглолицые весельчаки — и сколько их — я посетил 39 школу (*Ул. Чичерина, 20*) — и был очарован и видом воспитанников, и их знаниями — и чистотой тетрадок. Познакомился с Богуславской Екатериной Трофимовной, которая с 1886 года занимается преподавательской работой. Все было хорошо, но потом я пошел в 8-ой класс, где преподает Софья Яковлевна Гаско. Спрашиваю детей: что такое ямб, что такое хорей — никто не знает, амфибрахий — не слышали; про Пушкина:

— Родился в 1836 году.

— После Павла царствовала Екатерина.

— Некрасов и Гоголь жили в разное время и встретиться не могли...

— Кто слышал о Тютчеве? — Никто...

М. Б. слышала в Одессе:

— «Это не муж, а сказка! Тысяча и одна ночь. Он мне так и сказал:

— Люблю пухленьких...»

Был в нескольких школах. В одной (украинской) учитель сравнивал Крылова и Глібова и утверждал, что у Глібова «больше лиризма».

Когда урок кончился, я спросил:

— А что такое лиризм?

Никто не знал.

Видели мы дворец Воронцова. Ворота: на воротах английские львы. Дворец — строгий классический стиль. Словно, строя этот великолепный дворец, Воронцов думал о советских детях, старался, чтобы все было лучше, чтобы прапраправнуки его холопей получили наивысший комфорт — и благороднейший стиль.

Дворец Воронцова был построен в начале 20-х годов. Теперь архитектор Отран реставрирует его.

Из окон виден мол, где был матрос Матюшенко.

Во дворце Воронцова в последнее время перед революцией была продажа вин — и был ресторан.

У нас в наше время такого дворца не было.

Как жаль, что в Одессе я не посетил Канатного переулка, где прошла моя мутная и раздребезженная молодость. Дом Баршмана! Я заплакал бы, если бы увидел его. Там через дорогу жили Полищук, Роза, Бетя. К ним моя влюбленность, к ним и ко всем приходившим к ним. А внизу конфетная фабрика. В окно можно было видеть, как работницы грязными руками по 12 часов обворачивали карамельки. Там я прочел Бокля, Дарвина, Маркса,

Михайловского, там я писал первые стихи, там вообще наметился пунктиром я нынешний. Стихи я читал (Пушкина, Некрасова) со слезами — и думал, думал, выдумал свою философию — самоцели или самодавления — и писал об этой философии целые тетради. Если бы жизнь моя не сложилась так трудно (многодетность, безденежье, необходимость писать из-за хлеба), я непременно стал бы философом. Помню жаркое ощущение, что я один знаю истину о мире — что я должен открыть эту истину людям, погрязшим в заблуждениях, — и сознание своего бессилия из-за необразованности, незнания физики, психологии, вообще слабый научный багаж — о! как тяжело было мне фельетонничать! В доме Баршмана я узнал все, что знаю сейчас, — даже больше. Там я учился английскому языку. (Сажу на мосту «Аджаристана». Выходим из Севастополя. Чайки над нами — пролетят немного против ветра, а потом расплываются в воздухе, и их несет назад — и, очевидно, это им очень приятно. И начинаются неотступные мысли о Муре — при виде крымских гор — их очертания.)

Какие у чаек умные черные глаза, как они ежеминутно поворачивают голову. Верткая голова: вправо, влево. И вкось. Друг за дружкой следят.

15.IX.1936. Алушка. На могиле у Мурочки.

Заржавела и стерлась надпись, сделанная на табличке Просовецкой:

МУРОЧКА ЧУКОВСКАЯ

24/II 1920 — 10/XI 1931

А я все еще притворяюсь, что жив. Все те же колючки окружают страдальцу. Те же две дурацкие трубы — и обглоданные козами деревья.

Погода великолепная. Алушкинский парк еще лучше, чем прежде. На кладбище — ни одного человека. Кругом чрезвычайно веселые люди, у каждого на лице праздник, все бессознательно — сами не замечая — восхищаются этой радостной зеленью, этим небом, этими цветами.

Я все не могу взяться за повесть. Жизнь моя дика и суетлива. Очень хочется писать воспоминания — для детей. Пробую. Ничего не выходит... Благосостояние мое за эти пять лет увеличилось вчетверо.

Мой портрет рисует Татьяна Николаевна Жирмунская. Она — племянница Петра Струве, т. к. ее мать и жена Струве — сестры (Герд).

24. Был на могиле. Неподалеку увидел 4-х мужчин, спящих богатырски на солнце. Пятый вскоре пришел — он ходил в Центроспирт за водкой. Не достал: заперто. Вскоре все встали и, увидев меня, с преувеличенной ретивостью взялись за работу.

Железные трубы из Мурочкиной могилы выдернуты. Колючая проволока (наконец-то) прочь.

Страшно не хочется уезжать из Гаспры. Здесь я очнулся — и стал здоровее. Погода святая — мне кажется, что никогда в жизни я не видел такой луны, такого моря, такого неба.

27/IX. Алупка. Русская средняя школа. В 1935 г. — 550 учеников, в 1936 — 709. Наплыв с Украины. Отсутствие стабильности. Классы переполнены.

Библиотека позорная. Джека Лондона нет! Нет Бальзака! Ни в Алупкинской библиотеке, ни в школьной нет «Что делать?» Чернышевского. Герцен отсутствует. Диккенс только «Пиквикский клуб».

Вчера (26/IX) Боровков и его рабочие со славой закончили Мурочкину могилу.

29.IX. На пароходе «Крым». Отъезжаем от Ялты в Сочи. Потрясающе провожали меня дети. Двое детей академика Семенова — Юра и Мила, а также Тата Харитон и дочь уборщицы Любы Кубышкиной — Тамара. Тата даже всплакнула за ужином. Каждый хотел непременно нести за мною какой-нибудь предмет: один нес за мною зонтик, другой шляпу, третий портфель. Тот, кому не досталось ничего, горько заплакал. Я сел в «pick up»¹. Они убежали, и вдруг гляжу: несут мой самый большой чемодан — которого и мне не поднять — *все вчетвером* — милые! И как махали платками.

3/X. Мы в Сочи. Вчера купался и 2 1/2 часа провел в моторной лодке в Черном море. Приютился в санатории «Правды».

Вечер. Уезжаем. Очень много встретили добрых людей.

4-ое X. В Кисловодске. Холод. Туман. Отдохнул днем. Люди очень скучные, серые. Но есть братья Веснины с молодой женой, Лукницкий, беременный Николай Николаевич, Б. С. Ромашов с супругой.

Жена Дятлова, Надежда Осиповна, рассказывает мне. В теплушке в 1918 г. красногвардеец к одной женщине:

¹ пикап (англ.).

— Блины печь умеешь?

— Нет.

К другой. То же самое.

— А ты?

Она: умею.

И этим спаслась. Тех выкинули с поезда на ходу.

Нам барынь не нужно.

6/XI. Видел в Нальчике будущий «Дом Пионера». Очень понравились барельефы художника Михаила Лезвиева, который, говорят, из цыган.

[Вклейка: «Программа художественной части праздника народов в день 15-летия Кабардино-Балкарской Автономной области. Нальчик». На обороте первой страницы карандашом черновик стихотворения. — *Е. Ч.*]:

Я старый сказочник, я Мойдодыр седой,
Я в сказку смолоду влюбился.
И сказочных людей я вывел чередой,
И вот 15 лет промчались чередой,
Но солнце увидав над горной Кабардой,
И сам я в сказке очутился...

12/XI. Завтра уезжаю из Кисловодска. Ничего у меня не выходит с повестью. Из-за лени. Каждый день — ввиду изумительной погоды — тянет в горы. Третьего дня был на Бургуслане — виден Кавказский хребет, виден весь Эльбрус, валялся на траве, кузнечики.

26/XI. Приехал в Ленинград. Вчера слушал в Москве по радио речь Сталина. Это речь на века*.

28/XI. Вчера был в двух новых школах. Одна рядом с нами тут же на Манежном. Пошел в 3-й класс. Ужас. Ребята ничего не знают — тетрадки у них изодранные, безграмотность страшная. А учительница ясно говорит: *тристо*. И ставит отметки за дисциплину, хотя слово дисциплина пишется школьниками так:

дистеплина
десцуплина

и проч. Дети ей ненавистны, она глядит на них как на каторжников. А в другой школе, на Кирочной (вместо церкви), — я попал на Пушкинский вечер. Некий человек из Русского музея организовал в школе «выставочку» и отбарабанил о мистике Ал. Бенуа и о реализме Тырсы — школьники слушали с тоской. На стене висели

неузнаваемо плохие фотографии с рисунков Бенуа, Врубеля — повешенные слишком высоко: ничего не разобрать.

1936

Потом вышел учитель Скрябин — и заявил, что Пушкин был революционер и что он подготовил... Сталинскую Конституцию, так как был реалист и написал стихотворение... «Вишня». Все наркомпросовские пошлости о Пушкине собраны в один пучок. Ребята не слушали, вертелись, перешептывались, а когда педагог кончил, закричали *бис!*

В царской России в 1914 г. в высших учебных заведениях обучалось 124.000 студентов. В 1935 в советских вузах обучалось 522.000.

В общеобразовательной школе обучалось в 1914 году 7.800.000 человек. В Советском Союзе сейчас обучается 26 миллионов школьников.

1 апреля 1937 г. Сегодня мне 55 лет. Ишиас. Что-то плохое с желудком. Загруженность работой небывалая. Всю зиму хворал и бессонничал. Но настроение ясное, праздничное. Думаю о Мурочке, о маме, о М. Б. ... Повесть моя застряла. Не могу писать ее из-за того, что надо писать о Некрасове. А не пишу о Некрасове оттого, что надо писать повесть. На столе корректура Некрасова, которую не хочется держать. Поздравляли меня главным образом мои секретари — настоящие и прошлые и будущие: Андрей Потехин, Ада, Максимович, Просовецкая, Памбэ, Анна Георгиевна. Был Алянский, подарил мне портрет Некрасова — с надписью Горбунову. Люша поздравила от своего лица и от лица куклы Гали. От Бобы телеграмма. Пыпин по телефону.

27/IV. Еду в Одессу. Хочу нахватать впечатлений для повести. Едет Гернет. С нами — доктор-одессит, хирург. Гернет говорит о литераторах. Я между прочим упомянул, как богато и беспокойно жил Горький — в последнее время, какой пошлостью окружал его Крючков.

— Богато?! — встрепнулся одессит. — Вообще сколько зарабатывал он в месяц? А *широкие массы* так и не знали, что он был богат...

29/IV. Сейчас ночью в номере Красной гостиницы у меня украли золотые часы. Я ушел на полчаса в ресторан и оставил часы и золотую браслетку на ночном столике. Вор, заметив, что меня нет в комнате, вошел туда — и унес *только* часы.

6/V. Завтра уезжаю из Одессы, почти ничего не сделав. Улетаю в самолете. Страшно соскучился по М., по дому. Какой удивительно благородной и плодотворной кажется мне наша жизнь в Ленинграде по сравнению с этим моим дурацким мотанием здесь в этом омерзительном городе! Как он мне гадок, я понял лишь те-

перь, когда могу уехать из него. Хороши только дети. Но... что с ними делают.

1937

23/V. Ночью мне снился полюс. Я проснулся и выглянул в окно. Даже удивился, что кругом нет льдин и снега. Беру газету: *полюс наш!*

Сегодня приехал в Петергоф. Мне была обещана 9-я комната. Иду туда, там Тынянов. Обнялись, поцеловались. Долго сидели на террасе. Очень поправился, загорел. «Ничего не пишу, даже не читаю». Но комната полна книг. «Вот — Парни. Знаете, хороший писатель. Главное — умный. Читаю Некрасова на б. И лучше его понимаю:

Вот парадный подъезд.

Гениально. Его «Современники» знаете с кем перекликаются? С Маяковским!»

О Слонимском: «Ничего из него не выйдет. Даже родственники любого писателя пишут лучше».

Я дал ему «Русские поэты, современники Пушкина».

«Давайте смотреть, кто из всех пушкинских современников больше всего боялся смерти».

24/V. Тынянов говорит: «Слава? Разве я ее ощущаю? Вот в Ярославле на днях к моему брату, почтенному человеку, пришел один врач и сказал, что он гордится знакомством с *братом Тынянова*, — это единственный случай, когда я ощутил свою славу».

Завоевание полюса радует его как *историческое* событие. Не так давно он сказал: «Я Сталина люблю как *историк*. Он всегда глядит на нашу эпоху как на далекое прошлое из глубины XXV века. Это и хорошо и — скверно. Хорошо, потому что он вполне понимает величие нашей эпохи; плохо — потому что он сам в этом величии не участвует».

О Качалове: «Качалов — это Мочалов, укороченный Мхатом».

Вспоминаю, как я был у Тынянова в Сестрорецке 4 VII в прошлом году. Он лечился тогда внутривенным и внутримускульным вливанием и сидел сгорбленный, похуделый.

Заговорили о надстройке в писательском доме. Он уже не в первый раз острит:

«Строил Фроман, человек маленького роста. Поэтому все окошечки устроены крошечные, потолки низкие, все построено применительно к Фроману».

В конце концов Тынянов уехал. За обедом ему дали скверный суп. Он попросил дать ему взамен тарелку щей. Дали. Но во щях

не было яйца. Он попросил дать яйцо. Ему ответили: «А где же мы возьмем?» — Это в санатории, где десятки кур. «Нет! — сказал Тынянов. — Надо уезжать». Ночью ему стало худо, ни сестры, ни сиделки. И дом заперт. Словом, 29-го за ним приехала машина, и мы уехали. Много говорил о своих планах для будущей книги о Пушкине. «Кто такой был Энгельгардт в лице, и черт возьми! — лицей не так плох! Из него вышли Матюшкин, замечательный моряк, Дельвиг, Горчаков, Кюхельбекер. Неплохое учебное заведение! и знаете: когда Пушкин умирал, вернее перед самой дуэлью, он хотел видеть только лицеистов, Данзаса, Яковлева. Ух, я изображаю *смерть* Пушкина!.. И... мне ужасно хочется писать об эпохе перед революцией (1909—1916), вот можно сделать романище!»

Здесь отдыхает Иван Христофорович Озеров — профессор, финансист, бывший биржевик и делец. Тынянов присосался к нему, слушает его страстно и делает записи... Все же он очень слаб, прогулка по саду с палочкой его утомляет...

...Приехал в СССР (судя по газетам) Куприн. Я мог бы испить 10 тетрадей о нем. Я помню его в Одессе в 1903 году, помню в 1905 (как он прятался в Потемкинские дни на Большом Фонтане), помню молодого, широкоплечего, с умнейшим, обаятельным лицом алкоголика, помню его вместе с Уточкинским (влюбленный в Кнута Гамсуна, взбирается на стол в «Капернаууме» и декламирует), помню, как он только что женился на Марии Карловне, как в Одессе он играл в мяч — отлично, атлетически, — я заснул у Яблочкина на стульях, он — ко мне с ножницами и вырезал у меня на голове букву А («в честь государыни императрицы», было ее тезоименитство) — вижу его с Леонидом Андреевым, с Горьким... Последний раз я видел его у себя на квартире. Он пришел ко мне вместе с Горьким и Блоком. Ему было 48 лет, и он казался мне безнадёжно старым — а сейчас ему 68, говорят: он рамоли.

...Был в пионерлагере. Поздно. 11 часов. Пионеры еще не спят. Нет дисциплины. Не хватает пионервожатых. На втором этаже 5-го павильона открывается окно в белую ночь.

— Дяденька... вы написали «Телефон»?

— Я.

— Дяденька... Скажите, что мы все плачем. Нам так жалко...

— Кого?

— Цыгана.

— Какого цыгана?

— Собаку. Скажите, чтоб не убивали его... Мы его так любим...

Мы все плачем.

Только вчера приехали и уже до слез полюбили собаку. Цыган играл с мальчиками... те срывали друг с друга фуражки и бросали

ему, а он бегал за фуражками и разворотил клумбу. Сторож в шутку сказал: его надо пристрелить. Они поверили и плачут.

1937

4/VI. Третий день дождь. Бедные пионеры. Нет вожатых. Смольный не прислал. Бегают какие-то охрипшие... лают, свистят...

15/VI. В лагере вчера девочка Нина была уличена в прелюбодеянии. Я видел ее: смазливая, тупая, упрямая, лживая.

Третьего дня жактовские дети по моему совету — даже не совету, а мимоходному замечанию — организовали библиотеку. Я устроил их «бега» и победителям дал призы — книжки. Теперь они пожертвовали в библиотеку все эти призы + те книжки, которые у них имеются.

Феня (парикмахерша) про свою дочь Лизу: «Такая, извините, стерва. Выматывает у меня всю душу. Бьешь, бьешь, даже устанешь. Поставила ее на колени. “Стой два часа”. Она стоит на коленях и ни за что не скажет: “мамочка, прости меня!” Только глядит на часы. Так, подлая, два часа и простояла».

— Феня, ведь в Конституции сказано, что мать не имеет права истязать ребенка.

— А мне плевать на Конституцию.

13 июля. А Громов летит, летит, летит. Я всю ночь не спал, принимал люминал, жизнь моя мелка и бессмысленна, но целую ночь я видел АНТ-25 — над тундрами, над льдами, среди туманов — в бешеном безостановочном вихре полета. Я Громова знаю немного. Лет 6 назад я летел над Москвой в АНТ-14, которым он управлял. Он высокий, спокойный, фигурой похож на Шалапина: простодушие и надменность. И сейчас неотвязно лечу вместе с ним — здесь, в петергофской своей конуре.

Даю детям 100 р. на библиотеку. Сегодня ездили в город Нюра и Костя Нестеровы. Это дети рабочих — бедные — но как они изящны, с каким достоинством, как деликатны. Нюра высоченная, голубоглазая, в стиле английской мисс. Я был сегодня у них. Занимают они мезонин, гнусный, с провалившимся балконом, крошечный — но все обставлено изящно, чисто, табуретки крашены эмалевой краской, как в Швеции. Не было фотографа, чтобы сфотографировать ребят, как они бежали гурьбой навстречу Косте, который привез из города грудку книг.

[Наклеена газетная вырезка из «Пушкинской правды»]:

ДРУГОЙ УПРАВДОМ
САМ ОРГАНИЗОВАЛ БЫ БИБЛИОТЕКУ,
А ЭТОТ И ШКАФА НЕ ДАЕТ
(22/VIII 37 «Пушкинская правда»)

В нашем жакте очень много ребят, и мы сами организовали у себя детскую библиотеку, чтобы всем можно было читать.

Нам в этом помог писатель Корней Иванович Чуковский, отдыхающий в санатории, по соседству с нами.

У нас уже собралось больше трехсот книг, и все ребята с нетерпением ждут открытия библиотеки.

Но вот беда — негде хранить книги. Мы пошли к управдому и попросили, чтобы он нам дал немного денег на библиотеку, а он только махнул рукой. Потом мы у него уж не просили ни денег, ни книг, а только небольшой шкаф. А он нам и этого не дал. Напечатайте, пожалуйста, наше письмо. Может быть, управдому станет стыдно.

А.Нестерова. М.Шмакова

Ленинградская область, станция Петергоф, Садовая, 22/7, жакт № 173.

Руководство библиотекой я поручил Мане Шмаковой, школьнице 7-го класса — у которой тяжелое прошлое: уличена в краже белья; похитила у соседей 200 р. Я смело возложил на нее звание зава, т. к. работу по регистрации книг она произвела великолепно, составила каталог, установила штрафы, организовала читателей. Были возражения, но Маня оказалась чудесной работницей. Может быть, она была рада, что ей дана возможность более правильной жизни.

1/VIII. Болят глаза от корректуры. События, события! 28-го сразу: исчезновение Татки. Лида потеряла портфель, вчера Татка, ехавшая из Артека, потерялась в дороге (то есть попросту застряла в Москве). Коля ездил ее разыскивать — но они разминулись. Теперь Татка процветает в Сестрорецке, М. Б. подарила ей швейную машину.

Пропавший портфель — не нашелся. Лида забыла его у остановки автобуса в Сестрорецке, просто положила на тумбочку и уехала. А там — книги из Академии Наук и все черновые материалы для ее будущей исторической повести. Она напечатала объявление в газете и дала мой адрес — и я сделался жертвой смешного шантажа. Явился жулик, сообщил, что он агент Угрозыска, что он знает того человека, который завладел Лидиным портфелем, что это — уголовный субъект, что нужно его изловить, позвал Колю и

меня с собою, мы пошли на Бассейную угол Греческой, он велел нам позвонить в какой-то звонок (чтобы вызвать милиционера) и небрежно сказал: «дайте мне 100 р., я войду в этот дом (кв. № 18) и якобы дам ему награду». Ста рублей у меня не случилось, и я дал мошеннику 50 (отлично понимая в ту минуту, что он мошенник) и, когда он ушел через сквозной двор, даже не попытался войти в кв. № 18, а сейчас же кинулся с Колей назад, т. к. мне пришло в голову, что, пользуясь нашим отсутствием, он ограбит М. Б-ну.

16/VIII. Был в Сестрорецке, виделся с Зощенко. Говорил с ним часа два и убедился, что он великий человек — но сумасшедший. Его помешательство — самолечение.

29/VIII. Пишу это в международном вагоне «Стрелы». Едем с М. Б. в Москву и оттуда в Кисловодск. Наконец-то вырвались! Еще дня 4 назад это казалось недостижимым: у М. Б. и у меня был грипп. И вдруг в один и тот же день и час у меня 36.6 и у нее 36.6.

Вообще этот август будет памятен. Мне приснился очень яркий сон: будто Боб утонул в Москанале, и я проснулся в слезах. Я послал Бобе телеграмму, и, не получив ответа, был уверен, что с ним беда. Главное, он даже не сообщал о получении путевки, которую мы достали ему в Коктебель. Но вчера наконец откликнулся: «Кланяюсь и благодарю».

Лидина трагедия*. Хотя я с ней не согласен ни в одном пункте, хотя я считаю, что она даже в интересах советских детей, в интересах детской книги должна бы делать не то, что она делает (т. е. должна бы писать, а не редактировать), все же я люблю ее благородством, ее энергией, ее прямоотой. Она фанатичка маршакизма, и хотя маршакизм — бесплоден, но ее преданность заветам учителя — вызывает во мне уважение.

30 августа. Мы приехали в Москву в 10.30. Машины, обещанной Лежневым, нет. В Москве не хватает горючего — весь бензин на полевых работах. Колоссальна механизация земледелия в Московской области! Мы стояли бы на площади с чемоданами до скончания века, если бы не нашелся какой-то шофер-жулик, который вместе с другими жуликами составляет целое Бюро по спасению пассажиров. Приехали в Детиздат. Есть номер в «Метрополе», забронирован. Мы туда, № 490. Я пошел из «Метрополя» в Детиздат. Там паника, ничегонеделание, ожидание результатов ревизии ЦК. Видел Оболенскую: откровенно трепещет и за себя, и за Цыпина. Ревизия, производимая Бабушкиной, не-

благоприятна для Цыпина. Бабушкина, говоря со мною в Ленинграде, указывала мне, что «Круг знаний» есть книга жульническая, что статейки все понатасканы отсюда-оттуда — из «Известий», из «Года 17-го», из «Пионерской правды» — и заплачено за них Цыпиным 50 тысяч авторских гонораров, а еще 50 тысяч за такие статейки, которые ни к черту не годятся! 48 тысяч он заплатил за оформление книги, не считая гонорара художникам, платы за клише и т. д. У Бабушкиной одна установка: погубить Цыпина. По крайней мере мне так показалось в Ленинграде. Цыпина я не видел, но говорил с ним по телефону. Говорил о своем «Крокодиле», который вышел наконец после 10-летнего перерыва. Я просто не поверил глазам, когда вчера мне в Детиздате показали зеленую книжку, очень изящно и просто оформленную. Тираж 100 300. Цена 2 рубля — то есть почти даром. И вот на стр. 35-ой:

Звери Ванюшку(!) так ласково любят.

Вале(!) и Ляле читает Жюль Верна*.

Черт знает что! Сволочи-неряхи. В моей «От 2-х до 5-ти» — около 25 ошибок, здесь такие чудовищные — чем это объясняется? Из Детиздата — в «Детскую книгу» (журнал), бурное объяснение с Белаховой, оттуда к Лежневу, у Лежнева вдруг услышал, что тут же, двумя этажами выше живет А. Макаренко. Созвонились: «Приходите, водка есть, пироги». Побежал наверх. В нем то же сочетание суровости с нежностью. Полон дом людей. Широколицая мордовка с мужем (очень приветливые), какой-то химик, написавший книгу об Америке (еще ненапечатанную), сын Макаренко, красивый чудесного сложения юноша (сын его жены), все это как-то необычайно дружно, спаянно, гостеприимно. Пироги, борщ и такие виды из окна, что хочется кричать... Из кухни (!) вид на Москва-реку, на Кремль, чудесно, а в кухне служанка-украинка, красивая, улыбается точно так же, как хозяин, хозяйка, сын, все гости: чувствуется чудесно налаженная *общая* жизнь. Макаренко написал («сегодня как раз закончил!») книгу о воспитании, ту, о которой говорил мне в Ирпене, уезжает нынче же, 29-го, в Крым (в Ялту), чемоданы уже уложены — и тут же за водкой, за пирогами сделал мне предложение: «Едем, Чуковский, в Америку, к весне, ладно?» Я согласился немедленно — и сказал, что буду готовиться, как к экспедиции на Северный полюс. У меня вот какие преимущества: я знаю литературу страны, знаю язык, знаю историю. Но мой недостаток: я не умею быстро писать. Корреспонденции — не мой жанр.

Был у меня Цыпин. Он сделал с нами невозможную вещь: обещал нам в Москве квартиру, и не дал ее. Мария Борисовна потря-

сена этим вероломством. Он пришел и, как всегда, стал объяснять дело так, что мы снова поверили и в квартиру, и в Детиздат, и, главное, в то, что Цыпин — тёплый, благожелательный, милый человек. Когда ему нужно, он выпускает как из тюбика жидкость — обаяние и легко покоряет сердца.

Был в магазине Детской книги. Не протолкнуться. «От двух до пяти» уже *вся* разошлась. Теперь семь часов. Был Боба с заплаканной Ниной*. Мы пообедали вместе — и Боба уехал в Коктебель. Нина старается не мучить его.

2 сентября. Приехали вчера благополучно. Мне отвели комнату на 3-м этаже. Здесь Самуил Маршак с женой, А. К. Виноградов, Юрий Соколов с женой, Аксельрод (Ортодокс), Пыжова, академик Горбунов, академик Самойлович, проф. Вовси, ученые гинекологи из Киева...

6 сентября. Погода райская. Я уже взбирался на «Красное солнышко», лицо обгорело, главным образом нос: *пунцовый*. 3-го приехали Лежневы, 9-го приедет Ал. Н. Тихонов. Я копошусь над книгой «От двух до пяти». А надо бы заняться Некрасовым и переключиться на повесть. Третьего дня в «Правде» жестокая заметка о Цыпине. Несомненно, его уже сняли. Кто будет вместо него? Неизвестно. Только бы не пострадали дети от этих пертурбаций! Все же при Цыпине так или иначе кое-какие книги стали выходить. Меня он очевидно ненавидел. Из 6 моих книг, намеченных к выходу в нынешнем году, еще не вышла ни одна. Но подлецы фашисты не дают нам сосредоточиться на литературных вопросах: потопление «Тимирязева» заставит нас издавать не книги, а линкоры*.

12/IX. Я получил телеграмму из «Правды»: «Специальному детскому номеру «Правды» просим срочно прислать веселый рассказ наших малышей тчк рассказ вышлите телеграфно восемнадцатому сентября Правда Рыклин».

Вот и сорвалось мое лечение. Главное, материала у меня здесь хорошего нет. Но из-за этой мелочи у меня пропал сон. Уже четыре часа, а я, как говорится, не смыкаю глаз.

Мой сосед по комнате — Кирпотин. У него малярия. Забавно, что я получил сегодня телеграмму из «Литературной газеты» с требованием дать рецензию на его книжку. Он в синей рубашке сидит в тени и читает Федина.

Что-то делается там с Лидою?

1937

26.IX. Погода необычайная — ясность, теплынь.

А мне худо. После ванны руки-ноги дрожат, теряю в весе. Черт знает что! Переехал в люкс: две комнаты, прохлада, тишина, но бьет меня лихорадка. В «Правде» появилась моя статья, искаженная: телеграф наврал*. С нами за одним столом сидит сестра Тимоши — Вера Алексеевна Громова — полненькая хохотушка, 47 лет. Говорит о Горьком: он был деспот (!) и самодур (!). Жизни совсем не знал (?). Жить в Горках (или на Никитской) было тяжело. Больше трех дней нельзя было выдержать. Внучку одну избаловал, а другую — все время держал в черном теле.

29/IX. Навалил на меня Лежнев корректуру моей статьи «Пушкин и Некрасов», куда он внес более сорока мелких (отчасти идеологических) поправок. Статья лежала у него с января, я и забыл о ней — и вот теперь сделай в два дня спешно всю перестройку текста.

27-го был у нас в Санатории — Утесов и рассказывал мне, Лежневу, Кирпотину и еще двум-трем мужчинам анекдоты. Анекдоты были так художественны, так психологически тонки, что я не мог утерпеть — созвал большую группу слушателей. Мы хохотали до изнеможения, — а потом провожали его (был еще Стенич), и он рассказывал по дороге еще более смешное, — но, когда мы расстались с ним, я почувствовал пресыщение анекдотами и даже какую-то неприязнь к Утесову. Какой трудный, неблагодарный и внутренне порочный жанр искусства — анекдоты. Т. к. из них исключена поэзия, лирика, нежность — вас насильно вовлекают в пошлые отношения к людям, вещам и событиям — после чего чувствуешь себя уменьшенным и гораздо худшим, чем ты есть на самом деле.

3 октября. 1-го приехали в Сочи. Завтра уезжаем. Остановились в Ривьере. Познакомились с бездной народу. Видел сегодня первый раз в жизни водолаза.

Работать хочется зверски, но ничего не делаю. В море температура 24 градуса. Взял тузик и греб — по-старому, большое удовольствие.

5/X. Застряли в Сочи. 4-го не было теплохода. Время провожу бесплодно. Совсем отбился от работы. Надоела праздность. Ездил на катере в Мацесту и обратно — никакого удовольствия. О, если бы завтра уехать!

8/X. Выехали 6-го на теплоходе «Украина». Подъезжаем к Ялте. На море был дождь. Ночи холодные.

16/X. Была безумная Лида. Я с ней не согласен, но ее — жалко. Побывла два дня, уехала, оставила Люшу. Погода анафемская: мрак, ветер, дождь, холод.

5/XI. Еле поправляюсь. Читаю много, ничего не пишу. Прочитал Бабеля — великолепный писатель, перечел письма Пушкина, книгу Т. Толстой о Бестужеве, записки Ходотова.

13/XI. Подъезжаем к Москве. Кашляю. Я сильно простудился в Крыму.

Моя нравственная неустойчивость угнетает меня.

Едем Севастополь—Москва с Люшей, с Цезарем, с Идой. — У меня нет зимнего, боюсь застудить свой грипп.

Тревожит меня моя позиция в детской литературе. Выйдут ли «Сказки», выйдет ли лирика? И что Некрасов? И что «Воспоминания» Репина? Повесть моя движется медленно*. Я еще не кончил главы «Дракондиди». Впереди — самое трудное.

В душе страшное недовольство собою.

2 января. Даже не заметил Нового года. Пишу дурацкую статью — для доклада в Академии Наук «Некрасов как поэт». Осталось 5 дней, а у меня нет и $\frac{1}{4}$.

С 8-го по 16 был в Москве.

НА МУРОЧКИНОЙ МОГИЛЕ

... А девочка в коричневых чулочках
Обманутая, кинутая мною,
Лежит одна, и ржавые шипы
Вокруг ее заброшенной могилы
Свирепо оцетинились, как будто
Хотят вонзиться в маленькое тело —
Домучивать замученное мной.
И всякий раз, когда я подхожу,
Я слышу крик, как будто бы она
Меня, убийцу, громко проклиняет...
Да, не было такой кровавой муки,
Которой я не мучил бы тебя!
И скаредному богу было жалко
Порадовать тебя хоть самой скудной,
Хоть самой бедной радостью земной.
Другим и беготня, и брызги моря,
И праздники, и песни, и костры,
Тебе же темнота кровавой рвоты,
Надрывы кашля, судороги боли
И душная предсмертная тоска...

26 ноября 1939. Корплю над книгой «Искусство перевода». Могла бы выйти неплохая книга (пятое издание), если бы я не заболел в сентябре страшным гриппом, после которого мне пришлось «отдыхать» в Барвихе. Пропало три горячих месяца. Это вынужденное безделье чрезвычайно удручает меня. В моем возрасте три месяца «отрыва от работы» являются ужасным убытком.

А тут еще Женя, мой внук, изнервленный, болезненный ребенок, свалившийся на мою старую голову, неизвестно для чего и почему. А тут еще Боба со своей новой женой. Словом, с переездом в Москву жизнь моя стала еще тяжелее, расходы удесятились, — и никакого просвета... Вчера в «Правде» напечатан мой фельетон о Радловой. Скоро в «Красной нови» появится большая моя статья на ту же тему — «Астма у Дездемоны»*. В той же книжке будет Лидина повесть. Лида пишет о Чернышевском и Михайлове*. Я рад: эта тема как раз для нее.

29 ноября. Третьего дня читал в Бауманском Доме Культуры детям «литкружковцам» вступительную лекцию. — Сегодня начинаю там же практическую работу с юными дарованиями. Мой портрет рисует Васильев, Петр Васильевич — умелый, но безвкусный рисовальщик. Очень трудно позировать после бессонных ночей. А у меня опять бессонницы (3 недели их не было). Сегодня был опять в Бауманском Доме — веду литкружок. Работа очень приятная.

30 ноября. Был сейчас в телевизоре (Шаболовка, 53) и читал свои сказки. Перед началом меня нарумянили, начернили мне усы, покрасили губы. Очень противно! Никто даже не удивляется, что человек, находящийся на Шаболовке, может быть видим за десятки километров.

Завтра сдаю книгу «Искусство перевода», а от переписчицы ничего нет. Женя взвизгивает, стонет, ноет, хнычет, изматывает

1939

у окружающих всю душу. Вот прибежал сюда, в сопровождении Бобы, выхватил из моего шкафа книги и стонущим голосом повторял одно слово десять раз: пойдем, пойдем, пойдем! пойдем!

2 декабря. Вчера были у нас Фидманы. Встреча стариков, которые помнят друг друга молодыми, плачевна. Поговорили о грыжах, о почках, о печенях, о Цхалтубе, Железноводске, докторях. Он еще бодрячком, — она сгорбленная. К счастью, был Ираклий Андроников. Показывал все свои номера: «Дядю в Тбилиси», «Качалова и Толстого», «Щидри», «Щербу», «Маршака» — и новый: «Кирпотин и Павлик Антокольский у Отто Юльевича Шмидта». Кирпотин после этого номера абсолютно разоблачен и уничтожен. Разошлись мы поздно: в час.

Я сдавал вчера книгу «Искусство перевода» и смотрел рисунки к книге «Так и не так».

5 декабря. Третьего дня мы получили от Марины письмо. Самое обыкновенное — о разных мелочах. И внизу Колина приписка о том, что он уходит завтра во флот — командиром. Я все еще корплю над «Высоким искусством». Накануне дня Конституции (т. е. вчера) выступал в какой-то школе (где шефствует Саконская).

7 декабря. Сегодня утром в 11 час. читаю в Союзе Писателей о детской литературе. Вчера вечером с М. Б. были в Переделкине. Боба угорел от печки в Переделкине и упал с табурета. Альфа похудела: кожа да кости.

8 декабря. Вчера читал о детской литературе писателям, приехавшим в Москву с периферии. Они поздравили меня с освобождением моей дачи от белофиннов — и написали мне особую бумагу об этом. Сегодня надо ехать к [имя не написано. — Е. Ч.]

12 декабря. 3-го дня читал свою книгу в Библиотеке иностранной литературы «Высокое искусство» в присутствии Анны Радловой и ее мужа, специально приехавших в Москву — мутить воду вокруг моей статьи о ее переводах «Отелло». Это им вполне удалось, и вчера Фадеев вырезал из «Красной нови» мою статью. Сегодня Лида пишет, что Радловы начали в десять рук бешеную травлю против меня, полную клеветы. Сегодня я написал Лиде о Матвее Петровиче*.

30 декабря 1939. Сейчас был на «Отелло» в Малом театре. Играют хорошо, но не захватывает. Каждую минуту можно уйти. Я и ушел после 2-го действия. Скука. Познакомился с Тереховым, играющим Яго. Он отличный актер, на сцене кажется очень молодым силачом, а на самом деле у него грудная жаба. Из театра домой, из дому на юбилей Грабаря. В ресторане «Савой» полно, познакомился с Неждановой, Головановым, видел Сергея Герасимова, Александра Герасимова, Николая Радлова (который, оказывается, иллюстрирует «Краденое солнце» для алоскопа), О. Бескина, скульптора Яковлева.

Сегодня вышли сигнальные «От 2 до 5» (9-ое издание) и «Солнечная».

17/III. Приехали с больной М. Б. в Узкое. Никто нас не встретил. Мы в коридоре неприкаянные. М. Б. уехала.

Нам предоставлены комнаты.

19/III. У меня № 13, у М. Б. — 14-й. Сегодня к 2 часам она придет. Я пишу «Айболита» и правлю «Хижину».

1/IV. Мое рождение. 4 часа ночи. Бессонница. Вчера на ночь зачитался записками Ксенофонта Полевого — о пьесе «Рука всевышнего отечество спасла»*, о вызове Ник. Полевого в Петербург к Бенкендорфу и Дубельту, что от волнения не мог заснуть. Ночь ясная, зимняя, вообще погода необыкновенная: днем мороз и солнце, белая пелена снега, — и весеннее синее небо.

Третьего дня приехала Лида. Вчера Боба уехал в Ленинград за Женей. Коля хлопочет о куоккальской даче. М. Б. поправляется. В журнале «Русский язык в школе» есть моя статья о переводах Шевченко. — Она напечатана ровно через год после того, как я сдал ее в редакцию!!!

Моя статья о Радловой* до сих пор не напечатана в журнале «Театр», и я боюсь, что она доставит мне много неприятностей. Лучше бы ее не печатать. Я — не Полевой, но боюсь, что ее не поймут.

Состояние мое душевное таково, что даже предстоящая мне операция кажется мне отдыхом и счастьем.

14 апреля. Со вчерашнего дня идет снег. Мягкий, пушистый, обильный. Зима. Мне осталось всего 6 страниц «Хижины» — и они кажутся мне труднее всех остальных. Вчера Пудовкин прочитал мне гениальный сценарий «Суворова». Хочу ехать сегодня в город из-за фильма «Айболит на Севере».

27 апреля. Зима сдается упрямо. Сегодня 4° тепла! Ночью был мороз. Я все еще в Узком. Сегодня сюда приехала Анна Радлова!!!

У нее была пневмония. Был у меня сегодня утром _____ 1940
Е. В. Тарле — приезжал сговориться, как хлопотать
о Шуручке Богданович*. Говорит, что его домработница называ-
ет его «Ракодемик», а учреждение «Ракодемия Наук», любезен
чрезвычайно. Увидел у меня записки Ксенофонта Полевого:

И глупее нет от Понта
Полевого Ксенофонта.

Лысина прикрыта у него начесом из волос, которые за эти го-
ды поседели. Добрый, светлый, необыкновенно талантливый и
работающий человек.

5 мая. Уезжаю. Упаковываю чемодан. Иду платить за два дня.

1/VII. Начал писать о Григории Толстом и правлю гранки
«Хижины».

29/VII. Град и гром — сейчас ударило со страшною силою. Ря-
дом со мной живет Валентин Катаев — на днях он прочитал мне
свою прелестную сказку «Дудочка и кувшинчик», основанную на
собираании земляники, которой в этом году множество — и в моем
лесочке, и у него. Он занял дачу Эренбурга. Считалось, что Эрен-
бург не приедет из Франции и что его дача переходит к Катаеву.
Вчера только Катаев повел меня к себе почитать начало новой
пьесы «Санаторий палки» и — сказал:

— Вот наша Бессарабия — (комната сторожихи, которую он уда-
лил с дачи)... Здесь еще румынский запах, но мы скоро его устраним... А вот наша Буковина. (И указал на маленькую комнатку, где
сложил вещи Эренбурга.) Скоро мы очистим комнату от этих ве-
щей.

И вдруг приезжает Эренбург.

31/VII. Сейчас Катаев показывал мне телеграмму Эренбурга.
«Дорогой Валентин Петрович, сообщите когда я могу въехать». Катаев: Я пошлю ему письмо: 9-го Президиум будет решать во-
прос. А до 9-го переговорю с Павленко и Фединым.

7/VIII. Увлекаюсь Уитменом. Перевел его «When the lilacs last
in the Door-yard bloom'd»¹, многие куски «Song of Myself»², состав-
ляю статьи «W. W. в СССР», «W. W. в России».

¹ «Когда сирень отцветала в моем палисаднике» (англ.).

² «Песня о себе» (англ.).

1940

26/VIII. [Переделкино.] Была Анна Ахматова.

Величавая, медленная. Привела ее Ниночка Федина. Сидела на террасе. Говорила о войне: «каждый день война работает на нас. Но какое происходит одичание англичан и французов. Это не те англичане, которых мы знали... Я так и в дневнике записала: «Одичалые немцы бросают бомбы в одичалых англичан». По поводу рецензии Перцова: я храню газетную вырезку из «Театра и Искусства» за 1925 год: «Кому нужны любовные вздохи этой стареющей женщины, которая забыла умереть»*. О Лидочке: «Чудесная и такая талантливая». Очень восхищается Лидиной статьей об Олеше*. По ее словам, Лида уже пережила утрату Мити. Много говорила о Лидиной операции. «Моей второй книги не будет: говорят — нет бумаги, но это из вежливости. Я вчера приехала из Ленинграда, встретила в вагоне Дору Сергеевну, Дора Сергеевна привезла меня сюда, минуя Москву, мне нужно повидаться с Фадеевым. Я уже его видела, он обещал звонить по телефону о Левушке* — и сейчас пойду за результатом». Я пошел проводить ее, она очень волновалась по дороге. — Я себе напоминаю толстовскую барыню, знаете, в «Войне и мире». — Как же, «испуганная». — Да! как вы догадались? — Меня с детства поразило это слово. — Да, и меня еще: парадное лицо.

27/VIII. Сидит внизу Анна Андреевна. Вчера Фадеев прислал ей большое письмо, что он дозволился до нужного ей человека, чтобы она завтра утром позвонила Фадееву, и он сведет ее с этим человеком. Я пригласил ее обедать — М. Б. нет, к сожалению, — достаю ей машину у Финна, который приехал к Вирте.

17 октября. Вчера переехали из Переделкина в город. Корректур «Высокого искусства» и «Чтеца-декламатора».

15 ноября. Отпечатана книжка «Репин. Горький. Маяковский. Брюсов». Выйдет к концу месяца. Верстка «Высокого искусства».

21/XI. Еду в Ленинград. Подъезжаю. Бессонная убийственно-трудная ночь.

2/XII. Был третьего дня у Тынянова. Он приехал на два дня из Детского Села (т. е. из Пушкина) — читать актерам новую пьесу «Кюхля». Ноги у него совсем плохи: он встает, чтобы поздороваться, и падает и улыбается, словно это случилось нечаянно. Лицо — в морщинах. «Спасибо вам за письмо, К. И., но ответить я не могу, т. к. *уже* не способен писать письма. А когда-то как писал! — И свое-

го Пушкина не могу писать. И вообще я имею редкий случай наблюдать, как относятся ко мне люди после моей смерти, потому что я уже умер». Речь его лишена прежнего блеска, это скорее всего брюзжание на мнимые обиды... И его жена, которая кричала на него при мне, на больного при посторонних... Семье он в тягость, и обращение с ним свинское.

Был у Ахматовой. Лежит. Нянится с детьми соседей. Говорить было, собственно, не о чем. Говорили о Джоне Китсе, о новой книжке переводов Пастернака. «Какой ужасный писатель Кляйст!»

Был дважды у Татьяны Александровны. Видел четырех ее внучек: Машу, Олю, Тусю, Наташу, и это, пожалуй, самое интересное, что я видел в Ленинграде. Замечательна учительница Рузина в 23 школе (я случайно набрел на нее — зашел в ближайшую школу). — Видел Анну Георгиевну, Сторицына, Георгия Блока, М. Слонимского, который делает сразу и сценарии, и военные очерки, и критические статьи и проч.

Получил такие телеграммы: «Топтыгин утвержден. Союзмультфильм. *Карпенко*».

— «Бумага есть. Печатаем декабре. Гослитиздат. *Чагин*».

— «Сердечное спасибо. *Максим Рыльский*».

— «Уитмен утвержден редакционным советом. *Мама*».

Никогда не получал я столько приятностей сразу.

3/ХП. Вчера по адресу Коли пришла моя многострадальная книжка: «Репин. Горький. Маяковский. Брюсов».

4/ХП вернулся в Москву. В одном вагоне со мною были академик Вавилов и Утесов. Вчера Михалков очень хорошо рассказал, как он задержал фальшивого орденоносца (т. е. человека, прицепившего чужой орден). Михалков привез жулика в НКВД — и вывел его на чистую воду. Жулик спрятал орден в сидении машины и заявил, что никакого ордена у него никогда не бывало. Но Михалков не поддался обману и тут. Он записал номер машины, ее обыскали и... орден нашли.

29/ХП. Приехали в Кисловодск. Мокрый снег. Брр! Нас встретили Збарские. Публика серая. Один отдыхающий, приехавший только вчера, сегодня напился на Храме воздуха, скатился с горы в овраг, и его приволокли окоченелого, черного. Лечат. Если вылечат, сейчас же отправят с позором обратно.

4/1. Вчера познакомился с Шолоховым. Он живет в Санатории Верховного Совета. Там же отдыхают Збарский и Папанин, и больше никого. Вчера Шолохов вышел из своих апартаментов твердой походкой (Леонида Андреева), перепоясанный кожаным великолепным поясом. Я прочитал ему стихи Семынина, он похвалил. Но больше молчал. Тут же его семья: «Мария Михайловна» (вчера ей исполнилось 3 года), сын Алик, еще сын, теща и жена — все люди добротные, серьезные, не раздребезженные, органические. Впечатление от них от всех обаятельное, и его не отделить от всей семьи. Он с нею — одно, и его можно понять только в семье. Его Алик уже ворошиловский стрелок (здесь в тире парка получил приз: три рубля), 10-летний, немного сумрачный, очень выдержанный, искренний, простодушный. Я читал ему и Леве Збарскому вчера «Союз рыжих» Шерлока. Вначале он боялся, что не поймет, а потом так солидно и в то же время взволнованно слушал, что приятно было читать. Шолохов говорил о «Саше Фадееве»: «если бы Саша по-настоящему хотел творить, разве стал бы он так трепаться во всех писательских дрязгах. Нет, ему нравится, что его ожидают в прихожих, что он член ЦК и т. д. Ну, а если бы он был просто Фадеев, какая была бы ему цена?» Я защищал: Фадеев и человек прелестный, и писатель хороший. Он не стал спорить. Рассказывал об охоте на фазанов в Кабардино-Балкарии, как крестьяне угощали его самогоном.

6. Сегодня письмо от Семынина. Вчера провел с Шолоховыми весь вечер. Основная тема разговора: что делать с Союзом Писателей. У Шолохова мысль: «надо распустить Союз — пусть пишут. Пусть остается только профессиональная организация».

31/1. Сегодня уезжаем. Чуть я приехал, меня бабахнула статья в «Правде» о «Лит. учебе», перед самым отъездом прихлопнула

2/II.1941. Вернулись в Москву. По дороге из-за двух крушений товарных поездов запоздали на 6 часов.

11/II. Позвонил дней пять назад Шолохов: приходите скорей. Я пришел: номерок в «Национали» крохотный (№ 440) — бешено накуренный, сидят пьяный Лежнев, полупьяная Лида Лежнева и пьяный Шолохов. Ниже — в 217 № мать Шолохова, которую он привез показать врачам. Был в Кремлевке консилиум. Но больно было видеть Шолохова пьяным, и я ушел.

Сегодня я утром зашел к нему — он теперь в 217. Я стукнулся в 440; там его мама, все не могла открыть. Он достал ключ и открыл снаружи. Принял меня чудесно; говорили о детской литературе. Оказывается, он читает все — и «Мурзилку», и «Чиж», и «Колхозные ребята». Очень бранил какую-то сказку о шишке — как она влезла на лампу. «Чепуха». Согласился написать для наших учебников и об охоте, и о гражданской войне.

Сегодня должна приехать Лида.

15/II. Вчера Чагин позвонил мне вечером, что вышла моя книжка «Высокое искусство». «Страха ради» Чагин выбросил оттуда список.

20/II. М. Б. уехала в Ленинград: Коля болен.

1 апреля. Сегодня мне исполнилось 59 лет. Никогда не думал, что доживу до такого возраста. — Встал в 4 часа утра. Пишу о Семянине. Послезавтра доклад о нем. Только что закончил новый перевод «Робинзона». Дня два назад ушла в набор моя книга (все мои сказки) «Чудо-дерево». — Вчера шел снег. Хорошая зимняя погода.

19/X. Бузулук. На пути в Ташкент. Поезд № 22, международный вагон, купе. Снег. Вчера долго стояли неподалеку от Куйбышева, мимо нас прошли пять поездов — и поэтому нам не хотели открыть семафор. Один из поездов, прошедших впереди нас, оказался впоследствии рядом с нами на Куйбышевском вокзале, и из среднего вагона (зеленого, бронированного) выглянуло печальное лицо М. И. Калинина. Я поклонился, он задернул занавеску. Очевидно, в этих пяти поездах приехало правительство. Вот почему над этими поездами реяли в пути самолеты, и на задних

платформах стоят зенитки. Итак, с 18/X 1941 г. бывшая Самара становится нашей столицей.

Дженни Афиногенова должна была ехать с нами. Здесь, в нашем вагоне, едут мать Афиногенова (Антонина Васильевна) и его дочь Светлана. 15 октября мы сдали вещи в багаж и приехали на вокзал, как вдруг за три минуты до намеченного отхода поезда (на самом деле поезд отошел позднее) прибыл на вокзал Афиногенов, страшно взволнованный: «велено всем собраться к пяти часам в ЦК. Немцы прорвали фронт. Мы, писатели, уезжаем с правительством». Я помещен в списке тех литераторов, которые должны эвакуироваться с правительством, но двинуться к ЦК не было у меня никакой возможности: вся площадь вокруг вокзала была запружена народом — на вокзал напирало не меньше 15 тысяч человек, и было невозможно не то что выбраться к зданию ЦК, но и пробраться к своему вагону. Если бы не Николай Вирта, я застрял бы в толпе и никуда не уехал бы. Мария Борисовна привезла вещи в машине, но я не мог найти ни вещей, ни машины. Но недаром Вирта был смолоду репортером и разъездным администратором каких-то провинциальных театров. Напористость, находчивость, пронырливость доходят у него до гениальности. Надев орден, он прошел к начальнику вокзала и сказал, что сопровождает члена правительства, имя которого не имеет права называть, и что он требует, чтобы нас пропустили правительственным ходом. Ничего этого я не знал (за «члена правительства» он выдал меня) и с изумлением увидел, как передо мною и моими носильщиками раскрываются все двери. Вообще Вирта — человек потрясающей житейской пройдошливости. Отъехав от Москвы верст на тысячу, он навинтил себе на воротник еще одну шпалу и сам произвел себя в подполковники. Не зная, что всем писателям будет предложено вечером 14/X уехать из Москвы, он утром того же дня уговаривал при мне Афиногенова (у здания ЦК), чтобы тот помог ему удрать из Москвы (он военнообязанный). Афиногенов говорил:

— Но пойми же, Коля, это невозможно. Ты — военнообязанный. Лозовский включил тебя в список ближайших сотрудников Информбюро.

— Ну, Саша, ну, устрой как-нибудь... А я за то обещаю тебе, что я буду ухаживать в дороге за Антониной Васильевной и Дженни. Ну, скажи, что у меня жена беременна и что я должен ее сопровождать. (Жена у него отнюдь не беременна.)

В дороге он на станциях выхлопатывал хлеб для таинственно-го члена правительства, коего он якобы сопровождал.

И все же есть в нем что-то симпатичное, хотя он темный (в духовном отношении) человек. Ничего не читал, не любит ни

[нрзб.], ни поэзии, ни музыки, ни природы. Он очень трудолюбив, неутомимо хлопочет (и не всегда о себе), не лишен литературных способностей (некоторые его корреспонденции отлично написаны), но вся его природа — хищническая. Он страшно любит вещи, щегольскую одежду, богатое убранство, сытную пищу, власть.

Эти дни для меня страшные. Не знаю, где Боба. 90 процентов вероятия, что он убит. Где Коля? Что будет с Лидой? Как спасется от голода и холода Марина? Это мои четыре раны.

По дороге мы почти нигде не видали убранного хлеба. Хлеб гниет в скирдах на тысячеверстном пространстве. Кое-где, правда, есть на станциях кучи зерна — просо, пшеница, ничем не прикрытые. На них сыплется копоть, пыль.

Изредка на станциях появляется кое-какая еда: блины из картошки — по рублю штука, верблюжье молоко, простокваша. На эту еду набрасываются сотни пассажиров, давя друг друга, давя торговков, — обезумевшие от голода.

Поезд стоит на станциях по 2, по 3 часа. Запасы, взятые в Москве, истощаются.

21/X. Мы уже в Азии. Третьего дня на одной из станций Чкаловской (Оренбургской) области мы видели польское войско. Выползали из разных вагонов худые, но импозантные люди в тощих шинелишках, театрально козыряя друг другу. Столпились у будки, на которой написано Stacja¹ № 1. Расшитые серебром картузы и шинели были некогда очень эффектные, теперь все это истрепалось до лохмотьев — и все же сохраняет важный вид. Впрочем, несколько офицеров одето с иголки.

- Куда вы? — спрашиваю у одного из поляков.
- В Бузулук. Там наша армия.
- Климат в этих местах, кажется, очень хорош.
- У нас в Польше лучше.

22 октября. У Аральского моря. Козалинск. Деревья еще зеленые. Счастливицы покупают щук; по эвакосвидетельствам выдают хлеб. Потолкался я в очередях, ничего не достал. Пошел к коменданту просить у него талончик на право покупки хлеба.

Комендант сказал:

- Прошу оставить помещение!
- Даю Виртам уроки английского языка.

¹ Остановка (польск.).

1941

23 октября. Ташкент. Гостиница «Националь».

Только что приехали. Нас встретили местные писатели и представитель Совнаркома (управделами Коваленко). Выслали за нами четыре машины.

24 октября. У парикмахера — веер. Попрыскает одеколоном — и веет. У чистильщика сапог — колокольчик. Почистил сапог и зазвенит, чтобы ты подставил ему другой. Тополя — необыкновенной высоты — придают городу особую поэтичность, музыкальность. Я брожу по улицам, словно слушаю музыку — так хороши эти аллеи тополей. Арыки и тысячи разнообразных мостиков через арыки, и перспективы одноэтажных домов, которые кажутся еще ниже оттого, что так высоки тополя, — и южная жизнь на улице, и милые учтивые узбеки, — и базары, где изюм и орехи, — и благодатное солнце — отчего я не был здесь прежде — отчего я не попал сюда до войны? Я весь больной. У меня и грипп, и дизентерия, и выпало три вставных зуба, и на губе волдырь от лихорадки, — и тоска по Бобе — и полная неустроенность жизни — и одиночество. Но — все же я рад, что я хоть на старости увидел Ташкент. Самое здесь странное, неожиданное: это смеющиеся дети... Всю дорогу от Москвы до Ташкента я видел плачущих, тоскующих детей со стариковскими лицами, похуделых, осиротелых, брошенных, и вдруг здесь — на каждом бульваре, в каждом дворе копошатся, дерутся, барахтаются беспечные, вполне нормальные дети. Сегодня я вышел на улицу рано. Дворники — большей частью узбеки — поливают ведрами улицы, черпая воду из арыков. Очевидно, это — древний способ, передающийся из рода в род. Школьники торопятся в школу — зрелище, которого я не видел в этом году в Москве. Показалось странным, что в СССР еще есть места, где дети учатся.

28 октября. Лежу больной. Меня прикрепили к совнаркомской поликлинике. Врач выписал мне лекарство. Я сидел и ждал, но аптека, находящаяся при поликлинике, — заявила, что она приготовит лекарство лишь через 2 ¹/₂ часа. Меня это взорвало, я пошел туда ругаться и скандалить, вдруг оказалось, что в аптеке меня знают, любят, что аптекарша — чудесная женщина, что лекарство будет готово через полчаса, и что мы друзья навеки.

29/X. Аптекарша сказала обо мне одному из пациентов поликлиники, Когану Иосифу Афанасьевичу. Коган узнал от нее, что я в гостинице живу без керосина. И — сегодня рано утром является пожилой худощавый человек с перевязанным глазом и приносит

мне в подарок — жестянку керосина!! Эта доброта так взволновала меня — после той злобы, которую я видел в пути, — что я посвятил ему следующий экспромт:

1941

Я мнил, что в мире не осталось
Ни сострадания, ни любви,
Что человеческая жалость
Давно затоплена в крови.
И боже, как я был растроган,
Когда, как гений доброты,
Мой светлый друг, мой милый Коган,
Передо мной явился ты.

30/X. Ташкентская доброта неиссякаема. Пришел ко мне в номер бывший Нарком просвещения тов. Юлдашев и *предложил комнату* — чудесную меблированную комнату в центре города, в отличном районе. Уезжает его товарищ, хохол — куда-то в район — и комната с телефоном, с патефоном — с письменным столом предоставляется нам за 58 руб. в месяц!! Чудо, редкость! Мне не пришлось кланяться Коваленке, не пришлось отнимать кров у братьев-писателей, я избавлен от всяких дразг, живу с женой уединенно — в стороне!

В начале ноября приехала Лида. Мы с М. Б. встретили ее на вокзале. Она ехала с Маршаком, Ильиным, Анной Ахматовой, академиком Штерн, Журбиной. Привезла Женю и Люшу. Маршак и Ильин остались в Алма-Ата.

Я заболел. Был в стационаре дней десять. Потом взвалил на себя кучу работы. Прочитал курс лекций о детских поэтах в Педагогическом институте. Стал печататься в «Правде Востока». И провел множество выступлений на подмостках театров и в школе. Первых пяти выступлений не зарегистрировал, но вот последующие [перечислены даты, названия клубов и школ, темы выступлений. Всего тридцать три выступления в декабре 1941 — январе 1942. — Е. Ч.].

14.I.42. Утром в Наркомпросе у Владимировой. У нас целая очередь: берут на воспитание эвакодетей. Людмила Степановна Зайцева из Главкинопроката (зарабатывает с мужем 1180 рублей):

— Мне национальность безразлична! Муж сказал мне: *только не бери кривоногую*.

Юлдашева — муж нарком госконтроля. Два месяца назад взяла 13-летнюю девочку — из Витебска — белорусску, имеет своих ребят 6-летнего и двухлетнего. — Дайте мне ребеночка поменьше, так как у меня есть одежда для маленького.

Усатый старик: жена-доцент, дочь 17 лет. «Хочу мальчонку лет 4—5».

И т. д. Владимирова еле успевает записывать. По моему совету, в ту же комнату вселилась Екатерина Павловна Пешкова. При ней — Ариан. Вчера я около двух часов потерял в Наркомпросе, т. к. не пришла Татьяна Александровна — и ушел в Союз Писателей. Там Эфрос новоприбывший, жена Прокофьева, поэта, «Саши Громобоя» и проч. Выхлопотал вход в столовую для Евг. Влад. Пастернак, пошел в книжный магазин за книгами для книжного базара, оттуда во Дворец пионера.

Оттуда в «Правду Востока». Редактор газеты — только что вернувшийся с фронта — сообщил мне, *что убит Шостакович!!!!*

16/I. Вчера приходил ко мне Н. Е. Вирта прощаться. Он ночью того же дня уезжает в Москву. Оставил у меня в прихожей калоши, и их в ту же секунду украли. Он выбежал догнать вора, а я чувствовал себя так, будто я украл его калоши. Читаю письма Чехова, — страстно хочется написать о нем.

17/I. Вечером концерт в пользу «эвакодетей». В артистической Ал. Толстой сказал мне:

— За что ненавидит вас Фадеев? Как он раздувал вашу историю с Репиным!*

Усман Юсупов сообщил мне, что меня вызывают в Куйбышев. «А оттуда в Москву». Что это значит, понять не могу... Я опять на рубеже нищеты. Эти полтора месяца мы держались лишь тем, что я, выступая на всевозможных эстрадах, получал то 100, то 200, то 300 рублей. Сейчас это кончилось. А других источников денег не видно. Лида за все свое пребывание здесь не получила ни гроша.

21/І. Вчера в Ташкент на Первомайскую ул. переехал Ал. Н. Толстой. До сих пор он жил за городом на даче у Абдурахмановых. Я встречался с ним в Ташкенте довольно часто. Он всегда был равнодушен ко мне — и, хотя мы знакомы с ним 30 лет, — плохо знает, что я такое писал, что я люблю, чего хочу. Теперь он словно впервые увидел меня, и впервые отнесся сочувственно. Я к нему все это время относился с большим уважением, хотя и знал его слабости. Самое поразительное в нем то, что он совсем не знает жизни. Он — работяга: пишет с утра до вечера, отдавая всецело бумагам. Лишь в шесть часов освобождается он от бумаг. Так было всю жизнь. Откуда же черпает он все свои образы? Из себя. Из своей нутряной, подлинно русской сущности. У него изумительный глаз, великолепный русский язык, большая выдумка, — а видел он непосредственно очень мало. Например, в своих книгах он отлично описал 8 или 9 сражений, а ни одного никогда не видал. Он часто описывает бедных, малоимущих людей, а общается лишь с очень богатыми. Огромна его художественная интуиция. Она-то и вывозит его.

25/І. Был вчера у Толстого, т. к. узнал, что он летит в Куйбышев. Просил его передать письмо С. А. Лозовскому.

Четыре дня назад был у меня Райкин. Показывал.

Вчера в доме № 54 по Жуковской были «Литературные чтения» у Иосифа Уткина. Дивный перевод «Леноры» прочитал Левик*. Слушали: Кома, Тамара Иванова, Ирина Вирта, Погодин, Уткин, Уткина, композитор Половинкин, Анна Никандровна Погодина. Прочитал и я свою древнюю «Поэт и палач». В следующее воскресенье я прочту здесь свою «Книгу о Блоке». Оттуда на Шота Руставели — читать лекцию о Репине.

3 марта. Ночь. Совершенно не сплю. Пишу новую сказку*. Начал ее 1-го февраля. Сперва совсем не писалось... Но в ночь на 1-ое и 2-ое марта — писал прямо набело десятки строк — как сомнамбула. Никогда со мной этого не бывало. Я писал стихами *скорей*, чем

обычно пишу прозой; перо еле поспевало за мыслями. А теперь застопорилось. Написано до слов:

Ты, мартышка-пулеметчик...

А что дальше писать, не знаю.

Телеграмма от Белякова.

Лида увлечена записями рассказов эвакодетей.

31/III. Доканчиваю 3-ью часть своей сказки. Писал ее с большими перерывами. Дней пять сидел, как идиот, за столом и не мог придумать ни строки. Но сегодня к вечеру вдруг прорвало — и я написал десятки строк почти набело. Работаю над Чеховым, составляю сборник сатир, хлопочу о квартире. Денег уже нет. — Читал вечером Пешковым новую «песню» сказки. Оказалось: плохо-вато. Вяло. М. Б. говорит: «сыро еще». Надо сызнава переделывать. Это гораздо труднее, чем писать заново.

1/IV. День рождения. Ровно LX лет. Ташкент. Цветет урюк. Прохладно. Раннее утро. Чирикают птицы. Будет жаркий день.

Подарки у меня ко дню рождения такие. Боба пропал без вести. Последнее письмо от него — от 4 октября прошлого года из-под Вязьмы. Коля — в Ленинграде. С поврежденной ногой, на самом опасном фронте. Коля — стал бездомным: его квартиру разбомбили. У меня, очевидно, сгорела в Переделкине вся моя дача — со всей библиотекой, которую я собирал всю жизнь. И с такими картами на руках я должен писать веселую победную сказку.

Живу в комнате, где, кроме двух геокарт, нет ничего. Сломанный умывальник, расшатанная кровать, на подоконнике книги — рвань случайная — вот и все, — и тоска по детям. Окна во двор — во дворе около сотни ребят, с утра до ночи кричащих по-южному.

Лида все еще работает над книгой «Слово предоставляется детям». Из-за того, что она работала все дни во время гриппа, — у нее вчера разболелся глаз.

Был у Толстого. Он, пьяный и счастливый, вернулся с Конашевичем после дегустации вина, уже надегустировался, и подарил мне (узнав, что мое рождение) ручку Паркера — изумительную. Я сказал ему: «Ведь вам жалко». Он сказал: надо дарить только то, что жалко.

27/IV. Все еще вожусь со сказкой. Много посторонней работы, но не забуду я тех легкомысленных благодатных часов, когда в голову лезли стихи.

2/IX.1942. Уже 4 ¹/₂ часа лечу в восьмиместном самолете (бомбардировщик Дуглас) в Москву. До сих пор очень приятно. Едет юный летчик с женой, везущие ребеночка — устроили постель на полу. Юфит, военный доктор, старик с женой. Все, по русской привычке, спят. «Тільки я, мов окаянный»¹ — сижу... бодрствую. Читаю в «Красной звезде» хорошую, но легко забываемую повесть Вас. Гроссмана «Народ бессмертен».

1942

В Туркестане была остановка: брали бензин. С нами едут дыни, арбузы, яблоки, виноград.

Очень хорошо пишет Вас. Гроссман. Каждая строка — заглядение, а все вместе — банально и бледновато. Кое-где даже риторично. Начинает болтать. Первый раз встряхнуло как следует, идиллия кончилась. Через 20 минут — Оренбург.

3 сентября. Вот я и в Чкалове. Перед Чкаловым за два часа нас начало болтать. Я с удивлением вижу, что на меня эта качка не действует. Когда мы сошли (ровно в час) с самолета, мы увидели, в какую бурю нам пришлось лететь. С майора слетела шляпа, и пришлось бежать за ней шагов 50. Город показался мне унылым до тоски. Жить здесь страшновато: заборы, пыль, оборванцы, холод... Сейчас решается судьба: летим ли мы сегодня. Вчера была такая буря, что даже испытанные летчики говорили, что «погода нелётная».

29/X. 42 г. Был в Москве. Вернулся. Третьего дня Толстой сказал мне, что Фадеева зовут «Первый из Убеге». Никита Богословский сказал Погодину: «Ну что ваши “Кремлевские преискурранты”?» О Михоэлсе он сказал: «депутат Ветхого Завета». Не пощадил и своей жены: заявил в большом обществе после одной ее неудачной остроты: «Моя жена слаба на парадокс».

1/XI. Богословский вчера мимоходом:

«Если человек получает пощечину, это — оскорбление действием. Если он смотрит пьесу “Фронт”, это оскорбление тремя действиями».

Стихи 4-летней девочки, сообщенные мне А. Раскиным:

Идет старушка,
Ей 100 лет.
Навстречу ей
Мотоциклет.

¹ «Только я, как окаянный»* (укр.).

Мотоциклет,
Мотоциклет,
И старушки
Больше нет.

23/XI. Сейчас был у милых Родичевых. Любочка — прелестная по простодушию — поверила в Шендера Мендера*, ждала его целые дни, и как огорчилась, когда я принес письмо, свидетельствующее, что он уехал на фронт!

5/XII. До чего страстно Женя жаждет просвещения! Я учу его читать. Он с поразительной быстротой усвоил склады, и теперь, когда я принес ему подаренный Родичевым букварь, он стал потрясать им над головой, восклицая «Букварь! букварь!» — словно ему подарили самое сладкое лакомство!

1 января 1943 года. Изменил правилам и чудесно встретил Новый Год с М. Б. Козинаки, торт, чай, болит горло.

Не мог заснуть, пошел к Родичевым. Слышал по радио речь Калинина. Дима рассказывал новеллы. О муке. Свалился мешок муки с грузового трамвая. На него накинлось $1/2$ Ташкента.

9/І. В суете отъезда. Погода весь декабрь и часть января — чудесная: жарко, как поздней весной. Я сижу при открытом окне. Ходят ко мне каждый день Любочка и Стасик Родичевы — писать на машинке. Хочется писать о Чехове и о детской литературе.

26/І. Вчера ночью — двинулись в путь, в Москву, вместе с М. Б. и Женичкой. Прощай, милый Ташкент. Моя комната с нелепыми зелеными занавесками, с шатучим шкафом; со сломанной печкой, с перержавелым кривобоким умывальником, с двумя картами, заслоняющими дыры в стене, с раздребеженной дверью, которую даже не надо взламывать, с детским рисунком между окнами, выбитым стеклом в левом окне, с диковинной форточкой, — немыслимый кабинет летом, когда под окном галдели с утра до ночи десятка три одесситов.

27/І. Ночь. Опять Козалинск. В нашем вагоне едет хирург. Он рассказывает, что теперь слово РОЭ имеет новое значение: Резкое Отсутствие Энтузиазма (к участию в Отечественной войне). Женя декламирует «Были и лето и осень дождливы»*.

28/І. Утро. Пробую писать Шендера Мендера. Мороз. Но все еще пустыня кругом. Поезд останавливается каждые пять минут. Был у меня в гостях глупый нагловатый Гаркави. Хвастался своими эстрадными остротами. Например, в Военной Академии им. Фрунзе он сказал: Вы сокращенно называется ВАФ — наоборот это будет ФАВ, то есть “Фашистскую Армию Выгоним”!»

1943

2 февраля. Подъезжаем к Москве. Я не сплю и предаюсь грустным мыслям.

Мы — в Москве! Женья декламирует: «Здравствуй, милая, родимая, здравствуй, милая, любимая Москва!» С вокзала доставиться нет никакой возможности. Но начальник поезда откомендовал мне некоего Кузнецова, который за бутылку водки добыл мне грузовичок — и вторую бутылку дал я шоферу, и вещи мои были доставлены.

Аветовна взяла ключ от квартиры, и М. Б. оказалась на площадке перед своей квартирой со всеми вещами, и я после всяких мытарств очутился у Толстого. Толстой вчера был в ударе: прелестно рассказал, как возят Гитлера в клетке по всем городам СССР. Сначала собираются огромные толпы в Москве, в Ленинграде, потом надоедает глазеть на него, его возят по уездным, потом — по глухим деревням — и в конце концов никакого интереса к нему. Он страшно оскорблен, рычит, становится на дыбы: «Я — Гитлер». Но никакого интереса.

4 марта. Сегодня в 6 ч. утра позвонила Аветовна: «Ржев взят». От радости ничего не могу делать. Погода буйная: свирепые ветры, выюга.

5 марта. Вчера у Екатерины Павловны Пешковой. Откровенничала: как ненавидит ее Мария Федоровна. Поила кофеем. У нее Ася Абр. Ариан, которую Федор Гладков обвинил в сочувствии (?!) фашистам(!). Из-за этого она осталась на улице, и Екатерина Павловна дала ей приют. На улице столкновение с 11-летним бандитом.

Женья: «Дед, спрячь этот треугольник, а то завтра я могу нечаянно подумать, что он тебе не нужен, и возьму себе». (Ему очень хочется иметь треугольничек.)

Я читаю Carlyle's «History of Frederick the Great»¹. Поучительно! Вот где корни пруссизма, джингоизма, фашизма — и германского машинного тупоумия.

10 марта. Вчера звонок: «С вами будут говорить из Детгиза». Голос Голенкиной. «К. И., я вам должна сообщить, что мы получили указание не издавать вашей сказки». Я ничего не ответил и повесил трубку. Итак, победила Наумова, и советские дети остались без сказки.

¹ Карлейля «История Фридриха Великого» (англ.).

11 марта. Вчера звонок. Алимджан! Ехал _____ **1943**
20 дней! Приехал с Ломакиным! Едет на фронт! К _____
Рокоссовскому! Значит, узнает, что «Бармалей» запрещен!
Значит, «Бармалей» и в Узбекистане не выйдет! Решил идти к Тарле —
за советом.

Приехал Коля. Говорит по телефону с Мишей Слонимским.

22 марта. Приехала Марина с Татой и Гулькой. Поехали за вещами. Принялся писать о Чехове.

29 марта. 26-го выступал в Союзе Писателей на совещании. Очень плохо. Сам себе казался старым и провинциальным. Изумительно говорил Эренбург. Вчера в зале Чайковского читал воспоминания о Горьком (день его 75-летия). Вместе со мною выступали Фадеев, Федин, Сурков и Всев. Иванов. Фадеев (председатель) собрал все затасканные газетные штампы, смешал их в одну похлебку, и — речь его звучала как пародия. Она и есть пародия, т. к. единственное его стремление было — угодить не читателю, не слушателю, не себе, а начальству. Это жаль, потому что есть же у него душа! Федин мне рассказывал, что, когда из ЦК позвонили Фадееву, чтобы он написал похвалу Ванде Василевской, он яростно выругался в разговоре с Фединым и сказал: «Не буду, не буду, не буду писать», а потом на другой день написал и позвонил Федину: «Знаешь, “Радуга” не так и плоха». Написать-то он написал, а заказчики не взяли. Все же что-то в нем есть поэтическое и сильное.

Странный случай с Екатериной Павловной Пешковой. Мария Алексеевна (сестра Тимоши), слушая утром радио, вообразила, будто по радио передают статью Сталина о Горьком! Позвала Екатерину Павловну. Екатерина Павловна выслушала — и послала Сталину письмо: «Спасибо, что вы нашли время среди Ваших великих забот». Оказалось, что передавали... передовицу «Правды». Теперь Екатерина Павловна очень волнуется.

Она вообще мучительно переживает, что в Доме Ученых Мария Федоровна устроила посвященный Горькому вечер. Уже несколько дней вся не своя. Везла вчера к Кремлевской стене венок на могилу Горького.

Первое апреля. Мне LXI год. День прошел ужасно, хотя Марина сделала «Наполеон». В 6 часов я должен был читать в Могэсе (о Горьком), в 7 часов читать свою сказку в Информбюро. Но в Могэсе публика должна была собраться лишь к половине седьмого, и я, боясь опоздать в Информбюро, отказался от чтения, несмотря на все мольбы устроителей. И это жалко, потому что за-

1943 водская молодежь показалась мне очень милой и нуждающейся в живом слове. А когда я пришел в Информбюро, оказалось, что мог и не приходить: ни Тарле, ни Фадеев — и вообще никто — не пришли. А я смертельно устал от беготни по городу. Еле жив. Так и прошло мое рождение.

24/IV. Вышло «Чудо-дерево». С опечатками. Всего 25 тысяч экз.

25/IV. Читал «Одолеем Бармалея» — в зале Чайковского — и в Доме архитектора.

29/IV. Мне опять, как и зимою 1941/42 гг., приходится добывать себе пропитание ежедневными выступлениями перед детьми или взрослыми. [Далее перечислены даты, названия организаций, где К.И. выступал, темы лекций. Всего 29 выступлений. — *Е. Ч.*]

В Доме архитектора 25-го должна была быть Тимоша. Не была. Я спросил ее, почему. — Ах, у меня было важное дело! Я должна была везти в Барвиху водку... для рабочих... чтобы посадили картошку.

15/V. Телеграмма из Ташкента: «Печатание сказки приостановлено. Примите меры. *Тихонов*». Начал писать о Чехове. Увлекательно.

2 июня. О сказке еще никакого решения. Не знаю, что и делать. Завтра — в Союзе Писателей в 6 часов заседание Президиума для обсуждения сказки. Был сегодня у Толстого. У него такая же история с «Иоанном Грозным». Никто не решается сказать, можно ли ставить пьесу или нет. Ни Щербаков, ни Еголин, ни Александров. В конце концов он сегодня написал письмо Иосифу Виссарионовичу.

От Толстого — к Шолохову. Шолохов завтра утром улетает на Дон. Сидит в «Национали», трезвый, печальный. «Удивляюсь легкомыслию Москвы. Жители ведут себя так, как будто войны и нету. Людям фронтовым это странно». От Шолохова — вечером к Маршаку. Маршак вновь открылся предо мною как великий лицемер и лукавец. Дело идет не о том, чтобы расхвалить мою сказку, а о том, чтобы защитить ее от подлых интриг Детгиза. Но он стал «откровенно и дружески», «из любви ко мне» утверждать, что сказка вышла у меня неудачная, что лучше мне не печатать ее, и не подписал бумаги, которую подписали Толстой и Шолохов.

3 июня. Совещание Президиума по поводу моей сказки. Не пришли обещавшие придти Федин и Зощенко. Таким образом, из членов Президиума были только Асеев и Анна Караваева. Хорошо бы я был, если бы вчера не получил подписей Толстого и Шолохова! Все вели себя очень сплоченно — высказались за сказку единодушно: Мих. Слонимский, Перец Маркиш, Скосырев, Караваева и даже Асеев — начавший дискуссию: «что ж, прекрасная сказка!» Обратно я шел со Слонимским и Асеевым. Погода прелестная. Тверской бульвар в зелени. Нежно серебрится аэро-стат заграждения. На бульварах гомон и смех. Москве хочется быть легкомысленной. «Как много лишнего народа в Москве!» — говорил вчера Шолохов.

15/VI. Сейчас мне позвонил академик Митин, что Г. Ф. Александров сказку разрешил. Так зачем же злые вороны очи выклевали мне?*

20/VI. Женя первый раз был в театре — во МХАТ'е на «Синей птице».

— Ух, какой был Пес!.. А потом он сделал удивление: поцеловал кошку.

24/VII. Был вчера в Переделкине — впервые за все лето. С невыразимым ужасом увидел, что вся моя библиотека разграблена. От немногих оставшихся книг оторваны переплеты. Разрознена, расхищена «Некрасовиана», собрание сочинений Джонсона, *все* мои детские книги, тысячи английских (British Theatre¹), библиотека эссеистов, письма моих детей, Марии Б. ко мне, мои к ней — составляют наст на полу, по которому ходят. Уже уезжая, я увидел в лесу костер. Меня потянуло к детям, которые сидели у костра. — Постойте, куда же вы? — Но они разбежались. Я подошел и увидел: горят английские книги и между прочим — любимая моя американская детская «Think of it»² и номера «Детской литературы». И я подумал, какой это гротеск, что *дети*, те, которым я отдал столько любви, жгут у меня на глазах те книги, которыми я хотел бы служить им.

Вчера взят Харьков нашими войсками. Мне сказали об этом в библиотеке Ленина, где я занимался (в Научном отделе). Мы все

¹ Английский театр (англ.).

² «Подумай об этом» (англ.).

1943 — громко зааплодировали, а потом подбежали к окнам, из которых виден Кремль, — и восхищались трассирующими пулями (во время канонады).

Сейчас получил из Ташкента «Одолеем Бармаля» изд. Госуд. Изд-ва УзССР.

18/IX. Сейчас позвонил Зозовский: прилетел Тихонов, привез «Одолеем Бармаля» — но я занят Чеховым и не мог придти к нему.

20/IX. Получил долгожданного «Одолея». Плохо! Куча опечаток и отсебятины. Полное разочарование.

23/[IX]. Взята Полтава.!!

Тата вернулась с трудфронта. Первая ночь в родительском доме. Спит. И вдруг закричала. «Что с тобой?» — «Мне приснилось, что немцы запихивают меня в пушку “Катюшу”, чтобы выстрелить мною в русских».

7/XI. Взят Киев. Речь Сталина. Получена телеграмма, что 3-го Лида и Люша выехали из Ташкента.

25/XII. 4 дня тому назад скончался Тынянов. Хоронил его.

Сегодня утром у Марины родился сын.

20-го сдал Уитмена. Жене подарили калейдоскоп.

29/XII. Снова принялся за воспоминания о Репине. Купил Жене елку. Он говорит: «Я думал, что дед вообще принципиально против ёлок». (Ему шесть лет.)

1 января 1944. Встретил с Лидой, М. Б., Люшей Новый Год. Тата была у новорожденного: «Вот дуся! ах какой дуся»*. Вышли «9 братьев» — Колин роман. Взят Житомир — опять!!! На этот раз навсегда. Говорят, немцы присылали в Тегеран просить мира.

Был вчера у Михалкова, он всю ночь провел у Иосифа Виссарионовича — вернулся домой в несказанном восторге. Он читал Сталину много стихов, прочел даже шуточные, откровенно сказал вождю: «Я, Иосиф Виссарионович, человек необразованный и часто пишу очень плохие стихи». Про гимн Михалков говорит: «Ну что ж, все гимны такие. Здесь критерии искусства неприменимы! Но зато *другие* стихи я буду писать — во!» И действительно, его стихи превосходны — особенно о старике, продававшем корову.

После этого мне читала чудесные стихи Наташа Кончаловская: особенно оригинально про чайник.

Был у Качалова. Меня поразила неприглядность его жилья. Дымно, чадно, комната обшарпанная — он изумительно ласков, сердечен — предсмертно. У него грипп — тлеющий.

12/II. Говорили на кухне об изобретении машины для стирки.

Женя: «И еще надо выдумать машину: чтоб со мною ходила гулять и отвечала на все мои вопросы».

1 марта. Пошляки утешают меня: «За битого двух небитых дают — да никто не берет». — «Битье определяет сознание». В тот же день я был в Театре Ленинского комсомола — «Сирано». Играли скверно. «Нора» в тысячу раз лучше.

Статья в «Правде»*. Звонки от Фадеева, Вирты, Лены Конюс. Визит Корнелия Зелинского. Звонили: Перцов, Алянский, Тараховская, Шток, Эфрос и Ярославцев. Збарский бывает каждый день. Лена Конюс читает мне, чтобы я заснул. Михалков. Тимоша. Зильберштейн. Тихонов. Аветовна милая. Ирина Ричардовна.

Достоевский. (Для моей статьи о Чехове.) “Только то и крепко, подо что кровь течет”. Только забыли, негодяи, что крепко-то оказывается не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь проливают. Вот он — закон крови на земле*.

Читаю Достоевского «Вечный муж». Вольтера «Простак». Мопассана. Стихи Полонского. Биографию Достоевского — Страхова. Письма Достоевского. Гейне [нрзб.].

Васильев внушил отвращение не своим наветом у Щербакова. Это мне понятно: человек с навязчивой идеей предстал впервые перед тем, к кому стремился все эти годы, — обалдел — и, человек патологически обидчивый, свое подозрение, свою обиду, свою уязвленность излил как сущее. Гнусен он был *после доноса*. Вернувшись от Щербакова, он заявил мне, что он покончит жизнь самоубийством, что он не может жить с таким пятном, что он сейчас же заявит т. Щербакову о своей лжи. «Я не достоин подать вам руку!» — сказал он М. Б. Потом он сказал мне по телефону, что ему звонил Щербаков и запретил ему водиться со мной, а то бы он сейчас пришел ко мне; стал утверждать, что Щербаков все это затеял (!) из неприязни (!) ко мне. Когда я через 2 часа потребовал у него, чтобы он написал правду, он вдруг заявил, что ОГЛОХ, что не слышит меня, что через час он непременно напишет. Когда же я пришел к нему через час, он сказал, что он мертвецки пьян, и вел себя так слякотно, что я, человек доверчивый, воображавший, что он переживает душевные муки невольного лжеца и предателя, увидел пред собою дрянненького труса и лукавца.

10/IV. Были Н. Кончаловская и З. Ермольева. Кончаловская, чуть не плача, говорит об Эль-Регистане, который «вторгся в дом и сбил с пути Сереженьку». «Сереженька ничего не читает, ну ничего, пишет книжку “За что советская страна дает героям орден...” Папа сказал, что он не будет приходить ко мне, если из нашего дома не уйдет Эль-Регистан» и т. д. Эль-Регистан всегда был мне симпатичен. Он хороший журналист и добрый малый.

Ермольева едет в Америку.

Июнь на 28-ое. Ночь. Был вчера в суде на заседании, посвященном Кони. Читал слепой Гернет — по всем правилам старинной элоквенции — в одной из судебных камер. Гернет говорил напыщенно и старательно о деле Овсяникова, о деле Игуменьи Митрофаньи, о деле Засулич, — причем Кони у него превратился в абстракцию юридического благородства. И тянулось это три часа. Я пошел на эту пытку от тоски, от боли неудачничества. После

ударов, которые мне нанесены из-за моей сказки, — на меня посыпались сотни других — шесть месяцев считалось, что «Искусство» печатает мою книгу о Репине, и вдруг дней пять назад — печатать не будем — вы измельчили образ Репина!!! Я перенес эту муку, уверенный, что у меня есть Чехов, которому я могу отдать всю душу. Но оказалось, что рукопись моего Чехова попала в руки к румянному Ермилову, который, фабрикуя о Чехове юбилейную брошюру, обокрал меня, взял у меня все, что я написал о Чехове в 1914 году накануне первой войны и теперь — во время Второй, — что обдумывал в Ленинской библиотеке уединенно и радостно, — и хотя мне пора уже привыкнуть к этим обкрадываниям: обокрадена моя книга о Блоке, обокраден Некрасов, обокрадена статья о Маяковском, Евдокимов обокрал мою статью о Репине, но все же я жестоко страдаю. Если бы я умел пить, то я бы запил. Т. к. пить я не умею, я читаю без разбора, что придется — «Eustace Necklace» by Trollope, «Black Tulip» by Al. Dumas, «Barchester Towers» by Trollope, «Passage to India» by Forster¹, даже Олдингтона, даже «Newcomes»² Теккерея — и меня возмущает, какие крошечные горести, микроскопические — по сравнению с моими, с нашими — изображал роман XIX в., — и раз я даже хватил Тrolloпом оземь, когда он хотел заставить меня взволноваться тем, что богатая вдова, дочь священника, получила письмо — вполне корректное — от *холостого* м-ра Slope'a — и обсуждение этого эпизода отняло у автора 20 страниц, — и сотни страниц посвящает он столь же важной проблеме: останется ли некий поп во главе богадельни для престарелых до конца своих дней — или у него эту богадельню отнимут? Нам, русским людям, людям 1944 года, такие проблемы кажутся муравьиными, а порою клопными. Взял я на днях и без всякого интереса прочел «International Episode»³ Генри Джеймса и его же «Washington Square»⁴, которые мне когда-то нравились — эта регистрация мельчайших чувствований *даже не муравьев, а микробов*, — и почувствовал себя оскорбленным. Пожил бы этот Джеймс хоть один день в моей шкуре — не писал бы он этих вибрионад.

Третьего дня я был на вечере Ираклия Андроникова в Союзе Писателей. Он — гениален. Абсолютный художественный вкус. Но — и на нем потускнение.

¹ «Ожерелье Юстас» Тrolloпа, «Черный тюльпан» Ал. Дюма, «Барчестерские башни» Тrolloпа, «Поездка в Индию» Форстера (англ.).

² «Ньюкомы» (англ.).

³ «Случай из международной жизни» (англ.).

⁴ «Площадь Вашингтона» (англ.).

1944

29 июня. Вчера читал о Чехове в Белом зале Дома Ученых. Кроме Збарского не было ни одного из приглашенных мною друзей. Ни Чагина, ни Заславского. М. Ф. Андреева сказала, что Горький не верил Книпперше, будто Чехов, умирая, произнес «Ich sterbe»¹. На самом деле он, по словам Горького, сказал: «Ах ты, стерва!» М. Ф. не любила Чехова. Она не может, по ее словам, простить ему его отношения к Софье П. Бонье, с которой Чехов, по ее словам, жил 20 лет. Удивительно она оживлена, моложава, гармонична. На моей лекции был приглашенный мною Коваленко. Приглашенный по ошибке. Коваленко из Ташкента — бывший Управделами тамошнего Совнаркома. В его ведении были писатели, и он говорил: Кто такая Ахматова? Мы вышлем ее в Самарканд.

17/VII. Сейчас было мое последнее чеховское выступление — в зале Чайковского. Я прибежал туда в каких-то рябых шлепанцах, которые давно надо выбросить, — и *без носков*. Директор зала дал мне на время свои носки.

Вот несколько моих лекций о Чехове за последние дни [перечислены даты и залы, где проходили эти 10 лекций. — *Е. Ч.*].

Сентябрь 15. В Переделкине. Гулял вечером с Валентином Катаевым.

Ничего не пишу (первый раз в жизни!), читаю без конца и без интереса. Первый раз в жизни — никакого аппетита к работе. Вожу тачки с перегноем для малины и земляники, утомляю себя до бессонницы, до расширения сердца, но это приятнее для меня всего остального. Был у меня Павленко — хочет обновить журнал «Октябрь». Был с Натальей Константиновной.

5/X. Сейчас вырезали из «Нового Мира» мою статью о Репине.

3/XI. Сейчас вышел сигнальный Уитмен (10-е изд.).

21/XI. Третьего дня приехала Женина мама*. Она там, в Йошкар-Ола, вышла замуж. Женья вбегает: «У меня есть американские рейтузы и родная сестра». Очень интересно рассказывает она о смерти Николая Александровича Пыпина: Пыпин жил у меня на ленинградской квартире. Когда-то, лет десять назад, в качестве бывшего военного он был выслан из Ленинграда в Саратов. Я хлопотал о нем у Катаняна и тем погубил его*, потому что в Сарато-

¹ «Я умираю» (нем.).

ве он жил бы до сей минуты, а в Ленинграде он умер от голода. Женат он был на Екатерине Николаевне — и отношения у них были чопорные, церемонные — в петербургском стиле. И вот оказывается — незадолго до смерти он украл у нее одну картофелину, заперся в ванну и съел, а она стояла у двери и кричала:

— Н. А., вы — вор! вор! вор! Никто не знает, что вы вор, а я осрамлю вас перед всеми.

Вот — голод. А прежде всю жизнь он целовал у нее ручку и водил в концерты.

Читаю Thomas Hardy «Far from the Madding Crowd»¹.

Удивительно то, что ткань его повествований удивительно тонка, драгоценна, а то, что он шьет из этой ткани, — халтурная банальщина. Сюжет гораздо ниже манеры, техники.

25/XI. Сейчас позвонил с энтузиазмом Фадеев: ему понравились мои «ленинградские дети», которых я написал с маху, без пометки, даже не заметив.

3/XII. Павленко дал мне книжку Жоржика Иванова «Петербургские зимы», издана в Париже в 1928 г., записки о первых годах революции — о Сологубе, об Анне Ахматовой, Гумилеве и проч., о людях, которых я знал. Очень талантливо, много верного, но — каким папильоном кажется Жоржик. Порхавший в те грозные дни среди великих людей и событий. Таковы же были и его стихи: как будто хороши, но почти несуществующие; читаешь и чувствуешь, что, в сущности, можно без них обойтись. Одной такой же поэтессе я написал когда-то:

Ты еще не рождалась*,
Тебя еще нет.
Ты побоялась
Родиться на свет.
Ты кем-то несмелым,
Как будто во сне,
Начертана мелом
На белой стене.

Какими глуповатыми кажутся все выпады Жоржика — теперь [недописано. — Е. Ч.].

28/XII. Какая тоска! Вчера были Наташа Кончаловская и Диккий — первые занятия Love's Labor's Lost (Все труды любви — впусти!).

¹ «Вдали от обезумевшей толпы» Томаса Гарди (англ.).

Новый Год встретил с М. Б. — много говорили. Она вся измученная и отношением с Лидой, и бедностью, и бессонницей, и мрачными мыслями. Мне легче. Я каждое утро оболваниваю себя переводом Шекспира (*Love's Labor's Lost*) — уже перевел почти весь IV акт рифмованными стихами — так что мое утро свободно от углубления в печали, неудачи и боли. Ей же очень трудно.

Люди, которых я встречаю: Михалков, Кончаловская, Дикий — не утоляют души, но они милее других. Был вчера Цехановский (автор фильма «Телефон»). Был Харджиев. Я собираюсь в Болшево.

21/II 45. Две недели нелепо прожил в Болшево. Ничего не написал и не отдохнул. Тихонов. Александр Введенский — со мной за одним столом. Асмус. Табуны техников и механиков. Соскучился по Ленинской библиотеке. Сегодня еду обратно.

1/IV. Мне LXII года. Слава богу, все еще жив.

9-го VI. Был вчера у Александра Введенского. Впечатление мутное. Множество картин в четырех комнатах — есть прекрасные — 12—15, остальные подделка и дрянь. «Вот это — Рембрандт». «Это — Тициан». Есть подлинный Поленов, Похитонов. Он охотно все показывает. Даже сейф открыл и показал деньги — пачками. В гостях у него «преосвященный Филарет» — с пьяными и хитрыми глазками, 83-летний старик, — какой-то бородач вроде ломбардного оценщика, «китаевед», и какой-то математик. Среди картин много голых женщин — Филарет глядит и смакует. Картины создают пестроту. Разностильность, безвкусица, какофония. Жизнь тоже пестрая, сумбурная. Подмигивает на грудастую женщину, висящую у него над кроватью, и тут же надевает белый клобук, отправляясь служить вечерню. Когда они оба, Филарет (похожий на Иеронима Ясинского) — и «блаженный Александр», сели в машины, я попросил их подвезти меня к дому, — но потом передумал и поехал в цер-

ковь «к Пимену». Хор прекрасный, псалтырь читала какая-то монашка (?) отлично, но общее впечатление тягостное. Стоит стадо «верующих» — беднота, — а тут эти сытые и пьяные — ее надувают. Вышел сын Александра Ивановича, поп, и деловым голосом, но изредка крестясь, объявил, как конферансье, что «блаженный Александр» будет служить тогда-то и тогда-то, а по уставу нельзя слушать Евангелие, не купив предварительно свечку, потом объявил, что сейчас будет тарелочный сбор, и предложил жертвовать побольше, потом сказал, что блаженный Александр будет принимать желающих и в четверг, и в пятницу — и хотя не объявил таксы, но она чувствовалась. Сам Александр Иванович — при всей его безвкусице — чем-то симпатичен и мил, — но всё это окружение удушливо, и вообще нужно от него подальше!..

Третьего дня было собрание в «Сотруднике». Страшная безвкусица и бестолочь. Несколько дней назад был у меня Фадеев и рассказал мне, что на шекспировском диспуте, сидя рядом с Саррой Лебедевой, он сказал ей про Анну Радлову (во время моего доклада):

— Не думаете ли вы, что в этой Радловой все же есть что-то стервячье.

Он не знал, что Сарра — сестра Анны!

Записи Берестова

Скоро кончится война,
Скоро Гитлеру капут,
Скоро временные жены,
Как коровы, заревут.

Вот и кончилась война,
Как бы нам не прозевать,
По 20-му талону
Будут мальчиков давать.

Ах ты, Гитлер косоглазый,
Тебе будет за грехи.
На том свете девки спросят:
А где наши женихи?

Светит месяц высоко,
Не достанешь палочкой!
Через Гитлера косоного
Не походишь парочкой.

Скоро кончится война,
Мы вернемся к женушкам,
А погоны и ремни
Оставим ухажорочкам.

Как под городом Орловым
Шли жестокие бои,
Чернобровые мальчишечки
Лежали все в крови.

Девочек много, девочек много,
Девочек некуда девать.
Скоро лошади подохнут,
Будут девочек запрягать.

На тарелочке — две вилочки,
Кусочек пирожка,
Полбутылочки наливочки
Для милого дружка.

Ах, как сейчас подружки,
Отбивают друг у дружки.
Я сама теперь того,
Тай отбить бы у кого.

6-го июля. Переехали всей семьей в Переделкино. На грузовике. Чудесно. Люша приладила новый гамак. Начал писать сказку о Карагоне [позднее сверху вписано: «Бибигоне». — Е. Ч.] — последнюю сказку моей жизни.

Милая подружка,
Посмотри на небо.
Не летит ли лейтенант,
Не везет ли хлеба.

25 июля. Сказка моя затормозилась. Написанное кажется бездарным. Третьего дня ВОКС прислал мне извещение, что в «Atlantic Monthly» идет моя статья о Чехове. Я в ужасе. Ведь статья моя огромна, а «Atlantic Monthly»¹ маленький журнал, где может быть помещена одна десятая этой статьи! Что именно выковыряет из нее издатель? И тогда же, третьего дня, от неизвестной причины заболели пять моих утят и после страшных мучений трое из них скончались. (Может быть, съели мухомор?) Двое выжили. Хоронили умерших очень торжественно. Женя сделал милую могилку.

15 октября. Переезд в город с дачи. 2 ночи бессонные. Вчера — в Колонном зале. Ужас. Жду 10 часов: будет ли передаваться «Бибигон»? Боюсь, что нет. Читал ночью «Пиквика», переписку Блока и Белого, — черт знает, куда себя приткнуть. Скорее бы дожить! — или умереть!

¹ «Атлантик мансли» (англ.), ежемесячный литературно-политический журнал.

21 марта 46. Я в Узком. Артист Малого театра Михаил Францевич Ленин. Тотчас же стал развивать свою любимую тему: «гибнет(?) великий русский язык». В. В. Виноградов с женой: готовит доклад в Союзе Писателей «О безграмотстве (!) Леонова, Федина, Гладкова и др.». Ромашов правильно сказал ему, что беда во все не в «искажениях» русской речи со стороны Леонова и др., а в ее нивелировке, в ее обеднении и обескровливании; в произволе редакторов.

26 марта 46. Мне очень нравится академик Иван Матвеевич Виноградов, знаменитый математик. Вчера мы гуляли с ним и со здешней девочкой (12 лет) Мариной.

Я занимаюсь Некрасовым: сверяю черновые тексты, делаю выписки для «Литературного наследства».

30 марта. Погода: солнце, мороз, здоровье. Вчера я прочел пьесу Ромашова «Знатное семейство», очень хорошая пьеса, умело написанная. Гулял с Ив. Матв. Виноградовым, тот рассказал, что он ехал в поезде лет 15 назад и перед ним козыряли какие-то студенты своей ученостью, принимая его за бухгалтера, — и девицы смотрели на него сверху вниз — и вдруг в Севастополе к их вагону подошел шофер и сказал:

— Машина для академика Виноградова.

Он и сейчас с удовольствием вспоминает этот эффект.

31 марта. Вьюга. Бешеный ветер с севера. Как будто никогда и не бывало вчерашнего солнца (7 часов утра).

На балконе опять шарады, загадки, анекдоты.

Вор украл в вагоне у В. В. Виноградова бумажник. Тот сидел в вагоне и изучал Пушкина, подчеркивая те слова текста, которые были непонятны.

Вор: Что это вы делаете?

Виноградов: Составляю глоссарий. Вот видите ли (и объяснил ему целесообразность и необходимость такой работы).

Вор: Выйдем-ка со мною на площадку. Вот вам ваши деньги, вот ваш бумажник. У вас грешно брать. Приходите на Покровку в кафе. Спросите Кучерова.

Жена академика Наметкина оказалась родственницей Маршака: ее дочь замужем за Эликом.

Вчера В. В. Виноградов много любопытного сказал мне о Некрасове, о его поэтике.

Читаю Станиславского: мизансцены к «Чайке» под редакцией Балухатого. Какие это все пустяки по сравнению с «Чайкой»: орешки, папироски...

Сейчас сдуру читал публично академикам и членам корреспондентам отрывки из своей книги о Чехове.

Познакомился с ректором университета Галкиным Ильей Саввичем. Разговоры о Лебедеве-Полянском, Мещанинове, Зильберштейне.

На душе очень тревожно: как перед казнью: завтра день моего рождения.

Виноградов вступился за Балухатого. Я в своей книге о Чехове ущемил его, чуть-чуть царапнул.

1 час ночи. Принял мединал. Не заснул.

У Чехова в «Чайке»:

«— Лечиться в шестьдесят лет!

— И в шестьдесят лет жить хочется.

— Лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, извините, легкомыслие».

Но ведь легкомыслие главное мое спасение.

Как чудесно, что *в великий предсмертный канун* я еще раз могу с волнением и радостью читать Чехова.

Не заснул и с медиалом.

1 апреля 1946. День моего рождения. Хотя я не спал ночь, хотя ничего радостного я не жду, хотя и впереди и позади горькие обиды и смерти, настроение благостное, вполне именинное. Погода с утра ясная.

Первый подарок: дивная бумага от В. В. Виноградова!!

Туфли, зубную щетку, календарь, «блок тетрадь», *rapetrie*¹, — вот подарки, привезенные М. Б. Были Веберы, Збарские, Люшенка, Марина. *Rapetrie* от Жени и три рисунка.

Итак, у Чехова в «Чайке» к моему 64-летию:

Дорн: Выразить недовольство жизнью в 62 года, согласитесь — это не великодушно.

Сорин: Какой упрямец. Поймите, жить хочется!

Дорн: Это легкомыслие. По законам природы, всякая жизнь должна иметь конец.

3 апреля. Тоска и полный упадок сил. Оглушаю себя лекарствами. Скучаю по дому, по Жене, по Люше, по М. Б. Верхушки деревья качаются бешено, и стоит мне открыть мою небольшую форточку, чтобы распахнулась дверь и все бумаги полетели на пол.

Читаю В. Виноградова «Стиль прозы Лермонтова». Исчерпывающая работа, — фундаментальная, — но конец Лермонтову как живому писателю.

9 апреля. Как это благородно: бить битого! Старцев в «Советской книге» свел со мной счеты* (в своей рецензии на моего Уолта Уитмена).

10 апреля. Читал вчера «Чукоккалу». Меня слушали акад. Венедеев, акад. Наметкин, акад. Державин, акад. Брицке и др. Причем Державин рассказал мне, что впервые он слушал меня в Соляном Городке в 1908 г. еще в бытность студентом. А я опять правлю своего «Бибигона». Клише к этой книге уже сделаны, премии она не получила (на конкурсе) — выйдет серенькая, с плохими рисунками, но я правлю и правлю — неизвестно зачем.

¹ Почтовый набор (франц.).

Бричке интересно рассказывал, как он с товарищами воровал в детстве керосиновые лампы уличных фонарей. Вскарabкаются на спины друг другу, соберут штук десять ламп и давай играть ими в кегли.

Сегодня он делал замечание нашей хозяйке, зачем подала такие мелкие яблоки:

— Я крал яблоки во всех садах Московской области, такие мелкие мне никогда не попадались.

15 апреля, понедельник. Вчера Б. С. Ромашов читал всем свою комедию «Со всяким может случиться». Чтение мастерское, и язык свежий, но содержание неправдоподобное и в то же время банальное, дюжинное.

Вчера М. Б. привезла мне моего Григория Толстого, побывавшего в редакции Лит. наследства. Исковеркано до последней степени. Редакторы не оставили живого места, причем выправляли главным образом *слог*. Всякая живая мысль объявлена «*фельетонной*».

17 апреля. Среда. Приехал Андроников с Вивенькой. Утомлен. У него в комнате — а он с женой и дочерью занимает одну комнату, — живет теперь Н. А. Заболоцкий, которого милиция изгнала от Степанова. Кара Мурза, Петр Макарович, директор, встретил их величаво, дал им великолепную комнату № 35, и он пошел ко мне и с обычным артистизмом изобразил Тарле, взяв со стола у меня статью Тарле «Гитлеровщина и Наполеоновская эпоха» — и прочтя ее голосом Тарле и с его ужимками, и статья звучала как пародия. Я увидел мысленно даже накладку из волос, прикрывающую сбоку лысину Тарле, почувствовал его вставные зубы. Ежеминутно изгибаясь всем корпусом, поворачиваясь то вправо, то влево, он как бы доверительно каждому слушателю своим интимным, кокетливым голосом — как будто экспромтом, — предо мною стоял сам Тарле, а Андроников исчез, весь целиком просвеченный своим образом.

Эта способность *абсолютно* перевоплощаться и так, чтобы от тебя самого не осталось ни ногтя, он обнаружил, показывая Николая Леонтьевича Бродского, неумного человека, который излагает всякие банальности с большой *предварительной* мимикой: как будто сложная скрипучая машина долго приводится в движение, прежде чем вымолвит: «Лермонтов великий поэт». Причем Ираклий до того преобразается, что может тут же от лица каждого своего героя сочинять в его стиле соответствующие опусы. Мелькнул на минутку Илюша Зильберштейн, потом Маршак, говоря-

щий афоризмами, словно они только что пришли ему в голову (между тем как он повторяет их в тысячный раз), — и вдруг в репертуаре Андроникова появилось новое лицо — наш Женичка: Андроников был вчера у Марии Борисовны и застал у нас в доме несчастье: издох котенок, обкормленный Люшей. И Андроников показал сложное и огорченное лицо Жени, который нахмуренно слушает, как Мария Бор. рассказывает, как она, по совету ветеринарного доктора, дала котенку касторку, и пессимистически машет рукой, выражая полное презрение к медицинской науке. Я сразу даже уши увидел Женичкины. А Ираклий вдруг превратился в Пастернака, лицо у него стало выпуклое, вот этакое, профиль абсолютно изменился, глаза заблеставшие по-пастернаковски и пиджак у него превратился в пастернаковский. А потом Степан Александрович Переселенков, паралитик, который спорит с Илюшей: где кого скорее похоронят. Ну вот и концерт! Назначили в шесть — вместо девяти. Все 14 академиков налицо: Федор Аронович Ротштейн, Чернявский [т. е. Черняев. — Е. Ч.], Сергей Семенович Наметкин прибыл на 2 часа раньше, специально приехал Н. Д. Зелинский с женой и сыном Колей; Тарле удрал со Сталинского комитета — словом, аудитория величавая.

Очерк «На кухне» (о Шкловском) совершенно не дошел до аудитории. Ираклий смял его — хотя очерк прекрасен: в нем Шкловский и мудрец, и шут, и добряк, и деспот, и истерик, и как чувствуется эпоха! Шкловский дан как воплощение этой эпохи.

Больше всего понравился номер со Щидри и Соллертинским, где введен такой артистический трюк как имитация имитатора, — какой-то «альбинос» в «Европейской гостинице» при Щидри и Соллертинском «показывает» Соллертинского, после чего Соллертинский примиряется с тем шаржем на него, на Соллертинского, который создан Андрониковым. Все «вещественное» здесь обыграно до иллюзии. Когда Щидри ест макароны и в это время исполняет музыкальный мотив, весь охваченный музыкой, — вы видите макароны, вы чувствуете, что [за] щекой у него макароны (причем он ест макароны именно как немец), когда Щидри моет руки, вы видите мыло, полотенце. Очень понравился музыкальный мотив.

Очень хороша была «Оренбургская степь» — этот поезд, набитый писателями (Эйхенгольц, Шкловский, Вольф, Кирпотин) — окруженный великой эпохой, вихрями страшного времени.

19 апреля. Приехал домой, попрощался и с Тарле, и с Державиным, и с Черняевым, и т. д., и т. д. Привез внукам черного котенка.

1946

22 апреля, понедельник. Вчера был у меня Валя

Берестов и читал мне наброски своей записной книжки. Книжка крохотная, он носит ее в кармане штанов — и какие в ней шедевры талантливости. Я на радостях написал его матери, Зинаиде Федоровне, в Калугу большое письмо о том, что в его очерках виден и зрелый, безупречный, безошибочный вкус, и зоркий проникновенный талант, и благородная ненависть ко всякой фальши, и бронированность от всякого упадочнического, циничного, мелкого, вздорного. Какие записи об отце, о свирепости немцев, о героизме и нравственной выдержке пленных, о пассажирах в вагоне, о разговорах в толпе. Был у меня вчера Л. Квитко (с Бертой Самойловной) — и он рассказал, что Поликарпов снят «за грубость и самоуправство» — и что в Союзе Писателей атмосфера немного прояснилась. Квитко тоже восхищался Валею Берестовым.

23 апреля. Вчера у меня был Виталий Константинович Тренев, очень милый, добрый человек, но не без кулацких тенденций, о которых я всегда говорю ему. Он унаследовал от своих родителей страшную тягу к имуществу и приобретательству. Его отец за 10 дней до смерти просил Веру Смирнову (она рассказала мне) написать в «Литературной газете» о его (старика) участии в войне, т. к. он слышал, что старикам участникам выдают домики, а между тем у него была дача в Переделкине, был дом в Ялте, был дом в Симферополе. А милый был человек, теплый, хохол. Но стяжатель.

26 апреля. Третьего дня был у Фадеева. Он показывал мне сигнальный экземпляр «Молодой гвардии» — с розово-голубым (бездарным) рисунком. Толстая книга. Он с удовольствием взвешивает ее на руке. «Но «Последний из Удэге» — толще!» Чувствуется большой человек, у которого жизнь спорится и ладится; все он делает с аппетитом, с интересом к тому, что делает, чувствуя большое удовольствие от этой необузданной траты энергии.

8.V.46. С утра в Ленинской библиотеке. Смотрел критические статьи о Некрасове в «Москвитянине» и т. д. Днем в «Мурзилке». Вечером, впервые, у Твардовского. Чудесное впечатление: шестилетняя дочка Олечка, *понимающая* жена, много книг, внутренняя заинтересованность в литературе. Говорил о новой сказке Исаковского, которую «Правда» предложила ему изменить*. Жалуются, что его, Твардовского, «избранные стихи» печатаются 6 лет в Гослитиздате и все не могут выйти. О Еголине: был у нас в универ-

ситете профессором — посмешищем студентов. Задавали ему вопросы, а он ничегошеньки не знал. О Ник.

1946

Тихонове: саботирует все свои обязанности по Союзу Писателей: решительно ничего не делает. К нему обратились (Исаковский, Сурков) с Некрасовым: скоро юбилей. Он ответил: «Ох, у меня на руках много юбилеев! И марийцы, и украинцы, и евреи». Только руками замахал. Теперь они решили обратиться к Фадееву.

Июня 11-го. Мы переехали в Переделкино 7-го в пятницу. Вчера я выступал в Союзе Писателей с воспоминаниями о Горьком. Чудесно написаны воспоминания Каверина. Дарьюшка читала письма Алексея Максимовича к Макс у и к ним, внукам. Тихонов председатель. Познакомился с генералом Вершигора: красивый, гармонический приятный человек. Обрато ехал с Кавериным, который признался, что он терпеть не может произведений Горького.

Пытаюсь писать книгу «Некрасов как художник». Природа — прекрасная, спокойная, радостная, напоенная солнцем. Все насаждения М. Б-ны принялись и растут вовсю.

Июня 25, вторник. Третьего дня вечером пришел ко мне в Переделкино Алянский и сказал, что ведется большая кампания против «Бибигона»: будто бы Маршак всюду заявляет, что это бездарная вещь, и будто бы завтра (т. е. 24-го) в ЦК ВЛКСМ будет его ругательный доклад о «Мурзилке», главной темой доклада будет — ничтожество «Бибигона». Меня это как кипятком обварило: «Бибигон» вполне беззащитен. Стоит завтра какому-ниб. ослу заявить, что в этой сказке — политические намеки, и книга будет изъята, Детгиз не выпустит ее, «Мурзилка» прекратит ее печатание. Встревоженный, пошел я к Фадееву. Рассказал ему свое горе. Там был В. А. Каверин. Этот чудесный человек принял мое горе до такой степени к сердцу, что решил поехать завтра в ЦК ВЛКСМ, чтобы отпаривать удары, направленные против «Бибигона». Он взял у меня «Бибигона», которого он не читал, взял «Мурзилку» и, хотя у него болел живот (у него язва в кишках), хотя к нему должны были приехать строители, дабы начать постройку его финского домика, бросил все и поехал на выручку. Меня подвезла дорогая Зинаида Виссарионовна, которая приняла мои тревоги близко к сердцу и накануне (т. е. 23-го) — угощала меня дивными черешнями.

В ЦК ВЛКСМ собрались все подсудимые: Бабушкина, Халтурин, я, Алянский. В качестве судей прибыли библиотечарши, два-три педагога, Лидия Кон — и Каверин. К «Бибигону» предъявля-

ны были идиотские обвинения: «внучки мои *завизжали*», что это за выражение «завизжали»? и т. д.

«Мурзилка» — дрянной журнал, — но по существу никто не умел его выругать, говорили обиняками, о «Бибигоне» никто не сказал ни одного дельного слова, но разноса не было. Напротив, говорили, что «дети любят его», что «хоть это и чепуха, а забавно» и т. д. Каверин сильно поддержал меня: он сказал, что я владею «тайной» увлекать детей и что «Бибигон» энергичен, динамичен и проч.

В общем, все обошлось благополучно — но главный бой отложен на четверг. Мишакова, усталая, но все еще прелестная, сказала, что это совещание собирается по случаю того, что И. В. Сталин выразил свое неодобрение издающимся в СССР журналам и потребовал, чтобы они повысили свое качество. ЦК ВЛКСМ решило рассмотреть все журналы и каждому сделать свои предложения. Рассматривается каждый журнал дважды — сначала у Мишаковой, потом, на основе первого рассмотрения, у Михайлова. Так что еще раз будут сечь «Бибигона» в четверг.

Все это я записываю только для того, чтобы записать изумительное поведение Фадеева, который сегодня утром пришел ко мне узнать, чем кончилась вчерашняя история. «Мы с Ангелиной Осиповной так взволновались третьего дня». Фадеев говорил: о томе Толстого за 1859 год, как отвратителен его язык, в смысле похабщины: «Ангелина Осиповна стала было читать и сказала: Фу! и бросила». Говорил о Панферове: «я еще не читал его статьи, нужно прочесть, ведь несомненно, он придет ко мне плакаться». Панферов неплохой человек, но если б вы знали, какой невежественный. Вряд ли он прочитал хотя бы всего Тургенева...» Рассказывал о Горьком: Горький пригласил их всех, чтобы выслушать все их мнения, а потом изложить свое. Но кто-то (кажется, Динамов) только что начал излагать свое мнение, как Горький прервал его на полуслове — и стал читать свою статью, а потом отпустил домой.

10 августа. Катаев был у меня на днях — рассказывал о Маяковском. Маяковский на каком-то выступлении был не в духе и, казалось, без всякого остроумия вяло ругал своих оппонентов. Одному из них, который нашел в его стихах элементы хулиганства, он прямо сказал: «Вы — дурак!»

Тот обиделся: «Я говорю о вас в литературном плане, а вы».

Маяковский. Ну что ж, и я тоже говорю вам, что вы литературный дурак.

росли выше меня чуть не вдвое. В ночь на 19-ое к нам пробирался вор: выдал стекло в двери террасы. Встретил на улице Конст. Симонова. Он только что из Парижа, рассказывал о Бунине, о Тэффи, о Ремизове. Мережковские, оказывается, были заядлыми гитлеровцами и получали подачки от Муссолини. Эти богоискатели всю жизнь продавались кому-нибудь. Я помню их, как они лебезили перед Сытиным, перед Румановым. Помню скандал, когда суворинцы в «Новом Времени» напечатали их заискивающие письма к Суворину... * Сейчас узнал, что вчера на бедного Виталия Тренева налетела грузовая машина и нанесла ему тяжелые увечья.

Из поездки по Днепру воротился А. А. Фадеев... Есть признаки, что против моего «Бибигона» ведется яростная кампания... — Работаю над книгой о Некрасове. — Третьего дня Бабушкину вызвал к себе Михайлов и снял ее с работы. Халтурин тоже устранил. Я часто встречаюсь с Леонидом Леоновым — и люблю его великолепным характером. Это сильный человек — отлично вооруженный для жизни. Он приходит ко мне раза два в неделю — говорит без конца — но *никогда не говорит* о своих планах, удачах, заботах. Завтра у него, скажем, премьера в Малом театре, вчера у него вышла новая книга, — он говорит 3 часа и не проронит об этом ни слова. У него не только нет ни тени хвастовства, но напротив, он всегда говорит только о своих неудачах, провалах и проч. У него золотые руки: он умеет делать абажуры, столы, стулья, он лепит из глины портреты, он сделал себе великолепную зажималку из меди, у него много станков, инструментов, и стоит только посмотреть, как он держит в руках какие-нибудь семена или ягоды, чтобы понять, что он — великий садовод. При видимом простодушии он всегда себе на уме. Это породистый и хорошо организованный человек, до странности лишенный доброты, но хороших кровей, в нем много поэзии, — типический русский характер.

Третьего дня я был у Пастернака: он пишет роман. Полон творческих сил, но по-прежнему его речь изобилует прелестными невнятными туманностями.

23. Часы нашлись. Ночью была буря. Сломались бальзамины. Был Леонов. Говорил, что верит в бессмертие души, и рассказывал, как он вызывал тени Суворова и Нельсона. Он строит теплицу — великолепную и весь поглощен ею.

26. Неделя об Ахматовой и Зощенко*. Дело, конечно, не в них, а в правильном воспитании молодежи. Здесь мы все виноваты

ты, но главным образом по неведению. Почему наши руководители, Фадеев, Тихонов — не указали нам, что настроения мирного времени теперь неуместны, что послевоенный период — не есть передышка, что *вся* литература без изыятия должна быть боевой и воспитывающей?

Третьего дня был у меня Фадеев. Поправился, — розовый, толстый. Рассказывал о своей поездке в Одешину с Вандой Василевской, Корнейчуком и «Линой» [Ангелиной Степановой. — *Е. Ч.*]. Стреляли зайцев, ловили рыбу — водились с черноморскими рыбаками. Корплю над Некрасовым. Занимаюсь с Женей английским, арифметикой, русским.

У Федина — Алянский, Паустовский, Гус. Только и разговоров — о Зощенко и Ахматовой. Я всячески запретил себе подобные разговоры — они мешают работать.

Сегодня 29 августа в пятницу в «Правде» ругательный фельетон о моем «Бибигоне» — и о Колином «Серебряном острове»*. Значит, опять мне на старости голодный год — и как страшно положение Коли: трое детей, строится квартира и после каторжных трудов — ни копейки денег. Был у меня Боровой — мы гуляли с ним — было весело — пришли с прогулки — М. Б. говорит: «посмотри, вот статья о “Бибигоне”». Погода теплая, сыроватая. Все же у меня хватило силы прочитать Боровому о Некрасове, но сейчас сердце болит до колик — и ничего взять в рот не могу. Пришел Пастернак. Бодрый, громогласный. Принес свою статью о Шекспире.

Потом пришли Леоновы — с визитом. Он рассказывал о фильме «Глинка»: хороший фильм, есть места очень волнующие. Потом пришли Каверины — к Коле. У Лидии Николаевны умер брат, она ездила к нему в Ярославль. Они заканчивают постройку дома.

5 сентября. Весь день безостановочный дождь. Коле возвратили в «Советском писателе» уже принятую книгу «Рассказов» — у него в кармане 6 рублей вместо ожидаемых тысяч. В «Правде» вчера изничтожают Василия Гроссмана*. — Третьего дня у меня был Леонов. Говорит: почему Пастернак мешает нам, его друзьям, вступить за него? Почему он болтает черт знает что? Леонов строит оранжерею — с умилением говорит о ней. Рассказывал подробно о заседании президиума: выступление Фадеева об Анткольском и Гурвиче («почему Гурвич никогда не похвалит ничего советского?»), выступление Поликарпова против «Знамени», Тарасенкова — «вот есть статья о поэтах, и тут сказано: “Тихонов, Пастернак и т. д.”. Неужели вам это не обидно, т. Тихонов?»* — Я

читаю: «Благонамеренные речи» Щедрина, «Записки» Г. З. Елисеева, дневник Блока, — занимаюсь с Женей и не вижу никаких просветов в своей старикинской жизни: ни одного друга, ни одного вдохновения. В сущности, я всю жизнь провел за бумагой — и единственный у меня был душевный отдых: дети. Теперь меня ошельмовали перед детьми, а все, что я знаю, никому не нужно.

Вместе с Леоновым был у меня третьего дня Лидин. Рассказывает о своих книжных находках, о том, как в Милане он познакомился с дочкой Навроцкого, — и все это так же разрозненно, клочковато, как и все, что проходит теперь в моем раздробленном сознании. Были Евгения Владимировна Пастернак и Поля Арго — для довершения пестроты и клочковатости.

Меня мало смущают судьбы отдельных литераторов — и моя в том числе, — но неужели мне перед самой могилой увидеть судьбу всего мира?

Надо взять мою тоску измором — задушить ее непосильной работой. Берусь за мою рукопись о Некрасове, которая так же клочковата, как и все в моей жизни сейчас.

Был сейчас Нилин. У него ни гроша. Изъятие «Большой жизни» лишило его гонорара 440 000 р.* Но он счастлив: ему дана командировка в Донбасс, он вскоре поедет туда и попытается загладить ошибку. После Нилина пришел ко мне Леонов. Весел, молодой, похож на Сурикова (на портрете Репина). Ву зет фатигэ? Пермете муа!¹ — заговорил он на своем французском языке. Оказывается, сегодня уже кончилось заседание президиума. Результаты: Фадеев — генеральный секретарь. Тихонов, Вишневский, Корнейчук, Симонов — его заместители. В секретариате Борис Горбатов и Леонов... Сегодня в разговоре все свои сравнения он брал из области садоводства. О романе Фадеева: «какая структура у клена, какая структура у самшита, медленно создаются новые клетки. А вон за окном ваш бальзамин — клетки увидишь без микроскопа, огромный, в три месяца достиг высоты, какой клену не достичь и в 12, — но трава, бурьян. Таков и фадеевский роман». Говорит, что не может написать и десятой доли того, что хотелось бы. «А вы думаете, почему я столько души вкладываю в теплицу, в зажигалки?.. Это торможение. Теплица — мой роман, зажигалка — рассказ».

«Ненавижу утку полезного материала. Домработница Настя сыплет в траву овес для кур. Я убил бы ее за это. И все она делает

¹ Вы устали? Позвольте! (франц.).

так. Угощать я люблю, пусть едят, сколько хотят. Но взять яблоко, не доесть и бросить — это мне ненавистно...»

Нам привезли дрова.

Колина повесть «Серебряный остров» будет доведена до конца. Он получил в редакции 1800 рублей.

Зощенко и Ахматова исключены из Союза Писателей. Говорят, Зощенко заявил, что у него денег хватит на 2 года и что он за эти 2 года напишет такую повесть, которая загладит все прежние.

Леонов говорит, что всякий раз, когда он проезжает по колдобинам нашей дороги, он думает: почему бы каждому дачевладельцу не засыпать колдобину возле своего участка? Ведь это четыре лопаты!.. Очень весел, молод, красив. Кудри надвинуты на лоб, итальянскую шляпу набекрень, — же ву сальо!¹ — и пошел, освещая лужи заграничным фонариком.

По поводу пьесы Гроссмана, разруганной в «Правде», Леонов говорит: «Гроссман очень неопытен — он должен был свои заветные мысли вложить в уста какому-нибудь идиоту, заведомому болвану. Если бы вздумали придраться, он мог бы сказать: да ведь это говорит идиот!»

8. Опять солнце; возился с клубникой. Написал о Белинском в книгу о Некрасове.

10 сентября. Утро. Вбегает Женя. В руке у него лук и стрела. Лук самодельковый, а стрела — чудо: перо какой-то неведомой птицы, с медным наконечником, вроде тех, которыми стреляли команчи в дакотов. Женя сияет от счастья. Эту стрелу вместе с таким же замечательным луком привез отец (Конст. Симонов) Толе (Серову) из Америки. Толя забросил ее высоко на дерево. Я сбил ее камушком, постреляю немного — и после завтрака отнесу ее Толе.

Вчера вечером были у нас Леоновы, а я в это время был на чтении у Пастернака. Он давно уже хотел почитать мне роман, который он пишет сейчас. Он читал этот роман Федину и Погодину, звал и меня. Третьего дня сказал Коле, что чтение состоится в воскресенье. Заодно пригласил он и Колю и Марину. А как нарочно в этот день, на который назначено чтение, в «Правде» напечатана резолюция Президиума ССП, где Пастернака объявляют «безыдейным, далеким от советской действительности автором». Я был уверен, что чтение отложено, что Пастернак горько переживает «печать отвержения», которой заклеили его. Ока-

¹ Я вас приветствую (*франц.*).

залось, что он именно на этот день назвал кучу народа: Звягинцева, Корнелий, Вильмонт и еще человек десять неизвестных. Роман его я плохо усвоил, т. к. вечером я не умею слушать, устаю за день к 8-ми часам, но при всей прелесть отдельных кусков — главным образом, относящихся к детству и к описаниям природы, — он показался мне посторонним, сбивчивым, далеким от моего бытия — и слишком многое в нем не вызвало во мне никакого участия. Тут и девушка, которую развращает старик-адвокат, и ее мать, с которой он сожительствует, и мальчики Юра, Ника, Миша, и какой-то Николай Николаевич, умиляющийся Нагорной проповедью и утверждающий вечную силу евангельских истин.

Потом Юра — уже юноша сочиняет стихи — в роман будут вкраплены стихи этого Юры — совсем пастернаковские — о бабьем лете и о мартовской капели — очень хорошие своими «импрессионами», но ничуть не выражающие душевного «настройства» героя.

Потом Пастернак пригласил всех ужинать. Но я был так утомлен романом и мне показался таким неуместным этот «пир» Пастернака — что-то вроде бравады — и я поспешил уйти. Я считаю гораздо более правильным поведение Зоценко: говорят, что он признал многие обвинения правильными и дал обещание в течение ближайших двух лет написать такое произведение, которое загладит его невольную вину.

Был у меня Леля Арнштам. Его привез сюда Симонов. Работает над исправлением «Глинка»*.

Оказывается: Пастернак вчера вечером не знал, что напечатано о нем в «Правде»!!! Зинаида Ник. скрыла от него газету. Уже за ужином (рассказывает Марина) гости проговорились об этой статье, и он был потрясен... Но почему в таком случае Зин. Ник. не отменила чтение.

Был сегодня у Леонова: цесарки, гуси — чудесная оранжерея: выкрашена в голубую краску внутри — вся — даже лейка голубая. Чистота внутри, как в операционной.

15 сентября. Здесь С. М. Бонди. Вчера я был у него — посоветоваться по поводу ритмов Некрасова. Оказывается, Бонди в этой области еретик: он не признаёт ни ямбов, ни хореев. О 4-хстопном хорее он говорит, что это построение из двух частей — с устойчивым ударением на 3-м и на 7-м слоге, а вовсе не — $\cup|\cup|\cup|\cup|$, как воображает Шенгели.

16. Были вчера у Веры Инбер. Она рассказала о Маяковском. Маяковский пришел в какое-то кабаре вскоре после того, как Есенин сошелся с Айседорой Дункан. Конферансье — кажется Гаркави — сказал: «вот еще один знаменитый поэт. Пожелаем и ему найти себе какую-нибудь Айседору».

Маяковский ответил:

«Может быть, и найдется Айседура, но Айседураков больше нет».

Был у меня Леонов. «Корней Ив., клянусь вам, я терпеть не могу свои книги: недоделано, сумбурно, запутанно. Не хватает чеканки — ей-богу, я искренне, не думаю, что ломаюсь».

26 сентября. Первый погожий день после убийственной слякоти. Был у меня Ал. Ив. Пантелеев, и мы пошли с ним на Неясную поляну. За нами увязались веселые дети: Леночка Тренева, Варя Арбузова, Леня Пастернак и еще какие-то — шестилетние, пятилетние, восьмилетние веселой гирляндой — тут драка не драка, игра не игра*. Барахтаются, визжат, цепляются — в каком-то широком ритме, который всегда дается детям осенью, в солнечный день, — подарили мне подсолнухов, оборвали для меня всю рябину — и мне вдруг после страшно тяжелой похоронной тоски стало так весело, так по-детски безбрежно и размашисто весело, что, должно быть, Алексей Иванович с изумлением смотрел на этот припадок стариковской резвости.

28. Дождь. Целодневный. С Женей в гараже пилили дрова. Только теперь видно, как он окреп за лето. Пилит вовсю. И с каким удовольствием учится рубить. Но стоит мне рассмешить его, и он слабеет от смеха, топор валится у него из рук, он стоит скрюченный — это свойство унаследовано им от меня. Ал. Толстой знал, как расслабляюще действовал на меня смех, и нарочно смешил так, что я падал с ног, он садился на меня и набивал рот снегом (в Швеции).

13 октября. Ночью выпал снег. И хотя просвечивает солнце, снег держится упорно на деревьях и на ярко-зеленой траве. На этой неделе я пережил величайшую панику и провел несколько бессонных ночей. Дело в том, что я получил за подписью Головенченко (директора Гослитиздата) приглашение на заседание Редсовета — причем на повестке дня было сказано:

1. Решение ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и задачи Гослитиздата.

2. Обсуждение состава сборников избранных произведений Н. Н. Асеева и И. Л. Сельвинского и третьей книги романа В. И. Костылева «Иван Грозный». 1946

3. Обсуждение плана Полного собр. сочинений Некрасова.

Таким образом, моя работа над Некрасовым должна будет обсуждаться в качестве одной из иллюстраций к речи тов. Жданова о Зощенко, Ахматовой и проч. Я пришел в ужас. Мне представилось, что на этом митинге меня будут шельмовать и клеймить за мои работы над Некрасовым и в качестве оргвыводов отнимут у меня редакцию сочинений Некрасова, и мне уже заранее слышалось злорадное эхо десятка газет: «Ай да горе-редактор, испоганивший поэзию Некрасова». Это была вполне возможная награда за 35-летний мой труд, и мне представилось, что именно такова должна быть подготовка к юбилею Некрасова. Бессонница моя дошла до предела. Не только спать, но и лежать я не мог, я бегал по комнате и *выл* часами. Написал отчаянное письмо Фадееву и помертвельй, больной, постаревший лет на 10 пришел в Гослитиздат — под шпицрутены. Заседание было внизу в большом зале. Первая, кого я увидел, была Людмила Дубровина, глава Детиздата, которая на прошлой неделе велела вернуть мне без объяснения причин мою работу над Некрасовым, сделанную по ее заказу. К счастью, все обошлось превосходно. И все это было наваждением страха. Я остался редактором стихотворений Некрасова — и Дубровина осталась ни с чем.

12 ноября. Сегодня мы переезжаем в город. С самой нежной благодарностью буду я вспоминать эту комнату, где я ежедневно трудился с 3—4 часов утра — до 5 вечера. Это самая любимая моя комната из всех, в каких я когда-либо жил. Это кресло, этот круглый стол, эта неспоряя и вялая — но бесконечно любимая работа, как они помогали мне жить.

Союз обещал прислать грузовую машину за вещами, что были на даче, чтобы перевезти их в город. Машину ждали к 11 час., потом к 3-м. Уже в темноте — с запозданием на 8 часов грузовик наконец приехал, в 9 ч. отбыл из Переделкина — и в центре Москвы у Смоленского рынка был ограблен. На глазах у тысячи людей на него напали мальчишки и схватили 2 или 3 «авоськи» — одну с мукой, другую с крупой и хлебом!

Фадеев ведет себя по отношению ко мне изумительно. Выслушав фрагменты моей будущей книги, он написал 4 письма*: два мне, одно Симонову в «Новый Мир», другое Панферову — в «Октябрь», хваля эту вещь; кроме того, *восторженно* отзывался о ней в редакции «Литгазеты»; и, говорят, написал еще большое письмо о том, что пора прекратить травлю против меня.

Он переутомлен, у него бессонница, работа сверх головы, прочитывает груды чужих рукописей, одни приемы в Союзе отнимают у него десятки часов, но — грудь у него всегда вперед, движения очень четки, лаконичны, точны, и во всем, что он делает, чувствуется сила.

В Переделкино мы прожили ровно 6 месяцев. Боюсь, что это были последние мои переделкинские месяцы.

13 ноября. Утром вбегает Женья:

— Радость! Радость!

И показывает новый номер «Мурзилки», где нет «Бибигона»!* «Бибигона» оборвали на самом интересном месте, причем — и рисунки Конашевича стали лучше! Главное, покуда зло торжествует, сказка печатается. Но там, где начинается развязка, — ее не дали детям, утаили, лишили детей того нравственного удовлетворения, какое дает им победа добра над злом.

18 ноября. У руководителей Союза Писателей — очень неподвижные лица. Застывшие. Самое неподвижное — у Тихонова. Он может слушать вас часами и не выражать на лице ничего. Очень неподвижное у Соболева. У Фадеева, у Симонова. Должно быть, это — от привычки председательствовать. Впрочем, я заметил, что в нынешнюю волевою эпоху вообще лица русских людей менее склонны к мимике, чем в прежнее время. Мое, напр., лицо во всяком нынешнем общественном собрании кажется чересчур подвижным, ежеминутно меняющимся, и это отчуждает от меня, делает меня несолидным.

Вчера сдал, наконец, статью о Некрасове в «Новый Мир»*. Симонов работает в журнале очень много: вчера весь день сидел в редакции, запершись с Кривицким. Вот сколько инстанций прошла моя статья: с нею познакомились Фадеев, Симонов, Н. И. Замошкин, Бровман, завтра прочтет Кривицкий — и, конечно, это только начало.

Вчера Женья получил первую пятерку — «за изложение».

23 ноября. Женья заболел на 3-й же день после получения пятерки. У него свирепая ангина.

Я дал в «Огонек» открытое мною стихотворение Некрасова:

Администратор оступился,
Писатель глупость сочинил,
Ура! весь город оживился,
Как будто праздник наступил, —

и т. д.

Ступникер возвратил мне его, т. к. «могут найти параллели»!!! Стихотворение написано в 1867 году. 1946

В «Литгазете» завтра идет моя статья. «Белинский о поэме «Несчастные»» — первое мое выступление в печати после «Бибигона»!

Жене подарили двух попугаев. Он назвал их Бибигон и Цинцинэлла.

28 ноября. 3 дня [назад] приехал Коля Лури, мой племянник, сын Маруси, гвардии капитан. Едет из Ленинграда куда-то в Сибирь, где, оказывается, живет Катя. Она — счетовод в колхозе — нарушила какие-то правила, и ее посадили в тюрьму, Марусину дочку! Я достал вчера для Коли билет (в редакции «Гудка») — и он покатиł выручать ее. Вообще он показался мне добрым и милым, но я так давно не видел его, что говорил ему, моему племяннику, *вы*.

29 ноября. Пятница. Сегодня опубликован список членов Некрасовского комитета. Еще вчера вечером Фадеев не знал об этом. Он сказал мне: «Очевидно, правительство решило не устраивать 125-летнего юбилея. Будет только 150-летний».

А сегодня утром звонит: К. И., Юбилейный некрасовский комитет состоится. Вы включены. Что делать? Кто должен быть докладчиком? Лебедев-Полянский? Еголин, как нарочно, в Сочи (я послал ему молнию), а Твардовский улетел в Болгарию. Все были уверены, что Некрасовского комитета не будет.

Сегодня в «Литгазете» в первый раз новый редактор Ермилов — приступил к исполнению своих обязанностей. Я поднялся на 3-й этаж — в самую гущу заседания — увидел Е. И. Ковальчик, Брайнину и др. Ермилов сказал: «вас интересует ваша статья? Она пойдет. Мы прочли ее — отличная статья». Между тем статья слабоватая — и найденные мною стихи Некрасова плохи: явный черновик! Позвонили из «Известий», не дам ли я статейку о Некрасове.

2 декабря. Опоздал на заседание Некрасовского комитета и захватил не ту папку. Нет ботинок, т. е., пожалуй, и есть, но такие большие, что на них не имеется калош.

Фадеев шутя сказал на заседании: «Чуковский напишет для меня доклад». Хвалил мою книгу.

15/XII. У Лиды болят глаза — лопнул сосуд. Симонов (К.) предложил ей заведовать стихами в «Новом Мире».

3 декабря я читал о Некрасове в Союзе Писателей (Секция поэтов) по приглашению Веры Инбер. Большой успех — но из писателей ни одного. Почему-то генерал Игнатьев с женой, Пустынин. [Далее перечень еще 10-ти мест, где К. И. читал лекцию. — Е. Ч.]

В «Культуре и жизни» наконец-то обозвали меня пошляком и пасквилянтом за... «Собачье царство»* (от 10 декабря).

20/XII. Вчера читал в клубе им. Серафимовича при каком-то военном заводе. Клуб огромный, коридоры, лестницы, плакаты. Сцена величиною с Казанскую площадь. Я долго отказывался, но меня Христом Богом молили какой-то артист Николаев, какая-то девица из Филармонии и жена Николаева (как потом оказалось): «У нас уютно, у нас так жажнут, так жажнут... Вся интеллигенция завода... инженерно-технический состав... Будьте так великодушны...» Я согласился. Продержал корректуру своей статейки для «Нового Мира» (которая мне не нравится, т. к. она вся написана во время бешеной травли меня Детиздатом — невдохновенно и робко) — и не мог отдохнуть, так как меня посетил Заболоцкий, потом — И. А. Груздев по поводу Некрасова, — я никак не мог досидеть дома и поговорить с Груздевым как следует, так как ждет «актер Николаев». Не выпив чаю, сбежал вниз — нет Николаева! Он прибыл через полчаса в маленькой машине со своим шофером, которому он платит 1200 (как он сообщил потом) — бобровый воротник, бобровая шапка — везет меня в клуб — приезжаем: в огромном зале человек 50 — не больше — холодно! — «куда же натопить такую махину» — я в дурацких валенках, в порванном пиджаке — на огромной сцене со своими бумажками — о семантике и мелодике Некрасова. Никто не слушает, разговаривают, ходят — оказалось, это все девицы и парни лет по 17 — и Николаев, конечно, все это знал отлично — и втравил меня в эту тоску со специальной целью: тут же в коридоре меня подстерег его друг Чернобровкин (с которым он на «ты»), у этого Чернобровкина рукопись страниц 400 — и он хочет ее напечатать. Я почувствовал себя по горло в пошлости — и таким несчастным, что хоть плачь.

Вечером к Збарским. Он сейчас из Парижа. Загорелый, усталый — показывал вырезки из парижских газет, где Zbarsky, Zban-sky и даже Zvarski и проч. Рассказывал, как любят нас французы и как разрушен Кенигсберг; какие руины в Берлине, — и взялся устроить меня в онкологический институт на операцию. И я вдруг почувствовал радость, что у меня рак и что мне скоро уйти из этого милого мира, я почувствовал, что я и вправду — страдалец — банкрот — раздавленный сапогом неудачник. Абсолютно ни

в чем не виновный. Я вспомнил свою жизнь — трудженическую, вспомнил свою любовь — к детям, к книгам, к поэзии, к людям, вспомнил, как *любили* меня когда-то Тынянов, Леонид Андреев, Кони, как тянулись ко мне миллионы детей, — и увидел себя одинокого, жалкого, старого на эстраде безлюдного клуба... оклеветанного неизвестно за что...

21/XII. Ночь. Сегодня утром в 10 часов за мной приедет машина и повезет меня в клинику, где д-р Левит, специалист по раку, онколог. Лучше 10 операций, лучше смерть, чем одна заметка в «Литературе и жизни», написанная лжецом и прохвостом, пятнающая твоё доброе имя.

Ночь на 28/XII. Был у меня Ираклий. Пишет диссертацию — о своих лермонтовских изысканиях. Клянётся, что у него нет денег даже на бритьё. Он долго говорил со мной о нападках «Культуры и жизни» и предупредил, что можно ждать дальнейших нападков.

26-го я читал о Некрасове в Институте усовершенствования учителей.

Получил от Коли Лури телеграмму: «Дело пересмотрено всё порядке».

Какой изумительный брат. Поехав в Сибирь к осужденной, погибшей сестре, спас её (когда дело было почти безнадежно) — выручил её из ужасной беды. И какие четкие, скромные, дельные писал он мне письма. Маруся была бы счастлива, если б увидела его.

31 декабря утром. Приехал Коля Лури. Рассказывал часа два обо всех перипетиях своей сибирской поездки. Он добился пересмотра дела и бегал от одного прокурора к другому, выносил 50-градусные морозы, и в конце концов Кате дали условный приговор, так что она свободна. Замечательно, что почти о каждом, с кем он встречался по этому поводу — о прокурорах, о председателях судов, о начальниках лагерей и о их заместителях, он говорит — о каждом — «хороший человек», «неплохой человек», а с одним прокурором он даже подружился. Говорит: в Сибири очень сытно.

Лег в 9 часов вечера; спал до 11.45.

Разбудили застенные новогодние вопли. Попили мы с М. Б. чаю — и я засел за корректуру глупейших некрасовских пьес.

Сегодня придет ко мне Юлиан Григорьевич Оксман, только что вернувшийся из ссылки.

5 января. Вчера читал в зале Чайковского — о Некрасове — школьникам.

8 января. Был у Левита. Конечно, у меня РАК. (Cancer.) 21–25 будет 1-ая ОПЕРАЦИЯ. — М. Б. стала ко мне мягче и уступчивее. Очевидно, Левит сказал ей. Но как я себя чувствую? Очень неплохо. Заметка в «Культуре и жизни» взволновала меня гораздо сильнее. И вот почему. Там чувствуешь полную несправедливость и лживость, а здесь есть закономерность, свой резон. Никаких возражений не вызывает такая короткая запись: К.И.Ч. (1882–1947).

Друзья притворно-безмятежны,
Угрюм Кадо, мой верный пес*.

Но у меня нет ни верного пса, ни друзей; — а сколько людей, которым я сильно мешал, обрадуются моему исчезновению: Евгений-Максимов, Маршак, Еголин и т. д., и т. д., и т. д. У Лидочки будет просторная комната...

10 февраля. 8^{1/2}. Через час операция. Я спокоен. Написал сегодня для Зильберштейна заметку для «Художественного наследства». Здесь в больнице — серьезный, терпеливый, симпатичный народ. Теснота: вместо 100 коек — 104. Операции тяжелые, страдания огромные — но персонал заботливый, дисциплина. Если бы не шум в коридоре, жизнь моя была бы вполне благополучная.

11 февраля. Вот мои вчерашние впечатления. В 10.55 мин. меня положили на стол. Сурово, деловито, без улыбки. И сразу превратили в вещь... 1947

Сейчас меня повели в лабораторию и показали предварительную запись (в толстой книге), что у меня фиброзная опухоль, и сестра промолвила с огорчением:

— А вот у моей больной — рак. 44 года. Молодая, цветущая!
Про нее в книге записано: Cancer ventriculi.

12 февраля. Не спал всю ночь. Заснул под утро. В 7 час. утра меня будит сестра Клава:

— Тов. Чуковский!

С ужасом вскакиваю.

Оказывается — она принесла мне усыпительное и *разбудила*, чтобы я принял его.

Потом я узнал, что в тот же вечер она делала доклад о том, как надо относиться к больному. Она в этом деле — отличница.

14 февраля. Вчера был у меня Маршак. Принес мне коробку отличных конфет, читал свои переводы сонетов Шекспира, вспоминал наши старые времена. Рассказывал он, как ехал на извозчике с Клячко. Клячко говорил ему: напрасно вы думаете, что вы так знамениты. Вот спросим извозчика: — Извозчик, знаешь Маршака?

— Нет.

Тогда Маршак в свою очередь обратился к извозчику:

— А Клячку ты знаешь?

— Как же! Вон она сволоочь, клячка.

И хлестнул свою кобылу хлыстом.

После его посещения я очень устал и теперь кисну.

15 февраля. Врачи кажутся мне очень милыми, благородными, надрывно-работающими. Я так втянулся в их коллектив, что мне будет грустно расставаться с ними. Великолепна атмосфера, которой они дышат: забота о конкретном живом человеке — и наука. И как дружен коллектив каждой палаты, как волнуются все, когда один из их числа в операционной, как ждут его возвращения, как ухаживают за ним. И это всюду — в каждой палате, во всех случаях...

Сегодня был у меня Андроников с Вивой. Привез мне изюму. Врачи сошлись, чтобы послушать его. Был А. С. Попов, была Эльза Федоровна, Мария Александровна, Рина Борисовна. Андроников показал сцену «Маршак и Андроников у телефона». Велико-

1947

лепно передал он звучание смеха, передаваемое телефонной мембраной. Сидел у меня часа три. Замечательную вещь я подметил в его искусстве сегодня. Он рассказывал мне содержание речи Фадеева — о Пушкине, о Тургеневе, о Толстом и Чехове — и заботился только о том, чтобы точно передать эту речь, но, передавая ее, очевидно, так ясно представлял себе Фадеева, что незаметно для себя самого стал воспроизводить его интонации, вскидывал по-фадеевски голову и смеялся тем внезапным, мгновенно потухающим смехом, который характерен для Фадеева. Чем больше вспоминал он *содержание речи*, тем живее возникал перед ним образ Фадеева — и это происходило независимо от воли Андроникова, само собою, нечаянно. Он показал ту физиологию, которой обусловлена логика, и логика от этого потеряла свою общеобязательность.

17 февраля. Вчера были Збарские. Он, оказывается, изобрел когда-то производство хлороформа в России. По этому поводу был вызван из провинции принцем Ольденбургским в столицу, который и приказал реализовать изобретение. Збарский очень живо показал этого умного и дельного старика. В 1916 г. Борис Ильич много заработал на своем изобретении.

18 февраля. Вот я и дома. Попугаи, телефоны, шахматы.

24 февраля. Вчера был у Людмилы Толстой по случаю годовщины смерти Алексея Николаевича. Огромный стол в виде буквы «Т» ломится под яствами. Пришли художник П. П. Кончаловский с женой, Майский с женой, граф Игнатъев с женой, Меркуров, Е. П. Пешкова, Федин с женой, муж Марьяны (генерал) с Машей, внучкой Репина, Шкловский и т. д. Мне стало грустно, я сбежал. Вместе со мною удрал Меркуров, скульптор, — во дворе мы разговорились с ним. Я сказал ему, что сейчас мне делали операцию. Он в ответ сообщил, что ему делали 12 операций, причем когда перечислял, оказалось, что их было 13. Одна ужаснула меня. Во Франции знаменитый хирург вырезал пациенту больную почку, потом повернул его на другой бок — и вырезал другую, здоровую. Мне было так тяжело, что я обрадовался, когда Сергей Дмитриевич пригласил меня к себе — посмотреть его новые работы. По дороге он угощал меня анекдотами — колоссально непристойными, причем уверял, что ему их рассказала сейчас жена одного генерала. Приехали мы в его ателье — я чуть не написал: фабрику. Во дворе засыпанные снегом — бюсты членов Политбюро, огромная панорама-барельеф, фигуры, памятники — очень причудливо — во

тьме, в снегу — сказочно, — в трех мастерских я видел титана Гоголя, у которого плащ развевается, точно в аэротрубе, веселого гиганта, — в котором нет ни одной гоголевской черты, и несмотря на крупные пропорции — дряблая и вялая фигура. Тут же позолоченный саркофаг Калинина; тут же великолепно обобщенный — очень благородно трактованный Сталин — для Армении: голова гигантской фигуры. Но главное: маски. Он снимал с умерших маски. Есть маска Макса Волошина, Андрея Белого, Маяковского, Дзержинского, Крупской и т. д., и т. д., не меньше полусотни — очень странно себя чувствуешь, когда со стен глядят на тебя покойники, только что бывшие живыми, еще не остывшие (Меркуров снимает маски тотчас же после конвульсий).

Потом он угостил меня ужином и показал старую книгу Грабаря, где приведены цитаты из Антокольского (нарочито еврейские: «Я махаю саблех» и проч.), и стал доказывать антисемитизм Грабаря. Потом по воспоминаниям Грабаря доказал, что Грабарь небезвыгодно для себя продавал за границу эрмитажные картины и проч. — И все же впечатление от него очень милое: несмотря ни на что, это талантливый, жизнеспособный человек.

17/III 1947. Недавно в Литгазете был отчет о собрании детских писателей, на котором выступал и я. Газета перечисляла: Маршак, Михалков, Барто, Кассиль *и другие*. Оказалось, что «и другие» это я.

Замечательнее всего то, что это нисколько не задело меня.

Когда-то писали: «Чуковский, Маршак и другие». Потом «Маршак, Чуковский и другие». Потом «Маршак, Михалков, Чуковский и другие». Потом — «Маршак, Михалков, Барто, Кассиль *и другие*», причем под этим последним словом разумеют меня, и все это не имеет для меня никакого значения. Но горько, горько, что я уже не чувствую в себе никакого таланта, что та власть над стихом, которая дала мне возможность шутя написать «Муху Цокотуху», «Мойдодыра» и т. д., совершенно покинула меня, и я действительно стал «*и другие*».

Приехал Конашевич. Завтра он и Алянский обедают у меня.

Женя все еще болен: вот уже больше месяца у него повышается вечерами температура. Мучительно, что по телефону голос у него Бобин.

— Дед! Ну что дом?

— Какой дом?

— А тот, что напротив.

Против наших окон строят дом, и ему интересно, сильно ли продвинулась постройка.

19/III. Вчера был Конашевич. Привез М. Б-не букет чудесных цветов, мне — оттиск (литография) «Караванная улица». Чудесно выглядит, глаза молодые, шуба великолепная из тончайшего сукна, на меху, костюм изысканный, и весь он — красивый, счастливый, гармонический, чистый. За обедом рассказывал много о своей внучке, 4-летней Аленушке, — талантливо изображая ее, весь ее характер. Он будет иллюстрировать моего «Мойдодыра». Я был очень рад ему и его счастью.

Потянуло меня писать статью «Некрасов и Гоголь». Очень любопытная тема.

23 марта. Я завтра иду к Дубровиной. Свидание с Дубровиной не состоялось. Назначено на — 25 марта. Свидание это очень волнует меня, но в тысячу раз больше волнует бумажка, полученная Лидой* третьего дня из Свердловского Райвоенкомата — о Бобе. Явиться в Райвоенкомат с бумагами, с его призывным свидетельством. Что, если он жив! Не заснул ни на секунду — от волнения.

С Дубровиной у меня разговор будет о бесстыжем отношении издательства ко мне.

1 апреля. День ангела. 65 лет. Сижу над 3-м томом Некрасова.

10 июня. Ночь на 11-ое. Не могу заснуть: весь день писал о Феофиле Толстом, а вечером принесли мне из Гослитиздата два тома моих комментариев с просьбой поправить немедленно. Я поправил — согласно двум рецензиям — Козьмина и Богословского — всего лишь один том — и переутомился. Вечером вместо того, чтобы пойти погулять, засел с Катей за шахматы — и вот не сплю. Звезды. Тишина. Лают собаки. М. Б-не чуть-чуть лучше. Вчера был у меня Заболоцкий. Он только что вернулся из Грузии. Совершил там большую поездку по колхозам с Тихоновым, Антокольским и Гольцевым. Приехал за семьей.

Прилетел на самолете. Поправился, загорел, наконец-то его жена сможет отдохнуть — проведет с ним два месяца в Грузии. Написал стихи о самолете.

Видел я Пастернака. Бодр, грудь вперед, голова вскинута вверх. Читал мне свои переводы из Петёфи. Очень хорошо — иногда. А порою небрежно, сделано с маху, без оглядки...

Коля переводит таджикский эпос. Эпос очень хорош, и перевод превосходен. Гулял с Нилиным. Весь в своей будущей пьесе.

16 июля. Среда. Вчера у Федина — пожар. Дом

1947

сгорел, как коробка спичек. Он — седой и спокойный, не потерял головы. Дора Сергеевна в слезах, растерянная. Я, Лида, Катя — прибежали с ведрами. Воды нет поблизости ни капли. Бегали к Трениным. Больше всего работали Югов, Херсонский и я. Чуть только загорелось, прибежал Чернобай, дворник Фадеева, и пытался похитить чемодан. Федин настиг его и накоматылял ему шею. Прибежали деревенские ребята и ободрали все яблони, всю землянику. Лида спасла от них кучу вещей. Я, совершенно не чувствуя старости, носил воду, залил одно загоревшееся дерево. Литфонд показал себя во всей красе: ни багра, ни бочки с водой, ни шланга. Стыд и срам. Пожар заметили так рано, что могли бы потушить 10-тью ведрами, но их не было.

Еду сегодня к Еголину — назначено в три часа.

8 ноября. Послезавтра уезжать. Мокрый снег. Только что закончил писать свою отповедь друзьям Максимовича. Ко всем моим бедам прибавилась и эта клевета. Должно быть, в 1935 году, а может быть и раньше, познакомился я с А. Я. Максимовичем. Это был полураздавленный, жалкий, неприкаянный молодой человек, только что вернувшийся из ссылки. Я взял его к себе в секретари, выхлопотал ему паспорт. Он ожил, стал бегать по моим поручениям и, так как главное мое занятие в то время был Некрасов, — прилепился душою к некрасовским темам. Вначале мне казалось, что из него не будет толку, так как он не владел литературною речью, но он был на диво настойчив, работая — и загорелся своей темой, как пожаром. В несколько лет из него выработался большой специалист по Некрасову — и когда в Гослитиздате было затеяно Собрание сочинений Некрасова, мы привлекли его к работе над некрасовской текстологией. Он страстно отдался этой работе и сделал ее всю с большим умением, но и с большими претензиями. Он потребовал, чтобы мы признали его моим соредактором. Если выразить количество тех поправок и дополнений, которые я внес в некрасовские тексты за 35 лет моей работы цифрой 100, количество поправок, которые внесены Максимовичем, едва ли можно будет выразить цифрой 0,01 — и тем не менее Евгеньев-Максимов и Лебедев-Полянский, чтобы напакостить мне, утвердили его моим соредактором. Я не противился, ибо не в этом было мое честолюбие. Это было в 1938 году. Вскоре Максимович умер. Мы затеяли новое издание, которое я осуществил без всякого его участия, и вот Евгеньев-Максимов требует, чтобы я поставил на обложке фамилию Максимовича как моего соредактора.

Требование подлое, внушенное завистью. С тех пор, как в 1918 году по настоянию А. Блока и А. Луначарского меня, а не Евгеньева-Максимова сделали редактором стихотворений Некрасова, Евгеньев-Максимов не может простить мне этого, как ему кажется, *distinction*¹ и науськивает на меня кого может. И вот уже 4 дня я пишу свои объяснения по поводу А. Я. Максимовича, которого я очень любил и которому сделал добра больше, чем все его друзья, взятые вместе.

Был у Липатова, был у меня Голосовкер, заходил Виталий Константинович. Здесь мне было чудесно, в Переделкине. Я написал о Феофиле*, двинул свою книгу о Некрасове, закончил работу над двумя первыми томами, сделал книгу Некрасова для Детгиза — работал с легкостью по 8 и по 10 час. в сутки. Был абсолютно здоров. Денег хватало. Проредактировал вновь воспоминания Авдотьи Панаевой.

Ольга Ив. жарко натопила мою печь — и в комнате — в ноябрьскую ночь — ожила бабочка, не успевшая сгинуть в августе. Кругом ни цветка, ни листочка. Ползает по книгам, по стене, по портретам — неприкаянная. Все для нее враждебно-чужое. Я смотрю на нее с жалостью, потому что она — это я. Я в нынешней литературной среде.

14/XI. Был у Еголина сегодня. 12-го он не мог меня принять. Некрасовские дела складываются как будто неплохо. Но черт меня дернул пойти на юбилей Маршака, и там я слушал своими ушами, что он — основатель детской советской литературы, а я — ничтожество, пишущее о зверюшках на иностранный манер.

Инициал М. играет в моей жизни роковую роль: Маршак, Максимович, Максимов, Мурочка, Мария Борисовна.

21.XI. Просиживаю дни в Ленинской библиотеке над некрасовскими рукописями. Оказывается, Максимович, которому я слепо доверял, очень много напутал, и теперь приходится проверять каждую строчку; тупая работа, совершенно истощающая мозги.

Третьего дня я получил бумагу, что меня приглашает для личных объяснений А. А. Фадеев, но потом позвонили, что он заболел.

17 декабря. Болеет М. Б. — аритмия. Болен Женя — t° 37.3. Была ангина — не туберкулез ли теперь? Заболела попугаиха...

¹ отличия (англ.).

Хоть я ходил в бухгалтерию этого учреждения каждый день — умоляя перевести мне деньги, он перевел их только 13-го — и они не успели дойти до действия декрета*. Таким образом, я опять обнищал. Работаю я сейчас над 3-м томом Некрасова...

Птичка издохла.

30/XII. На другой день попугай, равнодушный, полумертвый, был помещен в коробку и отвезен в Зоосад. Авось он найдет там подругу. Вчера в Гослитиздате видел Сергеева-Ценского. Ф. М. Головенченко сообщил ему, что решено не печатать его Избранных сочинений. Он стал кричать: «вы издаете Симоновых и Фадеевых — этих бездарностей с партбилетом (!), я пишу лучше их всех, я написал больше, чем Лев Толстой, Куприн мне и в подметки не годится, Куприн не знал, откуда поговорка: «сухо дерево — завтра пятница», я ему объяснил (назад не пятится), потому что я — художник, не то что ваш поганый Глеб Успенский... я... я... я...» Это было так патетично, эта страстная влюбленность в себя. «Я когда-то гирей мог креститься... Я знаю всю Россию, и Россия меня знает». Шамкающий, глухой, лохматый старик. Я вспомнил его по-цыгански черным, талантливым, милым — сколько вышагали мы с ним по Ленинграду — и к Вяч. Иванову, и к Сологубу, и сколько встречались у Куприных. Его самовлюбленность казалась нам прелестною блажью — и никому не мешала. А теперь его просто жалко: весь мир он заслонил от себя своей личностью, и ничего даже вспомнить не может такого, что не имеет прямого отношения к нему. Его воспоминания о Репине очень характерны: все, что касается Репина, он забыл, перепутал. Обо мне там нет ни единого слова правды — он вообразил, будто я и в самом деле не знал, что 7 цветов радуги дают в соединении белый цвет, между тем как я говорил ему в шутку: «что это у вас снег всегда либо зеленый, либо пунцовый, либо оранжевый, ну хоть бы раз изобразили его белым».

К новому году написал поздравительные письма: Конашевичу, Ермольевой и др. Вчера Литгазета потребовала у меня написать 100 строк о самой лучшей и о самой худшей книге 1947 года. Я с увлечением написал о Нечкиной («Грибоедов и декабристы»), снес самолично в редакцию, и оказалось: так как никто другой не написал в подходящем стиле, весь задуманный отдел развалился — и зря я потерял целое утро. Вот даю себе слово уйти в Некрасова и не соблазняться газетной работой. Сколько я истратил души на такую мелочь и чушь! Вчера окончательно выяснилось,

1947

что из 21 тысячи у меня стало 2.100 и опять от меня
ушла машина, которая нужна мне, как хлеб.

Квитке я написал такое поздравление:

Если бы не Детиздат,
Был бы я теперь богат,
И послал бы я друзьям
Двадцать тысяч телеграмм,
Но меня разорил он до нитки
И нанес мне такие убытки,
Что приходится, милые Квитки,
Поздравлять Вас сегодня в открытке.

1 января. Ночь. Целую ночь — с часу до пяти читал «Трудное время» Слепцова, — прелестная, талантливая вещь — единственная прелестная вещь 60-х годов. Каждый человек не двух измерений, как было принято в тогдашней беллетристике, а трех измерений, и хотя схема шаблонная, но нигде ни одной шаблонной строки. Вот истинный предтеча Чехова.

Так как Детиздат разорил меня, я согласился ежедневно выступать на детских елках, чтобы хоть немного подработать. А мне 66 лет, и я имею право отдохнуть. Боже, как опостылела мне эта скорбная, безысходная жизнь.

10 января. Вчера выступал в Министерстве финансов. Взял Женю.

Показывались фильмы «Телефон», «Краденое солнце», «Бармалей», инсценировались «Муха» и «Федорино горе». Третьего дня купил машину «Москвич».

20 декабря. Был утром у Михалкова по поводу «Госутива»*. Он простужен, хрипит. На стене у него афиша «*Проданная невеста*» Сметаны, русский текст С.В.Михалкова». Опера уже идет, а он продолжает работать над ее клавиром. Своими стихами он недоволен: с музыкой ничего, а читаешь отдельно, — слабо. Заговорил о своей пьеске «Красный галстук»: «плохая пьеска». Страшно занят: пишет пьесу для МХАТ'а — и большое либретто в стихах. Я пришел к нему с предложением — писать вместе со мною роман о погоде. Прочитал ему первую часть и рассказал содержание. Особенно ему понравилась моя выдумка о том, что изобретатель старик, передавший свое изобретение мальчику, который и осуществляет великое дело старика. Одобрил он и то, чтобы старик пускал змея, живя в провинции — изучая погоду. Покуда я не читал ему своего текста, он отказывался, говоря, что он занят по горло,

но потом увлекся, вскочил на ноги и стал импровизировать сюжет. В мою схему он внес следующие новшества:

1) Мальчик – не сын ученого, а голодный соседский мальчик, который подружился с ученым (даже отдал ему деньги, которые копил на коньки).

2) В Корозии действует военное ведомство США.

Остальное было сумбурно и шло вразрез с моими планами, но талантливость чувствовалась во всем.

В квартире у него немного хламно: в столовой слишком много картин Кончаловского — одна убивает другую, висят, где придется. Костюмы разбросаны. Сам Михалков, как всегда, мил, самобытен, энергичен, талантлив.

Сегодня сдал в Детгиз обновленного и исправленного «Робинзона Крузо» с предисловием. Предисловие бесцветное, и ради него не стоило читать так много о Дефо, как прочел я: и у «Чемберса», и в «Encyclopedia Britannica», и в «Cambridge History of English Literature»¹, и у Алибона изучил его биографию, достал библиографию его трудов, а написал 1¹/₂ странички банального текста.

22 декабря. Зима все еще бесснежная. Лютый ветер. Вчера была Вера Васильевна Смирнова. Читал ей свою статейку о Диснее, — и увидел, что статейка неплоха: в ней правильный исследовательский метод, живость речи, *движение* мысли. Я писал ее с натугой, без огня, ни на минуту не веря в нее. Вера Вас. жалуется на Маршака: «в качестве руководителя детской секции он страшно уклончив, ни за какую линию не борется», — «оппортунист», «дипломат». Можно подумать, что она с Халтуриным — идейные борцы, Гарибальди, идущие с открытым забралом на каждого врага детской книги. Такие же «оппортунисты». Но все же они энергичны, милы и знающие, и какая-то видимость духовного кипенья в них есть.

23. Сдаю в Детгиз «Загадки» и вновь переработанное предисловие к «Робинзону».

27. XII. Приехала Лида из Малеевки, где провела 1¹/₂ месяца. То, что называется «посвежела», т. е. не поправилась. — Был на юбилее Квитко — даже выступал: — ожидал сердечности, но вышло казенно, черство. Благинина жеманно и кокетливо прочитала Квитко стишок, где приглашала его на пирог. — С чем пирог? — крикнул с места Михалков.

¹ «Энциклопедии Британника», и в «Кембриджской истории английской литературы» (англ.).

30 декабря. На улице слякоть. Прежде Рождество было морозное, а Пасха — слякотная. Теперь почти всегда наоборот.

1948

Сегодня начинаются детские каникулы.

Был Андроников. Принес свою книгу о Лермонтове. Рассказал о своей Актюбинской находке; показал список реликвий, вывезенных им из Актюбинска. Гениально говорил — о дикости, заброшенности, вульгарности этого мрачного города. Рассказал историю Бурцева, собравшего столько ценнейших бумаг. Письма Лермонтова, Некрасова, весь болгаринский архив, письма Чехова, Карамзина, Ломоносова.

И как он рассказал обо всем этом! Для меня нет никакого сомнения, что Андроников человек гениальный. А я — стал убого бездарным, — и кажется, это стало всякому ясно. И мне совестно показываться в люди, как голому.

Другого гениального человека я видел сегодня, Илью Зильберштейна. Героическая, сумасшедшая воля. Он показал мне 1-й том своего двухтомного сборника «Репин»*. Изумительно отпечатанный, и какая у Зильберштейна пытливость, какая любовь к своей теме. Это будет огромным событием — эти две книги о Репине. Какой материал для будущего биографа Репина. В Гослитиздате — огромный доклад Макашина об XI томе Некрасова (редакция Рейсера). Обычно рецензии пишутся на 10 страницах, даже на 7-и, на 6-и, — он написал на шести с половиной листах.

1 января. Сажу над статейкой об англо-американской словесности. У М. Б. — аритмия, она слушает радио, — я сажу за столом и думаю, что в конце концов сочетание цифр 1882—1949 — весьма завидная комбинация, на которую стыдно роптать, и что в порядке вещей, чтобы эта последняя цифра оказалась и вправду последней.

На 1948 год лучше не оглядываться. Это был год самого ремесленного, убивающего душу кропанья всевозможных (очень тупых!) примечаний к трем томам огизовского «Некрасова», к двум томам детгизовского, к двум томам «Библиотеки поэта», к одному томику «Московского рабочего», к одному томику Огиза, к Авдотье Панаевой, к Слепцову и проч., и проч., и проч. Ни одной собственной строчки, ни одного самобытного слова, будто я не Чуковский, а Борщевский, Козьмин или Ашукин.

2 января. Алянский говорит, что наша детская литература выше всех даже по оформлению. И наше литературоведение, поскольку оно представлено, напр., «Литнаследством». Глянув в окно, с радостью вижу снег — первый настоящий снег за эту зиму. Не то чтобы вполне настоящий: хлопьев нету, мелкая белая пыль, но все же и крыши, и улицы белы. Это — то, чего мне так не хватало.

7 января. Встал в 1 час ночи. Сейчас же за стол. У меня скопились: корректура последних листов 3-го тома Некрасова, 4-й том, переработанный Евгеньевым-Максимовым, мой доклад об англо-американской литературе и переработка «Лаборатории Некрасова».

От часу до 11 часов утра, то есть 10 часов подряд я возился с корректурами, потом поехал в Ленинскую библиотеку, где сверял все ссылки на издание Некрасова 1931 г., оттуда в Детиздат (о загадках), оттуда — в Гослитиздат — поговорить о корректуре 3-го тома с Минной Яковлевной. Приезжаю домой. Где М. Б.? Показалось, что ее нет. Говорят: на диванчике. Вижу: на диванчике, скрючившись, лежит М. Б. и будто дремлет. Я к ней. Обращаюсь к

ней, она молчит. Я думал: сердится. Еще раз заговорил, то же самое. Перебирает пальцами левой руки, лежит в неудобнейшей позе. Я дал ей в левую руку карандаш, он выпал. Лицо остановившееся, с тихим выражением. Я в ужасе кинулся за врачом. Врач с двумя чемоданами, Сергей Николаевич — поехал — нашел кровоизлияние в мозг, паралич правой стороны.

21 января. На прошлой неделе прочитал два доклада: один в Конференц-зале Академии Наук СССР 17 января — о переводе Love's Labour's Lost¹ и 19 января в Союзе Писателей — об англо-американской детской литературе. Успех и там, и здесь очень большой, но и там и здесь удивление: как будто не ждали, что какой-то К. Ч. может сделать дельные доклады.

23 февраля. Все как будто в прежнем положении. Читать она не может, говорит косноязычно, правая рука окоченела, раздражительность очень большая — и все же ей лучше. Она требует, чтобы ей читали газеты, интересуется международным положением, много и охотно говорит.

3 марта. Женя, уверявший меня, что он получает в классе то четверки, то пятерки, принес вчера дневник, где оказалось *две двойки* по географии и замечание. [Середина страницы вырезана. — Е. Ч.]

18 марта. Мы в Узком. Приехали 16-го. Дали нам комнату № 37, «комнату академика Волгина». Большая комната, угловая, в четыре окна. Рядом в 35-й комнате поселился вчера Г. Ф. Александров, который привез с собою целые ящики книг; — вместе с ним приехала целая бригада философов, которые все сообща будут составлять первый том «Русской философии».

Получил прелестное письмо от Е. В. Тарле — сюда, в Узкое, — по поводу Павлика Бунина, которого я направил к нему с рекомендательной запиской. Павлик одержим Наполеоном, рисует его и всех его маршалов десятки раз, сделал не меньше тысячи эскизов — и возмечтал о себе, что он может иллюстрировать книгу Тарле «Наполеон».

9 мая. Воскресенье². Переехали в Переделкино.

¹ Бесплодные усилия любви (англ.).

² День недели указан неправильно. 9 мая 1949 г. — понедельник.

Чудесный жаркий день. Хожу без пальто, в новом сером костюме. Сегодня Виктор Петрович Дорофеев, редактор Гослитиздата, — человек, как он любит выражаться, «несгибаемый» — протирает с песком мою несчастную статью «Пушкин и Некрасов». Начало его переработки я видел — боже мой! — «широкий читатель», «Анненков размазывал», «острая борьба», «жгучая ненависть». Это умный и вьедливый, но совершенно безвкусный, воспитанный самой последней эпохой молодой человек — отлично вооруженный для роли сурового цензора, темпераментный, упрямый, фанатик. Читая вашу статью, он очень эмоционально относится к каждой строке и либо ненавидит то, что написано на данной странице, либо любит до страсти. Мне он нравится, и я любовался бы им, если бы дело не касалось меня. Моих мыслей мне не жалко — ибо всякому читателю ясно, в чем дело, но мне очень жаль моего «слога», от которого ни пера не осталось. Если бы не болезнь М. Б. и не нужда в деньгах, ни за что не согласился бы я на такую «обработку» статьи.

10/V. Понедельник. От 3^х до 8^м, ровно 5 часов, мы с Дорофеевым спорили, ругались по поводу каждой строки, и я уступал, уступал, уступал. Дело происходило в Гослитиздате. Я вызвал туда Лидию Филипповну с машинкой... Она тотчас же переписывала все переделки. В наших спорах принимал участие Черемин; совсем молодой человек с лицом младенца, очень толковый и сведущий — в своей специальности. Двое против одного. За столом безучастно сидел Сергиевский И. В. — и криво улыбался. Он утомлен. Сгорбившись, целый день правил какую-то рукопись — вот так: на одной странице оставит одну строку, на другой две, а остальное черкает, черкает, черкает. Сбоку сидят еще три женщины: сестра Вяч. Полонского — Клавдия Павловна, рыжая Фелицата Александровна и безвестная, бессловесная дева: за исключением Клавдии Павловны, все они с утра до вечера перекраивают чужие рукописи на свой лад, с тем чтобы никакой авторской индивидуальности не осталось, не осталось никаких *личных* мнений, *своих* чувств и т. д. Все, что выходит из этой мастерской, — совершенно однородно по мыслям, по стилю, по идейной направленности.

11.V. Вторник. Холодная погода. Тучи. Боюсь, что М. Б. простудится.

18/V 1949. 4 часа утра. Прелестное утро. Птицы заливаются вовсю. Перед балконом у меня две вишни в полном цвету. Зелень кругом такой огненной яркости, какой я еще никогда не видал.

«Молчит сомнительно восток», но уже предчувствуется «всемирный благовест лучей»^{*}. А в душе у меня смутно и тяжело. Статья моя «Пушкин и Некрасов» — сверстана. Два дня я просидел в типографии, оберегая ее от дальнейших искажений, но все же она так искажена, что мне больно держать ее в руках. [Вырвана страница. — Е. Ч.]

А я вот уже несколько дней охвачен, как пожаром, книгой Филдинга «Tom Jones». У меня есть английское собр. сочинений Fielding'a (1824) — и я никогда не читал ее. Вспоминаю, как упивался этими книгами покойный Лева Лунц, но я почему-то не внял его призывам. И теперь случайно взял один томик — и очумел от восторга. Казалось бы, какое мне дело, будет ли обладать высокодевственной Софьей разгильдяй и повеса Джон, — но три дня я по воле автора только и хотел, чтобы это случилось. Всякая помеха, встречавшаяся Джоном на пути к этому блаженству, встречалась мною с такой досадой, как личная неприятность, и порою я даже откладывал книгу — и весь слащавый конец книги, когда всем положительным героям стало хорошо, а всем отрицательным — плохо, доставил мне горячую радость. Может быть, мы, старые и очень несчастные люди, обманутые и ограбленные жизнью, так любим счастливые развязки в книгах, что развязки их собственной биографии так жестоки, так плачевны и трагичны.

14 июня. Был врач из туберкулезно-костного санатория — Дмитрий Федорович. Констатировал, что М. Б-не хуже.

16/VI. Катаевы недавно вернулись из Сочи. Они были там в санатории «Правда». Я видел Валентина Петровча на другой день утром (он подошел к моему забору: я возился с малиной), он с восхищением рассказывал о пассажирском самолете, на котором он приехал с семьей: в десять часов утра они были в Сочи, а в 5 час. вечера без посадки в промежуточных пунктах очутились в Переделкине! Уверяет, что полет на луну — уже пустяковое дело. Четкость работы — изумительная. Ни секунды опоздания, чувство полной безопасности. Про Сочи говорит, что это та же Одесса.

«Мы зашли по ошибке в чужой санаторий. Выбежала дюжая баба растопырила руки — загородила дорогу:

— А ну вертайтесь!»

Кроме Катаева из соседей я видел Леонова: он был у меня два раза, мы гуляли с ним, я был у него — он показывал мне свои орхидеи (с кактусами он расстался, отдал в Ботанический сад) — свою оранжерею, свои сирени, яблони, груши и т. д., и т. д., и т. д. Разговоры его по-прежнему монологи — о Боге, о России, о своем

детстве, об астрономии, об Эйнштейне, Достоевском, законах относительности и пр. Из его великолепного сада я как-то случайно зашел на дачу И. Т. Спирина — и изумился контрасту: дикая трава без дорожек, лесные кусты — за сплошным высоким забором, и вдали — одноэтажный нелепейший дом, приземистый, длинный, с выкрутасами. Все это кричало о том, что жена Ивана Тимофеевича больна, что присматривать за этим «садом» некому. Симона Борисовна, действительно, очень больна. Дочь Ивана Тимофеевича за сыном мужа Рины Зеленой. Я знал этого сына в Ташкенте школьником. Сад вокруг дома — наивен и трогателен: Иван Тимофеевич *прямо в дерн* сажал гладиолусы, флоксы, лилии... Идешь по траве, он кричит: «не раздавите цветок!» А цветка и не видно. Сам он бесконечно мил, прост, искренне подавлен болезнью жены, утомлен работой — мне хотелось помочь ему в его садоводстве. Я привел к нему Леонова. Леонов сразу сказал: «Все ваши насаждения пропали, дело гиблое. Цветы нельзя сажать вдоль забора, для этого есть кусты». (Окна кабинета Ивана Тимофеевича упираются прямо в забор — и он захотел у самого забора посадить цветы, хотя там никакого солнца.) Леонов забраковал все, и этим несказанно огорчил И. Т.

У меня дела плоховатые. «Зная» взяло было мою статейку «Пушкин и Некрасов»*, хотя я предупредил их, что статейка войдет в состав брошюры. Они сказали, что это им не помешает. Теперь они заявляют: «ведь вышла брошюра!»

Корректор II тома «Библиотеки поэта» все еще нет.

Книга о Некрасове не пишется.

Тянет писать детскую сказку, но... Меня сковывает воспоминание о судьбе «Бибигона».

Погода пестрая. То тучи, то солнце. Холодно. Жене куплен новый велосипед. М. б., из-за этого он стал очень неплохо заниматься английским.

Я все читаю Филдинга. Кончаю «Johnatan Wild»¹ — очень мучительная книга, ясно доказывающая низменность и гнусность «человеческой комедии». За исключением простонародия, все прочие персонажи говорят у Филдинга книжным языком, в фабуле много натяжек, но общая концепция необыкновенно реалистична, верна, рассуждения автора остроумны и мудры, увлекательность сюжета колоссальна. После «Johnatan'a Wild'a» принялся за «Jozeph'a Andrews'a»² — и тоже читаю взасос. А Шеридан, коего я прочел три тома, мне не понравился. Очень поверхностно, и

¹ «Джонатан Уайльд» (англ.).

² «Джозефа Эндрюса» (англ.).

29 июня. Страшный туман. Трое суток шел свирепый дождь, не переставая. Дороги размыты. Обычную нашу дорогу до шоссе починяют, она закрыта на ремонт, нужно ехать по гнусным проселкам, где что ни шаг, то колдобина. Машина застряла буквально по шею. Геннадий Матвеевич делал чудеса. По дороге не редкость — застрявшая в глиняной каше машина.

Люша получила золотую медаль. Все экзамены сдала на пять. К моей радости примешивается горькая грусть: вот поколение, которому я совершенно не нужен, которое знать не знает того, чему я всю жизнь служил, не знает меня, моих увлечений и поисков. И нужно сказать: поколение крепкое, богатое новыми силами. С Люшей мне даже не о чем говорить, до того она *чужая*. Еще чужее Тата, Гуля. «И наши внуки в добрый час из мира вытеснят и нас»*. И они правы, но каковы будут их внуки, не представит себе даже величайший мудрец.

3 июля. Воскресенье. Встретил на задворках Переделкина — не遠далеке от стандартного дома А. А. Фадеева. Он только что вернулся из Барвихи — напился — и теперь бредет домой в сопровождении В. И. Язвицкого. Боюсь, что у него начался запой. Он обнял меня, и я обрадовался ему как родному. «А Еголин — скотина!» — сказал он мне ни с того, ни с сего.

10 июля. Дожди почти непрерывные. Третьего дня был у Спирина. Он сумрачен, весь налитой горем, взял меня под руку, повел меня по саду, и на вопрос мой о здоровье Симоны Борисовны ответил четко и внятно: «Симона умерла третьего дня в таком часу. Не нужно, чтобы слышала прислуга. Нужно скрыть от Дениса!» И тут же с наигранным весельем обратился к Денису, который промчался на велосипеде: «Здорово, ха-ха-ха! Молодец!» Никакой позы, спокойствие страшное. Сообщил мне по секрету, что ему дано задание организовать полет на Южный полюс! Ну куда я теперь полечу? ничего я теперь не умею. Нет, я должен остаться с Денисом. Стал угощать чаем, мы просидели с ним часа два, рассказывал о Папанине (как тот организовал ему охоту на медведя) и снова о Симоне Борисовне. Несмотря на все свои [вырвана страница. — Е. Ч.]

...Я читал Черемину в Гослитиздате отрывки из своей «Лаборатории Некрасова». В общем как будто одобрил, но в тысяче мелочей — не согласен.

28 февраля. Корпю над «Эзоповым языком». Вчера сдал окончательно *Однотомник* со всеми примечаниями. Обещают позвонить из Узкого.

8 марта. У меня рождается правнучка (или правнук). Утром оказалось, что родилась *девочка*. Женья так огорчился, что даже (на минуточку!) заплакал.

11 марта. Утром наконец-то закончил главу «Некрасов и фольклор», над которой бился столько времени — и как будто не напрасно. Горе мое в том, что в своих комментариях к «Кому на Руси жить хорошо» я изложил столько *мыслей*, намеченных для этой книги, очень сильно спрессованных, мысли эти стали общим достоянием, что глава на ту же тему в моей книге в значительной мере утратила свою новизну.

Был у милого С. А. Макашина на его пирушке по случаю Сталинской премии. Были: Илья Зильберштейн, Лаврецкий, Бычков, Котов, Андроников с женой, Заславский, Поляков («Белинсковед»), Бродский, Еголин, Храпченко, Гудзий и другие столпы литературоведения. Еголин верно отметил, что здесь были щедриноведы, толстоведы, некрасоведы, лермонтоведы, белинсковеды и т. д. Пили за Щедрина, за «Современник», за многих присутствующих. Мне очень захотелось сказать речь — задушевную, длинную — о колоссальной работе, которую проделал юбиляр в «Литнаследстве», о нем как об идеальном редакторе, о его величайшей победе над болезнью жены, словом, о тысяче разных вещей, но я вспомнил, что я уже не прежний Чуковский, что я «битый Чуковский», что теперь не время задушевных речей, и поскорее убежал от соблазна. Спал часа три, не больше, встал в $1/2$ 6-го и сейчас же пошел голосовать. Подошел к агитпункту в $1/2$ 6-го и увидел огромную очередь. Причем каждый вновь приходивший говорил:

— А я-то думал, что я буду первым.

1950

Придя, стал писать письма: Розмирович (о двух слабеньких стихотворениях Горького), к Исаковскому (благодарность за книгу стихов), нужно навестить Благинину, Квитко, собрать материалы для дальнейших глав о Некрасове.

20 марта. Гулял с Макашиным и Ерусалимским. Ерусалимский говорил об акад. Ротштейне, написавшем блестящую книгу по истории дипломатии (70 печатных листов), которая уже 13 лет не может выйти в свет. Он говорил, что Ротштейн начал свою литературную работу у Павленкова (под псевдонимом Орлова) в «Жизни замечательных людей», что Ротштейн видел еще Энгельса (слышал его выступления), что у него есть дивная работа о владычестве англичан в Египте, написанная по-английски.

26 марта. Ерусалимский рассказывал мне о взятии Берлина, которого он был очевидцем. Его встреча со столяром (то есть: хозяином мебельной фабрики), который сказал ему, что Гитлер сделал только две ошибки: изгнал евреев и пошел на Россию войной. «Евреев надо было оставить, они привлекли бы американский капитал, а с большевиками можно бы справиться другими путями». «Столяр» просил Ерусалимского, чтобы он [пропуск в оригинале. — Е. Ч.]

Посещаю В. А. Веснина. Говорят, у него совсем нет печени. Стоит ему выпить стакан чаю, и через 40 минут начинаются невыносимые боли. Одухотворен. Вспоминает, как в сталинском комитете он вступался за Сарьяна, как на каком-то собрании отстаивал мои сказки (против Лебедева-Полянского). Похож на Дон Кихота, глаза яркие.

1 апреля. Мне 68 лет сегодня.

Ощущение жертвы, которую тянут веревками на виселицу. Сегодня я оделся особенно тщательно, долго умывался, причесывался — туалет перед казнью. 68 лет! Помню тот день, когда Репину исполнилось 68 лет, — каким смертником казался он мне. Телеграммы от Веберов, Збарского, Гудзия, Госиздата, Детгиза и — мажоранши. Главный подарок — Лидины стихи*.

Макашин дал мне читать «Записки» А. Н. Афанасьева. Мелочи московско-петербургской журналистики. Пена. Но есть ценное — о Щепкине.

Анекдот о Кабукове. Он читал о каком-то газе — и его действия на человека: «вечером вы ложитесь совершенно здоровым, а утром встаете совершенно мертвые».

1950

Вот и 10 апреля. Завтра уезжать. Погода изумительная. Каждый день на балконе, залитом солнцем. За весь месяц было два дня тумана, да один день пасмурный и дождливый.

На другом конце террасы сидит Макашин, работающий без передышки с утра до вечера. В кругленькой шапочке, в пальто с серым воротником, он сидит за столиком и редактирует 2-й том Белинского и... сочинения академика Лебедева-Полянского. Академик был маргариновый. Собраны все его «труды» — и все они так беспомощны, так элементарны, что, по словам Макашина, — выбрать не из чего.

Пора идти обедать — сегодня последний день. Завтра — Москва. На старости лет я оказался нищим, у меня нет ни копейки. Машина и Переделкино выпивают у меня всю кровь. Завтра придется начать добывать себе средства — на 69 году труженической жизни. Но —

Хоть солдатам тяжело,
Между прочим ничего!

11 апреля. Впрочем, есть и такой вариант:

Хоть солдатам ничего,
Между прочим чижало.

Главная моя беда — в полном крахе моей книги о Некрасове. Не дается она мне, сколько я ни бьюсь над ней. Все выходит плюгаво, мелко, банально и вяло. Сказывается отсутствие философского образования и — старость. Вожусь, клею — и все не то.

12 апреля. Заболел Женя. Принес из школы грипп.

Хоронил сегодня Адуева. Гроб усыпан живыми цветами. Лицо его не изменилось, милое лицо остряка и неудачника. Речи были пристойны и благожелательны: говорили о том, что он один из родоначальников *советской* музыкальной комедии, что он любил партию, любил родину, — и все это правда. И вдруг сатириконец Ардов, говоривший речь «от друзей покойного», — вынул из кармана бумажку и прочитал его «посмертное стихотворение», написанное им за несколько часов до смерти, обращенное к *нам*, стоящим у его гроба, от лица покойника, прочел плохо, неумело, но эффект был потрясающий. Как будто он вправду беседует с нами из гроба. Были: Барто, Инбер, Арго, Рывкин, Пустынин, Андроников, какой-то генерал, с которым я встречался у Адуева, жена и дочь Сельвинского, Абрам Эфрос и еще какие-то незнакомцы. Погода ужасная: дождь, холод, мы се-

ли с Андрониковым в автобус, поехали было на _____ **1950**
кладбище, но потом подхватили такси и поехали к
нему, к Ираклию. У Ираклия: Манана в больнице, Вивенька пое-
хала к ней. Кабинет полон коробочек папиросных, стоящих на
особых полочках в необыкновенном порядке, в каждой коро-
бочке карточки, относящиеся к его лермонтовским работам или
к его устным рассказам. Сейчас он каждый день выступает со
своей новой программой («Поездка в Актюбинск», рассказы об
Остужеве) и имеет огромный успех. Денег у него не было со-
всем. Он перебивался лекциями — по 300 р., наделал кучу долгов.

22. Был на приеме у Суркова. Хлопотал о Харджиеве (комна-
та), о Куприной (пенсия), о Бонди (квартира), о Макашине (квар-
тира), о Гудзии (дача) — и о себе (деньги).

24/IV. Выступал вчера вечером в Педагогическом институте
имени Потемкина — читал о Маяковском вместе с его сестрою
Людмилой Владимировной. Имел «бешеный» успех — аплодиро-
вали полчаса но... сон у меня пропал (вторую ночь), потерял без-
дну времени и истратил тонну бензина, отыскивая с Геннадием
Гаврилову улицу (исколесили всю Москву).

25/IV. Я в Переделкине. Были у меня Каверины, затащили к
себе. Оказывается, Лев Александрович Зильбер открыл вирус ра-
ка и прививку против него. Попутно он изучил кровь раковых
больных и — здоровых. Одна его сотрудница, считая себя здоро-
вой, дала для контроля свою кровь (для сравнения с больной).
Оказалось, что в ее крови есть элементы, указывающие на рак.
Она обратилась к онкологу: в гениталиях — горошина, которую
обнаружили на основе *анализа крови*! 6 онкологов проверяли опы-
ты Зильбера, и все единогласно признали полную эффектив-
ность его изобретения. — Каверин переделывает свою «Откры-
тую книгу» и заодно пишет продолжение по 3 страницы в день.

24/V. Был вчера в Гослитиздате. Видел пьяного Шолохова.
Он кинулся меня целовать (взасос, как целуют женщину),
обнимал, как своего лучшего друга, — все лицо у него другое: он
отрастил усы, рыжие, которые ужасно к нему не идут — и в то же
время милы и привлекательны. Вчера ему, по его словам,
исполнилось 45 лет.

Вожусь с фольклором у Некрасова.

10 июня. У нас гостит Коля с Митей.

Мы были с Колей у Каверина. В центре разговоров — статья В. В. Виноградова о Марре. Стихи, сложенные по поводу дискуссии о советской лингвистике, начатой в «Правде» выступлением проф. Чикобава*:

Был Марр умен, был Марр велик,
Он Марксу был почти что пара,
Но Чикобава чик-чик-чик (bis),
И что осталось от Марра?

Это отрывок из большой студенческой песни, сочиненной по поводу дискуссии.

Статья Виноградова умна до гениальности.

15 июня. Холод бешеный. Вчера был град. Дожди хлещут целыми днями. Третьего дня, гуляя по Неясной поляне, встретил я Тату Сельвинскую и ее «жениха»* — и мы подошли к даче Сейфуллиной. Там в саду увидели Манану Андроникову, она убежала в дом, и через секунду в новой нарядной пижаме вышел Ираклий. С шутовскими (очень милыми) приемами он позвал меня (и Тату, и ее «жениха») к себе в дом. Старый мрачный сараевидный дом Сейфуллиной преобразен до неузнаваемости. Все выкрашено, отделано, блестит, всюду симметрия, чистота сверхъестественная. Вошли в кабинет. Стол собственной конструкции Андроникова. Шкаф книжный — закрытый, без стекол. Рукопись на столе — о Лермонтове. Сейчас же он показал двух идиотов — совершенно непохожих — одного: Бонч-Бруевича, и другого: Ив. Новикова — на чествовании памяти Цявловского. Когда он показывал Новикова, мне показалось даже, что я вижу, физически вижу, красное, старчески-глупое личико и слезящиеся, подслеповатые, лукавые глазки и седые волосенки... А Бонч-Бруевич! Я увидел его живот, его прозаическое, собакевичевское лицо, и подумалось, что если бы Андроников снял сапог, мы увидели бы даже ногу Бонч-Бруевича. До такой степени он весь до последнего ногтя преобразился в того, кого так гениально изобличал в беспросветной глупости.

Женя поет самую лучшую на свете песню (по его заявлению):

Умирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела*.

Я пишу со скрежетом зубовным свою презренную книгу.

2 июля. Наконец-то прекратились дожди. Уже 3 дня у нас Люша. Привезла сатириконскую «Историю», Марка Твена и других юмористов. Страстно любит смешное. Пospела клубника.

Женя придумал новую забаву: берет гвозди, кладет их на рельсы под поезд, гвозди расплющиваются, он идет в Мичуринский городок к Чижевским, точит гвозди — и выходят ножи.

У Спирина новая жена Ада Осиповна — одесситка.

12 июля. Иду в Мичуринский городок. Прохожу мимо дачи Катаева. Он вышел из калитки, зазвал к себе, стал показывать розы: ах, какая жалость: все красные, я сам распорядился, чтобы белых не было, и теперь жалею. Заговорил о своем романе (он переставляет «За власть Советов»). «Дорого обойдется производству: вместо тридцати листов в нем будет 50». Пошел меня провожать. «У меня теперь придуман чудесный конец: они летят обратно — отец и сын — в другую Москву, Москву военного времени: сами они другие, и самолет другой. Едут по метро, и вот, выйдя из метро, они видят последний огонек последней вспышки салюта. Желтый огонек и все. И конец. Точка.

Что делает Гаврик в подземелье, когда ему тоскливо? Он достает тетрадку, где у него записано все, что Сталин и Ленин говорили о подполье. И приведу все эти цитаты — все до одной. У Ленина ведь была статья “С чего начать?” Одесситы будут у меня говорить по-одесски, но более современным одесским языком».

Очень увлечен романом. «Живу очень скучно. Куда девать время? Вот и пишу. Ляжешь днем спать, встанешь — всего пять часов — еще напишешь страницу. Эстер больна: у нее радикулит. Врачи запретили ей жить в сыром месте. Сюда она приедет только во время жары». И опять о романе: «Гаврика будут звать дядя Гаврик».

29 июля. Вчера — у В. П. Катаева. У него на стене украинская карта Одессы, на столе книга «Одесса во время войны» (кажется, так), мебель плетеная с излишними закорючками и орнаментами, на полке с книгами желтые туфли. Стол простой, два окна, причем стол приставлен к тому окну, что выходит на дачу Кассиля. На столе рукопись синими чернилами, без полей, около ста страниц сплошняком без абзацев — новые вставки в обновленное издание «За власть Советов!» Первая вставка — разговор Черноиваненко с секретарем Обкома — почти без образов, сугубо деловая, без всяких «шикарных» эпитетов, без живых диалогов, которые так удаются Катаеву. Как раз то, что от него требовали. Дальше поездка Черноиваненко по городу в машине, беседа с Железным, опять деловито и бесцветно — как требуется. Хороша посадка на пароходы эвакуируемой армии — революционная слава Одес-

сы, начиная Щеголевым, отличные сцены с Петей и Цимбалом, которого он понизил в чине (Румынский базар и т. д.).

Уверенная, твердая рука — почти без помарок, в день пишет по четыре, по пять страниц (без черновиков). Перед чтением сказал: «а на самом деле — я уверен — они совсем почти не сидели в катакомбах. Жили на частных квартирах. В катакомбы я уже перестал верить», — и указал на книгу «Одесса во время войны».

В общем, впечатление приятное. Потом был у Джоиньки Афиногеновой. Мать у нее погибла — сгорела в море, отца убила бомба, брошенная с немецкого самолета, дед погиб под поездом, но и она, и Саша — веселые девочки, без всякого мрака в душе. Джоя в 13 лет кажется 18-летней — высокая, статная девушка. От Джои пошел к Андроникову, нужен один том «Литнаследства». Он выработал себе манеру залихватого, добродушного смеха, которая мне кажется чуточку ширмой. Любезен, дружелюбен; Манана прелестна. У Эки — ангина. Покуда я делал из его книги выписки, он тут же быстро-быстро писал на машинке.

Милая и дружная семья.

Встретил вчера Николая Евгеньевича Вирту. Рассказывает о своем Андрюше: Андрюша спросил маму: «Мама, ты можешь прожить еще 15 лет?» — Пожалуй. — «А бабушка?» — Надеюсь, что да. — «А Таня?» — Тоже. — «Ну так давай через 15 лет поедem в Индию ловить хамелеонов». Через день у него спрашивают: Ну что же, поедem в Индию? — «Нет, ни за что. Я раздумал». — Почему? — «Хамелеоны, оказывается, похожи на лягушек».

Я так привык к тому, что мои дети были в детстве благородны и любящи, что никак не могу привыкнуть к бессердечию и черствости Жени. Сейчас я был на грядках, что ближе к гаражу. Грядки полны клубники. Клубника гниет на корню, ее некому собрать, Жене и в голову не приходит собрать ее. Малина гибнет. Она усыпает собою землю. Женя ходит вокруг и с утра до вечера стреляет из духового ружья. Я пытаюсь полоть грядки. Женя — проходит с оравой соседских детей, ни разу не подумав помочь мне. Он взял на минуту пилу и потерял ее. По его вине сломаны два велосипеда. Бездельник изумительный; он воображает, что мы все созданы для его удовольствия. Я простил ему его воровство, выполнял все его желания, вот и вырос разгильдяй и себялюбец. В комнате у него безобразная грязь, с товарищами он груб: «Сашка», «Пашка», «Шунька». Товарищи, разглядев его, бросают его один за другим. И гнусное притворство. Если ему предстоит что-нб. попросить у меня, он становится ласков и даже трудолюбив. Я довел его в английском языке до того, что он сам может читать легкие книж-

ки. Но ни разу я не видел, чтобы по своей инициативе он взялся за английскую книжку хотя бы для того, чтобы доставить мне удовольствие. Отвратительно сидеть за столом с таким пройдохой. Мы три старика: я, М. Б. и Ева Петровна. Никогда ему не придет в голову помочь кому-нб. из нас.

12 августа. Дня три назад Андроников выступал у нас: были девочки Афиногеновы, Тата Сельвинская, ее «жених» Миша. Он показывал Пастернака, Ал. Толстого, Маршака, Качалова. (Телефонный разговор Маршака и Андроникова.) Девочки Афиногеновы не поняли ничего, смеялись только в «смешных» местах — а Женя сказал под конец: «Вот если бы он показал Пашку Катаева!»

С «Пашкой» Катаевым он поссорился и, поссорившись, *разрезал ножом* шину его велосипеда!! Злой крысенок.

Третьего дня я выступал в Ольгинской больнице для туберкулезных детей. Вчера водил Андроникова в туберкулезный костный санаторий. Андроников гениально исполнил свой «провал на эстраде» Соллертинского. Все стадии страха — с клинической точностью. Но как волновался Андроников *перед* выступлением!

Вглядываюсь в Женю — и он кажется мне безнадежным. Раньше всего — не было случая, когда бы он руководился *любовью*. В его поступках не видно любви ни ко мне, ни к М. Б., ни к своей родной матери. Разве что теплится где-то под спудом — нежность к М. Б.

Встретил в Мичуринске Дору Сергеевну Федину. Покупала цветы на стол Конст. Александровичу. Жалуется: он в меланхолии. Настроение у него убийственное. Ничего не может писать.

Вчера я встретил его. Он поразил меня своей худобой.

15 августа. Дождь льет безостановочно третьи сутки. Холодно. И корыто, и две бочки, в которые с крыши стекает вода, — наполняются ежечасно доверху. На вешалке у меня висит чесунчовый пиджак и соломенная шляпа — на них странно смотреть. Из калош не вылезаем.

Только что уехала от нас Зиночка Анненкова, которой я не видал 35—36 лет. Все еще хорошенькая, с дочкой Нади — Галкой, аспиранткой, которая работает над черепами у Герасимова. Привезла картину Репина — портрет юноши, играющего на дудке (фотоснимок), чтобы я подтвердил атрибуцию. Думают, что Репин изобразил здесь брата Васю (1872), но Грабарь почему-то считает эту картину нерепинской.

Была хорошенькая 9-летняя Зиночка, хозяйская дочка, с наивными кудряшками, и был у нее брат Юрочка*, студент, который

1950

писал стихи и между прочим рисовал, — и отец, служащий в Страховом, кажется, обществе, очень скучный, с усами, которые лезли ему в рот, либеральный, говоривший ежеминутно в каждой фразе: виндите. Про него была молва, что он «знаком с Короленко». Мы снимали у них дачу. Лида играла с Зиной — но больше с мальчиками и научилась говорить: я пошел, я читал (по-мужски). И Зинка дразнила ее, и она плакала. Недавно Зинка была в Куоккале. От двух анненковских дач остались одни фундаменты, да и те заросли. Где ее брат Юрий, она не знает. Не знает даже, жив ли он. Солидная, самодовольная, загорелая, матронистая — чуть-чуть с проседью.

7 декабря. Вчера привез М. Б-ну из больницы. Едва жива. Читал ей «Холодный дом». Сегодня у меня лекция о Некрасове в Лит. институте, к которой я совсем не готовился, так как увлечен статейкой «Ленин о Некрасове». Получил от Е. В. Тарле замечательное письмо*.

Ночь на 1-ое января. Лег, заснул, через час вскочил — сел сверять свою статейку «Фольклор у Некрасова». Читал «Вечного мужа» Достоевского, который показался мне совсем размагниченным, кроме сцены «У Захлебиных».

4 марта. Солнце. Теплынь. Сiju на ул. Горького с раскрытым окном. Позвонил Леонов. Не хочу ли проехаться в Переделкино? Заехал за мною, — в пути стал рассказывать свой роман — о девушке Поле, ее отце, ученом лесоводе, его враге и сопернике, о гибели летчика Мациевича, о провокаторе Селезневе, и т. д., и т. д. Роман сразу в двух эпохах — то возвращается к 1905–1908 гг., то движется в 1941–45 гг. Очень много густой психологичности, много неправдоподобия, литературности, но очень талантливо, кудряво, затейливо. Больше всего мне понравилась сцена в трактире, когда закутивший купец дает четвертную будущему герою романа. Роман не без достоевщинки, очень злободневный — о лесе, — есть страницы как будто из «Бесов» — особенно когда он описывает наивное мальчишеское общество «Молодая Россия».

Леонов говорит, что пишется ему очень трудно, что он изнемогает над черновиком, что теперь предстоит написать самую трудную сцену — встречу Поли с отцом.

Сегодня Ал. Слонимский должен представить рецензию о моей книге в Гослитиздат. Книга в десять раз хуже, чем могла бы быть, — хуже всех других моих книг, и я боюсь, что ей уж ничто не поможет.

1 мая 1951. Катаев, проходя мимо дачи: «Здравствуйте, К. И. — (кричит на балкон). Вы похожи на дедушку Крылова. Вам нужно только потолстеть».

16 мая. Дня три назад из-за сильных дождей вздулось озеро и прорвало плотину. Сегодня я ходил смотреть — и не узнал всей

окрестности: на месте озера суша — не гладкая, а ступенчатая, с верхней ступени с шумом бежит водопад. Лодки, бывшие в воде, оказались на взгорье. Одно из столетних деревьев, оставшихся от времен Самариных (имение было Юрия Самарина), отнесло метров на тридцать, и теперь оно параллельно земле. Другое дерево оказалось корнями вверх в речушке. Но дело не в частностях пейзажа, а в том, что весь он представляет собою очень пестрый, очень живописный хаос, среди которого глубочайшая пропасть на месте уплывшей дамбы. Все это произошло дня три назад, а сейчас — там налачился такой прочный и стройный быт, как будто уже десятки лет люди живут в этом хаосе: в глинистый обрыв спущена лестница, по которой люди привычно шагают к шатким мосткам, проложенным вчера над рекой, девочки собирают цветочки на оползне, мальчишки плещутся в водопаде, грузовик буксует над обрывом.

Вчера я попытался пробраться в город в автомобиле. Невозможно. Развезло суковский мост, а нашу дамбу можно починить не меньше, чем в три месяца.

Вышла Лидочкина книга «Декабристы исследователи Сибири». Там неприятная опечатка: «Вместо “герой Кагула” — “герой Калуги”». Но все же книга отличная и будет иметь успех.

Так хочется духовной жизни, общения с людьми, как надоело одиночество! Хочется послушать хорошие лекции, поговорить о литературе.

Был у меня сейчас мой сосед Либединский. Говорят: очень хороший человек. Он вместе с Чумандриным стоял у нас в Ленинграде во главе Раппа и тогда не пользовался такой репутацией. Голос у него мягкий, простодушный. Он многосемен и патриархален.

18 мая. Звонил Лиде: с Узким все улажено. Продлят путевку до 5-го. Какая жалость, что я не могу пробраться в Узкое: катастрофа с озером и дамбой отрезала меня от Москвы. Поповский хотел на своем «москвиче» проехать окольной дорогой и застрел в какой-то заболоченной выбоине. Пришлось вытаскивать его трактором. Может быть, окольную дорогу и можно было бы использовать, но целыми днями хлещут дожди, превращающие глину в кисель. Завтра я хотел съездить в Ленинскую библиотеку, принять ванну, побывать в Детиздате, проехать в Узкое — но придется сидеть «в оцій незамкнутой тюрмі». Пошлю Геннадия. Читал Жене пушкинскую балладу «Жених». Не понравилось. Пермьяк подарил ему двух голубей — и Женя отдает им всю душу. В 12 час. ходил в Чоботовскую школу выступать перед детьми. Все взрослые показались мне очень ничтожными: пионервожатая с профессиональ-

ным энтузиазмом на лице, какая-то Передониха с застылым, уныло осуждающим взором, и т. д., и т. д. Но дети... неужели и эти взрослые были такими детьми?

1951

Сегодня неожиданно вне плана написал всю главу о «Петербургском сборнике» — написал то, о чем никогда не думал. Писалось легко — может быть, это будет лучше всего остального.

3 июня. Написал о «Филантропе». Погода чудесная. Ходил гулять в поле, встретил Либединского и Николая Степанова. Оба седые. Я примкнул к ним — тоже седой. Сзади в машине проехал Андроников — и давай хохотать. «Не хватает только Фадеева и Щипачева». Со Степановым говорил о Гоголе.

20 июня. Видел Катаева. Он кончил роман. Три раза переделывал его. Роман обсуждался в издательстве, потом редактором, потом его читал Фадеев, — сейчас послали в ЦК. «Я выбросил начало, вставил его в середину, у меня начинается прямо: “они давно хотели поехать в Одессу — отец и сын — и теперь их мечта осуществилась”. Конец у меня теперь — они вернулись в Москву, вышли из метро — и только что кончился салют. Только две звездочки — синяя и розовая. А в самолете с ними генерал медицинской службы, — не правда ли здорово? И в метро они только перемигнулись. Это напомнило им штреки — в подземельи».

Сам он гладкий, здоровый, веселый. У него в гостях подружка его юности Загороженко. Пишет диссертацию об определениях в английском языке.

27 июня. Встретил вчера Леонова — он только что переехал. Сейчас же высокохудожественные анекдоты:

Пьяный увидал двух близнецов в ресторане. Изумлен. Глядит полоумно то на одного, то на другого. Те поясняют ему:

— Мы близнецы...

— Все четыре?!

Пьяных он показывает виртуозно. У него мутнеют глаза — и кажется, что от него несет вином. Анекдотов много из какой-то арабской книги. Очень хвалит книгу акад. Крачковского, где есть эти арабские рассказы. Он прочитал их, даже написал Игнатию Юлиановичу письмо — восторженное.

Был у Ираклия. Только что прочитал его книжку о Лермонтове: книжка куценькая, с коротким дыханием. Ираклий-исследователь здесь превращается в следователя. Мелочи заполняют всю книжку. Вся книжка — ряд сказуемых без подлежащего: очень много о том, что *делал* Лермонтов тогда-то и тогда-то, но ничего о том —

1951

кто такой Лермонтов. Пусть у Михайловского неверно показан Лермонтов как «Герой безвременья», пусть Мережковский отклонился от истины в своем «Поэте сверхчеловечества», но это были попытки дать характеристику Лермонтова, представить синтез, а не анализ деталей. И ни одной вдохновенной страницы! Мы с ним долго блуждали по Переделкину — теплый вечер, из-за бездождья пахнет пылью, встретили Каверина — который взволнован, что его сыну Коле дали при окончании школы не золотую, а серебряную медаль. Хочет говорить с Дубровиной.

30 июня. Сейчас Леонов сказал:

И проехали, как
тракторы,
По Чуковскому
редакторы.

У меня были сегодня Минна Яковлевна и Григоренко. Работали над 11-м томом.

10 июля. Жара несусветная. Земля потрескалась. На дорогах пыль. Проходя по участку, где общежитие студентов, я всегда видел на куче глины сосредоточенного, хмурого, большеглазого мальчика 5 ¹/₂ лет, который деловито строил какие-то дома, проводил дороги, долбил ущелья. Мальчик одинокий. За ним из окна иногда приглядывает бабушка и старшая сестра Люба, которая, как он сказал мне, теперь очень печальна, «т. к. уезжает студент Ваня, и ей остался только патефон». Я выпросил у бабушки, чтобы отпустила Диму ко мне, — он энергично взялся за работу: Что мы будем раньше: «красить стол или уничтожать крапиву?» Я провел с ним 1 ¹/₂ часа — это мой единственный отдых, потом были у меня пионеры, потом пришел Леонид Леонов, мы совершили с ним далекую прогулку. Роман его движется. Сын Каверина, несправедливо получивший серебряную медаль, теперь получил золотую — после протеста родителей.

Из анекдотов Леонова мне полюбился один. Верх скупости: уехать в свадебное путешествие одному. Марии Борисовне, по моему, лучше. В «Новом Мире» «Пиксхилл» Фаста. Все в восторге — мне еще Валентин Катаев говорил об этой вещи.

12 июля. Каждый вечер бывает Леонов. Много рассказывал о Горьком. Бывает Пермяк, человек интересный, но не имеющий со мной ничего общего.

У Евг. В. Тарле в его огромной ленинградской квартире. Лабиринты. Много прислуги — вид на Петропавловскую крепость, много книг. Три рабочих кабинета. Пишет историю нашествия. Пригласил меня обедать, прислал за мной машину, был обворожителен: вспоминал мои *bon mots*¹ столетней давности, цитировал мои забытые статьи и т. д. В одном кабинете: портреты Достоевского, Пушкина, Льва Толстого, Лермонтова, Чехова, Щедрина, Некрасова. Ольга Григорьевна совсем старенькая, без попыток красить волосы, радушная — великолепный обед, с закусками, с пятью или шестью сладкими — и — великолепная, не смолкающая беседа Евгения Викторовича: о Маколее — и о Погодине (и его скупости) — о Щеголеве, о Кони, о Льве Толстом и Тургеневе, о Белинском, о Шевченко, о Филарете. О скупости Погодина (сказал дивную речь о Хрулеве и пишет Шевыреву, чтобы с него не брали за обед на чествовании Хрулева) — все это без перерыва, по любым ассоциациям, почти ничего не получая (и не желая получить) от собеседника. Очень хорошо про Кони.

22.VII. Сегодня Женя надел на лицо противогаз, на руки мои носки и уничтожил осиное гнездо.

20 августа. Сегодня Валентин Петрович Катаев рассказывал о своем отце: ему тетка в день именин подарила 5 томиков Полонского. И он (В. П.) очень полюбил их. Декламировал для себя «Бздупроповедника», «Орел и змея».

Я так поглощен своей книгой, работаю по 12–15 часов, а что выйдет из нее, неизвестно. Написал уже 900 страниц, боюсь, что зря. Сейчас возился с «Наблюдениями над стилем» — она то кажется мне очень интересной, то не стоящей ни гроша.

26 августа. Работаю в малиннике. Подходит Катаев. «Какая чепуха у меня с моим “Белеет парус”, то бишь — с “За власть Советов”». Книга на рассмотрении в ЦК. Приходит ко мне 3-го дня Саша Фадеев. — Где твоя книга? — Отвечаю: — в ЦК. — Почему же они так долго рассматривают? — Не знаю. — Саша поехал в ЦК, спрашивает, где книга. Отвечают: у нас нет. Стали разыскивать. Нашли у тов. Иванова. Тот говорит: книга у меня (она уже сверстана). Но я не знаю, зачем ее прислали. Ведь ее в Детгизе уже рассматривали, уже есть о ней две рецензии, зачем же вмешивать в это дело ЦК? И постановили — вернуть рукопись Константину Федотычу. И теперь милей-

¹ словечки (франц.).

шему Федотычу еще нагорит. Значит, книга моя через месяц может выйти. Вот здорово. Расплачусь с долгами. Я одному Литфонду должен 30 000. Попросил у Саши. Он весь побагровел. “30 000”. Сделаю ремонт в этом доме. Стены оставлю некрашенные... Но я за это время написал другую книжку — о поездке в Крым с Женей и Павликом. Павлик у меня все время будет говорить “У меня есть идея!” А Женя будет на все смотреть с точки зрения учебника географии. И всем нам будет хотеться мороженого. Всю дорогу. “Вот в Туле купим”. “Вот в Харькове”. И только в Москве на обратном пути купили, наконец, мороженое. Я думаю, что вам дадут премию за 12-томник Некрасова...» И ушел так же внезапно, как пришел.

День прелестный. Марии Борисовне лучше. Я впервые спал после трехсуточных бессонниц. Еле-еле кропаю примечания к «Некрасову для детей».

31 августа. Утром туманы — днем жара южная. Бабочки перестали влетать ночью, а еще неделю назад была их туча. Каждый день вожусь с малиной, срезаю старую, подвязываю новые побеги. Вчера Люша: «дай-ка мне ножницы, я тебе помогу». И срезала целый куст свежей новорожденной малины. У М. Б. настроение лучше, но сон очень плох и вдруг пропал аппетит. Был у меня вчера Пастернак — счастливый, моложавый, магнетический, очень здоровый. Рассказывал о Горьком. Как Горький печатал (кажется, в «Современнике») его перевод пьесы Клейста — и поправил ему в корректуре стихи. А он не знал, что корректура была в руках у Горького, и написал ему ругательное письмо: «Какое варварство! Какой вандал испортил мою работу?» Горький был к Пастернаку благосклонен, переписывался с ним; Пастернак написал ему восторженное письмо по поводу «Клима Самгина», но он узнал, что Пастернак одновременно с этим любит и Андрея Белого, кроме того, Горькому не понравились Собакин и Зоя Цветаева, которых он считал друзьями Пастернака, и поэтому после одного очень запутанного и непонятного письма, полученного им от Бориса Леонидовича, написал ему, что прекращает с ним переписку*.

О Гоголе — восторженно; о Лермонтове — говорить, что Лермонтов великий поэт — это все равно, что сказать о нем, что у него были руки и ноги. Не протезы же! — ха-ха-ха! О Чехове: — наравне с Пушкиным: здоровье, чувство меры, прямое отношение к действительности. Горького считает великим титаном, океаническим человеком.

Женя читает мне Либединского «Горы и люди», и ему очень нравится.

щаясь, он сказал: я кончил свои путевые заметки. Называются: «Синяя тетрадь». Спасибо вам за книги. (Я давал ему материалы для «Синей тетради».) Очень благодарен, все пригодились. Особенно Чернышевский. Вот, оказывается, великолепный писатель. Я никогда не читал. (Очень простодушно!)

Был вчера Берестов. А у Андроникова был С. Бонди — с которым мне так хотелось видаться.

12 или 13 ноября. Был у Сергея Бонди вместе с Храбровицким. Храбровицкий толстый, обрюзгший, с неподвижным лицом, человек самодовольный и солидный, совершенно не созданный для трагедий и ужасов, пять месяцев тому назад пережил страшную вещь: его жена в припадке сумасшествия зарезала его восьмилетнего сына. Сам он тоже не вполне нормален: около года назад прислал мне письмо: «Так как вы подлец, прекращаю всякие отношения с вами». Я никак не откликнулся на это письмо. Через месяц звонит: простите, я охотно признаю, что ошибся.

Сегодня он пришел ко мне впервые после этой милой буффонады. Маленькие тусклые глазенки и отличные крепкие белые зубы. Кое-где седина. Я выразил ему сочувствие «по случаю случившейся» с ним катастрофы. «Да это ужасно — и все это время я хотел либо повеситься, либо жениться». — Жениться? — «Да... Или повеситься». Пешком по чудесной погоде мы пошли переулками к Чистым прудам — к Бонди. Я думал, что Храбровицкий знаком с Бонди. Позвонили. Открыл Сергей Михайлович. Оказалось, что Храбровицкий пришел незнакомый — легко и свободно — нисколько не стесняясь. Это у него неприятная черта: он бывает у всех, ходит и к Андроникову, и к Зильберштейну, и к Благому, и хочет проникнуть к Людмиле Толстой, и рвется к Тимоше Пешковой — все обо всех знает, обо всех выспрашивает — странно видеть такую юркость в жирном и тяжеловесном человеке.

Бонди был ослепителен. (Моложавый, с густыми бровями, в синей куртке.)

20 марта. Я в Узком. Чтобы попасть сюда, я должен был сделать возможно больше по 12-му тому. Для этого я работал всю ночь: вернее — с 1 часу ночи до 8 ¹/₂. Семидесятилетнее сердце мое немного побаливает, но настроение чудесное — голова свежая — не то, что после мединала. В 11 с ¹/₂ пришла ко мне Эстер Арк. — от Гослитиздата. Я работал с нею часа полтора. Потом суета отъезда — наиболее утомительная. Сейчас я смотрел фильм «Кавалер Золотой Звезды»* — убогая банальщина, очень неумело изложенная, но какая техника, какие краски, какие пейзажи.

21 марта. Мороз 7 градусов. Вышел на полчаса и назад — сдавило сердце. Корплю над 12-м томом. Вместо того, чтобы править Гина, Рейсера, Гаркави, я пишу вместо них, т. к. нужно торопиться, а их нет, они в Петрозаводске, в Ленинграде, в Калининграде. Есть комментарии, которые я пишу по 5, по 6 раз. Одно меня радует, что у М. Б. стало как будто более ровное, светлое настроение. Читаю американскую книгу о шаманах — такая посторонняя тема отвлекает немного. Газетные известия о бактериологической войне мучают меня до исступления: вот во что переродилась та культура, которая началась Шиллером и кончилась Чеховым.

29 марта. А. Н. Туполев очень игрив. Прошел мимо и кокетливо наступил мне на ногу. Когда меня укрывают на балконе: «прикройте ему нос — загорит — тряпочкой, вот так, а конец пусть держит зубами... Аничка, солнце греет мне попку?» и т. д.

Здесь Серова — жена Симонова — игриво-фамильярная, с утра пьяноватая, очень разбитная. «Чуковский, позвольте поправить вам волосы... Дайте вашу шапку... я надену — кланяйтесь вашей половинке».

Ровно 12 часов ночи на 1-ое апреля. Мне LXX лет. На душе спокойно, как в могиле. Позади каторжная, очень неумелая, не-

удачливая жизнь, 50-летняя лямка, тысячи провалов, ошибок и промахов. Очень мало стяжал я любви: ни одного друга, ни одного близкого. Лида старается любить меня и даже думает, что любит, но не любит. Коля, поэтичная натура, думает обо мне со щемящею жалостью, но ему со мною скучно на третью же минуту разговора — и он, пожалуй, прав. Люша... но когда же 20-летние девушки особенно любили своих дедов? Только у Диккенса, только в мелодрамах. Дед — это что-то такое непонимающее, подлежащее исчезновению, что-то такое, что бывает лишь в начале твоей жизни, с чем и не для чего заводить отношения надолго. Были у меня друзья? Были. Т. А. Богданович, Ю. Н. Тынянов, еще двое-трое. Но сейчас нет ни одного человека, чье приветствие было бы мне нужно и дорого. Я как на другой планете — и мне даже странно, что я еще живу. Мария Борисовна — единственное близкое мне существо — я рад, что провожу этот день с нею; эти дни она больна, завтра выздоровеет, надеюсь. Сегодня я читал «Пунина и Бабурина», «Село Степанчиково», стихи Твардовского — что попадало под руку.

Днем все повернулось иначе — и опровергло всю мою предыдущую запись. Явились Люша и Гуля и привезли мне в подарок целый сундук папетри — и огромный ларец сластей — и чудесную картину

Семейный смотр сил Чуковских.

Приехал Викт. Вл. Виноградов и привез мне письмо от Ираклия — и пришла кипа телеграмм — от Шкловского, от саратовских некрасоведов, от Ивичи, от Алферовой, от Таточки. Я был рад и спокоен. Глуценко подарил мне бюстик Мичурина, свою брошюру и бутылку вина, Ерусалимский — книгу, второе издание, — и я думал, что все кончено, вдруг приезжает Кассиль с письмами от Собиновых, с адресом от Союза Писателей, с огромной коробкой конфет — а потом позвонил Симонов и поздравил меня сердечнейшим образом. Хотя я и понимаю, что это похороны по третьему разряду, но лучших я по совести не заслужил. Перечитываю свои переводы Уолта Уитмена — и многое снова волнует, как в юности, когда я мальчишкой впервые читал *Leaves of Grass*¹. Пришли телеграммы от Федина, от Симонова и т. д.

И вот с тех пор прошел год — дурацкой работы над XII томом, работы с Ереминым над «Мастерством Некрасова».

4-ое декабря. 1952. Работаю снова над XII томом. Почти все комментарии написаны моей рукой (мною), но приходится ста-

¹ «Листья травы» (англ.).

вить фамилии разных халтурщиков — Гина, Бесединой, Евгеньева-Максимова, тексты которых я отверг начисто и заменил своими. У меня хранится папка с моими рукописями, из которых будет видно (когда я умру), что весь том до последней запятой построен и выполнен мною. Сейчас мне прислали листы сверки, которая идет сегодня же в типографию, и там я нашел следующие стилистические перлы Минны Яковлевны:

«С дополнениями неизвестной рукой в значительной мере известной исследователям, части, совпадающими с сохранившимися автографами».

На стр. 398: «Некрасов Ф. А. (1829—1913) — старший (!) из братьев Некрасова»

На стр. 429: «Толстой Н. Н. (1823—1860) — младший (!) брат Льва Николаевича»

Потребовать предыдущую корректуру, чтобы обличить мошенническую проделку с Агиным.

В «Октябре» идет моя статья «Ленин о Некрасове» — в редакции ее так обкарнали, сократили вдвое, вытравили основную мою мысль, исказили слог — и я странно равнодушен к этому искажению моей работы.

В «Новом Мире» идет «Щедрая дань», доставившая мне счастье встречаться с моим любимым Твардовским. Евгения Александровна Кацева тоже произвела в статье вивисекцию, но очень умно и умело.

В Гослите идет мое «Мастерство». О, если бы не 12-й том, выпивший у меня всю кровь, я дал бы читателю очень неплохую, мускулистую книгу. А теперь это сырой, рыхлый, недопеченый пирог.

В Детгизе — Некрасов для детей. Правлю корректуру — с некоторым разочарованием. В рукописи казалось лучше.

Трехтомник: работаю над «Современниками»: надо клеивать сцены по Теплинскому; Теплинский, очевидно, прав кое в чем, но в очень немногом.

21 марта. Третьего дня 18 марта в Литературном музее был вечер, посвященный памяти Горького. К участию в этом вечере был приглашен и я. Первый, кого я увидел, войдя в вестибюль, был Маршак. Одновременно со мною к нему подошли Яр-Кравченко и Козьмин — то есть те, кто нынче зимою были вместе с нами в Узком. Маршак привлек нас троих к себе и сказал:

Нам целый мир — чужбина
Отечество нам Узкое село*.

Народу масса. Милая Катерина Павловна и Надежда Алексеевна (Пешковы), Андрониковы, Варенька Арутчева, Толстая, Рина Зеленая, весь табор Ивановых: Кома с женой, Таня с мужем, Зинаида Владимировна, Анциферов, художник Сергей Герасимов, художник Корин и много других. Председательствовал Козьмин. Первым выступил Федин. Он говорил вяло (хотя и крупно): указывал на близость к Горькому великого Сталина, говорил об утрате, которую в лице Сталина понесла вся наша *литература*, но ему не хватало пафоса, он часто повторял одно и то же. Среди слушателей многие знали причину его душевного упадка: у него в доме умирает жена, Дора Сергеевна, которую больница уже отказалась лечить, так как у нее рак, он весь потускневший, серый, чувствуются бессонные ночи, безнадежность, тоска. Я сидел с ним рядом и пролепетал какие-то жалкие слова по поводу ее болезни, он молча пожал мне руку — поблагодарил — и заговорил о другом. Вторым говорил Всеволод Иванов. Он подробно описал встречу Сталина с писателями на квартире у Горького — это было очень поэтично, взволнованно. Именно во время этой встречи Сталин произнес бессмертные слова об «инженерах человеческих душ» — и Всеволод хорошо обрисовал то восторженное умиление, с которым Горький относился к Сталину, ко всем его речам и замечаниям в тот вечер. Краткое выступление Маршака — о любви Горького к детям, выступление Н. С. Тихонова — о встрече

1953

Горького с китайской женщиной, и феноменально пошлая речь Яр-Кравченка, как он писал свою картину «Девушка и смерть» («мне испекли тот же пирог, который был подан в тот день, постлали ту же скатерть, и я писал Горького с разных моделей и каждой платил — за нос, за глаза столько-то»), — и потом моя «Горький во “Всемирной Литературе”», после чего выступили Юдина (пианистка) и Козловский, спевший, кроме Глинки, песню Спендиарова на слова Горького «Фея и Марко». Пел он много, под пианино и под гитару, — пел стоя, сидя еще и еще, а я не столько слушал, сколько глядел на публику: какая она молодая, горячая, впечатлительная, как нигде, ни в одной стране.

29 марта. Виделся я с Фединым. Дора Сергеевна уже на Лаврушинском, врачи отказались от нее; она лежит и даже не стонет, и замечательно: отказывается видеть свою единственную внучку Вареньку, которую так страстно любила недавно. Федин осунулся, сгорбился, но старается держаться. «Работать совсем не могу, — говорит он. — Единственное, на что я способен, это раскладывать книги по полкам». Книги у него замечательные, в отличных переплетах, так красиво блестят и сверкают, что сами по себе составляют украшение его великолепного кабинета. Тут пришел к нему за книгами дворник. Федин предложил ему «Консуэлли». Он отказался: это я уже читал. Обнаружилось, что дворник — страстный читатель, но при этом космополит: «я люблю западную литературу». Федин борется с его извращенными вкусами.

Всеволод Иванов подарил мне свою книгу о Горьком — вернее ту книгу, где есть его воспоминания о Горьком. Очень хорошие воспоминания, внушенные горячей — я сказал бы: сыновней — любовью. Сдуру был у Надежды Алексеевны Пешковой на поминках по Горькому.

Но вот наступил день **1-го апреля 1953**, день моего рождения. Яркий, солнечный, бодрый. Я встал рано, часа три работал над Уитменом, над корректурами некрасовского трехтомника, а потом дряхлый, хилый, но счастливый — предсмертно счастливый — изобильно позавтракал с Марией Борисовной — и пришел неизвестный моряк и поднес мне от неизвестной розы, а потом приехала Аветовна и подарила мне абажур для лампы, расписанный картинками к моим сказкам (египетская работа, исполненная ею с большим трудолюбием), а потом носки и платки и рубаха от внуков с чудесными стихами, очевидно, сочиненными Лидой. Читаю множество книг, которые должны помочь мне в корне переде-

2 апреля. На именинах простудился, лежу. Получил приветы от Маршака, Габбе и мн. др.

13 апреля. Дивные апрельские события! Указ об амнистии, пересмотр дела врачей-отравителей окрасили все мои дни радостью. — Умерла Дора Сергеевна Федина, которую я знаю с 1919 года. Федин исхудал, замучен. С восторгом говорит о Нине: «вот моя дочь, мне казалось: я знаю ее в совершенстве, но только теперь я увидел, сколько в ней любви, душевных сил, преданности. Когда заболела Дора Сергеевна, Ниночка словно переродилась: взвалила на себя весь уход за матерью, сняла с меня все заботы, ведалась с врачами, с сиделками, не спала ночей — совсем другая, какую я ее никогда не видал».

Федин утверждает, что Дора Сергеевна давно уже знала, что у нее рак, но скрывала от них свое знание и делала вид, что верит их утешительным выдумкам. Почему? Он говорит: из любви к ним, из нежелания сделать им больно. Но ведь она знала, что они знают. Я думаю: тут другое. Умирать *стыдно*. Другие живут, а ты умираешь. Если быть стариком совестно (это я знаю по себе), то насколько же стыднее умирать. А она знала, что умирает, и скрывала это от всех, как тщеславные люди скрывают свою бедность, свою неудачливость.

Мне хочется сделать свой перевод «Love's Labour's Lost»¹ пригодным для печати, переработать его.

Женя продал М. Б. свое ружье за 50 рублей. Она запрещала ему стрелять. Он: я бы рад продать его, да нет покупателя. Она: продай мне — и у Жени хватило совести пойти на такую сделку. Политика.

Федин бродит по Переделкину как привидение, сгорбленный, в расстегнутом пальто, без дороги — по мокрым полям.

20 апреля. Был у меня в гостях Сергей Мих. Бонди. Такой же моложавый, студентообразный, охваченный своими мыслями, как пожаром. Нынешний пожар у него такой: он прочитал в МГУ курс лекций о русской литературе 1-й половины XIX в. (до Гоголя). Курс этот он считает подлинно марксистским; в нем он видит единственно правильное применение марксизма к литературным явлениям. Но университетское начальство с ним не согласилось —

¹ «Бесплодных усилий любви» (англ.).

и, прочтя стенограммы его лекций, резко раскритиковало его. Среди оппонентов был и Д. Д. Благой, — наиболее придирчивый, мелочной и ехидный (по словам Бонди). Студенты от лекций Сергея Михайловича в восторге, всецело на его стороне, всячески выражают ему свои симпатии. Но начальство считает, что он не оправдал его доверия, и намерено поручить данный курс другому профессору, а Бонди либо убрать из университета, либо предоставить ему какой-нибудь узкий спецкурс. Но он намерен бороться — и либо победить, либо умереть. По этому случаю он произнес три монолога, 1-й: содержащий в себе краткий пересказ его лекций, 2-й: излагающий нападки врагов, 3-й: ответ всем его критикам и, главное, Благому. Третий интереснее всего. «Меня упрекали в том, что я много толковал студентам о Достоевском. А я с невинным видом скажу: “Но ведь Достоевский равен Шекспиру и пр.”. Они, конечно, взбеленятся, а я поясню: это цитата из Горького. А Благому я скажу» и т. д. Обсуждение его лекций произойдет 8 мая — через две недели, но он уже теперь наметил каждую запятую своей защитительной речи.

8 мая будет для него, — говорит он, — пробным камнем всего совершившегося в эти апрельские дни. «Герман ставил все свое состояние на тройку, семерку, туз, а я на пятерку: Маленков, Берия, Ворошилов и др.». Об этой пятерке он говорит с восторгом. Милый, искренний, талантливый, светлая голова — я был очень рад ему, жаль, что он не мог остаться дольше, так как торопился к своей матушке, 84-летней старухе, которой он читает газеты и делает доклады о международном положении. В «Советском писателе» лежит его рукопись «Стихование». Но он охладел к ней и не желает печатать ее. Теперь ему хочется переработать в книгу свой курс по истории литературы.

Женя приобрел у Юры Грибачева за 175 рублей сломанный велосипед и, взяв части другого велосипеда (Люшиного), скомбинировал новую машину. Читает он мне «Разина» Злобина. Читает с увлечением, отмечая наиболее художественные места.

Проснулся в 4 часа — надо править вступительную статью к детгизовскому «Некрасову».

И когда я дремлю, мое сердце не спит. Забыл записать о Сергее Бонди: мы, возвращаясь домой, зашли с ним на дачу Паустовского и остановились перед забором, не найдя калитки (ее заколотили). Стоим в болотце, не знаем, куда идти. Он страшно торопится к маме. И вдруг случайно я упомянул «Медного всадника». Бонди забыл обо всем и стал говорить, что это величайшее произведение мирового искусства, стал приводить те места, вновь и вновь повторя-

ющиеся, где говорится о дожде и ветре, и с умилением, растроганным шепотом произнес последнюю строку поэмы:

1953

Похоронили ради бога.

Как это скромно и негромко закончено, а ведь какое пышное было начало:

На берегу пустынных волн...

Я слушал его с восхищением и вспоминал, как лет 15 назад мы вместе с ним и Винокуром ходили ночью по тому же Переделкину и наперерыв читали (под мелким осенним дождем): «Стамбул гяуры нынче славят...», «Недорого ценю я громкие права...».

22 апреля. Читаю Виталия Тренева — незаконченную его повесть об индейцах. Очень старательно написана, но вся — маргаиновая. И на каждой странице словесные ляпсусы.

Вчера в телевизоре «Евгений Онегин». (В народе говорят: «телевизер».) Вера всех окружающих в то, что новое правительство будет давать народу новые и новые облегчения и льготы, так огромна, что все уверенно ждут к 1-му мая введения 7-часового рабочего дня, увеличения пенсий, повышения заработной платы и т. д., и т. д., и т. д.

Сотрудники «Литгазеты» рассказывали о Симонове: спит он не больше 4 часов, уезжая из редакции в 2 часа, он говорит: позвоните мне завтра в 9 ¹/₂, очень переутомлен, преждевременно постарел.

25 апреля. Как скоро забывают дети свои чувства. С Варенькой Фединой мы провели два дня (во время похорон ее бабки) в самой тесной дружбе. Когда я уходил от нее, она не хотела отпустить меня от себя, просила придти завтра же. Но вот прошло несколько дней, я увидел ее в саду, возле ее зеленого домика, и вошел к ней, она даже не побежала мне навстречу: она была занята стиркой. Взяла три-четыре тряпочки и, склонившись над ведром грязной холодной воды, терла изо всех сил то одну, то другую. В стороне стоял ее любимый Сережа (которого поклевал и поцарапал петух). Встретила она меня как постороннего, и мне потребовалось полчаса, чтобы снова завоевать ее сердце. К концу моего визита она уже умоляла меня остаться еще хоть на четверть часа — и *вымывала мне* (одной из выстиранных тряпок) калоши.

Федин уехал с Ниночкой в город. Весел, бодр, делает много посадок в саду. Сказал мне, что на Волге существует слово «прак», означающее мужчину-прачку.

1953

У меня так много работы, что я... ничего не делаю. Все равно провал, завал, опоздание, просрочка. 1. Детгизовский Некрасов. 2. Гослитиздатский. 3) Воспоминания о Житкове. 4) Love's Labour's Lost. 5) W. W. 6) Сочинения Тренева — и все к сроку, все к завтраму, а я стираю с Варенькой грязные тряпки. Погода святая — после вчерашнего дождя, трава *заметно* растет.

Все же надо заниматься корректурой, которая ждет меня третий день. Сегодня М. Б. очень верно сказала: «Почему это ты так по-дурачки устроил — корпишь целые дни над корректурой. Писал бы сказки — вообще писал бы что-нибудь свое». Очень хочется писать свое, а я убиваю день за днем механической работой.

От этой работы тупею, и когда встречаюсь со свежим человеком, мне не о чем говорить: типичный тупица.

25 апреля 53. Ведь до того, как заболеть раком или другой предсмертной хворью, мне осталось самое большее два-три года, а я трачу их так бесплодно, так нерасчетливо. Хочется сделать что-нибудь «достойное нашей эпохи» — а я все свои душевные силы сосредотачиваю на таких проблемах: можно ли в таком-то стихотворении Некрасова заменить кавычки — тире? Вчера хоть сидел часок над воспоминаниями о Житкове, а сегодня 300 гранок детгизовского Некрасова.

Всегда у меня была тяга к событийной, напряженной, клокочущей жизни. В 21 год я уехал в Лондон — был на «Потемкине» — писал бурные статьи — жил наперекор обстоятельствам, — а теперь точно в вате — только и могу жить в санаторных условиях, как и подобает старику.

26 апреля. Видел вчера Федина в конторе Городка писателей.

Жаль, что я не записал своей беседы с Пастернаком в его очаровательной комнате, где он работает над корректурами «Фауста». Комната очаровательна необычайной простотой, благородной безыскусственностью: сосновые полки с книгами на трех-четырёх языках (книг немного, только те, что нужны для работы), простые сосновые столы и кровать, — но насколько эта обстановка изящнее, артистичнее, художественнее, чем, напр., ориентальная обстановка в кабинете у Вс. Иванова — где будды, слоны, китайские шкатулки и т. д.

26 апреля. Была вчера жена Бонди — так и пышет новостями о «новых порядках». «Кремль будет открыт для всей публики», «Сталинские премии отменяются», «займа не будет», «колхозни-

кам будут даны облегчения» и т. д., и т. д., и т. д. «Союз Писателей будет упразднен», «Фадеев смещен», «штат милиции сокращен чуть не впятеро» и т. д., и т. д., и т. д. Все, чего хочется обывателям, — они выдают за программу правительства.

В телевизоре вчера «Слон и веревочка» Барто. Я смотрел минут пять, но так и не понял, при чем здесь веревочка.

29 апреля. Старость и смерть обступили меня со всех сторон. Переутомление страшное. Пишу — ни с того ни с сего — о Житкове. Долго сидел на скамейке в лесу и вдруг услышал за далеким забором:

А Слониха, вся дрожа,
Так и села на ежа!

(Но такой изумительный случай: ведь ежик-то был неколючий!)

1 мая. Вчера отлеживался после поездки в город, чувствуя себя неизлечимо больным. Наркотики отравляют меня — после минала не могу написать ни строки. В городе был в Архиве (в селе Никольском), смотрел рукопись «Современников», некогда принадлежавшую мне. Вернувшись из города, встретил Федина, и мы провели с ним часа три. Он рассказывал о своем новом романе. Извеков «пострадает» в 1937 году, чем сильно будет снижена его карьера. Роман начнется 1941 годом. Будет изображена война — битва за Тулу — и действие будет разворачиваться вокруг Ясной Поляны. Большая роль будет предоставлена дочери Извекова, и будет много разговоров о толстовстве. «Но мне очень хочется писать другой роман, — сказал Федин, — продолжение “Братьев”, где будет изображена Нижегородская ярмарка», — и тут он обнаружил качество, какого я прежде не знал: стал в лицах показывать продавцов и покупателей, на манер Андроникова, на все голоса — здорово! «И вторую часть “Трансвааля” хочется написать».

О Вареньке очень смешно рассказывает: колхозники спросили ее, чья она дочка. Она, гуляя с дворником Захаром, сказала:

— Мы — писатели! — включая в это сословие и себя, и Захара.

Зашла речь об Алексее Толстом — и Федин показал его не хуже Андроникова: как Толстой слушал скорбные стихи своей брошенной жены Крандиевской, — она писала в этих стихах, сколько страданий причинило ей его отношение к ней, а он сказал:

— Туся с каждым годом пишет все лучше и лучше. Ну, Туся, прочти-ка еще.

Федин очень осунулся, постарел после смерти Доры Сергеевны (это заметил даже Женя), но бодрится и заглушает тоску разговорами.

Рассказывал о синице, залетевшей к нему в дом. Федин угощал ее миндалем, и она осталась в комнатах. Он рассказал о ней умиравшей Доре Сергеевне — и та улыбнулась.

Гуляя по Переделкину, мы встретили Катаева, который приехал на праздники. Он говорил о своей пьесе «За власть Советов». Сделано уже 100 репетиций. Все очень хорошо слажено. Молодая художница, которой поручены декорации, ездила специально в Одессу на этюды — и сделала чудесные зарисовки Одессы. Можно было бы хоть завтра ставить, но все актеры заняты в «Ломоносове» Всеволода. Там 102 действующих лица. Кроме того, молнией ставится какая-то антиамериканская пьеса. С большим уважением отзывается о министре культуры Пономаренко. «Я как-то ездил с ним в Белоруссию в одной машине — и он мне сказал: «Какая чудесная вещь у Пушкина “Кирджали”». А я не помнил. Беру Пушкина, действительно чудо... Он спас в 1937 году от арестов Янку Купала, Якуба Коласа и других. Очень тонкий, умный человек».

Но при всем том Катаев не верит, что возможно оздоровление литературы. «Слишком много к ней присосалось бездарностей, которым никакие реформы невыгодны».

2 мая. День встреч. Встретил Н. С. Тихонова вместе с Е. Ф. Книпович. Я спросил его, думает ли он долго жить в Переделкине.

— Послезавтра я в Стокгольме! — с грустью ответил он.

Встретил генерала Василия Степановича Попова. Он рассказал, как чествовали тов. Буденного. Мы сложились и поднесли ему вазу с рисунком Грекова. За ужином зашел разговор о том, что Конармия до сих пор никем не воспета. «Не только не воспета, но оклеветана Бабелем», — сказал кто-то. — Я ходил к Горькому, — сказал Буденный. — Но Горький мне не помог. Он встал на сторону Бабеля. Я пошел к Ленину. Ленин сказал: Делами литературы у нас ведает Горький. Предоставим ему это дело. Не стоит с ним ссориться...

Встретил Федина. Он по-прежнему очарователен. Рассказал, что у Нины, когда ей было лет 10–11, была подружка Клавочка, хохотушка. Потом он не видел ее лет 15, и вдруг во время похорон Доры Сергеевны вбегает какая-то женщина — с маленьким цветочком (в горшке), «вся зареванная» и буквально грудью ложится на могилу... И вдруг я вспомнил: «это Клавочка!» — вспомнил и заплакал. «Милая Клавочка, теперь она уже преподает английский язык в каком-то высшем учебном заведении». Встретил

Всеволода Иванова. «Ломоносов» пойдет в мае — то есть буквально на днях. Он восхищается декорациями Ходасевич. Особенно ей, по его словам, удался конференц-зал Академии Наук. «Я был в этом зале уже после того, как написал “Ломоносова”». Плюгавая, неказистая комната. А Ходасевич, хоть и передала ее очень точно, но сделала помпезнее, торжественнее».

1953

«В пьесе будет показана молния. Безвредная. Для нее изготовлен особый аппарат. Но Ливанов, хотя и знает, что она безвредная, всякий раз прикасается к ней с ужасом. Молния чудесная — и внесет в зрительный зал известную долю озона. Не театр, а санатория!»

4 мая. Был у меня сейчас Симонов. По поводу текстологии. Как всегда торопился: в машине его ждала мать. «Я не вижу ни травы, ни деревьев, все сижу целые дни за столом и правлю чужие статьи».

Корплю над корректурами. Безысходная каторга.

5 мая. Читал «Элефантиду»*. Какое томление неутоленной, мятущейся, насильно измученной души, какое изобилие встреч, впечатлений, желаний, опьянений, разочарований, привязанностей. Эластичность душевной жизни, множественность сдвигов и тревог — и в то же время неприкаянность, сознание собственного плена, тоска по мотоциклу, который бы переехал ее. Эта повесть еще сильнее подчеркнула мою убогую и монотонную старость. Старость это всегда уединение, и всегда глупость, и всегда стыд. Стыдно седых волос, как позора. Вчера приезжал человек из телевизора (со странным именем Изольд Юльевич), просит выступить, а я отказался, стыдно показываться таким стариком! Сегодня я весь день в Гослите — из меня пила кровь Марья Ефимовна по поводу первого тома Некрасова. Манера ее палачества заключается в том, что, рассматривая вместе с вами вашу работу, она каждую минуту отвлекается в сторону, устанавливая *мнимую* связь между рассматриваемой страницей и своими рацеями. Рацеи обо всем — о Чехове, о любви к Лескову, о музыке, о разных фактах своей биографии, причем доверчивый и дружеский тон этой биографии каждую минуту сменяется грубыми попреками за опоздание, за неудачные формулировки, за отсутствие унификации в знаках препинания — и вновь переходит к приятельской болтовне на всевозможные темы. Оттого вместо трех часов она держит меня пять или шесть. Сегодня от ее празднословия у меня разболелся живот, словно я проглотил ножницы, и по глупости я

с такой режущей болью поехал к Литвиновым — к Маше и Вере — познакомиться с ними. Девочки оказались поразительные (с дивным цветом лица), с той прелестной уютностью, какая мне теперь нужна как хлеб, но все время у меня в желудке ворочались проглоченные ножницы, и пребывание у них было для меня страшной физической пыткой. Как я высидел у них 1 1/2 часа, непонятно. Танин муж лепил статуэтку (Мишину жену и ее дочку), жена в это время читала сказку о Василисе Прекрасной, девочки сидели и слушали, а Таничка готовила для них ванну. (Майский все еще в заключении.) Я в полубоморочном состоянии от боли, все же был счастлив, что вижу Айви Вальтеровну — единственную, ни на кого не похожую, живущую призраками английской литературы XVIII, XIX и XX вв. Как она взволновалась, когда я смешал поэта Гаусмана (Housman) с поэтом «А. Е.», участником ирландского возрождения. Как будто речь идет об ее личных друзьях! Сколько в ней душевного здоровья, внутреннего равновесия, спокойствия, как любит она и понимает Таню, внуков, Мишу, сколько оттенков в ее юморе, в ее отношениях к людям — и какой у нее аппетит! Курица, пироги и еще какая-то обильная снедь уничтожалась ею с молниеносной поспешностью. Таничка в тисках своих семейственных домашних работ и литературных трудов — была предо мной, как в тумане: вращение ножниц в желудке делало для меня невозможным какой бы то ни было связный разговор о шекспировой пьесе.

7 мая. Проработал часов десять, не отходя от стола, а боль в желудке не унимается. Не сплю которую ночь. Читаю опять «Элефантиду». Пестрая, легкая, шалая, талантливая, неуголенная жизнь. Прoderжал корректуру двух томов Некрасова для Гослита и одного для Детгиза. Нужно для Аветовны писать о Маяковском. Для Тренивской семьи — рецензию о романе Тренива. Что-то такое для телевизора. А для себя? Чего бы я хотел для себя? Чтобы М. Б. выздоровела, а я лежал бы на диване и читал бы Агату Кристи.

Словно хожу по цветистому лугу,
Но ни травы, ни цветов уж не мну*.

Был с Фединым на кладбище. Говорю ему: «я распорядился, чтобы меня похоронили здесь». Он: я тоже думал об этом.

И утро, и вечер, и полдень мои позади*.

Люша и Женя усугубили мою тоску, мое одиночество, мою отрешенность от живых. В «Элефантиде» есть *гениальные* места, по тональностям. Например о разговоре с Varga.

Статейка Тарасенкова в «Литгазете» глубоко оскорбила меня* — не знаю, чем, — должно быть, своим хлестаковством. Хотя намерения у него были самые добрые.

Читал еще раз «Элефантиду» — какое богатство оттенков, эскапад, очаровательных полумыслей, небрежностей, гениальных определений, брошенных на лету зоилиад и заноз, — какая вихревая, поэтичная, ни на чью не похожая жизнь.

Свалил с себя 60 печ. листов корректуры, и словно из меня вынули все мозги — не оставили ни сердца, ни крови. Пустой, безличный, отвратительно несчастный старик.

8 мая. Выйти бы за ворота и встретить кого-нибудь симпатичного!

Встретил Всеволода Иванова вместе с Тамарой Владимировной. «Ломоносов» пойдет на днях.

Он: Ливанов обнаружил большой талант раньше всего как цензор: он выбросил из пьесы все человеческие черты Ломоносова — и пьянство, и любовную часть, обеднил, обкорнал пьесу.

Тамара Владимировна: И нужна — я прямо скажу — гениальность Всеволода, чтобы не чувствовался этот изъян...

По словам Всеволода Вячеславовича, на репетициях были представители Ц.К., которые внесли свои поправки — не в пьесу, а в игру. У меня, напр., немцы-академики изображены были смешными шутами, в Ц.К. посоветовали убрать их шутовство, иначе не с кем Ломоносову бороться. Потом у меня был смешон Разумовский — предложили умерить комедийный налет, и, пожалуй, они правы. Так гораздо лучше.

Тамара Владимировна: Я все четыре года кричу, что Ливанов искажил, обеднил пьесу. Но сейчас я поглядела и должна по совести сказать — победителей не судят, а он — победитель.

Очень хвалит Всеволод Вячеславович сына Леонидова, участвующего в пьесе. [Наклеен билет в театр.]

9 мая. Испытывая адские боли в желудке, с трясущимися руками, невыспавшийся, поехал я в Художественный театр на генеральную репетицию «Ломоносова». За мною заехал Всеволод Вячеславович, с ним была Тамара Владимировна и Ниночка Федина. «Ой, какие у вас холодные руки!» — сказала Нина.

Приехали мы рано. В театр пришли: Кончаловские, Кример, Ливанова, Дарья Пешкова с мужем, Екатерина Павловна, неизбежная Толстая, Лили Брик с мужем, Шевченко с мужем, скульптор Коненков, Федин, десяток полузабытых лиц — Михальский, сын Еголина, m-me Капица и т. д., и т. д., и т. д. Спектакль мне по-

1953

нравился с самого начала. Он стремительный, без единого отклонения в сторону. Очень народный — даже и без декораций Ходасевич, — ставь его хоть в балагане — он имел бы успех — особенно у молодежи. Все упрощено, доведено до примитива, но таким и должен быть народный спектакль. Нарышкина, сам Ломоносов, Разумовский играли отлично. Всюду речь естественная, очень живая, богатая красками. Из каждого положения извлечен максимальный сценический эффект. Публика разогрелась к третьему акту, а в конце разразилась овацией, занавес поднимали и вновь опускали и вновь поднимали, артисты, взявшись за руки, кланялись истово и благосклонно по традициям МХАТ'а, хотя, как говорит Всеволод Вячеславович, многие из них смертельно ненавидят друг друга, и все ненавидят Ливанова. (Юный Леонидов-Разумовский играл под Ливанова — с его интонациями.) Кричали: «автора», — я громче всех. После третьего поднятия занавеса вдруг на сцену из зрительного зала взбежал 75-летний Коненков и пожал руки Иванову, Ливанову, расцеловался с ними и с юношеской грацией сбежал вниз. Но у меня снова так сильно болит желудок — что писать невыносимо.

25 мая. Сегодня 52-летие нашей свадьбы с М. Б. Великолепный майский день. Вишня в цвету. Солнце мягкое, нежащее. Получил необновленный подарок. Всев. Иванов прислал мне со своим шофером «Отечественные Записки» за 1872, 1874 и 1877 гг. Были у меня вчера Тарасенков с сыном, Гудзий, Таня. Три дня тому назад у меня был мозговой припадок. А сегодня я (хоть и отравленный мединалом) встал и берусь за перо. Ни один в мире старик не провел так радостно и необычно ЛП-летие своей супружеской жизни. М. Б-не лучше. У нее гигантские душевные силы. Она целые дни несет на себе все хозяйство — целые дни на ногах — как будто и не прошло ЛП лет с тех пор, как она была невестой.

30 мая. Вчера у Катаевых были воры. Забрались в пустую дачу (Катаевы в городе) и украли два велосипеда — Женин и Павликов.

Вчера целый день толкуются вокруг дачи местные и приезжие Шерлоки. Пишу о текстологии. «Воспоминания о Житкове» послал его сестре Вере Степановне.

6 июня. Получил от Веры Степановны Арнольд большое письмо: очень одобряет мои воспоминания о ее брате Житкове. Я боялся, что они ей не понравятся. Сестры великих людей так привередливы. В своих воспоминаниях о Маяковском я пишу,

что был в его жизни период, когда он обедал далеко не ежедневно. Его сестре Людмиле эти строки показались обидными. «Ведь мы в это время жили в Москве — и мы, и мама; он всегда мог пообедать у нас». Мог, но не пообедал. Поссорился с ними или вообще был занят, но заходил к Филиппову — и вместо обеда съедал пять или шесть пирожков... Но Людмила и слушать не хотела об этом: не бывал он у Филиппова, не ел пирожков.

Вера Степановна одобрила мои воспоминания, но в одном месте я назвал ее «херсонская сестра Житкова» — и она возражает: «совсем я не херсонская сестра, я жила в Херсоне недолго, не хочу я быть херсонской сестрой». Я написал, что у отца Житкова глаза были навывкате; она возражает: «напротив, они у него глубоко запали в орбиты» и т. д.

Был у меня третьего дня Федин. В его биографии — новая смерть... Умер лучший его друг архитектор Самойлов — причем Федину пришлось самому искать для него могилу, устраивать его внука в Ленинграде (на время похорон) и т. д. Он ездил в Ленинград на юбилей Ольги Форш, отвез Самойловского внука и устроил у себя в номере гостиницы пиршество по случаю именин Микитова-Соколова. На именинах был Зощенко. Зощенко очень подавлен*: он, по совету Союза Писателей, написал в высшие сферы прошение о том, чтобы его вернули в Союз, — и никакого ответа. А в Ленинграде — злорадствуют; знают, что он обращался с прошением и что ему не ответили. Это ухудшило его положение.

Федин взялся помочь ему, но — смерть Самойлова отвлекла Константина Александровича в сторону.

Был у меня Гудзий — он сообщил сенсацию о статьях в «Коммунисте» и борьбе за «типическое*». Будет говорить на юбилее речи о Льве Толстом.

У Жени была Манана. Андрониковы наконец переехали.

Видел Пастернака — он поглощен 2-й частью «Фауста».

7 VI. Сегодня наконец-то переехал в Переделкино Леонов. Показывал мне машинопись своего романа «Русский лес». Мы читали роман вдвоем — начало чудесное, поэтичное — но уже на 8 или 9-й странице очарование рассеивается

27 июня. С утра был Банников, по поводу Уолта Уитмена. Редактировать стихи он не способен, Уитмена знает только по моим переводам, ленив и неряшлив — но мне чем-то очень симпатичен, — я был ему рад, хотя то дело, которое можно было сделать в 20 минут, он делал три часа. Потом пришел Ярцев. Хочет, чтобы

я редактировал Некрасова для «Огонька». Просидев у меня два часа (хотя все дело можно было покончить в 15 минут), он ушел, извинившись:

— Простите, что я так *недолго* (!) посидел у вас!

Потом пришел Леонов. Поговорили о денежной реформе, о министре культуры Пономаренко (теперь в литературской среде все говорят о Пономаренко), о случае в «Огоньке» (первый раз за все время своего существования журналу пришлось вырезать ряд страниц и печатать другие. Дело произошло из-за статьи Александрова о новых фильмах. Один из фильмов, похваленных Пономаренко, похвалил и Александров. Оказалось, что, несмотря на похвалу Пономаренки, фильм решено не выпускать на экран — и, таким образом, статью Александрова пришлось вынуть из №). Банников сегодня очень интересно рассказывал, что Шенгели, который перевел политические стихи Гюго, был возмущен, что они выходят 10.000-м тиражом, и написал Пономаренко, что книга Гюго народная и что ее нужно издать 100.000 тиражом. Пономаренко переслал письмо Шенгели Грачеву. Тот потребовал стихи Гюго в переводе Шенгели. Переводы оказались так плохи, что Грачев сказал: «Единственное, что я могу сделать, это уменьшить тираж». Ярцев рассказывал, что третьего дня вернулся из Англии Сурков — он был на церемонии коронации Елизаветы II. Во все время коронации шел дождь. Королева ехала в стеклянной карете.

У нас много клубники. М. Б. как будто лучше. Все толкуют о предстоящей денежной реформе. В Тбилиси — говорил Ярцев — жители бросились в магазины скупать все залежалые товары: ковры, вазы и т. д. Образовались очереди. За место в очереди платили до 1000 рублей. Такая же паника в Киеве.

Парикмахерша, уж на что дошла, хотела было купить себе пальто, но не могла даже войти в магазин — такая давка! Каждый сдает деньги в сберкассы.

27 июня. Дочитал вчера «Элефантиду» до конца. Хорошо, есть дивные страницы, но грустно, грустно.

Ни к одной сберкассе нет доступа. Паника перед денежной реформой. Хотел получить пенсию и не мог: на Телеграфе тысячу пять народу в очередях к сберкассам. Закупают все — ковры, хомуты, горшки. В магазине роялей: «Что за черт, не дают трех роялей в одни руки!» Все серебро исчезло (твердая валюта!). Ни в метро, ни в трамваях, ни в магазинах не дают сдачи. Вообще столица охвачена безумием — как перед концом света. В «Националь» нельзя пробиться: толпы народу захватили столики — чтоб на свои обреченные гибели деньги в последний раз напиться и наесться.

Леонов, гениальный рассказчик анекдотов, выдумал такую ситуацию:

1953

— Что это там у верхних жильцов за топот?! Прыгают, танцуют, стучат с утра до ночи. Штукатурка валится, вся квартира дрожит. Что у них свадьба, что ли?

— Нет, они купили лошадь и держат у себя, на пятом этаже.

Я видел в городе человека, у которого на сберкнижке было 55 тысяч. Он решил, что пять тысяч будут сохранены для него в целости, а 50 превратятся в нули. Поэтому он взял из кассы эти 50 тысяч и решил распределить их между десятью кассами — так сохраняя все деньги. Но вынуть-то он вынул, а положить невозможно. Нужно стоять десять часов в очереди, а у него и времени мало. Потный, с выпученными глазами, с портфелем, набитым сотняшками, с перекошенным от ужаса лицом. И рядом с ним такие же маньяки. Женщина: «Я стою уже 16 часов». Милиционер у дверей каждой — самой крошечной — кассы. К нему подходит изнуренная девица: «У меня аккредитив. Вот! У меня аккредитив». — Покажите проездной билет! — Билет я куплю завтра, чуть получу по аккредитиву. — Нет билета, становитесь в очередь.

Толпа гогочет. Все магазины уже опустели совсем. Видели человека, закупившего штук восемь ночных горшков. Люди покупают велосипеды, даже не свинченные: колесо отдельно, руль отдельно. Ни о чем другом не говорят.

Был у Леонова Федин. Постарелый, небритый: Что делается! Почему вдруг на заводах стали устраивать митинги против берлинского путча! С запозданием на две недели. А эта денежная паника! Хорошо же верит народ своему правительству, если так сильно боится подвоха!

И начался изумительно художественный (основанный на образах) и страстный спор о будущих судьбах России. Федин начал с очень живописного описания, как он семилетним мальчиком ехал с отцом в какой-то саратовской глуши, и все встречные крестьяне кланялись ему в пояс. А Леонов стал говорить, что шестидесятники *преувеличили* страдания народные и что народу вовсе не так плохо жилось при крепостном праве. Салтычиха была исключением и т. д.

Вообще, Леонов очень органический русский человек. Страдая желудком, он лечится не только у кремлевского профессора Незнамова-Иванова, но и у какой-то деревенской знахарки. Жена его Татьяна Михайловна рассказывала, что она никак не могла лечить Леночку, «так как, вы понимаете, когда врачи были объявлены отравителями, не было доверия к аптекам; особенно к Кремлевской аптеке: что, если все лекарства отравлены!»

Оказывается, были даже в литературной среде люди, которые верили, что врачи — отравители!!!

Краткая беседа с Катаевым. «Как хорошо, что умерли ТрENEвы — отец и сын. Они были так неимоверно бездарны. У отца в комнате под стеклом висело перо, которым Чехов написал “Вишневый сад”, рядом фото: “ТрENEв и Горький”, рядом фото: “Сталин на представлении «Любови Яровой»” — и это был фундамент всей его славы, всей карьеры!! Отсюда дома, дачи, машины, — брр! А сын: “В это майское утро, *которое* сияло у реки, *которая*”... бррбр».

Я вступился: «У сына было больше дарования, чем у отца». Он только рукою махнул.

28/VI. Был Нилин. Сказал, что Зверев объявил, что никакой денежной реформы не будет.

Лег в 11 ¹/₂ ночи и заснул *без порошков*. Читаю «Отечественные записки».

30 VI 1953. Сейчас в 8 часов утра Катаевы отбыли в Крым. Видел с балкона, как они укладывались.

Прелестное письмо от Твардовского.

1 VII 53. Пришел ко мне милый Федин, принес «Новый Мир» с рецензией Жданова*. Рецензии я не читал — чтобы не волноваться, но Фебина полюбил еще больше. — Встрял в Филдинга, кажется, зря. Встретил у телефона Ермилова — к моему удивлению, он сказал: «Вы написали чудесную книгу о Некрасове».

Но я ни с кем не согласен — ни с Твардовским, ни с Ермиловым, ни с Ждановым. Книга моя плохая, в десять раз хуже, чем была бы, если бы меня не заставили работать одновременно над XII томом!

3 июля. Вчера заседание Короленковского комитета. Председатель — Фед. Вас. Гладков. Его стиль — эмоциональные возгласы, преувеличенные тревоги, патетические жесты. Для чествования Короленко не удастся достать Колонный зал, — он возмущается, негодует, бурлит. Кажется, Козловский (певец) в это время не будет в Москве. Гладков возмущается, негодует, бурлит. За участие оркестра и хора нужно уплатить 12 тысяч рублей. Гладков возмущается, негодует, бурлит. Это бурление было особенно эффектно на фоне равнодушного молчания всех остальных: Ек. Павловны Пешковой, Е. В. Тарле, Б. П. Козьмина, И. А. Новикова, И. С. Козловского (пришедшего позже).

Корплю над текстологией.

7 июля. Корректуры: школьного Некрасова, _____ **1953**

III том Гослитского (2-ая корректура), II том Гослитского (3 корректура), всего около 70 листов. Переутомление, тошнота, рвота от мозгового напряжения. Работал часов 20 подряд, именно потому, что эта работа мне так ненавистна и я хочу поскорее от нее отделаться.

Был вчера с Фединым у Ираклия. Об Ираклии думаешь равнодушно, буднично, видишь его слабости — и вдруг он за столом мимходом изобразит кого-нибудь — и снова влюбляешься в него, как в гения. Вчера он показывал Бонч-Бруевича на поминках Цявловского. Бонч-Бруевич в поминальной речи стал рекламировать свой Лит. музей, бранил сменившего его директора, который готовил прежде морс или сидр — (и забыл о Цявловском), показывал И. А. Новикова, прочитавшего на поминальном вечере, посвященном Цявловскому, стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» — утверждая, что это стихотворение прямо относится к Цявловскому. Потом речь Павленко в Тбилиси о нем, об Ираклии, потом Всеволод Иванов, выступавший перед четырехтысячной толпой без микрофона. Федин तो ропился уйти, Варенька, играя с Экой, промочила себе ноги, но уйти было невозможно, и он остался, очарованный.

10-го июля. Пришел Гудзий, принес № 7 «Знамени», где рецензия о «Мастерстве Некрасова». — Мы пошли к Сельвинскому, с ним — к Ираклию. Говорили они о Берии, гадали о Берии, проклинали Берию, ужасались Берией, так что мне наконец стало скучно, как ребенку в церкви. К счастью, Ираклий (с обычной своей осторожностью) даже не упомянул об этом деле, но зато дивно показал Фадеева. Даже веки стали у него закрываться, как у Фадеева, — и мне даже показалось, что он сразу стал седым, как Фадеев. Он улавливает ритм, который есть у каждого человека, — воссоздает его атмосферу. Все работы Ираклия — на оттенках и тональностях, а когда он на эстраде, оттенки исчезают, и выходит даже не слишком талантливо.

Филдинг — мы с Таней посидели над ним часа четыре — и вышел 1-й акт как будто недурной.

12 июля. Приехала Тата с Машенькой.

Мне вспоминается сын Берии — красивый, точно фарфоровый, холеный, молчаливый, надменный, спокойный; я видел его 29 марта, у Надежды Алексеевны на поминках по Горькому. Тамара Влад. (жена Всеволода) подняла тогда бокал за «внуков Горького» — то есть за Берию и мужа Дарьи. Что теперь с его надменно-

1953

стью, холеностью, спокойствием? Где он? Говорят, Марфа беременна. Говорят, Катерина Павловна тщетно пытается к ней дозвониться. Дикая судьба у горьковского дома: — от Ягоды до Берии — почему их так влечет к гепеушникам такого растленного образа мыслей, к карьеристам, перерожденцам, мазурикам? Почему такие милые — простодушные, — женщины, как Катерина Павловна и Надежда Алексеевна, — втянуты в эту кровь?

14 июля. Выдумана девочка Кукрыникса — очень плохая — с которой Машенька и сравнивает себя. «Это Кукрыникса ходит по мокрой траве, а я всегда по сухой». «Это Кукрыникса воняет, а я пахну». Полна желаний поступать нормативно, без всяких отклонений от устава: умываться вовремя, здороваться со старшими, не есть сырых ягод и т. д. Всякое взрослое «нужно» — для нее высший закон. Голос хриплый, лицо простонародное, в 2000 году ей будет всего 50 лет, чего я, к сожалению (но не очень большому), не могу сказать о себе.

17 июля. Вчера статья Бурсова в «Правде» о моем «Мастерстве». Люди поздравляют меня, а статья кособокая и мутная. Конфликт по поводу «Song of Joys»¹ Уитмена. Никогда не думал, что Кашкин способен на такой подлый поступок: он взял мой новый исправленный перевод — этой песни — исправил по моему переводу свой — и все же настаивает, чтобы взяли его перевод, хотя мой сделан гораздо раньше.

Маша так любит всякую «норму», всякое правило, что когда Люша передала ее мне через окно, она заплакала, убежала обратно в комнату и вышла через дверь.

Был вчера на подготовке Короленковского юбилея. Пришла бодрящаяся Екатерина Павловна, очень осунувшаяся за эти дни, когда ее зятя (или тестя?) именуют на весь мир подлецом. Я передал поклон Надежде Алексеевне и Дарье, и это вышло неуклюже.

С 18 по 26 был болен: грипп и желудочная немощ. Исхудал, постарел ужасно. Навещал меня Андроников. Дивный созданный им образ Фадеева. Показывая его, Андроников выпрямляется, словно проглотив аршин, напряживает шею, закидывает голову, шагает сквозь толпу приветствующих его литераторов, как сквозь чашу кустарников, ни с кем не здоровается, не отвечает на много-

¹ «Песня радости» (англ.).

голосое: «Здравствуй, Саша», «Здравствуйте, Ал. Ал.», — и вдруг видит в сторонке уборщицу: здравствуйте, тетя Маруся...

1953

Был у меня Каверин. Он сообщил, что Зощенко принят в Союз Писателей, что у него был редактор «Крокодила», просил у него рассказов и заявил, что покупает на корню всю продукцию. Какое счастье, что Зощенко остался жить, а ведь мог свободно умереть от удара — и даже от голода, т. к. было время, когда ему, честнейшему и талантливейшему из сов[ременных] писателей, приходилось жить на 200 р. в месяц! Теперь уж этого больше не будет!

Вчера в телевизоре показывали чеховские фильмы изделия «Белорускино» — ужас, измывательство над Чеховым, каждый образ размазан, педализирован, фактура дряблая, пухлая, нечеховская.

Был еще раз Андроников, показывал переутомленного Симонova — у которого даже веки не поднимаются от усталости, даже волосы какие-то усталые.

14 сентября. Дождь сплошной, беспощадный. Франц Францевич вновь перекопал площадку для посадки клубники — но сажать невозможно: площадка превратилась в жидкую глину. Целый день у меня болела голова, к вечеру я под ливнем пошел к Андроникову. Он в крошечном, но умном и элегантном своем кабинете сидит над комментариями к Лермонтову, издаваемому «Огоньком». Комментарии очень интересны, есть новые даты, замечательно истолкование послания к Мятлеву «На наших дам морозных...». Ираклий убедительно доказывает, что Лермонтов здесь ориентируется и на слово мороз, и на французское слово *torose*¹. О стихотворении, которое считалось посвященным Сенковскому. Очень четкие чеканные примечания, которыми Ираклий поглощен всецело.

Вчера был у меня Леонов. Встретился с Алянским и сразу потух. Он терпеть не может беседовать со мной при посторонних, только с глазу на глаз.

18 сентября. Сны! Сны! Снилось мне Мария Борисовна: мы вместе с нею и Б. Л. Пастернаком где-то в ресторане — собираемся на именины Елены Григ. Гуревич. Где-то на Мещанской — вход с улицы, у входа швейцар, М. Б. везет Елене Григорьевне резиновый зонтик прямо из Китая, весь раскрашенный. Я помню даже

¹ Мрачный, хмурый (франц.).

1953

картинки на нем, помню его запах, он и до сих пор для меня так же реален, как и это перо, что я держу в руках.

Я болен, простужен, никого не вижу. Был, впрочем, Нилин — говорил очень много о Маленкове — с восторгом: «Маленков явился на секретариат ЦК. Его встретили обычными аплодисментами. Он сказал: “Здесь не Большой театр, и я не Козловский”».

Весь день безвыходно работал, и как будто зря, — над статьей о текстологии.

20 сентября. Чудесный жаркий день. Съехалось все мое вну-
чье: Люша, Гуля, Митя.

Был у Катаева по делу Житковой — то есть Веры Арнольд, которая просила меня передать ему письмо: хочет, чтобы он написал о Борисе. Катаев рассказал мне содержание своей будущей пьесы, которая называется «Членский билет», — о жулике, который 25 лет считался писателем, т. к. состряпал какую-то давно забытую ерундистику в молодости. С тех пор он ничего не писал, но все по инерции считают его литератором. Он известен. Его интервьюируют, он читает лекции в Литинституте, передает им свой «творческий опыт». Готовится его юбилей. Главное участие в подготовке юбилея принимает он сам. Все идет гладко. В каком-то писательском поселке он хочет получить участок для дачи. Ему охотно дадут, но просят предъявить членский билет. А билет утерян. Он пытается достать в Союзе Писателей дубликат. Но там введен порядок: потерявший билет обязан представить все свои труды; и если о них будет дан благоприятный отзыв — его примут в члены Союза. А у него никаких трудов нет, и представить ему нечего. Он совершенный банкрот. Юбилей срывается. Его враги торжествуют. И... вдруг он находит свой членский билет! Ура! Больше ничего и не требуется. Начинается юбилейное чествование. Депутации приходят с венками, пионеры с галстуками и т. д., и т. д. Товарищи, никогда не теряйте членских билетов.

Читает Горького: какой драматург! Егор Булычев — гениально! — «К. И., нет ли у вас Карла Маркса 1-й том? Нужно для семинара». Катаев в университете марксизма-ленинизма. И готовит уроки.

Был Алянский. Благодарит за хлопоты о Ниночке. Но сделать для нее я, в сущности, ничего не мог, если не считать того, что я посодействовал ему достать письмо у его друга Федина.

13 октября. Чудесный солнечный день. У М. Б. хорошее настроение. Сажает малину возле гаража. Тут же бегает Таничка,

дочь сторожихи, возит в грузовичке шишки и листья. Подошел башкир, студент, без шляпы, разговорились. Крепкие белые зубы, милая улыбка. Душевная чистота, благородство, пытливость. Знает Пушкина, переводит на башкирский язык Лермонтова. Простой, спокойный, вдумчивый — он очень меня утешил — и как-то был в гармонии с этим солнечным добрым днем. Учится он в Литинституте, слушает лекции Бонди. Почему-то встречу с ним я ощущаю как событие.

Сейчас продержал корректуру Уитмена, сочинил стишок для пьесы Филдинга — закончил опостылевшую мне статью о текстологии Некрасова. Меня даже самого испугала моя versatility¹. А тут — воспоминания о Житкове и прочие жанры.

Видел Еремина — говорит, что второе издание «Мастерства» — дело решенное. В Детгизе корректура моих «Сказок» — как жаль, что там нет наиболее оригинальной моей сказки — «Бибигон». Я недавно отыскал ее и прочитал сызнова — как новую. Вот старость! — не помнил из нее ни одного стиха. Все забыл. И читал ее так, словно она чья-то чужая. За что истребили ее, неизвестно. Если бы ее написал иностранец и ее перевели бы на русский язык, все печатали бы ее с удовольствием.

20/X. Был у Федина. Говорит, что в литературе опять наступила весна. Во-первых, Эренбург напечатал в «Знамени» статью*, где хвалит чуть не Андре Жида («впрочем, насчет Жида я, м. б., и вру, но за Кнута Гамсуна ручаюсь. И конечно: Пикассо, Матисс»). Во-вторых, Ахматовой будут печатать целый томик — потребовал Сурков (целую книгу ее старых и новых стихов), в-третьих, Боря Пастернак кричал мне из-за забора (у Вари, внучки Федина, скара-латина, поэтому к нему бояться входить; Тамара Владим. боится за Антона и всех напугала): «Начинается новая эра, хотят издавать *меня!*»... О, если бы издали моего «Крокодила» и «Бибигона»! Я перечел «Одолеем Бармалея», и сказка мне ужасно *не понравилась*. Федин только что сдал шестой том Собрания своих сочинений. У него машина в ремонте, он взял из города такси и разговорился с водителем. Водитель рассказал ему, что он незадолго до этого возил писателя — автора «Белой березы». Тот был пьян, и когда таксист потребовал у него денег, тот не дал ни копейки, ударил его по лицу и выбил зуб — таксист узнал у лифтерши его адрес, пошел к его жене, жена заплатила по таксе, и шофер ушел, не стал жаловаться — черт с ним! Кроме того, ему, шоферу, нравится «Белая береза».

¹ многосторонность (англ.).

1953

25 октября. Был у Федина. «Мучил» Вареньку, «перепиливал» ее ладонью пополам, «отрывал» ей уши, «отвинчивал» нос. И все эти муки она переносила с радостью и требовала еще. Федин в восторге от пастернаковского стихотворения «Август», которое действительно гениально. «Хотя о смерти, о похоронах, а как жизненно — все во славу жизни».

7–8 ноября. Октябрьские праздники провожу в Переделкине. Одни с Люшей. Кошка разбила тарелку, у нас украли перекладину для ворот, Женя разбил горшок цветка, — словом убытки, убытки. После чистки леса в лесу остались большие охапки сучьев, которые я с оравой мальчишек, Жениных приятелей, таскаю из лесу. Погода сухая, морозная, снегу нет. Я правлю корректуру Уитмена, правлю статейку о Житкове, вожусь с текстологией — и должен заняться вступительной статьей к собранию сочинений Некрасова. — Роман Леонова «Русский лес» оказался тусклым, виatieватым и безжизненным. Пинг-понг у нас в столовой.

16 ноября. Люша сдала последний государственный экзамен на пятерку. Тата защитила диссертацию. Гуля, тайно взяв у родителей ключ от машины, посадил в нее своих приятелей и потерпел катастрофу: на него налетел троллейбус. Коля покарал его сурово: отнял у него шикарный костюм и заставил его починить измятую машину на свой счет, пусть продаст все свои фотоаппараты и на вырученные деньги произведет ремонт испорченной «Победы».

Женя ставил силки для птиц. В лесу божественно: крупичатый снежок. Сдал «Робинзона», отделяваю Уитмена, пишу вступительную биографию Некрасова, сплю под мединалом.

Марии Борисовне *лучше!*

17 ноября. Пишу проклятое предисловие к трехтомнику Некрасова в «Огонек». Застрял на 24 стр. — и ни с места. М. Б. — *лучше*. Был у Каверина. На нем «новые веяния» отразились ярче всего: его роман («Книга»), сильно искаженный и редактором журнала, и редактором издательства, теперь печатается без всяких купюр — с быстротой феноменальной.

Был у Этл Квитко. Она говорит, что ее отец — под Хабаровском, что он жив и, кажется, здоров*. Мать тоже переносит свое горе стоически. Лида пишет фельетон для «Лит. Газеты» против ханжества в детской литературе. От Фадеева письмо, где между прочим добрые слова о моем «Мастерстве». Завтра мы с Фединым идем к Пономаренко — хлопотать о Тихонове (А. Н.).

больше часу излагал нам свою программу — очень простодушно либеральничая. «Игорь Моисеев пригласил меня *принять* его новую постановку. Я ему: “вы меня кровно обидели”. — Чем? — Какой же я приемщик?! Вы мастер, художник — ваш труд подлежит свободной критике зрителей — и никакие приемщики здесь не нужны... Я Кедрову и Тарасовой прямо сказал: отныне ваши спектакли освобождены от контроля чиновников. А Шапорин... я Шапорину не передал тех отрицательных отзывов, которые слышал от влиятельных правительственных лиц (Берия был почему-то против этого спектакля), я сказал ему только хорошие отзывы, нужно же ободрить человека... Иначе нельзя... Ведь художник, человек впечатлительный» и т. д., и т. д., и т. д. Мы поблагодарили его за то, что он принял нас. «Помилуйте, в этом и заключается моя служба» и т. д. Говорили мы о необходимости переиздать книжку «Воспоминаний» Тихонова — и о памятнике Алексею Толстому, который из-за бюрократической волокиты стоит где-то на задворках, и мальчишки швыряют в него камни. Министр обещал исполнить наши просьбы, невысокого роста, коренастый, звук *г* произносит как *h*.

Всеволод Иванов и Федин были вчера у Фадеева, здесь же, в Переделкине, и знатно напились. «Я сегодня проснулся, — рассказывал Вс. Иванов, — и так мне стало жалко Александра Александровича, что он не выпил ни рюмки вина». Фадеев обещает вступить за «Ломоносова», обруганного всеми газетами.

21 декабря. В Переделкине 10° мороза. Погода мягкая, — пожалуй, даже слишком. Из-за того, что Гослит предательски отказался от второго издания моего «Мастерства», я в этом году пустился во все тяжкие и стал заниматься мелочишками: 1) заново переработал «Робинзона»; 2) перевел с Таней Литвиновой Филдинга «Судья в ловушке»; 3) переделал «Доктора Айболита»; 4) заново перевел кое-что из Уитмена и переработал старые переводы (причем, обнаружилось, что Кашкин — пройдоха, а Мендельсон — тупица); 5) переделал «Бибигона»; 6) написал воспоминания о Житкове и Тынянове; 7) написал статью «Принципы текстологии Некрасова»; 8) проредактировал трехтомник Некрасова для Гиза; 9) проредактировал трехтомник Некрасова для «Огонька»; 10) написал для «Огоньковского» издания три листа вступительной статьи; 11) проредактировал Некрасова для «Детгиза»; 12) писал статейки для «Литгазеты» и «Огонька». Все это «мурá и блекотá», как любил выражаться Зощенко. Это — самоубийство. С 1-го января, если буду жив, возьмусь за большое: переработаю на

основе учения Павлова свою книгу «От двух до пяти», переработаю в корне «Воспоминания о Репине». Благо у меня теперь прекрасный секретарь — Клара Израилевна Лозовская, очень старательный, неглупый человек.

Третьего дня праздновали 10-летие со дня смерти Тынянова. Три щита с его произведениями и портретами, зал набит битком, — но со стороны заправил Союза саботаж: ни Симонова, ни Леонова, ни Федина, ни Фадеева.

Председательствует такой маломощный (с точки зрения начальства) человек, как Всеволод Иванов. Эренбург не явился, но прислал статью — вернее, письмо на 3-х страничках во славу Ю. Н. Юбилей, по существу, устроен сестрой Юрия Николаевича — женой Каверина — и самим Кавериным. Если бы у Тынянова не было в Союзе Писателей родственников, поминки были бы еще беднее. Я четыре дня писал свой краткий доклад о нем — и сейчас вижу, что не сказал о Ю. Н. и десятой доли — о его гордости: он никогда не метал бисера перед свиньями, о его принципиальности, о его верности друзьям и т. д.

Жаль, что, торопясь в Переделкино, я не слышал ни Шкловского, ни Андроникова, выступавших после меня. Лидина статья «Гнилой зуб»* (о сюсюкателях в детской литературе) так понравилась тамошней редакции, что ее (статью) выносят на первую полосу. Честь небывалая для статей о детской литературе.

«Знамя» все еще мурыжит Колин роман. Роман должен был пойти в 1953 г., отложили на январь 1954, а потом на февраль, теперь — на март.

Был вчера у Федина. Федин клянется, что он не получил приглашения на тыняновский вечер. Фадеев опять «исчез из дому». Домашние в ужасе — вино для него смерть.

22 декабря. Мы сидели вчера с Павликом Бунинным, который не столько талантливо, сколько бойко рисовал мой портрет, — очень мешая мне заниматься. Вдруг на улице забренчал «маленький набатик» — кто-то, пробегая, стучал одной железкой о другую. Мы глянули в лес — колоссальный костер до самой верхушки деревьев — одного сплошного красного цвета. Мне показалось, что горит дом Назыма Хикмета, где прежде жил Евг. Петров, — только что отделанный. Но нет, — он цел, а горит дом Н. С. Тихонова. Пробираемся по снегу туда. Гуси, утки, куры мечутся у забора, ничего не понимая. Вдалеке стоит машина («Зим») Н. С. Тихонова — в ней сам Тихонов, без шапки, без пальто, обвязывает руку Марии Константиновне бинтом и целует ее, утешая. Загорелось наверху, в чердаке. Из-за труб. Мария Константиновна бросилась вверх —

спасать рукописи Н. С. и все его книги об Индии (он собрал целую коллекцию индийских книг) — и обожгла себе руку, и теперь без платка сидит в машине и очень беспокоится о «тете Маше». Здесь-то и проявилась ее обычная философия: «черт с ними, с вещами!» Когда шофер хотел войти в дом, чтобы вынести какую-то редкую вазу, она сказала: «ничего не нужно спасать, пусть горит — ведь балка может свалиться, убьет». И с обычным своим оптимизмом:

— Хорошо, что случилось не ночью, погибли бы все непременно. Чудесно, что я не прихватила с собою Вареньку.

Пришел Федин. Снял с себя кашне, надел ей на голову. Тихонов стоек, угрюм. Пропали книги. Часть книг — не знаю каких — очутилась на улице. Мы с Ниночкой Фединой внесли их в машину. Приехала московская пожарная команда и перекрестными могучими струями потушила пожар. Низ остался благодаря этому цел, а верх — погиб.

Мне всю ночь снился Чехов. Будто я разговариваю с ним, и он (я даже помню, каким почерком) внес поправки в издание Гослита. Проснувшись, я еще помнил, какие поправки, но теперь, через час, забыл.

Ну вот и

1 января. Как это ни странно, я дивно спал — заснул в 10, встал в 4.

Статья Лиды о детской литературе все еще гремит. Незнакомые люди звонят, благодарят, поздравляют.

Корректурa статьи для «Нового Мира» — получена. Почему-то меня к этой статье не тянет. Хочется писать воспоминания о «Потемкине», о «Сигнале», о «Репине». Урву ли свободное время?

Сегодня в театре Станиславского идет «Айболит». Я обещал выступить перед спектаклем.

5 января. Вчера М. Б. сказала мне ошеломляющую новость — воистину праздничную: *Збарский освобожден!!!* Его жена — тоже. У меня руки задрожали от счастья. Не было дня, чтобы я не вспоминал с болью об этой милой семье — о Леве, о Вите, которым я был бессилен помочь. Меня мучило чувство вины перед ними; в самые трудные (для них) месяцы я лежал больной, был вне жизни, а потом был уже ненадобен им. Но я помню все доброе, что они сделали мне, и Бор. Ильич и Евг. Борисовна, и невозможность помочь им тяготила меня, как страдание.

Франц Францевич болен. Мы без него как без рук. Третьего дня мне нужно было в город до зарезу: корректурa для «Огонька» и для «Нового Мира». Я в отчаянии пошел к Федину, вдруг останавливается «Зим», оттуда в серой шапке выходит красивый, здоровевший Конст. Симонов: «Садитесь, Корн. Ив.», — подвез меня к моей даче, ждал, пока я уложу мой портфель, — и по дороге читал мне свои стихи — «Новый год» из своей будущей книги «Друзья и враги». Приехал из Сухуми на один день повидаться с Серовой и сегодня же едет в Кисловодск. Говорил, как он рад, что освободился от «Литгазеты».

Был я в «Новом Мире». Дементьев сообщил мне, что он в торговле от Лидиной статьи про детскую литературу, и просил у нее такую же для «Нового Мира».

11 января. Мороз — 22°. Весь день в городе.

1954

«Правил» — то есть портил свою статью «От дилетантизма к науке». Дементьев предложил мне ряд изменений, которые я вначале принял без большого раздумья, но ночью решил во многих местах восстановить Status Quo ante¹. Из-за этого двойная корректура — сначала «по Дементьеву», потом «назад к Чуковскому».

Оттуда в «Огонек». Я страшно недоволен своей статьей (вступительной). Она шаблонна, составлена из старых клочков. Я бы ее переделал, но Клара больна, без машинки не поправишь. Я и сдал «так».

Звонила Людмила Толстая: освободили мужа Надежды Алексеевны Пешковой — Николая Федоровича!!! Хорошо, что не всех троих! Она же сообщила мне, что Пономаренко распорядился переиздать книгу Александра Николаевича Тихонова — по нашей просьбе.

15 января. Вышла книжка моих сказок; я купил себе валенки; замучился с корректурой статейки, намеченной во второй номер «Нового Мира» — в верстке оказалось много ошибок; получил из Минска письмо, что в первом квартале выйдут и там мои сказки; сдал третий том Некрасова в «Огонёк» (последние страницы — комментарии). Получил от Рейсера письмо, что ленинградская секция критиков выдвинула мою книгу «Мастерство Некрасова» на Сталинскую премию (!!).

Видел «Фауста» Пастернака. Есть удачные места, но в общем — неровно, с провалами, синтаксис залихватский, рифмы на ура.

Из театра сатиры позвонили, что наш перевод (мой и Тани Литвиновой) пьесы Филдинга* прошел уже цензурные мытарства.

Хочу сейчас же приняться за книжку о Репине.

Женя, обладающий гениальной памятью, все же никак не может вызубрить александрийских стихов Некрасова «И вот они опять, знакомые места...». И зачем дают школьникам учить эти нетипичные для Некрасова, французистые, ходульные вирши, когда есть «Коробейники», «Филантроп», «Мороз, Красный нос».

17 января. Вчера весь день прошел бесцветно и бесплодно. К вечеру меня потянуло к Федину — пришел, и вдруг все встретили меня как долгожданного — как будто знали, что я приду — вот он!

¹ Положение, которое было прежде (лат.).

вот он! Оказывается, Н. С. Тихонов, Алянский, Федин и Браинина очень горячо и светло говорили обо мне — Николай Семенович сейчас произнес в мою честь тост, Федин тоже и Алянский — тоже — и я от непривычки чуть не заплакался. Впрочем, Н. С. произнес около десятка тостов — обнаружив гениальность тамады.

Рассказывал Тихонов о Джессике Стрит, которая все время говорила на конгрессах от лица рабочих австралийской металлургии. Ей указали, что она давно уже не имеет никакого отношения к железоделательной промышленности. Но Эндикот посоветовал ей:

— Сошлитесь на железный занавес. Все говорят, что между СССР и другими странами железный занавес, вот и скажите, что вы в этом занавесе делаете маленькие дырочки...

Вспоминал Юрия Николаевича Тынянова. Память у Николая Семеновича феноменальная. Он помнит, как мы гуляли с ним к Бабьему Гону в двадцатых годах в Петергофе — и все, что мы говорили тогда.

Хотел взяться за книжку «Мастерство» — но потерял тот экземпляр, где сделаны мои поправки. А Клара не идет. Неужели продолжает болеть?

Снег. Метет со вчерашнего вечера. Встретил Катаева — весь засыпан снегом, коричневая фетровая шляпа, щегольское пальто. Лицо молодое, смеющееся, без обычной отечности. Похвалил мою статью о текстологии — в будущем «Новом Мире». Идет к телефону в контору. — «Эх, завел бы я телефон дома, да жена, да дочь... целый день будут щебетать без умолку. Посадить бы стенографистку — о чем они говорят, боже мой!»

Написал рассказ о Максе Волошине — и о жене его Марии Степановне. «Я три года наблюдал ее в Коктебеле. Святая женщина, а отдала свою душу вздору. Я вывел их под псевдонимами, но узнают, и больше мне в Коктебель нет пути*. Пьесу о бездарном писателе, который бездельничал 25 лет — и справляет юбилей, я все никак не могу начать... нет персонажа, в крайнем случае возьму Всеволода Иванова. Прочтите его пьесу “Бронепоезд” — ведь фитюлька, ерунда — а Тамара раздула».

Я сказал ему: что? писатели! Но сколько есть академиков, не имеющих научных трудов! Ну, напр., член-корреспондент Еголин, академик Майский и др.

Катаев: Чтобы сделать вам приятное, введу в пьесу члена-корреспондента.

Я забыл приписать, что Тихонов рассказывал о своем разговоре с Неру. «Об этом разговоре я мечтал одиннадцатилетним маль-

чишкой. Я писал тогда об Индии и рифмовал: “па-
год” и “на год”. И все мои индийские книги сгорели.

1954

Но ничего, они тут (и он указал на лоб). Я так знаю Индию, что, когда в Пешаварском музее гид не мог объяснить, почему сабли (экспонаты) имеют такой-то изгиб, я объяснил гиду, и все обомлели».

22 января. Умер Пришвин. Умер Горбатов. В Гослите объявили, что берут к изданию мой и Танин перевод пьесы Филдинга.

Только что был у меня Леонов. Говорит, что сегодня как раз закончил переработку своего романа для отдельного издания.

По словам Леонова, в том доме, где жил Берия, будет детский дом. Недавно Леонов обедал у Суркова: был дан обед в честь чилийского поэта, забыл имя, и там был Тихонов — и Леонов очень похоже показал, как смеется Тихонов (дипломатически, как смеются послы и министры) — всякой фразе, сказанной гостем. «Вы были в Большом театре? Хо-хо!» — «Вам понравилось? Хо-хо-хо?» Очень похоже.

29 января. Радости: 1) был у Збарского, видел Евг. Борисовну, Бориса Ильича. В маленькой комнатке у Левы. Евг. Б-на, преобразенная страданием, светлая. Б. И. похудевший, как после смертельной болезни. Круглый стол, пирожки, пирожное («вот твоё любимое, с кремом», говорит Евг. Б.). Она уже отбывала «лагерь» в Мордовии, а он был ещё под следствием. Его держали в одиночке на Лубянке. Он даже не знал, что умер Сталин, он не знал о предательстве Берии. Когда его стали брить и потребовали квитанции, выданные ему при аресте, он подумал: «конец!» — а его повели к генерал-прокурору Руденко, который сказал ему: — Садитесь, *товарищ* Збарский! — Чуть Збарский услышал слово «товарищ», слезы хлынули у него из глаз, и он понял, что начинается *чудо*. Ему вернули все ордена, все звания. (И сейчас вновь представили к Сталинской премии за учебник по химии.) У него было на двести тысяч облигаций, и, возвращая их ему, канцеляристка стала выписывать:

0.03759, серия 612

и т. д. мелкими купюрами. Это отняло час. Он так рвался на свободу, что сказал канцеляристке:

— Жертвую эти облигации государству.

— Нет, погодите:

0.0971216 серии 314

и т. д. Эти минуты, когда он, освобожденный, оправданный, ехал домой, ради них стоит жить. Он рвался, чтобы увидеть жену, детей.

Лева переродился. Из балованного кронпринца он стал внимательным, вдумчивым, сердечным и чутким. Жена у него престелная.

Я был с М. Б., она слушала их рассказы с огромным волнением. Евгения Борисовна была в лагере с Катей Борониной. Катя не знает, что умер Сережа*.

Вторая радость: вчера (или третьего дня?) меня в Союзе Писателей *единогласно* выдвинули на Сталинскую премию, чего почти никогда не бывает. Но выдвинули и Жарова, и Либединского, и Панферова.

6 февраля. Были Каверин и Лидия Николаевна. Они тоже в восторге от статьи Лифшица о Мариэтте Шагинян. Повторяют наизусть:

Мы яровое убрали,
Мы убрали траву,
Ком се жолі! ком се жолі!
Коман ву порте ву?^{*}

Куда я ни пойду, всюду разговоры об этой статье*. Восхищаются *misquotation*¹. «Над вымыслом слезами обольюсь» и «Кто ей поверит, тот ошибется»*. Но есть ханжи, которым «жаль Мариэтту». Самые несхожие люди: Макашин и Т. Спендиарова. Говорят, что Мариэтта предприняла ряд контрмер. Был в Комитете по Сталинским премиям: они требуют 20 книг «Мастерства», а у меня только 8. Вышла ко мне Евгения Книпович, подала крошечную ручку — «пожалуйста, достаньте, мы пытались достать, нигде ни одного экземпляра».

В Детгизе прелестные рисунки Конашевича к «Тараканищу».

У нас Агата.

Женю третьего дня уложили в больницу.

Вечером встретил в конторе у телефона Вал. Катаева. «Я уже написал 1-й акт своей пьесы. Вам первому хотел бы прочитать». Мы пошли к нему в его изящный кабинет с экспрессионистской картиной и висячей этажеркой для красиво переплетенных книг. Пьеса чудесная. Имен действующих лиц нет, но всех узнаешь. Написано страниц 12. Заглавие теперь: «Юбилей». Фамилию героя он хочет изменить. Мадам, по его словам, списана с NN — но в обобщенном виде. Сироткин, дочь, ветеринар — название романа

¹ неправильным цитированием (англ.).

«Овсы цветут», все это великолепно. Я слушал и смеялся непрерывно. Уже есть начало 2-го действия. Я сказал, что его пьеса и статья о Шагинян — на одну тему. О статье про Шагинян он говорит, что она была злее и прямее, да ее почистили в редакции. О скоропалительности Мариэтты было сказано, что она «наполеоновская». К Наполеону пришла красавица и хотела завести с ним роман. Наполеон вынул часы и сказал: «Сударыня, я согласен, у меня есть пять минут».

Говорил Катаев о том, что меня выдвинули на премию *единогласно*, не было ни одного возражения. «Чем живет Вс. Иванов? — спрашивал Катаев. — Ведь ему по его трену требуется не меньше 15 тысяч в месяц. Откуда же он их берет?»

«Маяковского втянул в детскую литературу я, — говорит он. — Я продал свои детские стишки Льву Клячке и получил по рублю за строку. Маяковский, узнав об этом, попросил меня свести его с Клячкой. Мы пошли в Петровские линии, — в “Радугу”, и Маяковский стал писать для детей».

13 февраля. Третьего дня был я у Всев. Иванова. Его рабочий кабинет весь увешан старинными народными картинами, раскрашенными гравюрами на дереве. Очевидно, это связано с его нынешней темой — он сочиняет народное представление в духе «Царя Максимилиана» в стихах — на тему лесковской «Блохи». Чуть только я сказал: «какой у вас прелестный кабинет», — он порывисто схватил одну картину, написал на ней «К. Чуковскому от автора» и подарил мне. Великодушный, щедрый подарок! Оказалось, что рамочка к этой картине сделана самим Всеволодом Вячеславовичем. Некоторые картины он сам и раскрашивает — тоже с огромным вкусом — картина, которую он мне подарил, — «Тройка» Некрасова с чуть-чуть переиначенным текстом.

Его внук Антон четырех лет чудесно поет эту «Тройку». Очень меланхоличны выходят у него последние строки:

И к другой
Мчится вихрем корнет молодой.

Вчера приходил ко мне Федин, и мы сделали с ним большую прогулку. Тема разговоров (как и со Всев. Ивановым) — статья Лифшица о Шагинян. Федин сказал мне, что чуть только Шагинян похвалила в «Лит. Газете» роман Панферова, Панферов в журнале «Октябрь» похвалил дневник Шагинян*, тот самый дневник, который высмеял теперь Лифшиц. Так что Панферов встанет теперь за Мариэтту горой. — Федин бодр, пишет роман, много смеется.

Женя все еще в больнице.

1954

15 февраля. Вчера Катаев прочитал мне второй акт своей пьесы. Окончательно решено, что она будет называться не «Членский билет», не «Юбилей», а «Понедельник». Я непрерывно смеялся, слушая. Очень похоже на правду и очень смешно. «Будь я помоложе, я бы из тебя Гоголя сделала», — говорит жена писателя зятю — и действительно, у нас Гоголи делаются при помощи всяких внелитературных приемов. Грибачев и Щипачев — и Еголин — и академик Майский, и Бельчиков тому доказательство. И Шагинян. Катаев боится, что пьесу не разрешат, и принимает меры: выводит благородную девушку, которая ненавидит по-советски всю эту пошлость, выводит благородного Сироткина, выводит благородную машинистку, которая должна сообщить зрителям, что Правление возмущено поведением Корнеплодова. Но ведь в конце концов Правление Союза Писателей выдает даже деньги на этот юбилей — хотя бы и второго разряда.

Гуляли мы с Катаевым под метелью по Переделкину, встретили Всеволода Иванова, Тамару Вл. и Кóму. Я подбежал к ним, а Катаев даже не поздоровался. Вообще же Катаев счастлив и добродушен — ему весело и интересно писать такую забавную и удачную пьесу, и, читая, он сам несколько раз смеялся до упаду — как будто пьеса ему неизвестна и он читает ее в первый раз.

По дороге говорили о Пономаренко: ушел. Вместо него, говорят, назначен Александров. «Говорят, он Дон Жуан», — сказал я. — «Знаю! — отозвался Валентин Петрович. — Мы с ним вдвоем состязались из-за одной замечательной дамы».

20 февраля 1954. Уже несколько дней у нас гостит Коля. Читал нам поэму «Дед Кельбук», переведенную им с чувашского. Отличная поэма, четкий поэтический перевод.

Вчера ко мне с утра пришел Фадеев и просидел девять часов, в течение которых говорил непрерывно: «Я только теперь дочитал вашу книгу — и пришел сказать вам, что она превосходна, потому что разве я не русский писатель...» Мы расцеловались — он стал расспрашивать меня о Куприне, о Горьком, о 1905 годе, — потом сам повел откровенный разговор о себе: «какой я подлец, что напал на чудесный, великолепный роман Гроссмана. Из-за этого у меня бессонные ночи. Все это Пospelов, он потребовал у меня этого выступления. И за что я напал на почтенного, милого Гудзия?»* Долго оплакивал невежество современных молодых писателей. Были: Софронов, Бубеннов, Мальцев и еще кто-то. «Я говорю им, как чудесно изображена Вера в «Обрыве», и, оказывается, никто не читал. Никто не читал Эртеля «Гардениных». Они ничего не читают. Да и писать не умеют, возьмите хотя бы Суркова...

Ну ничего, ничего не умеет. Двух слов связать не умеет. И вообще он — подлец. Спрашивает меня ехидно-сочувственным голосом: “Как, Саша, твое здоровье?” и т. д.

1954

Кончился визит чтением Исаковского, Твардовского — «За далью даль». Читали с восхищением.

Збарские переехали в Дом Правительства. Как больно, что у меня нет возможности посетить их. Болезнь моя прогрессирует.

22 февраля. Вчера мы с Колей были у Федина. Опять разговор о «гужеедах», взявших в Союзе верх и называющих «эпоху Пономаренко» — *идеологическим нэпом*... Рассказывал о мытарствах Твардовского и Шолохова. Твардовский представил начальству продолжение «За далью даль» (для III кн. «Нового Мира») — и там два места сочтены подлежащими удалению. Шолохова вся вторая часть «Поднятой целины» — вся ее история. Рассматривали рисунки Конашевича к «Доктору Айболиту».

24 февраля. Я сделал страшную глупость, опубликовав в «Новом Мире» свою статейку «От дилетантизма к науке».

8 марта 1954. У Всеволода Иванова. (Блины.) Встретил там Анну Ахматову, впервые после ее катастрофы. Седая, спокойная женщина, очень полная, очень простая. Нисколько не похожая на ту стилизованную, робкую и в то же время надменную с начесанной челкой, худощавую поэтессу, которую подвел ко мне Гумилев в 1912 г. — сорок два года назад. О своей катастрофе говорит спокойно, с юмором. «Я была в великой славе, испытала величайшее бесславие — и убедилась, что в сущности это одно и то же».

«Как-то говорю Евг. Шварцу, что уже давно не бываю в театре. Он отвечает: “да, из вашей организации бывает один только Зоценко”. (А вся организация — два человека.) “Зоценке, — говорит она, — предложили недавно ехать за границу... Спрашиваю его: куда? Он говорит: “Я так испугался, что даже не спросил”. Спрашивала о Лиде, о Люше. Я опять испытал такое волнение от ее присутствия, как в юности. Чувствуешь величие, благородство, — огромность ее дарования, ее судьбы. А разговор был самый мелкий. Я спросил у нее: «Неужели она забыла, что я приводил к ней Житкова (который явился ко мне с грудой стихов, еще до начала своей писательской карьеры, и просил познакомить меня с нею)». «Вероятно, это и было когда-нибудь... несомненно было... Но я была тогда так знаменита, ко мне приносили сотни стихов... и я забыла».

Пришел Федин. Он был в городе — ему нужно спешно прочитать гору эстонских книг, выступить на эстонской декаде — но

пришел на минуту — и остался. Ахматова принесла свои переводы с китайского, читала поэму 2000-летней давности — переведенную пушкинским прозрачным светлым стихом — благородно простым — и как повезло китайцам, что она взялась их перевести. До сих пор не было ни одного хорошего перевода с китайского. «Мой редактор в Ленинграде такой-то (я забыл фамилию) очень большой китаист». Два года был ламой в Тибете, и никто не знал, что он был наш советский шпион». Федин рассказал о китаисте Федоренко, который должен был служить переводчиком при встрече Сталина с Мао Дзе-дуном. И Мао Дзедун был вынужден писать ему иероглифы, потому что при единстве алфавита речь у разных племен китайцев — различна.

Вчера я услышал по телевизору: «Передаем киноленту “Бармалей”. Кинулся к аппарату — изображения нет — одни звуки. Так я и не видел «Бармалея».

19 марта. Был Леонов. Розовый, веселый, здоровый. Сидел часа четыре. Рассказывал, как в те времена, когда его, Леонова, били, его жена пришла к Фадееву хлопотать о муже: а Фадеев не принял ее и разговаривал с ней через окно со второго этажа, а сбоку выглядывала красная физиономия Ермилова. Этот эпизод Леонов и ввел в свой последний роман. В центре всех литературных разговоров история Вирты. (См. «Комсомольскую правду» от 16-го*.) В Литфонде вынесено постановление: выселить из переделкинской дачи первую жену Вирты — Ирину Ивановну. От Вирты — естественный переход к Сурову, который дал по морде и раскроил череп своему шоферу и, когда пришла врачаха, обложил ее матом. Сейчас его исключили из партии — и из Союза Писателей*. Рассказывал Леонов случаи из своей депутатской практики.

21 марта. Оказывается, глупый Вирта построил свое имение неподалеку от церкви, где служил попом его отец, — том самом месте, где этого отца расстреляли. Он обращался к местным властям с просьбой — перенести подальше от его имения кладбище — где похоронен его отец, так как вид этого кладбища «портит ему нервы». Рамы на его окнах тройные: чтобы не слышать мычания тех самых колхозных коров, которых он должен описывать... Все это рассказал мне Федин, которого я вытащил вечером на прогулку. Федин рассказал мне по секрету, что он и Эренбург на днях вылетают в Бельгию, где состоится предположенная 2 года назад, но отложенная неофициальная, интимная встреча с писателями европейских стран — Бельгии, Италии, Западной Германии, Ру-

мынии, Франции. Будут католики, будут представители Pen Club'a, будет Сартр, про которого Федин говорит с отвращением: рыжий, маленького роста, торговался с нами, стремясь не потерять своих прежних позиций. Жаловался Федин на усталость: целодневная суета.

1954

23 марта. Встретил Федина на улице. Гулял с ним. Он рассказывает о Твардовском. Тот приезжал к нему с Сергеем Смирновым — стеклянно-пьяный, выпил еще графинчик — и совсем ослабел. Еле-еле заплетающимся языком прочитал новую вещь — «Теркин на небе» — прелестную, едкую*.

Федин надеется, что в отдельном издании «Дали» появятся вычеркнутые цензурой места.

1 апреля 1954 г. Вот мне и 72 года! Невероятно. Встал в 5 часов — очень бодрый и радостный. Праздничный полутруп. 8 градусов мороза. Переделываю «Мастерство». Хочу к 1 мая справиться.

5 апреля. Вчера одним махом перевел рассказ О. Генри «Стриженный волк». К вечеру сделал открытие: о связи фольклорных стихотворений Некрасова с рылеевскими — и вписал эти соображения в главу о фольклоре. Тяжелым камнем висит на мне рукопись Напсельбаума, фотографа, которую я сдуру взялся прочитать. Рукопись нелепая, клочковатая. Я почему-то испытываю давно не бывшее у меня чувство беспричинного счастья: должно быть, *перед бедой*. Был третьего дня у Збарского, он болен, лежит. Был у Благого. Он говорит, что мои шансы в Сталинском комитете по-прежнему велики, — но я по-прежнему не верю. Весна нынче медленная, все время морозы. На крыше у Катаева все еще снег.

Читаю Овидия — с обычным восторгом.

25 апреля. Пасха. Со вчерашнего вечера лежу в «боксе», феноменально чистом — стекло и кафель. В «боксе» ванна, уборная, умывальник, стол, три стула, радио. Читаю О. Генри. Он теперь мне милее, чем прежде. Остроумный рассказ «The Hypothesis of Failure»¹, об адвокате по бракоразводным делам, которого двое посетителей (которых он принял в разных комнатах) уговаривали: один — чтобы он дал развод с женой некоему Биллингу (так как Биллинг не понимает ее возвышенной и тонкой души), другой, чтобы он примирил мужа и жену (а жена сбе-

¹ «Гипотезы неудачи» (англ.).

1954

жала к любовнику Джессону.) Только в последнюю минуту выясняется, что первый был Биллинг, а второй — Джессон. Второй рассказ «Girl»¹, человек делает предложение девушке, она соглашается — и лишь в последних строках узнаем, что весь их диалог не признание в любви — а наем кухарки. Дело не в этих концовках, а в поразительной ткани повествования, где ни одна строка не пишется по инерции, всякая изобретена заново. В каждой строке О. Генри идет по линии наибольшего сопротивления. Эта небанальность его фразеологии особенно чувствительна для нас, иностранцев.

О. Генри смертельно надоедает. В его разнообразии есть что-то монотонное.

26 апреля. Лечить меня будет Анастасия Кирилловна — пожилая женщина с умным лицом. Вдумчивая, внимательная.

Прочитал Hall Cain'a «Воспоминания о Россетти». Hall Cain'a я терпеть не могу, но его воспоминания кажутся мне интересными. Этот огромный дом в Cheyne Walk'e, где одиноко, отрешенный от всего мира жил несчастный Россетти, страдавший бессонницей, пивший каждую ночь хлорал, уверенный, что против него устроен заговор шайкой каких-то врагов. Оказывается, Россетти не любил той женщины, на которой женился, которую увековечил на картинах, в гробу которой похоронил свою рукопись. Умер он внезапно от брантовой болезни на 54 году жизни; умер весною 1882, чуть ли не в день моего рождения.

Кончает Хол Кэйн пошло: «наконец-то его бессонница кончилась, и он заснул непрерывным сном!» Скоро это можно будет сказать и обо мне!

29 апреля. Нечего читать. Гертруда Штейн надоела смертельно. О. Непгу такой мастер, такой силач, заведомо портит почти каждый рассказ маргарином.

13 июня. Был у меня Леонов. Говорит, что вместо Твардовского редактировать «Новый Мир» будет Ермилов.

Очень смешно показывал, как в Латвию на писательскую конференцию приезжает представитель киргизской литературы только для того, чтобы сказать: «Мы, киргизские писатели, шлем вам пламенный жаркий привет» и т. д. Как за то, что он скажет эти шаблонные фразы, он получает подъемные, командировочные и т. д.

¹ «Девушка» (англ.).

Хочет бросить пост председателя Литфонда. На _____ 1954
прием к нему приходит дамочка — жаловаться, что
литфондовская пошивочная мастерская испортила ей бархатный
жакет. М-ме Соболева одолела мельчайшими жалобами и т. д.

— Ой, какая повесть вертится у меня в голове.

За то время, что я не писал дневника, была репетиция переве-
денного мною и Таней Литвиновой «Судьи в ловушке».

Сдал книгу «Мастерство» для 2-го издания. Сдал месяц назад, а
она лежит без движения в издательстве.

Принялся за книгу «От двух до пяти» — и за статью об Л. Пан-
телееве.

Погода прелестная, дивная. Хорошо в лесу в такую жаркую по-
ру. Каждый день градусов 30 тепла — все пышно цветет и растет.

На 20-е число у меня назначен большой костер.

Вышел Колин роман «Балтийское небо», 1-ая часть очень хо-
роша.

15 июня 54 г. Вчера Федин рассказывал, что, когда Пospelов
вызвал к себе редакцию «Нового Мира» — по поводу нового «Тер-
кина», — смелее всех держался Дементьев. Очень струсил Сергей
Сергеевич Смирнов — и тотчас же стал от всего отрекаться. — Фе-
дин поправился. Уже не кажется таким немощным старцем, как
месяца два тому назад. Я одновременно читаю биографию О. Ген-
ри, готовлю статейку о Пантелееве, работаю над «От 2 до 5»,
стряпаю передачи о Чехове для радио — о боже! как надоела мне
эта пестрота.

М. Б-не лучше.

18 июня. Вчера был у меня Леонов. Рассказывал, что к нему
пришли два студента Литинститута. Он думал: за литконсульта-
цией — оказалось: «устраиваем банкет, нужны деньги — дайте сто
рублей».

Сегодня был у Федина. Он правит стенограмму своего выступ-
ления в честь эстонцев. Заговорили об Эренбурге. «Я, — говорит
он, — был в Кремле на приеме в честь окончания войны. Встал
Сталин и произнес свой знаменитый тост за русский народ — и
Эренбург вдруг заплакал. Что-то показалось ему в этом обидное».

По словам Федина, один из литераторов в кулуарах Союза на-
звал Эренбурга «патриархом космополитов».

Мы устраиваем костер.

Против романа Леонова «Русский лес» особенно яро выступа-
ли два писателя — Злобин и Дик. По этому поводу Леонов цитиру-
ет Лермонтова:

15 июля. Пятьдесят лет со дня смерти Чехова. Ровно 50 лет тому назад, живя в Лондоне, я вычитал об этом в «Daily News» и всю ночь ходил вокруг решетки Bedford Square'a — и плакал как сумасшедший — до всхлипов. Это была самая большая моя потеря в жизни. Тогда же я сочинил плохие, но искренне выплаканные стихи: «Ты любил ее нежно, эту жизнь многоцветную», то есть изложил в стихах то самое, что сейчас (сегодня) изложил в «Литгазете».

Прошло 50 лет, а моя любовь к нему не изменилась — к его лицу, к его творчеству.

Около 10 сентября. Гостит Коля. Только что в «Знамени» прочитал М. Б-не окончание его «Балтийского неба» (в 9-й книжке). Слабее начала, но есть отличные куски. Все это время переписывал набело «От двух до пяти» — после того, как эта книжка выдержала 9 изданий!

Женился загадочный Гуля на не менее загадочной Тане Погодиной. Работает у меня Клара — хорошо, но мало. Был вчера Колосов, режиссер театра «Сатира», рассказывает об успехе в Новосибирске «Судьи в ловушке», переведенном мною и Таней Литвиновой. Посмотрим, как пройдет он в Москве! За это время я часто встречался с Леоновым, Фединым, но почему-то не записывал, некогда было. Теперь вновь возобновлю свой дневник. Ездил к Ек. Павл. Пешковой в Барвиху, — о, как тоскливо у нее в доме. Марфинька похудела, подурнела, и какое-то проклятье висит над домом, и так странно, что Екатерина Павловна, связанная эпохой с Короленко, Чеховым, Горьким — и не только эпохой, — теперь по горло в яме, где смрадная память Берии.

Сейчас (6 октября) я в Узком, в комнате № 7. Все еще кропаю о Пантелееве. Ни одна статья в жизни не давалась мне с таким трудом. Здесь Зильберштейн и Ерусалимский. Оба рассказывают вопиющие вещи о делах в Академии Наук. По словам Зильберштейна, Бельчиков, пишущий мне такие нежные письма, — подлец, карьерист, невежда, когда баллотировали его в члены-корреспонденты, из 16 руководителей Пушкинского Дома только 4 подали голос за него. Остальные 12 против. И все же он прошел по воле В. В. Виноградова, который отлично знает цену Бельчикову и сам рассказывает анекдоты о его хитрости и скудоумии. Ерусалимский приводит еще более страшные примеры покровительства ученым ничтожествам.

8 октября. Говорит Зильберштейн о Бубеннове: сначала белая береза, потом белая головка, потом белая горячка.

1954

Страшное известие: умер Збарский. Сообщил парикмахер, видевший «Медгазету». Я отказываюсь верить. В общей печати — ни слова.

15 октября. Вчера закончил статейку о Пантелееве: прежде мне легче было писать даже стихами, чем теперь прозой.

Целый месяц я выжимал у себя из мозгов эту крохотную статейку, тратя иногда больше 10 часов на ее писание, — лучшее доказательство того, как я болен и до чего я устал. Зильберштейн очень мил — пишет огромную статью о Николае Бестужеве, весь обложен книгами; два раза в день кормит собак Цыганку, Пальму и Аргуса — добывает им на кухне объедки. Все три собаки от него ни на шаг.

За стеной буря. «Буря воет в саду, буря ломится в дом»*. Сегодня минуло 13 лет, как мы уезжали в эвакуацию.

23 октября. Я в Барвихе через 13 лет. Публика скучная. Как и везде — все по вечерам ходят стадом в кино.

24 октября. Спал!!! Проснувшись, вспоминал старую Барвиху. И вдруг подумал: сколько покойников, — тех, кого я встречал здесь же говорящими, ходящими, взволнованными всякой житейщиной. Видел я здесь 1) Димитрова (правда, с очень изможденным лицом), 2) артиста Шукина, 3) жену Заславского, 4) 5) двух дочерей Менделеева, 6) Збарского, 7) Феликса Кона, 8) Качалова, 9) Вл. Немировича-Данченко, 10) режиссера МХАТ'а Сахновского, 11) скульптора Меркурова, 12) А. Н. Толстого, 13) С. И. Мицкевича (старого большевика), 14) Массалитинову, 15) Эйзенштейна. И все они умерли, сгинули, лежат себе вне всякой житейщины. С иными я был близок (Качалов, Збарский, Шукин, Эйзенштейн), с иными много хохотал (Меркуров), иных ненавидел (дочери Менделеева); все они были очень разные, а теперь они все одинаковые, и хохотуны, и скряги (Менделеевы), и таланты (Шукин, Качалов), совсем, совсем одинаковые — ...

Вчера заново переделал для «Литгазеты» статейку о Пантелееве. Переделываю «От 2 до 5» на основе рецензии А. Н. Робинсона, которая кажется мне одной из лучших рецензий, прочитанных мною в последнее время. Звонила мне Вера Вас. Смирнова, которой дали мою рукопись на рецензию. Очень хвалит.

1954

29 октября. Сегодня в «Правде» стихотворение Симонова о том, что нужно улыбаться, — хорошее, но не в его жанре. Учиться улыбаться нужно у нашей китаянки, которая, если к ней обращаешься, улыбается и плечами, и ушами — вся.

31 октября. Воскресение. Вчера А. В. Померанцева рассказала мне о своих столкновениях с О. Б. Лепешинской (во время эвакуации). Лепешинскую она характеризует как хитрую, наглую, неопрятную, сварливую бабу, которая готова была делать скандал за то, что ей недодали трех коробков спичек.

Марина долго рассказывала мне по телефону о Жениных проделках.

1 ноября. Навалились на меня корректуры «Мастерства Некрасова» — и я с маху продержал 32 листа подряд — 512 стр. О, как не нравится мне эта книга — педантская, без широких масштабов, невдохновенная.

4 ноября. Тоска!! Переутомление! Нет ни одного человека, с которым хотелось бы перекинуться словом. Здесь есть писатель: Малашкин. Оказывается, он друг Шенгели, когда-то вступился за Андрея Белого, и Белый поцеловал его в уста, пишет работу о Брюсове и написал роман в пяти частях, под заглавием «Кремлевские звезды». Впрочем, пять томов — это только начало, впереди еще томов пятнадцать.

Что делать? От тоски, от корректур, от безлюдья, от сознания полной своей неприкаянности — я побрел к Екатерине Павловне Пешковой — которая живет в деревне Барвихе на собственной даче (дача Горького). Сколько ей лет? лет 78, а она бодрa, возбуждена, эмоциональна, порывиста. Недавно в Лит. музее был, оказывается, вечер Чехова и читались письма Станиславского к Чехову — «такие дивные, такие благородные, милые, что я была очарована чуть не до слез. И какие талантливые воспоминания Ольги Леонардовны о смерти Чехова: он здесь лежит, в номере гостиницы, похолоделый, а в окно врывается чудесное летнее утро — та природа, которую он так любил... — И тут же была прочтена речь, которую Станиславский сказал при открытии памятника Чехову в Баденвейлере, — чудесная речь, очень молодая, волнующая. Я так была взбудоражена всем этим, что, когда Дарья заехала за мною и я села в машину, Дарья говорит: «Бабушка, что с тобою?..»

Потом заговорила о Серго*. «Хлопочу, бегаю в прокуратуру, но Руденко меня не принимает, а ведь Серго не имел к отцу ника-

кого отношения, и это была такая пара, так они любили друг друга (и побежала, принесла фотографию). А нам уже нельзя жить широко, ведь мы уже не получаем гонорара за книги Алексея Максимовича, срок прошел, оказалось, что мы жили не по средствам, приходится бросить дачу, жить в городе... Жалко правнуков, им так хорошо за городом...» Но потом отмахнулась от личного и стала говорить про издание писем Горького к ней: вот вышла книжка «Письма Марии Павловны Чеховой» с ее примечаниями, а мне не позволили.

5 ноября. Спал без порошков. Вечер[ом] ходил гулять в тумане, заблудился, прошел 3 или 4 километра, не встретил ни одного человека. Туман мягкий, добрый, слезящийся, на пруде кричат лебеди и где-то далеко на том берегу какие-то девушки кричат разноголосое невнятную песню. Чудесное письмо от Берестова. Колин роман передавали по радио.

Читаю князя Вяземского. Он почти не поэт, но он близок мне тем, что люто страдал бессонницей. Пытка бессонницы отлично выражена во многих его стариковских стихах:

И сколько диких дум, бессмысленных, несвязных,
Чудовищных картин, видений безобразных,
То вынырнув из тьмы, то погружаясь в тьму,
Мерещится глазам и грезится уму!

Но есть у него и апология бессонницы:

Зачем нам спать? когда потом
Мы вдоволь выспаться успеем!
Когда б я с счастьем был знаком,
О, как бы сон я ненавидел!
На клад мой, на святыню, в нем
Я посягателя бы видел.
Страдальцу сон же не с руки.

Хороши стихотворения «Кибитка» и «Брайтон».

8 ноября. Была Лида. Погода изумительная. Гуляли над прудом, читали. Я прочитал ей главу о сказке, которую сейчас сочиняю для книги «От двух до пяти» — не главу, а план. Она одобрила. Она вчера кончила книжку (или статью) о Георгиевской*.

11 ноября. Теплынь, благодать. Принесла Клара корректуру «Мастерства» с дурацкими требованиями очень тупой редакторши. Продержал 10 листов — и смертельно устал. Одно приятно: от цензуры строгий приказ: не хвалить русскую литературу в

1954 _____ ущерб иностранным. Вычеркнули то место, где Чернышевский говорит «Филдинг хорош, но все же не Гоголь». Вообще объявлена война шовинизму. Говорят: в кино показывают Рим, Париж не в виде грязных лачуг бедноты, а — лучшие здания, памятники и т. д. Это тоже приятная новость.

12 ноября. Был вчера профессор. Сказал: «вы молодец. Еще лет пять проживете». А я похолодел от ужаса.

14 ноября. Позвонила Лида: только что вернулась из ссылки Катя Боронина. Совершенно оправдана. Второй раз в жизни мне случается выхлопывать для нее освобождение.

Был вчера у Катерины Павловны Пешковой. Говорит, что у них у всех, у семьи Пешковых, полное безденежье. Кончился срок авторских прав. Она надеялась получить гонорар хоть за книжку писем Горького к ней — которая выходит в Госиздате, но оказывается, что ей за книжку ничего не следует. В рваной шубейке, в «обдрипанном» садике она производила впечатление безвыходно бедной. Кран на кухне заткнут тряпками, каплет, испорчен... Хлопотала о Серго, ей сказали в прокуратуре: «это не от нас зависит, но дело его кончится в *этом* году. Ждите». Марфинька с горя принялась учиться водить машину.

15 ноября. Вчера ездил в Колонный зал — выступать на предсездовском детском утреннике. Сидел рядом с Михалковым — милым, веселым. Михалков рассказал мне, что, когда его Андрону было 6 лет, к ним пришла Рахиль Баумволь, и Андрон сказал:

В гости к нам пришла Рахиль
И в глаза пустила пыль.
Из-за этой пыли
Я не видал Рахили.

Третьего дня женился Гуля на Тане Погодиной.

— Кем теперь приходится вам Н. Ф. Погодин? — спросил Михалков. И ответил:

— Событьильником.

Прочитал ребятам вторую часть «Дяди Степы» — «Дядя Степа — светофор», прелестно, очень талантливо.

Председательствовал Л. Кассиль.

Был на минутку дома. Видел Катю Боронину. Такое впечатление, будто ее только что переехал грузовик. В каких-то отрепьях, с одним поврежденным глазом, с хриплым голосом, изнуренная базедом — одна из сотен тысяч невинных жертв Берии. Я рад, что

мне посчастливилось вытащить ее из ада. Говорит про Евг. Бор. Збарскую — что та прекрасно вела себя в лагере.

1954

Взял с собою в машину Колю с Митей и Марину. День яркий, солнечный, невероятный. Коля рассказывал про свадьбу Гули. Какая это была страшная пошлость. Были Штейны, Спешневы, Русланова со своим генералом. Говорят, о Колином романе есть рецензия в «Новом Мире».

«Шуба с Збарского плеча» — говорят про пьесу Штейна, написанную им по сюжету Збарского.

Коля дал мне ряд советов по поводу Съезда, который переносится на декабрь.

[Наклеена вырезка из газеты. — Е. Ч.]:

ПИСАТЕЛИ В ГОСТЯХ У ШКОЛЬНИКОВ

Вчера, 14 ноября, в Колонном зале Дома союзов состоялся утренник — школьники Москвы встретились с писателями. К ученикам 3-6-х классов пришли детские писатели К. Чуковский, Н. Носов, Л. Кассиль, С. Михалков, Ю. Яковлев, Я. Тайц, А. Алексин, Е. Ильина, Л. Воронкова и другие.

Открывая утренник, Л. Кассиль рассказал о подготовке ко Второму Всесоюзному съезду писателей.

Утренник закончился большим концертом.

Чуть ли не впервые за 10 лет в «Правде» я отмечен как детский писатель.

Из выступавших почему-то не названа Елена Благинина.

17 ноября. Вчера был поразительный солнечный день. А сегодня впервые сразу — снег. Снег и солнце. Но я выбился из темпа работы и хочу просидеть весь день за письменным столом.

Как много дал мне этот месяц! В конце концов, я научился любить этих людей — замминистров, министров и других «бюрократов». Среди них много очень серьезных, вдумчивых, благородных людей. Конечно, они ничего не понимают в искусстве, они не знают ни Карлейля, ни Суинберна, но они знают много такого, о чем мы, «мудрецы и поэты, хранители тайны и веры»*, даже не догадываемся. Один скромнейший «больной» — только что уехавший — металлург — побывал и в Бирме, и в Каире, провел больше года в Китае, изъездил полсвета — наблюдательный, многоопытный, с юмором.

23 ноября. Чудесная погода — мороз и солнце.

Завтра мне отчаливать от этого волшебного острова — в бурное море литературных ураганов, и смерчей, и подводных утёсов. Сегодня сообщается в газетах, что умер Игнатъев, которого я видел в Париже блестящим военным атташе, а потом встречал... на кухне у Горького на Никитской, 6. Тогда еще жива была рыжая Липа (Олимпиада), домоправительница, ухаживавшая за Алексеем Максимовичем во время его болезней. Бывало, к Липе придут два бывших графа — Игнатъев и Ал. Толстой — поздно вечером: Липа, сооруди нам закуску и выпивку — и Липа потчует их, а они с величайшим аппетитом и вкусом спорят друг с другом на кулинарные темы. Игнатъев был завзятый гурман и писал книгу «Советы моей кухарке». Умер А. Я. Вышинский, у коего я некогда был с Маршаком, хлопоча о Шуре Любарской и Тамаре Габбе. Он вял нашим мольбам и сделал даже больше, чем мы просили, так что Маршак обнял его и положил ему голову на плечо, и мы оба заплакали. Человек явно сгорел на работе.

Сколько смертей за то время, что я здесь!

Ну вот и 24 ноября. Пора уезжать. Жалко прощаться с болгаринном Христо Радевским, который перевел мои «Сказки» и «Мюнхаузена» — и знает русскую литературу лучше, чем мы. Спокойный, сидящий, приятный человек, неплохой собеседник.

28 ноября. — Для чего нужен Съезд писателей? — Чтобы прекратить предсъездовскую дискуссию.

9 декабря. Вьюга. Сейчас был Леонов. Только что прилетел из Лондона. Общее его впечатление: англичане рады бы с нами, да боятся и, разговаривая с нами, глядят нам не только в зрачки, но и туда — за зрачки. (Он показал, как.) Был он с художником Шмариновым. Говорит: это нудный, скупой, тусклый человечек. Видел Марию Игнатъевну. Был у нее и сказал ей: «Я знаю, что Алексею Максимовичу было бы приятно». Она работает где-то в кино — передала мне привет. Говорил о вчерашних выборах делегатов на съезд. Выбирали из 625 человек, против него было 50 человек. Я прошел изумительно: всего 4 человека против. Против Коли всего 14 человек. «Сейчас должен писать отчет о поездке в Лондон, потом Съезд — а потом “Золотая карета”! У меня уже полтора акта переделано!»

Вчера я был у Федина. Федин удручен низким уровнем проходившей дискуссии: все сосредоточилось только на Грибачеве,

на Софронове и [оставлено место для фамилии. —
Е. Ч.]. Как будто и нет других вопросов.

1954

13-го декабря. Федин сказал, что Съезд будет в Кремле и что сегодня нужно явиться за билетами. Явлюсь. Все почему-то ликуют, что Грибачев провалился.

15 декабря. Вчера собрание московских делегатов. Отличная (по форме) речь Суркова: о том, что будут новые журналы: — «Красная новь», «Юность» и др. О том, что делегаты не должны выходить из зала, когда будет выступать азербайджанец или татарин. После заседания, очень короткого, на котором Сурков был выбран руководителем Московской делегации, ко мне подошел Катаев — пригласил в журнал «Юность».

Федин написал для «Правды» большую статью. Ему вернули для доработки. Он вез меня в машине и продолжал работать над статьей. Весь город говорит о столкновении Эренбурга и Шолохова, говорившего в черносотенном духе*.

Вчера М. Б. показала мне свое поразительное письмо ко мне, относящееся к 1904 году — когда она была беременна Колей. Письмо одухотворенное, чудесное, но какая бедность! «На роды я уже отложила 3 р. 50 к.».

Сегодня открытие Съезда. В 4 часа, но приглашают к часу — для осмотра Кремля.

Только что вернулся со Съезда. Впечатление — ужасное. Это не литературный Съезд, но антилитературный съезд.

19 декабря. Не сплю много ночей — из-за Съезда. Заехал было за Пастернаком — он не едет: «Кланяйтесь Анне Андреевне», вот и все его отношение к съезду. Я бываю изредка — толчея, казенная канитель, длинно, холодно и шумно. Сейчас ночью гулял с Ливановой и Пастернаком 2 часа. Он много и мудро говорил о Некрасове.

21 декабря 54. Выступал на Съезде. Встретили аплодисментами, горячо. Читал я длинно, но слушали и прерывали аплодисментами. Но того успеха, который был на I съезде, не чувствовал — и того единения с аудиторией. Проводили тоже рукоплеском. Подошел Сурков и поздравил. Но сейчас ничего, кроме переутомления, не чувствую.

После меня выступал министр Александров. Говорил бревенчато и нудно. Кто-то прислал мне записку с его адамантами. После него выступил Шолохов!!!!

25 декабря. Вчера на Съезде «сомлел» — потерял сознание. Поплелся домой. Был у меня милый Еремин — очень мрачно настроенный. Рассказал, что в Гослите одновременно три смерти: умер художник Мухин; заведующий худож. частью Н. В. Ильин и секретарша литературоведческого отдела Клавдия Павловна. Теперь они все трое стали под землей одинаковыми, но какие разные были при жизни. Клавдия Павловна — тишайшая старушка, седая, болезненная, сестра критика Вяч. Полонского, когда-то очень шумного, очень драчливого, устраивавшего публичные прения о Бакунине и Достоевском, редактировавшего журнал «Печать и Революция» и ушедшего из литературы бесследно. Ильин был агрессивно бездарен, безвкусен, отчаянно карьерен, полон пустопорожних претензий. Бешеная жажда успеха — даже странно, что ныне она прекратилась. Мухин был всегда озабочен чем-то, всегда торопил и торопился, всегда кричал, что все сроки упущены, — а оказывается, торопиться было некуда. Почему же я, их ближайший собрат по могиле, сейчас 1) сдаю Гослиту новое издание «Трудного времени»; 2) новое издание Авдотьи; 3) готовлю к выпуску «От двух до пяти»; 4) правлю корректуру «Телефона» (с новыми рисунками Конашевича); 5) жду чистых листов 2го изд. «Мастерства Некрасова»? Зачем мне все это, невозможно понять.

29 декабря. Сейчас пришел Женя (в школу он опоздал) и сообщил, что Колю выбрали в члены Президиума. Поразительно, что Коля не сделал для этого ни малейшего шага: ни перед кем не заискивал, не добивался дешевой популярности, скромно работал в тени, никого не подсигивая, довольствуясь той сомнительной полуизвестностью, какую давали ему переводы и повести, печатаемые крохотными тиражами.

1 января. Вчера Женя с Леной, Борей и Валею и др. добыли в лесу елку, — большую и ладную — и украсили ее молча, т. к. я занимался в соседней комнате. Их было 5 человек, но они проделали всю операцию *молча*, так что я и не догадался, что за стеною народ. Удивительно вымуштровал их Женя. Вечером вышел на прогулку вместе с Мишкой (собакой Катаева). Мишка видит цель прогулки в том, чтобы полаять у каждого забора, за которым тявкает собака. Полаяет и бежит ко мне похвастаться. Я говорю: «молодец, Мишка!» — и он с новыми силами кидается в новый бой. И снова подбегает ко мне за похвалами и поощрением. Встретил незнакомого мне адмирала Митрофана Ивановича — в штатском — так как с виду мы знаем друг друга, мы поздравили друг друга с Новым Годом — и пошли гулять вместе. Оказалось, что он начитаннейший адмирал во всем флоте. Какой литературной темы я ни касался, всякую он знает назубок. Он острогожский — из тех же мест, что и Крамской. Съезд изучен им досконально. Я, бывавший на Съезде, не знаю и десятой доли того, что знает он о речах Овечкина, Николаевой и др.

Пришел домой. Елка убрана. Женя трогательно показывал мне игрушки, которые достались ему от отца. Вот этот поваренок, этот шар, этот крокодил, эта цепочка, — и я вдруг вспомнил, как я держу его отца на руках — трехлетнего — и тот восторженно глядит на зажженную елку.

Так как Леня родился под Новый Год. Женя пошел к нему на день рождения, мы остались с М. Б. одни: она наверху, я внизу.

Я читаю Троллопа «Eustace Necklace»¹ — роман о лживой, блудливой и пройдошливой леди Юстэс, которая не хочет отдать наследникам их фамильное брильянтовое ожерелье. Триста страниц — или больше — посвящено только этой теме. Наследники — и от их имени юрист Кемпердаун — говорят «отдай брильянты», а

¹ «Ожерелье Юстас».

леди Юстэс отвечает: «не отдам». Только такой огромный талант, как Троллоп, мог сделать из этого интересный роман. Но дальше пошло еще интереснее: героиня заснула, к ней пробрались грабители и вынесли из ее спальни железный сейф с ожерельем, а потом оказалось, что ожерелье у нее под подушкой и грабители трудились зря. Она объявляет себя ограбленной, прячет ожерелье в ящике стола, уезжает в театр, а в это время ее горничная и в самом деле похищает ожерелье, которое считалось похищенным. Казалось бы, фабула тощая, но вокруг этого столько бытовщины, столько страстей, столько характеров, что жалеешь, что роман скоро кончится. В нем около 600 страниц. Сейчас я мудрую над книгой «От двух до пяти» — и хлопочу о том, чтоб Детгиз тиснул в конце концов моего «Крокодила», о котором Полевой говорил на Съезде так любовно.

Третьего дня приезжала Вера Инбер — умоляла меня написать рецензию об ее книге «Как я была маленькая». Было неловко за старую писательницу. Она — награжденная Сталинской премией — говорила со мной, бобылем и отверженцем, так, будто она сирота, нуждающаяся в моем покровительстве.

2 января. Весь день сидел в Жениной комнате и правил «Заповеди для детских писателей» — и читал «Eustace Necklace», которое во второй части становится воистину гениальным. Волнуешься, словно дело идет о твоей личной судьбе.

Был Леонов. Кончает 4-й акт «Золотой кареты». Рассказывал, что принимал у себя двух югославских писателей, потом был в югославском посольстве и его очаровала сердечность, искренность их отношения к нам.

Здоров, весел, дружелюбен, счастлив своим успехом, красив.

— Ох, какого я изображаю мерзавца, К. И. Сам Федор Михайлович (Достоевский) поцелует меня!

4 января. Умер Вл. Ев. Максимов, мой закадычный враг. Ненавидел он меня люто, но затаенно, похищал у меня целые страницы; в те времена, когда я был беззащитен (после катастрофы с «Одолеем Бармалея»), он в своих книжках о Некрасове смешивал меня с грязью, и все же мне жаль — до тоски — этого собрата по работе, по любви к Некрасову, по многолетним ленинградским связям. Таланту у него было маловато, но он так страстно отдался своей теме, что из пылинки стала гора, потому что к пылинке прибавилось сосредоточенное трудолюбие, фанатическая верность любимому делу. В последние годы он писал очень плохо, но

в двадцатых годах — и раньше — книги его были настоятельно нужны, полноценны.

1955

Ездил вчера к Лиде в Голицыно, — она показывала мне сборник «Ленинградские писатели — детям», феноменально безграмотный, гнусный. «Новый Мир» ей предложил написать рецензию — и она, ради крошечной рецензии, читает около 30 книг, взятых ею из Дома детской книги, будет работать месяца полтора, получит рублей 300 гонорару и наживет еще десятка два врагов.

10 января. Умер Тарле — в больнице — от кровоизлияния в мозг. В последние три дня он твердил непрерывно одно слово — тысячу раз. Я посетил его вдову, Ольгу Григорьевну. Она вся в слезах, но говорит очень четко, с обычной своей светской манерой. «Он вас так любил. Так любил ваш талант. Почему вы не приходили! Он так любил разговаривать с вами. Я была при нем в больнице до последней минуты. Лечили его лучшие врачи-отравители. Я настояла на том, чтобы были отравители. Это ведь лучшие медицинские светила: Вовси, Коган... Мы прожили с ним душа в душу 63 года. Он без меня дня не мог прожить. Я покажу вам письма, которые он писал мне, когда я была невестой. “Без вас я размножу себе голову!” — писал он, когда мне было 17 лет. Были мы с ним как-то у Кони. Кони жаловался на старость. “Что вы, Анатолий Федорович, сказал ему Евг. Викт., — грех вам жаловаться. Вон Бриан старше вас, а все еще охотится на тигров”. — “Да, — ответил А. Ф., — ему хорошо: Бриан охотился на тигров, а здесь тигры охотятся на нас”». Несколько раз — без всякой связи — Ольга Георгиевна заговаривала о Маяковском. «Ведь это вылитый Лебядкин».

Оказывается, в той же больнице, где умер Евгений Викторович, лежит его сестра Марья Викторовна. «Подумайте, — сказала Ольга Григорьевна, — он в одной палате, она в другой... вот так *цирк!*» — (и мне стало жутко от этого странного слова). Мария Викторовна не знает, что Евгений Викторович скончался: каждый день спрашивает о его здоровье и ей говорят: лучше».

Были у меня вчера Каверин, Леонов и Фадеев. Но нет времени — нужно писать — главу о сказке для «От двух до пяти».

Леонов рассказывал, будто на совещании о гонорарах в ЦК Фадеев выступил за сокращение гонораров: «Вот я, напр., — говорил он, — прямо-таки не знаю, куда девать деньги. Дал одному просителю 7 тысяч рублей — а давать и не следовало. Зря дал, потому что лишние»... Против него выступил Смирнов: «Ал. Ал. оторвался от средних писателей».

Фадеев говорил мне о Колином романе. «Очень мелко конечно. Нужен в конце апофеоз, а он куце сообщает о судьбах героев. Да и лишние есть герои, напр.» — и он назвал фамилию.

1955

10 января. Был у Федина, зашел на минуту (попросить какой-нибудь сборник сказок для книжки «От двух до пяти»), но он удержал, и я просидел у него часа два. В синей шелковой кацавейке; на столе крохотная елочка, с крохотными игрушками, устроенная Ниночкой, — и грудa книг, не меньше тридцати. — «Что делать? Авторы присылают мне десятки книг, но я ни одной не читаю — такая их уйма. И я уже наловчился отвечать им стандартной благодарностью, не давая никакой оценки их книгам. Вот какой-то немецкий пастор прислал свои псалмы, вот французская книга: белые стихи».

Кстати: Борис Полевой подал начальству записку, что нужно изменить обращение с приезжающими сюда иностранцами, нужно, чтобы советские писатели свободно общались с ними, приглашали бы их к себе, могли бы говорить им и о недостатках нашего быта и т. д., и т. д. — *И все это разрешено!*.. И заметили ли вы либерализм «Литгазеты» — внезапный. Она похвалила Кирсанова, выругала Корнейчука и выбрала тех педагогов, которые требуют, чтобы ученики выдавали друг друга начальству.

21 января. Был в городе — хотел поговорить с Пискуновым о новом сборнике своих «Сказок», куда они как будто согласны включить «Крокодила». Вдруг звонит ко мне Клара: «М. Б-не стало хуже, зовите Алексея Васильевича». У нее совершенно перестало действовать сердце, сильно болит левая рука, аппетита никакого, губы синие. Но голова ясная, речь не хуже обычной. Что делать? Я примчался из Москвы — не доделав своих мелконьких дел. До Алексея Васильевича к ней прибыл местный врач из детской санатории, вспрыснувший ей камфару.

22 января. Щемящее чувство к родному гибнущему человеку душист меня слезами. Хотел было отвлечь ее от мучительных мыслей — и стал читать ей рукопись «Бибигона» — и все боялся, что прорвутся рыдания. Она слушала очень внимательно — и указывала, где длинноты и вялости — но вдруг я увидел, что это тяжкая нагрузка для ее усталого мозга — и что я утомляю ее. Держится она только черным кофеем и ядами лекарств.

18. Лида зачитывает меня «Спутниками» Пановой. М. Б. в сознании. Не могу вынести ее взгляда. Она *плачет*..

19 февраля. Приехали Коля и Марина. Лежит, дремлет, тяжело дышит. Последние строки «Спутников». «И Данилов сказал ласково, раскаянно и устало». Это слово «раскаянно» пронзило меня.

21 февраля. Лида вошла и сказала: «скончалась». Ольга Ив. и Анаст. Ив. обмыли ее, одели, приехал врач: смерть.

1955

Клара связалась с Арием Давидовичем, привезли цветы, заказали венки, уложили М. Б. на террасе, где очень холодно. Лида, Марина, Люша зачитывают меня «Деньгами» Золя, а я мечусь в постели и говорю себе снова и снова, что я ее палач, которого все считали ее жертвой. Ухожу к ней на террасу и веду с ней надрывный разговор. Она лежит с подвязанной челюстью в гробу — суровая, спокойная, не прощающая, пронзительно милая, как в юности. Вчера у меня были Вар. Ав. Аругчева, Евг. Ф. Книпович, В. О. Перцов, Штейн. Говорили о посторонних вещах, но я всем существом был там с нею в нашем общем гробу. Я выбрал себе место на кладбище рядом.

22 февраля. Был ночью у М. Б. Вспоминал — все 53 года, всматривался в это лицо, которого я больше никогда не увижу.

Женя написал табличку для креста, приготовился снять М. Б-ну в гробу. Привезли три венка: от детей, от внуков и правнуков, «Дорогому другу от любящего мужа».

23 февраля. Вот и похороны. Шли за гробом...¹

Я на грузовике вместе с Лидой и Сергеем Николаевичем. Смотрю на это обожаемое лицо в гробу, розовое, с такими знакомыми пятнышками, которое я столько целовал, — и чувствую, будто меня везут на эшафот. Сзади шествуют Штейн, Погодина, Леоновы, Федин, Каверин — дети, внуки, и мне легче, что я не один, но я смотрю, смотрю в это лицо, и на него падает легкий снежок, и мне кажется, что на нем какое-то суровое благоволение, спокойствие.

Гроб на горку несли Миримский, Сергей Ник., Дима Родичев.

Чудесный венок от Маршака, от Георгиевской и Габбе (Габбе дивно говорила со мною — в комнате, отдельно), и вот гроб на горке — и мне кажется, что я в первый раз вижу похороны и в первый раз понимаю, что такое смерть, — мы плетемся по ухабистому снегу, проваливаясь, прекрасное место под тремя соснами выбрал я для нее и для себя, здесь я пережил всю казнь — и забивание гроба гвоздями, и стуки мерзлой земли по гробу, и медленную — ужасно медленную работу лопат. Прокопыч сколотил крестик, Женя написал чудесную табличку, насыпь засыпали цветами, венками, и я не помню, как я вернулся домой. Трогательнее всех был

¹ Перечень около сорока имен пропущен.

1955

Сергей Николаевич, наш бывший шофер. Лицо у него страдающее, он плакал над М. Б. непрерывно — из разговора с ним я узнал, что он без места, а где он живет, не спросил, и даже не знаю его имени-отчества. Как хочется найти его, поблагодарить, пожать ему руку.

26 февраля. Ночь. Читаю, перечитываю письма и телеграммы, полученные мною и Лидой по случаю смерти М. Б. Письма и телеграммы прислали...¹ Сегодня ездил на ее могилу.

28 февраля. Вчера снова ездил на могилу — вместе с Женей и Катей Лури. Мороз — чудесная погода — ясная. И ленты и цветы — в целости. Прокопыч обтянул проволокой. Видел Ивановых — Кóму, Тамару Владимировну, они проводили меня к Пастернаку, который и звонил мне, и приходил ко мне. Пастернак закончил свой роман — теперь переписывает его для машинистки. Написал 500 страниц. Вид у него усталый: были у него Ливановы, и он был на домашнем юбилее Всева. Иванова — недоспал, пил. Приехав домой, я застал у себя Ираклия, который гениально показал речь, сказанную Пастернаком на юбилее:

«Я помню... тридцать лет назад... появились такие свежие... такие необычайные — великолепные произведения Всеволода... а потом... тридцать лет прошло... и ничего!»

Вчера вечером приехала правнучка. Я ее еще не видал.

Читаю Бозвелла «Жизнь Джонсона». Какая древность! Слово минувло три тысячи лет. Какая преданность королю и религии! Какая напыщенность. Любопытен отзыв Джонсона о Ричардсоне и Филдинге. Ричардсон знает, *как* сделаны часы, знает каждый винтик механизма, а Филдинг глядит на часы и умеет сказать, который час.

Женя говорит, что за несколько дней до кончины М. Б. спросила у него, сколько километров прошла наша «Победа», и, узнав, что 33 тысячи, сказала: «как много».

Умерла вдова Тарле.

Звонил С. М. Бонди.

Ездил вчера к правнучке, играл с нею и с Митей в лото. Она сказала мне (тем тоном, каким говорят: «смотри, какая я хорошая девочка»): «я узнала про бабенку и плакала вчера и немножко плакала сегодня».

И потом:

— «Тебе тоже скоро умирать. А ты поживи еще чуточку!»

¹ Перечень 95-ти человек, приславших сочувственные письма и телеграммы.

Умер театральный критик Крути, который за день до смерти сказал: «Как жаль Корнея Ивановича, что у него умерла жена».

1955

Ни Крути, ни Иоганн Альтман, приславший мне сочувственную телеграмму, не знали, что они лягут в землю одновременно с нею.

7 марта. Был рано утром на могиле. Снежок. Снял ленты — с венков. Уцелели очень немногие — от Маршака, от детей. Какая-то сволочь ворует надгробные ленты. Никогда еще так ясно не представлялась мне хрупкость понятий «мое», «твое». К своим вещам М. Б. была по-детски ревнива, и мне даже странно, что я могу взять ее чемодан, или открыть ее столик, и что в ее комнате сейчас ночует Катя и неизвестная М. Б-не Елена Бианки. Странно, что я могу переставлять в ее комнате вещи, — странно и страшно.

И как остро ощущаешь те перемены, которые происходят в мире *без нее*. Я купил себе перчатки, каких она не увидит. Разжаловал Франца Францевича из мажордомов в шоферы — по его желанию. И веду все время с нею монологи: вот видишь, Машенька, теперь уже у нас другая система лифтов — с диспетчерами, без лифтерш. Видишь, нужно повернуть ручку, нажать кнопку, и ты на шестом этаже. В Москве у Образцова гостит Сима Дрейден — тебе было бы интересно взглянуть на него. Сима вернулся из лагеря, оправданный. Рассказывает, что в качестве лжесвидетеля был Дембо, в качестве лжеэксперта была Тамара Казимировна Трифонова. Дембо «уличал» его в антисоветских речах — уличал в глаза, на очной ставке. А когда Дрейден вернулся и появился в театре, Дембо подошел к нему: «Здравствуй, Симочка, поздравляю!» Дрейден прошел мимо негодая, даже не взглянув на него. М. Б-не это было бы интересно очень. «И знаешь, Машенька, — говорю я в своем монологе, — что ты была права в своей оценке Маленкова. Оказалось, ты была права», — и я веду с нею эту беседу, — милая моя, захолодевая, закостенелая, вечная моя.

Был сейчас у Степанова. Говорил, что хочу ставить на могиле М. Б-ны памятник — и что рядом будет моя могила. Он сказал деловито:

— Вас тут ни за что не похоронят. (Словно добавив: «вот увидите».)

Значит, надо хлопотать, чтобы похоронили именно здесь.

У Кати гостит Лена Бианки.

Когда теряешь друга и спутника всей твоей жизни, начинаешь с изумлением думать о себе — впервые задаешься вопросом: «кто же я таков?» — и приходишь к очень неутешительным выводам...

«Знаешь, Машенька, в моей комнате делают паркет — уже принесли сегодня дощечки».

Сейчас я умоюсь и поеду к Лесючевскому. Нужно справиться насчет «Балтийского неба». Коля думает завтра переехать в Передкино.

И еще одно: когда умирает жена, с которой прожил нераздельно полвека, вдруг забываются последние годы, и она возникает перед тобою во всем цвету молодости, женственности — невестой, молодой матерью — забываются седые волосы, и видишь, какая чепуха — время, какая это бессильная чушь.

10 марта. Уехала Катя и с Леной Бианки, и мне сразу стало легче. Катю я всегда остро жалел, и жалость заставляла меня не ставить ей в вину ее страшных изъязнов. Вялые душевные движения, стремление жить как амёба.

Читаю Стивенсона «Men and Books»¹. — Статья «Some Aspects of Robert Burns»² — вся обо мне. Стивенсон в моих глазах великий писатель. Его «Men and Books» в тысячу раз лучше его «Острова сокровищ».

11 марта. Встретил на улице Корнелия Зелинского и Перцова. Рассказывают сенсационную новость. Александрова, министра культуры, уличили в разврате, а вместе с ним и Петрова, и Кружкова, и (будто бы) Еголина. Говорят, что Петров, как директор Литинститута, поставлял Александрову девочек-студенток, и они распутничали вкупе и влюбе. Подумаешь, какая новость! Я этого Александрова наблюдал в Узком. Каждый вечер он был пьян, пробирался в номер к NN и (как говорила прислуга) выходил оттуда на заре. Но разве в этом дело. Дело в том, что он бездарен, невежествен, хамоват, туп, вульгарно-мелочен. Когда в Узком он с группой «философов» спешно сочинял учебник философии (или Курс философии), я встречался с ним часто. Он, историк философии, никогда не слышал имени Николая Як. Грота, не знал, что Влад. Соловьев был поэтом, смешивал Федора Сологуба с Вл. Соллогубом и т. д. Нужно было только поглядеть на него пять минут, чтобы увидеть, что это чинуша-карьерист, не имеющий никакого отношения к культуре. И его делают министром культуры!

Это мне напоминает случай с Анной Радловой. Она гнусно переводила Шекспира. Я написал об этом, доказал это с математи-

¹ «Люди и книги» (англ.).

² «Кое-что о Роберте Бернсе» (англ.).

ческой точностью. Малый ребенок мог убедиться, что ее переводы никуда не годятся. Но она продолжала процветать, — и Шекспир ставился в ее переводах. Но вот оказалось, что она ушла в лагерь Гитлера, — и тогда официально было признано, что она действительно плохо переводила Шекспира. Александров на Съезде выступал тотчас же после меня. Я в своей речи говорил о бюрократизации нашего советского литературного стиля. И речь Александрова была чудесной иллюстрацией к моему тезису. Публика хохотала. Я получил несколько записок, где его речь подвергалась насмешкам — именно как образец того стиля, над которым я сейчас издевался. Все видели, что это Держиморда, холуй. Но — повторилась история с Берией — начальство было слепо, и Александров был поставлен во главе всей советской культуры — культуры Пушкина, Толстого, Чехова, Ленина!

Приехал Коля. Рассказывал дело Сурова, который, пользуясь гонениями против космополитов, путем всяких запугиваний принудил двух евреев написать ему пьесы, за которые он, Суров, получил две Сталинских премии! Гниль, ложь, бездарность, карьеризм!

Колин роман прогремел на весь Союз. И вот, в течение года, Воениздат все никак не может выпустить его; Коле говорили, что отпечатают 90.000 экз., а отпечатали 15 тыс., да и когда выпустят, неизвестно. И Коля думает, что это случайность. Это — план, это суровщина навыворот.

В городе ходит много анекдотов об Александрове. Говорят, что ему позвонили 8 марта и поздравили с женским днем. — Почему вы поздравляете *меня*? — «Потому что вы главная наша проститутка». Говорят, что три министра заспорили, чье ведомство было создано раньше: министр земледелия: «мое» (потому что бог раньше всего создал землю); министр электростанций: «мое» (потому что «Да будет свет»); министр культуры: «мое» (так как вначале был хаос).

Оказывается, Еголин действительно причастен к этим оргиям. Неужели его будут судить за это, а не за то, что он, паразит, «редактировал» Ушинского, Чехова, Некрасова, ничего не делая, сваливая всю работу на других и получая за свое номинальное редакторство больше, чем получили при жизни Чехов, Ушинский, Некрасов! Зильберштейн и Макашин трудятся в поте лица, а паразиты Бельчиков и Еголин ставят на их работах свои имена — и получают гонорар?!

1955

12 марта. Вчера сдал в Детгиз «Бибигона». Звонил мне Поликарпов, что путевка в «Сосны» мне будет. День солнечный, яркий.

13 марта. Никак не могу взяться за работу. Распустился. Бездельничаю. Отравляю себя миналами.

14 марта. Был у меня Леонов. Говорит, что Петров (Сергей Митрофанович) подал заявление в Союз Писателей — покаянное. Замечая следы, он пишет, что у него будто бы была одна любовница, с которой он встречался на квартире у Кривошеина, не зная, что там вертеп. Что он поверг свою семью «в бездну отчаяния» и т. д. Говорят, будто они растлевали 14-летних. Будто Александрова уже изгнали из Академии — и вообще разжаловали. Он получал около 60 тысяч в месяц — плюгавый, невежественный, скудоумный паразит.

Я перевожу заново *Song of Joys*¹ — выходит плохо. Читаю Андрея Лескова «Жизнь Николая Лескова» — мстительную книгу злопамятного сына о крутом и суровом отце.

15 марта. Леонов говорит, что Александров вчера как ни в чем не бывало явился в Академию Наук за жалованием (20 тысяч) и говорил тамошней администрации: теперь я более свободен, присылайте мне побольше аспирантских работ. Я понял цель Андрея Лескова: он знал, что после отца останутся десятки писем, где он, Андрей, выведен шалопаем, бездельником, — и задумал забронировать себя от этих писем перед потомством.

Хожу каждый день на могилу и по пути вспоминаю умершую: вот мы в доме Магнера на квартире Черкасских, вот она в бархатной кофточке, и я помню даже запах этой кофточки (и влюблен в него), вот наши свидания за вокзалом у Куликова поля, когда она сказала: «Милостивый государь» и т. д., вот она на Ланжероне, мы идем с ней на рассвете домой, вот ее отец за французской газетой — «L'Aurore» — вот мы на Коломенской, «милая» — твержу я и бегу на могилу, как на любовное свидание.

Сволочность Котова, задержавшего мое «Мастерство» в типографии. Я метался вчера между Гослитом и Союзом Писателей — и в конце концов оказалось, что в Гослите мне лгали, будто книга выйдет на днях.

23 марта. Первый день в «Соснах». Чудесный вид на Москву-реку. Неподалеку от Николиной горы. Смотрел меня профессор не-

¹ «Песня радостей» (англ.). Стихотворение Уолта Уитмена.

вропатолог. Ярославец. Все та же банальщина: коснитесь пальцем своего носа, вытяните руки и т. д.

Ванны, души, прогулки. Но для прогулок нужен спутник, а здесь сплошные канцеляристы. Я слушал их разговоры за обедом: кто чей заместитель, «а я звоню Косыгину» и т. д. Есть женщина, лет 50^{ти}, долго объяснявшая, что чай и кофе она любит только в горячем виде, а суп — теплый; эту мысль она излагала минут семь — снова и снова. Здесь Туполев, встретивший меня равнодушным: «А, и вы здесь?» Но все же мне легче.

24 марта. Оказывается, я попал в ловушку. Здесь каждую субботу до понедельника — нашествие шумных гостей — отдыхающих — которые стучат копытами всю ночь напролет.

Я целый день читал дневник Льва Толстого 1854—1857 — поразила меня емкость его времени — в один день он успевает столько увидеть людей и вещей, сколько иной не увидит и в месяц, и какое труженичество! Каждый день пишет и пишет, читает бездну — и еще укоряет себя в лени, бездельи и проч. И сколько физических сил! Нет недели, чтобы он не сходил с женщиной, а если не удастся сойтись — поллюции (стыдливо обозначаемые буквой п). Такая ненасытность мужских желаний уже сама по себе свидетельствовала об огромности жизненной мощи.

День солнечный.

Воскресенье 27 или 28 марта. Познакомился с молодым человеком, который работал с А. Я. Вышинским в Нью-Йорке. Говорит, что работоспособность Вышинского была колоссальна. «Мы, трое, его помощники, молодые, здоровые, спортсмены — и то изнемогали, а он хоть бы что! Спал не больше 4-х часов в сутки — и всегда был свеж, готов к новым трудам. Не щадил ни себя, ни нас».

Про министерство Александрова: «Министерство культуры и отдыха» (Парк культуры и отдыха славится неистовым распутием).

Познакомился со Сперанским, Георгием Нестеровичем. Он родился в 1873 году, работает лопатой, много ходит пешком. Вчера он ходил на Николину гору к Капице. 40 минут туда и 40 обратно.

31 марта. Сюда я приехал изможденный, но с очень исправным желудком. Здесь с первого же дня мне стали желудок портить при помощи дурацкого меню. Сначала вызвали у меня колит, а потом — дизентерию. Утро вчерашнее выдалось прелестное: мороз и солнце! Я поработал над «Григорием Толстым» (потом над «Уит-

меном»), написал письмо Заславскому, пошел к Андрею Ник. Туполеву, и мы на балконе, как в Узком, мы «узковцы», вместе со Сперанским много говорили о литературе, об общих знакомых.

Головная боль — тошнота. Я лежал в смертельной тоске — и к счастью пришла милейшая Елизавета Петровна, жена Г. Н. Сперанского. Туполевы и Георгий Нестерович уехали в Переделкино смотреть дачу Елизара Мальцева, продающего оную за 270 тыс. рублей. Ел. Петр-не скучно, и она пришла позвать меня к себе. Узнав о моем положении, она села у моей постели, и мы стали болтать, и вскоре я забыл о своей болезни. 4–5 часов прошли как одна минута. В самом начале я совершил ужаснейший «гафф». Елиз. Петровна (которой теперь 77 лет) сказала мне, что она — слепая: еле видит краешком глаза какие-то смутные пятна, и что лечил ее Филатов. Я эмоционально воскликнул: «Но ведь Филатов — жулик».

— Не думаю, — сказала она. — Я знаю его давно, ведь это *мой родной брат*. И начались рассказы. Она замужем 57 лет «и до сих пор не может привыкнуть к феноменальной доброте Георгия Нестеровича». Рассказала мне, что, когда арестовали профессор-отравителей, в медицинской Академии выступил какой-то прохвост и стал клеймить этих «преступников». Потом сказал: попросим высказаться об их преступлениях старейшего из академиков — Г. Н. Сперанского. Георгий Нестерович встал и сказал: «Я работал с этими людьми десятки лет и считаю, что они чудесные врачи, благородные люди и т. д». Присутствующие зааплодировали. Он лечит уже третье и четвертое поколение тех людей, которых лечил, когда они были детьми.

Георгий Нестерович сказал своей жене: «ты ли умрешь раньше меня или я раньше тебя, это не имеет значения, потому что тот, кто останется в живых, тотчас же последует за умершим». И я знаю это по себе.

Она рассказала историю с Ягодой. У Ягоды была жена, которую Георгий Нестерович называл «Ягодицей». Когда Ягоду арестовали, Ягодица позвонила к Георгию Нестеровичу (он лечил ее малолетнего сына). — «Мальчику нужна метрика, ему уже 8 лет, мы не достали её вовремя, вы знали мальчика чуть ли не со дня его рождения, напишите, пожалуйста, свидетельство». Георгий Нестерович написал. Елизавета Петровна взялась доставить бумагу Ягодице, с которой не была знакома. Подъезжает к особняку в переулке, где жили Ягоды, ей открывают дверь, она говорит: «я тороплюсь на вокзал, вот бумага, передайте Ягодице (она, конечно, сказала имя отчество). — Нет, пожалуйста сами. Очень про-

сят». Она вошла в комнаты. Множество людей. «Я очень тороплюсь». — «Вы арестованы!» Это была засада. Отпустили Елизавету Петровну только вечером.

1955

«Он лечил внука Берии, сына Марфиньки. И я так боялась, когда за Георгием Нестеровичем присылали машину. Ведь если мальчику станет худо — Берия может расстрелять Георгия Нестеровича. Я так боялась!»

Третьего дня у меня была Лида.

Елизавета Петровна очень хвалит Маленкова, у нее родственник (кажется, зять) работает над устройством электростанций, а Маленков стал нынче министром электростанций.

— Изумительный министр! Мы такого и не видали. Во все вникает сам. Уже за такой короткий срок устранил множество неполадок. А доброта! Участливо относится к каждому служащему.

Так мы проболтали с нею до десяти часов вечера. Лида говорит, что на закрытом партсобрании Союза Писателей обсуждалось «дело Александра—Еголина», которого сделали козлом отпущения за Александра и всю его клику. ЦК объявил этому «члену-корреспонденту Академии Наук» строгий выговор с предупреждением. Многие выступавшие требовали для Еголина исключения из партии, но Д. А. Поликарпов сказал: «не нам переделывать постановления правительства».

Лидочка привезла мне письмо от Заславского, который одновременно с письмом выслал три брошюры. Я брошюр не читал и написал ему дружеское письмо. А теперь читаю брошюры, и они мне ужасно не нравятся. Особенно о Каркегоре. Вульгарно и неверно. Даже судя по тем цитатам, которые он приводит, Каркегор был даровитый, глубокий мыслитель. И все его (Заславского) выпады против Гаксли, против американских философов носят балаганный (и в то же время казенный) характер. Если даже допустить, что Гаксли таков, как пишет Заславский, так ведь им не ограничивается англо-американская культура. А Заславский внушает читателю, будто там только Гаксли — и ничего другого нет. То же произошло с моей лекцией о «комиксах». Я написал большую статью, где указывал, что наряду с величайшими достижениями англо-американской детской литературы есть и ужасные «комиксы», и мне в последнюю минуту вычеркнули всё о положительных чертах этой литературы и оставили только о комиксах. Вышла дезориентация читателей. Увидев, что сказать правду нельзя, я ретировался. Но Заславский? Неужели он не сознает, что его статьи есть зловерное искажение действительности?

День патетических неудач: Я лег заснуть и вывел на двери бумажку: «Сплю», а в это время уехали Сперанские. Я слышал за дверью, как они проходят мимо, стал одеваться, но покуда напяливал на себя всю одежду, они уселись в машину. Я кинулся в вестибюль в ту минуту, когда захлопнулась дверца их машины.

Сегодня Туполевы вместе с Георгием Нестеровичем уехали смотреть дачу на Николиной горе, и Елиз. Петровна была у меня снова. Она подробно рассказала, как умирал И. В. [Сталин]. Как-то ночью проф. Коновалову позвонил министр здравоохранения Третьяков. «Приезжайте сию же минуту к опасно больному». — «Не могу, очень устал». — «Я вам приказываю. Сейчас за вами будет машина». Машина привезла Коновалова в министерство, где было еще 2–3 врача. Вместе с министром поехали куда-то за город. Подъехали к зеленому забору. «Ваши документы». Внутри еще один зеленый забор. Опять: «ваши документы». Вошли — видят, лежит И. В. без сознания. С первого взгляда видно, что дело безнадежное. Здесь же все члены правительства. Стали применять все медикаменты, возились долго. Берия говорит Коновалову — «Извольте мне завтра сказать, насколько положение больного улучшится». И в его голосе зазвучала угроза. На другой день: «больному хуже». Берия: «Почему же вы вчера мне этого не сказали?»

Повезли его делать вскрытие в мертвецкую (около Зоопарка). Надо распиливать череп. Проф. (я забыл фамилию, ученик Абрикосова), специалист по этому делу, здесь обомлел, испугался. Шутка ли, пилить гениальный череп великого человека. Но Третьяков и здесь сказал: «я вам приказываю». Распилили. Оказалось, весь череп залит кровью.

Я читаю Твена «Tramp abroad»¹ — книгу, которую я впервые читал 50 лет назад в тюрьме, в предварилке на Шпалерной, и хотел до икоты, так что часовой все время подбегал к глазку, думая, что я плачу. Прошло 50 лет, а книга все так же для меня свежа, мускулиста. Она не только вся пронизана юмором, она поэтична.

Георгию Нестеровичу 82 года. А он читает чешскую брошюру — со словарем — о положении больничного дела в Чехословакии. И говорит: «Какой чудесный народ. Всю систему охраны здоровья детей они позаимствовали у нас, и глядите: уже во многом перегнали нас!»

Читал Стивенсона о дневнике Рерус'а* — и там нашел поразительное место: обо мне и М. Б. Все (за исключением злого характе-

¹ «Бродяга за границей» (англ.).

ристики жены Перуэ'а) слово в слово относится ко мне и к ней (стр. 226).

1955

Меня тянет не только на могилу к М. Б., но и в могилу. Как будто высунулась из могилы рука и тянет меня, тянет с каждым днем все сильнее, и я не сопротивляюсь, *не хочу* сопротивляться, не имею воли к жизни, и вместо всех книжонок, которые я хотел написать, мне по-настоящему хочется писать *завещание*.

Я заставляю себя интересоваться своими «Бибигонами», «От двух до пяти», но на самом деле я наэлектризованный труп.

Сейчас подавальщица спросила меня: «не знаете, что сегодня идет в телевизоре?» И мне показалось странно, что есть люди, которым это интересно. С того дня, как я смотрел с М. Б. телевизор (8-го февраля), он для меня перестал существовать.

1 апреля 55. Ну вот, Корней, тебе и 73 года!

До сих пор я писал дневник для себя, то есть для того неведомого мне Корнея Чуковского, каким я буду в более поздние годы. Теперь более поздних лет для меня уже нет. Для кого же я пишу это? Для потомства? Если бы я писал его для потомства, я писал бы иначе, наряднее, писал бы о другом и не ставил бы порою двух слов, вместо 25 или 30, — как поступил бы, если бы не мнил именно себя единственным будущим читателем этих заметок. Выходит, что писать дневник уже незачем, ибо всякий, кто знает, что такое могила, не думает о дневниках для потомства.

Вчера читал «Tramp abroad» — и с прежним восторгом «*The Awful German Language*»¹. Эта глава кажется мне одним из лучших произведений Твена. Никогда ни одна филологическая статья не вызывала такого хохота. Написать *веселую* статью о лингвистике — сделать грамматику уморительно смешной — казалось бы, невыполнимое дело, и однако через 50 лет я так же весело смеялся — читая его изыскания. И с омерзением думал о Мендельсоне, напечатавшем книжку о нем: этот клоп проглядел его всего — целиком — и заметил только его «оппозиционные» мысли. Вместо портрета дал только одно ухо — или, может быть, одну бровь, да и ту раздул до гигантских размеров. То же он сделал и с Уитменом. Читатель не так заинтересован политическими убеждениями юноши Уитмена, как воображает Мендельсон, и вообще политические убеждения — это бровь Уитмена, а не Уитмен. Подумайте об идиоте, который стал бы характеризовать поэзию Фета политическими его убеждениями.

¹ «Ужасный немецкий язык» (англ.).

1955

Но тут приехали: Коля, Марина, Люша, Таня (Погодина), Митя, Гуля. Люша привезла чудесную палеховскую шкатулку, Марина подушку с «родословным древом», но Коля самое лучшее — свой роман «Балтийское небо» — «только показать, ибо это сигнальный экземпляр». Очень хорошо отпечатанная, солидная книга, первые 15 тысяч, за которыми последуют 30.000, за которыми последуют 85 тысяч экземпляров «Советского писателя». Это большая победа Колиного таланта, которому наконец-то удалось пробить стену равнодушия, окружавшего его столько лет!

2-го апреля. Ночь спал с небуталом. Голова, как пятка. Ни строки написать не могу. Правил «Феофила» и «Грегуара» Толстых, потом гулял с Ив. Вяч. Якушкиным, внуком декабриста. Он в разговоре назвал Твардовского грубияном и нахалом. Оказывается, М. Ф-на, кропающая самодельные стишки, решила показать их Твардовскому (живя в Барвихе) — и Твардовский забраковал их самым невежливым образом. Спрашивается, что же ему было делать? Теперь Якушкин хочет вызвать и меня на такую же грубость.

4 апреля. Вчера подошел ко мне министр строительства электростанций Федор Георгиевич Логинов и сказал:

— А я учился с вашим сыном Борисом. Федя Логинов

Туполев человек очень грубый — и сделавший из грубости манеру поведения. Вроде Ахравердовой. Мне он вчера говорит:

— Вот постригся и стал на человека похож.

Я:

— Боюсь, что вам даже стрижка не поможет.

Поневоле грубостью вызывается грубость. Когда к нему стучится в дверь докторша, он рывкает:

— Давай! давай!

Тем поразительнее его нежнейшая привязанность к внучке, с которой он обращается слащаво и — я сказал бы — благоговейно... На дверях у меня часто вывешивается бумажка СПЛЮ. Весь мой коридор — албанка, гречанка, семья Якушкиных — относится к этой бумажке с большой деликатностью. Если написано «Сплю», говорят шепотом, ходят без шума. А Туполев, проходя, нарочно стучит в мою дверь кулаком.

7 апреля. Взвешивался: потерял три кило в две недели. Директор сжалился, предоставил мне тихую комнату № 40. Я заперся там и не мог открыть. Вчера долго беседовал с А. Н. Туполе-

вым, и он открылся мне с новой стороны. Он впервые сбросил с себя шутовство, говорил серьезно и вдумчиво — и я слушал его с восхищением. Сильный, широкий, неумолимо работающий ум. Говоря с ним, я сделал ужасный промах. Зашла речь о Мих. Кольцове. Вспомнили самолет «Максим Горький», и я сдуру сказал: «это было довольно нелепое сооружение». Он помолчал и без всякой запальчивости гордо и веско ответил:

— Этот самолет строил я.

И стал перечислять достоинства своего самолета — очень спокойно, уверенно, отнюдь не в виде возражения моему глупому мнению, а сам для себя. И восторженно — о Сталине. Сталин понял, что для его дела...

10 апреля. Был у меня сейчас Заславский. Он говорит, что дело Еголина три дня разбиралось в Институте им. Горького. Заславский бодр, но ни одной черты молодого *Homunculus'a**.

15 апреля. Вот я и дома. За мной заехал Коля и извлек меня из этого кабака, который называется «Сосны». Я ни разу не заснул там без снотворного, не написал ни строки и вообще чувствовал себя ужасно. Здесь, в Переделкино, Марина сделала чудо. Занавес с синей полоской внизу, чехлы на диван и на столик для машинки. Чудесный ковер — совершенно *новая* комната. Как жаль, милая Машенька, что ты ничего этого не знаешь, не видишь, — ни нового шкафа, ни дивного убранства стеклянной комнаты. К могиле сейчас не пройти. У меня дел целая куча. Вчера Клара привезла мне корректуру «От двух до пяти» (верстку), и тут только я увидел, какая это плохая, плохая книга — непоправимо плохая. Особенно ее вторая часть. Все это расстроило меня окончательно.

Ночь на 20 апреля. Вышли четыре тома Герцена. На первых трех начертаны смешные слова, будто заместителем гл. редактора является... Еголин. Этот паразит замарал своей фамилией Чехова, Ушинского, Некрасова — и покушался замарать Герцена. Но в четвертом томе его имени нет (гл. редактор Козьмин). Уверен, что Еголина сняли не потому, что убедились в его круглом невежестве, а потому что он изобличен в блудодействе.

5 мая. Была вчера Тамара Влад. Иванова. Рассказывает о своем внуке Антоне. Говорила Тамара о том, что против Всеволода в Союзе Писателей было нечто вроде заговора. Когда впервые давали ордена, было решено дать Всеволоду орден Ленина, но

Тогда Сталин сказал: «Ну, если не Ленина, дадим ему орден Красного знамени». Тамара Влад. утверждает, что в Союзе Писателей сплоченная группа руководителей (Симонов, Сурков и др.) все время запугивали власть, указывая на мнимую контрреволюционность целого ряда писателей.

Мне это показалось фантастикой. Но в тот же день я получил подтверждение этого преступления литературной верхушки. Пришел к Коле Э. Казакевич и без всякого побуждения с моей стороны стал говорить об этом. Казакевич утверждает, что Сурков держится главным образом тем, что при всякой возможности указывает на антисоветскую (будто бы) линию таких писателей, как Казакевич, Н. Чуковский, Гроссман, Всев. Иванов и др.

С Казакевичем я впервые познакомился только вчера. Из него так и брызжет талант. Речь его необычайно энергична. Он составил очень забавную табель о рангах для писателей — или, как он говорит, «шкалу» — состоящую, кажется, из 84 (или 76) номеров, начиная от «величайший», «гениальный» и кончая «классовый враг». Тут есть и «справедливо забытый», и «несправедливо забытый», и «небезызвестный», и «интересный», и «выдающийся», и «видный», и «крупный», и «крупнейший», и как качественное определение — «детский». Он говорил, что, если разработать эту шкалу, она сильно помогла бы, скажем, работникам Литфонда.

— Предположим, — сказал он, — я, Казакевич, прошу пособия 5000 рублей. Рудянский глядит в «шкалу» и видит: «Казакевич — интересный писатель» и отвечает: я могу дать вам только 2 тысячи.

У него это гораздо смешнее и тоньше. Я передаю смысл его речи, но вся ее сила — в деталях.

Корректурa Уитмена для «Огонька», корректурa Авдотьи, корректурa Слепцова — все это сгрудилось, и я не могу закончить срочной статьи о Уитмене для Гослита.

Казакевич советует читать «Эстетику» Гегеля, очень восхищается ею, кроме того, какой-то книгой об атомной бомбе. Общий тон его речей о литературе — насмешливый. Из писателей он очень любит Твардовского, с которым недавно пил. Твардовский читал ему продолжение «За далью даль» — две новых части, причем одна — о 37 годе.

От Оксмана письмо. Сообщает адрес Елены Мих. Тагер, вдовы поэта Маслова. Мы с Колей послали ей письмо с обещанием оказать ей посильную помощь. Коля выразил горячее желание помочь ей деньгами и хлопотами. Дня два назад вышло наконец в виде книги его «Балтийское небо» (издание Воениздата). «Совет-

ский писатель» печатает 75 тысяч того же романа, есть уже верстка.

1955

10 мая. Был у меня сейчас Ираклий, недавно воротившийся из Вены. Он пересказал ходячие остроты о деле Александрова – Еголина.

«Философский ансамбль ласки и пляски им. Александрова».

«Александров доказал единство формы и содержания: когда ему нравились формы, он брал их на содержание».

Еголин любил «еголеньких» женщин.

Еголина давно уже называют: «под хреном» (опуская слово: «поросенок»). У него действительно наружность свиненка. Андроников полон венских впечатлений. Чудесно усвоил интонацию тамошней речи.

Гуляя с Ираклием, встретили Пастернака. У него испепеленный вид — после целодневной и многодневной работы. Он закончил вчерне роман — и видно, что роман довел его до изнеможения. Как долго сохранял Пастернак юношеский, студенческий вид, а теперь это седой старичок — как бы присыпанный пеплом. «Роман выходит банальный, плохой — да, да, — но надо же кончить» и т. д. Я спросил его о книге стихов. «Вот кончу роман — и примусь за составление своего однотомника. Как хотелось бы все переделать, — например, в цикле “Сестра моя жизнь” хорошо только заглавие» и т. д. Усталый, но творческое, духовное кипение во всем его облике.

14 мая, пятница. Был сейчас у Федина по поводу могилы М. Б. Нужно ставить памятник. Он научил меня обратиться на Новодевичьем в мастерскую к т. Белову и т. д.

21 июня. 4 месяца, как скончалась М. Б. Утром сегодня хоронили Марию Потаповну Сыромятникову, мать Зинаиды Кашириной и Тамары Ивановой. За гробом шли Всеволод Иванов, Людмила Толстая, Пастернак, Тимоша, бывшая Паустовская, Нина Федина, Дубинский и множество других. Отпевали в церкви. Катерина Павловна Пешкова пригласила меня к себе «непременно и возможно скорее». Марфа с детьми уехала к мужу. После похорон поехали с Лидой в садоводство — купили цветов, украсили могилу М. Б.

Женя сегодня сдал последний экзамен по истории (четверка).

30 июня. Сколько встреч и событий, а записывать не хочется. Встречаюсь с Кавериным, Пастернаком, Андрониковым, Перцо-

Ахматова приехала ко мне в тот самый день, когда в СССР прилетел Неру. Так как Можайское шоссе было заполнено встречавшим его народом, всякое движение в сторону Переделкина было прекращено. Перед нами встала стена мильтонов, повторывшая одно слово: назад. Между тем в машине сидит очень усталая, истомленная Ахматова, которую мне так хочется вывезти из духоты на природу. В отчаянии мы двинулись на Воробьевы горы. Там милиционер-резонер:

— Дальше проезда нет. Возвращайтесь в город. И напрасно вы сердитесь. Всем это мероприятие нравится.

«Мероприятием» называл он встречу Неру.

(И не он один: вскоре в Москве всякие манифестации в честь Неру стали называться «неруприятиями».)

Ахматова была как всегда очень проста, добродушна и в то же время королевственна. Вскоре я понял, что приехала она не ради свежего воздуха, а исключительно из-за своей поэмы. Очевидно, в ее трагической, мучительной жизни поэма — единственный просвет, единственная иллюзия счастья. Она приехала — говорить о поэме, услышать похвалу поэме, временно пожить своей поэмой. Ей отвратительно думать, что содержание поэмы ускользает от многих читателей, она стоит за то, что поэма совершенно понятна, хотя для большинства она — тарабарщина. Ахматова делит весь мир на две неравные части: на тех, кто понимает поэму, и тех, кто не понимает ее.

3 июля. Вчера в «Правде» статья Тарасенкова о «Балтийском небе». Я получил газету вечером и, сидя у телевизора, перебирал почту, вдруг вижу: «Николай Чуковский». Кликнул: Коля! Он так взволновался, что потом (по словам Марины) не мог заснуть.

Женя неделю назад кончил школу. Обидевшись на Марину, он ушел из дому, неизвестно где пропал три дня, грубиянил Лиде, шалаберничал, но потом, по совету Клары, решил поступить в Институт кинематографии — и теперь с головою ушел в фото: ему нужно изготовить к четвергу жанр, пейзаж, портрет — шедевры фотоискусства.

17 июля. Был у Каверина. Лидия Николаевна показала мне письмо от жены Зощенко. Письмо страшное. «В последний свой приезд в Сестрорецк он прямо говорил, что, кажется, его наконец уморят, что он не рассчитывает пережить этот год. Особенно потрясло Михаила Михайловича сообщение ленинградского “на-

чальства”, что будто бы его вообще запретили печатать, независимо от качества работы... По правде сказать, я отказываюсь в это поверить, но М. М. утверждает, что именно так ему было сказано в Ленинградском союзе. Он считает, что его лишают профессии, лишают возможности работать, и этого ему не пережить... Выглядит он просто страшно... по утрам страшно опухают ноги» и т. д. Прочтя это письмо, я бросился в Союз к Поликарпову. Поликарпов ушел в отпуск. Я к Василию Александровичу Смирнову, его заместителю. Он выразил большое сочувствие, обещал поговорить с Сурковым. Через два дня я позвонил ему: он говорил с Сурковым и сказал мне совсем неофициальным голосом: «Сурков часто обещает и не делает; я прослежу, чтобы он исполнил свое обещание». Вот мероприятия Союза, связанные с зощенковским делом: позвонили Храпченко и спросили его, почему он возвратил из редакции «Октябрь» 10 рассказов Зощенки, написали М. М-чу письмо с просьбой прислать рассказы, забракованные Храпченко, написали вообще одобрительное письмо Зощенке и т. д.

Я поговорил с Лидиным, членом Литфонда. Лидин попытается послать М. М-чу 5000 рублей. Я, с своей стороны, послал ему приглашение приехать в Переделькино погостить у меня и 500 рублей. Как он откликнется, не знаю.

Хлопоты о Тагер уперлись в тупик*. Полковник Ковалев уехал в отпуск, и милая девушка, работающая в Прокуратуре («зовите меня просто Вера»), утверждает, что дело еще на рассмотрении в Ленинграде.

Женя ведет гнусный образ жизни перед поступлением в Вуз. Поступает он в ГИК, готовит кучу фотографий (нужно показать начальству предварительно), но не приходит домой по ночам, не читает книг, не готовится по предметам. И у меня нет никаких сил справиться с этим растратчиком своих дарований и сил.

Был у Федина, хлопотал о квартире для Габбе и о продлении авторского права для дочери Бальмонта.

Тагер прислала мне прелестные стихи и этим накликala на меня бессонницу. Я бьюсь над новым вариантом «Воспоминаний» о Репине и у меня (вторая неделя!) ничего не выходит.

Сейчас у меня ночует Бек. Он рассказал мне дело Сахнина, укравшего у сослannой Левиной ее роман*. Она прислала в «Знамя» роман о Японии. Он, как секретарь редакции, сообщил ей, что роман принят, — и попросил сообщить свою биографию. Она ответила, уверенная, что он, приславший ей радостную весть о том, что роман будет напечатан, достоин полной откровенности. Чуть только он узнал, что она была арестована, он украл у нее ро-

ман, содрал огромный гонорар (роман печатался и в Детгизе, и в «Роман-газете») — и не дал ей ни копейки. Теперь на суде его изобличили, но как редакция «Знамени» пыталась замутить это дело, прикрыть мошенника, запугать Левину — и опорочить Бека, который и открыл это дело!

После Бека пришел Арнштам и дивно рассказал об Анне Керн, о которой он многое знает по неопубликованным рукописным источникам. Он проявил максимальную заботу о Жене — разузнал все о ГИК'е и т. д.

От Лиды — сигнал: приехала Тагер.

Я читаю письма Репина к Стасову, Третьякову, к писателям, к художникам, и он опять встает передо мной как живой, а написать о нем не могу. Старческая немочь.

Сегодня воскресенье. В Переделкине несколько тысяч гуляющих москвичей. И вдруг — гроза, да какая!

Хотя Тагер — Колина приятельница, но он очень осуждает меня за мое решение помочь ей не словами, а делом. Интересно, приедет ли Зоценко.

Нет, Зоценко не приедет. Я получил от него письмо* — гордое и трагическое: у него нет ни душевных, ни физических сил. Елену Михайловну я повел к Федину и оставил ее там.

21 июля. Ровно 5 месяцев со дня смерти М. Б. Был сегодня у нее на могиле. Нужно делать решетку вокруг нашей общей могилы, нужно ставить памятник. Я заехал за Тамарой Ивановой, которая обещала разузнать, где можно заказать все эти кладбищенские вещи. Она сказала: у Ария Давыдовича. Арий Давыдович состоит при Литфонде в качестве присяжного похоронщика. Всех московских писателей, которые умерли в последние 20 лет, похоронил Арий Давыдович.

Был у меня Федин, принявший близкое участие в Тагер — в качестве депутата Верховного Совета. Когда она спросила, согласен ли он обратиться в одну инстанцию, он сказал: «Нет, я обращаюсь в две».

С Зоценко дело опять повернулось в плохую сторону. Я хлопотал, чтобы Литфонд дал ему 5000 р. Но чуть только Поликарпов, находящийся в отпуске, узнал, что Союз хочет проявить о нем какую-то заботу, он сказал:

— Зоценко и шагу не сделал в нашу сторону, зачем мы станем делать в его сторону целых шесть или семь шагов.

И все приостановилось.

Говорят, что сегодня вышло 10-е издание моей книжки «От 2 до 5». Урезанное и обескровленное. Клара видела, как две девушки в автобусе читали эту книжку и смеялись.

С Женей дела плохи. Он и в самом деле не умеет заниматься. Либо фотографирует — не слишком успешно — запершись у себя в комнате, либо гоняет лодыря, хотя у него есть своя комната. Ничего не читает. Не занимается. Что с ним делать, не знаю — и мучаюсь.

Тагер рассказывала ужасы.

Вот Лидино письмо о трагедии Веры Васильевны и Халтурина. Я помню, как умирала ее дочь — от болезни сердца — и вот талантливый — единственный — сын.

Дорогой дед.

Клара Израилевна просит передать, что с Уитменом все благополучно: статья заказана другому. *Не беспокойся.*

А я не сплю и никогда уже, кажется, не буду.

В Дубултах утонул Вовочка Смирнов, сын Вани и Веры Васильевны.

Я никогда не видела мальчика лучше, чем он.

Случилось это на глазах у Фридиной Гали: она каталась с ним на лодке.

Его нашли только через двое суток и то потому лишь, что Сурков (он там) добился посылки военного катера.

Вера Вас. в Дубултах. Фрида тоже (уже 2 недели). Ваня вылетел туда — еще не зная. (Ему телеграфировали, будто больна Вера Васильевна.)

Я не в силах послать телеграмму, т. е. не могу найти слова ни одного на самом деле.

Я бы взяла билет и полетела бы туда к ним, но здесь ходят слухи, что они привезут хоронить мальчика сюда.

1 августа. Женя сегодня вернулся из ГИК'а в отчаянном виде. Худой, грязный, больной.

Вот Лидино письмо из Ленинграда о свидании с Зощенко:

Дорогой дед, третьего дня вечером я была у М. М. Разыскасть его мне было трудно, т. к. он по большей части в Сестрорецке.

Наконец мы встретились.

Кажется, он похож на Гоголя перед смертью. А при этом умен, тонок, великолепен.

Получил телеграмму от Каверина (с сообщением, что его «загрузят работой») и через 2 дня ждет В. А. к себе.

Говорит, что приедет — если приедет — осенью. А не теперь. Болен: целый месяц ничего не ел, не мог есть. Теперь учится есть.

Тебя очень, очень благодарит. Обещает при-
слать новое издание книги «За спичками».

Худ страшно, вроде Жени. «Мне на все уже наплевать,
но я должен сам зарабатывать деньги, не могу привыкнуть к
этому унижению».

Я еле держусь на ногах. Даже и не держусь. Сейчас
попробую лечь и воскреснуть.

В Переделкино хочу очень. Постараюсь завтра с утра.

23 сентября. Сейчас узнал, что Гулю исключили из Энергетического института. Коля убит. Марина страдает. А он? Неизвестно, загадочно.

18-го августа Женя раздробил себе плечевую кость взрывчаткой, которая предназначалась им для ос. Одна из величайших мук моей жизни — тот вечер, когда я его, обескровленного, с торчащей наружу костью, с висящими жилами вез к Склифосовскому, с милой Валерией Осиповной — вез в машине к Склифосовскому. Он был мужествен, не стонал и просил у меня прощения — «прости меня, дед» — а я был уверен, что ему ампутируют руку. Взрыв был так силен, что, попади он в глаза, Женя навеки ослеп бы.

Вожусь со Слепцовым, с Репиным, с «От двух до пяти», с воспоминаниями о девятьсот пятом годе. Но изо всех работ меня понастоящему занимает *только* «От 2 до 5», хотя у меня нет уверенности, что новое, исправленное мною издание выйдет при моей жизни. Но тянет, как водка — пьяницу.

Сегодня наконец Детгиз решил окончательно ввести в мой Сборник — «Крокодила», которого я сильно поурезал.

14 октября. Были у меня дня три назад Котов, Бонецкий, Еремин. Котов предложил издать мое «Избранное» в 4-х томах.

Анна Ахматова приехала в Москву хлопотать о Леве, который болен. Сказала Лиде: «Меня опять выругали — но на букву О». Оказалось, что в Большой Энциклопедии есть «О Журналах „Ленинград“ и „Звезда“» — текст постановления.

Сегодня Тагер и Коля вспоминали Стенича — какой был блистательно умный, находчивый, влюбленный в литературу большой человек.

Открылся Дом творчества. Здесь Мих. Ал. Лифшиц, Фиш, Калашникова, Вильмонт. Познакомился с Мих. Ал. Лифшицем и с его женой. Милые люди, очень образованные, приветливые. Она работает «в системе» Академии Художеств. Очень забавно рассказывает об Александре Герасимове, «Президенте Академии Худо-

жеств». Все речи и статьи ему пишут сотрудники. _____ 1955
Сам он не способен ни строки написать. И вот однажды он «произносит» какую-то из своих речей — и вдруг, с размаху прочитав несколько строк, восклицает:

— Нет. Я с этим не согласен!

Показывали мне швейцарское издание трехтомной «Истории итальянской живописи»: великолепные репродукции, и я снова убедился, как сильно действует на меня живопись — Чимабуэ, Джотто — до слез.

19 октября. Были у меня Алянский и Конашевич с рисунками к «Бибигону». Обложка ужасная — в виде картины — (не графика, а живопись), старательная, дамская, в духе Елизаветы Бем. Много промахов, одежда у Бибигона какая-то гуцульская, есть, конечно, прелестные увражики (сцена с индюком, спуск на парашюте), но их мало, рисунок часто вялый и шаблонный. Старчество. Старчество.

Вчера абонировался в Ленинской библиотеке. Заказал книг 15. Дадут ли?

Пьяный Катаев. Встретились в конторе у телефона.

Он: Останьтесь со мной. Поговорите! Я сейчас впервые читаю Глеба Успенского. Оказывается: какой чудесный писатель! Вот никогда не думал».

Я: А Слепцов! Не правда ли, замечателен?

Он: Какой Слепцов? Никогда не слышал.

Свой роман он, по его словам, будет печатать в «Юности».

20 октября. Коля уехал в Финляндию, где провел все свое детство. В Хельсинки мы ездили с ним и с Марией Борисовной в 1914 году до войны (или в 1913). Там он зазевался на улице, и на него наехал экипаж. Мы в ужасе отвезли его к хирургу, думали: он повредил ногу! Хирург (финн) с омерзением оглядел ногу русского мальчика, даже ушиба не было, к его огорчению, и Коля от всех потрясений мгновенно уснул. Чтобы развлечь его дорогой в поезде, я рассказывал ему сказку о Крокодиле: «*Жил да был Крокодил*» под стук поезда. Импровизация была длинная, и там был «*Доктор Айболит*» — в качестве одного из действующих лиц; только назывался он тогда: «*Ойболит*». Я ввел туда этого доктора, чтоб смягчить тяжелое впечатление, оставшееся у Коли от финского хирурга.

Жене через два дня снимут повязку. Он старательно занимается со мною английским — читаем Стивенсона «Mr. Hyde and Mr. Jekyll». По истории с ним занимается Тагер Ел. Мих.*

Завтра 8 месяцев со времени кончины Марии Борисовны.

Все это время я вел себя, как шалопай и бездельник, и мне все еще страшно раскрыть те ящики, где хранятся ее письма ко мне. Вдруг пропал мой дневник — самый подробный — за 1920 год. В нем было много о Горьком и о Маяковском. Теперь пришел ко мне Перцов, который хотел бы ввести в свою книгу отрывок из моего дневника, мы перерыли все — не нашли. Что это значит, не знаю.

У Елены Михайловны — женщины неглупой и талантливой — есть несносная манера поддакивать. Что бы ей ни сказали, она вслед за этим тотчас повторяет сказанное собеседником, немного варьируя его фразеологию, и при этом присовокупляет поговорки, иллюстрирующие всю реплику: «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Куда рак с клешней, туда и конь с копытом» и т. д.

Здесь в Доме творчества отдыхает Наталья Александровна Коган, вдова небезызвестного критика. Когда я приезжал в 1921 г. с Блоком в Москву, она встретила нас на вокзале беременная и каждому давала понять, что она беременна от Блока. И в честь Ал. А-ча назвала своего сына — Саша.

— Но вот беда, — язвит Евг. Калашникова, — сын-то как две капли воды похож на ее законного мужа. Вылитый Коган!! Бывают же такие неловкие положения: женщина стыдится, что сын у нее не внебрачный.

8 ноября. Здесь, в Доме творчества, оказался Мих. Ал. Лифшиц, автор знаменитой статьи о Шагинян*. Хотя официально он объявлен клеветником и бандитом, стремящимся со злостною целью унижить видного советского писателя, все относятся к нему с огромным уважением и смотрят на него снизу вверх. Он молчаливый, внушительный, высокий, моложавый — с очень милой женой Лидией Яковлевной, сидит в самом далеком углу столовой, и все же к нему подходили чокаться, и он принимал благосклонно знаки всеобщего уважения.

Фрида Вигдорова работает над второй частью своего «Карабанова»* — усердно, с утра до вечера. На праздниках была у нее в гостях Саша, которую я взял к себе ночевать. Очень яркая девочка, с черными, невероятно доверчивыми и пытливыми глазами, лет 14-ти, изучает английский язык и уже перевела английскую детскую «балладу» *Where are you going to, my pretty maid?*¹

Куприна дала мне почитать свои воспоминания о Куприне. Много интересного, — ценные факты, — но в них нет Куприна — этого большого человека, лирика, поэта, которого изжевала, раз-

¹ Куда идешь ты, красавица моя? (англ.).

вратила, загадила его страшная, гнилая эпоха. Он выходит у нее паинькой, между тем он был и нигилист, и циник, и трактирная душа, и даже хулиган, — у нее же он всегда на стороне добра и высокой морали.

Вчера был у меня Алянский. Привез в Москву от Конашевича окончательные рисунки к «Бибигону». Я почти ничего не пишу, занимаюсь с Женей английским языком. Нужно поехать в город к врачам — да жаль уезжать из милого Переделкина.

13 декабря 1955 г., вторник. Вчера сдал наконец в «Дом детской книги» новое, 11-ое издание своей книжки «От двух до пяти». Редактор Иван Андреевич Давыдов, седенький приятный человечек, обещал прочитать эту книгу к 16-му — то есть к пятнице. Я буду рад, если ее немедленно отправят в печать — это избавит меня от нее. Мне хотелось работать над Чеховым, над Блоком, над Буниным, над Слепцовым — а *тянуло* к этой незаконной книжонке, как, судя по романам, тянет от жены к любви.

На прошлой неделе выступал с чтением о Блоке. В зале Чайковского было пышное чествование. Федин металлическим голосом, как Саваоф на Синае, очень веско и многозначительно произнес вступительное слово. Потом началась свистопляска. Антокольский с мнимой энергией прокричал свой безнадежно пустопорожний доклад, так и начал с крика, словно возражая кому-то, предлагая публике протухшую, казенную концепцию («Блок — реалист! Блок — любитель революций!») — прогудел как в бочку и уселся. Я сидел рядом с Твардовским, который сказал: кричит, словно с самолета. Твардовский приготовил слово о Блоке, но, прослушав, как корчится и шаманствует Кирсанов, как лопочет что-то казенное Сергей Городецкий, отказался от слова. Федин предоставил мне слово уже тогда, когда вся публика ужасно устала, — и все же мое выступление — единственное — дошло ей до сердца (так сказали мне тогда же Федин, Твардовский, Казакевич), а между тем и это было выступление, тоже недостаточно осердеченное.

Готовя это выступление, я прочитал свою старую книжку о Блоке и с грустью увидел, что она вся обокрадена, ощищена, разграблена нынешними блоковедами, и раньше всего — «Володей Орловым». Когда я писал эту книжку, в ней было ново каждое слово, каждая мысль была моим *изобретением*. Но т. к. книжку мою запретили, изобретениями моими воспользовались ловкачи, прощелыги — и теперь мой приоритет совершенно забыт.

То же и с книжкой «От двух до пяти». Покуда она была под запретом, ее мысли развораивали психолог Запорожец, психолог Швачкин, филолог Гвоздев и др.

Между тем я умею писать только *изобретая*, только высказывая мысли, которые никем не высказывались. Остальное совсем не занимает меня. Излагать *чужое* я не мог бы.

Женя вторично сломал себе руку (на «Гамлете»). Опять гипс на целый месяц.

С Гулей очень плохо. Институт изгнал его — навсегда, — и он угодил в солдаты. Его уже угнали куда-то.

14 декабря. Вчера вечером были у меня Ваня Халтурин и Вера Вас. Смирнова (у которых нынче летом утонул замечательный сын) — и Берестов. Мне очень хотелось отвлечь Халтурина и Смирнову от гнетущей тоски, а также познакомить их с поэзией Берестова, которая снова — после долгого охлаждения — стала для меня обаятельной.

Он в последнее время многое в своих старых стихах изменил — к лучшему.

Женя кормит ошалелых от холода воробьев. Сначала кормил троих — но, очевидно, существует «Воробьиная газета» — сейчас их прилетает к нему до 70.

Валя Берестов похож на юного Шостаковича — даже цветом волос и прической — и та же душевная тональность.

Надо бы мне браться за Слепцова, за Блока, но я вдруг увлекся опять «Бибигоном». Хочется ввести в него Цинцинеллу, — но как?

Я получил письмо от своей любимой писательницы Веры Пановой.

15 декабря 55. Как сильно переделывает Берестов свои стихи! «Срочный разговор» он на моей памяти переделывал раз шесть — и вот вчера прочитал в новой редакции.

Сутугина-Кюннер из Сенгиля просила меня достать для нее лекарство Theophedrin. Я достал. Набил ящик сахаром, конфетами, положил туда лекарство — но послать невозможно: почта в Одинцове закрыта, а в Баковке очередь человек 60. Женя в лютый мороз взялся отправить эту посылку, потерял часов пять-шесть, теперь лежит; боюсь, не простудился ли. Сегодня с ним большой разговор о книгах: он терпеть не может Диккенса — и не понимает, как можно любить Достоевского. Больше всего он любит «Мертвые души» и... «Двенадцать стульев».

У меня вялость мозга — катастрофическая. Думаю, что мне уже ничего никогда не написать.

Корплю над страницами и ничего не могу вы-
жать из своего склерозного мозга.

1955

Завтра в Дом детской книги.

Читаю Конан Дойла — его последние рассказы о Шерлоке — как плоско и тупо. Тагер пишет своего «Ваську Буслаева» — и как я ни стараюсь питать к ней симпатии, никак не могу — хотя она как будто и не плохой человек, но — какой напористый, цепкий и хваткий!

Была у меня сегодня Тамара Владимировна, жена Всеволода. Оказывается, что опера, состряпанная Кабалевским из «Бронепоезда», — оказалась прегнусной халтурой и, должно быть, не имела никакого успеха.

2 января. Провожу мои дни в оцепенении. Ничего не делаю, все валится из рук. Если мне 74 года, если завтра смерть, о чем же хлопотать, чего хотеть. Одиночество мое полное: вчера, в день Нового года, не пришло ни одного человека: я просидел небритый в комнате Марии Борисовны — и читал попеременно (просто потому, что книги лежали рядом) «Подросток» Достоевского и дурацкие бездарные приключения Шерлока, написанные Холмсом в конце жизни.

31 декабря с Женей случилась обычная история: он взял без моего разрешения «Победу» — был настигнут Орудом, пытался скрыться бегством, Оруды гнались за ним, настигли его на даче Перцова, арестовали машину, он целый день выручал ее, и я увидел, что я так же гожусь в воспитатели, как, например, в землекопы. Главная беда — равнодушие, обмотавшее меня, как паутиной. Когда прибежал ко мне Перцов и рассказал историю с Женей, и я пошел в сарай, где приютилась «Победа», и увидел, что он пуст, я должен был симулировать волнение, так мне было все равно.

Сейчас мои литературные дела обстоят так. «Бибигон» уже в производстве. Скоро выйдет в свет — укороченный, оскопленный. Уже после того, как он ушел в производство, я присочинил к нему ряд новых эпизодов, снова ввел Цинцинеллу и предложил издательству издать «Бибигона» в окончательном виде. Оказалось, это — невозможно. То есть возможно, но... нужно делать новый макет, нужно ехать в Ленинград к Конашевичу, чтобы он сделал новые рисунки, нужно задержать мой сборник, куда тоже войдет «Бибигон». Я махнул рукой — и оставил худшую редакцию сказки.

Книга «От 2 до 5» принята к изданию Домом детской книги. Я дал туда главу о сказке — с последней подглавкой о Васьковском. По разным намекам я понял, что эта подглавка не пройдет — в ней слишком много резкой (и справедливой) полемики. Сейчас я переделал эту главу — к худшему. Авось пройдет.

В тех поправках, которые Елена Мих. вносит в переводы Конан Дойла, нет ни артистизма, ни находчивости.

1956

21 февраля. Сплю третью ночь с нембуталом — годовщина смерти Марии Борисовны. И нужно же так случиться, чтобы именно на этот день была назначена операция Жени. За все это время, начиная с августа, у Жени не заживает рука — кости не срастаются, я показывал его многим хирургам, возил к самому Приорову в Травмотологический институт. Бургман повел Женю к хирургу Еланскому Николаю Николаевичу, огромному мужчине («самому большому из всех маленьких хирургов» — как выразился Бургман) — и тот, посмотрев на Женину руку, определил: немедленно делать операцию, вбить в кости гвоздь, для чего и положил его в больницу. Операция мучительная: будут делать под наркозом — и потом будет долго болеть, да и поможет ли? Что делать? С кем посоветоваться? Я боюсь всяких гвоздей.

Умирают кругом — без конца. Умер Тарасенков — «для бедной легковой тени не нахожу ни слез, ни пени»*.

Замечателен, мажорен, оптимистичен, очень умен XX съезд, — хотя говорят на нем большей частью длинно, банально и нудно. Впервые *всякому* стало отчетливо ясно, что воля истории — за нас. Сегодня приедут Лида, Коля, Марина — разделить мое горе — как будто *такое* горе можно разделять!

28 февраля, вторник. Сегодня Н. Н. Еланский делает Жене операцию. Говорят, Еланский очень хороший хирург, хотя говорят о нем всякое. Живет он, оказывается, в Переделкине. Волнующься ужасно. Места себе не нахожу.

Третьего дня Бек принес мне «Литературную Москву», где есть моя гнусная, ненавистная заметка о Блоке. Я, ничего не подозревая, принялся читать стихи Твардовского — и вдруг дошел до «Встречи с другом» — о ссыльном, который 17 лет провел на каторге ни за что ни про что, — и заревел. Вообще, сборник — большое литературное событие. В нем попытка дать материал очень разнообразный, представить литературную Москву со всех сторон — особенно с тех, которые было невозможно показывать при Сталине. У Казакевича в романе о Советской армии наряду с героями показаны прощелыги, карьеристы, воры — и т. д. Но гнусен Шкловский. Скучная голова. Взял по письмам Крамского, по толстовскому дневнику, по материалам, лежащим сверху, состряпал статейку о том, как Крамской писал портрет Толстого, — причем в его первоисточниках все это лучше, а потом заставил Тол-

стого и Крамского разговаривать (опять цитаты из готовых материалов!) и получилось, как будто разговаривают два Шкловских — Шкловский со Шкловским.

В феврале я заново переработал «Бибигона» — это 12-й вариант. Сегодня возьмусь за Репина.

4 марта. Сейчас был у меня Казакевич. Пришел Оксман, приехал Коля. Казакевич весь вечер бурлил шутками, остротами, буффонил, изобретал комические ситуации, вовлекая и нас в свои выдумки. Среди них такая: вдруг в «Правде» печатается крупным шрифтом на третьей странице: «В Совете Министров СССР. Вчера в 12 часов 11 минут считавшийся умершим И. В. Сталин — усилиями советских ученых ВОСКРЕШЕН и приступил к исполнению своих обязанностей. Вместе с ним воскрешен и заместитель Председателя Совета Министров Лаврентий Павлович Берия».

И никто даже не удивился бы.

Сегодня я впервые заметил, какой у Казакевича высокий, думающий лоб — и какой добрый, щедрый смех.

Он рассказал анекдот. Едет в поезде человек. Сосед спрашивает, как его фамилия. Он говорит: первый слог моей фамилии то, что хотел дать нам Ленин. Второй то, что дал нам Сталин. Вдруг с верхней полки голос: «Гражданин Райхер, вы арестованы».

Я с волнением прочитал его «Дом на площади» — особенно вторую часть, очень драматичную.

Коля рассказывает, что в новом томе Советской энциклопедии напечатано, будто Лунц (Лева Лунц, мальчик) руководил (!?) «Серапионовыми братьями», из руководимой им группы единственный остался его закоренелый последователь... Зощенко!!!

Как удивился бы Лева, если бы прочитал эту ложь.

Из Третьяковки вынесли все картины, где холуи художники изображали Сталина. Из Военной Академии им. Фрунзе было невозможно унести его бюст. Тогда его раздробили на части — и вынесли по кускам.

Как кстати вышла «Лит. Москва». Роман Казакевича воспринимается как протест против сталинщины, против «угрюмого недоверия к людям». В продвижении сборника в печать большую роль сыграла Зоя Никитина — полная женщина.

Инициатор сборника — Бек. Поэтому Казакевич острит, пародируя Маяковского:

Наш бог — Бек,
Никитина — наш барабан.

Вообще у него манера: сказав остроту, смеяться так, будто ее сказал кто-то другой, будто состригли все со-
беседники, — и оттого получается впечатление дружного остро-
словия, компанейского.

1956

6 марта. Был вчера у Ивановых. Всеволод кончил роман «Мы идем в Индию». 31 печатный лист. Тамара Влад. говорит, что из плана Гослита исключили его Собрание сочинений и заменили Собр. соч. Ленча. Впрочем, кто теперь знает о каких бы то ни было планах! Всеволод утверждает со слов Комы, что все книги, где было имя Сталин, изъеются теперь из библиотек. Уничтожили миллионы календарей, напечатавших «Гимн». Все стихотворные сборники Суркова, Симонова и т. д. будто бы уничтожаются беспощадно.

Большая советская энциклопедия приостановлена. Она дошла до буквы С. Следующий том был целиком посвящен Сталину, Сталинским премиям, Сталинской конституции, Сталину как корифею наук и т. д. На заседании редколлегии «Вопросы истории» редактор сказал: «Вот письмо *мерзавца* Сталина к *товарищу* Троцкому».

Для тех, кто еще вчера лебезил перед Сталиным, единственный метод самооправдания — утверждать, что они и не подозревали о его злодеяниях. Тамара Вл. говорит: «я, как старая идеалистка»... Всеволод утешает ее. «Бурбоны называли Наполеона не иначе как Узурпатором — но прошло 20 лет — и его прах перевезли в Пантеон».

Всев. Иванов сообщил, что Фрунзе тоже убит Сталиным!!! Что фото, где Сталин изображен на одной скамье с Лениным, смонтировано жульнически. Крупская утверждает, что они *никогда* вместе не снимались.

Может быть, Жене делают сегодня операцию.

8 марта (Женский день). Жене действительно вчера делали операцию.

Вечером пришла ко мне Тренева-Павленко. У нее двойной ущерб. Ее отец был сталинский любимец, Сталин даже снялся вместе с ним на спектакле «Любови Яровой», а мужа ее, автора «Клятвы», назвал Хрущев в своем докладе *подлецом*. И вот она говорит теперь, что многое в сообщении Хрущева неверно, что Орджоникидзе никогда не стрелялся, а умер собственной смертью, что снимок «Ленин — Сталин» не фальшивка и т. д.

Вчера Елене Михайловне сообщили, что она РЕАБИЛИТИРОВАНА.

Снился мне Боба в возрасте Жени — очень явственно.
Нужно приниматься за Слепцова.

1956

9 марта. Когда я сказал Казакевичу, что я, несмотря ни на что, очень любил Сталина, но писал о нем меньше, чем другие, Казакевич сказал:

— А «Тараканище»?! Оно целиком посвящено Сталину.

Напрасно я говорил, что писал «Тараканище» в 1921 году, что оно отпочковалось у меня от «Крокодила», — он блестяще иллюстрировал свою мысль цитатами из «Тараканища».

И тут я вспомнил, что цитировал «Тараканище» он, И. В. Сталин, — кажется, на XIV съезде. «Зашуршал где-то таракан» — так начинался его плагиат*. Потом он пересказал всю мою сказку и не сослался на автора. Все «простые люди» потрясены разоблачениями Сталина как бездарного полководца, свирепого администратора, нарушившего все пункты своей же Конституции. «Значит, газета «Правда» была газетой „Ложь“», — сказал мне сегодня школьник 7 класса.

1 апреля 56. *Мне 74 года.* Неинтересно.

13 мая

Воскресенье

Застрелился Фадеев.

Мне сказали об этом в Доме творчества — и я сейчас подумал об одной из его вдов, Маргарите Алигер, наиболее любившей его, поехал к ней, не застал, сказали: она — у Либединских, я — туда, там — смятение и ужас: Либединский лежит в прединфарктном состоянии, на антресолях рыдает первая жена Фадеева — Валерия Герасимова, в боковушке сидит вся окаменелая — Алигер. Я взял Алигер в машину и отвез ее домой, а потом поехал к Назым Хикмету, за врачихой. Та захватила пантопон, горчичники, валерьянку — и около часу возилась с больным, потом поехала к Алигер (она — одна, никого не хочет видеть, прогнала Гринбергов, ужасно потрясена самым плохим потрясением — столбняком), ее дети в Москве, в том числе и дочь Фадеева; Наталья Конст. Тренева лежит больная, приехать не может; все писатели, каких я встречал на дороге, — Штейн, Семушкин, Никулин, Перцов, Жаров, Каверин, Рыбаков, Сергей Васильев ходят с убитыми лицами похоронной походкой и сообщают друг другу невеселые подробности этого дела: ночью Фадеев не мог уснуть, принял чуть не десять нембуталов, сказал, что не будет завтракать, пусть его позовут к обеду, а покуда он будет дремать. Наступило время обеда: «Миша, позови папу!» Миша пошел наверх, вернулся с известием: «папа застрелился». Перед тем как застрелиться, Фадеев снял с себя рубашку, выстрелил прямо в

левый сосок. Врачиха с дачи Назыма Хикмета, которую позвали раньше всего, рассказывала мне, что уже в 15 ¹/₂ часов на теле у него были трупные пятна, значит, он застрелился около часу дня. Семья ничего не слыхала. Накануне у него были в гостях Либединские — и, говорят они, нельзя было предсказать такой конец. Ольга Всеволодовна (жена Пастернака) рассказывает, что третьего дня по пути в город он увидел ее, остановил машину — и весело крикнул: — Садитесь, Ольга Всеволодовна, довезу до Москвы.

Мне очень жаль милого Александра Александровича — в нем — под всеми наслоениями — чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня Сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растленность и казенность находили в нем свое послушное орудие. Он — по существу добрый, человечный, любящий литературу «до слез умиления», должен был вести весь литературный корабль самым гибельным и позорным путем — и пытался *совместить* человечность с гепеушничеством*. Отсюда зигзаги его поведения, отсюда его замученная СОВЕСТЬ в последние годы. Он был не создан для неудачничества, он так привык к роли вождя, решителя писательских судеб — что положение отставного литературного маршала для него было лютым мучением. Он не имел *ни одного друга* — кто сказал бы ему, что его «Металлургия» никуда не годится, что такие статьи, какие писал он в последнее время — трусливенькие, мутные, притязающие на руководящее значение, только роняют его в глазах читателей, что перекраивать «Молодую гвардию» в угоду начальству постыдно, — он совестливый, талантливый, чуткий — барахтался в жидкой зловонной грязи, заливая свою Совесть вином.

В прошлое воскресенье был у меня Бурлюк. Нью-Йорк только усилил его природное делячество. Но мне он мил и дорог — словно я читал о нем у Диккенса. Мы встретились на дороге: Лили Юрьевна везла его к Вс. Иванову. Он, забыв, какие океаны времени прошли между нами, спросил:

— Вы из Куоккалы? Где ваши дети? (воображая, что Коля все еще мальчуган, каким он был во времена Маяковского).

23 июня 1956. Я окончательно понял, что писал эти заметки в никуда, что они, так сказать, заключительные, — и потому торжественно прекращаю их. Но так как я еще не умер, меня интересует практически, кто когда был у меня (ибо я забываю о всяком, чуть только он уйдет от меня), и потому превращаю дневник в книгу о посетителях и практических делах.

Тела давно минувших дней.

25 июня. Была милая Маргарита Алигер — и вечером заговорила о Фадееве, о его смерти, о том, что он в 1954 г. послал в ЦК письмо, не понравившееся там, и он пытался загладить и т. д. И я, возбужденный, не ушел спать и ходил с нею по нашей улице.

3 августа. Вчера у меня были: Гудзий с женой, Эйхенбаум, Берестов, Катанян; третьего дня был Бонди.

Бонди читал свою статью для Литгазеты о Дм. Дм. Благоем. Статья еще тусклая — неестественная смесь учености с фельетонизмом. Устные его филиппики против Благоем были в тысячу раз сильнее.

Катанян прочитал хранящуюся у него записку Т. А. Богданович о Маяковском — чудесную записку, правдивую, точную, задумчивую.

Я прочитал стенограмму речи, произнесенной Оксманом 18 июня 56 г. в Саратовском университете при обсуждении книги В. Баскакова. Речь, направленная против «невежества воинствующего, грубо претенциозного, выращенного в столичных инкубаторах, воспитанного годами безнаказанного конъюнктурного лганья и беспардонного глумленья над исторической истиной». Речь потрясающая — и смелая, и великолепно написанная.

Гудзий пишет об Ив. Франке. Я корплю над Дружининым и «Сочинениями» Слепцова.

Женя готовится к экзаменам в ГИК.

В понедельник была у меня Алигер, читала письма к ней А. А. Фадеева, спрашивала совета, публиковать ли их. Оба письма — пронзили меня жалостью: в них виден запутавшийся человек, обреченный гибели, заглушающий совесть.

Вчера Женя рассмешил меня за ужином — цитатой из «12 стульев», которые он знает наизусть. Я захлебнулся чаем — и минут 10 задыхался. Потом все прошло.

Сейчас была Анна Ахматова с Лидой. Она виделась с Фединым, он сказал ей, что выйдет книга ее стихов под редакцией Суркова.

Я позвал на свидание с ней Сергея Бонди. Бонди прочитал неизвестное письмо Осиповой к Александру Тургеневу — очень изящно написанное, но ни единым словом о том, что говорил Пушкин за два дня до дуэли с ее дочерью Евпраксией. Ахматова

рассказывала, какой резонанс имела в Америке ее статья о «Золотом петушке», основанном на новелле Вашингтона Ирвинга.

1956

У меня гостит Вера Алекс. Сутугина-Кюннер, которую я из сантимальности выписал из Сенгиля*.

10 августа. Вчера у Жени украли фотоаппарат «Киев», стоящий 3.500 рублей.

Вчера была у меня Маргарита Алигер — ей *очень* понравилась моя статейка о Чехове — для сборника «Лит. Москва». Она специально пришла сказать мне об этом.

1-ое сентября 1956. Был вчера у Федина. Он сообщил мне под большим секретом, что Пастернак вручил свой роман «Доктор Живаго» какому-то итальянцу, который намерен издать его за границей*. Конечно, это будет скандал: «Запрещенный большевиками роман Пастернака». Белогвардейцам только это и нужно. Они могут вырвать из контекста отдельные куски и состряпать «контрреволюционный роман Пастернака».

С этим романом большие пертурбации: Пастернак дал его в «Лит. Москву». Казакевич, прочтя, сказал: «оказывается, судя по роману, Октябрьская революция — недоразумение, и лучше было ее не делать». Рукопись возвратили. Он дал ее в «Новый Мир», а заодно и написанное им предисловие к Сборнику его стихов*. Кривицкий склонялся к тому, что «Предисловие» можно напечатать с небольшими купюрами. Но когда Симонов прочел роман, он отказался печатать и «Предисловие». — Нельзя давать трибуну Пастернаку!

Возник такой план: чтобы прекратить все кривотолки (за границей и здесь) тиснуть роман в 3-х тысячах экземплярах, и сделать его таким образом недоступным для масс, заявив в то же время: у нас не делают Пастернаку препон.

А роман, как говорит Федин, «гениальный». Чрезвычайно эгоцентрический, гордый, сатанински надменный, изысканно простой и в то же время насквозь книжный — автобиография великого Пастернака. (Федин говорил о романе вдохновенно, ходя по комнате, размахивая руками, — очень тонко и проникательно, — я залюбовался им, сколько в нем душевного жара.) Заодно Федин восхищался Пастернаковым переводом «Фауста», просторечием этого перевода, его гибкой и богатой фразеологией, «словно он всего Даля наизусть выучил». Мы пошли гулять — и у меня осталось такое светлое впечатление от Федина, какого давно уже не было.

Читаю Писарева, и мне кажется, что мне снова 14 лет.

Третьего дня вышло новое издание «От двух до пяти». Книжка стала серьезной, чеканной, стройной. Нет ни одной мысли, которую я списал бы откуда-нибудь — вся она *моя*, и все мысли в ней мои. Ее издать надо было серьезно, строго, просто, а издали ее вычурно, с финтифлюшками, с плохими детскими рисунками.

Женя, к моему изумлению, отлично сдал все экзамены в ГИК. Даже по истории получил пятерку. И рука у него как будто заживает.

С «ЛитМосквой» вышел такой анекдот: я дал туда статью о Чехове, Коля — рассказ «Бродяга», Лида — статью. Вся семья в одном альманахе!!? Неудобно. Пришли ко мне Казакевич и Алигер, встали на колени — разрешите перенести Вашу статью в 3-й альманах, иначе у нас получится «Чуковская Москва». Я согласился. Но теперь им страстно хочется вместо Лидиной статьи тиснуть мою. Я протестую: для Лиды напечатание ее статьи — вопрос жизни и смерти; она написала эту статью по заказу «Нового Мира», оттуда ее вернули. Она дала статью в «Молодую гвардию». Вернули. Впрочем, и с моей статьей о Чехове то же самое: ее вернули из «Нового Мира» и «Знамени».

Вчера Серов-самозванец («В. А. Серов») напечатал в «Правде» статью в защиту черносотенства в искусстве.

2 сентября. Был у меня третьего дня профессор Оксфордского университета по фамилии Берлин. Необычайно образованный человек; он говорил, что в Англии появился новый чудесный перевод «Былого и дум», который очаровал англичан. Впервые имя гениального Герцена привлекло к себе внимание широких кругов (по его словам, письма Герцена к Гервегу хранятся в Британском музее). Он читал о Герцене лекцию по лондонскому радио — и это вызвало сочувственные отклики огромной семьи Герцена, ныне живущей в Швейцарии. Сам он пишет о Белинском. Знает хорошо мои книжки — даже «Мастерство Некрасова».

Был у меня Володя Швейцер — впоследствии фельетонист (псевд. «Пессимист») и киношник. Я когда-то давал ему уроки по 3 рубля в месяц, он помнит Одессу — и меня молодого, и маму, и Марусю — рассказывал такое, что я совершенно забыл.

13 сентября. Завтра я еду в Узкое.

Книга моя «Люди и книги» подвигается черепашим шагом. Очень, очень соблазняет меня мысль издать книгу «Люди и книги» в двух частях: в первой шестидесятники — Слепцов, Успенский и др., во второй Чехов, Горький, Леонид Андреев, Блок.

Был вчера у Всеволода Иванова. У него очередное крушение. Его роман «Путь в Индию» отказались печатать: «Октябрь», изда-

тельство «Молодая гвардия». Из «Молодой гвардии» он третьего дня получил грубое письмо с отказом. Тамара Владимировна страшно возбуждена. Ей и в голову не приходит, что, возможно, роман плохой. Она видит причины в боязни редакций печатать такой смелый роман. В Гослите ни за что не хотели печатать Собр. соч. Всеволода Иванова. Но Там. Вл. повела такую атаку, так терроризировала Котова, Пузикова, что они согласились в конце концов подписать договор. Всеволод Вяч., как всегда, благодушен, мил, спокоен.

1956

14 сентября. Приехал в Узкое. По дороге узнал об изумительном событии: Татка родила двух мальчиков. Итак, я еще до смерти с сегодняшнего дня имею *трех* правнуков. Здесь — Шапорин, Козарницкий, Корнелий Зелинский, — химики, — философы. Я сижу за столом с Аплетиным, Михаилом Яковлевичем. Мы гуляли с ним, и [он] рассказывал много о Китае.

Поражен талантливостью Бена Ивантера. Его «Моя знакомая» лучший рассказ, какой я читал за последние годы. Все, что есть в женщине самого женского, чудесно опоэтизировано и возвеличено здесь. И как великолепно дана обстановка: Украина, редакция журнала и люди, хохол Однорог, его жена, обе Галины и хамло Колесаев. Если бы такой рассказ написали Леонов или Всев. Иванов, их приподняли бы до небес, — а Ивантер — кто же ждет от Ивантера такого проникновения в жизнь, и такой человечности, и такого искусства. И какое великолепное в рассказе начало, и как он чудесно построен, и сколько в нем юмора и доверия к женской душе.

Послал Пожаровой 400 рублей для отравления кошек. У нее, она пишет — рак. И если не кончат жизнь самоубийством, то лишь потому, что ей жаль живущих у нее кошек. Их надо убить по-научному, а для этого нужны деньги — и я как идиот выслал ей — сам не знаю, почему.

В общем «Том Сойер» — очень наглая книга. Твен даже не знает возраста Тома. Судя по рисунку мальчишки (который он сделал для Бекки) — ему самое большее 4 года, судя по его отношению с теткой — 7 лет, а похищает он золото у Индейца Джо как 18-летний малый. Поэтому художники никогда не могут нарисовать Тома, всегда выходит брехня. Всю художественную правду Твен истратил на бытовые подробности, на изображение детской психики — здесь он гениален (равно как и в разговорном языке персонажей) — а все adventures¹ заведомая чушь,

¹ приключения (англ.).

1956 ради угождения толпе. Угодливость Твена доходит здесь до того, что он заставляет своих героев в обеих книгах — и в «Томе» и в «Гекльберри Финне» — находить в конце концов кучи долларов.

17 октября. Надо писать о Блоке, а я как идиот перевожу заново «Тома Сойера» и не могу выкарабкаться из этой постылой работы. С Женей дело мало-помалу улаживается. Он поглощен институтом. У него вроде как бы неплохие товарищи, но почему он *ничего* не читает, почему не может провести в одиночестве ни единого часу, почему считает неинтересным все кроме техники? Ведь в нем есть рудименты интереса и к человеческой психологии, и к хорошим стихам, и к книгам — но именно рудименты, заглушенные жизнью.

17 октября. Был вчера Каверин, рассказывает, будто секретарь Хрущева вдруг позвонил Твардовскому. «Н. С. велел спросить, как вы живете, нуждаетесь ли в чем-ниб., что вы пишете», и т. д. Твардовский ответил: «Живу хорошо, не нуждаюсь ни в чем». — «А как ваш «Василий Теркин на том свете»? Что вы думаете с ним делать?» — «Думаю напечатать». — «Вот и хорошо. Теперь самое время».

Твардовский «исправил» эту поэму чуть-чуть, но основное оставил без изменений. Тот же Хрущев в свое время разнес его за эту поэму — теперь наступили «new times»¹.

Тот же Каверин рассказывает, что на совещании драматургов Н. Н. Михайлов вдруг как ни в чем не бывало наивно спросил: почему не ставятся пьесы Булгакова — напр., такая чудесная пьеса, как «Бег». А Каверин на днях поместил в журнале «Театр» как раз статью о «Беге», которая лежала в редакции 6 месяцев. Во всем этом Каверин видит «симптомы».

Был я вчера у Татки. Два мои правнука — «вытесняющие меня из мира», лежат, как невинные, на письменном столе. Очень милые — Боба и Юра.

Я все еще сижу над «Томом Сойером», хотя и сознаю, что это — самоубийство.

25 декабря. Куда девалась предыдущая тетрадь, не знаю.

Вчера была милая Лида, написавшая мне письмо, которое при сем прилагается. [Вклеено письмо. — Е. Ч.]

Дорогой дед, сейчас — ночью — мне звонила Алигер в отчаянии, до нее дошли слухи, что ты опять волнуешься Чехо-

¹ «новые времена» (англ.).

вым и сроками. Она прямо плачет в телефон — и, по правде сказать, я думаю, что тебе пора перестать терзать их и терзаться самому. Несомненно, что они сделают все, чтобы напечатать скорее и почетнее, а так как сейчас это лучшее место и лучшие люди (из действующих), то мой тебе совет — смирись. И успокойся.

1956

За советы не серчай,
Лучше пей горячий чай.

Дело в том, что я — в качестве одного из редакторов «Москвы» — показал свою статью о Чехове Атарову, который очень хочет печатать ее в 1-м номере журнала. Но я еще летом сдал ее «Литературной Москве» (альманаху). Статью горячо одобрили Каверин, Алигер, Казакевич. Они наметили ее печатание в 2-м альманахе, но так как в альманахе должны были напечататься и Лида и Коля, они попросили меня отложить моего «Чехова» в 3-й альманах. Я согласился, — иначе они отложили бы статью Лиды.

Но цензура задержала 2-й альманах и держала его под спудом 2 1/2 месяца, третий еще неизвестно когда пойдет в производство, Атаров же хочет печатать «Чехова» сию минуту. Мне это было бы очень выгодно, но рыцарские чувства не позволяют мне изменить «ЛитМоскве», тем более что я очень люблю Казакевичей (всех, всю семью, особенно Олю и Женю), связан старой дружбой с Кавериним и верю в душевное благородство Алигер. Отсюда — мое страдание. Когда звонит Атаров (умный, энергичный, глубоко человеческий), мне хочется отдать Чехова ему (да и личный интерес очень велик), когда звонит Алигер, я забываю всякие личные интересы, и мне хочется от всей души, чтобы они не потерпели ущерба. Хуже всего то, что и Атаров, и Алигер, и Казакевич недавно открылись мне своими светлыми душевными качествами, они в моих глазах (вместе с Твардовским) воплощают благороднейшую линию советской литературы, и я так горжусь их добрым отношением ко мне. Из-за этих мучительных разговоров я совсем развинтился, абсолютно не сплю — даже со снадобьями — и бросил писать (о Блоке, о Квитке, о Леониде Андрееве) — спешно, для книги «Люди и книги», которую я уже сдал в Гослит.

Книга моя недописана: даже о Слепцове нужно расширить новым материалом.

Читаю Samuel'a Butler'a¹ «Erehwon» — сатиру-утопию, очень разрекламированную в английской прессе. Она не поднимается

¹ «Erehwon» — nowhere (анаграмма английского слова «нигде»). По-русски роман называется «Едгин».

выше посредственности — язык хорош, но образы схематичны, и воображение не слишком богатое, робкое. Чем же объяснить шум, вызванный ею в английской прессе? Прочитал я также книгу Эстеллы Стед «My Father»¹ — о Вильяме Стеде, журналисте, который гремел в мое время как редактор «Review of Reviews»². Все пошлости и миражи, которые создавал XIX век — «Армия спасения», «Спиритизм», «Джингоизм»³, миротворчество в Гааге — всему этому отдавал свою пустую душу William Stead. Он — воплощение всех суеверий этого ничтожно-великого века. Сенсационалист, саморекламист, он и умер саморекламной смертью — утонул на «Титанике».

Пишу о Блоке. Отношения наши долго не налаживались. Я не любил многих, с кем он так охотно водился: расхлябанного, бесплодного и ложно многозначительного Евгения Иванова, бесцветного, моветонного Георгия Чулкова, бесталанного Александра Гиппиуса, суховатого педанта Сюннеберга, милого, но творчески скудного Пяста и т. д. На Георгия Чулкова я напал в «Весах» как на воплощение бездарной «символочи», компрометирующей символизм. Статья эта в 1904—5 гг. возмутила Блока, а в 1919 году он говорил мне, что вполне с ней согласен. И хотя мы очень часто встречались в Териоках, где был Старинный Театр, у Мгеброва и Чекан, у Руманова (в «Русском Слове») на Морской, у Ремизова, в «Вене», у «Лейнера», у Вяч. Иванова, у Аничковых, мы встречались, как чужие: я — от робости, он от пренебрежения ко мне. В театре нам случилось сидеть рядом в партере — как раз в тот день, когда был напечатан мой фельетон. Он не разговаривал со мной, когда же я спросил его о фельетоне, он укоризненно и гадливо сказал:

— Талантливо, — словно это было величайшее ругательство, какое только известно ему.

Сейчас перечел «Записные книжки» Блока (Медведев — редактор). Там упомянута Минич — и о ней ссылка: «поэтесса». Я знал ее; это была невысокого роста кругловатая девушка, подруга Веры Германович. Обе они влюбились заочно в Блока и жаждали ему отдаться. Поэтому считались *соперницами*. Германович написала ему любовное письмо, он возвратил его ей и написал сверху: «Лучше не надо». Или «пожалуйста, не надо».

Упомянут там и Мейер, которого я знал в Одессе. Он был сперва революционер, приносил мне пачки прокламаций, кото-

¹ «Мой отец» (англ.).

² «Обзор обзоров» (англ.).

³ «Джингоизм», от jingo — джинго, кличка английских шовинистов.

рые я прятал в погреб, — потом стал неохристианином. Всю жизнь оставался бедняком. Иногда приходил ко мне ночевать — и нудными словами пытался обратить меня в православие.

1956

26 декабря. Болен. Горло, кашель, банки, слабость. Читаю Кони — его судебные речи. Нисколько не гениально, но метко, умно, благородно, с глубочайшим знанием жизни. Некоторые речи (вместе со вступлениями) стоят хорошего романа: удушение жены Емельянова, подлог расписки княгини Щербатовой, убийство Чихачева — обобщенная правда о русском человеке, о дрянности не только тех, кто совершил преступление, но и тех, против кого оно было совершено. Солодовников был миллионер, которого *стоило* обокрасть, Филипп Истраки был ростовщик, которого *стоило* убить, и, пожалуй, Емельянова была женой, которую *следовало* утопить. Когда я познакомился с Кони, его судебская слава была позади. Он был для всех нас — писатель и праведник, — даже более, чем писатель. Иногда он казался пресноватым, иногда витиеватым — но действительно ему было свойственно почти неестественное благородство: Ада Полякова, Викт. Петр. Осипов, Евгений-Максимов, я — всем он делал огромное, бескорыстное добро. Нужно бы написать о нем. Но писание стало таким трудным процессом для меня — особенно теперь, когда я болен. Проклятая история с «Чеховым» — совершенно лишила меня способности выражать что бы то ни было на бумаге.

Надо писать о Блоке. Как нежно любил он меня в предсмертные годы, цеплялся за меня, посвящал мне стихи, писал необычайно горячие письма — и как он *ненавидел* меня в 1908—1910.

29 декабря. Решительно нет времени писать даже этот дурацкий дневник.

Вчера был Коля: приехал из Болгарии; — эта страна очень полюбилась ему; и он так подробно рассказал о болгарском языке, о его словаре и грамматике, словно провел там не меньше года.

Пишу о Кони (заметку в «Литгазету»), правлю корректуру Слепцова и делаю много другого ненужного, а до Блока руки не доходят. Была вчера у меня милая, милая М. Ф. Лорие.

30 декабря. Был я сегодня у Федина — просил меня Зильберштейн спросить Конст. Ал-ча, когда он может явиться к нему с материалами по новому (советскому) тому «Литнаследства». И как всегда — ушел из его кабинета к Вареньке и Костеньке. Костенька *впервые* осознал елку — и очень чисто произносит: Дед Мороз — и показывает на него пальцами (под елкой), а Варенька

стала показывать мне подарки, которые получила она в день рождения, и я заметил, что Федину как будто досадно, что я покинул его, он все время порывался рассказать мне какую-то историю. Я ушел и в Доме творчества узнал от Фриды Вигдоровой, что было у Фурцевой собрание писателей, где Смирнов назвал Симонова троцкистом, «Новый Мир» троцкистским журналом, Паустовского — контрреволюционером и т. д., а заключил свою речь, что он готов стать на колени, чтобы писателям дали квартиры. После этого слово предоставили Федину. Федин сказал, что он тоже готов стать на колени, чтобы писателям дали квартиры, но при всем том он не согласен ни с одним словом Смирнова: Паустовский честный советский писатель, Симонов в настоящее время отсутствует, он с честью отстаивает советские интересы в Индии — и судить его в его отсутствие неэтично, что же касается «Нового Мира» и романа Дудинцева, нельзя не признать, что в их направлении много благородства и правды; он, Федин, вполне солидарен с их направлением, хотя и считает роман Дудинцева — незрелым. Вообще, — сказал он, — все эти расправы с писателями ни к чему не приводят, воспитывать писателей дубиной нельзя. Одно дело сделать тончайшую хирургическую операцию глаз, другое — шарахнуть по голове дубиной.

— Так вы нас считаете дубинами? — спросила Фурцева.

Федин уверил, что нет, но все же после его речи заготовленная резолюция была отменена и — можно считать, что на этот раз дубинка отложена в сторону. Фурцева в дальнейшем разговоре несколько раз ссылалась на Федина: «как сказал Константин Александрович».

Он в своей речи сказал между прочим: как вы хотели бы воспитывать, напр., Пришвина? Кто мог бы воспитывать его? Разве что сам Тимирязев.

Фрида ликует. Была у меня Маргарита Алигер, принесла в подарок «ЛитМоскву». Колин рассказ чудесный (чуть-чуть длиновато в середине), очень уверенный рисунок, скупые краски, верно наложенные, отличный сюжет. Заглавие «Бродяга» не годится. Гвоздь — стихи Заболоцкого. «Старая актриса» чудо — и чувства, и техника. Пьеса Погодина по замыслу — отличная, по выполнению посредственная. Два доносчика — Клара и О., и оба оказываются милыми людьми. Записи Олеси претенциозны, Цветаева то очень хороша, то ужасно плоха, — в общем же альманах никем не редактируется — строгого отбора нет.

Сегодня — в последний день нового года — мороз. «Оттепели не предвидится!» — острит Ивич.

Встретил жену Кирпотина, она тоже здесь. Ви-
дел Живова, Раскина — и больше никого. Сажу в
своей мурье — и пятый день пишу с утра до вечера все один кусок
(строк 12) для «Лит. газеты» — и ни черта не выходит.

Самая умная статья в «Лит. Москве» — Александра Крона: о те-
атре. Острая, полная неотразимых силлогизмов. Рядом с нею раз-
дребеженная, шаткая, валкая, претенциозная статейка Олеши ка-
жется еще более жалкой. Читал Бернарда Шоу — «Дом вдовца» и
т. д. — холодные, мозговые продукты без тени вдохновения — и
жизни. Так дожил до

до которого не чаял дожить никогда. Весь прошлый год я жил в идиотских трудах. Зачем-то два месяца истратил на редактирование Конан Дойла, месяц переводил «Тома Сойера» — зачем? зачем? — и для Блока, Слепцова, мемуаров не осталось времени. Идиот. Душегуб.

1 января. Вышел в 5.30 утра на балкон. Звезды как апельсины. Морозно. Снег — как декорация. Сажусь за постылую заметку о Кони. Как раз под Новый Год разбился термос Марии Борисовны, который я берег с теплым чувством, — и это происшествие суеверно укололо меня.

Кони: я прочитал его книгу. Есть блестящие места, но какое самолюбование, сколько раз он сообщает, красуясь и рисуясь, как благородно он ответил такому-то, как ловко он срезал такого-то, и т. д., и т. д. Язык местами хорош, а местами канцелярский, с типичными судейскими цитатами, крылатыми словечками, истасканной рухлядью адвокатского жаргона.

4 января. На душе муть, тошнота. Всю ночь томит меня сознание непоправимой ошибки. Вчера я пришел в Гослит. Зашел в производственный отдел. Спросил: когда, по-вашему, выйдет 3-я книга «Лит. Москвы»? Может ли она выйти в марте? Там расхохотались. «Ни за что! Никويم образом! Дай бог, чтобы в мае. И то не наверняка». Это так взбеленило меня, что я бросился сдурю в «Москву» — и сказал: «Берите моего Чехова». Я не буду печатать его в «Лит. Москве». И пошел в «ЛитМоскву»: отдайте мне моего Чехова. И только что я это сделал, я почувствовал, что поступил подло, предательски; вдруг мне стало ясно, как люблю я Алигер, Казакевича — и главное, как люблю я «ЛитМоскву», единственный *благородный* литературный орган в это пошлое, страшное время. Теперь уже поздно, но как я не по-чеховски поступил со

своим «Чеховым» — и этого я себе никогда не прощу. О, почему не пришла ко мне 1-го Маргарита Алигер — как обещала. Хотела придти — мы почитали бы стихи — побеседовали бы, и я почувствовал бы связь с «ЛитМосквой».

В «ЛитМоскве» всех раньше всего будоражит статья Крона, меня же — стихотворение Заболоцкого «Старая актриса» — мудрое, широкое, с большими перспективами. И почему я ухожу от этой группы лучших писателей, наиболее честных и чистых — и связываю себя с чужаками, — неизвестно. Всякая подлость раньше всего непрактична.

Чтобы отвлечься от горя, я пошел к К. А. Федину. Мы пошли гулять. Снежно, не холодно, ветер. Он рассказал, что в Гаграх, где он был, на улице огромная картина «Утро родины» (Сталин среди полей*) освещается прожекторами — и рядом памятник Сталину; из Турции на грузинском языке передается по радио нечто вроде «БиБиСи для бедных», эта передача начинается пением грузинского национального гимна, а кончается гимном в честь Берии. Изю всех раскрытых окон раздается голос радио:

«Слава Берии, Берии, Берии!»

Очень подробно рассказал Федин о своем выступлении у Фурцевой. Говорил о романе: Кирилл Извеков в 1937 г. по ложному навету пострадал и в результате очутился в Туле, на пониженной должности. Цветухин окажется в Бресте и т. д. Но я слушал его сквозь душевную муку. Для успокоения стал читать переписку Победоносцева с Александром III*. Потрясающее по своей тупости письмо Д. Щеглова, бывшего товарища Добролюбова, который превратился в фанатика-черносотенца, вызывающего гадливость даже в других черносотенцах. Чичерина записка и письма Сиона — и дело Катакази — и процесс первомартовцев — интереснейшая, но совершенно неизвестная книга. Пытаюсь писать о Блоке, но все валится из рук.

6/1. У меня есть особый способ лечиться от тоски и тревоги: созвать к себе детей и провести с ними часов пять, шесть, семь. Чтобы забытья от моей истории с «Чеховым», я созвал к себе Сережу, Варю (внучку Федина), Иру (дочь Кассиля), Машу и Веру (Таниных детей) — и стал играть с ними в разные игры. К семи часам они очень утомили меня — но сердце отдохнуло, и я отправился спать, чувствуя блаженное спокойствие. И вдруг снизу голос: «Письмо от М. О. Алигер»*, и — сна моего как не бывало. Укол в самое сердце. Я вскочил и стал бегать по комнате. Все мои усилия забытья сразу пошли насмарку; промаявшись до двух часов, я

1957

оболванил себя нембуталом, и вот теперь все мое утро пошло насмарку. Как жестоки все эти люди: Атаров и Маргарита. Каждый день они пилят меня деревянными пилами — вместо того, чтобы понять, что же делается со мной. Они, небось, и спят, и работают, а я превращаюсь в калеку — и вся эта история стоит мне год жизни по меньшей мере.

8 января. 2 письма: одно — от Зощенко, другое — от Сергеева-Ценского. Зощенко пишет скромно и трогательно: не укажу ли я ему, какие рассказы нужно изъять из нового издания его книги, просит совета в деликатнейших выражениях, а Сергеев-Ценский хлопочет о том, чтобы о его «Вале» был отзыв в «Комсомольской правде». Какая жизнестойкость. Человеку девятый десяток, он оглох и почти ослеп — но не теряет ни надежд, ни желаний.

Как упоительно пишет Троллоп. Я читаю его «John'a Caldigate'a», и весь сюжет до того волнует меня, что в трагических местах я оставляю книгу, не могу читать дальше, так «переживаю». И какая уверенная рука в обрисовке характеров, какое знание жизни — и самых глубоких глубин души человеческой. И как все это скромно, словно он и сам не подозревает о своей гениальности.

20 января. Взялся за Уайльда. Мне выдали в «Иностранной библиотеке» — 4 книги о нем. И я залпом читаю все четыре. А «Леонид Андреев», крохотная статейка, — выматывает у меня всю душу. А стол загроможден корректурами журнала «Москва», который отвратительно глуп.

13 февраля. Я уже два дня в Барвихе. Врачи нашли, что я зверски переутомлен, и запретили работать. А я, как назло, привез с собой бездну планов: переработать статью об Оскаре Уайльде, статью о Блоке, начать воспоминания о 1905 годе, написать о Баскакове, но все это — так и останется в виде неосуществленных проектов. Сегодня познакомился с *Шаровым Ал. Ф-чем*, который когда-то устроил перегородку в моей квартире на ул. Горького. Если бы мы пошли нормальным путем — волокита тянулась бы месяцев 8, но загадочный, нечеловечески влиятельный, могучий *Шаров* устроил это росчерком пера. (Он начальник московского строительства.) Познакомился с ивановской ткачихой, говорящей на *о*. Познакомился с женой министра культуры *Михайлова*.

21 февраля. 2 года со дня смерти Марии Борисовны. Машенька дорогая — как хотела ты правды и прямоты — и какой я был перед тобой криводушный! И в литературе я не помню, чтобы она

давала мне женские, дамские советы — слукавить, пренебречь правдой ради карьеры и выгоды.

1957

Здесь отдыхает жена Михайлова, министра культуры.

Были у меня здесь Лида и Коля. Лида стяжала ненависть Детгиза своей статьей «Рабочий разговор»*. Теперь будет вынесена резолюция Союза Писателей, будто Лида ведет какую-то антипартийную (!?) линию. Коля выступил в Президиуме против Ванды Василевской, потом имел с Вандой разговор. Ванда говорит, что в Варшаве русских преследуют, заставляют ходить по мостовой, а не по тротуару, что советские люди там под бойкотом и т. д. Коля уезжает в Малеевку. Любовь читателей к его книге «Балтийское небо» огромна — и библиотечарша, и парикмахерша: «неужели это ваш сын!? Ах, какая прелесть, какой чудесный роман!»

Здесь Маршак. Третьего дня мы говорили с ним три часа, вчера он просидел у меня два часа. Интересно он рассказывал про Андрусона. Андрусон был поэтишка, которого приютил Миролюбов в «Журнале для всех». Неплохой переводчик, но пьяница. Маршак, живя в Лондоне, перевел какую-то повесть — и хотел пристроить свой перевод в каком-нб. русском издательстве. Послал рукопись Андрусону. Тот отнес ее к Н. Н. Михайлову, выдал за свою и получил гонорар.

Маршак обаятелен. За то время, что он здесь, он перевел (буквально у меня на глазах) одно стихотворение Йетса и стихотворение Галкина (с еврейского) — оба стихотворения сразу стали прочными, сработанными раз навсегда. Иногда он повторяется: трижды сказал (по разным поводам), что Данте — петух, разбудивший новую поэзию, русские писатели — сверхписатели, что эстетика должна быть этична, но талантливость так и прет из него. Вчера мы слушали с ним у Семенова пластинки Моцарта и Баха — и было видно, что он всей кровью воспринимает каждый новый музыкальный ход — и вообще интенсивность его духовной жизни поразительна. И хотя он кажется больным, глотает эфедрин, кашляет, но голова у него необычайно свежа и вечно готова к работе. Чудесно говорил он вчера о Фадееве и о Твардовском. Оказывается, Твардовский написал Фадееву суровое письмо, осудил его металлургический роман, высмеял его последние речи, и это очень огорчило Фадеева*.

Вот стихи Маршака, дарственная запись Людмиле Толстой.

На переводах из Бернса:

Пускай мой Роберт милый,
Веселый и простой
Беседует с Людмилой
Ильиничной Толстой.

«Правда неразлучна с красотой», —
Скажут, эту книжечку листая, —
Не любил Шекспира Л. Толстой,
Но быть может, любит Л. Толстая.

Я дал ему прочитать мою книгу «От 2 до 5», и главное его замечание: как это я мог поставить рядом имена: Маршак, Михалков, Барто. И полились рассказы о каверзах, которые устраивала ему Барто в 20-х годах. Самый эгоцентрический человек, какого я когда-либо встречал. Дня три назад он устроил чтение своих произведений — переводы из Бернса, Шекспира и собственные. Здесь есть семья Семеновых (он — дипломат, очень умный, стоял во главе Восточной Германии, был в Норвегии поверенным в делах), жена его худенькая, черная, очень музыкальная, — слушали с благоговением, а я тоскливо думал: какая беспощадная штука старость: ни вдохновения, ни дарования, одна сухая и мертвая виртуозность. Стихи Бернса, переведенные им теперь, как небо от земли отличаются от стихов, переведенных лет 20 назад: в них бывает по 4 рифмы в строфе, рисунок в них четкий, но и только: бесталанные изделия, которые никого не могут тронуть.

И при этом чудесный собеседник, подлинно любит поэзию, и может быть, по привычке я все же его люблю и желаю ему всякого счастья.

7 марта. Вчера Жене сделали операцию. Снова разрезали правую руку от плеча до локтя — вставили гвоздь и зашили. Здесь мне очень худо — одиноко. Пойдешь от тоски к Маршаку, но он умеет говорить только о себе — это очень интересно, но во время тоски — мало утешения в том, что С. Я. был вундеркиндом и в Воронеже, и в Питере, и в Ялте. Он говорит о себе с умилением, которое сдобривает юмором, очень сердечным и ласковым.

Лида третьего дня выступала на пленуме писателей — по секции прозы — снова дразнила гусей под бурные аплодисменты собравшихся. Я вяло — еле-еле работаю над Уайльдом и думаю (гораздо более серьезно) над своим завещанием. Неожиданно — ни сколько о том не заботясь, — я стал зажиточным стариком.

Все еще читаю Фолкнера. Мне очень нравится его почерк. В его романе я нашел слова, прямо относящиеся к здешним отдыхающим: «they had a generally *identical* authoritative air, like policeman in disguise and not especially caring if the disguise hid the policeman

or not...»¹ Главное: все они, в огромном большинстве, страшно похожи друг на дружку, щекастые, с толстыми шеями, с бестактными голосами без всяких интонаций, крикливые, здоровые, способные смотреть одну и ту же кинокартину по пять раз, играть в «козла» по 8 часов в сутки и т. д.

1957

Но о Фолкнере: он многословен, кое-что у него неправдоподобно, но он чудесный психолог, великолепно регистрирующий подспудные бессознательные поступки людей — и у него «нет в мире виноватых» — он возбуждает жалость даже к зверю Кристмасу, зарезавшему бритвой доверившуюся ему женщину, даже к Брану, выдающему своего товарища Кристмаса, чтобы получить премию за донос, — у него прелестный простонародный язык (персонажей), почти каждый эпитет у него свеж, меток, разителен; фабула такая, что нельзя оторваться, и все же он *противный* писатель, тошнотный и мутный, при несомненном таланте.

21 марта. Снова день смерти М. Б.

Вдруг Катя сообщает мне, что меня вызывает проф. Еланский, делавший Жене операцию. Оказалось, что Женья, оставив ночью у себя на койке чучело из одеял, решил убежать из клиники. Отыскал дверь черного хода, добыл (с помощью сообщников) кепку и часы — и с больной рукой проник на улицу, *где его поджидал автомобиль*. Словом, все это было заранее сговорено и подстроено. К счастью, его поймали. Еланский говорит: «Держу его только ради вас, иначе я выгнал бы его к чертовой матери. Умудрился сломать гвоздь, который я вставил ему в прошлом году, вот этот гвоздь (он вынул из ящика), попробуйте согните его!» Обнаружились и другие Женины проделки. Он разъезжал в «Победе» по ночам, не испросив у меня разрешения. Он проваландался до того, как лечь в больницу, где-то «на воле» пять-шесть дней — покуда мы были уверены, что он на больничной койке.

Был вчера у Федина. Он с восхищением говорит о рассказе «Рычаги» (в ЛитМоскве). «То, что описано в «Рычагах», происходит во всей стране, — говорит он. — И у нас в Союзе Писателей. Когда шло обсуждение моей крамольной книги «Горький среди нас», особенно неистовствовала Шагинян. Она произнесла громкую речь, а в кулуарах сказала мне: «великолепная книга». Ну чем не «рычаг»!»

¹ «всем им была присуща *одинаковая* самоуверенность, и потому они напоминали переодетого полицейского, который не особенно беспокоится насчет того, хорошо ли маскирует одежда его службу в полиции...» (англ.).

Был у меня Юрий Олеша. Он задумал целую книгу критических заметок и набросков. О своих любимых книгах. Он умен и талантлив, но с очень коротким дыханием — оттого он так мало написал. (Помню, как восхищался его «Лиомпой» Ю. Тынянов, который вообще ненавидел его одесские «изыски», считая их моветоном.)

Вечером я был у Каверина, коего сегодня выбрали в «Правде»*. Он, конечно, угнетен, но не слишком. «Мы будем продолжать “ЛитМоскву” — во что бы то ни стало». Читал мне отрывки из своей автобиографии. Оказывается, его отец был военный капельмейстер, считавший военный быт нормой человеческого поведения. В доме он был деспот, тиран. И в свою автобиографию Вениамин Александрович хотел ввести главу «Скандалы». Я его отговорил: нельзя слишком интимничать с современным читателем... У Каверина готов целый том критических статей. Целые дни он сидит и пишет. Счастливцев.

27 мая. В жизни моей было много событий, но я не записывал их в эту тетрадь. После того, как пропали десятки моих дневников, я потерял вкус к этому занятию. События были такие: 30 марта праздновали мой юбилей. 75 лет!

Хоть этот срок не шутка,
Хоть мил еще мне свет,
Шагнуть мне как-то жутко
За 75 лет.

Юбилей мой удивил меня нежностью и лаской — количеством и качеством приветствий. Поздравляли меня — меня!!! — и Университет, и Институт Горького, и Академия Наук — и «Крокодил», и «Знамя», и «Новый Мир», и «Пушкинский Дом», и сотни детских домов, школ, детских садов, — и я казался себе жуликом, не имеющим права на такую любовь. Конечно, я понимал, что это — похороны, но слишком уж пышные, по 1-му разряду. Все в Союзе Писателей думали, что меня будут чествовать по 3-му разряду (как и подобало), но столпились столько народу (в Доме Литераторов), пришло столько делегаций, выступали *такие* люди (Федин, Леонов, Образцов, Всеволод Иванов и т. д.) — что вышли похороны 1-го разряда. В качестве честолюбивого покойника, я был очень счастлив и рад.

Второе событие: орден Ленина и его получение в Кремле — вместе с Никитой Хрущевым.

Милый Ворошилов — я представлял его себе совсем не таким. Оказалось, что он светский человек, очень находчивый, остроумный и по-своему блестящий. Хрущев сказал: «наконец-то я вижу

злодея, из-за которого я терплю столько мук. Мне приходится так часто читать вас своим внукам». На их приветы я ответил глупой речью, которая сразу показала им, что я идиот.

1957

Третье событие: я был приглашен правительством вместе с писателями, художниками, композиторами — на банкет под открытым небом. Ездил на правительственную дачу — заповедник — слушал речь Хрущева, длившуюся 4 $\frac{1}{2}$ часа.

Затерял тетрадь и ничего не писал в ней.

[Вложен листок со стихами А. Жемчужникова*. — Е. Ч.]:

Все ждал; то опасался,
То верой был согрет...
Чего ж, гляжу, дождался
Я в 75 лет?

Ведь этот срок — не шутка!
Хоть мил еще мне свет,
Шагнуть мне как-то жутко
За 75 лет.

Я силы в распре с веком
Прошу не для побед:
Остаться б человеком
Мне в 75 лет!..

Иль скажут: «Ты — отсталый.
Лелея старый бред,
Все носишь идеалы
Ты в 75 лет.

К тому ж тебе, по справке,
Судить совсем не след:
Чуть не был ты в отставке
Все 75 лет».

Вдруг спросят там наивно:
За розгу я иль нет...
Мне с новыми противно;
Мне — 75 лет.

1. Три года пережиты;
И все пока — поэт,
Хоть с прозвищем: «маститый»
Я в 75 лет.

2. Под тяжестью их груза,
Один-другой куплет

3. Устал я жить в надежде
На умственный рассвет;
Хоть меньше тьмы, чем прежде —
За 75 лет*.

18 июня. Часа в два звонок. Вадим Леонидович Андреев. В первый раз я видел его в 1903 году, в детской колясочке. С тех пор прошло всего 54 года. Потом — на даче в Вammelсуу (1908—1916), потом в Ленинграде в 1917 — ровно 40 лет назад. В первый раз мне показывала его «дама Шура» — в колясочке, ему было не больше полугода. Сейчас это седоватый, высокий мужчина, с узким лицом, живыми глазами — с печатью благородства, талантливости и — обреченности. Он позвонил мне — из Дома творчества — и через 10 минут был у меня. Мы сели на балконе, и он стал рассказывать мне свою фантастическую жизнь. Анна Ильинична, скупая, тупая, любила одного только Савву, и вскоре по приезду в Париж Вадим оказался буквально на улице. Он хватил лиха, был линотипистом, пробовал пристроиться к литературе, написал несколько книг (в том числе «Воспоминания об отце»), пробыл 25 лет в эмиграции, потом добыл советский паспорт, переехал в США и работает в ООН'е. Я повез его к Ек. П. Пешковой — в Барвиху. По дороге он читал свои стихи — негромкие, но подлинные, чуть-чуть бледноватые — о своем детстве, которое я помню так хорошо. Читает он стихи старинным петербургским напевом, как и его сверстник, Коля Чуковский. Американцы в массе своей ему ненавистны: девочки распутны, мальчишки — кретины. Теперь у девочек мода: мужская рубашка, без штанов или юбки, — «это более неприлично, чем нагота». Рассказывал об Алексее Ремизове — стал в 80 лет писать превосходно, пронзительно, без прежних выкрутас. Юрочка Анненков женился на молоденькой, прислал на какой-то конкурс рассказ (под фамилией Тимирязев) и получил первую премию и т. д. В литературном мире Андреев знает все обо всем — и о Заболоцком, и о Дудинцеве, и о Пастернаке, и о Бунине, и о разных американских писателях. Впечатление произвел он чарующее.

Июнь. С библиотекой происходит какая-то нелепица.

Я обратился к директору московской Межобластной конторы «Лесстройторг» — тов. Филатову Александру Константиновичу. К моему удивлению, голос у него (по крайней мере, по телефону) почти интеллигентный; до сих пор все заправили деревянных до-

мов говорили со мной так деревянно, словно они не люди, а тележные колеса, корыта или бочки — без интонаций — мертво.

1957

23 июня. Вчера я собирался идти спать. Приехали Андреевы (Вадим и его жена) — милые обаятельные, благородные люди! Приехали на 10 минут, так что все время было у них посвящено прощанию. Впечатления от родины у них сложные — но они счастливы тем дружеским приемом, который был оказан им всюду.

30 июня. Был у Казакевича. Остроумен, ёдок по-прежнему. Говорили о Федине — и о его выступлении на пленуме. Федин с огромным сочувствием к «ЛитМоскве» и говорил (мне), что если есть заслуга у руководимого им московского отделения ССП, она заключается в том, что это отделение выпустило два тома «ЛитМосквы». А потом на пленуме вдруг изругал «ЛитМоскву» и сказал, будто он предупреждал Казакевича, увещевал его, но тот не послушался и т. д. Я склонен объяснять это благородством Федина (не думал ли он таким путем отвратить от «ЛитМосквы» более тяжелые удары), но Казакевич говорит, что это не благородство, а животный страх. Тотчас же после того, как Федин произнес эту свою «постыдную» речь — он говорил Зое Никитиной в покаянном порыве: «порву с Союзом», «уйду», «меня заставили» и готов был рыдать. А потом выдумал, будто своим отречением от «ЛитМосквы», Алигер и Казакевича, он тем самым выручал их, спасал — и совесть его успокоилась. «А все дело в том, — говорит Казакевич, — что он стал бездарно писать, потерял талант, растерялся — и захотел выехать на кривой». И рассказал анекдот:

Сумасшедший вообразил себя зерном. Его вылечили. Но проходя мимо курицы, он стал метаться и прятался. Приятель говорит ему: но ведь ты знаешь, что ты не зерно.

— Я-то знаю, но знает ли курица?

Сам-то Федин знает, что «ЛитМосква» хороша, но знает ли это начальство?

Казакевич переводит «Пиноккио»*. С немецкого; перед ним итальянский текст, итальянский словарь.

— Работа эта слишком уж легкая! Переводчики-паразиты брали себе легчайшую литературную профессию. Но я вставляю перо Алексею Толстому!! Буратино умрет во цвете лет. Испортил Алексей такую сказку.

Показал мне «Сердце друга» в переводе на французский язык и на немецкий язык. Две очень изящные книжки. Насчет третьего сборника говорит:

— Мы возьмем тем, что у нас будут самые лучшие в *художественном* отношении вещи. У нас есть дивный Паустовский и чудесный Тендряков — великолепная повесть. Критических статей не дадим. Критика не обязательна в альманахе.

Бодр. Очень умен. Образован. Искренен.

— Не знаю, как я встречу с Фединым. Не подать руки — глупо.

Мы пошли к больному Каверину. В. А. исхудал, жалуется на головные боли — у него воспаление мозговых оболочек, болезнь с греко-латинским названием. О ней он сочинил стихи, остроумно перечисляя в качестве недугов все те обвинения, которые выдвинула против него литературная критика.

Олечка Казакевич встретила меня приветливо и угостила бананом. На костре у нас она читала:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Странно было слышать эти строки в 9-летних устах.

LIBRARY FOR CHILDREN¹

23 июля. Кто такой Филатов? Я никогда не видел его. Знаю, что он начальник Межобластной конторы Лесстройторг и что зовут его Александр Константинович. Около недели назад я послал ему письменную просьбу выделить для моей детской библиотеки «финский домик», и он сказал, что *даст непременно*. Вчера я говорил с ним по телефону, он опять обнадежил меня.

Поверив его обещанию, я сегодня обратился в Литфонд к тов. Ляшкевичу (Дмитрию Ефимовичу) с просьбой продать мне 2000 шт. кирпичу для фундамента. Завтра в Литфонд едет Петр Георгиевич Медведев с моим письмом.

Кажется, я могу предаться мечтам — они накануне реализации. Мне кажется, что к осени у меня за гаражами возникнет просторное здание — не только библиотека, но и читальня, и дом детской книги. Чуть только начнут выводить стены, я обращусь ко всем писателям: к Кассилю, Маршаку, Барто, Михалкову с просьбой прислать в библиотеку свои портреты, чтобы дети видели своих авторов.

Вчера в библиотеку пришла жительница Ташкента 8-ми лет. Она пришла с бабушкой. Бабушка сказала мне, что девочка любит Носова, и, когда я сказал, что знаком с ним, девочка посмотрела на меня.

¹ Детская библиотека (англ.). История ее строительства записана в отдельной тетради. Включаю эту историю в общий дневник (при этом дата «30 июля» встречается дважды). — Е. Ч.

рела на меня с завистью. «Как бы я хотела увидеть его». Портрет Носова тоже нужен. И портрет Пантелеева.

1957

Завтра надо звонить Болдыреву Ив. Сергеевичу: получил ли он приказ от Филатова?

24 июля. Василий Прокопыч (дворник Кассиля) и безработный Петр Георгиевич срубили на участке, предназначенном для строительства библиотеки, два дерева, за что и получили 600 рублей (350 и 250), причем сам П. Г. признал, что это много. А Вас. Прокоп. известный рвач — очень талантливая и колоритная личность.

Он хохол из «куркулей». Ему 70 лет — он хромой и скрюченный, но силы непомерной. Валить огромные деревья и выкорчевывать корни — его специальность. Говорит много и складно, а если почует водку или деньги — в рифму. Так и сыплются из него поговорки и остроты.

Чем объяснить враждебность Литфонда к моему делу? Казалось бы, как не помочь писателю, который уже третий год ведет активную просветительскую работу среди детей рабочих и колхозников. Но Ляшкевич демонстративно уклоняется от всякой помощи этому делу — и предоставляет мне биться как рыба об лед.

25 июля. Звонил Филатову. Он обещал сегодня же дать распоряжение на Лесоторговую базу в Одинцово, чтобы мне отпустили домик. Я просто не поверил ушам. Вчера я посылал Петра Георгиевича в Москву, в Литфонд получить у Ляшкевича приказ, чтобы мне за наличный расчет отпустили 2000 кирпичей (на фундамент).

Вчера собирал с детьми хворост для костра. После бури много отломившихся веток.

Сегодня величайшее событие: я послал Клару и П. Г. Медведева в Одинцово на склад за домиками. Когда они приехали, Филатов позвонил при них заведующему, и на складе разрешили приехать завтра — внести деньги и... получить домик. Сам по себе он стоит 20 500, но всякие причиндалы к нему еще 5000 р.

В газете «Советская культура» напечатано, что строить библиотеку мне помогает Литфонд*. Вздор!! Литфонд до сих пор только мешает мне и тормозит мое дело. Рекомендовал мне пройдоху инженера Семена Осиповича, который, проканителив две недели, в конце концов ничего мне не дал. О том, чтобы мне продали кирпич, я тоже должен умолять Христом Богом.

1957

26 июля. Сегодня утром я с Медведевым поехал на склад — уплатить деньги за дом (взяв с собой 7-летнюю Зиночку, дочь работницы). Иван Серг. Болдырев круто отказал:

— Приказ Филатова до меня еще не дошел. Филатов говорил с главным бухгалтером, а бухгалтер в банке.

Я взбеленился. Но излить своего гнева не мог, т. к. Ив. С. тотчас же вызвали к телефону и он рывкал там не меньше получаса. Это затурканный, раздребезженный человечек — пожалуй, даже симпатичный в своем роде. Участие во мне приняла Елизавета Сампсониевна — замбухгалтер. Она быстро провела через кассу уплаченные ей деньги 20 500 р. — и повела меня по двору склада, где в страшном беспорядке навалены под открытым небом разные бочки, кадки, ящики — в том числе и дома. Увидев стены своей будущей библиотеки, я чуть не запрыгал от радости. Стен очень много — вообще «домик» вдвое больше, чем я ожидал, и сколько еще работы над ним! Нужен фундамент — *не две, а пять с половиной тысяч кирпичей*, а Литфонд отказал мне даже в двух тысячах. Куда податься, кого умолять? Где достать каменщиков? Как уберечь те части домика, которые свезены ко мне на участок, — от дождей. Вчера, например, всю ночь шел дождь, и сегодня идет. На складе все до одного — взяточники, начиная от привратника, кладовщика.

Сейчас в половине восьмого Медведев, взяв у меня пять тысяч восемьсот рублей, отправился пешком на склад за остальными частями домика.

Вчера Нилин порекомендовал мне обратиться в Секретариат Союза Писателей СССР — с жалобой на Литфонд.

Пошел ужасный злой дождь — не дождь, а потоп, — размывает все дороги — и как Медведев привезет сегодняшнюю порцию домика!? И то, что он привез, мокнет под дождем!

29 июля. Весь «домик» находится у меня на участке. Медведев сложил множество досок, дверей, потолков, стен, плиток для крыши на траве под деревьями — и я так обрадовался этому будущему библиотечному зданию, что дал грузчикам вдвое больше, чем они запросили. Пришли клиенты библиотеки — 10–12-летние дети и с радостью помогли грузчикам разостлать презент.

Вчера я пошел к Лидину — в чудесном настроении, и *вдруг он сообщил мне, что на сегодняшнем заседании Литфонд рассматривает мое «ходатайство» (ходатайство!)* о постройке на арендуемом мною участке библиотеки — и намерен мне отказать, т. к. аренда-

тор не имеет права строить что бы то ни было на арендуемой земле. Оооо!

1957

Что мне делать?

30 июля. Чиновники Литфонда не хотят библиотеки. Им плевать, что вчера библиотека обслужила больше 70 детей. Вчера я привел на свою строительную площадку Леонида Макс. Леонова — он осмотрел мой стройматериал и сказал: «дрянь». Это, конечно, верно; по сравнению с немецкими и финскими домиками наш домик позорно сучковат, кое-какист, сработан с полным неуважением к делу, хамски и наплевательски. Но ведь для того, чтобы не было в России таких бесстыжих и бесчестных работников, я и строю свою библиотеку. Конечно, я пригласил Леонова не для суждения о качестве материала, а для того, чтобы он отстоял мое право на постройку библиотеки. Но он ускользнул, говоря: «я в отпуску; посоветуйтесь с Сурковым. С Сурковым». И ушел.

1 августа. Вчера директор Городка писателей Ив. Ив. Сергеев обещал быть у меня утром в $7\frac{1}{2}$ — или в $8\frac{1}{2}$ часов, чтобы решить наконец, где ставить библиотеку. Я встал спозаранку, и хотя у меня есть спешная работа, отложил ее в сторону, т. к. ждал с минуты на минуту, что он придет (а если не придет, то извинится по телефону). Мне и в голову не приходило, что кто-нибудь может так издеваться надо мною. $7\frac{1}{2}$ — никого, $8\frac{1}{2}$ — никого, 9 — никого. Я позвонил по телефону в контору — ответ стереотипный: «ушел на склад». Всякий раз, когда Ив. Ив. уходит куда бы то ни было, ответ один: «ушел на склад». Между тем сегодня я должен сообщить о том, как идет строительство. Вместе с Сергеевым обещал придти и Ал. Ал. Иванов (инженер) — и тоже насмеялся надо мною, не пришел. А между тем части домика, разрозненные, лежат под дождем, мокнут, и Петр Георгиевич поневоле бездействует, и вся работа срывается.

2 августа. Наконец-то в 9 часов Сергеев и неизвестный мне инженер посетили меня и вполне согласились со мной, что никаким арендаторам не помешает моя библиотека, если дорогу в нее провести через соседний участок. Решено было, что необходимо достать разрешение Кунцевского Райисполкома. Я послал туда Петра Георгиевича. Там сказали: нужно разрешение Литфонда. Клара Израилевна позвонила туда. Ляшкевич сказал: «а мы не разрешаем»! И обещал заехать ко мне нынче вечером.

3 августа. И конечно, не заехал! Это стиль работы Ляшкевича. Я решил подать в Секретариат такую записку. [Кроме даты — все напечатано на машинке. — Е. Ч.]

Два года назад я завел в Переделкине (в нижнем этаже моей дачи) небольшую детскую библиотеку. Теперь она обслуживает около 400 детей — главным образом детей колхозников, рабочих и служащих. Каждый день от 17 до 19 часов библиотеку посещает в среднем около 40 — 50 ребят. Библиотека зарегистрирована и в Москве, и в Кунцеве. С большим сочувствием относятся к ней Министерство культуры и Кунцевский райком партии. В библиотеке ведется строгий учет посетителей и выдаваемых книг. Руководит ею опытный библиотекарь с двадцатилетним стажем. Видя, что библиотека отвечает жгучей потребности местных детей, я выделил из своих сбережений шестьдесят тысяч рублей и решил построить на земле Литфонда здание библиотеки, которое и намеревался принести в дар государству.

После долгих мытарств мне удалось приобрести в Одинцове сборный трехкомнатный домик и перевезти его к себе на участок. Детям я наивно обещал, что через 2—3 недели в этом домике будет открыт детский клуб. Конечно, я был уверен, что Литфонд с энтузиазмом поддержит мое начинание. Но чуть только Литфонд узнал о моей скромной затее, он самым бюрократическим образом стал ставить мне палки в колеса.

Тактика Литфонда такова: «мы от души приветствуем ваш благородный почин, но погодите немного, вот мы пришлем комиссию и рассудим».

Я с волнением жду комиссию в назначенный день, и, конечно, она не является.

Потом говорят:

— Мы разрешили бы, но у вас нет разрешения Кунцевского райсовета.

Я обращаюсь в Кунцевский райсовет, — там говорят:

— Мы разрешили бы, но у вас нет разрешения Литфонда.

Я звоню в Литфонд. Говорят:

— Сегодня приедет к вам т. Ляшкевич и все объяснит.

Жду т. Ляшкевича. И, конечно, он не приезжает.

А покуда части сборного домика мокнут под дождем и короятся, и мне стыдно смотреть детям в глаза. Рабочим, которых я нанял, я говорю каждый день:

— Приходите, пожалуйста, завтра!

И не знаю, покупать мне кирпич для фундамента или прекратить это дело и закрыть библиотеку совсем. Так тянется уже две недели. И если протянется еще хоть три дня, я заболею и слягу в больницу.

Главное горе в том, что Литфонд не говорит ни да, ни нет. А строительный сезон между тем проходит, и дом окончательно сгниет под дождем.

1957

К. Чуковский.

5 августа. В. А. Смирнов и В. Н. Ажаев осмотрели участок и обещали принять это дело к сердцу.

6 августа. Очень горячо, по-большевистски взялась за это дело Серафима Яковлевна Подгорная. Зав. Горono г. Кунцево. Три раза была у меня на участке, привела землеустроителя, начальника пожарной охраны, провела через Кунцевский Райсовет все мое дело, — и добилась разрешения, но под одним условием: чтобы разрешил Литфонд.

Пришел ко мне Иван Сергеевич (заместитель Ивана Сергеева) — я стал говорить ему о постыдном отношении Литфонда к постройке библиотеки, о жульничестве всех работников Литфонда. Он соглашался со мною:

— Верно, верно!

А потом спохватился:

— Я, впрочем, не имею права судить учреждение, в котором работаю.

Удивительна Полина — землекоп. Работает лопатой 12 часов в сутки, а руки дряблые, без мускулов. Лицо старушечье, сморщенное. Все, что зарабатывает невероятно тяжелым трудом, пропивает. Для того, чтобы валяться на земле под дождем, — всю неделю прodelывает норы лопатой.

10 августа. Дело двинулось, благодаря случайности. У Ажаева есть очень милый мальчишка Алеша. Я зашел к Алеше (он позвал меня, когда я проходил по дороге); Ажаев, услышав от меня всю историю дома, повел меня к своему соседу Василию Александровичу Смирнову, который, оказывается, имеет большой вес в Союзе. Смирнов так возмутился всей волокитой, происходящей в Литфонде по вине Ляшкевича, что тотчас же несмотря на дождь пошел со мной и Ажаевым ко мне на участок и лично убедился, что Ляшкевич вставляет мне бюрократические палки в колеса. Через два-три дня он привез ко мне Воронкова и Ляшкевича — и они втроем обещают мне посильную помощь. Возник было план — чтобы я продал им домик, а они сами построят библиотеку. Но так как темпы их строительства мне известны, я понял, что, если я соглашусь, я не доживу до той блаженной поры, когда над библиотекой будет воздвигнута крыша. Я отказался: строить библиотеку буду я сам.

1957

Сейчас вся остановка за деревьями. Нужно срубить 6 деревьев, среди которых есть и сухостой. Сегодня приезжал ко мне наш главный лесник Васильев, очень любезный, — но рубить не разрешил. Без Москвы он не вправе. Опять задержка. Хорошо сказал Ленин:

— «А по существу издевательство!»

После того, как Васильев ушел, явился (от него?) один объездчик, который заявил, что если дать ему, объездчику, взятку в 200 р., а Васильеву 400 р., дело будет устроено так, что не потребуются разрешения Москвы.

11 августа. Воскресенье. Сегодня утром узнал, что Петр Георгиевич, не дожидаясь разрешения, рубит (вместе с Прокопчем и неизвестным мне толстяком) деревья на бывшем Треневском участке. Я понимаю его нетерпение: ведь по милости Литфонда строительство задержалось на 3 недели. Когда я вышел в сад — и пришел на место рубки, оказалось, что одно самое большое дерево зацепилось макушкой за ветки соседнего дерева — и не хочет валиться. Но, в конце концов, свалилось и оно.

14 августа. Среда. Сделали мост. Машиной утрамбовали дорогу — не то что утрамбовали, а просто прошлись раза три туда и сюда и взяли за это — 200 рублей. Сейчас Петр Георгиевич поехал в Одинцово за кирпичом. Я выдал ему 100 р. «на мелкие расходы». Просил Литфонд — устроить вокруг библиотеки изгородь. Сергеев отказал. «Мы будем давать вам материал (то есть продавать за наличный расчет, втридорога), а другой “помощи” оказать не можем».

17 августа. Литфонд верен себе: когда я попросил сделать вокруг библиотеки ограду, он взвалил и это дело — на меня.

4 ¹/₂ тысячи кирпича. 3 машины по 5 тонн.

Завтра костер. Я пригласил Екат. Павл. Пешкову, Нилина, Либединского, Вс. Иванова, Феина, Тихонова, индийскую посольшу, Маршака, Михалкова, Тараховскую, Барто, и т. д., и т. д.

Выступать будет Райкин, иллюзионисты из цирка, будет самодеятельный Котя Райкин (гениально) и мн. др.

Но что, если будет дождь. Об этом и подумать страшно.

Пришел благообразный каменщик.

Требуется за фундамент 500 рублей. Я хорошо понимаю, что это рвачество, — но соглашаюсь.

Утро костра 18 августа. После бессонной ночи в 6 час. утра пошел на постройку. Вся семья каменщика на работе — человек 8:

возят на тачке кирпичи, заливают цементом. Весело глядеть на их спорую работу. Пришел чувашский писатель — попросился на поденщину. П. Г. поручил ему засыпать глиной глубокую яму, когда-то служившую погребом. Писателю 60 лет, но работает он усердно.

1957

19 августа. Костер сошел отлично. Были Федин, Слонимский, Пустынин, Тараховская, Нилин, Барто, Арк. Райкин, Кассиль, А. А. Морозов, Екат. Пав. Пешкова, Марфа Пешкова, Дарья Пешкова, их дети: Максик, Катя и Надя, Шиль[д]крет (автор отличных «Крыльев холопа»), Михалков, советник индийского посольства (кажется, Ратнам) с женой и двумя детьми, Леонид Гроссман, Гудзий, Сусанна Мар, С. С. Виноградская, Либединские, Петя Штейн, Алеша Сафонов, Лесючевский с дочерью Леночкой, был отличный затейник Узволок Яков Львович. Погода разгулялась. Детей пришло больше 300.

В детской самодеятельности больше всего мне понравился безмерно артистичный Котя Райкин, выступавший с номером собственного изобретения — «Природа», кукольный театр Тани Абашкиной, танец Ирочки Кассиль с подругой.

Первым выступил Кассиль, пожелавший детям хорошо учиться. После самодеятельности Аркадий Райкин со стихами среднего качества и с прелестной мимической миниатюрой «Рыбная ловля», потом оказалось, что приехал Михалков, милый поэт, он оставил дома гостей — и (всегда аккуратный) приехал на полчаса: — выступил с «Дядей Степой», которого ребята подсказывали ему, если он запинался — и тут я сделал величайшую глупость — в суете, в суматохе я забыл сказать детям, что здесь находится любимая всеми нами Тараховская. Все время хотелось, чтобы и она приняла участие в нашем празднике, но приезд индийцев (которые заранее сообщили, что не приедут) совершенно сбил меня с панталыку, и я забыл объявить о ее приезде.

Петр Георгиевич вчера в течение трех часов валил на участке дерева, намеченные лесничеством к срубу. Все было хорошо — но сегодня он пришел и попросил у меня за эту операцию... 400 рублей. Причем оказалось, что рабочий, делавший с ним эту работу, его зять.

22 августа. Прокопычу за рытье траншеи для водопровода 860 рублей. Получен наряд на дополнительные 500 шт. кирпича.

Литфонд отказывается дать 1 столб для освещения.

Сегодня Кл. Изр. принесла газету («Литературную») со статейкой Макса Поляновского «Был у Чуковского костер». Там упоминает-

1957

ся библиотека. Я написал Друзину письмо с просьбой не печатать этюдов о моей личной жизни. Особенно не нужно о библиотеке. Скажут — устроил для саморекламы.

26 августа. Литфонд отказывал мне во всем, даже в постановке столба для электричества. После того, как П. Г. переговорил со Смирновым, пришел директор городка — и сообщил, что *забор будет ставить на свой счет!!!! «И вообще, что нужно К. И-чу, сделаем».*

Рабочие просят денег — «заложить под угол». Пьяны с субботы. Но домик *уже стоит!*

29 августа. Нужно оформлять дом: нужна краска, олифа, нужны обои, нужна *мебель*. Нет, я и вправду разорюсь с этой затеей.

12 ноября. Был у меня сегодня Твардовский вместе с Казакевичем. У меня такое чувство, будто у меня был Некрасов. Я робею перед ним, как гимназист. «Муравия» и «Теркин» — для меня драгоценны, и мне странно, что такой ПОЭТ здесь у меня в Переделкине, сидит и курит, как обыкновенные люди. Я прочитал ему кусок своей статьи о Маршаке, читал робко и сбивчиво — и был страшно обрадован, когда он похвалил. Вообще он ко мне благоволит: принес свои два тома и говорил обо многом вполне откровенно. Об Эренбурге: «бездарно переводит французских поэтов, и, читая его низкопробные вирши, я не верю ни в его романы, ни в его стихи. Вообще по стихам можно сразу узнать человека. Как-то я заболел — пришел врач — у меня было растяжение жил, он прописал лекарство, а потом говорит: рад, что познакомился с вами, я ведь тоже пишу стихи, — и прочитал такую галиматью, что я ужаснулся: неужели такой идиот может лечить людей. Сразу увидел, что и врач он никудышный. Был я неравнодушен к одной — очень давно, — начинался роман, — но оказалось, что она пишет стихи, преплохие, я прочел и никакого романа не вышло».

Маршака он видит насквозь. Но, как и я, любит его и признает его великие заслуги. Я сказал, что Маршак в последние годы пишет все хуже и хуже, что его новые переводы ничуть не похожи на старые — что я люблю лишь молодого Маршака, который создавал «Пожар», «Почту», «Дама сдавала в багаж», «Песню о глупом мышонке». Он вполне согласился со мной, и вообще сквозь его пиетет сквозит *пренебрежение*.

О детской литературе: «она очень расцвела и все такое, но это литература городская, деревня еще не имеет своего детского поэта».

О Маяковском: «Прятали отзыв Ленина о _____ 1957
“150 миллионах” — и всячески рекламировали его
похвалу «Прозаседавшимся». И 25 лет *заставляли* любить Маяков-
ского. И кто относился к нему не слишком восторженно, тех
сажали, да, да, — у меня есть приятель, который именно за это и
был арестован — за то, что не считал его величайшим поэтом...»

К Барто относится с презрением. «Стихи Ник. Тихонова об
Орджоникидзе омерзительно слабы. Косноязычные, глупые, бес-
помощные. Встретил Кожевникова, зовет в “Знамя”. Я говорю:
как не стыдно печатать такую чушь, как стихи Тихонова*. Он сме-
ется. Говорит: дальше лучше будет».

30 ноября. Библиотека становится все красивее. Столяр ока-
зался художником. Привинтил маленькие подвесные столики к
стенам, сделал чудесные табуретки — талант.

Зашел я вчера к Хикмету — поговорить о библиотеке. Привет-
ливо встретил — он только что из Баку — угостил чем-то похожим
на помидоры, усадил — приветливый, благодушный («слушал, как
вы читали по радио о Чехове, — чудесно» и «Мойдодыра» слушал —
«как я хотел бы, чтобы мой сын читал ваши сказки» и т. д.). Но
тут я заметил, что вся эта вежливость прикрывает какую-то доса-
ду и тревогу, — и тут только сообразил, что Назым работал, что *я*
помешал ему. Те, кого я принял за гостей, оказались его сотрудни-
ками: режиссер и переводчик. Перед режиссером рукопись пье-
сы, перед переводчиком (Бабаевым) — турецкий текст. Я мгно-
венно вскочил и стал уходить; все трое явно обрадовались, и я
ушел, браня себя за нечуткость.

Мне совсем не пишется. Оттого, что я берусь сразу за несколь-
ко тем. У меня незаконченный Оскар Уайльд, незаконченный
Ал. Толстой, незаконченный Блок и т. д. И лежит начатый Чехов.
Нужно взяться за что-нибудь одно.

Юбилей Маршака отложили на второе декабря.

2 декабря. Вчера в воскресенье приехал ко мне милый Кона-
шевич с женой Евгенией Петровной и Самуилом Алянским. Биб-
лиотеку они одобрили. Конашевич согласился нарисовать на сте-
не какую-нибудь сцену из пушкинских сказок. Улыбающийся,
скромный, нежный, чуть-чуть глуховатый, он необычайно гармо-
ничен — и полон той неиссякающей радостью, какую полны его ри-
сунки. С удивлением я узнал, что Союз художников считает его от-
щепенцем — держит его в черном теле — и не дает ему даже путевок
в санаторий.

Алянский обещал пожертвовать в библиотеку сохранившиеся
у него листы гравюр.

В пять часов пришел Назым Хикмет. Очень учтивый, внимательный, сдержанный, — похвалил библиотеку, посоветовал покрасить одну стену зеленой краской, другую желтой — пил с нами чай.

Сегодня юбилей Маршака. Я должен выступить — так хотел Твардовский и так хочет Маршак. Вчера я почувствовал, что и Алянский и Конашевич уверены, будто я участвую в чествовании Маршака из тактических соображений, неискренне. Почему-то они не хотят поверить, что, несмотря на все колоссальные недостатки Маршака, я люблю его талант, люблю его любовь к поэзии, его юмор, то, что он сделал для детей, — и совершенно отрываюсь от тех каверз, кои он устраивал мне. Он *насквозь* литератор. Ничего другого, кроме литератора, в нем нет. Но ведь это же очень много.

На днях были у меня Казакевич и Алигер. Алигер, замученная свалившейся на нее катастрофой, понемногу выползает из-под бессонниц и слез. Теперь она (и Казакевич) ударились в смех и без конца говорят смешное, от которого кошки скребут: изыскивают, например, слова, из которых можно сделать имена и фамилии. Пров Акаатор, Циля На, Геня Рал, Витя Мин, Злата Уст, Элек Тричка. Я хотел было предложить им Оскар Блять, но постеснялся. Сина Гоголь, Голгофман, Арон Гутанг.

3 декабря. Твардовский подвел меня ужаснейшим образом. Он упросил меня сделать содоклад о Маршаке на 20–25 минут. Я возился с этим содокладом 2 недели, изучал Бернса, Блэйка, сонеты Шекспира, — и вдруг у Твардовского начался запой — он даже не пришел на юбилей (который состоялся вчера) — и возглавил все дело Сурков, который сказал мне, что может предоставить мне не больше 8 минут. Я скомкал свою речь на чествовании Маршака самым отвратительным образом, убежал как оплеванный — с ощущением полного провала. А сегодня мне звонили Паперный, Алигер и сам Маршак — и говорили, что речь моя была блистательна. Мне же больше всего понравился Назым Хикмет, который явился на секунду как солнечный луч — и сказал 10 талантливых слов.

7 декабря. Завтра уезжает Валя Берестов.

Как отвратительны наши писательские встречи. Никто не говорит о своем — о самом дорогом и заветном. При встречах очень много смеются — пир во время [чумы] — рассказывают анекдоты, уклоняются от сколько-нибудь серьезных бесед. Вчера были у меня: Алигер, Берестов и Нилин. Нилин рассказал два анекдота.

Один молодой человек вверил раввину 300 рублей — 1957
и не взял у него расписки. Раввин созвал соседей.

«Вот смотрите: молодой человек дал мне на сохранение 300 рублей. Будьте свидетелями». Но когда молодой человек пришел за своими деньгами — раввин отперся. «Никаких денег ты мне не давал». Позвали соседей. «Вы видали, как он давал мне деньги?» — спросил раввин. «Нет, не видали». — «Ступай вон, мерзавец!» — завопил раввин. Молодой человек ушел в страшном горе. Когда он проходил мимо раввинова окна, тот сказал:

— Эй, ты. Получай свои 300 рублей.

И отдал деньги.

— Зачем же ты, реббе, сделал весь этот тарарам?

— А чтобы ты видел, какая сволочь у меня соседи!

Вот таких рассказов у писателей множество. А о чем-ниб. другом — ни звука.

27 декабря 1957. Вот, Корней, милый друг, наступает, быть может, последний год твоей жизни. Будь же хоть в этот последний год ЧЕЛОВЕКОМ. В минувшем году я изменял себе на каждом шагу: заново переводил «Тома Сойера», редактировал Слепцова, писал зачем-то огромную статью о Маршаке, которая так и осталась ненапечатанной, ненужной, дрянной. Отныне у меня две заботы — и только: продолжать свое писание о Чехове и привести в порядок старые статьи. С книгой «Книги и люди» большая доука. Книга эта вновь и вновь подвергается общипыванию со стороны редакции. Приехала Софья Петровна Краснова, моя редакторша, и давай: о Бакуanine вы слишком любовно, о Льве Толстом слишком фривольно, Тургенев у вас слишком ущемлен. В издательстве «Советский писатель» моя книжка воспоминаний, которую я хочу озаглавить «Да, это было, было, было». Или просто «*Было*». Надо бы вспомнить об Ал. Толстом и Короленко — но к черту, буду писать о Чехове — выполняя предсмертный завет Марии Борисовны.

Вчера был на предвыборном собрании писателей: скучно, я ушел. Хотят выбирать меня — тоска! Я буду последний идиот, если соглашусь. Самоубийца. Вчера я слушал доклад Федина, который он писал в Суханове целый месяц. Целый месяц талантливый беллетрист должен был корпеть над докладом, заячьим трусливым, где речь идет о секциях, подсекциях, группах, подгруппах и т. д. Я десяти минут не мог пробыть в этой обстановке — выбежал на воздух. Какая чушь! Если считать, что из тысячи слушавших этот доклад каждый написал бы только по странице, — и то вышло бы два романа. Чем больше заседаем, тем хуже мы пишем.

Когда надо было держать ответ — за «ЛитМоскву» — он симулировал прединфарктное состояние — и все шишки посыпались на нее, на Маргариту.

Читал вчера лекцию о Некрасове — в Некрасовской библиотеке. Средний возраст слушателей 70—75 лет.

29 декабря. Конашевич прислал великолепную картину для библиотеки: «Чудо-юдо рыба-кит». Хотя я сделал все возможное, чтоб меня не выбрали в Правление Московского отделения Союза Писателей, — меня выбрали — зачем, неизвестно. Сегодня сообщают подробности выборов, — с таким азартом, будто все это и в самом деле имеет отношение к литературе. Из-за растерянности — я пишу сразу несколько вещей и ни одной не доканчиваю. Сейчас «взбрело в башку» писать о Брюсове. Почему, неизвестно.

Вчера, гуляя, встретил Катаева. Жалуется на головные боли; разбирая свои рукописи, он нашел много старья, корреспонденций (еще в гимназическую пору он, оказывается, писал корреспонденции в «Маленьком одесском листке»), рассказы, печатавшиеся в журнале «Весь мир», письма к одной девушке с фронта, все это он хочет собрать в отдельную книгу — и напечатать. С ним необыкновенно крутая перемена: эстет, поклонник Пикассо, отвлеченной живописи, он теперь говорил мне: «нужна же сюжетная картина, картина с содержанием» и т. д.

30 декабря. Был у милого Федина. Он угнетен, изнурен. Рассказывает, что работа в Союзе Писателей его совершенно замучила. Что он 1 ¹/₂ часа доказывал Фурцевой невозможность для него остаться на посту Председателя Московского Отделения, что он болен, истомлен и т. д.

Ниночка Федина рассказывала мне, что он в последние дни совершенно лишился сна. Я хлопочу о том, чтобы Федин примирился с Маргаритой и Казакевичем.

31 декабря. Через полчаса Новый Год. Хочет Сурков, чтобы 8-го я говорил о Некрасове (годовщина), а 10-го об Ал. Толстом. А я вожусь с Вал. Брюсовым. С 1-го начинаю работать над Чеховым.

2-ое января. Почты еще не видел. Поздравили меня по телефону Леонов и Маршак, немного позже: Каверин. Были Алигер и Н. Л. Степанов. Степанов сказал Маргарите Осиповне, что Заболоцкий отдал в «Москву» те стихи, которые вначале предназначал для 3-го сборника «ЛитМосквы», — она возмутилась и тем же голосом, каким говорила обо мне, когда ровно год назад я взял у нее Чехова, стала порицать Заболоцкого.

Я начал писать о Брюсове и бросил. Начал об Алексее Толстом и бросил. Начал об Оскаре Уайльде и бросил. Сейчас нужно: Чехов, Чехов, Чехов. Вчера стал изучать его записные книжки.

5 января. Был сейчас Леонов. Сидел больше двух часов. Он сейчас трудится над «Вором». — Не понимаю, что понравилось в «Воре» Горькому. Он очень, очень хвалил. А я перечел его теперь и вот вижу, что мясо во многих местах заменено у него ватой. И вот теперь я вату заменяю мясом. После этого возьмусь за свой новый роман. У меня написано уже около 60%. Задумал я его (и частично написал) уже давно. Потом о Федине: зачем он остается в Союзе? Рассказал пять анекдотов.

13 января. Понедельник. Вчера много гулял с Леоновым и его женой Татьяной Михайловной. Леонов был талантлив, поэтичен, мил. Вспоминал, как в 1941 году ежедневно бывал у нас — вечерами — во время бомбежки, «отводил душу в вашем уюте». Смотрел библиотеку, она ему очень понравилась.

Вечером были у меня Андроников и Федин. Не застали. Федин оставил книжку о литературе. В книжке очень много хорошего — о переводе «Фауста» (Пастернак), о Зощенке, о языке. Я читал с большим удовольствием.

14 января. Гулял очень много с Фединым. Он немного отдохнул после конференции — но все же вид у него изможденный. На

столе у него груды писем — он показал мне письмо о смерти Ремизова, написанное его (Ремизова) ярой поклонницей, которая уверена, что Алексей Мих. был величайшим из русских писателей: «В последнее время у меня была преинтересная переписка с Пастернаком — я так и сказал начальству: не натравливайте меня против Пастернака — я на это не пойду». Видел итальянское издание Б. Л-ча, с его портретом — и заявлением, что книга печатается без его согласия. Красивое издание — «Доктор Живаго». Мы вышли погулять, был снежок, Федин рассказал о том, что уже был проделан опыт с переброской человека на дальнее расстояние при помощи баллистического снаряда. Узнал он об этом в Суханове — когда к одному из отдыхающих явился его зять, красавец-летчик, гениально сложенный юноша, и сообщил о своем близком товарище, что тот взялся корректировать движение ракеты — находясь в ее контейнере. Ракета понеслась, он спрыгнул с парашюта, но от нервного напряжения лишился ног; теперь он в больнице, награжденный всеми дарами правительства — и, кажется, поправляется. Федин видел библиотеку.

В новой своей книге (критических очерков) Федин напечатал статью о Зощенко. Это страшно взволновало Мих. Мих., и он прислал Федину поразительно нежное письмо*.

Во главе Кунцевского Райисполкома стоит Ив. Вас. Казин, который печатно выразил мне благодарность за то, что я подарил детям вверенного ему района библиотеку. Райисполкомом было вынесено решение взять библиотеку на свой кошт с 1-го января. Вот уже январь на исходе, а я продолжаю платить и за отопление, и за уборку библиотеки — сам покупаю книги и т. д.

20 января. Вчера библиотеку посетили: сын академика Капицы (Андрей Петрович), бывший в Антарктике. Он обещал прочитать для наших школьников лекцию о своей поездке туда — и подарить нам фото пингвина. С ним были Тимоша (Надежда Алексеевна Пешкова), ее муж Владимир Федорович, Людмила Толстая, Мария Федоровна Лорие, Раиса Тимофеевна Михайлова (жена министра) и ее дочь Светлана.

Так как все они отнеслись с искренним чувством к библиотеке, я отнесся к ним весело и дружелюбно и был им рад очень. Библиотека им как будто понравилась. Раиса Тимофеевна тотчас же стала записывать все подробности о ней, исписала несколько страничек. Звонил третьего дня Алянский — Юра Васнецов (художник) прислал для библиотеки картинки. Надо будет сегодня взять их в Детгизе. Но нет столяра, который мог бы сделать рамки.

рисовны и не мог — глубочайший снег. Обратного сдуру зашел в Дом творчества. Бонди подарил мне только что вышедшее издание «Евгения Онегина» со своими примечаниями и со своим предисловием. Он так одинок, так обойден признанием, что страстно захотел прочитать мне то, что написано им в этой книжке. Слушал я его все время с огромным удовольствием, но мне так хотелось домой работать. Попутно узнал, что он, великолепный мыслитель, подлинный ученый, весь в долгах, очень нуждается: «ведь я должен посылать 1000 р. сестре ежемесячно».

1-ое февраля. Заболел Пастернак. В пузыре скопилась моча, которую невозможно извлечь. Нужен катетер. Нет сегодня ни у кого шофера: ни у Каверина, ни у Вс. Иванова, ни у меня. Мне позвонила Тамара Влад., я позвонил в ВЦСПС, там по случаю субботы все разошлись. Одно спасение: Коля должен приехать — и я поеду на его машине в ВЦСПС — за врачами. Бедный Борис Леонидович — к нему вернулась прошлогодняя болезнь. Тамара Влад. позвонила в город Лидии Ник. Кавериной: та купит катетер, но где достать врача. Поеду наобум в ВЦСПС.

Был у Пастернака. Ему вспырынули пантопон. Он спит. Зинаида Николаевна обезумела. Ниоткуда никакой помощи. Просит сосредоточить все свои заботы на том, чтобы написать письмо Правительству о необходимости немедленно отвезти Б. Л-ча в больницу. Лидия Николаевна привезла катетер. Сестра медицинская (Лидия Тимоф.) берется сделать соответствующую операцию. Я вспомнил, что у меня есть знакомый Мих. Фед. Власов (секретарь Микояна), и позвонил ему. Он взялся позвонить в Здравоотдел и к Склифосовскому. В это время позвонила жена Казакевича — она советует просто вызвать «скорую помощь» к Склифосовскому. Но «скорая помощь» от Склифосовского за город не выезжает. И вот лежит знаменитый поэт, — и никакой помощи ниоткуда.

В Союзе в прошлом году так и сказали: «Пастернак недостойн, чтобы его клали в Кремлевку». Зин. Ник. говорит: «Пастернак требует, чтобы мы не обращались в Союз».

3 февраля. Был у Пастернака. Он лежит изможденный — но бодрый. Перед ним том Henry James. Встретил меня радушно — «читал и слушал вас по радио — о Чехове, ах — о Некрасове, и вы так много для меня... так много...» — и вдруг схватил мою руку и поцеловал. А в глазах ужас... «Опять на меня надвигается боль — и я думаю, как бы хорошо [умереть]... (Он не сказал этого слова). Ведь я уже сделал [в жизни] все, что хотел. Так бы хорошо».

Все свидание длилось три минуты. Эпштейн сказал, что операция не нужна (по крайней мере, сейчас). Главное: нерв позвонка. Завтра придет невропатолог.

Я пошел к Федину. Федин правит корректуру своей переписки с Горьким (для Зильберштейна). «Как странно читать свои письма (через столько лет)». Вообще, когда ни придешь к Федину, он сидит за письменным столом. Груда писем, корректур, огромное количество заграничных писем, только что полученные книги — все это в немецком порядке расположено вокруг него. Он устало здоровается, но, разговаривая, вдруг вскакивает, начинает сильно жестикулировать, пронзительно глядит на собеседника своими милыми, единственными в мире, выпученными глазами — и с необычайным оживлением, и бархатным баритоном смеется. Мы пошли гулять — он говорил о немцах — сейчас у них в ихнем Союзе Писателей ряд видных литераторов выступают с покаяниями, отмежевываясь от своих либеральных увлечений («мы неверно поняли события в Венгрии»), — словом, происходит то же, что и у нас.

Вчера у Пастернака. Лечат его бестолково. Приезжавшие два профессора (Раппопорт и еще какой-то [сверху вписано: «Ланда». — Е. Ч.]) сказали Зин. Ник., что, делая ему горчичные ванны, она только *усилила* его болезнь. («Он мог и умереть от такого лечения».) Клизмы ему тоже противопоказаны. До сих пор не сделаны ни анализы крови, ни анализы мочи. Не приглашена сиделка. Познакомился я у постели Бор. Л-ча с Еленой Ефимовной Тагер, очень озабоченной его судьбой. Мы сговорились быть с нею в контакте. Сегодня и завтра я буду хлопотать о больнице. О Кремлевке нечего и думать. Ему нужна отдельная палата, а где ее достать, если начальство продолжает гневаться на него.

Ужасно, что какой-нибудь Еголин, презренный холуй, может в любую минуту обеспечить себе высший комфорт, а Пастернак лежит — без самой элементарной помощи.

7 февраля. Вчера я не мог заснуть даже с нембуталом и уже в три часа ночи принялся за рецензию о гнусняке Еголине. В 12 — в город. Подыскивал больницу для Пастернака. В «7-м корпусе» Боткинской все забито, лежат даже в коридорах, в Кремлевке — нужно ждать очереди, я три раза ездил к Мих. Фед. Власову (в Совет министров РСФСР, куда меня не пустили без пропуска; я говорил оттуда с М. Ф., воображая, что он там, а он — в другом месте; где — я так и не узнал); оказалось с его слов, что надежды мало. Но, приехав домой, узнаю, что он мне звонил и оказывает: он добыл ему путевку в клинику ЦК — самую лучшую, какая

только есть в Москве — и завтра Женя везет Тамару Вл. Иванову за получением этой путевки. Я обрадовался и с восторгом побежал к Пастернаку. При нем (наконец-то!) сестра; у него жар. Анализ крови очень плохой. Вчера была у него врачиха — помощница Вовси (Зинаида Николаевна); она (судя по анализу крови) боится, что *рак*. Вся моя радость схлынула. Он возбужден, у него жар. Расспрашивал меня о моей библиотеке для детей. Зинаида Николаевна (жена Бориса Леонидовича) все время говорит о расходах и встретила сестру неприятно: опять расходы. В поисках больницы забегал я и в Союз. Видел там Смирнова (В. А.) и Ажаева. Они пытаются добыть для Пастернака Кремлевку, но тщетно.

Милый Власов! Он звонил проф. Эпштейну, расспрашивал о болезни Пастернака. Звонил в Союз — узнать его отчество и т. д. Говорил с министром здравоохранения РСФСР и министром здравоохранения СССР*.

8 февраля. Вчера Тамара Владимировна Иванова ездила в моей машине (шофер — Женя) за больничной путевкой в Министерство здравоохранения РСФСР (Вадковский пер., 18/20, район Бутырок) к референтке министерства Надежде Вас. Тихомировой. Получив путевку, она поехала в больницу ЦК — посмотреть, что это за больница и какова будет палата Бор. Леон. Там ей ничего не понравилось: директор — хам, отдельной палаты нет, положили его в урологическое отделение. Но мало-помалу все утрясется. Хорошо, что там проф. Вовси, Эпштейн и др. Пришлось доставать и «карету скорой помощи». В три часа Женя воротился и сообщил все это Борису Л-чу. Он готов куда угодно — болезнь истомила его. Очень благодарит меня и Там. Вл. По моему предложению надписал Власову своего «Фауста», поблагодарив за все хлопоты. З. Н. нахлобучила ему шапку, одела его в шубу; рабочие между тем разгребли снег возле парадного хода и пронесли его на носилках в машину. Он посылал нам воздушные поцелуи.

17 февраля. Все эти десять дней провел в безумии, в тоске и отчаянии. Бонецкий, которого я очень люблю, дал мне на рецензию рукопись Еголина «Некрасов». Рукопись глупая, наглая, лживая. Стал я изучать ее и, кроме того, прочитал все другие опусы Еголина. Мелкое жульничество, оловянная голова идиота и карьеризм отвратительной гниды. Я писал рецензию каждый день по 10—12 часов, писал больной, в лютую бессонницу, и чем дальше писал, тем яснее видел свое бессилье — сочетание пошляка и подлеца оказалось мне не по зубам. Нужно было указать отдельные

1958

его недочеты, а я набросал широкими мазками его портрет, что для рецензии не требуется.

Библиотека приводит меня в отчаяние. Я отдал ей столько души, убрал ее как игрушку, отдал огромные деньги, которых в то время было у меня не так уж много, — но дети кажутся мне грубыми, тупыми, тусклыми — не лучше родителей.

21 февраля. Горькая годовщина. Был на своей могиле с чувством огромной вины перед Марией Борисовной — и такого глубокого раскаяния перед нею, которое все эти годы томит меня страшной тоской. Так, должно быть, чувствует себя убийца перед трупом своей жертвы. Сколько раз я был невнимателен к ней, груб, нечуток, безжалостен. Мне стыдно стоять над ее могилой, стыдно смотреть на ее портрет.

26 февраля. Дни провожу в бездельи — хоть и занят так, что за все сутки не соберусь написать письмо, нужнейшее, срочнейшее, — корплю над материалами о Чехове — перебираю старые бумажки, и ничего *нового* сказать о нем не могу. Дрянная чушь — которая уже напечатана мною, — детский лепет, элементарщина, а теперь предстоит говорить о его *сложности*, и я — кляню свое бессилие.

В библиотеке реформы — повесили по-новому картины Васнецова и Конашевича (Мариночка окантовала их), приехал столяр Иван Гаврилович — будет делать новые стульчики и новые столы — и по-настоящему мне следовало бы бросить всю литературу — и заняться детьми — читать им, рассказывать, развивать их, звать их к достойной человеческой жизни, а без этого — одна раздача книг — бесполезна.

Были в это воскресенье Ваня Халтурин, В. Смирнова, Эмден, Алянский, Вл. Орлов, Ямпольский (редактор «поэтов Искры», Ал. К. Толстого, И. Панаева, большой ученый), а я мечтал об одном человеке — о М. Алигер, с которой связала нас парадоксальная дружба, —

Что мне она? — не жена, не любовница
И не родная мне дочь* —

но все ее горести последнего года, обиды, нанесенные ей, я пережил с мучительной болью.

Орлов был у меня с предложением: войти в редакцию 8-томного Собр. соч. Блока.

3 марта. Третьего дня привозила Тата показать мне двух правнуков. Так как я не мог кричать от ужаса, что у меня правнуки и,

значит, завтра меня выбросят на свалку в могилу, я улыбался и говорил: «какие милые». Они и в самом деле милые.

1958

16 марта. Не спал всю ночь. В половине 7-го сошел вниз. Правнук орет во все горло и не дает спать ни Кате, ни Тате. Я взял его наверх — чтоб дать им вздремнуть, — и, оставшись с ним наедине, почувствовал себя во власти целой шайки разбойников, которых нужно умиловать. Сначала я оборонялся спичками, зажигал одну за другою, но вскоре почувствовал, что это оружие перестает действовать. Тогда я переключился на корзину из-под стола — гонял ее по всей комнате, положив в нее ключи от комода. Это отсрочило мою гибель на 2 или 3 минуты. Но минуты прошли, и я стал спасаться носом. Прижимал палец к носу и по-идиотски мычал всякий раз. Бобе это понравилось, и он, великий исследователь причин и следствий, заинтересовался этой зависимостью между носом и звуком. Раз 50 он прижимал свои грязные пальцы к моему злополучному носу, и ему показалось, что он открыл великий закон природы. Окончательно он убедился в этом, когда я нажимал его носишко, издавая при этом писклявые звуки. Но когда и нос был исчерпан, Боба взобрался на диван и стал срывать со стены картинки, приговаривая «па-па», ибо всякую картину он считает папой (ему как-то показывали портрет отца и при этом говорили «папа»; он и подумал, что так называется всякий портрет). После того, как все картины оказались на полу, — я в целях самообороны поджег в печке бумагу — тем и обеспечил себе минуты полторы сравнительного покоя. После я тщетно прибегал к спичкам, к носу, к ключам — он требовал новых жертв. И я откупился от него — Историей Ключевского, предоставив ему вырвать четыре страницы о странностях в характере Ивана Четвертого. И когда изничтожение этих страниц подходило к концу, мною овладело отчаяние, и я уже не видел ниоткуда спасения — ко мне на ручку явились все те же ключи — он вытаскивал их из комода и пытался снова вставить в ту же скважину: это исследование природы вещей (*natura rerum*) отняло у него минуты четыре, после чего он скривил рот, подбежал к двери и задребезжал: мама! Я растерялся и стал завлекать его прежними радостями: но это было повторение пройденного, и только после того, как я нашел под столом Катины бусы и надел их на Колину палку — это было первое утро за много лет, когда я отвлекся от бумаг, от стола, от ненавистных статей и от страданий от своей литимпотенции.

Сегодня выборы. Читаю «Возвращение» Ильиной, очень хорошо.

Вспоминаю о Горьком (сейчас надвигаются горьковские дни). Были в моей жизни два года, когда я встречался с ним изо дня в день. И конечно, я хотел сохранить для потомства все, что он тогда говорил. Я носил с собою небольшую тетрадку, пытался записывать туда каждое слово Алексея Максимовича. Он долго не замечал моего вероломства. Но однажды он пригласил к себе группу писателей — в том числе и меня, и я заранее принял меры, чтобы записать за ним все, что он скажет. Я прикрепил булавками к спине Лунца белую бумажку и попросил его, чтобы во время беседы с Горьким он сел впереди меня. Тогда мне будет удобно записывать. Но Горький против ожидания усадил нас всех на диван, и Лунц оказался рядом со мною. Записывать было очень неудобно, но я приспособился. Горький заметил мою дикую позу:

— Что это вы делаете здесь, джентльмен?

Я почувствовал себя пойманным школьником. Он страшно рассердился: я и сам немного умею писать! — сказал он.

21 марта. Со дня смерти Марии Борисовны 3 года 1 месяц.

Правнука отвезли к Марине, и Тата получила минутную переписку. Так как сейчас 90 лет со дня рождения Горького, в Литературном музее — вечер, устраиваемый Надеждой Алексеевной Пешковой. Она пригласила меня выступить с воспоминаниями. По этому случаю я взял Тату на Никитскую — к Пешковым. Там застали Ираклия Андроникова, который готовит для телевизора передачу о квартире Горького и потому изучает каждую деталь обстановки. Милый Максик, милая Катенька, милая Дарья. Самое интересное, что услышал я там, было приглашение на Горьковский вечер — Зоценки. Самый помпезный вечер состоится в Зале Чайковского — 3 апреля. Вот на этот-то вечер и решено пригласить М. М. Чуть только Надежда Алексеевна узнала об этом, она позвонила ему и попросила его приехать раньше и остановиться у них на Никитской. Это могло бы быть для М. М. новым стимулом к жизни. Сейчас он очень подавлен — из-за того, что ему не выдают всесоюзной пенсии.

Тата была со мною весь день — и вместе мы были в Литмузее на вечере. У меня был шумнейший успех — после чего мы уехали домой в Переделкино, и Тата читала мне Белоголового, и я благодаря ей заснул. Очень теплая человечница — Тата.

30-е марта. Вчера вечером в доме, где жил Горький на Никитской, собралась вся знать. Были Кукрыниксы, летчик Чухновский, летчик Громов, Юрий Шапорин, Козловский, проф. Сперанский, Мих. Слонимский, министр культуры Михайлов, Мико-

ла Бажан, Людмила Толстая, горьковед Б. Бялик, дочь Шаляпина, Капицы (академик с супругой), Анисимов, — и Зощенко, ради которого я и приехал.

1958

В столовой накрыты три длинных стола и (поперек) два коротких, и за ними в хороших одеждах, сытые, веселые лауреаты, с женами, с дочерьми, сливки московской знати, и среди них — он — с потухшими глазами, со страдальческим выражением лица, отрезанный от всего мира, растоптанный.

Ни одной прежней черты. Прежде он был красивый меланхолик, избалованный славой и женщинами, щедро наделенный лирическим украинским юмором, человеком большой судьбы. Помню его вместе с двумя другими юмористами: Женей Шварцем и Юрием Тыняновым в Доме Искусств, среди молодежи, когда стены дрожали от хохота, когда Зощенко был недостижимым мастером сатиры и юмора, — все глаза зажигались улыбками всюду, где он появлялся.

Теперь это труп, заколоченный в гроб. Даже странно, что он говорит. Говорит он нудно, тягуче, длиннейшими предложениями, словно в труп вставили говорильную машину — через минуту такого разговора вам становится жутко, хочется бежать, заткнуть уши. Он записал мне в «Чукоккалу» печальные строки:

И гений мой поблек, как лист осенний, —
В фантазии уж прежних крыльев нет.

Слово «прежний» он написал через Ъ. Я сказал ему:

— Как я помню ваши Ъ.

— Да, было время: шутил и выделял штучки. Но, Корней Иванович, теперь я пишу еще злее, чем прежде. О, *как* я пишу теперь!

И я по его глазам увидел, что он ничего не пишет и не может написать. Екатерина Павловна посадила меня рядом с собою — почетнейшее место: — я выхлопотал, чтобы по другую сторону сел Зощенко. Он стал долго объяснять Ек. П-не значение Горького, цитируя письмо Чехова — «а ведь Чехов был честнейший человек», — и два раза привел одну и ту же цитату — и мешал Ек. Павловне есть, повторяя свои тривиальности. Я указал ему издали Ирину Шаляпину. Он через несколько минут обратился к жене Капицы, вообразив, что это и есть Ирина Шаляпина. Я указал ему его ошибку. Он сейчас же стал объяснять жене Капицы, что она не Ирина Шаляпина. Между тем ведь предусмотрено 3-го апреля его выступление на вечере Горького. С чем же он выступит там? Ведь если он начнет канителить такие банальности, он только пуще повредит себе — и это ускорит его гибель. Я спросил его, что он будет читать. Он сказал:

«Ох, не знаю». Потом через несколько минут: *«лучше мне ничего не читать: ведь я заклеянный, отверженный»*.

Мне кажется, что лучше всего было бы, если бы он прочитал письма Горького и описал бы наружность Горького, его повадки — то есть действовал бы как мемуарист, а не — как оценщик.

Все это я сказал ему — и выразил готовность помочь ему. Он записал мой телефон.

У Пешковых все было хорошо срежиссировано — и тосты, и размещение гостей, и улыбки хозяев.

Обрадовала меня встреча со Светланой Халатовой — дочкой Артемья Багратовича — которую я знал очень маленькой. Замужняя. Необычайное сверкание глаз. И ко мне — сердечное (детское) расположение.

Когда уезжал, Дарья упаковала мне кучу сластей.

Кукрыниксы нарисовали мне в «Чукоккалу» картинку, но я забыл ее взять.

Стариковская забывчивость!

Сунул куда-то деньги, и вот уже третью неделю ищу их.

Зощенко седенький, с жидкими волосами, виски вдавлены внутрь, — и этот потухший взгляд!

Очень знакомая российская картина: задущенный, убитый талант. Полежаев, Николай Полевой, Рылеев, Мих. Михайлов, Есенин, Мандельштам, Стенич, Бабель, Мирский, Цветаева, Митя Бронштейн, Квитко, Бруно Ясенский, Ник. Бестужев — все раздавлены одним и тем же сапогом.

31 марта. Мороз. 10°. Вообще зима держится стойко. Ходим в шубах. Во дворе кучи белейшего снега выше человеческого роста. Только с 1-го апреля (с завтрашнего дня) Поссовет берет на свой кошт библиотеку. Об этом мне сообщили по телефону: значит, после того, как я подарил ее Райсовету — я содержал ее полгода на свой счет.

1 апреля. Мне 76 лет. How stale and unprofitable!¹ Никогда я не считал себя талантливым и глубоко презирал свои писания, но теперь, оглядываясь, вижу, что что-то шевелилось во мне человеческое — но ничего, ничего я не сделал со своими потенциями.

Снился мне Зощенко. Я пригласил его к себе, пошлю за ним машину. Он остановился у Вл. Алекс. Лифшица, милого поэта. Я не знаю нового адреса Вл. Ал. — мне хочется, чтобы Зощенко был у меня возможно раньше, чтобы выяснить, можно ли ему высту-

¹ Как банально и бесполезно! (англ.)

пать 3-го на Горьковском вечере или его выступление причинит ему много бед. Я условился с В. А. Кавериним, что он (Каверин) придет ко мне, и мы, так сказать, проэкзамменуем Зоценку — и решим, что ему делать.

Читал пустопорожного Ежова — воспоминания о Суворине*. Как беспомощно!

Вчера внезапно накинулся на меня Илья Фейнберг. Все эти дни он льнул ко мне, льстил до тошноты — «Вы талант, единственный, чудесный» — и вдруг его словно прорвало: «Вы лицемер, интриган, клеветник». Причем лицо спокойное и наряду с этим «я чту вас как большого писателя». Все это при Рите Райт, которая в конце концов прогнала его.

Гости: Каверин, Фрида, Тэсс, Наташа Тренева, Лида, Люша, Ника, Сергей Николаевич (шофер), Людмила Толстая, Надежда Пешкова, Левик, Гидаши, Зоценко, Маргарита Алигер. Я был не в ударе, такое тяжелое впечатление произвел на меня Зоценко. Конечно, ему не следует выступать на Горьковском вечере: он может испортить весь короткий остаток своей жизни. Когда нечего было делать, я предложил, чтобы каждый рассказал что-нибудь из своей биографии. Зоценко сказал:

Из моего повествования вы увидите, что мой мнимый разлад с государством и обществом начался раньше, чем вы думаете, — и что обвинявшие меня в этом были так же далеки от истины, как и теперь. Это было в 1935 году. Был у меня роман с одной женщиной — и нужно было вести дела осторожно, т. к. у нее были и муж, и любовник. Условились мы с нею так: она будет в Одессе, я в Сухуми. О том, где мы встретимся, было условлено так: я заеду в Ялту и там на почте будет меня ждать письмо до востребования с указанием места свидания. Чтобы проверить почтовых работников Ялты, я послал в Ялту «до востребования» письмо себе самому: вложил в конверт клочок газеты и надписал на конверте: М. М. Зоценко. Приезжаю в Ялту: письма от нее нет, а мое мне выдали с какой-то заминкой. Прошло 11 лет. Ухаживаю я за другой дамой. Мы сидим с ней на диване — позвонил телефон. Директор Зеленого театра приглашает — нет, даже умоляет — меня выступить — собралось больше 20 000 зрителей. Я отказываюсь — не хочу расставаться с дамой.

Она говорит:

— Почему ты отказываешься от славы? Ведь слава тебе милее всего.

— Откуда ты знаешь?

— Как же. Ведь ты сам себе пишешь письма. Однажды написал в Ялту, чтобы вся Ялта узнала, что знаменитый Зоценко удостоил ее посещением.

Я был изумлен. Она продолжала:

— Сунул в конверт газетный клочок, но на конверте вывел крупными буквами свое имя.

— Откуда ты знаешь!

— А мой муж был работником ГПУ, и это твое письмо наделало ему много хлопот. Письмо это было перлюстрировано, с него сняли фотографию, долго изучали текст газеты... и т. д.

Таким образом вы видите, *господа*, что власть стала преследовать меня еще раньше, чем это было объявлено официально, — закончил Зощенко свою новеллу.

Это было бестактно. Рассказывать среди малознакомых людей о своих любовницах, о кознях ГПУ! Причем все это пахнет выдумкой! Было ясно, что здесь сказалась мания преследования — как мне говорили — всецело владеет Зощенкой.

Мы с Т. Тэсс переглянулись: конечно, невозможно и думать, что *такой* Зощенко может выступить на эстраде с воспоминаниями о Горьком.

Самый голос его, глухой, тягучий, недобрый, — не привлечет к нему сочувствия публики.

Получил телеграммы от Пантелеева, Анны Ахматовой, Тамары Габбе, Детгиза и многих других.

5. На днях Зощенко был у Коли: в своем кругу — умен, остроумен, — совсем не такой, как у Пешковых.

18 апреля. Видел Пастернака. Шел с Катей, Гидашами и Львом Озеровым. Вдруг как-то боком, нелепо, зигзагом подбегает ко мне Борис Леон. — «Ах, сколько вы для меня сделали... Я приду... Приду завтра в 5 час.». И промчался, словно за ним погоня. Все это продолжалось секунду. Накануне он говорил по телефону, что хочет придти ко мне.

Сегодня, 19-го апреля, я был в городе: устраиваю книгу «От 2 до 5» в изд-ве «Советская Россия». Сегодня сдал им рукопись: обещают выпустить к сентябрю.

Приехал в Переделкино и поспешил к Пастернаку. Он — после обеда. Зинаида Ник., Нейгауз и молодая невестка (забыл фамилию). Б. Л. спокойнее — опять о моем «подвиге». Разговор о Henry James'е, о Леониде Мартынове, о Паустовском.

— Я всегда в больнице решаю, что читать можно только Чехова. Но на этот раз думаю: дай-ка возьму Куприна. С предисловием Паустовского. Читаю — немощно, претенциозно, пусто. — Отно-

шение ко мне дружественное — но мне показалось, что он утомлен, и я ушел.

1958

21 апреля. Дата смерти Марии Борисовны. Я вел себя недостойно — так же как и 21 марта. Не был на ее могиле, не читал ее писем — делал все, чтобы забыть ее — правдивую, строгую — и она по-своему *напомнила мне о себе*. Вдруг у меня мучительно заболела нога — правая от паха до лодыжки — хоть кричи — я лежу в постели — и ничего не могу делать.

22 апреля. Вот уже два дня, как мне не пишется, не читается, не работается. Вчера навестили меня Тамара Владимировна Иванова (у нее тромбофлебит — произошел в Карловых Варах, откуда она только что вернулась). Все же она поднялась по лестнице, чтобы навестить меня.

Там был и Шолохов, о котором она говорит с отвращением, как о надменном и тупом человеке, который никаких связей с культурой не имеет, смертельно скучает и даже кино не желает смотреть. Шолохов был в Карловых Варах с женою и всей семьей. У источника он стоял прямо, не сгибаясь, а его жена черпала для него воду и почтительно подавала ему.

Там. Вл. сказала Шолохову с улыбкой о его домостроевских замашках. Он ничего не ответил, только протянул жене стакан, чтобы она зачерпнула ему еще.

Люшенька подарила мне третьего дня изданный в Дрездене альбом французских импрессионистов. И я понемногу *перестал любить* Репина. Это очень огорчает меня. Ведь сейчас выходят и в Детгизе и в «Советском писателе» мои воспоминания о нем.

Был у меня Заболоцкий. Специально приехал, чтобы подарить мне два тома своих переводов с грузинского. Все тот же: молчаливый, милый, замкнутый. Говорит, что хочет купить дачу.

А давно ли он приехал из Караганды, не имея где преклонить голову, и ночевал то у Андроникова, то у Степанова в их каморках.

Сегодня были у меня: Оля Грудцова, Наташа Тренева; мы сидели и читали переводы Заболоцкого из Важа Пшавелы и Гурамишвили, когда пришли Пастернак, Андроников, — и позже Лида. Пастернак — трагический — с перекошенным ртом, без галстука, рассказал, что сегодня он получил письмо из Вильны по-немецки, где сказано:

«Когда вы слушаете, как наёмные убийцы из “Голоса Америки” хвалят ваш роман, вы должны сгореть со стыда».

Я романа «Доктор Живаго» не читал (целиком), но Лида говорит, что в нем много плохих мест.

Но сам он производит впечатление гения: обнаженные нервы, неблагополучный и гибельный.

Говорил о Рабиндранат Тагоре — его запросили из Индии, что он думает об этом поэте, — а он терпеть его не может, так как в нем нет той «плотности», в которой сущность искусства.

Взял у меня Фолкнера «Love in August»*.

Сегодня он первый раз после больницы был в городе — купил подарки сестрам и врачам этой лечебницы.

Андроников очень хвалит мою книгу «Люди и книги». Должно быть, в ней есть кое-какие достоинства, но мне бросаются в глаза одни недостатки.

24/IV. Коля сообщил, что в «Советском писателе» будут издавать мою книгу «Мастерство Некрасова».

29 апреля. Я в Загородной больнице Кремля. Палата роскошная, но для меня неудобная. Познакомился с хирургом Ник. Ник. Кунном, милейшим сыном Бела Куна, братом Агнессы. По соседству со мной палата, где лежит Федор Гладков. Он несколько раз хотел навесить меня. Я не мог принять его. Сейчас зашел к нему и ужаснулся. Болезнь искромсала его до неузнаваемости. Последний раз я видел его на Втором съезде писателей, когда он выступил против Шолохова. По его словам, с этого времени и началась его болезнь. Он, по его словам, не готовился к съезду и не думал выступать на нем. Но позвонил Сулов: «вы должны дать Шолохову отпор». Он выступил, страшно волнуясь. На следующее утро ему позвонили: «вашим выступлением вполне удовлетворены, вы должны провести последнее заседание...»

— И сказать речь?

— Непременно.

Это его и доконало, по его словам. После его выступления против Шолохова он стал получать десятки анонимных писем — ругательных и угрожающих — «Ты против Шолохова, значит, ты — за жидов, и мы тебя уничтожим!»

Говоря это, Гладков весь дрожит, по щекам текут у него слезы — и кажется, что он в предсмертной прострации.

— После съезда я потерял всякую охоту (и способность) писать. Ну его к черту. Вы посмотрите на народ. Ведь прежде были устои, такие или сякие, а были, а теперь — пьянство, разгул, воровство. А высшие власти...

Тут он страшно закашлялся. Из дальнейших слов выяснилось, что в поезде, когда он ехал в Саратов к избирателям (его наметили кандидатом в депутаты Верховного Совета), с ним приключился инфаркт — и с тех пор он держится только инъекциями, новокаином — и мыкается по больницам.

30 апреля. Гладков вызвал меня на прогулку. Мы гуляли часа полтора. Он — это его стиль! — рассказывал с возмущением разные случаи несправедливости, подлости, воровства и т. д., всякий раз выставляя на вид свое благородство. Сообщил мне, что Берия издавал приказ, чтобы даже по гражданским делам не было оправдательных приговоров. И перешел на своего любимого конька: на чистоту русского языка, которую он понимает не диалектически. Когда Виноградов сказал, что слово «довлеть» теперь понимается в новом значении, он настоял, чтобы довлеть в этом новом значении в словаре не фигурировало. Упрекнул меня, почему я говорю озорничать, а не озорничать и т. д.

5 мая. Мне все хуже. Моя мечта, чтоб меня отпустили домой. Вчера подошел ко мне невысокого роста седой человек — похожий на Каменева — с щегольски подстриженной бородкой и сказал:

— Мы с вами знакомы. Познакомились в 1907 году.

То есть 51 год назад. Оказывается, Рая Лемберг (Рая Лифшиц) привела его ко мне, так как он только что бежал от полиции и ему нигде было ночевать. Он запомнил, что мы жили очень бедно, что я встал рано, пил чай с молоком и что в тот день вышла газета с моими стихами — об обыске, произведенном в квартире полицией:

О Клара Цеткина, о Бебель,
О Лагардель, о Лагардель.
О перевернутая мебель,
О разоренная постель.

В 1948 году он был сослан на 6 лет на Колыму. Говорил, что Рая жива, профессорствует в Алма-Ате.

15 мая. Поразительная бесцеремонность. Сейчас мне позволили из Киева от какого-то издательства, не разобрал какого. «Корней Иванович! разрешите издать вашу книжку “От двух до пяти”».

— Позвольте! Книжка требует кое-каких исправлений.

— Никаких исправлений не нужно. Книжка и без того хороша.

— Но ведь я автор. Я хотел бы...

— Но у нас уже сняты матрицы, и мы на днях приступаем к печатанию.

— Сколько же вы намерены напечатать экземпляров?

— Да тысяч триста!

— Ой, это много. Нельзя ли поменьше?

— Но говорят же вам, что мы уже *напечатали их*.

15 мая. Гулял с детьми над речкой. Только что узнал, что мы запустили «Спутника» в полторы тонны и что Булганин смещен с должности директора банка.

По этому поводу в Москве говорят:

«Кто был никем, тот стал ничем».

А ведь недавно делал выговор Эйзенхауэру и говорил от лица многомиллионного народа — со всеми державами.

20 мая. Вчера утром меня посетил главный редактор Украинского Детиздата — красивый, высокий, ленивый, хитроватый хол, тот самый, что говорил со мною из Киева. Его фамилия — Чайковский. Он специально прилетел из Москвы, чтобы уладить дело с книжкой «От 2 до 5».

— У нас есть разрешение у Министерства культуры СССР издать вашу книгу в количестве 500 000, но бумаги у нас не хватило, и мы напечатали 350 000.

— Напечатали?!?

— Да!

— Но ведь это незаконно!

— Да, мы согласны, что поступили некорректно, я и приехал попросить у вас извинения.

— Что же я сделаю с вашим извинением? Ведь издательство «Советская Россия» подумает, что я одновременно продал книжку и вам, и ему.

— Э, ведь мы разные республики.

Разговор продолжался все утро — до 2 часов. Что делать, не знаю. Ведь они печатают по двенадцатому изданию, а я для «Советской России» подготовил исправленное 13-е издание.

Пришла корректура моей книжки «Из воспоминаний». Держу корректуру. Книжка мне очень не нравится. О «Потемкине» — плохая беллетристика. О Репине растянуто и слащаво. Хуже всего то, что Репин уже не вызывает во мне того восторга, с каким я относился к нему, когда писал эту книжку. О Горьком — вяло, много недоговоренного. Вообще что-то есть в этой книжке фальшивое.

Пишу о Блоке — очень туго, без воодушевления.
Чехов опять отложен.

1958

Одолевают визитеры: Перцов с женой, Надя Вольпин и т. д., и т. д.

Испугавшись той аферы, которую у меня за спиной устроил украинский Детгиз, я позвонил Хесину в Управление по защите авторских прав, он направил во Всесоюзное Объединение Книжной торговли Министерства Культуры (Александра Васильевна). Еще рекомендовал он обратиться к директору этого Объединения Петру Васильевичу. Я обратился к Александре Васильевне — она сказала, что хотя поступок Украинского Детгиза неэтичен, теперь уже поздно запрещать эту книгу. — Не спится: $\frac{3}{4}$ 12-го ночи.

23 мая, ночь на 24-ое. Вот уже 4-ая ночь, как я не сплю. Стыдно показаться людям: такой я невыспанный, растрепанный, жалкий. Пробую писать, ничего не выходит. Совсем разучился. Что делать? Иногда думается: «Как хорошо умереть». Вообще, без писания я не понимаю жизни. Глядя назад, думаю: какой я был счастливцем. Сколько раз я знал вдохновение! Когда рука сама пишет, словно под чью-то диктовку, а ты только торопись — записывай. Пусть из этого выходит такая мизерня, как «Муха Цокотуха» или фельетон о Вербицкой, но те минуты — наивысшего счастья, какое доступно человеку.

Читаю переписку Блока и Белого. Белый суетен, суетлив, истеричен, претенциозен, разнуздан. Блок спокоен и светел, но и у него в иные периоды сколько мути, сколько заикания и вялости.

Прочел своего любимого Hazzlitt'a «О страхе смерти». Там прекрасные строки на тему:

Увы, утешится жена
И друга лучший друг забудет.

Что мне делать с Маргаритой Алигер? Мне понравилась ее поэма «Твоя поэма». Изд-во «Молодая гвардия», где должна была переиздаваться эта поэма «в составе тома», забраковало ее. Я возмущался издательством. Маргарита попросила меня написать свое мнение о поэме: ей нужно это для посрамления издательства — и вдруг я увидел, что поэма плоха. Перечел ее вновь: клочковатая, риторичная, с наигранным пафосом. А ведь как нравилась!

31 мая. Получена из Киева от Гусевой телеграмма: «Говорила с Чайковским. 250 000 реализованы. (?)! Остальные 100 000 ближайšie дни реализуют по Украине. Расходится хорошо».

Что значит «реализуют», не знаю. Откуда взялись еще 50 000? Сплошное пройдошество. Цинизм деляческий — и никакой управы на этих людей. Теперь мне стыдно перед «Советской Россией», которая так хорошо отнеслась к моей книжке.

Наконец-то ушли в производство и моя книжка о Репине, и моя книжка о Чехове — в Детгизе.

Сейчас узнал, что в Детгизе вышло мое «Краденое солнце» — сказка, которую дети любят *меньше всего*. Действительно, она какая-то дряблая.

Получил сегодня от Вадима Андреева огромное письмо — чудесно-талантливое, из США.

14 июня. Сейчас в 13 час. позвонил мне Б. Чайковский и как ни в чем не бывало спросил, *платила ли мне Белоруссия* за изданную в прошлом году книжку «От двух до пяти». Это после того, как я по его просьбе подписал договор на 7 тиражей этой книжки!!!

Сообщил, что все 350 000 экземпляров разошлись в *один день*! Если принять во внимание, что в прошлом, 1957 году разошлось 150 000 экз., в 1956 — 75 000 экз., в 1955 — 85 000 экз., получится 660 тысяч в три года! А если осуществится в этом году издание «Советской России» получится 810.000.

Около миллиона в три года, причем, если бы выпустить ее три и четыре миллиона, все равно она бы разошлась без остатка — и это без всякой рекламы, без *единой* газетной статьи, если не считать двух или трех — давних.

Значит, я нашел-таки путь к сердцу советского читателя — хоть и перед смертью, а нашел. Вся штука в том, что я ничего ниоткуда не списываю, никому не подражаю, ничего не подгоняю под чужие теории и не *придерживаюсь казенных форм* выражения. Самый поразительный феномен в данном случае — успех моей книжки «Люди и книги», которую издали в 30 тысячах экземпляров, считая это *огромным тиражом* для литературоведческой книжки. И, к изумлению Гослита, на книжку гигантский спрос.

Вдруг пришел ко мне милый Кассиль — и говорит, что он наконец узнал, что Пастернак собирается завтра выступить со своими стихами, с чтением своей автобиографии в Доме творчества, где наряду с почтенными переводчиками, литературоведами живет много шушеры — «которая сделает из Пастернаковского выступления громчайший скандал — и скандал этот будет на руку Суркову».

Я побежал к Пастернаку предупредить его и все
время твержу его стихи:

1958

Как вдруг из расспросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живой.

Не застал его дома, он пошел гулять; гуляет он часа два; я не мог дожидаться его; З. Н. тоже против его чтения — просит уговорить. Условились, что сегодня утром он зайдет ко мне. Читать сейчас было бы безумием. А какие стихи! Я упиваюсь его «Августом», «Больницей», «Снегом». Прочитал книгу D. W. Winnicott'a «The Child and Outside World»¹, изданную в Англии в 1957 году: собачья чужь, круто замешанная на психоанализе. «The Child and Sex»² — ерундистика. Есть куски словно из Козьмы Пруткова.

27 мая [июня]. Сколько нужно мне записать.

Во-первых, умерла Фредерика Наппельбаум в тот же день, когда скончался ее отец. Отцу 87 лет, он умер, служанка разбудила Фредерику, та взволновалась — инсульт. Была поэтическая, бескорыстная [следующие листы вырваны — Е. Ч.]

9 сентября. У меня с Пастернаком — отношения неловкие: я люблю некоторые его стихотворения, но *не люблю* иных его переводов и *не люблю* его романа «Доктор Живаго», который знаю лишь по первой части, читанной давно. Он же говорит со мной так, будто я безусловный поклонник всего его творчества, и я из какой-то глупой вежливости не говорю ему своего отношения. Мне любви (до слез) его «Рождественская звезда», его «Больница», «Август», «Женщинам» и еще несколько; мне мил он сам — поэт с головы до ног — мечущийся, искренний, сложный.

С Женей неясно. Не то он поступил в ГИК, не то — нет. Не то он женится на Гале Шостакович, не то нет. Не то он хорош, не то плох. Чаще всего кажется, что плох.

27 октября. История с Пастернаком сто́ит мне трех лет жизни. Мне так хотелось ему помочь!!! Я предложил ему поехать со мною к Фурцевой — и пусть он расскажет ей все: спокойно, искренне. Пусть скажет, что он возмущен такими статейками, как те,

¹ Д. В. Винникотт. «Ребенок и окружающий мир» (англ.).

² «Ребенок и секс» (англ.).

которые печатают о нем антисоветские люди, но что он верит (а он действительно верит!!), что премия присуждена ему за *всю* его литературную деятельность. Пусть скажет, что он стал жертвой аферистов, издавших его роман против его воли, как он говорит.

Это написано для показа властям.

[Дописано позже другими чернилами. — Е. Ч.].

Дело было так. Пришла в 11 часов Клара Лозовская, моя секретарша, и, прыгая от восторга, сообщила мне, что Пастернаку присуждена премия и что, будто бы, министр Михайлов уже поздравил его. Уверенный, что советское правительство ничего не имеет против его премии, не догадываясь, что в «Докторе Живаго» есть выпады против советских порядков, — я с Люшей бросился к нему и поздравил его. Он был счастлив, опьянен своей победой и рассказывал, что ночью у него был Всеволод Иванов, тоже поздравляя его. Я обнял Б. Л. и расцеловал его от души. Оказалось, что сегодня день рождения его жены. Я поднял бокал за ее здоровье. Тут только я заметил, что рядом с русским фотографом есть два иностранных. Русский фотограф Александр Васильевич Морозов был от Министерства иностранных дел. Он сделал множество снимков. Тут же находилась вдова Тициана Табидзе, которая приехала из Тбилиси, чтобы Б. Л. помог ей продвинуть русское издание стихов ее мужа. Она привезла несколько бутылок чудесного грузинского вина. Никто не предвидел, что нависла катастрофа. Зин. Ник. обсуждала с Табидзе, в каком платье она поедет с «Борей» в Стокгольм получать Нобелевскую премию.

Меня сильно смущало то, что я не читал «Доктора Живаго» — то есть когда-то он сам прочитал у меня на балконе черновик 1-й части — и мне не слишком понравилось — есть отличные места, но в общем вяло, эгоцентрично, гораздо ниже его стихов. Когда Зин. Н. спросила меня (месяца два назад), читал ли я «Живаго», я сказал: «Нет, я не читаю сенсационных книг». Забыл сказать, что едва мы с Люшей пришли к Пастернаку, он увел нас в маленькую комнатку и сообщил, что вчера (или сегодня?) был у него Федин, сказавший: «Я не поздравляю тебя. Сейчас сидит у меня Поликарпов, он требует, чтобы ты отказался от премии». Я ответил: «ни в коем случае». Мы посмеялись, мне показалось это каким-то недоумением. Ведь Пастернаку дали премию не только за «Живаго» — но за его стихи, за переводы Шекспира, Шиллера, Петефи, Гете, за огромный труд всей его жизни, за который ему должен быть признателен каждый советский патриот. Я ушел. Б. Л.: «пождидите, выйдем вместе, я только напишу две-три телеграммы».

Мы с Люшей вышли на дорогу. Встретили Цилю Сельвинскую. Она несла горячие пирожки. — Иду поздравить. — Да, да, он будет очень рад. — Нет, я не его, а З. Н., она именинница. — Оказалось, Циля еще ничего не знала о премии. Выбежал Пастернак, мы встретили нашу Катю и вместе пошли по дороге. Пастернак пошел к Ольге Всеволодовне — дать ей для отправки свои телеграммы и, м. б., посоветоваться. Мы расстались, а я пошел к Федину. Федин был грустен и раздражен. «Сильно навредит Пастернак всем нам. Теперь-то уж начнется самый лютый поход против интеллигенции». И он рассказал мне, что Поликарпов уехал взбешенный. «Последний раз он был у меня, когда громили мою книжку “Горький среди нас”». И тут же Федин заговорил, как ему жалко Пастернака. «Ведь Поликарпов приезжал не от себя. Там ждут ответа. Его проведут сквозь строй. И что же мне делать? Я ведь не номинальный председатель, а на самом деле руководитель Союза. Я обязан выступить против него. Мы напечатаем письмо от редакции “Нового Мира” — то, которое мы послали Пастернаку, когда возвращали ему его рукопись», и т. д.

Взбужденный всем этим, я часа через два снова пошел к Пастернаку. У него сидел Морозов (из Министерства иностранных дел) вместе с женой. Они привезли Зин. Н-вне цветы и угнездились в доме, как друзья.

Была жена Н. Ф. Погодина. Был Леня, сын Б. Л-ча. Б. Л., видимо, устал. Я сказал ему, что готовится поход против него, и сообщил о письме из «Нового Мира». А главное — о повестке, полученной мною из Союза Писателей, с приглашением завтра же явиться на экстренное заседание. Как раз в эту минуту приехал к нему тот же посыльный и принес такую же повестку. (Я видел посыльного также у дачи Всеволода Иванова.) Лицо у него потемнело, он схватился за сердце и с трудом поднялся на лестницу к себе в кабинет. Мне стало ясно, что пощады ему не будет, что ему готовится гражданская казнь, что его будут топтать ногами, пока не убьют, как убили Зоценку, Мандельштама, Заболоцкого, Мирского, Бенедикта Лившица, и мне пришла безумная мысль, что надо спасти его от этих шпицрутенгов. Спасение одно — поехать вместе с ним завтра спозаранку к Фурцевой, заявить ей, что его самого возмущает та свистопляска, которая поднята вокруг его имени, что «Живаго» попал за границу помимо его воли — и вообще не держаться в стороне от ЦК, а показать, что он несколько не солидарен с бандитами, которые наживают сотни тысяч на его романе и подняли вокруг его романа политическую шумиху. Меня подержали Анна Никандровна Погодина, Морозов и Леня. Когда Б. Л. сошел вниз, он отверг мое предложение, но согласился на-

писать Фурцевой письмо с объяснением своего поступка¹. Пошел наверх и через десять минут (не больше) принес письмо к Фурцевой — как будто нарочно рассчитанное, чтобы ухудшить положение. «Высшие силы повелевают мне поступить так, как поступаю я, я думаю, что Нобелевская премия, данная мне, не может не порадовать всех советских писателей», и «нельзя же решать такие вопросы топором»*. Выслушав это письмо, я пришел в отчаяние. Не то! и тут только заметил, что я болен. Нервы мои разгулялись, и я ушел чуть не плача. Морозов отвез меня домой на своей машине.

3 декабря. Весь ноябрь «я был болен Пастернаком». Меня принудили написать письмо с объяснениями — как это я осмелился поздравить «преступника»! Колино выступление в Союзе*. Ни одной ночи я не спал без снотворного. Писал собачью чушь — воспоминания о журнале «Сигнал» — туго, склерозно. Кончил новую статью об Оскаре Уайльде, тоже дряблую, стариковскую. На днях должно выйти 13-ое изд. «От двух до пяти» в «Советской России» — с ужасными опечатками в беденьком оформлении. Держу корректуру «Мастерства Некрасова» и с огорчением вижу, что это плохая книга. Особенно на главах «Пушкин», «Гоголь» отразился сталинский террор. Здесь в Доме творчества отдыхает проф. Асмус. Он передал мне привет от Пастернака (которого я ни разу не видел с 25-го октября) — Б. Л. просил сказать мне, что нисколько не сердится на Николая Корнеевича.

4 декабря. Вчера, гуляя с Асмусом, мы встретили Тамару Владимировну Иванову — в страшной ажитации. Оказывается, на юбилее Андроникова Виктор Влад. Виноградов сказал Тамаре Владимиру., что Корнелий Зелинский подал донос на Кому Иванова, где утверждает, будто дом Всеволода Иванова — это гнездо контрреволюции. В своем доносе он ссылается на Федина и Суркова. Вся эта кляуза опять-таки связана с делом Пастернака: Кома месяца 3 назад не подал руки Зелинскому и при этом громко сказал: вы написали подлую статью о Пастернаке. Зелинский сообщил об этом на собрании писателей, публично*. И кроме того — написал донос. Станный человек! Когда Пастернак был болен, Зелинский звонил ко мне: «Скажите, ради бога, как здоровье Бори?», «Я Борю очень люблю и считаю великим поэтом» и т. д. Теперь он ссылается на Федина. Тамара Владимировна, узнав об этом, пошла к Федину после бессонной ночи.

¹ Ленья брался на другой день доставить это письмо в ЦК к 9 час. утра. — К. Ч.

«— Правда ли, что вы солидаризируетесь с подлецом Зелинским — и что в своем доносе он ссылается на вас?» — «Я не считаю Зелинского подлецом — и то, что он написал, не считаю доносом. Я возвращался с Зелинским после осмотра памятника Фадееву и действительно говорил о Коме. Я говорил, что он и мне не подал руки», и т. д. Федин, по словам Ивановой, очень путался, сбивался... «а ведь мы 31 год были в дружбе... и мне так больно терять друга...» (Она плачет.)

У Комы дела плохи. Его травят. Карьера его под угрозой. «Но я горжусь, что воспитала такого благородного сына».

Нилин: «Пастернак очень щедр. За малейшую услугу — здесь в Городке писателей — он щедро расплачивается. Поговорит в Доме творчества по телефону и дает уборщице пятерку. По этому случаю один старик сказал: «Ему легко швырять деньги. Он продался американцам, — читали в газетах? Все эти деньги у него — американские».

9 декабря. Вчера приехал в Барвиху. Занял комнату 44-ую в III корпусе, совсем изнеможенный. Немного поработал над «Сигналами». Работа успокоила меня. Сегодня впервые вышел, и первый, кого я встретил, был Дм. Алексеевич Поликарпов. Лицо остекляненное, болезненное. Говорит: мне 54 года, моему отцу 82. Он еще ни разу не был в больнице, а мне приходится быть инвалидом. У матери нас было 9 человек, она и работала, и рожала, и растила нас и впервые заболела в 72 года. Очень хорошо отзывался о Соболеве: и талантлив, и с нами сработался, прямой человек, без извилин. Вполне *наш*. Но вот Ольга Иоанновна, его жена...

Вчера у меня был Леонов. Я переводил ему статью Эдмунда Уильсона «Sophistication of a formula»¹ о леоновской «Дороге на океан», — он был очень доволен хвалами его дарованию.

10 декабря. Была Клара. Приносила корректуру «Мастерства» с редакционными пометками Полонской. Пометки пустяковые, мелкие, лишённые принципиального значения. Книга кишит внутренними ошибками. Ни одной из них Полонская не приметилла, сосредоточившись на проверке сносок и собственных имен.

Я помаленьку взялся за подготовку второго издания своих мемуаров. Работы впереди бездна. Но работа веселая, интересная мне самому.

¹ «Изысканность определений» (англ.).

Группа отдыхающих сражается в домино. Позвали меня. Я сказал им (по-мальчишески), что ненавижу тех, кто играют в такие игры. Они очевидно обиделись.

11 декабря. Перешел в общую столовую — где меня познакомили со вдовой Иоганнеса Бехера. Она страшно удручена смертью мужа. Ее возмущает, что лучшие его сочинения никогда не переводились на русский язык. Одним из наиболее удачных переводов она считает перевод Пастернака. (И тут я нарушил свой зарок, заговорил о Пастернаке.) Она возмущена его антисоветским поступком, говорит, что он сделал своей родине много зла — и всем нам, немцам, полякам — но, по ее словам, ошибочно поступил и т. Семичастный, публично обозвавший его свиньей. Я сказал ей, что я не читал «Живаго», считаю Пастернака отличным и растущим поэтом и что если бы, не делая лишнего шума, роман этот с должными купюрами напечатали у нас в СССР — он не имел бы никакого успеха. И прошел бы незамеченным. А теперь это самый знаменитый роман во всем мире. И наши как будто нарочно постарались, чтобы сделать его знаменитым. Между тем в художественном отношении роман плох (я знаю только его первую часть). Она сообщила мне, что белые печатают этот роман маленькими книжками и хотят сбрасывать его с самолетов: дурацкая затея, т. к. его религиозное содержание всем чуждо — и студентам, и стилигам, и восторженным барыням.

12 декабря. Спал ужасно. Приснилось такое послание к *Асе Лорие*.

Дорогая моя Ася,
Ася милая моя,
Надо мной беда стряслася:
От бессонниц нет житья.
И загнало меня лихо
В санаторию Барвиха.
Но и здесь, увы, бессонница
По пятам за мною гонится.

Вчера познакомился с Дегтярем.

13 декабря. Принялся готовить к новому изданию «Воспоминания». Застрял на Житкове.

Вчера мне привезли 12 номер «Звезды», где статья «Люди, книги и Корней Чуковский»*, написанная с молодым энтузиазмом. Директор показал мне № 32-й «Крокодила», где есть идиот-

ская карикатура на меня. Я отдал бы всю эту «славу» за один час здорового сна.

1958

14 декабря. Вчера с 8 до 9 вечера гулял с Поликарповым. Совершенно расспрашивал о Заболоцком. «Я был в больнице и не заметил некролога. Вдруг в 12 кн. “Нового Мира” его стихи в черной рамке. Неужели умер? Он вообще был честен: очень хорошо вел себя в Италии и отлично выступал как общественник».

О жене Вас. Гроссмана: «Ольга... Ольга... забыл ее отчество. Она родилась под Сочи. Трогательно относилась к мужу, любила его. Мы с ними втроем ездили из Сочи к ней на родину. Она так *лирически* волновалась. Я говорил всем: “вот примерная пара”. И вдруг узнаю, что она ушла от него, он сошелся с женой Заболоцкого».

Когда Поликарпов волнуется, он начинает *кричать*, то есть говорить так громко, что слышно на соседней аллее. Я заговорил о Зощенко. «Нет, нет, он был не наш... нет»... (что-то в этом роде, не теми словами). И перевел разговор на другое.

Восхищается Андрониковым. «Но нельзя ему публично показывать Маршака, Суркова, Леонова... Нельзя. Это народ ранимый, чувствительный к обидам... *вы и представить себе не можете*».

«Сурков — недурной оратор, но не готовится к выступлениям и часто порет чушь. Плавает. Я ему это не раз говорил. Мы с ним друзья и прямо говорим друг другу все в глаза...»

Сегодня Марина и Коля уезжают в Венгрию.

О Вере Пановой Поликарпов говорит: «Талантлива, но ее “Сентиментальная повесть”^{*} — пустяк, который недостоеин ее». О Твардовском как о редакторе очень уважительно.

18 декабря. Весь день не выхожу из комнаты. Ковыряю «От 2 до 5» и «Воспоминания». На улице слякоть — drizzle. Гулять невозможно. Пошел в общий зал, где фонтаны. Стоит смуглый юноша, мечтательно курит. Мы разговорились. Он необыкновенно красив, вежлив, доброжелателен. Говорит только по-французски — и немного по-русски. Видя, что он скучает, я повел его к себе и только тогда догадался, что это афганский принц^{*}. Он лежал в Кремлевской больнице и за три месяца изучил русский язык — как иные не изучат и в год. Ему 18 лет. В больнице он познакомился с Маршаком. Grand ecrivain!¹

23 декабря. Гулял вчера с Б. В. Иогансоном. Часа два. Он отличный собеседник и хохотун. Хохочет, как Сергеев-Ценский.

¹ Великий писатель (*франц.*).

Много рассказывал о мошенничествах Василия Яковлева, Грабаря, Желтухина. У него есть артистическая жилка. Отлично показывал грузин, Желтухина. О Бурлюке: он если хотел, умел отлично рисовать.

25 декабря. Принц Афганский совсем стал домашним. Когда он проигрывает в козла, ему говорят:

— Ваше высочество, вы — козел!

Дегтярь зовет его «товарищ принц».

Беседовал с директором Константином Алексеевичем о Гладкове, и оба сошлись на том, что он скончался, главным образом, от злобы. Злоба душила его. Он смертельно ненавидел Горького, считал Маяковского жуликом и ненавидел всякого, кто, по его мнению, коверкал русский язык. «Ужас, ужас! — говорил он. — Подумать только: говорят “тягловая сила” про автомобиль — между тем “тягло” это...» и т. д. И хватался за голову.

Умер Ценский. «Я знал его, мы странствовали с ним»*. Его сочинения для меня делятся на 4 разряда.

1-й, ранние — наивно, провинциально декадентские. Настоящий матерый декадент (напр., Брюсов) только морщился от его вульгарных загогулин.

2-й разряд. Символически воспринятое изображение *реального* мира: «Медвежонок», «Движения», «Печаль полей», «Лесная топь» — отличные вещи, с одной-единственной темой: все гибнет, рушится, тает, умирает. Движения рано или поздно превратятся в застылость.

3-й разряд. Ужасно пошлые, фатоватые, невежественные историко-литературные повести: «Гоголь уходит в ночь», о Лермонтове, о Пушкине. Читая эту скудоумную пошлятину, я так возмущился, что прекратил переписку с Сергеем Николаевичем.

4-й разряд. «Севастопольская страда» (или как в публике говорят: «Эстрада») и прочие претенциозные, но пустопорожние вещи, недостойные его дарования.

Выходит, что он был талантлив лет восемь за всю свою полувековую литературную работу. Но самовлюблен был ужасно. Весь его разговор сводился к «я... я... я...» Замечательное меднолобое самообожание!

А в юности мы были друзьями.

Вечером гулял с Бор. Вл. Иогансоном, который очень задушевно и простодушно рассказал мне, как он влюбился в одну женщину, которую тиранил ее муж, спас ее от тирана, разошелся (всего только месяц назад) с женою, отдал жене квартиру, машину, а сам живет со своей Ниной на Масловке в мастерской. Нину я

видел. Она красива вкрадчивой, ненавязчивой, русской красотой. Он влюблен в нее, как студент. Говорит, что она его «подняла». Что под ее влиянием он стал правдивее.

«Никогда не думал (у меня ведь мордоворот), что меня такого можно любить. Я стал гораздо правдивее. Недавно был такой случай. Я в жюри. Нужно отобрать лучшее в нашем искусстве. Вдруг Лебедев (?) шепчет мне: “Николай Александрович (Михайлов) просит, чтобы вы выбрали Бродскую”. Я посмотрел: дрянной, зализанный салонный пейзажик. Прежде я непременно согласился бы с Михайловым. (“Потому что мы лжем, ох, как мы лжем!”), а теперь под влиянием Нины:

— Вот эту слабую вещь? Ни за что!

И провалил Бродскую. Теперь начнется травля — все бабы против меня. Приезжал Сысоев от имени Михайлова (а на самом деле от имени его жены Раисы Тимофеевны) просить меня, чтобы я снова сошелся с женой, — нет, ни за что, пусть меня погонят из президентов, я готов на все» и т. д.

Уехал Дегтярь. Принц провожал его. Показывали картину «Афганистан». Кино очень хорошее, но нищеты не скроешь, глиняных домиков не скроешь, скуки, азиатчины, бескультурия не скроешь. На сеансе присутствовал принц со своим седым переводчиком и Дегтярем. Дегтярь, милый хохол, который через неделю будет в Кабуле, который он называет своей Кабалой.

Приехал Маршак. Переводит отрывки из Бернса, обещает почитать.

26 декабря. Уехал сегодня Иогансон. Приходил прощаться. Он прочитал мою книжку о Чехове — и по-студенчески, горячо и взволнованно сказал мне о ней несколько благодарственных слов. «Вот не буду больше лгать! — сказал он. — А я лгал и лукавил. Больше не буду. И Нина требует от меня, чтобы я больше не лгал».

Месяца два назад мне позвонил Валентин Петрович Катаев и в самых любезных выражениях попросил у меня для «Юности» какую-нибудь статейку. Я в это время безуспешно трудился над воспоминаниями о журнале «Сигнал». Бессонницы, история с Пастернаком, сознание надвинувшейся дряхлости — все помешало мне сделать эту статью на том уровне, на каком она была задумана мною.

Но т. к. Катаев просил меня уж очень настойчиво, я представил ее в «Юность», говоря, что это, так сказать, набросок, черновик, который подлежит доработке. Встретили меня в «Юности»

очень радушно, горячо расхвалили мои «Воспоминания» и другие мои литературные опыты, и сказали, что на днях дадут ответ, «о, вне всякого сомнения, — положительный!» Я прождал неделю-другую. За это время меня дважды встречал Катаев, но о рукописи ни слова: еле подал мне руку и вдоволь наиздевался над тем, что я сфотографирован где-то в «Парижском листке», как я поздравляю Пастернака с Нобелевской премией. Проходит пять недель. Из «Юности» ни звука. Я прошу Клару навеститься. Ей возвращают рукопись без всякой записки, без малейшего отзыва. Если бы она и в самом деле сколько-нибудь принимала к сердцу мои литературные дела, она непременно спросила бы, а почему, собственно, мне возвращают рукопись, чем она плоха, чем она не удовлетворяет редакцию. Она взяла рукопись и ушла.

Бедный Катаев. Ведь есть же у него дарование. Но он переродился в какого-то полицейского хама, и лицо у него стало полицейское. Сколько раз я был свидетелем того, как он оскорбляет людей, унижает их, клеветает на них. Летом я проходил мимо него с Долининым, специалистом по Достоевскому. Познакомил Долинина с Катаевым. Вдруг Катаев начинает кричать, что Достоевского надо запретить, что он опасный и вредный писатель, — и при этом узкая голова, невежда — почти ничего не читающий. Меня он ненавидит именно так, как тупицы ненавидят чуждых им по самому своему существу интеллигентов. Он и представить себе не может, как жалко мне видеть его оскудение, его темноту — и нравственный распад его личности. А талантлив. И притом юморист — в прошлом очень большого калибра.

Вечером пришел ко мне Маршак, помолодевший, здоровый, чуть-чуть задыхающийся. Заговорили о Житкове. Житков патологически возненавидел Маршака, сошелся на этой почве с Бианки — и оба они ненавидели его жгучею ненавистью, которая Маршаку непонятна, т. к. этим людям он помог встать на ноги и стать писателями. Одну книгу Бианки он всю написал вновь (кажется, «Мурзук»), другую подсказал ему («Лесную газету»). Он, Маршак, хлопотал перед Ягодой о Васильевой, и т. д., и т. д. И о Бианки хлопотал, чтобы его с Урала перевели в Новгород. А Житкова он прославил в «Почте» — и Житков слышать не мог его имени, и т. д., и т. д. Насчет Катаева он со мною согласен — вспомнил, как в Кисловодске он дал Катаеву по физиономии.

Маршаку предлагают играть в «козла». Он:

— Я не козлоспособен!

Потом прибавил:

— Но зато и не козлопамятен.

— Знаете, я родился в тот самый день, когда умер Лев Толстой.

— Да, так бывает всегда. За одним несчастьем следует другое.

Возобновил знакомство с Анатолием Карловичем Кнорре, красивейшим мужчиной, чудесно знающим литературу — *наизусть*. Память сверхъестественная.

Встречаются бывшие школьные товарищи.

— Ну как Петя?

— Он академик.

— А Миша?

— Товарищ министра.

— А Ленья?

— Он литературный критик.

— Это можно было и раньше предвидеть.

— Почему?

— Он с детства терпеть не мог литературы.

31 декабря. Вчера Маршак был прелестен. У него в номере (18-м) мы устроили литературный вечер: я, он и Кнорре. Стали читать его переводы Бернса — превосходные, на высочайшем уровне. Мы обедали и ужинали вместе; за ужином вспоминали Льва Моисеевича Клячко, о котором С. Я. сохраняет самые светлые воспоминания. Мне тоже захотелось вспомнить этого большого и своеобразного человека. Я познакомился с ним в 1907 году, работая в литературном отделе газеты «Речь». Он был репортером, «королем репортеров», как говорили тогда. Казался мне вульгарным, всегда сквернословил, всегда рассказывал анекдоты, острил — типичный репортер того времени. Выделяла его из их толпы только доброта. Так как по своей должности он часто интервьюировал министров, да и видел их ежедневно (в Думе и в министерствах), к нему всякий раз обращались десятки людей, чтобы он похлопотал о них. И он никогда не отказывал. Жил он тогда на Старо-Невском. Я однажды ночевал у него и был свидетелем того, как его квартиру с утра осаждают всякие «обремененные и трудящиеся» — и он каждый день от 9 до 11 принимал их всех, — и брался хлопотать обо всех. Причем был бескорыстен (до грубости): выгнал одного пожилого просителя, который предложил ему вознаграждение. Всех принимал сразу — на глазах у всех. Одна девушка, сестра виленского доктора Шабада, сказала ему:

— Я не могу говорить о своем деле при всех. Дайте мне возможность рассказать вам все наедине.

Он разъярился.

— Ни за что. Сейчас же скажут, что вы дали мне взятку. Только при всех. В чем же ваше дело? Говорите.

— Я германская подданная. — Тогда это было ужасно. Все посмотрели на нее с ужасом. Немецких подданных тогда ссылали, топтали ногами... Но Клячко поехал куда-то, поговорил, объяснил — и я видел ее дней через десять, она приходила благодарить его.

В 1921 году Клячко задумал основать издательство. Брат его жены — дал ему ссуду: 5000 р. Он, по настоянию брата, затеял издавать «Библиотеку еврейских мемуаров». Евреи (такие, как Винавер) снабдили его десятками рукописей. Он пригласил меня редактировать их. В то время после закрытия «Всемирной Литературы» я сильно голодал, семья была большая, и я охотно пошел в поденщики. Правил слог, сверял исторические факты. Милый Клячко, он не имел представления, как неинтересны и сумбурные были многие из приобретенных им рукописей, и требовал, чтобы я скорее сдавал их в набор. Нужна была марка для еврейских мемуаров, повторяющаяся на каждом томе. Я предложил изобразить на марке Ноя, который видит радугу и простирает руки к летящему голубю. Мы так и назвали будущее мемуарное издательство «Радуга», я познакомил Клячку с Чехониным, который и нарисовал нам Ноя с голубем и радугой. На другой день, когда у Клячко был семейный праздник (кажется, именины одной из дочерей), он немного выпил и был в благодушнейшем настроении, я прочитал ему две свои сказки, которые написал тем летом на Лахте (наряду со статьей: денежная тема в творчестве Некрасова): «Мойдодыра» и «Тараканище». Не успел я закончить чтение, как он закричал, перебивая меня:

— Идётся! Какой идётся!

Я смутился.

— Это я себя называю идётом. Ведь вот что нужно издавать в нашей «Радуге»! Дайте-ка мне ваши рукописи!

И он стал читать их, захлебываясь и перевирая слова. На следующий день он знал их наизусть и декламировал каждому, кто приходил к нему, «Ехали медведи на велосипеде».

В тот же день побежал к моему приятелю Ю. Анненкову (тот жил рядом со мною на Кирочной), съездил в литографию, снова посетил Чехонина, и каша заварилась. — Его энтузиазм был (нужно сказать) одиноким. Те, кому он читал мои сказки и кому, по его настоящему желанию, читал я, только пожимали плечами

и громко высказывали, что Клячко свихнулся. Помню репортеров, которые продолжали составлять его компанию (Полякова рыжего, Гиллера и др.), которые предсказывали ему верное банкротство. Он и вправду казался одержимым: назначил обеим моим книжкам «огромный» по тому времени тираж: 7000 экз. и выпустил их к Рождеству 1921 года (или чуть позже). Когда я привел к нему Маршака, тогда же, в самом начале 1922 г., он встретил его с восторгом, как долгожданного друга, издал томик его пьес и был очарован его даровитостью. Помню, как он декламирует:

На площади базарной,
На каланче пожарной —

упиваясь рифмами, ритмом, закрывая глаза от удовольствия. В качестве газетного репортера он никогда не читал никаких стихов. Первое знакомство с *поэзией вообще* у него состоялось тогда, когда он стал издателем детских стихов — до той поры он никаких стихотворений не знал. Весь 1922 и 1923 год мы работали у него с Маршаком необыкновенно дружественно, влияя друг на друга — потом эта дружба замутилась из-за всяких злобных наговоров Бианки и отчасти Житкова, которые по непонятной причине невзлюбили С. Я., и — я не то чтобы поддался их нашептываниям, но отошел от детской литературы и от всего, чем жил тогда Маршак.

1 января. С Новым Годом, дорогой Корней Иванович!

Моя ненависть — старинная — ко всяким застольным торжествам, юбилеям, вечерникам, пирам и т. д. — заставила меня согласиться с милым предложением Арсения Григорьевича Головки (адмирала) съездить в Переделкино, навестить «своих». Я даже не надевал пиджака. В серой больничной пижаме — ровно в 8 часов — я сел в Зис милейшего А. Г. — и мы покатали. Дóма очень хорошо. Сделана вторая полка над диваном, диван отремонтирован.

Вспоминая прошлое — а как же не вспоминать его в день Нового Года — я должен помянуть Сергеева-Ценского. Это был кудрявый, как цыган, очень здоровый, жилистый, моветонный прапорщик. Уходя, всегда говорил вместо *До свидания* — «*До свишвеция*», вместо «я ухожу»

Ухо жуя,
Ухожу я!

и т. д.

Сочинял самоделковые, очень безвкусные, витиеватые стишки.

Впрочем, о нем речь впереди, а теперь доскажу о сегодняшней ночи. Приехали мы с Головки в санаторий — бал в разгаре. И я сразу же познакомился с юношеподобным Харитоном, сыном Б. Харитона, «выпускающего в газете «Речь»», — ныне знаменитым атомщиком.

Маршак сидел, как король, между принцессой и принцем. Тут только я заметил, что я в больничной одежде — а все в визитках, и с позором убежал.

3 января. Вчера читал Маршаку и Харитону о Блоке. Поразительно то, что Маршак *ни одной моей книги не знает*: ни «От 2 до 5», ни «Воспоминаний», ни «Люди и книги», ни «Мастерства Некрасова». Ничего этого не читал.

Очень жаль, что мне всякий раз приходится разочаровываться в Маршаке. 1-ое. Он не уважает ничего времени. Придешь к нему в 6 часов — как условлено, поговорить о своем деле, о себе (как договорились), окажется, он играет в домино, а ты сиди и жди. В 6 ¹/₂ он освободится и начнет говорить *О СЕБЕ* (единственная его тема), и вообще всегда он управляет разговором — потеряешь 2 часа, слушая его — и не найдешь никакой возможности вставить в его монологи словечко. И потом то, что он ничего не читает, все же начинает сказываться. Он, например, говорит о старорусской нелюбви к государственности главным образом по Лермонтову, и когда я называю таких «государственников», как Б. Чичерин, видно, что это имя ему неизвестно. И т. д.

5 января. Докторша Екатерина Семеновна, придя с визитом, сообщила, как ей нравится роман Кочетова. После этого пропадает охота лечиться у нее.

7 января, среда. Встретил в Переделкине Катаева. «Мы не могли напечатать ту дрянную статью, которую вы нам (о “Сигнале”) дали. Во-первых, кто такой Дымов, что такое Дымов, зачем вы его упоминаете. А во-вторых, мы не хотим делать из вас революционера. Все эти журнальчики 1905 года — разве они были *революционно-демократические*? (он так и сказал, в терминах 60-х годов). Все сплошные либералы и написано плохо — черт знает что».

Выслушав этот выговор, я пошел к Всеволоду Иванову. У Тамары Вл. грипп. Она еле сидит. Рассказала мне, что Пастернак, до той поры никогда не упоминавший о своей Ольге Всеволодовне, вдруг захотел, чтобы я познакомилась с нею.

— А я знала, что она лгуня. Она была в ссылке по уголовному делу, а всем (да и самому Пастернаку) говорила, что из-за него. На меня она произвела самое отталкивающее впечатление. Я так и сказала Борису Леонидовичу: «больше я с этой особой встречаться не желаю». Он слепо ей верит — и во всем советуется с нею. Между тем...

За час до этого был у меня Пастернак. Постарел, виски ввалились — но ничего, бодр. Я сказал ему, что из-за его истории я третий месяц не сплю. Он: «А я сплю превосходно». И с первых же слов: «Я пришел просить у вас денег. 5000 рублей. У меня есть, но я не хочу брать у Зины. И не надо, чтобы она знала».

Очевидно, деньги нужны Ольге Всеволодовне. Я лишь вчера получил 5000 в сберкассе и с удовольствием отдал ему все.

Он разговорился:

— Ольге Всеволодовне не дают из-за меня переводческой работы в Гослите. Ту, что была у нее, отобрали. Я перевел пьесу Словацкого, сдал в издательство, рецензенты одобрили, но денег не платят. Послушайте, а что, если я дам уверенность на получение моих заграничных гонораров Хемингвею? Денег нет ниоткуда. Но зато — если бы видели письма, которые я получаю. Потоки приветствий, сочувствий...

— Была у меня Ливанова. У нее был день рождения, и она решила провести его у нас. Она ведь знакома со всеми Громыками и говорит, что дела мои скоро поправятся.

По словам Т. Вл., Пастернак не читает газет, не читал о себе в советской печати ни одной строки — всю информацию дает ему Ольга Всеволодовна.

Умер Б. Лавренев.

27 января. Опять Пастернак. Вчера был у меня, когда я спал. Придет сегодня в час — или в два. Пишет, что за советом. Какой совет могу дать ему я, больной, изможденный, измученный бессонницами?

Был у меня С. С. Смирнов. Его назначают редактором «Литературной газеты» вместо Кочетова и Друзина, который уходит в Оргкомитет Союза писателей — к Соболеву. С. С. Смирнов прелестный человек, большой работник: сейчас перед тем, как взяться за «Литгазету», он день и ночь пишет сплошь: книжку для Детгиза, пьесу, книгу о Брестской крепости (дополнения) — и (для отдыха) по-английски Агату Кристи. Прислал Оксман свою книжечку «Летопись жизни и творчества Белинского» — монументальная, умная, прочная книга: в ней и биография Белинского, и детальный обзор его творчества.

Без десяти два. Позвонил Пастернак. — «Вы знаете, кто звонит?» — Да! — «Можно мне быть у вас через 10–15 минут?» — Пожалуйста. — «Но м. б., вы заняты?» — Нет.

Был Пастернак. Он встревожен, что на 21-м съезде опять начнут кампанию против него — и потребуют изгнать его из отечества. Он знает, что было заседание Идеологической комиссии.

Я сказал ему:

— Вы можете считать меня пошляком, но, ради бога, не ставьте себя в такое положение: я, Пастернак, с одной стороны, и Советская власть — с другой. Смирненно напишите длинное письмо, заявите о своих симпатиях к тому, что делает Советская власть для народа, о том, как вам дорога семилетка — и т. д.

— Нет, этого я не напишу. Я сообщу, что я готов быть *только* переводчиком и отказываюсь писать оригинальные стихи.

— А им какое до этого дело? Они ни в грош не ставят ни то, ни другое. Вам надо рассказать подробно о том, при каких обстоятельствах вы отдали свой роман за границу, осудить этот свой поступок.

— Ни за что. Скорее пойду *на распятие*.

26 февраля. Должно быть, сердце мое действительно ни к чертям не годится, и больница извела его в конец. Зато здесь, в больнице, я узнал много замечательных людей — раньше всего медицинских сестер, прикрепленных ко мне — совсем молодых — в большинстве 20-летних.

Прочитал роман Агаты Кристи «Hickory Dickory Dock»¹. Дело происходит в общежитии иностранных студентов, съехавшихся в Лондон отовсюду. Есть там и англичане. Есть и не студенты. И как всегда у Кристи, все они вначале кажутся невинными, простодушными, милыми. Но в доме совершаются убийства и всякие каверзы, и на протяжении ³/₄ книги читателю приходится снова и снова вглядываться в каждого персонажа и *каждого подозревать в убийстве, в негодяйстве, в воровстве* и т. д. Лишь на последних страницах выясняется, что убийство совершил наименее подозрительный из всех, который перед тем отравил (мединалом!) свою мать; что элегантная хозяйка «Салона красоты» — его соучастница, контрабандистка, которая и не поморщилась, когда он мимоходом отравил ее мать! Все это произведение могло произрасти лишь на почве глубочайшего неверия в людей.

9 марта. Коля принес Заболоцкого. Дежурит у меня сестра Тамара, потрясающе невежественная, самодовольная. Мог ли бы я влюбиться в девушку, которая не понимает стихов, не любит литературы и всему предпочитает кино?

Сестер насильно заставляют быть гуманными. Многие из них сопротивляются этому. В голове у них гуляет ветер молодости и самой страшной мещанской пошлости. Сейчас Коля принес мне Заболоцкого, Люша — Матисса. Даже дико представить себе, чтобы хоть одна из них могла воспринять это искусство.словно другая планета. Кино, телевизор и радио вытеснили всю гуманитарную культуру. Мед. «сестра» это типичная низовая интеллигенция, сплошной массовый продукт — все они знают историю партии, но не знают истории своей страны, знают Суркова, но не знают Тютчева — словом, не просто дикари, а недочеловеки. Сколько ни гово-

¹ Начало считалки. По-русски роман выходил под названием «Смерть на Гикори-роуд» (англ.).

1959 _____ ри о будущем поколении, но это поколение будет оголтелым, обездушенным, темным. Был у меня «медбрат» — такой же обокраденный. И у меня такое чувство, что, в сущности, не для кого писать.

25 марта. Меня сегодня выписывают. Между тем сегодня мне особенно худо. Был на воздухе, сомлел.

Вы без особенных усилий
Мое здоровье подкосили.
О да, напрасно я глотал
Ваш ядовитый нембутал.
Сначала стуками и криками
Меня кололи вы, как пиками,
И в довершение обид
Мне поднесли радикулит.

Нет, я еще (или уже) не в силах кропать даже колченогие стишоники.

Прошло много времени после выхода из больницы.

23 апреля. За это время я раза три виделся с Пастернаком. Он бодр, глаза веселые, побывал с «Зиной» в Тбилиси и вернулся по-молоделый, самоуверенный.

Говорит, что встретился на дорожке у дома с Фединым — и пожал ему руку — и что, в самом деле! начать разбирать, этак никому руку подавать невозможно!

— Я шел к вам! — сказал он. — За советом.

— Но ведь вы ни разу меня не послушались. И никакие не нужны вам советы.

Смеется:

— Верно, верно.

Пришел ко мне: нет ли у меня книг о крестьянской реформе 60-х годов. Нужны имена Милютина, Кавелина, Зарудного и т. д. и в каких комитетах они работали.

Рассказывал (по секрету: я дал подписку никому не рассказывать), что его вызывал к себе прокурор и (смеется) начал дело... Между тем следователь по моему делу говорит: «плюньте, чепуха! все обойдется».

— У меня опять недоразумение... слышали? — «Недоразумение» ужасно. Месяца три назад он дал мне свои стихи о том, что он «загнанный зверь». Я спрятал эти стихи, никому не показывая их, решив, что он написал их под влиянием минуты, что это не «ли-

ния», а «настроение». И вот оказывается, что он каким-то образом переслал «Зверя» за границу, где его и тиснули!!!*

Так поступить мог только сумасшедший — и лицо у Пастернака «с сумасшедшинкой».

Переписывается с заграницей вовсю. Одна немка — приятельница Рильке — прислала ему письмо о Рильке, и вот что он ей ответил — а кто-то адресовал ему свое послание во Франкфурт-на-Майне, и все же оно дошло.

Погода до вчерашнего дня была жаркая, и Пастернак ходил без шляпы, в сапогах, в какой-то беззаботной распашонке.

Жаль, что он не знает, что его Ольга Всеволодовна — лжива, вульгарна, ничтожна.

27 апреля. Был у меня в лесу Федин. Зашел по пути. Говорит, что с «Литнаследством» (после напечатания книги «Новое о Маяковском») дело обстоит очень плохо. Так как начальству нужна лакировка всего — в том числе и писательских биографий — оно с ненавистью встретило книгу, где даны интимные (правда, очень плохие) письма Маяковского к Лили Брик — и вообще Маяковский показан не на пьедестале. Поэтому вынесено постановление о вредности этой книги и занесен удар над Зильберштейном. Человек создал великолепную серию монументальных книг — образцовых книг по литературоведению, отдал этой работе 30 лет — и все это забыто, на все это наплевать, его оскорбляют, бьют, топчут за один ошибочный шаг.

— Создана в Академии Наук комиссия, — сказал Федин. — Я председатель.

— Вот и хорошо! Вы выступите на защиту Зильберштейна.

— Какой вы чудака! Ведь мне придется подписать уже готовое решение.

— Неужели вы подпишете?

— А что же остается мне делать?!

И тут же Федин стал подтверждать мои слова, что Зильберштейн чудесный работник, отличный исследователь, безупречно честный, великий организатор и т. д.

— А его книга о Бестужевых!* — говорит он. — А герценовский том и т. д. И знаете, что отвратительно: в комиссию не введены ни Зильберштейн, ни Макашин, но зато дополнительно введен... Храпченко. Какая мерзость!

— И все же вы подпишете?

— А что же мне остается делать?!

Бедный Федин. Вчера ему покрасили забор зеленой краской — неужели ради этого забора, ради звания академика, ради официозных постов, которые ему не нужны, он вынужден продавать свою совесть, подписывать бумаги.

Был вчера на могиле у М. Б.

Дал в «Новый Мир» свои воспоминания о Луначарском — тусклые и никому не нужные. Над Чеховым работаю вяло, без прежней охоты. И без таланта.

5/V. Дважды был у Федина по делу «Литнаследства».хлопотал, чтобы он, председательствуя в Комиссии, созданной Академией Наук специально для рассмотрения вопроса о «Лит. наследстве» («Новое о Маяковском»), сказал бы похвальное слово о Зильберштейне и Макашине. Второй визит нанес ему вместе с Макашиным. Макашин боится, что «Литнаследство» передадут в Институт Горького, где распоряжается Эльсберг — тот самый Эльсберг, по доносу которого (так утверждает Макашин) он и был послан. «Из-за этого человека я узнал лагерь, войну, плен, этот человек мерзавец, и работать с ним я не буду»*. Хуже всего то, что Зильберштейн поссорился с Храпченко, а Храпченко (как теперь оказалось) уже член-корреспондент — подумать только! — тусклый чинуша, заместитель Виноградова!

Целый час Макашин своим ровным голосом сообщал Федину всевозможные дразги, опутавшие со всех сторон «Литнаследство»: недовольно начальство тем, что в Герценовских томах раскрыта история Натали Герцен и Гервега, недовольно, что Илья пользуется иностранными источниками, Храпченко хочет спихнуть Виноградова и утопить Илью и т. д.

Для меня во всем этом печально, что тот литературоведческий метод, которым до сих пор пользовался я — метод литературного портрета без лакировки — теперь осужден и провален. Требуется хрестоматийный глянец — об этом громко заявлено в постановлении Ц. К. Мои «Люди и книги» вряд ли будут переизданы вновь. Сволочи. Опять нет у меня пристанища. Из детской литературы вышибли, из критики вышибли, из некрасоведения вышибли.

Тамара Влад. Иванова рассказала мне, что недавно ей позвонила Ольга Всеволодовна (приятельница Пастернака), с которой Тамара Владимировна не желает знаться.

— Ради бога, подите к Пастернаку и скажите ему — тайком от жены, — чтобы он немедленно позвонил мне.

— Понимаете ли вы, что вы говорите? Я приятельница его жены и не могу за спиной у нее...

— Ради бога. Это нужно для его спасения.

1959

Нечего делать, Т. В. пошла к Пастернаку. Зинаида Николаевна внизу играла в карты с женой Сельвинского (который, кстати сказать, швырнул в Пастернака комком грязи в «Огоньке»*) — прошмыгнула к нему в кабинет и выполнила просьбу Ольги Всеволодовны.

Пастернак тотчас же ринулся к телефону в Дом творчества.

Оказалось: он получил приглашение на прием к шведскому послу — и ему сообщило одно учреждение, что, если он не пойдет к послу и вообще прекратит сношения с иностранцами, ему уплатят гонорар за Словацкого и издадут его однотомник.

Он согласился.

Еду в город, где не был 3 месяца.

6 мая. Вчера видел в городе Федина. Он подошел к моей машине и сказал: Зильберштейна, хоть и со скрипом, удалось оставить. Бой длился три часа. Коллегию «Литнаследства» раздули до 9 человек. Большую помощь Илье оказал Виноградов, который вел себя отлично.

Моим сказкам опять грозит беда, возрождение РАПП'а. Был я вчера в Детгизе, разговаривал с Конст. Федотычем. И он, явно повторяя фразу начальства, сказал: «довольно птичек и кошечек — нашим дошкольникам нужно другое». Когда в декабре прошлого года я слышал эту фразу от Михайлова, я думал, что он острит; оказывается, это — директива.

Во Франции, оказывается, вышла в переводе моя книга «От двух до пяти». Книга явно мошенническая, ибо нельзя же перевести: «вот *притонула*, а вот и *вытонула*», или «всехный», или «вертутия» или «смеяние», а без этого книга превращается в сборник пустых анекдотов.

8 мая. Третьего дня был у меня Гэби (Gaby) — талантливый фотограф из Канады. Он сделал приблизительно 50 снимков с меня, а может быть и больше, неумоимо, щелкая аппаратом ежесекундно. Привез с собою какие-то невиданных размеров юпитеры, камеры, молодой (33 года), непосредственный, влюбленный в свое дело, не отвлекающийся от него ни на миг. Я страстно завирую таким людям. Вряд ли он прочел хоть одну книгу, вряд ли имеет понятие о том, что такое Москва, кто такой Леонов, коего он хочет снимать, кто такая Ек. П. Пешкова, и все же в своем искусстве достиг совершенства. Он оставил мне брошюру со снимками — в них прелестен Неру, замечательна Mrs. Roosevelt и др.

Был у меня Макашин. Его сделали заведующим редакцией. Он недоволен. «Во-1-х, Илья обидится. Во-2-х, я не умею быть заведующим, огромная ответственность, трата времени. В-3-х, я должен писать о Щедрина (2-й том) — и вот опять отрывают меня».

Умер Еголин — законченный негодяй, подхалим и — при этом бездарный дурак. Находясь на руководящей работе в ЦК, он, пользуясь своим служебным положением, пролез в редакторы Чехова, Ушинского, Некрасова — и эта синекура давала ему огромные деньги, — редактируя (номинально!) Чехова, он заработал на его сочинениях больше, чем заработал на них Чехов. Он преследовал меня с упорством идиота. Он сопровождал Жданова во время его позорного похода против Ахматовой и Зощенко — и выступал в Питере в роли младшего палача — и все это я понял не сразу, мне даже мерещилось в нем что-то добродушное, только года два назад я постиг, что он беспросветная сволочь. Его «работы» о Некрасове были бы подлы, если бы не были так пошлы и глупы.

Странно, что я понял это только в самое последнее время, когда он явился ко мне с *покаянием*, говоря, что он лишь теперь оценил мои «труды и заслуги».

29/V. Опять в Барвихе. Моя соседка по комнате — Ел. Дм. Стасова. Душевная чистота, благородство. Но видно, что вся истрачена. Без остатка.

2 июня. Здесь Иофан. — Тихон Хренников. — Штыков (новый посол в Венгрии). Елена Стасова часов пять подряд играет в «козла». А если говорит, то о себе.

10 июня. Познакомился с работником ЦК, заведующим социалистическими странами.

Умнейший человек. Любит венгерскую поэзию, с огромным уважением говорит о венгерской культуре. Был послом в Венгрии — во время событий*. И от этого болен.

И еще знакомство с Панюшкиным, который был послом в Китае, потом — в Америке: волжанин, бывший слесарь, умница, веселый, подвижной, талантливый.

Познакомился и с главою советского представительства в ООН — Соболевым: в очках, седая жена. Говорил с ними о Сосинском и Андрееве Вадиме — и он, и жена отзываются об обоих очень «положительно». Сосинский, по их словам, отлично устроится в Москве: «он способный и деятельный». Но прописка Сосинского в Москве может быть очень затруднена.

Здесь Маршак. Мы читали с ним пародию Па- 1959
перного на Панферова: чудо*.

Сейчас пришел ко мне очень возбужденный Маршак: ему звонили от Хрущева — как он себя чувствует, не нужно ли ему чего и т. д. Очень хвалили его сонеты и вообще отзывались о нем с похвалой.

Я вожусь с Сашей Черным и теперь только вижу, что сказать мне о нем нечего.

Говорил с Маршаком о поэтах-символистах, почти все их фамилии начинались на б: Брюсов, Бальмонт, Белый, Бальтрушайтис, Блок.

— Да, да, — сказал он. — А Сологуб даже кончался на б. А Кузмин и сам был б.

«Отелло в гипсе», — сказал Маршак про одного ревнивого че-ха, изображенного в чешском фильме «Горькая любовь». Хорошо бы, чтобы отдельно была «горькая», отдельно «любовь».

Стасова оказалась самовлюбленной, деспотичной, черствой старухой. Все няни и сестры ненавидят ее, так понукает она этой «челядью». Я попросил ее, чтобы она не так громко гремела по вечерам своим *радио*. Она стала греметь еще громче, мучая меня этим до слез.

19/VI 1959. Вчера с Маршаком у Ек. П. Пешковой. Пришли в санаторной одежде. Маршак говорит: «Мужики Самойло и Корней из деревни Оборвиха». Е. П. бодра и раскидиста (ей свойственна порывистость жестов). Были: Всеволод Иванов с Тамарой Вл., Капица с женой, Федин, Андроников с милой Вивой, Федин и министр Михайлов с Раисой Тимоф. Андроников был гениален: он экспромтом произнес речь, какую *должен был* сказать Сурков Федину, покидая пост генерального секретаря. Хохотали до слез. Правнучка Горького красавица Наденька — сидела тоненькая и блаженствовала, слушая Андроникова. Он чудесно рассказал о своем посещении Ясной Поляны.

Был в воскресенье у Михайлова с Маршаком. Обедал. Любезность — и пренебрежение. Был Андроников.

12 июля. Наконец уезжаю. Подружился с афганской принцессой, с ее дочерью, красавицей 21 года, которая родилась в Лондоне, говорит по-французски, по-английски, по-персидски, окончила высшую школу, теперь изучает русский! Ее отец говорил мне, что она в Кабуле дает уроки математики в школе. Мать играет в карты и говорит без конца. Познакомился с милыми английскими коммунистами — Bert'ом Ramelson'ом и его женой Марианой

1959

из Лидса и с Hunter'ом Джемсом и его женой Маргарет из Глазго. Поразило меня, что они начитанные люди, все четверо. Они участвовали в организации Marsh'a for Life¹ в Лондоне, — дней 20 назад. Больше всего мне по душе James Hunter, простодушный, добрый, смеющийся.

8 августа. После мук, продолжавшихся целую неделю, я исписал целую грудку бумаги, да так и не нашел подходящего начала для статьи о Чехове. Склероз. Пришла корректура 2-го издания «Воспоминаний». Если бы не мои потуги над Чеховым, эта книга была бы вдвое толще.

Вчера был у меня в гостях ни с того ни с сего индийский журналист — с гидом Светланой, — далекий мне, как река Брахмапутра. Какой-то президент всех индийских газет. Отняв у меня два рабочих часа и поведав мне, что он только что был в Америке, где говорил с Эйзенхауэром, и вообще объехал два десятка стран, и что завтра он уже будет в Индии, — он попросил меня проводить его к Назым Хикмету. Мы пошли. Была одна лишь Галя (он — в Польше). Полюбовавшись bijoux², которыми полна его комната, — гость пожелал видеть Пастернака. Я стал прощаться, говорил, что Пастернак в это время работает, что иностранцы, посещая его, причиняют ему много вреда, все же он решил зайти на минуточку. Пастернака я не видел месяца три. Он здоров, весел, в глазах «сумасшедшинка».

Мы были в саду. Здесь же был прелестный внучонок Пастернака — двухлетний, который сразу пошел ко мне и требовал, чтобы я сел с ним на ступеньку и не уходил никуда. Издали я слышал, как Пастернак передает свои Greetings³ чуть ли не всей Индии.

Весь его сад превращен в огород — сплошная картошка...

Пристройка к библиотеке скоро будет закончена. Здесь единственное мое утешение.

15 августа, суббота. Вернулся из Америки В. Катаев. Привез книгу «The Holy Barbarians»⁴, о «битниках», которую я прочитал в течение ночи, не отрываясь. Капитализм должен был создать своих битников — протестантов против удушливого американизма — но как уродлив и скучен их протест. «Пожалуйста, научите меня гомосексуализму, я не умею» и пр.

¹ Марш в защиту жизни (англ.).

² безделушками (франц.).

³ Приветты (англ.).

⁴ «Святые варвары» (англ.).

Катаева на пресс-конференции спросили: «Почему вы убивали еврейских поэтов?»

— Должно быть, вы ответили: «Мы убивали не только еврейских поэтов, но и русских», — сказал я ему.

— Нет, все дело было в том, чтобы врать. Я глазом не моргнул и ответил:

— Никаких еврейских поэтов мы не убивали.

О Пастернаке он сказал:

— Вы воображаете, что он жертва. Будьте покойны: он имеет чудесную квартиру и дачу, имеет машину, богач, живет себе припеваючи — получает *большой доход со своих книг*. (Господи, до чего лжив — из трусости.)

Завтра костер. Устраиваю я его с увлечением. Хочется, чтобы у переделкинских детей был праздник. Говорил по телефону с С. М. Буденным. Бедный Маршак захворал: несмотря на все его протесты, его увезли в Кунцевскую больницу. Будет Барто, Джерманетто, Вильямс, Михайлов (министр) — и фокусник — лучший в Советском Союзе, будет жонглер, будет детская самостоятельность — и т. д.

10 апреля 1960 г. Вот уже почти месяц я в постели. Сначала было несколько сердечных припадков, потом вдруг — страшный вирусный грипп — который тянется уже 10 дней.

Дня три назад приходил ко мне Пастернак. Его не пустили ко мне. Он возвратил мне 5000 р., которые взял в прошлом январе на год.

— Ваш отец был так благороден, что даже не сказал вам, что я должен ему 5000, — сказал он, вручая ей деньги.

Увы, я *не был* так благороден и, думая, что помираю, сказал Лиде о долге Пастернака.

Читаю книгу Opie, «Lore of Scholboys»¹. — Очень интересно по материалу.

21 апреля. Приехал Фишер-младший, которого я помню пионером. Хорошо помню его отца, который жил в России, был энтузиастом советской власти, восхвалял Чичерина, Литвинова, Воровского — и вдруг преобразился в гандиста, стал правоверным индийцем.

Сын очень похож на отца. Говорит, что он одно время писал антисоветские вещи, но теперь, побывав в СССР, прозрел — и будет писать беспристрастную книгу о структуре советского общества. Лида дала ему «Педагогическую поэму». Мне сегодня легче. Вожусь с воспоминаниями о Короленко. Снился мне до полной осязательности Чехов. Он живет в гостинице, страшно худой, с ним какая-то пошлая женщина, знающая, что он через 2–3 недели умрет. Он показал мне черновик рассказа: вот видите, я пишу сначала без «атмосферы», но в нижней части листка выписываю все детали, которые нужно сказать мимоходом в придаточных предложениях, чтобы создалась атмосфера. Живу я, будто, в гостинице — и забыл, в котором номере. Предо мной то и дело мелькают три не-

¹ Опи, «Что знают школьники» (англ.).

разлучные молодые веселые женщины. Одна из них моя жена. Я не знаю, которая из них, и спрашиваю об этом коридорного. Чехов пригласил меня кататься в коляске. И та пошлачка, которая состоит при нем, говорит:

— Ты бы, Антоша, купил Кадиляк.

И я думаю во сне: какая стерва! Ведь знает, что он умрет и машина останется ей.

И поцеловал у Чехова руку. А он у меня. Потом сон перенес меня в Узкое.

23 мая. Болезнь Пастернака. Был у меня вчера Валентин Фердинандович Асмус; он по три раза в день навещает Пастернака, беседует с его докторами и очень отчетливо доказал мне, что выздоровление Пастернака будет величайшим чудом, что есть всего 10% надежды на то, что он встанет с постели. Гемоглобин ужасен, роэ — тоже. Применить рентген нельзя.

Я весь отравлен снотворными. Писать не могу. Ни одной мысли не могу додумать до конца. Вообще полная деградация личности.

31 мая. Пришла Лида и сказала страшное: «Умер Пастернак». Час с четвертью. Оказывается, мне звонил Асмус.

Хоронят его в четверг 2-го. Стоит прелестная, невероятная погода — жаркая, ровная, — яблони и вишни в цвету. Кажется, никогда еще не было столько бабочек, птиц, пчел, цветов, песен. Я целые дни на балконе: каждый час — чудо, каждый час что-нибудь новое, и он, певец всех этих облаков, деревьев, тропинок (даже в его «Рождестве» изображено Переделкино) — он лежит сейчас — на дрянной раскладушке, глухой и слепой, обокраденный — и мы никогда не услышим его порывистого, взрывчатого баса, не увидим его триумфального... (очень болит голова, не могу писать). Он был создан для триумфов, он расцветал среди восторженных приветствий аудиторий, на эстраде он был счастливейшим человеком, видеть обращенные к нему благодарные горячие глаза молодежи, подхватывающей каждое его слово, было его потребностью — тогда он был добр, находчив, радостен, немного кокетлив — в своей стихии! Когда же его сделали пугалом, изгоем, мрачным преступником — он переродился, стал чуждаться людей — я помню, как уязвило его, что он — первый поэт СССР, не известен никому в той больницы палате, куда положили его, —

И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

(Нет, не могу писать, голова болит.)

1960

6 июня. Сейчас был у меня В. Ф. Асмус, который — единственный из всех профессоров и писателей — произнес речь на могиле Пастернака. Он один из душеприказчиков Пастернака. Жена звонила ему из города, что на его имя все время приходят книги, подарки, благодарственные письма и т. д. Сейчас с запозданием из Англии приехала сестра Пастернака. Асмус встретил ее, когда она говорила в Доме творчества по телефону. Остановилась она у Зинаиды Николаевны. Когда после смерти Пастернака сделали рентгеновский снимок, оказалось, что у него рак легкого, поразивший все легкое, — а Пастернак и не чувствовал. Только 6-го мая он сказал Асмусу: «что-то у меня болит лопатка!» Сейчас самая главная проблема: Ольга Всеволодовна. Я помню, — когда я был у Пастернака последний раз, он показывал мне груды писем, полученных им из-за границы. Письмами был набит весь комод. Где эти письма теперь? Асмус боится, что они у Ольги Всеволодовны — равно как и другие материалы.

8 июня. Сейчас в 7 час. утра по столбу влезли ко мне на балкон Женя и Максим Шостакович. Женя сообщил, что Галя родила нынче ночью мальчика.

Женя: сбегая-ка я к Нилину, покуда все спят, и срежу у них несколько роз.

Корнелий Зелинский, по наущению которого Московский университет уволил Кому Иванова за его близость к Пастернаку, теперь с некоторым запозданием захотел реабилитироваться. Поэтому он обратился к ректору университета с просьбой:

«Прошу удостоверить, что никакого письменного доноса на В. В. Иванова я не делал».

Ректор удостоверял:

«Никакого *письменного* доноса на В. В. Иванова К. А. Зелинский не делал».

Копию этой переписки Зелинский прислал Всеволоду Иванову.

Это рассказала мне Тамара Влад. Иванова.

Она же сообщила мне, что Асмуса вызывали в Университет и допрашивали: как смел он назвать Пастернака крупным писателем.

Он ответил:

— Я сам писатель, член Союза Писателей и, полагая, имею возможность без указки разобраться, кто крупный писатель, кто некрупный.

Последний раз Тамара Вл. видела Пастернака 8 мая. Он шутил, много и оживленно разговаривал с нею, и врачиха Кончаловская, зная, что у него инфаркт, не велела ему лежать неподвижно и вообще обнаружила полную некомпетентность.

Он давал читать свою пьесу (первые три акта) _____ **1960**
Коме — уже в законченном виде. Но, очевидно, этот текст передан Ольге Всеволодовне, так как у Зин. Ник. есть лишь черновики пьесы. (О крепостной артистке, которую ослепили.) Вообще у Ольги Всеволодовны весь архив Пастернака, и неизвестно, что она сделает с ним.

Брат Пастернака и его сын спрашивали его, хочет ли он видеть Ольгу Всеволодовну, и говорили ему, что она в соседней комнате, он отчетливо и резко ответил, что не желает видеться с ней.

16 июня. Когда спросили Штейна (Александра), почему он не был на похоронах Пастернака, он сказал: «Я вообще не участвую в антиправительственных демонстрациях».

26 июня. Сегодня впервые видел своего правнука Андрея. Милая Галя — вполне спокойная матрона с гордостью показала мне и Жене Катаевой его крохотное милое тельце.

13 августа. Я снова в Барвихе. Маршак, Марецкая, Вучетич, Галлахер, Папанин, Соболевы (из ООН).

Вучетич, *не* получивший Ленинской премии за свои «[Перекуем] Мечи [на] орала», получил вследствие этого два инфаркта. Жалко его. Его речь то и дело прерывается внезапными вскриками, он весь какой-то изломанный. Но храбрится. В лице есть что-то милое, мальчишеское. Вчера я прошелся с ним к озеру. Он успел мне сказать, что ему нравятся картины Александра Герасимова и что он терпеть не может «Похищение Европы» Серова. Сделал здесь несколько скульптурных портретов — Федина, директора Барвихи и др.

Ставит памятник героям Сталинграда.

Марецкая навестила меня, когда я хворал. — Милая, светская, советская. Жалуетса, что приходится играть в пьесе Вирты.

Ходит кормить собак Ек. Павл. Пешковой, у которой сгорел дом — и которая уехала по этому случаю с правнуками в Ригу. Характер у Ек. Павл. легкий. Она говорит: «Вот и хорошо, что сгорел дом. Иначе я не побывала бы в Риге».

Маршак весел, бодр, работающ.

Папанин лыс и сед — у него болит колено. Соболевы не выходят к столу. Больна m-me Соболева. Когда она была здорова, я дал им прочитать «Литгазету»: там фельетон только что приехавшего из USA Сосинского «В гостях у миллионера». Сосинский, бывший подчиненный Соболева по секретариату ООН — был в переписке со мною и произвел на меня такое хорошее впечатление, что я рекомендовал его Смирнову в Литгазету. В Литгазете его

встретили как короля. И вот он написал глупейший и бездарнейший фельетон о миллионере, который пригласил его с женой и сыном в гости, кормил-поил их 3 недели, — и какой он скареда, пошляк, негодяй.

Я прочитал это сочинение и пришел в ужас. Соболев тоже. Теперь оказывается, что «Известия» напали на Сосинского за хамство. И мне неловко перед милым Смирновым — как это я мог рекомендовать ему такого сотрудника.

Сейчас был Коля. Очень умно говорил о полемике Достоевского с Салтыковым: как прав был Достоевский, когда утверждал, что именно Россия скажет миру новое слово.

14 августа. Сегодня в дивную погоду гулял с Маршаком. Сошли к пруду, к нам подсели две дамы: бывшая балерина и замминистр просвещения Узбекистана. Он не выносит, если говорит кто-нибудь другой, а не он. Стоило мне заговорить, он перебивал меня — и в сотый раз говорил об Олейникове, Шварце и, главным образом, о себе.

Маршак работает до изнеможения — целые дни. С утра пишет воспоминания о своем брате Ильине, вечером правит корректуру своего четвертого тома. Ему помогают его сестра Елена Ильина и Петровых, милая поэтесса. Петровых рассказывает о неблагополучии со сборником Ахматовой, который должен выйти в Гослите. Редакция выбросила лучшие стихи — и принудительно печатает ее «сугубо советские» строки, написанные ею в Сталинскую эпоху, когда ее сын Лева был в ссылке (или на каторге).

Маршак рассказывает опять, как («неизвестно за что») ненавидели его Бианки и Житков. Сейчас он бьется с корректором Гослита и достиг того, что ему разрешили печатать не черт, а чорт. Я вожусь с «Гимназией» и вижу свою плачевную бездарность: бессонницы и старчество.

15-ое издание «От двух до пяти» уже сдано в производство. Как бы мне хотелось еще поработать над этой книгой! Но нужно писать Чехова, нужно перестраивать «Мастерство перевода». Опять здесь в санатории мне попался Walt Whitman и очаровал, как в дни юности, — особенно «Crossing Brooklyn Ferry»¹, где он говорит о себе из могилы.

И нельзя себе представить того ужаса и того восторга — с которым я прочитал книгу J. D. Salinger'a «The Catcher in the Rye»² о мальчишке 16 лет, ненавидящем пошлость и утопающем в пошло-

¹ Уолт Уитмен «Переправа на бруклинском пароходике» (англ.).

² Дж. Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» (англ.).

сти — его автобиография. «Неприятие здешнего мира», сказали бы полвека назад. И как написано!! Вся сложность его души, все противоборствующие желания — раздирающие его душу — нежность и грубость сразу.

1960

21 августа. Сегодня в мертвый час я услышал страшный шум. Вызываю няню: что за безобразие! Прислушиваюсь: Маршак. Приехал фургон радио записывать его — к 1-му сентября. Так как он глуховат — он не слышит своей записи и просил пустить ее на полную мощность. Попросили и меня прочитать что-нибудь. Я прочитал кусок из «Серебряного герба». Нужно было заключить передачу. Маршак сказал: Вот вы прослушали отрывок из чудесной повести Корнея Ивановича. Мы с ним два товарища, два друга и т. д.

Через минуту его взяло раздумье. Он дал другой вариант, где тоже были «два друга» и проч.

Но раскаялся. И дал третий, где не было ни «друга», ни «товарища».

Сегодня Маршак сочинил стихи о Белке и Стрелке — двух собаках, побывавших в космическом пространстве — с очень забавной концовкой. Конечно, не воспользовался рифмой «белка» — «стрелка» и даже высмеял тех, кто будет пользоваться этой рифмой. «Это я против таких рифмачей, как Михалков».

1 сентября 1960 г. Вот и приходит к концу мое пребывание в Барвихе. Со мною за столом — на смену Марецкой, которая оказалась вульгарной (и неинтеллигентной) — явился бывший рабочий Крушинин, старый большевик, человек сурового нрава: ругает многих современных деятелей, как «чиновников», «бюрократов» и проч. «Мы делали революцию не для чиновников». «Я Шкирятову так и сказал».

Есть советский посол в Финляндии, есть Соболевы Аркадий Александрович и Лариса Петровна. Ей сделали неудачный укол, произошла опухоль — она пролежала в постели три недели — но сейчас вышла, гуляет и рассказала мне про Жеппу (Дженни) Афиногенову. Та везла какие-то секретные бумаги из Америки — Пентагон сделал диверсию на том пароходе, где она ехала.

Маршак острит напраую. Зубной кабинет он зовет «Ни в зуб ногой», кабинет ухо-горло-нос — «Ни уха ни рыла». Кабинет электромедицины: «До облучения не целуй ты ее». Вчера он весь вечер читал мне и Ларисе Петровне свои стихи, был оживлен, а сегодня в кино я сел рядом с ним — и вижу: он спит.

6 сентября. Говорят: он сегодня уезжает. Я про- вел с ним два вечера — как в древности, и это очень взволновало меня. Хотя эти два вечера он мог говорить только о себе — рассказывать о *своих* успехах, *своих* горестях; хотя он не только читал свои стихи, но и меня просил читать ему вслух его стихи, которые он знает наизусть — все же было что-то патетическое в том, что мы, два старика у края могилы, снова, как в молодости, зачитываем друг друга стихами... Был у него проф. Донини — он подарил ему «Мистера Твистера», по которому Донини когда-то изучал русский язык.

Я взял эти стихи — они сильно испорчены автором по сравнению с первопечатным текстом. Тут же лежала «Почта», опять-таки испорченный текст.

Говорил он, как новое, все свои старые «находки»: что Лермонтов и Пушкин люди чести, а Лев Толстой и Достоевский — люди совести; что у Пушкина нет ошибок, нет провалов.

Иные его определения чудесны:

«Короленко это “хорошая польская писательница”».

«Есть среди медицинских сестер — сестры родные и сестры двоюродные».

«И почему это Данте переводили поэты, у которых в фамилии есть звук “мин”: “Мин”, “Минаев”, Чюмина. Да и Мих. Лозинский тоже “мин”».

Вместе со мной за столом сидит Ал. Ник. Крушинин, 77-летний старик. Очень интересная фигура. Во время завтраков, обедов и ужинов он приветствует каждое блюдо: «А, зеленые щи!» «А, кабачки!» «А, вареники». Абсолютно изолирован от всякой культуры. Когда я упомянул Пушкина, он сказал: «Этот бабник». Больше ему ничего не известно о Пушкине. Работал он когда-то на заводе «Жигулевское пиво» — потом очутился почему-то в Иркутске, — «почему, не помню, память ослабела». Из всех своих подвигов помнит один: как он вместе с двумя другими рабочими решил поднести Ленину окорок ветчины — в голодные годы. «Мы пришли в Кремль, Ленин стал расспрашивать нас: каковы настроения в рабочей среде, о том, о сем, а мы кладем ему на стол окорок. Он позвонил. Вошел секретарь. «Отдайте это в детский дом. “И чтобы вы таких гадостей больше не делали”. — Разнес нас как следует, прямо сказать: изругал».

Есть здесь бывший советский посол, прослуживший семь лет в Финляндии. Он рассказывает об Юрии Репине, что этот безумец в конце жизни ходил по Гельсинки зимою босиком, небритый, лохматый, нищий. Приходил в посольство, предлагая ку-

пить у него репинские рисунки (чаще всего подделки). Посол молод, производит впечатление студента. С ним жена в очках.

1960

11 сентября. Вчера весь вечер сидел у меня Дм. Вас. Павлов, министр торговли. Он написал книжку «Ленинград в блокаде» — и теперь расширяет ее, готовит новое издание. Читал отрывки — спрашивал советов.

Говорит:

— У меня уже та заслуга, что я впервые назвал в своей книге таких расстрелянных людей, как Попков.

И рассказал, как приходилось ему спасать во время террора разных людей, прикосновенных к Попкову. Один директор кондитерской фабрики был арестован только за то, что Попков приходил к нему на фабрику принимать душ.

Павлов защитил директора, но все же его уволили и исключили из партии.

Во время обеда я без всякой причины, ни с того ни с сего подумал о Панферове. Подходит Павлов и говорит: «Панферов умер!»

22 сентября. Я в Переделкине.

3 октября. Был у меня вчера исландский писатель Haldor Kiljan Laxness. Высоколобый, тяжеловесный, большой скандинав. Нам ни на минуту не довелось остаться наедине. Сначала мы всей компанией пили чай — часа два — за столом внизу, потом пришел Федин и завладел беседой. Я чуть не сделал страшный гафф. Лакснесса сопровождала дама, приятная во всех отношениях. В. С. Морозова. Я сказал Лакснессу, что его «Independent People» — «Самостоятельные люди» переведены превосходно, а вот «Салка Валка» деревянно. И вдруг оказалось, что Морозова и перевела «Салку Валку»!!! «Самостоятельные люди» — чудесный мужицкий роман, и когда читаешь его, кажется, что автор ничего не знает, кроме исландских ущелий, туманов, болот, мужиков. Над ним очень низкое небо и вокруг очень тесная окрестность. А на самом деле автор — человек всемирный, планетарный. Жил и в Испании, и в Америке, и в Швейцарии, а сейчас собирается в Рим. Он закончил роман «Земля обетованная» — об американских мормонах, которые родом исландцы.

У него две дочери. Он провел с ними год в Швейцарии.

[10 октября]. Было это, кажется, 5-го октября. Погода прелестная, сухая. Ко мне в гости приехала 589 школа 5-й класс и 2-й класс.

У меня болела голова, я лежал в тоске — и вдруг столько чудесных — веселых, неугомонных детей. Я провел с ними 4 часа и выздоровел. Даже усталости не чувствовал ни малейшей. Они собирали ветки для костра, бегали наперегонки, наполнили весь наш лес гомоном, смехом, переключками — и мне кажется, я никогда ни в одну женщину не был так влюблен, как в этих ясноглазых друзей. Во всех сразу. Насколько они лучше наших перedelкинских (мещанских) детей. В библиотеке я много читал им своего — они внимательнейше слушали. Потом бегали по скамьям, показывали физкультурные номера, взлезали на деревья, девчонки не хуже мальчишек. Мне даже учителя их понравились — особенно биолог Зарема Марковна — очень счастлива она своим общением с детьми — чувствуется: без них она не могла бы прожить. На следующий день у меня был Вадим Андреев с женой Ольгой Викторовной. Очень красивый, уверенный, написал роман о французском *resistance*¹. Его уже не пускают ни в USA, ни во Францию, где он прожил всю жизнь. Вместе с ними приехал Чуваков (специалист по Андрееву) — и французенка, забыл ее фамилию, которая пишет о Л. Андрееве диссертацию.

А вчера — 9-го были у меня мои ПРАВНУКИ — Боба и Юра. Неправдоподобно красивые. С огромными глазищами. И хотя они-то уж наверняка «из мира вытеснят меня», я простил им это преступление — уж очень они хороши, с огромными запасами жизни, трудно представить себе, что они когда-нибудь умрут.

Юра — трусоватый, изящный, Боба — смелый, отчаянный. Чуть увидел собаку Мишку, стал гладить его без раздумья, а Юра прятался за юбку Инны — и обходил Мишку за пять шагов.

Октябрь 12-го. Я почему-то уверен, что эта тетрадь будет последней тетрадью моего дневника: зимы мне не пережить — «свежей травы мне не мять»*. Был сегодня на могиле Марии Борисовны — собственно на *своей* могиле. Там рядом с нею оставлено свободное место для моей ямы. Сегодня сидел у своей могилы — вместе с Лидой — и думал, что я, в сущности, прожил отличную жизнь, даже могила у меня превосходная.

Сегодня Таня Литвинова читала мне свой перевод Чивера — открытого мною писателя: о доброй, благодушной, спокойной женщине — которая меняет любовников, как чеховская Душенька мужей — и только в конце выясняется, что это символ Смерти.

Я продолжаю бездельничать.

¹ Сопротивлению (*франц.*).

28 октября. Пишу о Квитко — ужасно не хочется. Это выбило меня из колеи. Но нельзя не почтить трагически погибшего поэта.

1960

В воскресенье был Андреев Вадим Леонидович. Оставил у меня свой роман «Дикое поле». Я прочитал 82 страницы. Талантливо, но вяло.

Вчера видел величайшего труженика — Сергея Александровича Макашина. Сколько я помню его, он работает непрерывно с утра до вечера. Сейчас на нем два толстовских тома «Лит. наследства», редактирование Собрания соч. Щедрина в Гослите, второй том биографии Щедрина. Весь его стол — в бумагах, брошюрах и книгах.

Показал он прелюбопытную вещь: какой-то «кандидат исторических наук» очень аляповато и бездарно подделал два щедринских письма к Артемьеву, и, хотя подделка видна с первого же слова, редакция «Дружбы народов» тиснула его фальшивку — и теперь Макашин собирается изобличать негодяя. Перед ним меркнет даже кретин Колпаков — тоже кандидат исторических наук.

Я наметил день своей смерти: 21 февраля 1961 года. Вот на всякий случай мое завещание. Четверть наличных денег Евгению Борисовичу Чуковскому, три четверти Лидии Корнеевне Чуковской. Деньги на похороны пусть даст из своих средств Николай Корнеевич Чуковский. Мебель разделить полюбовно между всеми наследниками. Чукоккалу — Лидии Корнеевне и Елене Цезаревне. Мои дневники тоже. Весь архив — им же, с тем, чтобы к разбору его они непременно привлекли Клару Израилевну Лозовскую, которой наследники должны дать на память обо мне мой секретер. Татьяне Максимовне Литвиновой нужно на память обо мне дать любые английские книги, какие она захочет взять. Гонорары за мои книги в первый год после моей смерти разделить между всеми моими внуками поровну, в дальнейшем тоже отдать моей дочери Лидии Корнеевне, которая очень больна. Так как она человек глубоко справедливый и совестливый, я прошу из получаемой ею суммы выделять в случае надобности и в дальнейшем тем из моих внуков, которые будут нуждаться, соответствующие суммы. Прошу возможно щедрее отблагодарить от моего имени Белова Геннадия Матвеевича.

29 октября. Уверен, что Лидочка будет по-прежнему принимать участие в делах детской библиотеки. И Марина, и Клара, и Лида, и я — отдали библиотеке много любви и забот, но только Лида по-настоящему определила ее настоящие функции — и во-

плотила их в жизнь. Надеюсь, что мне еще в этом году удастся выхлопотать третью единицу для библиотеки — и тогда, при ближайшем участии Лиды — дело будет еще плодотворнее.

Костры «Здравствуй, лето» — в конце июня — нужно сделать традицией, если только Колю, Лиду, Марину не удалят с «нашего» участка. А если и удалят, устраивать их по уговору с новыми владельцами.

31 октября. Сколько событий — и мрачных и радостных. Пришли ко мне две заплаканные женщины, родственницы того Ипатова, которого по моей просьбе поместили в Солнцевской больнице. Дома ему невозможно быть. Он испытывает такие страшные боли, что кричит во весь голос — и его маленькая дочь целый день слышит эти страшные крики. Почему-то болезнь этого почти незнакомого мне человека мучительно взволновала меня.

Потом был у меня Райкин, привез своего сына Котю — с целым портфелем его рисунков. Котя рисует главным образом зверей — в любом ракурсе — в любой позе — пума, жираф, верблюд, лев и кошки без конца.

И сочиняет стихи, иные из которых прелестны. Ему — десять лет — он не чувствует себя вундеркиндом, мальчик как мальчик, очень простой и естественный.

В пять часов приехали Алянский и Конашевич с женой. Милые друзья, очень симпатичные мне.

7 ноября. Праздник. В сущности, праздник был у меня вчера: Лидя прочитала мне отрывки из своего дневника о Тамаре Гр. Габбе* — и свои воспоминания о ней... Впечатление огромное. Габбе была одной из самых одухотворенных — и вследствие этого — самых несчастных женщин, каких я когда-либо знал. У Лиды одухотворенность Тамары Григорьевны ощущается в каждом ее слове, каждом движении.

9 ноября. Все еще над Квиткой — по-прежнему страдаю от безъязычия, от неспособности выразить самую элементарную мысль.

Снотворных не принимаю.

У нас Митя, очень милый, добрый — сильно изменившийся к лучшему. Ум у него удивительно быстрый. Мы смотрим с ним карикатуры без подписей. Покуда я соображу, в чем здесь суть, он безошибочно угадывает всю ситуацию, делающую рисунок смешным.

11 ноября. В большом зале Дома Литераторов, набитом битком, сегодня был вечер памяти Квитко.

Кассиль сказал прекрасную речь, где сказал, что враги, погубившие Квитко, — наши враги, враги нашей культуры, нашего советского строя. Это место его речи вызвало гром аплодисментов. К сожалению (моему), он сказал, что я первый открыл поэзию Квитко. Это страшно взбаламутило Барто, которая в своей речи («я... я... я...») заявила, что Квитко открыла она.

Перед нею было мое выступление — очень сердечно принятое слушателями. Все понимали, что совершается великий акт воскрешения Квитко, и радовались этому воскрешению. Были Пискунов, Алянский, С. Михалков, Таня Литвинова, Клара (с Глоццером), поэт Нурадин Юсупов, Казакевич, — не было ни Смирновой, ни Мих. Светлова.

[Вклеено письмо Ф. Вигдоровой. — Е. Ч.]

Дорогой Корней Иванович, этот листок только для Вас.

Студенты Ленинградского Института Точной Механики и Оптики проходили практику на сторожевом корабле в/ч 36190. В конце августа практиканты были направлены для занятий на берег. Занятия не состоялись, и студенты решили, что время, отведенное на занятия, они могут провести на берегу. Это и было их главным проступком, но совершен он был не по злему умыслу — поведение этих юношей в годы обучения в институте, их поведение на целине и на других кораблях, где они проходили практику, показывает, что они дисциплинированные студенты.

Когда они вернулись на корабль, капитан Шадрин спросил: — Кто зачинщик? У кого собственные машины и папаши на высоких должностях — шаг вперед!

Студент Бернштейн спросил у командира: — А тем, чьи отцы погибли, — надо выходить?

Командир ответил: — Не верю, чтоб у таких, как вы, отцы погибали на фронте!

Затем капитан сказал студенту Виктору Костюкову:

— Как могли вы, сын русского пролетария, попасть под влияние десяти евреев? Думаю, вас еще не засосала атмосфера синагоги, в вашем возрасте я бил таких из рогатки. Из 15-ти человек, присланных на мой корабль, — 10 евреев, и так во всех институтах. Я буду делать все, что могу, чтоб спасти русскую науку.

Затем капитан написал студентам очень плохие характеристики, в результате чего три студента — Функ, Каган, Долгой были исключены из института.

Политуправление Балтфлота создало комиссию для рассмотрения этого дела и предложило капитану Шадрину написать новые характеристики. Вторые характеристики, такие же несправедливые, опять были «отозваны» Политуправлением, адмирал Головкин наложил на капитана Шадрина взыскание, да и в разговоре с Вами, если помните, отзывался о капитане очень нелестно. Однако тов. Василевский из Министерства высшего образования продолжает аргументировать этими аннулированными характеристиками.

Один из исключенных Функ — сын рабочего-столяра, другой — Каган — сын рабочего-гвоздильщика, третий — Долгой — сын портного. Комсомольская организация ходатайствовала за них перед директором института Капустиным, Капустин сначала отказывался их восстановить, а третьего дня сказал секретарям институтского, факультетского и курсового бюро, что восстановит их, если они вернутся в Ленинград. Они должны были сегодня выехать, но только что звонили из Ленинграда, что к ним на дом приходил милиционер с приказом немедленно явиться в военкомат. Армия — дело святое, но прежде всего надо добиться справедливости, а директор института пообещал восстановить исключенных, видимо, в уверенности, что их призовут в армию и это освободит его от необходимости разбираться в этой истории.

Все это длится три месяца!!!! А ведь дело простое, Корней Иванович. И постыдное...

И нельзя, нельзя его больше откладывать.

Очень важно то, что Вы лично говорили с адмиралом и знаете его мнение не понаслышке.

Сказать по правде, поведение т. Василевского мне совершенно непонятно. Вот какой диалог произошел между мальчиками и Василевским. Как известно, к т. Елютину обратился с письмом Эренбург.

Василевский: — А кто такой Эренбург?

— Наш депутат.

— А зачем он вмешивается не в свое дело?

Разве у депутата есть дела, которые его не касаются?!

2 декабря. Слева письмо от Фриды Вигдоровой.

1960

Вот по этому делу я ходил вчера к Министру высшего образования Вячеславу Петровичу Елютину. Встретил меня с распростертыми. Заявил, что воспитывался на моих детских книжках. Но помрачнел, когда узнал, что я по этому неприятному делу. Обещал разобраться.

Посмотрим.

Вчера Люшенька защищала диссертацию в туфлях на высоких каблуках, кои ей подарила Марина.

Сегодня вечером я выступал в Доме учителя. Маргарита Алигер, Озеров, Зелинский, Перцов, Злобин. Симпатичная аудитория — умеющая безропотно слушать тридцать выступлений подряд. Озеров говорил очень хорошо.

7 декабря. Сегодня открытие Пленума по детской литературе. Было от чего придти в отчаяние. В Президиум выбраны служащие всех трех правлений, а подлинные писатели, вроде Барто, были в публике. Уровень низкий, чиновничий.

Вместо того, чтобы прямо сказать: «Писателишки, хвалите нас, воспевайте нас», начальство заводит чиновничьи речи о социализме и пр. Но все понимают, в чем дело.

13 декабря. Выступал в МГУ и в Политехническом музее с воспоминаниями о Луначарском, в ЦДРИ и Доме актера поминал Блока, стал опять публичным оратором — ибо страшно люблю это дело, хотя оно и изнуряет меня.

Вечером выступал вместе с Андрониковым, Смирновым-Сокольским в клубе Госплана в кружке «Любителей книги». Читал «Чукоккалу».

19 декабря. Сегодня Коля в ЦДРИ выступает с воспоминаниями о Вишневском. В Доме литераторов выступает Лида, будет обсуждение ее книги «В мастерской редактора». Вчера у меня были Прилежаева и Кассиль — оба обещали быть на обсуждении, обоим книга чрезвычайно понравилась. Сегодня часа в 4 вечера прочелась медицинская «Победа». Спрашивает дорогу к Кожевникову. У Кожевникова — сердечный приступ. Из-за романа Вас. Гроссмана. Вас. Гроссман дал в «Знамя» роман (продолжение «Сталинградской битвы»), который нельзя напечатать. Это обвинительный акт против командиров, обвинение начальства в юдофобстве и т. д. Вадим Кожевников хотел тихо-мирно возвратить автору этот роман, объяснив, что печатать его невозможно. Но в дело вмешался Д. А. Поликарпов — прочитал роман и разъярился.

На Вадима Кожевникова это так подействовало, что у него без двух минут инфаркт*.

Роман Казакевича — о Ленине в Разливе — вырезан из «Октября», ибо там сказано, что с Лениным был и Зиновьев.

27 декабря. На свадьбе своего сына Максима Дмитрий Дмитриевич Шостакович повредил себе ногу и пролежал три месяца в больнице. Теперь он из больницы выписывается — и вчера Женя пришел ко мне просить для него Зим. Оказывается, композитор с мировым именем не имеет нужного транспорта, чтобы добраться до дома.

Коля рассказывает, что Казакевич, роман которого вырезали из «Октября», послал Хрущеву текст романа и телеграмму в триста слов.

Через 3 дня Казакевичу позвонил секретарь Хрущева и сказал, что роман великолепный, что именно такой роман нужен в настоящее время, что он так и доложит Н. С-чу. Лида очень похудела. Грустит и томится.

Неохота писать о языке. Какой тут язык! Недавно одна женщина написала мне: «вы все пишете, как плохо мы говорим, а почему не напишете, как плохо мы живем».

13 января. Вот какую идиотскую чушь принесла мне вчера Кларинда:

Корней Иванович Чуковский с пристальным вниманием и любовью относится к культуре слова. В книге, адресованной молодежи, К. Чуковский расскажет о богатстве русского языка, о культуре образного живого слова, о необходимости бороться с проникновением в устную и письменную речь невыразительных канцеляризмов.

Ни о каком богатстве русского языка я и не собираюсь говорить, называть свою книгу «Культура слова» не думаю, печатать ее в IV квартале не намерен — и вообще все это собачья брехня. Брошюра моя будет листов пять или больше, и ее содержания до сих пор не знаю я сам, хотя каждое утро прилежно пишу ее. Писание происходит так. Встаю я в пять — иногда чуточку позже — и сейчас же за стол. Чувствуя, что уж недолго осталось мне сидеть за столом, стараюсь написать возможно больше — тороплюсь,

сбиваюсь, путаюсь, предпочитаю количество качеству — и жду, когда заболит сердце. Когда оно болит нестерпимо, я иду и ложусь — и читаю. Читаю что придется: на днях закончил дивную книгу Nancy Mitford «Voltaire in Love»¹ — и позабавившись таланту (и цинизму) этой отличной писательницы. Она умудряется нежнейшим образом относиться и к Вольтеру, и к m-me de Châtelet, хоть и демонстрирует на каждой странице их карьеризм, способность ко всяческой подлости, своекорыстие. И какие характеристики Фридриха, короля Станислава, маркиза Сент Ламбера, m-me de Grafigny.

Теперь читаю книгу Vladimir'a Nabokov'a «Pnin», великую книгу, во славу русского праведника, брошенного в американскую университетскую жизнь. Книга поэтичная, умная — о рассеянности, незрелости и забавности и душевном величии русского полупрофессора Тимофея Пнина. Книга насыщена сарказмом — и любовью.

Читаю также Майского «Путешествие в прошлое», где глава о Британском музее, где мы с М. Б. были в 1903—1904 гг., где я читал впервые Роберта Броунинга — пронзила меня.

Vladimir Nabokov «Pnin», Copyright 1953, 1955, 1957 (Avon Publication, inc).

В этом романе автор делится с читателями своим воспоминанием об одном русском человеке, которого он встречал в Петрограде, в Париже, в Америке. Этот человек не очень-то высокого мнения о правдивости своего биографа. Когда тот завел в его присутствии разговор о какой-то Людмиле, Пнин громко крикнул его собеседникам:

— Не верьте ни одному его слову. Все это враки... Он ужасный выдумщик!

— Don't believe a word he says... He makes up every thing... He is a dreadful inventor (стр. 153).

Все журналы поздравили своих читателей «С Новым Годом», а журнал Октябрь — с «Новым Гадом» (в редакторы Октября назначен Кочетов)

В этом, к сожалению, я убедился на собственном опыте. Со слов своего отца Влад. Дмитриевича Набокова, романист рассказывает в своих мемуарах, будто в то время, когда я предстал в Букингемском дворце перед очами Георга V, я будто бы обратился к нему с вопросом об Оскаре Уайльде*. Взор! Король прочитал нам по бумажке свой текст, и Вл. Д. Набоков — свой. Разговори-

¹ Нэнси Митфорд «Влюбленный Вольтер» (англ.).

вать с королем не полагалось. Все это анекдот. Он клеветает на отца...

1961

20 января. Храбровицкий дал мне книгу Гиппиус «Дмитрий Мережковский». Издана УМСА Бедная, пустопорожняя, чахлая книга — почти без образов, без красок, — прочтя ее, так и не знаешь: что же за человек был Мережковский. Вместо того, чтобы изображать его, она изображает коловращение событий вокруг него, причем путает и даты и факты. (Как они бежали через Гомель — пожалуй, верно описано, но о поездке Ал. Толстого, Егорова и Набокова в Лондон — все брехня.) И кроме того: холодное, безлюбое сердце.

В этот же день я получил от Ел. Драбкиной ее книгу «Черные сухари». На одной странице больше таланта, души, жизни, чем во всей книге Гиппиус, хотя тема книги мне глубоко чужда.

Сегодня же книга Марии Карловны Куприной «Годы молодости» о Куприне. В ней Куприн слишком благолепен и благостен — и многое завуалировано, но книга жгуче интересна — и главное, живая, не то что книга-кадavr З. Гиппиус.

21 января. Страшная годовщина. Через месяц — 6 лет со дня смерти Марии Борисовны. Я перечитываю ее письма ко мне. Поразительное, — которое начинается «Дорогой Коля, получил ли ты мое письмо. Я на этот раз не могу дожидаться от тебя ответа. Как ты себя чувствуешь?» и т. д. Это письмо написано в 1911 году, когда я на деньги Леонида Андреева уехал в санаторий Гранкулла. Письмо доверчивое, нежное, светлое. О том, что Коля издает с Юрой журнал «Ясное небо», что у М. Б. были в гостях на блинах Дымов, Гржебин, Брусянин, Копельман с сестрой, Вера Евгеньевна Беклемишева, Елена Карловна Добраницкая, О. Л. Д'Ор, Лернер — все ныне умершие, давно уже ушедшие в землю — как и она — она была рада с ними, с друзьями — по-человечески — провести вечер — и как мало в ее жизни было таких вечеров! Какая чувствует-ся в ее письме любовь ко мне, к ним ко всем, к Коле, к жизни, — и каким подарком была для меня ее дружба! И какие страшные ждали ее удары! Умирание (долгое) Мурочки — и она там у ее постели в Крыму — какое трагическое письмо от 28 декабря 1930 года — сейчас после шторма — в голодном Крыму — откуда она послала Бобе «богатеишие варезки»... Сколько благородства, героизма, душевной ясности.

Я целый день под впечатлением этого своего общения с нею — приобщения к ней — не нашел себе места и бросился к Достоевскому и стал читать любимейшего своего «Игрока» — где гениаль-

1961 ность Достоевского дана без всяких посторонних примесей — чистая гениальность — в сюжетосложении, в характерах, в создании образа бабуленьки, в диалогах, в нервном подъеме вдохновения. Отлично прочитала мне Марина страниц сто.

7 февраля. Была Лида Либединская, вдова, со статьей о Герцене. Ей 39 лет.

Прочитал в «Новом Мире» воспоминания Эренбурга — об убиенных Мандельштаме, Паоло Яшвили, Цветаевой, Маяковском. Пафосу этой статьи мешает мелькание людей — имен — мест — устаешь от этой чехарды. Но все же это подвиг, событие.

11-го счастливейший день. С утра до вечера пишу без оглядки, не перечитывая того, что написалось. Писать мне приятно лишь в том случае, если мне кажется, что я открываю нечто новое, чего никто не говорил. Это, конечно, иллюзия, но пока она длится, мне весело. Завтра будут у меня Алянский и Цейтлин с рисунками к «Серебряному гербу».

1 апреля. День рождения: 79 лет. Встретил этот предсмертный год без всякого ужаса, что удивляет меня самого. Были: Захoder, Рина Зеленая, Берестов, Лариса Берестова, Марина Берестова, Женья с женой, — было грустно и весело.

Очень интересно отношение старика к вещам: они уже не его собственность.

Всех карандашей мне не истратить, туфлей не доносить, носков не истрепать. Все это чужое. Пальто пригодится Гуле, детские английские книжки Андрею, телевизор (вчера я купил новый телевизор) — гораздо больше Люшин, чем мой. Женья подарил мне вечное перо. Скоро оно вернется к нему. И все это знают. И все делают вид, что я такой же человек, как они.

И мои сказки, и «От 2 до 5», и «Серебряный герб» могли бы уже выйти, но в стране *нет бумаги!*

10 апреля. От Пантелеева — шоколад и три ящика игрушек для библиотеки. Какой щедрый и горячий человек. А когда смотрел библиотеку, был сумрачен и могильно-молчалив. Я был уверен, что ему не понравилось... Когда-то Леонид Андреев (уехав в Рим?) предоставил мне и Вере Евг. Беклемишевой свою дачу — откуда я послал ему стихотворный привет:

Длиннейший из всех Корнеев
Шлет капитану свой салют

Вдруг вспомнилось ночью.

1 мая. Я встретил Асмуса. Асмус встревожен. Хотя он (вместе с Вильмонтом, Эренбургом и семьей Пастернака) душеприказчик Пастернака, Гослит помимо комиссии печатает книгу Пастернаковских стихов. Стихи отобрал Сурков — в очень малом количестве. Выйдет тощая книжонка. Комиссия по наследству Пастернака написала высшему начальству протест, настаивая, чтобы составление сборника было поручено ей и был бы увеличен его размер. А Зинаида Николаевна — против этого протеста. «Пусть печатают в каком угодно виде, лишь бы поскорее!»

Сейчас у Зинаиды Николаевны — инфаркт. И в этом нет ничего удивительного. Странно, что его не было раньше, — столько намучилась эта несчастная женщина.

Поэтому протест написали тайком от нее, и Ленечка послезавтра повезет его куда следует.

23 июля, воскресенье. У меня было отравление, потом бронхит. Еле жив. Не выходил 3 недели. Все больше валяюсь в постели. Вожусь с «языком». Но сегодня надо встать. Через полчаса начало спектакля (у нас в лесу) «Ореховый прутик» — по мотивам румынских народных сказок.

Все это устроила Цецилия Александровна Воскресенская, дочь жены Сельвинского, — женщина феноменальной энергии. Она всполошила весь поселок, устроила декорации, два месяца натаскивала всю детвору, вся детвора заморожена этим спектаклем. Вчера я дошкандыбал до костра — увидел такое предспектакльное настроение, какое помню только в Художественном театре перед постановкой «Слепых» Метерлинка. Все дети вдруг оказались милыми, дисциплинированными, сплоченными тесной дружкой. Ровно в 12 за мною пришли.

Приехали две подружки Клары — Вера и Нелли, приехала американка педагог Елена Яковлевна с мужем Фрицем — психологом, по года чудесная, идут, идут, идут без конца наряженные дети, и дежурные указывают им путь. Я гляжу из окна. Видна крепкая организация, какой у нас не бывало. Надеваю индейские перья — схожу вниз — и вижу чудо. Великолепная декорация с башней. Все дети — шелковые. За кулисами суета — на сцене идеальный порядок. Девочка Марина Костоправкина играет роль героини, идущей освободить своего брата от чар ведьмы. Ведьма — Груня Васильева. Не-

множко жаль, что чудесные детские лица прикрыты масками: Котя Смирнов — дракон, Женя — прикованный к скале великан — ужасные личины, под которыми свежие щеки и детские глаза. Спектакль идет без суфлера. Все знают свои роли. Среди публики — Конст. Федин (оба его внука — участники спектакля)... В пять часов чай в библиотеке, роскошно сервированный для артистов. Успех огромный. Десятки детей хотят записаться в кружок.

Я все быюсь над статейкой о школьном аргю. Больно чувствовать себя бездарностью.

Каждый день американцы: Рив с женой и тот Фриц (не знаю его фамилии) с изумительной женой Еленой Яковлевной.

Митя очень забавно показывает их — у него актерский талант.

30 июля. Если бы я обладал дарованием Тани Литвиновой, я и то не мог бы изобразить то, что произошло у нас за последние 2–3 дня. Во-первых, приехали Редл муж и жена. Он психолог, американец австрийского происхождения, она — Елена Яковлевна — была в виленском гетто руководительницей детского сада. Немцы сожгли детей — и в том числе ее сына — она спаслась чудом — стала педагогом в Детройте. Отличается какой-то неистовой и пылкой добротой — сероглазая, подвижная, скромная, феноменально щедрая. Мне она подарила трех игрушечных зверушек, несколько шариковых ручек, кучу книг, два кило (!) паюсной икры, бутылку вина и бутылку шампанского, коллекцию марок. Объездила сейчас весь СССР: была в Киеве, в Крыму, на Кавказе — изучала постановку воспитательного дела в нашей стране, воплощенная нежность и чуткость.

Вчера исполнилось 25 лет дружеских уз Нины Фединой и Цецилии Сельвинской. Позвали к 4 часам. Я пришел — но вдруг понял, что сидеть за столом НЕ МОГУ. Смертная скука.

Федин очень мил, взбудоражен и пьян. Он только что сдал в «Новый Мир» первую часть *«КОСТРА»*. У романа еще нет середины, но уже есть конец. Остается написать середину, но все же бо́льшая часть работы сделана. Заговорили о дружбе, и Федин сказал, что теперь у него нет ни одного друга — кроме Соколова-Микитова — и что вообще Серапионы ему не друзья... И хотя я люблю и Сельвинского и Федина и всех — пировавших, я, как нахал, ушел из-за стола, убежал (совсем не умею сидеть за столом с постепенно напивающимися людьми).

Дома у себя я застал Казакевича (в белом чесучовом костюме) и милую Маргариту Алигер. Он ко мне пришел за советом. Шейнин, начальник кино, предложил ему создать вместе с кубинским

писателем фильм о Кубе — через неделю поехать на Кубу и построить кинокартину. Между тем он начал роман, и если он поедет на Кубу, ему придется скомкать роман.

— Ни за что! — закричал я. — Да сгинут все кинокартины, и да здравствует роман.

Алигер говорит, что начало романа превосходное. Казакевич теперь «в отличной форме». В «Новом Мире» появился в последней книжке его отличный рассказ. А кино высосет у него всю кровь — [нрзб.] полгода (самое большое) и уйдет в архив.

Он очень благодарил за совет (хотя я и не обольщаюсь иллюзией, что ему необходим мой совет, но, очевидно, я утвердил его в решении не ехать).

У Алигер свое дело: ее дочь Маша, — незаконная дочь Фадеева, — держит сейчас экзамены в Университет, и нужно, чтобы экзаменаторы знали, что она дочь Фадеева — и отнеслись к ней с доброжелательным вниманием. Мы пригласили по этому случаю ко мне Сергея Бонди, с которым я и пошел к отдыхающему здесь в Доме творчества Геннадия Николаевичу Пospelову, который обещал принять в Маше горячее участие. Маргарита была в Лондоне — только что вернулась — англичане ей очень понравились.

Первые пять глав своей книги «Живой как жизнь» я уже отдал «Молодой гвардии». Отдал в субботу, а в понедельник утром редакторша Сырышева (Татьяна Як.) позвонила мне, что книга ей в общем нравится. Жара страшная. Был на кладбище. Так странно, что моя могила будет рядом с Пастернаковой. С моей стороны это очень нескромно — и даже нагло, но ничего не поделаешь. Покуда земной шар не перестанет вертеться — мне суждено заниматься в нем с Пастернаком такие места:

Слишком большую главу занимают в моей книжке канцеляризмы. Между тем дело не только в них, пропала самая элементарная грамотность.

4 августа. Сегодня Митя держал первый экзамен — русский письменный. Дали тему: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Он написал удачно: ввел всякие сказания о геройствах от «Слова о полку Игореве» до «Волоколамского шоссе» Бека. Я

очень волновался за него — из чего заключаю, что за то время, пока он живет у меня, я успел полюбить его.

Был у меня сегодня Майкл Голд — небольшого роста, седой, оживленный. Жена у него француженка — очень приятная, пролежала семь месяцев в советской больнице. Он отлично играет на банджо, на гитаре, на крохотной гармонике. С ним была Кожевникова (из Дома творчества) и две переводчицы.

В общем я свою книжку о языке закончил. Но разные доделки отнимут еще дня два.

Дочь Алигер Маша провалилась на устном экзамене. Ее спросили о Крылове.

Сегодня 6-го августа два огромных события — полет 2-го Востока в космос, Германа Степановича Титова. Сейчас, когда я сижу в комнате и пишу эти строки, его, Германа Степановича, мотает в безвоздушном пространстве вокруг этой трагически нелепой планетки — с ее Шекспирами, Львами Толстыми, Чеховыми, Блоками, Шиллерами — и Эйхманами. Что он чувствует в эту минуту? Меня почему-то томит такая тревога, что я буквально не нахожу себе места. Нашел ли он там, в пустоте, бессмертье или смерть?

И второе событие. Я закончил (даже не верится) свою книгу «Живой как жизнь», над которой корпел день и ночь весь этот год, — и как я боюсь, что в ней сказались мой старческий склероз, мои бессонницы, моя предсмертная тоска. Книжка вышла свежая и, пожалуй, не вредная. Великую техническую и не только техническую помощь оказала мне Татьяна Яковлевна Сырыщева, которая и сортировала полученные мною письма о языке (я получил их около 200), и переписывала на машинке последние страницы. Всех страниц оказалось 180. Всех глав семь. И я даже поверить не могу, что, вставая с постели в 4—5 час. утра, я уже не должен сочинять эти главы.

Сейчас ко мне должен приехать Франклин Рив (Reeve), чудесный американский профессор, который приехал сюда изучать символистов. Ростом он выше меня, лицо молодое, свежее, — приехал он сюда с женой и тремя детьми (один грудной). Потрясающий факт: дети в 3 месяца научились говорить по-русски — отлично выражают свои мысли — и такие милые!

16 августа. Взял путевку в Барвиху — с 23 августа.

Были у меня два индийца — отец и сын Gur Baksh Синх с сыном. Красавец седобородый с красивыми изящными руками —

сын чернобородый — не пьют, не курят, зубы крепкие, чудесно знают английскую и американскую литературу.

1961

Уходя, оба поцеловали у меня руку.

Я «кончил» книгу о языке, а теперь вижу, что многого я не сказал, и что делать, не знаю. Нужно писать «Воспоминания», нужно писать Слепцова, а я застрял в книге о языке.

Она уже принята и ушла в производство, а я должен дописать страниц сорок.

Получил около 300 писем на редакцию «Известий» по поводу моей статейки о языке. Статьйка глуповатая, проекты в ней бредовые.

23 августа. В «Литературе и жизни» две статьи с доносом о моей неблагоденственности*. Эта газета какое-то «Ежедневное ура». Рассердилась, что я сказал, будто у нас есть человеки в футляре. Одно время считали необходимым замалчивать существование у нас очковтирателей и тунейдцев. Теперь объявляют чуть ли не врагом народа того, кто осмелится сказать, что среди учителей у нас есть человеки в футлярах, хотя сами же плодят таковых.

Вчера Шаскольская, прочтя 40 стр. моей книжки, нашла в ней около 40 ляпусов, из них 3—4 очень конфузных. Черт меня догадал написать эту нелепую книжку.

Был в городе, в «Литгазете», в «Известиях». Нужно отвечать «Литературе и жизни», это тяжелая скука.

В Барвиху — 28-го, после костра. Костер будет послезавтра: представлена будет пьеса Катаева «Цветик-семицветик». Репетировали ее каждый день — два месяца. Выявился огромный талант Марины Костоправкиной — лирический, богатый оттенками. Мальчики смастерили космический корабль, заготовлены чудесные атрибуты цветов (разноцветные фартухи, яркие, пышные, сказочные), разработаны музыкальные номера, соберутся все окрестные жители и кое-кто из города и вдруг это все провалится из-за дождя! Страшно подумать.

28 августа. «Костер» был великолепен. Дети все до одного оказались необыкновенно талантливы. Собралось около 1000 зрителей. Все время накрапывал дождик, но это никого не смутило. Циля оказалась отличным педагогом-режиссером. Ей устроили овацию. Потом человек 10—12 пошли ко мне обедать: Сельвинские, Нилин, Панич (из Питера), Смирнов, индеец Синх, *Флара* Литвинова, Шаскольская с девочками, крохотная Оксана (дочь Циля), Женя, Митя, Марина, Коля.

Я в Барвихе. Сыро. Корплю над «врезкой» по поводу нападок «Литературы и жизни».

Маршак еще сильнее похудел — его щекастое лицо стало узким и длинным, плохо стоит на ногах, недавно у него было 39°, кашляет непрерывно; читал мне свои переводы Edward'a Lear'a — чисто, аккуратно, но не смешно, как в подлиннике:

They went in a sieve to a sea, they say,
In a sieve they went to the sea¹, —

нет энергии подлинника, нет изюминки. Словом, хорошо, но это не прежний Маршак. Вспоминает о Тамаре Габбе — курит. Возмущается стихами Михалкова в «Правде» — особенно концом: пишу не для поэтов-эстетов, а для вас, для народа.

Вечером я пошел с Иофаном гулять. Иофан овдовел, с ним нет его милой Фабрициевны; он моложав, студентоподобен, необыкновенно скромен, мил. Нас догнал Твардовский — в конце концов мы разбились на пары — Иофан пошел с каким-то толстым, глуповатым химиком, мы пошли с Твардовским. Твардовский бодр, душевно приподнят, изумительно прост. Заговорили о романе Федина «Костер» — «Чистописание». «Внутри пусто, но форма хорошая. Видно, что не знает, кто в деревне бригадир, кто председатель — никогда в жизни с этим не сталкивался. Но очень старателен». Паустовский — мещанин, влюбленный в красоту. Его автобиография — ложь. «Волк вбежал в палатку, я схватил винтовку и уложил его на месте». «В Переделкино умирание талантов: Леонов — бывший талант, Федин — бывший талант, Тихонов, Всеv. Иванов. И вот еще Соболев. — Как должно быть ему страшно проснуться ночью — и вспомнить, что он — Соболев». (Рассказал историю с m-те Соболевой — и раком.) Очень ругает Серг. Михалкова. «Ведь уже седой, а такой мазурик...» Рад, что отстоял Дороша о деревне, «в печати еще не было отзывов, но писем приходит много». Поезжайте по России — во всех книжных киосках найдешь нераскупленным роман Леонова «Русский лес». А его — о Толстом: жульничество. Ни одной мысли — одни вензеля. А начальство не видит, что это пи-рог с нетом, и он продал эту чушь за 10 000 р. — Она вышла брошюрой. — Ведь читать невозможно — смехота. И т. д., и т. д. Мы разошлись в 12 часов ночи, и я не заснул до утра.

3 сентября. Всю эту неделю я хвораю: темп. 37,4. Тоска величайшая. После горячего душа вышел на сквозняки коридорные.

¹ Они пустились в море в решете, говорят/В решете они пустились в море (англ.).

«Ненавижу я слово: *творчество*. Совестно говорить про себя: я живу в Доме творчества. Мне дана “творческая командировка” и т. д. Я даже слово *поэт* не смею применить к себе. А теперь сплошь говорят: мы, трое поэтов. Как вычурно пишет Паустовский, а обыватель любит. А какой шарлатан Лев Никулин! Бедный Казакевич: не дается ему солдатская речь. Чуть начнут говорить солдаты — фальшь. В его рассказе идеально честный солдат приносит золотые часы вдове своего командира... Василий Тёркин пропил бы их, и был бы прав. Что за чудак Маршак. Он требует, чтобы его переводы печатались так: раньше крупными буквами: Маршак, потом перевод, а потом внизу мелким шрифтиком Шекспир».

Подарил мне «За далью даль» — с доброжелательной надписью*.

10 сентября. Воскресенье. Сейчас был у Маршака. Он перенес очередное воспаление легких. Было у него 38° и больше. Сейчас бодр, ясен душой, и мы прочитали с ним его старые переводы из Эдварда Лира, книжку которого я когда-то ему подарил.

18 сентября. Познакомился я с нашим израильским послом*. Он недавно приехал из Иерусалима. У одного из американских богачей в Иерусалиме есть вилла; в молодости этот богач был (по линии бизнеса) связан с Советским Союзом — поэтому он пригласил к себе нашего посла — и первое, что тот увидел, был

Мой портрет работы Репина.

Вот куда он переключался из Америки. Итак, путь этого портрета: Куоккала, Рим, Москва, Нью-Йорк, Иерусалим. Интересно, куда метнет его дальше. Между тем Репин торжественно подарил его мне.

Была у меня сестра Валя в очках. Рассказывала о страшном грубиянстве пенсионеров. Вот мы говорим и пишем о лодырях и тунеядцах подростках, а сколько их среди пожилых пенсионеров!

21 февраля 1962. Сегодня исполняется 7 лет со дня смерти М. Б., а я простудился и не могу пойти на ее могилу. С каждым годом растет мое чувство вины перед нею. Ее характер — прямой, душевный, не знающий никаких компромиссов — сломился под тяжестью моих полуизмен и измен. Сколько лет мы жили в страшной бедности, ей выпало на долю пережить медленное умирание Мурочки, смерть Бобы, мою глупую связь с Софьей Андр. Толстой (б. женой Есенина) и сиротство М. Б. в своей собственной семье. С какой обидой, с какой тоской неприкаянности умирала она, гордая и оскорбленная женщина. Я любил ее только порывами, и сколько раз она прощала меня! Вчера получил письмо от нашего бывшего шофера Сергея Николаевича Терновского, которое вновь напомнило мне, какой светлый была она человек.

Получил письмо от Ал. С. Овощникова, брата Марии Борисовны. Хочу послать ему лекарства и продукты.

Вчера закончил работу над Сашей Черным (малая серия) и отправил в Ленинград. Принимаюсь за работу над «Искусством перевода». Читаю свое «Высокое искусство» и вижу, какая это сумбурная многословная книжка.

Сегодня получил официальное приглашение в Оксфорд и письмо от С. А. Коновалова, дающее мне указания, какие лекции там читать и прочее.

По случаю годовщины со дня смерти М. Б. были Марина и Агата Андр. Охотина. Охотину я помню 20-летней девицей, прыгавшей в Лутахенде через костер, а теперь ей 76 лет. Т. к. она сибирячка, зубы у нее до сих пор целы, но — хотя она кончила высшее учебное заведение — и прошла в более позднее время весь курс английского языка (в школе Берлитца), она не помнит никаких наук, *ни слова* не понимает по-английски и вообще совершенно разинтеллигентилась — интересы у нее чисто бабьи (у кого сколько детей) и разговор кухарочный — но феноменально благо-

родный, светлый человек. Одного из ее сыновей, челюскинца, расстреляли, оттого что он ездил на охоту с Попковым*.

1962

22 февраля. Меня лепит скульптор Чайков. Специально для этого приехал в Переделкино и поселился в Доме творчества.

Сейчас вспомнил, как мама оберегала мою детскую нравственность: лет семи я принес откуда-то песенку:

Ах какое наслаждение
Офицера быть женой.
Муж поедет на учење,
А ко мне придет другой.

Мама сказала:

— Ты не так поешь. Нужно:

И жену возьмет с собой.

Сейчас уехала от меня Вера Федоровна Панова — первая вне всякого сравнения писательница Советского Союза — простая, без всякого чванства. Рассказывала о том, как в 1944 году везла троих детей и больную мать в Пермь из Полтавы и как за две бутылки самогону и мешок сухарей ее пустили в вагон, на который она имела полное право, т. к. у нее были билеты. Показала в лицах ту бабу-железнодорожницу, с которой она вела переговоры. Как баба и кондуктор пробовали самогон, хорош ли, и т. д. Очень умна, необыкновенно деятельна, сейчас от меня поехала в Мосфильм, там по ее сценарию готовится кинокартина. За два года изготовила шесть сценариев.

Ярко талантлива и очень естественна в каждом движении — держит себя, как самая обыкновенная женщина.

Вышел однотомник Валерия Брюсова — и никакого спроса. Лежит в книжных лавках на полках без движения. А во времена Stephenson's а...

23. Были художники, иллюстрирующие моего «Крокодила». Красавцы — высокие, дюжие. Для «Детского мира». Рисунки экцентрические. Не плохие рисунки, но Ре-Ми гораздо лучше.

24 февраля. Сейчас была у меня Ольга Николаевна Высотская; принесла воспоминания о Мейерхольде, с которым она жила в Териоках. Бывшая красавица — сейчас ей не меньше 80 — и все же остались повадки и манеры красавицы. После Мейерхольда она сошлась с Гумилевым и имела от него сына Ореста, кото-

рый теперь... заведует мебельной фабрикой. Он сводный брат Левы Гумилева, сына Анны Ахматовой, который ведет себя по отношению к Анне Андреевне, как скот. Недавно он написал Оресту письмо, что он окончательно порвал с матерью. Ольга Николаевна говорит, растягивая гласные; моталась при большевиках в разных городишках и селах, ставя самостоятельные спектакли, получает 33 рубля ежемесячной пенсии. Вспоминает Пронина, Евреинова, Сапунова.

На ней отпечаток эпохи Блока. «И шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука».

1 марта. Третьего дня были у меня американский профессор автор книги о Герцене, забыл его фамилию*, и Мих. Ив. Дункан, англичанин, говорящий по-русски — он снабжает меня романами Агаты Кристи. Американский ученый молод, скромн, работает сейчас над изданием «Философических писем» Чаадаева — пишет о них книгу *по-французски*. Его книга о Герцене мне очень понравилась, я прочитал ее залпом, там чудесные главы «Огарев и Шиллер», «Сенсимонизм» написаны увлекательно, талантливо. Англичанин молчалив.

Эльсберга исключили-таки из Союза за то, что он своими доносами погубил Бабеля, Левидова и хотел погубить Макашина. Но Лесючевский, погубивший Корнилова и Заболоцкого, — сидит на месте*. Катаев встретил Колю и сказал ему, будто найдено письмо Леонова к Сталину, где Леонов, хлопоча о своей пьесе «Нашествие», заявляет, что он чистокровный русский, между тем как у нас в литературе слишком уж много космополитов, евреев, южан.

Писал о переводах Потаповой.

5 марта. Вчера я получил из Оксфорда фантастическое приглашение. Университет за мои литературные заслуги (!?) намерен торжественно возложить на меня мантию «доктора литературы». Неужели я и в самом деле достоин такой чести? Кроме удивления, никаких чувств это во мне не вызывает. А ездить в город, в Союз, в ЦК — по этому поводу ох как не хочется.

Исполнилось полвека со времени появления первой книги Анны Ахматовой.

На днях выйдет «Новый Мир» с моей статейкой о Куприне. Звонила сегодня Сырышева, что «Живой как жизнь» уже отпечатан. У нее есть сигнал.

7 марта. Но боже мой, какие бывают подлецы. Оказывается, что Югов, тоже печатающий в «Молодой гвардии» книгу о язы-

ке, с января требует, чтобы издательство рассыпало набор моей книжки — и вообще не издавало бы ее. Бек был в кабинете директора издательства (Потемкина), когда тот очень подобострастно разговаривал с Алексеем Кузьмичем (Юговым). — «Нет, все же невозможно рассыпать, нет, придется выпустить!»

Бек сказал об этом Коле, и сегодня же была у меня Сырыщева, принесла мне экземпляр книжки «Живой как жизнь». Книжка вышла бы в начале февраля. Ее задержал Югов — и отчасти Сырыщева, которая задумала обложку, на которой должна была состояться из разных слов, обсуждаемых в книжке, орнаментальная вязь. Слова были выбраны наобум, но издательство усмотрело в них клевету на комсомол — и запретило обложку, уже напечатанную в 175 тысячах экземпляров, за что и объявило Сырыщевой выговор. Это так ударило мне в голову, что я ни строки не могу написать о Слепцове, и мне стыдно, стыдно, стыдно перед Макашиным и Зильберштейном — ужасно.

Но каков Югов! Во время войны он здесь в Переделкине симулировал сумасшествие — и как пресмыкался предо мной! А я долго не знал, что он — симулянт, и очень жалел его.

Ночью разговаривал с Храбровицким. Редактируя «Записки моего современника», он нашел новые канонические тексты. Работал над изданием два года, не получая ни копейки, влез в долги, и теперь издательство вернуло ему его работу — так как не согласно с его принципами редактирования.

8 марта. Приехал Зильберштейн и внес в мою душу сумятицу, из-за которой я вторую ночь не сплю. Он сказал, что Анисимов Ив. Ив., председатель секции литературоведов по Ленинским премиям, страшно копает против меня. Про статью Андроникова (обо мне в «Известиях») он выразился: «Они там с Чуковским чай пьют». Архипов организовал письма обо мне из Ярославля, Тулы — черносотенные. Югов тоже не дремлет. Тихонов тоже против меня. Это страшно взбудоражило меня. Между тем дела мои идут не так уж плохо, а, напротив, блистательно: 1) Дополненный «Серебряный Герб» принят в Детгизе к напечатанию. 2) Я получил корректуру XVI издания «От 2 до 5», о которой не смел и мечтать. 3) Завтра Коротков присылает мне корректуру моих «Современников». 4) Вышла «Живой как жизнь». 5) В «Новом Мире» вышел мой Куприн.

Казалось бы, нужно быть благодарным судьбе, а я несчастен, жалок, раздавлен.

17 марта. Почему-то я вообразил, что сегодня приедет Таня, и внушил себе, что чуть она приедет, голова у меня перестанет бо-

леть и что мы поработаем с нею над «искусством перевода», но Таня не приехала. Таня написала прелестную статейку о Диккенсе, сейчас собирает материалы о сыне Фаворского.

Книжка моя «Современники» имеет 700 стр. Я с Кларой и Марианной Шаскольской держал ее корректуру, и она (книжка) вдруг показалась мне такой пустопорожней и тусклой и кособокой, что я упросил издательство не торопиться с ее печатанием и дать мне возможность исправить ее, хотя мне кажется она неисправимой. А статья о «Скрипке Ротшильда» по-прежнему кажется мне очень неплохой, но нецензурной, так как она вся направлена против идиотской теории о делении литературных героев на положительных и отрицательных. А Таня все не идет. Голова не проходит. Случайно мне попалась моя книжка «Англия накануне победы» — какая плоская и лживая книжка. А ведь я писал ее с горячим сердцем и с простодушной доверчивостью.

18 марта. Был у Федина. С Фединым о Леонове: Он: Его речь о Толстом — совсем пустая, вся с завитушками. Говорят: Никита Сергеевич прослушал эту речь и сказал: Отличная речь — ничего не понять. Так и надо.

Лида рассказывает, что на ее книжке, изданной в «Библиотеке путешествий», была поставлена марка издательства «БП». Велели марку убрать, так как испугались, как бы кто не прочел «Борис Пастернак»*.

26 марта. Ни один 80-летний старик не проводил таких дней, каким оказался для меня вчерашний день. По ошибке я дал согласие Дому Кино и Клубу комитета безопасности, что выступлю у них — в 13 часов дня. Потом упросил Дом Кино отодвинуть мое выступление на 14 часов. За мной приехала машина Комитета безопасности. На ней я примчался в Клуб, где обещали не задерживать меня и отпустить сию же минуту. Приезжаю — кинокартина. Жду за кулисами. Отбарабанив свое, выбегаю на улицу, нет моей машины, нет шофера, сажусь в такси — и по дороге забегаю в Колонный зал (куда меня позвала мать Белинкова) — там утренник. Кассиль, Барто, Михалков — выступаю, неудачно. Машину прислали из Клуба новую — мчусь в Дом Кино, выступаю там, и полумертвый приезжаю домой — снежок, тишина, все смотрит на меня с издевательством: Идиот Корней!

30 марта 1962. Вчера меня «чествовали» в Доме пионеров и в Доме детской книги.

Отлично сказал Шкловский, что до моих сказок детская литература была в руках у Сида, а мои сказки — сказки Гекльберри Финна.

Все эти заботы, хлопоты, речи, приветы, письма, телеграммы (коих пуды) созданы специально для того, чтобы я не очнулся и ни разу не вспомнил, что жизнь моя прожита, что завтра я в могиле, что мне предстоит очень скоро убедиться в своем полном ничтожестве, в полном бессильи.

Получил орден Красного Знамени. Одновременно с Юговым.

Люша и Гуля. Картина «Путаница».

Андрей Капица — камень из Новой Зеландии.

Получил разрешение поехать в Англию. (Об этом позвонил Черноуцан. Сегодня читаю лекцию и выступаю по теле.)

Были: Берестов, Заходер, Татьяна Тэсс, Алигер, — боже, как хочется спрятаться и работать над Чеховым!

Письмо от Казакевича*.

2 апреля. Выступал в Политехническом музее и по телевизору. Меня по-прежнему принимают за кого-то другого. Что делалось в Политехническом! По крайней мере половина публики ушла, не достав билетов. Зал переполнен, все проходы забиты людьми. И все, сколько есть, смотрят на меня влюбленными глазами. Андроников пел мне дифирамбы ровно полчаса. Я чувствовал себя каким-то мазуриком. Ведь, боже мой, сколько дряни я написал в своей жизни, постыдной ерунды, как гадки мои статьи у Ильи Василевского в «Понедельнике». Чтобы загладить их, не хватит и 90 лет работы. Сколько пошлостей — вроде «Англия накануне победы», «Заговорили молчавшие». Ничего этого нельзя оправдать тем, что все это писалось искренне. Мало утешения мне, что я был искренний идиот. Получено больше тысячи телеграмм, среди них от Анны Ахматовой, Твардовского, Паустовского, Исаковского и проч.

На телевизоре была веселая кутерьма, очень талантливо состряпанная Светланой Гинзбург.

Кларочка — добрый гений — сопровождала меня во всех передрыгах.

7 апреля. Утром во дворце — получал орден. Вместе со мной получал бездарный подонок Югов, которому я не подал руки. Брежнев говорил тихим голосом и был очень рад, когда оказалось, что никто из получавших орден не произнес ни одного слова. Любимое выражение Брежнева: «я удовлетворен», «с большим удовлетворением я узнал» и т. д.

Оттуда в Барвиху. Первый, кого я увидел в холле, — Твардовский, с ясными глазами, приветливый. В столовой увидел Исаковского. Он, бедняга, совсем слепнет. Черные очки.

Здесь Софронов, и Ажаев, и Вадим Кожевников

9 апреля. Вчера вечером кино — отвратное. После пяти минут я выскочил как ужаленный. Читаю Jane Austen «Pride and Prejudice»¹. Чудесная прозрачная изящная проза.

Вчера гулял с компанией, в которой был Исаковский. Он прочитал вслух на дороге свой «Холестерин» — отличную классическую вещь, написанную в ритме «Комаринской».

Твардовский относится ко мне трогательно. Сегодня подошел к моему столу и сказал, что в пять часов придет ко мне побеседовать. Говорили о здоровье Маршака. Оно сильно улучшилось. Изумительно четкие кованные стихи прислал мне Маршак к моему 80-летию*, свидетельствующие о его душевной силе — и власти над материалом.

Отправил письмо Алянскому, где браню рисунки Цейтлина к «Серебряному гербу». Сегодня приедет ко мне С. В. Образцов.

Между тем я чувствую себя и простуженным, и всю ночь маялся животом.

Твардовский располнелый, с очень ладными уверенными движениями, в полной поре прекрасной зрелости. Вчера Исаковский прочитал едкое стихотворение о том, что их судьбы схожи — «У меня есть “Победа” и у Твардовского есть “Победа”, но я езжу в своей, а он — в казенной».

Со мной за столом сидит какое-то большое начальство женского пола (из Белоруссии).

Сейчас был у меня Твардовский. Поразительный человек. Давно уже хотел бы уйти из «Нового Мира». «Но ведь если я уйду, всех моих ближайших товарищей по журналу покроет волна». — И он показал рукою, как волна покрывает их головы. Ясные глаза, доверчивый голос. «Некрасову издавать “Современник” было легче, чем мне. Ведь у него было враждебное правительство, а у меня свое». Принес мне рукопись некоего беллетриста о сталинских лагерях*. Рукопись дала ему Ася Берзер. Рассказывал, как он нечаянно произнес свою знаменитую речь на XXII съезде. Подготовил, но увидал, что литераторов и без того много. Оставил рукопись в пальто. Вдруг ему говорят: следующая речь — ваша. Рассказывал о Кочетове, что ему кричали «долой!», а в газетных от-

¹ Джейн Остин «Гордость и предубеждение» (англ.).

четах это изображено, как «оживление в зале».

1962

Публика смеялась над ним издевательски, а в газетах: («Смех в зале»). О Маршаке, что он не поддается никаким обстоятельствам. Говорил о черносотенцах и подонках: «они вовсе не так сплочены — охотно продают друг друга, и притом все как один бездарны». В нем чувствуется сила физическая, нравственная, творческая. Говорил об Эренбурге — о его воспоминаниях. «Он при помощи своих воспоминаний сводит свои счеты с правительством — и все же первый назвал ряд запретных имен, и за это ему прощается все. Но намучились мы с ним ужасно». Говорит о Лесючевском: «Это патентованный мерзавец. Сколько раз я поднимал вопрос, что его нужно прогнать, и все же он остается. А его стукачество в глазах многих — плюс: “значит, наш”».

[11] апреля¹. Письмо от Шаскольской: ни за что не ездить в Оксфорд!

Третьего дня Твардовский дал мне прочитать рукопись «Один день Ивана Даниловича» — чудесное изображение лагерной жизни при Сталине. Я пришел в восторг и написал краткий отзыв о рукописи*. Твардовский рассказал, что автор — математик, что у него есть еще один рассказ, что он писал плохие стихи и т. д.

Был вчера Образцов. Хочет ставить мои сказки. С ним Шпет и молодой режиссер. В чудесном настроении, много острит.

12 апреля 1962. Сейчас в три часа дня Александр Трифонович Твардовский, приехавший из города (из Ленинского Комитета), сообщил мне, что мне присуждена Ленинская премия. Я воспринял это как радость и как тяжелое горе.

Чудесный Твардовский провел со мною часа два. Шутил: «вдруг завтра окажется, что вы всю свою книгу списали у Архипова!» Говорил об Ермилове, который выступил против меня. Оказалось, что провалились Н. Н. Асеев, Вал. Катаев. Я — единственный, кому досталась премия за литературоведческие работы. Никогда не здоровавшийся со мною Вадим Кожевников вдруг поздоровался со мною. Все это мелочи, которых я не хочу замечать, но как нужно работать, чтобы исправить «Некрасова и его мастерство» для 4-го издания.

Могучую поддержку мне неожиданно-негаданно оказал... Сурков.

¹ В рукописи 13-е.

1962

13 апреля 1962. Провел вечер с Джемсом Эндикоттом и его женой Мэри. Он великолепный человек, подлинный борец, охвачен идеей борьбы за мир. Был советником Чан Кай-ши. На глазах у него умерло около миллиона чанкайшистов «Это негодяй! — говорит он. — Хитрый подлец. Я понял его подлые цели и смыслы. Конечно, не заявил ему прямо, что я считаю всю его политику мерзостью, иначе он так или иначе убил бы меня».

Я забыл записать, что 11 апреля Твардовский, отправляясь в Ленинский Комитет голосовать, не достал машины. Жена его почему-то не прислала ему «Победы». Он пошел пешком на станцию и с большим трудом доехал в поезде. Очень против меня ораторствовала Елена Стасова*, с которой у меня было столкновение в Барвихе.

14 апреля, воскресенье. Вчера приехала Екатерина Павловна Пешкова. Посидела у меня за столиком. О моем юбилее: «это был самый душевный юбилей, какой я когда-либо видела». Читаю «Pride and Prejudice» Jane Austen. Чудо. Казалось бы, что интересного: Elisabeth девка на выданьи — красивая, неглупая, и весь сюжет в том, кто из мужчин в конце концов поведет ее под венец. Поп Коллинз отвергнут, удастся ли это предприятие богатому красавцу Дарси? Но читаешь и восхищаешься: так изящно повествование, так прозрачен стиль, столько жизненной правды во всех ситуациях, так прелестно изображены побочные характеры.

У Эндикоттов одиннадцать внуков. «А когда мы приедем в Канаду, их будет тринадцать». Мэри чуть-чуть задыхается, а я переводил для нее «Путаницу» и «Тараканище».

Твардовский сидит с компанией в холле: Я, проходя, говорю: «Совет старейшин». Он отзывается: Совет Курейшин. (Это стоит суетории*).

18 апреля. Сегодня были у меня из Гослитиздата Софья Петровна Краснова и новый заведующий отделом литературоведения. Мы выработали 6 томов моего Собрания сочинений. Ох, сколько предстоит мне работы.

Эндикотт сейчас признался, что он никогда не читал Достоевского, не читал «Войны и мира». Мэри дала мне свои стишки о ее внуках — очень самодельковые.

19. Сегодня во всех газетах напечатано, что гостящий в Москве д-р Эндикотт был принят тов. Микояном.

— And he gave you instruction? — спросил я.

1962

— But no gold!¹ — ответил он.

Размышляю над 6-тью томами своих сочинений.

Твардовский входит в столовую майestatно хозяйской походкой человека, только что оторвавшегося от интересной и важной работы. Странно, что он *на ты* с Вадимом Кожевниковым и что они так мирно беседуют.

Меня страшно гнетет болезнь Маршака. Директор говорит, что на его спасение нет никакой надежды.

Читаю Ажаева. Я даже не предполагал, что можно быть таким неталантливым писателем. Это за гранью литературы.

22 апреля. Хотел ли я этого? Ей-богу, нет! Мне вовсе не нужно, чтобы меня, старого, замученного бессонницами, показывали в телевизорах, чтобы ко мне доходили письма всяких никчемных людей с таким адресом: «Москва или Ленинград Корнелю Чуйковскому», чтобы меня тормозили репортеры. Я потому и мог писать мою книгу, что жил в уединении, вдали от толчеи, пренебрегаемый и «Правдой» и «Известиями». Но моя победа знаменательна, т. к. это победа интеллигенции над Кочетовыми, Архиповыми, Юговым, Лидией Феликсовной Кон и другими сплоченными черносотенцами. Нападки идиота Архипова и дали мне премию. Здесь схватка интеллигенции с черносотенцами, которые, конечно, возьмут свой реванш. В «Правде» вчера была очень хитренькая статейка Погодина о моем... даже дико выговорить! — снобизме*.

Первым приехал меня поздравить Лев Ст. Шаумян.

Две недели мастера, вооруженные отбойными молотками, уничтожают памятник Сталину, торчавший в Барвихе против главного входа. Целый день, как бормашина у дантиста, звучит *тр-тр-тр* отбойных молотков.

Екатерина Павловна Пешкова, которую я навестил, чувствует головокружение — ее «шатает».

30 апреля 1962. Ек. Павл. Пешкова получила от Марии Игнатьевны Бенкендорф (Будберг) просьбу пригласить ее к себе из Англии. Ек. Павловна исполнила ее желание. «Изо всех увлечений Алексея Максимовича, — сказала она мне сегодня, — я меньше всего могла возражать против этого увлечения: Мария Игнатьевна — женщина интересная». Но тут же до нее дошли слухи, будто Мария Игн. продала каким-то английским газетам дневники Алек-

¹ Он дал вам наставления? — Но не дал золота (англ.).

сея Максимовича, где говорится о Сталине. «Дневников он никаких никогда не вел, — говорит она, — но возможно, что делал какие-нибудь заметки на отдельных листках». И вот эти-то заметки Мария Игн. могла продать в какое-нибудь издательство. Лицо Екат. Павл. покрывается пятнами, она нервно перебирает пальцами. Сегодня днем ко мне ворвалась Раиса Тимофеевна Михайлова (жена бывшего министра культуры) с мужем Тимоши (забыл, как его зовут — Владимир Федорович). Екат. Павловна о нем: ненавиживу его, разбил семью, вторгся в дом. Заговорили опять о Марии Игнатьевне. «Когда умирал Ал. Максим., она вдруг дает мне какую-то бумажку, исписанную рукою Крючкова — и подписанную Горьким. «Пожалуйста, А. М. просил, чтобы вы передали эту бумажку Сталину, а если нельзя, то Молотову». Я сначала даже не взглянула на эту бумажку, сунула ее в карман халата, но потом гляжу: да это — завещание! — обо мне ни слова, все передается в руки Крючкова!» (И опять на лице красные пятна.) Вот воспоминания, терзающие эту беспокойную душу.

5 мая. Ну вот и кончается моя Барвиха. Завтра уезжаю.

Вдруг мне расхотелось ехать в Англию. Тянет к усидчивой работе над новым изданием «Живого как жизнь». К тому же Маринна Шаскольская нарисовала мне такую мрачную картину шпионажа, шантажа, провокаторства английской полиции, что поездка показалась мне опасной, ненужной, бессмысленной. Скорее в Переделкино, за письменный стол!! Но приехал Коля и уверил меня, что все это вздор, что в Оксфорде я буду чувствовать себя спокойнее, чем в Переделкине, что ждет меня уют и тишина, что Марина будет охранять меня от всяких опасностей — и я решил ехать.

Андроников был в Италии. Рассказывает, что бывший с ним Казакевич смешил их с утра до вечера. Пошли с Сурковым в ресторан, и он угощал на свой счет всю компанию. Казакевич назвал его «Король лир» — так как он расплачивался лирами. Король (чего?) лир.

Получил из Америки биографию Конан Дойла, написанную Хескетом Пирсоном, и стихи (целый сборник) стихов Огдена Наша.

Очень ловкие рифмы у Огдена Наша, очень эксцентрические сюжеты, но его манера очень скоро приедается — его механический юмор наводит уныние:

Как скучно быть Огденом Нашем,
Который ни вашим, ни нашим.

10 мая. Вышла моя книга «Современники». Толстенная, нелепая, с картинками.

Ну вот 18-ое мая. Дождь. У меня на губе выросла _____ **1962**
лихорадка. Я охрип. Завтра утром — даже дико сказать! — я в Англии. С этакой-то мордой — 80-летний. Совестно. Марина совершила чудеса. У нее в сумочке — билеты на самолет и деньги — 1500 фунтов стерлингов. У нас с Марией Борисовной никогда не было больше 15-ти.

19 мая. В Англии я был в 1903—1904 годах — провинциал, невежда. Шестьдесят лет назад. Cadbury Cocoa и Beechamp's Pills, Review of Reviews¹ — нищий — из Russel Square я был выгнан в Tichfield Street — улица безработных, воров и проституток: настоящий slum². Теперь половина пятого — в 8.30 отлетает мой самолет. В 80 лет — я ничего не чувствую, кроме усталости.

21 мая. Летели мы очень хорошо. В самолете мне с Мариной достались отличные места. Впереди. Ни с кем не познакомились в пути. Видели далеко, глубоко под собою — облака. Пролетели над Копенгагеном, и вот Лондон. Встретил меня Ротштейн и незнакомец. Оказывается, я гость Британского Совета. В посольство — мимо Кенсингтон Garden — знакомые места. Чуть не плачу от радости. Сопровождающий меня англичанин — оказался тем самым Норманом, которого я встретил в Переделкине! Шел по Переделкину молодой человек без шляпы, я догадался, что это — англичанин, затащил его к себе — и он прочитал мне по моей книге Броунинга «О Галупи Балтасаро this is very sad to find»³. Оказывается, он — работник Британского Совета. В Оксфордском Randolph Hotel — две прелестные комнатки с тремя зеркалами каждая, но без письменного стола. Встретил нас С. А. Коновалов без шапки — бесконечно милый.

Был в Бодлейн Library⁴ — чудо! Letters of Swinburn⁵, собр. соч. Троллопа. Чудесное издание Газзлита — и красота дивная, гармоничность всего архитектурного ансамбля подействовала на меня как музыка. Видел прелестные рисунки *Сомова, Бенуа, Серова, Пастернака отца, видел эскизные портреты Ленина (с натуры).*

24 мая. Счастливейший день. Облачно, но дождя нет. Зашли за мною студенты вместе с Pier'ом Хотнером, который каждую

¹ Какао Кадбери, таблетки Бичампа, «Обзор обзоров» (англ.).

² трущоба (англ.).

³ как печально это обнаружить (англ.).

⁴ библиотека (англ.).

⁵ Письма Суинберна (англ.).

свою речь начинает словом: «Послушайте!» По дороге мы купили бритву и банку чернил. Подъехала машина, и в ней жена Пьера — с мальчиком Мишей 8 месяцев — умное глазастое лицо — прелестный мальчуган. По дороге — Alice's Shop, лавка, где Люиз Кэрролл покупал для детей леденцы. В честь Люиз Кэрролла поехали по Isis'у в лодке, здесь ровно сто лет назад он рассказывал девочкам Лиддел «Alice in Wonderland»¹. Прелестная река — виды великолепные, вдали Magdalen Tower², серая белка прыгает, как кенгуру, в траве, в воде лебеди, и кажется, будто и белка и лебеди здесь с 1320 или с 1230 года.

Потом — обед в All Souls³ в мою честь(!) у одного из профессоров.

Я забыл записать, что третьего дня происходила церемония, при помощи которой меня превратили в Lit. Doctor'a⁴. Процедура величественная. Дело произошло в Taylor Institution, так как то здание, где обычно происходят такие дела, теперь ремонтируется. На меня надели великолепную мантию, по обеим моим сторонам встали bedels (наши педели?) с жезлами, в мантиях, ввели меня в зал, наполненный публикой, — а передо мною на возвышении, к которому вели четыре ступеньки, сидел с каменным, но очень симпатичным лицом Vice Chancellor of Oxford University проф. А. Л. П. Норрингтон. Профессор Ворчестера A. N. Bryan (Broun) прочитал латинскую похвалу, где упомянул «Crocodilius'a», после чего я поднялся на 4 ступеньки и пожал Vice Chancellor'у руку.

Vice Chancellor посадил меня рядом с собою, после чего я пошел читать лекцию о Некрасове. Читал я легко, непринужденно, почти без подготовки — и к своему удивлению имел громадный успех. Перед этим проф. Obolensky огласил мою краткую биографию. Я читал по-английски отрывки из Swinburn'a и прославил нашу советскую науку, наше литературоведение*, назвав имена акад. Алексеева, Макашина, Машинского, Скафтымова, Вл. Орлова, Оксмана, Зильберштейна и многих других русских исследователей литературы.

После моей лекции Reception⁵ тут же. Жена Коновалова, Янина, заведовала вином, легкой закуской — все были любезны, ласковы и, к счастью, скоро освободили меня.

¹ «Алиса в Стране чудес» (англ.).

² колокольня колледжа Магдалины (англ.).

³ колледж Всех Душ (англ.).

⁴ Доктора литературы (англ.).

⁵ Прием (англ.).

Вернувшись, я предложил Марине пройтись переулками перед сном. Тихие средневековые стогны — и вдруг из одного домика выбегает возбужденная женщина и прямо ко мне: «Мы воспитались на ваших книгах, ах, Мойдодыр, ах, Муха Цокотуха, ах, мой сын, который в Алжире, знает с детства наизусть ваше “Тараканище”», — вовлекли меня в дом и подарили мне многоцветный карандаш.

Марина чудесный товарищ в путешествии, ее присутствие радует меня очень. Коновалов чистый человек, любит Россию горячей любовью, рвется на родину, в его «*Slavonic Papers*»¹ нет ни одной строки, направленной против Советского Союза. В откровенной беседе он жаловался мне, как ему тесно в Оксфорде, как тяготит его отрыв от Родины. Ох, сегодня будет большой наплыв людей, с утра человек пять или шесть.

26 мая. Вчера два визита: заехал за нами сэр Морис Баура — автор «Песен диких народов» — и повез нас в свою гениальную холостяцкую квартиру, ту самую, где когда-то в тысяча шестьсот... которм-то году жил сэр Кристофер Рен. Таких музыкальных пропорций, такой абсолютной гармонии, такого сочетания простоты и роскоши я никогда не видал. Быть в такой комнате значит испытывать художественную радость. А комнат у него много — и столько книг в идеальном порядке, итальянские, греческие, французские, русские, английские — наверху зимний сад с кактусами. Завтрак в такой столовой, что хочется кричать от восторга. Sir Maurice холостяк. Бесшумный лакей — chicken, chocolate pudding², говорили о Роберте Броунинге, о Суинберне, Уотт Duntон'e, сэр Морис декламировал Фета, Гомера, Сафо. Я рассказал ему об отвратительном впечатлении, которое произвел на меня Debating Club³.

Едва я пришел домой, меня уже поджидали студенты — повели меня на St. Giles street, где труппа студентов из 12 человек ежедневно с 2 1/2 до 3 1/2 изображает пьесу о Робине Гуде. Помост, вокруг которого ограда из раскрашенных полотнищ, на помосте столб, на столбе тряпка, на которой изображена луна со звездами — это ночь, когда нужно изобразить рассвет, тряпку переворачивают, возникает солнце. Артисты и артистки патетически молоды — 18, 19, 20 лет, Робин Гуд — огромный детина со счастливым лицом, есть монахини, нищие, разбойники в средневековой одежде — весело, непринужденно, молодо... Из окон сбросили листья капусты.

¹ «Славоник пейперс» (англ.).

² цыпленок, шоколадный пудинг (англ.).

³ Дискуссионный клуб (англ.).

Стал накрапывать дождь. Я ушел и стал читать «Первую любовь» Тургенева в переводе сэра Isaiah. Перевод хороший. Через некоторое время заехал за мной Оболенский на своей крохотной машине и повез меня к сэру Isaiah. Опять божественные лужайки, сверхъестественной красоты деревья, необыкновенно богатое жилье — с привкусом безвкусицы — вкуснейшая еда, молчаливые лакеи. Леди Berlin, внучка миллионера Гинзбурга, который подарил Антокольскому виллу в Ницце и водил дружбу с Тургеневым и Гончаровым, стройная, молчаливая, изумительно тактичная, повела меня в комнату своего сына. Огромная комната, половину которой занимает железная дорога (игрушечная) с рельсами, вокзалами и т. д. У мальчика комиксы самые аляповатые — но безвредные, он смотрит телевизор (дебри Африки), на столе учебник латинского языка; я спрашивал его латинское спряжение всяких глаголов, латинское склонение он отвечал безупречно. Оболенский, везя нас в машине назад, прочитал своим металлическим голосом «Сон статского советника Попова». Я забыл сказать, что у Берлинов останавливался Шостакович, когда получал ученую степень. Я рассказывал им о смягчении режима, о миролюбии Советского Союза, о том, что они (Берлины) должны на 180° пересмотреть свое отношение к нам. — Я согласен! — сказал Берлин, шутя, но кто знает, что у него на уме.

27 мая. Погода прегнусная. Вчера я с утра посетил комнату студента, который пишет о Чехове. Его знания Чеховианы огромны, но моей книги он не видел.

Нужно уезжать. Марина талантливо укладывается. Вечером за нами заехал милый Симмонс (библиотекарь), повез меня с Мариной на обед: к себе. Я думал, что мы и пообедаем вместе с ним и чудесным автором статьи о процессе «Lady Chatterley's Lover»¹ (др. Сперроу, он ректор (Warden) колледжа All Souls). Мы говорили о Rossetti, о Суинберне, об Оскаре Уайльде (он показывал мне дивное издание писем Оскара Уайльда, они выйдут в июне, он пишет о них рецензию). Все было дивно, я буквально влюбился в Сперроу'а — энергичный, умный, вооруженный с головы до ног — и вдруг нас повели в соседнюю залу, где человек 30 ученых в визитках с накрахмаленной грудью готовы сесть к столу. На столе вина, фрукты и... палки такой формы:

Этими палками джентльмены орудуют над столом, чтобы привлечь вазу с фруктами или бутылку вина. Сперроу разговаривал со мной непрерывно, и я впервые стал пользо-

¹ «Любовник леди Чаттерлей» (англ.). Автор — Д.-Г. Лоуренс.

ваться английским языком, даже не замечая, что говорю по-английски.

1962

Ну вот я и в Kingsley Hotel на Блумсберг Way London WC 1.

Обед в Колледже. Внизу студенты. Здесь чопорные доны. Знаменитый историк, законник, богослов в средневековых одеяниях садятся за стол — и оказываются добродушными, даже озорными хохотунами. Со стен глядят их предшественники, сидевшие за тем же столом в 1489 году, в 1529 году, в 1790 и т. д.

2 июня. Вчера выступал три раза: по BBC для русского отделения. Читал «Муху», «Мойдодыра», «Чудо-дерево». Познакомился с Николаевой (Ариадной). Полная, добродушная женщина — повела меня в Times Bookshop¹, где я под ее давлением купил три ненужные мне книги. Вообще я забываю, что мне 81-й год, и покупаю себе множество книг. После этого я вернулся в Kingsley Hotel, отдохнул, почитал газеты. (Эйхмана повесили, Гейтскел назвал лорда Russel'a, собирающегося поехать на Московскую конференцию Мира, наивным чудачком, обмисуренным большевиками, и т. д.) Она составила вместе с Петром Норманом книжку Russian Readings (price 7 s. 6 d.)², где есть отрывки из воспоминаний Ал. Н. Тихонова (Сереброва). Думал ли Тихонов (Тишенька), беспутный, отвергнутый всеми критиками, скромный, что по его статьям будут изучать в Лондоне русский язык?! Приехали за нами часа в 4, повезли в Лондонский университет — колоссальное классическое здание. Вначале — прием (reception), потом Lecture room³. Большая вступительная речь проф. Кембриджского университета Элизабет Хилл, где она сравнила меня с дедушкой Крыловым. Потом два часа я с упоением читал свои стихи под *гром* аплодисментов, потом импровизированная лекция о стиле Некрасова, потом — воспоминания о Маяковском. Success⁴ небывалый, неожиданный. Старики, молодые кинулись меня обнимать и ласкать — студенты были очень возбуждены, а директор Лондонского университета сказал, что лекция была entertaining и instructive⁵. Потом Крейтон (краснолицый, дюжий детина) повез меня в Клуб «Англия — СССР» — и там я снова читал до полного истощения сил. Горло опять болит, будь оно проклято.

¹ Книжную лавку «Таймс» (англ.).

² «Чтение по-русски» (цена 7 шиллингов 6 пенсов) (англ.).

³ Аудитория (англ.).

⁴ Успех (англ.).

⁵ Увлекательная и поучительная (англ.).

3 июня. Кашляю. Выступал вчера в Пушкинском клубе, который как будто для того и существует, чтобы доказать, что в эмиграции люди гниют и мельчают. Принимали меня хорошо, но атмосфера гнилости, запустения, бездарности, страшной опустошенности угнетала меня все время. Грешно с моей стороны писать о них так неприязненно. Они отнеслись ко мне с открытой душой — много хлопали, целовали меня, даже барон Мейендорф, 90-летний старик, с энтузиазмом пожал мне руку — так что мне следовало бы жалеть их от всего сердца. И уезжая от них, я чувствовал ту же жалость, какую чувствуешь ко всякому покойнику.

Был перед этим у Iona и Peter Opie. Мудрые люди, устроившие свою жизнь мудро и счастливо. Они *вместе* создали три фундаментальные книги — и с какой любовью, с каким гениальным терпением. Весь их дом сверху донизу — музей, изумительный музей детской книги и детской игрушки. Так как в их работе — систематизация, классификация играет главную роль — в их огромном хозяйстве величайший порядок; тысячи папок, тысячи конвертов, тысячи экспонатов — распределены, как в музее. Она моложавый с горячими глазами, она черноглазая, энергичная, приветливая, их жизнь — идеал супружества, супружеского сотрудничества. Дочь их тоже собирательница. Она собирает карты всего мира, и в ее комнате нет ни одной стены, которая не была бы увешана географическими картами. Ей задано: прочитать 13 классических книг: Диккенса, Теккерея и т. д. Каждую субботу в том месте, где живут эти счастливицы, в городке — распродажа книг, любая книга 6 пенсов, они каждую субботу ходят на ловлю — и возвращаются с добычей. Вообще весь их громадный музей создан не деньгами, а энтузиазмом.

Сегодня 3 июня — мой счастливейший день, прогулка с Мариной по Лондону. Солнце, потрясающей красоты здания Парламента, West Cathedral'a, парад ирландских ветеранов войны перед Cenotaph. Мы поехали в National Gallery. Она заперта! Воскресенье. На решетке вывешен снимок с картины Леонардо «Virgin and Child with St. John the Baptist». И воззвание: Secure the picture for the nation by making your contribution now. £ 800 000 must be received by the end of July¹. Постояв у закрытых ворот галереи, мы пошли на Trafalgar Square². Львы как будто выросли за

¹ Богородица с Младенцем и Иоанном Крестителем. И воззвание: Сохраните картину для народа и сделайте свой взнос теперь. До конца июля нужно собрать 800 000 фунтов (англ.).

² Трафальгарская площадь (англ.).

те годы, что я их не видел. Огромные фонтаны с подсиненной водой. Голуби тысячами бродят по земле. Дети держат на ладонках зерно и считают себя счастливыми, если голубь клонет у них из ладонки. Маленьких детей родители водят на вожжах. Среди густой толпы голубей воробьи, как астики среди кораблей. Воробей ухватил большую крошку, на него накинулся (символ мира!) голубь и отнял у него его добычу. Воробей поглядел на него, даже не смея рассердиться — с ругательством во взоре. Много колясок, пестрых женщин (чем старше женщина, тем ярче она одета), арабы в бурнусах, индийцы в чалмах, негритянки, негритята и негры. Памятник Charles'у James'у Napier'у, тому самому. На памятнике написано, что большинство пожертвований (на его воздвижение) дали простые солдаты. По улице, ведущей к парламенту, памятник полководцу — даже маршалу Haig'у. Тут-то мы увидели Кенотаф — памяти погибших на войне ирландцев, и вдруг к этому памятнику с обнаженными седыми волосами и лысынами стройной колонной, по-военному, прошли в штатской одежде ветераны ирландских полков. Трубы трубили печально-панихидно, солнце, священник в белой накидке — God, save the Queen!¹ Потом богослужение, — на груди у каждого старика десятки орденов и медалей, один без ноги, все это так растрогало меня и Марину. Так жалко было этих старичков в такой праздничный солнечный день, так стало мне жалко себя, что я побрел прочь к бессмертному красивому Вестминстерскому аббатству, по дороге: памятник Canning'у, Линкольну и... Георгу Пятому. Меня это потрясло. Я привык в Москве ходить среди памятников моим знакомым: памятников Репину, Маяковскому, Горькому, но здесь в Лондоне — найти памятник — огромный, помпезный человеку, которого ты видел живым, голос которого слышал, — это так странно — памятник среди Линкольников и Непи-ров!!!

Прошли мы к парку и увидели памятник суффражистке Эмелине Панкхорст (1858–1928), которую те же англичане сажали в тюрьму, насильственно кормили через нос и т. д. Там же памятник гражданам Калэ Родена. У парламента памятник Ричарду Львиное сердце и Кромвелю. Мы решили воротиться из Westminster'a на метро. Влезли туда в лабиринт длинных погребов и заблудились. В Чаринг Кросс пересадка. Метались туда, сюда, возвращались на прежнее место — и в конце концов вылезли и взяли такси, который и доставил нас в Kingsley Hotel усталыми, но бесконечно счастливыми.

¹ Боже, храни Королеву! (англ.).

1962

Вечер у Peter'a Norman'a Милый, добрый, скромный — составляет учебник. Его жена, урожденная Франк, Наталья Семеновна, и брат жены — дом с садиком в пригороде, вдруг врывается наглая баба — и спрашивает:

— Что Ольга?

— Какая?

— Ивинская!

— Я считаю ее авантюристкой — и нисколько не интересуюсь ею.

— Но Борис (Пастернак) так любил ее.

— Не могу же я любить всех женщин, которых любил Пастернак.

— Да, Борис говорил мне, что вы ее не любите.

— Тем более я вправе не печалиться ее горькой судьбой.

4 июня. Была Эллен Winter, возила нас в своем автомобиле. Яркая женщина. Очень хочет, чтобы я разрешил ее сыну Стеффену, профессору, который на днях приезжает из Америки, перевести книгу «От двух до пяти». Была Мура Будберг с какой-то Андрониковой — *глухой и слепой*. «Мне Анна Ахматова посвятила стихотворение “Тень”».

— Прочтите, пожалуйста.

— Не помню.

Вечером — у посла А. А. Солдатова. Обедали с ним, его женой и дочерью. Он человек большого образования, широкий, умница, рассказывал о приезде Юрия Гагарина в Лондон, о приеме у Королевы. Королева разрешила своей прислуге встретить Гагарина в Букингемском дворце. Вся лестница заполнена была людьми, кричавшими «ура». Жена посла, волжанка, очень любит Некрасова.

Завтра — в Эдинбург.

6 июня. Сижу в милом, но ненужном мне Эдинбурге. Вышла глупость: British Counsel¹ не разобрался хорошенько, что в Эдинбурге студенты заняты экзаменами, и отправил меня с Мариной сюда. Нас встретил милый англичанин Дэннис Ward, который повез нас по великолепному городу в гостиницу Royal Circus Hotel, прелестную, тихую, старинную — и сообщил нам, что читать некому и вообще делать нам здесь нечего.

9 июня. Летим обратно. Вчера с утра — Элла Уинтер — с крылатыми бровями, привела своего сына, бородатого парня в демо-

¹ Английский консул (англ.).

кратической одежде. Повезла нас в Tate Gallery, где я был 59 лет назад. Абстракционисты — ужасны, полная, безнадежная чушь. Очень поблекли прерафаэлиты, Сарджент — мастер, но пустой. Фрэнсис Бэкон — взрывчатый, разодранный, клочковатый — вполне выражающий современную душу. Очень устал. Потом мы снялись с Ротштейном на улице, потом пошли в Library¹ им. Маркса. Впечатление оголтелой бедности. Все книги старые, в пыли... В самолете была 7-летняя девочка Таня, с которой мы очень сошлись. Она поглядела на облака, клубившиеся внизу, и сказала: «мыльная страна». — Путешествие было незаметное. Я чувствовал себя в самолете, как в трамвае.

Сразу привык к тому, что внизу видна Дания, как на карте, что в 1-м классе молчаливые пассажиры, а во втором — говорливые, что капитаны убийственно молоды, что вообще полеты на jet'ax² никакое не событие.

Колледж Christ Church основан в 1546 году. В Trinity College (1554) я получал степень, там же была лекция. Степень Доктора Литературы получали в 1952 году — Моэм, в 1955 г. — король Густав VI Шведский, в 1956 г. — Жан Кокто, в 1957 — Роберт Фрост, в 1962 г. — я.

15 июня. Все же Англия сильно помешала мне работать. Целые два месяца выпали из жизни.

Был вчера у Маршака. Он уезжает в Крым. Бодр необыкновенно. Читал мне свои стихи — из них лучшее — о Марине Цветаевой*. Читал новый перевод из Вильяма Блэйка. Еще полгода назад (да нет, три месяца назад) врачи приговорили его к смерти: он еле дышал. Теперь он стал прежним Маршаком, неистощимо работающим, с горою рукописей на столе, непрерывно говорящим со всеми по телефону, принимающим в день десятки людей — расточающим себя, как богач. В Крым он уезжает на пять месяцев.

Он написал рецензию на повесть «Один день», которую Твардовский все же хочет поместить в «Новом Мире» в августе. «После этой повести нельзя будет писать плохую беллетристику». В соседней комнате Глоцер и Лена Маршак работают над какими-то рукописями. К Маршаку пришла германская писательница, которую зовут Габбе, и хотя она не родственница Тамаре Григорьевне, он

¹ библиотеку (англ.).

² реактивных самолетах (англ.).

1962

принял ее особенно ласково. Читал мне стихи, посвященные Тамаре Григорьевне*.

Мои «Современники» до сих пор не вышли.

Вернулся в Переделкино к 6 часам и вместо того, чтобы работать, пошел в Дом творчества — где провалялся до восьми. В наказание за это запрещаю себе ходить туда. Вечером ко мне пришел Марьямов и сказал, что Твардовский взял мою статейку о Маршаке — в понедельник будет результат.

И тут же сообщил новость: к нам приезжает Кеннеди с Робертом Фростом, а в Америку летит Хрущев с Твардовским. Каждый — со своим поэтом.

16-е июня. Суббота. У меня даже письма лежат неразобранные. Откуда-то появилась у меня на столе ужасная книга: Иванов-Разумник «Тюрьмы и ссылки» — страшный обвинительный акт против Сталина, Ежова и их подручных: поход против интеллигенции. Вся эта мразь хотела искоренить интеллигенцию, ненавидела всех *самостоятельно думающих*, не понимая, что интеллигенция сильнее их всех, ибо если из миллиона ими замученных из их лап ускользнет *один*, этот один проклянет их на веки веков, и его приговор будет признан всем человечеством.

18 июня 1962. Понедельник. Вчера у меня были: Малаховский (милый, глуховатый), коего в последний раз я видел мальчиком, он играл в «Царе Пузани» великана; привел он с собою шведского корреспондента, моложавого (фамилию я не расслышал). У корреспондента мальчишка Свен, говорящий по-русски. Приехал Ярмолинский, с которым я виделся в последний раз 38 лет тому назад: сухонький, приятный старичок, работяга, автор книги о Тургеневе, привез Киплинга в подборке и с предисловием Элиота и шариковые ручки. Я подарил ему 3 тома писем Достоевского. Он очень одобряет то строительство, которое нынче развернулось в России. С Ярмолинским Баббетта Дейч — его жена, поэтесса, переводчица, которой я сказал, что переводит она очень неровно — зачастую плохо. Но как бы то ни было, весь день прошел в болтовне, а работа лежит — недоделанная. Готовлю 1-й том Собрания сочинений «Для детей и о детях», куда войдут «Серебряный герб», все сказки — и «От двух до пяти». Это будет том!!! 40 листов.

19 июня, вторник. Сдуру ездил в город — выступать перед гослитовцами — со своими «впечатлениями об Англии». Вернулся — пошел к Пете Пастернаку — внуку поэта. Черноголазый, четырех-

летний. Я рассказал ему сказку о Персее. Он сказал: 1962

«Когда я опять заболел, пришли мне опять книжку». В поле увидел Костю Федина (внука). Замечательный задумчивый мальчик, в очень ярких малиновых носках, изящно носится по кукурузному полю вдали от всех. «Я люблю одиночество и гусениц». Петя лежал в постели. «Я лежу и слушаю, как играет Леня» (Леня в большом доме бурно играет на рояли). Бабушка Петя ютится в маленьком доме (в развалинах хибарки), где живет Женья (ее сын), жена Жени (дочь Шпета) и их двое детей. Развалины не были бы так патетично дряхлы, если бы не содержались в таком беспорядке. На кособокой двери — криво повешенный, весь изломанный ящик для писем, из которого торчит трава. У ящика нет дна. Жители дома демонстративно заявляют: «а на обстановку нам наплевать».

24 июня. Костер был назначен на 1 час. Ровно в 12.50 минут, когда собралось больше 1000 детей, начался лютый ливень — беспощадный. Приехали Кончаловская, Барто, Бергут [? нрзб.] с женой, Поляновский с женой, Клара с подругой и подругиной дочкой — пришлось мне выйти под дождь и объявить, что костер не состоится. В результате радикулит и хрипота, и сознание, что я идиот.

26 июня. Вчера была Таня с Машей и Верой. Митя паясничал вовсю. Он очень силен, ловок, красив — и счастлив счастьем бытия, даже не догадываясь, что его подстерегают болезни и смерть. Вера так хохотала за столом над его выходками, что не могла проглотить пирожное, хохотала эротическим девическим смехом. Я со скрежетом читаю ерундовскую книгу Ellery Queen'a «The Chinese Orange Mystery»¹ — далеко не бездарно, диалоги живые, но ремесленничество прет из каждой строки. Натяжки страшные, полное неуважение к читателю. Пишу о языке. О, если бы меня заперли в тюрьму или в больницу, я наделал бы там делов — а здесь в суете, в бестолочи...

«Современники» до сих пор не вышли.

Вчера на прогулке зашел с Кларой в хибарку, где обитает Женья Пастернак со своими детьми. Петя не было, его братишка лежал во дворе в колясочке, прикрытой кисеей. Из окна «большого дома» выглянула Зинаида Николаевна — «заходите, у меня есть с вами интимный разговор».

¹ «Тайна китайского апельсина» (англ.).

Она загорела. «Вожусь в огороде. Но сегодня была моя докторша; вам нельзя на солнце, после инфаркта». Сейчас у нее радикулит, она больше лежит.

28 июня. Кропаю 2-ое издание «Живого как жизнь»... Вспомнил Мурочку, реву, не могу успокоиться. *Клава – милая, чуткая.* Третьего дня был у Зинаиды Николаевны Пастернак. Она живет на веранде. Возле нее – колода карт. Полтора часа она говорила мне о своем положении: по ее словам, Пастернак, умирая, сказал: «как я рад, что ухожу из этого пошлого мира. Пошлятина не только здесь, но и там (за рубежом)». Перед смертью к нему пришли проститься его дети. З. Н. спросила: не хочешь ли ты увидеть Ольгу Всеволодовну. Он ответил: «Нет!» Ей сказал: «Деньги у Лиды, она знает, как добыть их для тебя». Но вот Лида приехала сюда – и оказалось, что *никаких* денег у нее нет.

– Я совсем нищая! – говорила З. Н. – Когда в театре шли Бороны переводы Шекспира, он весь доход от спектаклей клал на мою сберкнижку. У меня было 120 000 рублей. Но его болезнь стоила очень дорого: консилиумы профессоров, каждому по 500 рублей, – осталась у меня самая малость. Теперь 500 р. (то есть по старому 5000) дал мне Литфонд, кроме того, Литфонд оставил меня на этой даче и не берет с меня арендной платы, но у меня нет пенсии и продать нечего. Ольга, когда ее судили за спекуляцию, сказала: «У Пастернака было около 50 костюмов, и он поручил мне продать их». Все это бесстыжая ложь. У Пастернака был один костюм, который привез ему Сурков из Англии – от покойного отца-Пастернака, – и старые отцовские башмаки, тоже привезенные Сурковым. В костюме отца я положила его в гроб, а башмаки остались. Вот и все. Когда арестовали Ольгу, пришли и ко мне – два молодых чекиста. Очень вежливых. Я дала им ключи от шкафов: «Посмотрите сами – ничего не осталось от вещей». Борис не интересовался одеждой, целые дни работал у себя наверху – вот я и осталась нищей; если истрачу последнюю копейку, обращусь к Федину, пусть даст мне 1000 р. – и к Вам обращусь. Хочу писать Хрущеву, но Леня меня отговаривает. О моей пенсии хлопочет Литфонд, – но есть ли какие-нибудь результаты, не знаю. Узнайте, пожалуйста. И было бы очень хорошо, если бы Вы, Твардовский, Вс. Иванов – обратились бы к правительству с просьбой – получить за границей всю (деньги) валюту, причитающуюся Пастернаку, и выдать ей взамен советскую пенсию.

«Проф. Тагер уже перед смертью Пастернака определил, что у него был годовалый (она так и сказала) рак легких. Как раз тогда начался, когда началась травля против него. Всем известно, что

нервные потрясения влияют на развитие рака. Я не хочу покидать эту усадьбу, буду биться за нее всеми силами; ведь здесь может быть потом музей... Жаль, я больна (после инфаркта), не могу добраться до его могилы, но его могила для меня здесь...»

1962

Был Алянский с художником Цейтлиным, испортившим первое издание моей повести «Серебряный герб» — художник взялся исправить рисунки. Он говорит, что все молодые художники и МОСХ и ЛОСХ подняли бунт против Академии Художеств и требуют ее уничтожения и что Министерство Культуры здесь ничего не поделает.

29 июня. Были у Лиды Копелевы, муж и жена. Оказывается, он, Копелев, достал для «Нового Мира» рассказ «Один день»*, который давал мне Твардовский. Снова Белинковы: он мучительно болен. Женя Пастернак с женой и сыном Петей, прелестным мальчиком 4-х лет. Они пришли сказать, что в воскресенье Зинаида Ник. и он, Женя, едут на Истру к Эренбургу попросить у него совета по поводу денежных дел. Эренбург говорит: «Я член комиссии по литературному наследству Пастернака, не имею права вмешиваться в его финансовые дела». Но он может составить умную и дельную бумагу, под которой охотно подпишемся мы все.

Нужно писать новую главу для «Живого как жизнь». Копелевы рассказывают, что, приехав в Тбилиси, они поселились на ул. Сталина, потом переехали на улицу Джугашвили, а в Сухуми (кажется) оказались на улице Кобы (партийная кличка Сталина).

Погода опять мерзейшая. Осенний унылый и затяжной дождь. Опять костер остается под угрозой.

1 июля. У Коли уже лет десять назад утвердились в голове *неподвижные* мысли: заговори с ним о декабристах, он сейчас же скажет, что это было обычное выступление гвардии, которая издавна привыкла назначать царей, и сошлется на примеры XVIII века. Заговори о языке, он скажет, что не слово, а предложение есть единица смысла и т. д.

Я знаю наизусть по крайней мере двадцать пунктов, по поводу которых он скажет то самое, что говорил в прошлый раз, — даже теми же словами.

Вчера звонил Михалков, который обещает выступить сегодня перед детьми. Костер назначен в три. Вряд ли погода изменится.

Отовсюду мрачнейшие сведения об экономическом положении страны: 40 лет кричать, что страна идет к счастью — даже к блаженству, — и привести ее к голоду; утверждать, что вступаешь в соревнование с капиталистическими странами, и провалиться

на первом же туре — да так, что приходится прекратить всякое соревнование...

Тучи до того нависли, что в *8 часов утра* хоть лампу зажигай. В комнате темновато.

У Федина очень хороши воспоминания о Горьком и окружающих его людях (Сологуб, Волынский, хирург Иван Иванович и др.), но размышления о языке — сплошная вкусовщина, дилетантщина.

Костра не было.

Мне нужен человек, охраняющий входы. Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека*.

3 июля. Если бы не Клара, я погиб бы: целую ночь (на 2-ое) я мучился тем, что мне нужно выступить в Ленинской библиотеке с приветствием в 10 часов утра. Принимал кофеин, чтобы не спать и сейчас же димедрол, чтобы заснуть. Утром полумертвый приехал в Ленинскую — и после выступления — в «Молодую Гвардию». Оказывается, мои «Современники» выходят помаленьку и уже посланы в... Свердловск. Татьяна Яковлевна не может решить о новом издании «Живого как жизнь». Но я был полумертвый от бессонницы, от принятых ядов, от утомления в библиотеке: (черт занес меня в залы редкой книги, где мне показывали подлинники Джордано Бруно и... листовок Плеханова. Там я провел целый час, умирая от старости). И вот этакий выжатый лимон я приехал в Переделкино. Клара, заботливая, участливая, сделала все, чтобы я отдохнул. Отдохнуть сразу я не мог: у меня был Женя Пастернак (приходил 3 раза) и (голосом своего отца) сообщил мне, что он вместе с Зин. Ник. ездил к Эренбургу — Эренбург советует хлопотать не столько о заграничном гонораре Пастернака, сколько о пенсии З. Н., написал письмо к Никите Сергеевичу, которое должны подписать я, Твардовский, Шостакович, Тихонов, Федин. Я подписал, но так трудно собирать подписи других. Женя хочет, чтобы их собрал я. Я взялся. И здесь меня выручила Клара. Она пойдет к Марьямову, к Федину, она сделает.

Читал Эренбурга в 6-й книжке «Нового Мира». Все восхищаются. А мне показалось: совсем не умеет писать. Выручает его тема: трагическая тема о России, попавшей в капкан. Но зачем — чехарда имен, и всё на одной плоскости без рельефов: Даладьё, Пастернак, Лиза Полонская? Рябит в глазах, и какие плохие стихи (его собственные) он цитирует в тексте*.

[Вклеено письмо. — Е. Ч.]

Дорогой Корней Иванович! Вашего адреса я не знаю. Надеюсь, что почтаamt Вас найдет.

31.03.62.

Разрешите от всей души поздравить Вас с 80-летием. Я не хочу говорить Вам комплиментов, но вы на фотографиях, помещенных в последних номерах журналов и газет, выглядите значительно моложе. Это тем более приятно, что любимый общепризнанный писатель для детей до сих пор молод душой.

Дорогой Корней Иванович, многие не знают, что в прошедшую войну Вы потеряли сына. В первые дни войны я вместе с ним был в армии и хочу об этом Вам рассказать. Мне пришлось с ним переживать солдатскую жизнь в июле, августе и сентябре 1941 года.

Вначале я не знал, кто этот веселый, а вместе с тем серьезный молодой симпатичный человек. Потом мне сказали, что это сын Корнея Чуковского.

Тогда пригляделся к нему внимательно и нашел много черт, схожих с отцом. Как сейчас помню, он был высокого роста, брюнет, лицом похож на Вас (я мог это сравнить, т. к. Вашу фотографию не раз видел в печати).

Помню, что у него был друг — такой крепышок, пониже ростом Вашего сына, студент IV курса, почти инженер по гидросооружениям. По-моему, к этой области имел отношение и Ваш сын, так как этим двум солдатам было поручено восстановить плотину в одной из деревень, где мы сооружали оборонительные укрепления. Они с этой задачей справились успешно. К нам приходили представители общественности деревни и объявили благодарность Вашему сыну и его товарищу.

В дальнейшем ходе военных событий нас разлучили. Мы были в одном взводе, а потом меня перевели в штаб батальона, и с тех пор я больше его не видел.

Все это происходило в 13 Ростокинской дивизии гор. Москвы (народное ополчение).

Всю войну я помнил о Вашем сыне, помню этого милого человека до сих пор. По демобилизации и приезду в Москву, я разыскал телефон Вашей квартиры, позвонил, разговаривал с матерью, справлялся, не вернулся ли Ваш сын.

Но он не вернулся.

Память о нем у Вас в сердце, но поверьте, все, кто соприкасался с ним, а тем более ел из одного котелка, никогда его не забудут.

С уважением

М. Ершов

гор. Пенза, ул. Куйбышева, 45 а, кв. 11

Ершов Михаил Андреевич.

Р. S. Может быть, есть что-нибудь нового в известиях о Вашем сыне. Буду очень признателен, если дадите ответ.

Читая Эренбурга о стоворе Сталина с Гитлером, я вспомнил, как в 1939 году Евгений Петров говорил простодушно:

— Что мне делать? Я начал роман против немцев — и уже много написал, а теперь мой роман погорел: требуют, чтоб я восхвалял гитлеризм — нет, не гитлеризм, а германскую доблесть и величие германской культуры...

Против Лиды чрезвычайно восстал Леонид Кудреватых, которого она задела в своей книге. О Лидиной книге в «Русском языке в школе» трижды говорит Э. Ханпира (№ 3).

В дополнение к воспоминаниям Эренбурга, которые все же хороши своим великолепным благородством, я хочу прибавить: когда Эренбург приехал из Парижа и думали, будто он, выступивший против нашего союза с немцами, лишен благоволения начальства, у него отняли переделкинскую дачу и дали Валентину Катаеву, а когда он захотел объясниться с Павленко и подошел к автомобилю, в который садился Павленко, тот «дал газу», и автомобиль умчался. — Эренбург готовится к выступлению на Конгрессе Мира.

4 июля. Приезжал прощаться Martin Malia, проф. Калифорнийского университета. Привез мне две книжки проф. Рива: переводы русских пьес от Фонвизина до Льва Толстого и переводы тургеневских повестей — с его *introductions*¹. Все это очень мило, но *introductions* лучше переводов. «Горе от ума», переведенное прозой, — потеряло ⁹/₁₀ своей литературной цены. Живая ядреная речь Простаковой стала банальной, как страница учебника. Но сам Рив очень милый — в газетной вырезке, которую он мне прислал, он говорит о русских как о *charming people*².

6 июля. К обеду были две вдовы Горького. Мура Бутберг и Екат. Пешкова. Муре 71 год, Екатерине Павловне 82. Мура привезла с собою «New Statesman»³, где яростная статья Причарда о Горьком и — о русском народе. За обедом она пила водку и коньяк — и, к великому моему сожалению, сообщила, что она ведет переговоры с разными фирмами о переводе моих воспоминаний. Переводчица она очень бесцветная, и как отвадить ее от моей книжки, не знаю.

В «New Statesman» статья о «Тарусских страницах», о борьбе «Литературной газеты» с «Литературой и жизнью». Автор статьи

¹ вступлениями (англ.).

² очаровательных людях (англ.).

³ «Нью Стейтсмен» (англ.).

не знает, что «Литература и жизнь» имеет 16 тыс. подписчиков, а «Лит. газета» 600 тысяч. Очевидно поэтому «Литература и жизнь» недавно обратилась к Лиде с просьбой сотрудничать и заявила: «Мы уже другие, чем были». Лида ответила им резким отказом.

1962

В пять часов с барабанами и трубами пришли ко мне дети из санатория сердечно-больных детей — и я два часа выступал перед ними: маленьким читал стихи, старшим — «Серебряный герб». Потом они читали мне свои стихи — из четырех стихотворений было три, посвященные полету Гагарина.

Сегодня утром шел мимо нас Аркадий Белинков. И зашел к нам, т. к. ему стало худо. Он сел на диван — полумертвый. Лицо заострилось, дыхание было прерывистое. Я ушел, т. к. мне казалось, что мое присутствие ему в тягость. Он отдышался и, по словам Лиды, стал плакать. «Уничтожили у меня четыре книги, а теперь я не могу писать, я не понимаю того, что пишу, сейчас К. И. говорил со мною, а я не понимал ни одного слова... Зачем мне жить, если я не буду писать...» Он начал книгу об Ахматовой — и теперь уже две недели не может написать ни строки.

— Пусть бы лучше болели почки, пусть легкие, пусть сердце, но пусть бы работала голова.

Вечером я был у него, сидит, пьет чай, повеселелый, извиняется, что причинил беспокойство.

7 июля. В пять часов за мной зашел Всеволод Иванов, и мы поехали в моей машине в Барвиху к Ек. Павл. Пешковой, в ее новую (построенную после пожара) дачу. Я захватил с собой папку о Зин. Ник. Пастернак. Дача отличная, в тысячу раз лучше старой, двухэтажная. На кухне пять или шесть старух, готовящих пышный ужин. В гостиной Толстая, Федин, Леонов с женой, академик П. Л. Капица, его жена и Мария Игнатьевна, ради которой мы и собрались здесь. Я сейчас же схватил папку — Капица подписался с удовольствием, Всеволод тоже. Федин морщился («Мы и без того хлопочем о ней»), но — подписался. Дал подпись и Леонов. Пошли ужинать, а я побежал с детьми на берег реки. Было пасмурно — и вдруг глянуло солнце. Поразительно красивы дети Марфы — внуки Берия. Старшая девочка — лучистые глаза, нежнейший цвет лица, стройная, белотелая — не только красивая, но прекрасная, брат ее — ей под стать, и тут же простенькая Катя с косичками, дочь Дарьи, и рыжий Макс, упорный, начитанный, сильный. Мы помчались по песчаному берегу, сначала упражнялись — кто дальше прыгнет, потом на одной ноге, потом стали загадывать загадки.

Какая-то девочка (подружка) загадала: «не 8, не 9, а едет». Оказалось: трамвай № 7. И еще:

20 чинно восседают,
10 сало выжимают,
Трое в воздухе висят,
Двое жалобно пищат.

Оказалось: пассажиры в автобусе. Потом побежали в сарай, где выпавший из гнезда птенчик — с венчиком на голове.

Дольше нельзя было оставаться с ними, и я, скрепя сердце, пошел к старикам. Ужин был в полном разгаре. Со мною рядом оказалась жена Капицы (кажется, Анна Алексеевна, дочь академика Крылова, умная, моложавая, сердечная). Капица, очень усталый, но оживленный, рассказывал анекдот о разоружении. Звери захотели разоружиться. Лев сказал: я за разоружение. Давайте спилим себе рога. Корова сказала: я за разоружение: давайте уничтожим свои крылья. А медведь сказал: «я за полное разоружение. Да здравствует мир. Придите в мои братские *объятия*».

Капица вообще остряк. Он — доктор философии Кембриджского университета. И еще: «я ослиный доктор». Все изумились. Оказалось, он доктор университета в Осло. Но на церемонии он не был. Ему не дали визы. «Вместе с докторской степенью мне прислали из Осло кольцо, только я потерял его».

Леонов сказал стишок:

У Петра Великого
Нету близких никого.
Только лошадь и змея,
Вот и вся его семья.

Жена Капицы рассказала, что после погребения Сталина на Красной площади появился призрак с венком. На венке надпись: «*Посмертно репрессированному от посмертно реабилитированных*».

Неизвестная мне женщина сообщила мне выражения 4-летней Тани Огородниковой.

Ей говорят:

— Иди спать.

— Я не хочу спать, я жить хочу!

Я забыл записать, что Капица сообщил, что Вышинский — по-смертно репрессирован: его семью выслали из Москвы — выгнали с дачи, которую они занимали в том же поселке, где живут Капицы (Вышинский был АКАДЕМИК!?!).

Митя, паясничая, пародировал за столом типичный английский роман. Герой встречается с полукровкой, отец которой был

негр, а мать — белая: «Чтобы быть моей любовницей, ты недостаточно черна, чтобы быть моей женой — недостаточно бела».

1962

Я всегда боялся звонить к начальству; и сегодня с трепетом позвонил тов. Лебедеву — секретарю Н. С. Хрущева, и вдруг услышал: «Как я рад, что слышу ваш голос. Поздравляю с Ленинской премией, вполне заслуженной. Я был так рад, что ее получили вы», и т. д. Я изложил всё по поводу Пастернак (Зин. Ник.). — А в вашей записке нет ничего об Ивинской? — Конечно, нет. Я лично Ивинской терпеть не могу, считаю ее авантюристкой и т. д.

Я прочитал Лебедеву по телефону почти всю записку — он одобрил ее содержание, сказал, куда направить ее, и обещал в ближайшие же дни передать.

Была Таня. Я сообщил ей свои планы статьи о языке. Потом мы читали поэму Ахматовой — и она так разволновала меня, что я долго ходил вокруг дома вместе с Кларой, Таней и Сарой Михайловной.

13 июля. Наконец-то чудесная теплая погода. Читал с *отвращением* своего «Житкова» для радио. Гулял с Марьямовым. Он сообщил словечко Шкловского о Федине: «Комиссар собственной безопасности».

17 июля. Все еще вожусь с «Живым как жизнь».

19 июля. Трагично положение Аркадия Белинкова. Он пришел ко мне смертельно бледный, долго не мог произнести ни единого слова, потом рассказал со слезами, что он совершенно лишился способности писать. Он стал писать большую статью: «Судьба Анны Ахматовой», написал, по его словам, больше 500 стр., потом произошла с ним мозговая катастрофа, и он не способен превратить черновик в текст, пригодный для печати. — Поймите же, — говорит он, — у меня уничтожили 5 книг (взяли рукописи при аресте), я не отдыхал 15 лет — вернувшись из ссылки, держал вторично экзамены в Литературном институте, чтобы получить диплом, который мне надлежало получить до ареста (тогда он уже выдержал экзамены), — тут слезы задушили его, и он лишился способности говорить. Я сидел ошеломленный и не мог сказать ни единого слова ему в утешение. Он дал мне первые страницы своей статьи об Ахматовой. В них он говорит, что правительство всегда угнетало и уничтожало людей искусства, что это вековечный закон — может быть, это и так, но выражает он эту мысль слишком длинно, и в конце концов

она надоедает и хочется спорить с нею. Хочется сказать: а «Одиссея», а «Война и мир», а «Ромео и Джульетта», а «Братья Карамазовы».

26 июля. Вчера весь день я был в лапах киношников.

28 июля. Вчера был Александр Александрович Крон — принес мне огромное — на 14 страницах — письмо по поводу моей книжки «Живой как жизнь». Письмо умное, отлично написанное.

Был Андрей Вознесенский — читал стихи об усах Сталина, показывал итальянское издание своих стихов. Была... Ел. Мих. Тагер, читала свои воспоминания о Мандельштаме. Вначале вяло (вернее: начало вялое): витиевато, чуть-чуть напыщенно, с красивостями дурного тона, но потом — когда дело дошло до его гибели — очень сильно, потрясающе.

30. Вчера мы пошли с Люшей к Андроникову. Он в ударе. Только что из Пятигорска. Полон впечатлений. Показал всех выступавших — одного, который все время говорил: Михаил Ив. Лермонтов. Показал Суркова, который в Эдинбурге говорил: «мы гордимся тем, что в жилах Лермонтова наряду со славянской кровью текла и *благородная* шотландская кровь». Показал Маршака, который, даже не подозревая, что Андроников — писатель, говорил ему: «знаешь, попробуй, напиши что-нибудь».

Сейчас у меня был Женя Пастернак. Рассказал, что его дед, Леонид Осипович, когда-то выгнал из Училища живописи юного Александра Герасимова за его принадлежность к Союзу русского народа, а Фальк дал тому же Герасимову пощечину. С тех пор Герасимов невзлюбил их обоих.

Получил от неизвестного мне Медведева великолепно написанную статью о Лысенко и Презенте, убийцах академика Вавилова*. Статья взволновала меня до истерики.

3 августа. Никита Богословский о какой-то безгрудой дамочке: «фанера Милосская». Паперный об одном литераторе, который из Абрама стал Андреем: «Были когда-то и мы Исака́ми».

4 августа. Киношники продолжают мучить меня. Сегодня сняли, как я читаю свои (препротивные) стишки: «Да здравствуют дети». Никакого настроения. Был вчера у Владыкина. Стали говорить о собрании моих сочинений.

Плачут. Вконец исчез рафинад,
Масла и мяса нету.
Но ежедневно благодарят
Сталина газеты.

Поскакали девчата замуж,
Пропадают во цвете лет!
И осталась самая залежь,
На которую спросу нет.

Получил от Евтушенко книжку. Был у меня вчера утром в 9 часов С. Вл. Образцов — с кенгуру и слоненком. Слоненок очень смешно шевелит хоботом. Образцов как всегда — магнетический, прыщущий талантом, радостный, весь по горло в работе. Рассказывал свой фильм, который сейчас снимается, рассказывал частушку, спел песню. Согласился выступить у нас на костре 19-го, если мы достанем пианино. Ольга Васильевна достала в военной части.

Сегодня гулял с сыном Пастернака — Женей. Он прочитал мне свой реквием. — Сегодня придет к Лиде и ко мне Корнилов.

Корнилов был. Это действительно большой человек. Высокий лоб, острижен под машинку, очень начитан, говорлив, поэтичен и нежен. Прочитал «Анастасью», «Анне Ахматовой», отрывки из новой поэмы — страшно торопясь и глотая слова, но впечатление неотразимое. Впечатление подлинности каждого слова. Замечательно: хотя в большинстве стихотворений он говорит терпким и едким жаргоном, на котором изъясняются сейчас все тертые советской действительностью 30-летние люди, для разговора со мною (напр.) он имеет в запасе интеллигентский язык без всякого цвета и запаха.

Погода хмурится. Боюсь, что нам не удастся попрощаться с летом, так же как не удалось поздороваться с ним.

Сколько чужих рукописей навалилось на меня, но голова устала до предела. Не хочется вскрывать ни одного конверта.

19 августа был чудесный костер «Прощай, лето!». Собралось до тысячи детей. Выступали Сергей Образцов и Виктор Драгунский. Присутствовали Кодрянские, Аманда Naight, ее подруга, дочь шотландского лорда, и четверо английских студентов. Была Шаскольская с девочками. Погода облачная, но без дождя.

26 августа. Сейчас позвонил Сергей Мих. Бонди и, втягивая в себя слюну (его привычка), сказал: у меня к вам важное дело, разрешите приехать немедленно.

Бонди приезжал по поводу Слонимских. Оказывается, Александр Слонимский и его жена *оба* лежат в инсульте: потеряли речь; нужно хлопотать о том, чтобы им дали сиделку.

28 августа. Сегодня я встретил Катаева. Излагая мне свою теорию, очень близкую к истине, что в Переделкине и Тихонов, и Федин, и Леонов загубили свои дарования, он привел в пример Евтушенко — «я ему сказал: Женя, перестаньте писать стихи, радующие нашу интеллигенцию. На этом пути вы погибнете. Пишите то, чего от вас требует высшее руководство».

25 сентября. Я в Барвихе уже 12 дней. Ложусь в 8, встаю в 4. Тишина. Блаженство. Только что кончил — наконец-то — о языке. Хотелось бы хоть денек отдохнуть, но нужно писать об Ахматовой. Об ее поэме для «Нового Мира». Прочитал ее томик. Первые стихи в тысячу раз лучше последних.

Умер Казакевич. Умирая, он говорил: «не то жаль, что я умираю, а то жаль, что я не закончу романа...» Говорить это, значит не представлять себе, что такое смерть. Но и я такой же. Черт с ним. Уж пришло время лечь в могилу, но жалко, что не удастся подготовить шеститомник.

30 октября. Сегодня уезжают Солдатовы. Очень я привязался к ним. У них у обоих — такая жажда знания, такой широкий кругозор, какого я не встречал у наших дипломатов.

6 ноября. Солнечный, ясный, невероятный, крымский день. Митин рассказал, как академик Юдин и Панферов в 1943 году ездили на фронт. Их поместили в избушке — где перед иконой горела лампадка. Они привезли с собой водку — и в первый же день напились. Пьяны в лоск, а хочется еще. Послали красноармейца — не достал. Тогда Юдин упал на колени перед иконой и сказал:

— Мать Божья, сделай чудо, пришли нам хоть по стакану — и я поверю в тебя и отрекусь от экономического материализма!

Но чуда не случилось, и Юдин остался неверующим

Мы гуляли над озером. Мне привезли корректуру «Мастерства». Я не сплю. 2 часа ночи.

Мои индийцы страшные хитрецы. Притворились, что не знают русской азбуки. Я вдалбливал им ее, а потом оказалось, что они знают ее отлично.

Крысин и Ханпира — талантливые молодые лингвисты. Ханпира — задиристый, постоянно готовый уличать, резать правду-матку в глаза, Таня — умница, 2 года прожила в Сиаме (ее сыну 14 лет), прочитала мне прелестную статью о штампах, где указывает такие новые штампы, как «разговор», «форум» и т. д. Очень изящно и остроумно написана. Крысин — самый молодой из них, вдумчивый, — они берут шефство над моей книжкой «Живой как жизнь». Рассказали, что их институту заказаны чуть ли не три тома, чтобы разбить учение Сталина о языке — его, как сказано в предписании ЦК, «брошюру».

Пять лет называли его статьи «Гениальный труд корифея науки товарища Сталина» — и вдруг «брошюра»! В. В. Виноградов, громче всех восхвалявший «гениальный труд», — теперь в опале.

Когда умер сталинский мерзавец Щербаков, было решено поставить ему в Москве памятник. Водрузили пьедестал — и укрепили доску, извещавшую, что здесь будет памятник А. С. Щербакову.

Теперь — сообщил мне Ханпира — убрали и доску, и пьедестал.

По культурному уровню это был старший дворник. Когда я написал «Одолеем Бармалея», а художник Васильев донес на меня, будто я сказал, что напрасно он рисует рядом с Лениным — Сталина, меня вызвали в Кремль, и Щербаков, топая ногами, ругал меня матерно. Это потрясло меня. Я и не знал, что при каком бы то ни было строе всякая малограмотная сволочь имеет право кричать на седого писателя. У меня в то время оба сына были на фронте, а сын Щербакова (это я знал наверное) был упрятан где-то в тылу*.

Но какой подонок Васильев! При Щербаковском надругательстве надо мною почти присутствовал Н. С. Тихонов. Он сидел в придверии кабинета вельможи.

Я сдуру выступал перед барвихинской публикой с воспоминаниями о Маяковском. Когда я кончил, одна жена секретаря обкома (сейчас здесь отдыхают, главным образом, секретари обкомов: дремучие люди) спросила:

— Отчего застрелился Маяковский?

Я хотел ответить, а почему вас не интересует, почему повесился Есенин, почему повесилась Цветаева, почему застрелился Фадеев, почему бросился в Неву Добычин, почему погиб Мандельштам, почему расстрелян Гумилев, почему раздавлен Зощенко, но, к счастью, воздержался.

Завтра я покидаю Барвиху. Моих индусов зовут — одного Сундарлал — Pandit Sundarlal, что значит красивый рубин (лал), а другого — Бишамбар Нат Панде, — самые бесцеремонные люди, каких

я когда-либо видел. Сундарлал входит ко мне в комнату без стука, садится ко мне на постель без приглашения и зовет меня гулять в неурочный час. Я — как замороженный — иду вместе с ним в гардеробную, держу ему пальто, под пальто у него закатываются рукава его хламиды, я вытаскиваю рукава и т. д. Сегодня, гуляя со мною над озером, он дважды ронял палку, и я дважды поднимал ее — и он ни разу не сказал мне спасибо.

14 ноября. Вчера, во вторник, я с восторгом удрал из беспощадной Барвихи, где меня простудили, отравили лекарствами и продержали полтора месяца.

Приехал — и оказался больным.

Здесь ждала меня нечаянная радость: дружеское письмо от Ахматовой:* очень задушевно, искренне благодарит меня за статейку «Читая Ахматову».

Набросился на книги.

19/XI. Был милый Вадим Леонидович Андреев с Ольгой Викторовной. Они *оба* работают в ООН. С его «Диким полем» вышла странная вещь. «Новый Мир» принял эту вещь, похвалил, поручил мне сократить, я сократил, сокращение было одобрено — Марьямов написал ему в Женеву два письма, с горячими похвалами и с обещанием тиснуть в ближайших номерах. Но потом журнал охладел к этой повести — и возвратил ее автору. А Марьямов — в отпуске, и «Новый Мир» насчет гонорара ни гу-гу. Я написал увещательное письмо Марьямову; но — отнюдь не уверен, что «Новый Мир» согласится платить.

Насчет своих «Воспоминаний об отце» он тоже ничего не знает определенного. Рукопись принята и даже уплачена часть гонорара, но это ничего еще не значит: за два года она не продвинулась к печатному станку ни на йоту.

Оказывается, его брат Даниил был арестован по обвинению в злодейском замысле покуситься на жизнь Сталина. Те подлецы, которые судили его, отлично знали, что это бред, и все же сгноили его в тюрьме. Главным материалом обвинения послужили письма Вадима из Нью-Йорка: в них Вадим писал о своей тоске по родине, никто, не будучи палачом, не мог бы вычитать в них никакого криминала.

Вспоминали прошлое. Вадим рассказывает, что когда Ал. Толстой написал свои ранние рассказы и первую несуразную повесть «Хромой барин», Леонид Андреев, к удивлению своего брата Павла, заявил, что он, Толстой, самый талантливый русский писатель, талантливее Горького (а Горький в то время печатал самые сильные свои вещи: «Детство», «В людях»).

Посетили они Анну Ахматову. Она «в отличной форме»: спокойна, здорова, жизнерадостна. Говорит: готовится отмена постановления ЦК о ней и Зощенке.

Я все еще корплю над «Живым как жизнь». Вчера был у меня злоехидный Ал. Ал. Реформатский, отличный лингвист, вместе со своими молодыми сотрудниками Л. И. Крысиным и Скворцовым. Они великодушно прочитали мою книжку и привезли мне около десятка поправок. Статья Ал. Ал. о книжке Бориса Тимофеева убийственна и остроумна*. С ними была Наталия Ильина — чудесная пародистка.

Получил сценарий Сутеева по моему «Тараканищу».

23/XI. Был у меня Лев Озеров — редактор стихотворений Пастернака, замученный Пастернаком. Слишком уж это тяжелая ноша. Ахматова рассказывала, что когда к ней приходил Пастернак, он говорил так невнятно, что домработница, послушавшая разговор, сказала сочувственно: «У нас в деревне тоже был один такой. Говорит-говорит, а половина — негоже».

24 ноября. Сталинская полиция разбила об Ахматову... Обывателю это, пожалуй, покажется чудом — десятки тысяч oprичников, вооруженных всевозможными орудиями пытки, револьверами, пушками — напали на беззащитную женщину, и она оказалась сильнее. Она победила их всех. Но для нас в этом нет ничего удивительного. Мы знаем: так бывает всегда. Слово поэта всегда сильнее всех полицейских насильников. Его не спрячешь, не растопчешь, не убьешь. Это я знаю по себе. В книжке «От двух до пяти» я только изображаю дело так, будто на мои сказки напали отдельные педологи. Нет, на них ополчилось все государство, опиравшееся на миллионы своих чиновников, тюремщиков, солдат. Их поддерживала терроризованная пресса. Топтали меня ногами — запрещали — боролись с «чуковщиной» — и были разбиты наголову. Чем? Одежом, которое убежало, и чудо-деревом, на котором растут башмаки.

Сейчас вышел на улицу платить (колоссальные) деньги за дачу — и встретил Катаева. Он возмущен повестью «Один день», которая напечатана в «Новом Мире». К моему изумлению, он сказал: повесть фальшивая: в ней не показан протест. — Какой протест? — Протест крестьянина, сидящего в лагере. — Но ведь в этом же вся правда повести: палачи создали такие условия, что люди утратили малейшее понятие справедливости и под угрозой смерти не смеют и думать о том, что на свете есть совесть, честь, человечность. Человек соглашается считать себя шпионом, чтобы следователи

не били его. В этом вся суть замечательной повести — а Катаев говорит: как он смел не протестовать хотя бы под одеялом. А много ли протестовал сам Катаев во время сталинского режима? Он слагал рабыни гимны, как и все.

Теперь я вижу, как невыгодна черносотенцам антисталинская кампания, проводимая Хрущевым. Повесть эту прочитал Хрущев и разрешил печатать, к ужасу всех Поликарповых.

27 ноября. Третьего дня был у меня Образцов и сообщил, что в Москве закрывается газета «Литература и жизнь» из-за недостатка подписчиков (на черносотенство нет спроса) и вместо нее возникает «Литературная Россия». Глава Союза Писателей РСФСР — Леонид Соболев подбирает для «Лит. России» сотрудников и, конечно, норовит сохранить возможно больше сотрудников ЛИЖИ, чтобы снова провести юдофобскую и вообще черносотенную линию. Но для видимости обновления решили пригласить Шкловского и Образцова. Образцов пришел в Правление, когда в нем находились Ст. Щипачев и Соболев, и сказал: я готов войти в новую редакцию, если там не останется ни одного Маркова, а если там проявится антисемитский душок, я буду бить по морде всякого, кто причастен к этому. Соболев помрачнел и ушел. Образцов уполномочил меня пойти к Щипачеву и сказать, что он в редакцию «Лит. России» не входит. Вчера я был у Щипачева. Он производит светлое впечатление со своим бульдогом, который ходит по его письменному столу (громадная собачища!). Щипачев рассказывает, что на президиуме Соболев, перечисляя намечаемых сотрудников, даже не упомянул ни Паперного, ни Образцова и так нагло просовывал своих, что Щипачев ударил кулаком по столу и ушел, хлопнув дверью. Тут же Щипачев прочитал стихотворение на модную нынче тему: да будет проклят Сталин и да здравствует Постышев и Киров. Стихотворение это он, гуляя по Переделкину, прочитал Вадиму Кожевникову, тот сказал: я выброшу из «Знамени» другой материал и немедленно напечатаю твои стихи.

Третьего дня я был в Доме архитектора вместе с Мариной, Гулей и его женой. Образцов, весь наэлектризованный своим огромным талантом, произнес две речи, очень остроумные отрывки из своей биографии, показал 16 номеров — «Кармен», «Укротитель и тигр» и т. д. Образцов хочет быть принятым в Союз Писателей, я предложил ему написать о нем рекомендацию.

28. В Американском посольстве. Встреча с детским писателем Лифом — были Кассиль, его жена, Лиф, его жена, переводчица

при Лифе и милая директриса Дома детской книги*.

1962

Оказалось, что жена посла — переводчица*. Перевела книгу маркиза де Кюстина — в которой столько правды о Сталине (на сто лет вперед, дивное пророчество). Кюстин очень хорошо понял, что правительство это — фасад, воплощение лжи и насилия, но все, что он пишет о русском народе, собачья чушь, клевета, т. к. никакой народ не восставал так героически-самоотверженно против своих угнетателей, как русские люди в XIX веке.

29 ноября. А снегу все еще нет. Теплынь. Трава в саду зеленая по-весеннему и деревья в почках.

1 декабря. Снег молодой, обильный, бессмертно-красивый. Я вышел с Мариной погулять. Зашел к Зинаиде Николаевне Пастернак — сообщить ей, что я говорил с Черноуцаном по поводу обеих книг Пастернака, которые застряли в издательствах. Проза — в Гослите, переводы пьес — в «Искусстве». Черноуцан обещал погнать это дело — и я думал, что очень обрадую З. Н., сообщив ей об этом. Но она отнеслась к моему сообщению без энтузиазма.

— А как же моя пенсия? — спросила она.

Оказывается — ей до сих пор не дали пенсию.

Зашел к внучке Катаева, Тиночке. Она знает четыре английских слова «Cup of tea», «how do you do?», «good by»! И «cat»¹.

Н. С. Хрущев пришел на выставку в Манеж и матерно изругал скульптора Неизвестного и группу молодых мастеров. Метал громы и молнии против Фалька.

Пришла ко мне Тамара Вл. Иванова с Мишей (выставившим в Манеже свои пейзажи), принесли бумагу, сочиненную и подписанную Всеволодом Ивановым, — протест против выступления вождя. Я подписал. Говорят, что подпишет Фаворский, который уже послал ему телеграмму с просьбой не убирать из Манежа обруганных картин — и с похвалами Фальку.

10 декабря 1962. Третьего дня выступал по теле вместе с Винокуровым, Коржавиным, Корниловым. Они приехали ко мне. Я прочитал «Тараканище», «Чудо-дерево», «Мимозу» (Ел. Гулыги). Они читали свои стихи. Удачно ли, не знаю.

Снова принимаюсь за воспоминания об Ал. Толстом.

Ахматова: «Главное: не теряйте отчаяния». Она записала свой «Requiem».

¹ «чашка чаю», «как поживаете?», «до свидания», «кошка» (англ.).

16 декабря. Завтра в Доме приемов встреча писателей с Н. С. Хрущевым. Приглашены только избранные, в число коих попал и я.

«Сибирские огни» приняли к напечатанию Лидину повесть «Софья Петровна». Но по свойственной редакторам тупости требуют озаглавить ее «Одна из тысяч». Лида — фанатик редакционного невмешательства, отвергает все поправки, внесенные ими. Между тем еще полгода тому назад нельзя было и подумать, что эта вещь может быть вынута из-под спуда. Сколько лет ее рукопись скрывалась от всех как опаснейший криминал, за который могут расстрелять. А теперь она побывала в «Новом Мире», в «Знамени», в «Советском писателе», в «Москве» — все прочитали ее и отвергли, а «Сибирские огни» приняли и решили печатать в феврале.

Впрочем, все зависит от завтрашней встречи с Н. С. Хрущевым. Не исключено, что завтра будет положен конец всякому либерализму. И «Софье Петровне» — каюк.

Коля написал великолепные воспоминания о Заболоцком — очень умно и талантливо.

Очень печален конец 1962 г. Я подписал письмо с протестом против нападок Н. С. Хрущева на молодежь художественную, и мне на вчерашнем собрании очень влетело от самого Н. С. Х. Хотя мои вкусы определялись картинами Репина и поэзией Некрасова, я никак не могу примириться с нынешним Серовым, Александром Герасимовым и Лактионовым, кои мнят себя продолжателями Репина. Ненавижу я деспотизм в области искусства.

I don't cherish tender feelings for Neizvestny, but the way they have treated him fills me with intense intense indignation¹.

При Сталине было просто: бей интеллигенцию, уничтожай всех, кто самостоятельно думает! Но сейчас это гораздо труднее: выросли массы *технической* интеллигенции, без которой государству нельзя обойтись, — и вот эти массы взяли на себя функцию гуманитарной интеллигенции — и образовали нечто вроде общественного мнения.

¹ Я не питаю нежных чувств к Неизвестному, но то, как они поступили с ним, внушает мне сильное, сильное негодование (англ.).

Morituri te Salutant!¹

8 января. Свои дневники я всегда писал для себя: «вот прочту через год, через 2, через десять, через 20 лет». Теперь, когда будущего для меня почти нет, я потерял всякую охоту вести дневники, потому что писать о своей жизни каким-то посторонним читателям не хочется — да и времени нет. Вот сейчас нужно браться за воспоминания об Ал. Толстом. Лида прочитала мой набросок и нашла, что он бледен, растянут и вял. Нужно сокращать. 11 час. ночи. Принял кофеин и за дело! Завтра в Союзе Писателей поминки по Алексею Николаевичу: ему исполняется 80 лет.

17 января. Мороз 30°. Жду Геннадия Матвеевича — и Люшу. Уже 6 часов. Сегодня Г. М. должен привезти мне новое издание моего бедного «Мастерства». Издание четвертое — удостоенное Ленинской премии. Я вполне равнодушен к этой книге. Она — худшая из всех моих книг. Писана во время проклятого культа, когда я старался писать незаметные вещи, потому что быть заметным — было очень опасно. Стараясь оставаться в тени, я писал к юбилею Пушкина статейку «Пушкин и Некрасов», к юбилею Гоголя «Гоголь и Некрасов» и т. д. Перед этим (или в это время) я несколько лет писал комментарии к стихотворениям Некрасова — тоже ради пребывания на литературных задворках, не привлекающих внимания сталинской полицейщины. Человек я громкий и бросающийся в глаза, избрал себе тихую заводь, где и писал вполголоса. Если вспомнить, с каким волнением я писал «Поэт и палач», «Жизнь и судьба Николая Успенского», «Нат Пинкертон», будет ясно, что книга моя «Мастерство» — не творчество, а рукоделие. Геннадий Матвеевич принес несколько экземпляров.

¹ Идущие на смерть приветствуют тебя! (лат.)

1963

4 февраля. Эти три дня (кроме сегодняшнего) встречался с Паустовским, который в Доме творчества. Он говорит: «Чувствую, что моя вылазка в Париж была последней». Держится изумительно просто.

15 февраля. В Доме творчества отдыхает Паустовский. Вчера Лида сказала мне, что он хотел бы меня видеть. Сегодня я пришел к нему утром. Он обаятелен своей необычайной простотой. Голос у него слабый и очень обыкновенный, прозаический, будничный. Он не изрекает, не позирует, он весь как бы говорит: я не праздник, я будни. Дело у него ко мне такое: идиоты, управляющие Карелией, решили уничтожить чуть ли не все древние деревянные церкви. На столе у него фотоснимки этих церквей — чудесных, затейливых, гибнущих. Так и хочется реставрировать их. Подумать о том, чтобы их уничтожить, мог только изверг — и притом беспросветный тупица. Чуть только я вошел в № 10 Дома творчества, где живет Паустовский, как в комнату втерся Макс Поляновский с фотоаппаратом и стал снимать нас обоих.

Паустовский нахмурился: «вы нам мешаете, у нас тут серьезный разговор».

И пронырливый Макс исчез.

Разговор у нас был о том, чтобы послать телеграмму властям о прекращении этого варварства. Кто ее подпишет?

Леонов, Шостакович, я, Фаворский.

Паустовский предложил зайти к нему вечером. Он за это время приготовит текст.

Между тем ко мне пришла Таня Литвинова, прочла свою статью о казаках — прекрасную статью, прозрачную, очень изящную.

Потом я показывал свои заметки для нового издания «Искусства перевода». Она зафыркала: неверно, зачем это? не нужно! ваша старая книжка не нуждается в новых заплатах — и сразу вся моя работа скисла!

И мы пошли к Паустовскому. Он рассказал нам целую новеллу о памятнике Марине Цветаевой в Тарусе. Марина Цветаева, уроженка Тарусы, выразила однажды желание быть похороненной там, — а если это не удастся, пусть хотя бы поставят в Тарусе камень на определенном месте над Окой и на этом камне начертаят:

Здесь хотела быть погребенной

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Некий энергичный молодой человек пожелал выполнить волю Цветаевой. Он приехал в Тарусу, получил у властей разреше-

ние, раздобыл глыбу мрамора — там же в Тарусе есть залежи мрамора — и пригласил гравера, который и начертал на граните:

1963

Здесь хотела быть погребенной и т. д.

Но в это время какой-то бездарный скульптор ставил в Тарусе памятник Ленину; он узнал о затее энергичного юноши и победил в Горком.

— Что вы делаете? Ставите монументы эмигрантке? врагу родины? и т. д.

Там испугались, отменили решение, прислали подъемный кран — и увезли памятник эмигрантке Марине Цветаевой обратно, чтобы он не осквернял Тарусу.

У Тани во время этого рассказа блеснули глаза, как свечи. Увидав это сверкание, Паустовский стал словоохотлив. Привел еще несколько фактов распоясавшегося хамства, все же закончил свою «беседу» словами.

— Я оптимист! Я верю: все будет превосходно. «Они» выпустили духа из бутылки и не могут вогнать его обратно. Этот дух: общественное мнение.

Сегодня он придет ко мне с готовым письмом или телеграммой.

Задержан 2-й номер «Нового Мира»: там должны были печататься воспоминания Эренбурга о советских антисемитах и их жертвах.

По словам Паустовского, в «Правде» и в «Известиях» должны появиться статьи, громящие два новых рассказа Солженицына.

— Меня пугает в Солженицыне одно, — сказал Паустовский: — он — враг интеллигенции. Это чувствуется во всем. Оттого-то он так любит Твардовского, который при встрече со мною всякий раз говорит укоризненно: «ведь ваша “Золотая чаша” — интеллигентская штука»*.

— Но ведь судьба подшутила над Александром Трифоновичем: ему пришлось издавать самый интеллигентский журнал в СССР.

17 февраля, воскресенье. Вчера был у меня Паустовский. Уже поднимаясь по лестнице (с одышкой), он сказал:

— Читали «Известия» — насчет Ермашки?

Оказывается, в «Известиях» целая полоса занята подборкой писем*, где Ермакова приветствует темная масса читателей, ненавидящих Эренбурга за то, что он еврей, интеллигент, западник.

Паустовский принес чудесно написанное обращение к Никите Серг. по поводу уничтожения северных церквей*. Написано обращение со сдержанным гневом; мы обсудили черновик. Таничка взялась переписать его на красивой бумаге и внесла от себя несколько мелких поправок, с которыми Паустовский вполне согласился.

О Федине: «Какой чудесный был малый! И как испортился! Меня уже не тянет к нему. Да и его “Костер”. Боже мой, я даже не мог дочитать! И совсем не знает простонародной речи. Всё по словарям, по этнографическим исследованиям!»

О Бабеле. Всем врал даже по мелочам. Окружал себя таинственностью. Уезжая в Питер, говорил (даже 10-летней дочери соседней): еду в Калугу.

Когда у отца Бабеля, у которого в Одессе был склад сельскохозяйственных машин (Мал Кормика), делали обыск, его жена (мать Бабеля) закрыла мужа в комнате на ключ, чтобы он не проговорился. Обыск прошел благополучно: партийцы ничего не нашли. Но мать Бабеля выпустила своего старика слишком рано, он выскочил и показал партийцам фигу — «ну что? взяли! Уходите-ка ни с чем!» Те вернулись, вскрыли подполье и нашли там кучу долларов, золото и т. д.

Мы с Таней проводили Паустовского до дома, он всю дорогу задыхался. Таня взялась достать подписи Леонова и Фаворского.

У меня кризис с моей работой над «Искусством перевода». Не хочется писать.

Вчера черт меня дернул согласиться выступить в 268 школе с докладом о Маяковском. Кроме меня выступала сестра Маяковского, 79-летняя Людмила Маяковская. Ее длинный и нудный доклад заключался весь в саморекламе: напрасно думают, что Володя приобрел какие-нб. качества вне семьи: все дала ему семья.

Остроумию он научился у отца, чистоплотности от матери. Сестра Оля отличалась таким же быстрым умом, «у меня, — скромно сказала она, — он научился лирике. Я очень лиричная».

Выступала А. И. Кальма. Та прямо начала с саморекламы. «Сегодня у меня праздник. Вышла моя новая книжка». И показала книжку, которая не имеет никакого отношения к Маяковскому. Потом: «Всем, что я сделала в литературе (?!?), я обязана Маяковскому. Вся моя литературная деятельность» и т. д.

Потом рассказала, как Маяковский любил детей. Познакомившись с девочкой Витой, служаночкой, он каждый день встречал ее словами: «Вита немыта, небрита» и т. д. Это вовсе не значит, что он любил детей. Это значит, что он любил рифмы. У Маяков-

ского была эта черта: услышав чью-нб. фамилию, он немедленно подбирал к ней рифму:

1963

Аверченком заверчен ком.

и т. д.

Светлову была подана на эстраду записка:

Вот надейся и терпи:

Далеко нам до Шекспи!

Он ответил:

Ох, наивная душа!

Далеко нам до Оша!

[нина]

О Светлове рассказала мне Рина Зеленая, которая сейчас была у меня в гостях. Сразу собрались: Рина, Перцов, его сын Коля, Люша, Николай Чуковский, Ал. Яшин, его жена Злата, его дочь Злата, Вал. Берестов. Берестов читал стихи, Рина со множеством нюансов рассказала о родителях, которые хотели приучить ребенка любить животных, но сами их ненавидели и, когда в доме заводилась птица или собака или черепаха, изгоняли их из дому на второй же день, потом Яшин прочитал четыре великолепных стихотворения, таких глубоких и таких проникновенных, что у всех в комнате стали просветленные лица. Он вологодский крестьянин — у него крестьянское обличье, — и мне кажется, что в нем воплотилась красота духовной силы и ясности, свойственной так называемой «русской душе». Замечательно, с какой любовью смотрели на него, когда он читал стихи, обе Златы — жена и дочь, и если он забывал строку, они подсказывали. Дочь Злата в восьмилетнем возрасте писала прелестные стихи. Их редактировала Оля Казакевич, и я когда-то прочитал их по радио.

Я забыл сказать, что Яшин пришел ко мне не только с двумя Златами, но и с братом-кибернетом из Ленинграда — такой же крепкий крестьянин с хорошим лицом.

Сейчас Яшина колотят в «Комсомольской правде» за его статью «О вологодской свадьбе» в «Новом Мире». Он очень приуныл, но я без труда доказал ему, что эта брань — воспринимается лучшей частью читателей как высшая хвала и что он не должен отвечать «Комсомольской правде»*, потому что они вновь оболяют его помоями.

Он опечалился. «Мне бы на все наплевать, но там в деревне моя мать и две сестры».

Когда гости ушли, я получил из Парижа письмо от Бориса Конст. Зайцева!!! Помню его в 1909–1910 гг., то есть 53 года назад. С надменным профилем — музыкального и лучезарного москвича.

21 февраля. Вот и 8 лет миновало с тех пор, как скончалась моя милая Мария Борисовна. Сегодня еду на ее могилу, как всегда растерянный, без какого-нибудь *единого* чувства. Все мое оправдание пред нею, что скоро, очень скоро, я лягу навеки рядом с нею — и испущу все свои вины перед нею, вольные и невольные.

Работаю сдуру над «Искусством перевода», хотя надо бы составлять 6-й том — мои произведения до 17 года. Когда я теперь читаю эти вещи, я вижу, что в них действительно была какая-то доля таланта, чего я никогда не замечал во время их писания.

Ходил с Лидой на могилу. Февральская вьюга, мгла. Постоял, подумал. На моей могиле снежок. Так ясно представляю себе Переделкино — без меня. Кое-кто будет говорить: «Это случилось, когда еще старик Чуковский был жив». Мебель дачная и книги разойдутся по внукам и детям, и, как я ни напрягаю мозги, никак не могу понять, что такое посмертная слава, и на что она нужна, и какое мертвецу от нее удовольствие. Появятся новые вещи, и наследники будут говорить:

— Это полотенце куплено *еще* при Корнее Иваныче.

— Нет! Что вы. Оно куплено в прошлом году.

В Переделкине у всех Серапионов есть внуки — у Федина, у Каверина, у Тихонова — у всех, кого я знал молодыми людьми; у Леонова, у Всеволода Иванова, у Сельвинского. Приехали они сюда отцами, а стали дедами. После меня все эти внуки поженятся, в 70-х годах большинство дедов повымрет, в 80-х годах внуки начнут лысеть и кто-нб. из внуков напишет роман «Переделкино», первая часть будет называться «Доисторическая древность», и в этой части будем фигурировать мы: Сейфуллина, Бабель, Пильняк, Лидин, Леонов, Пастернак, Бруно Ясенский и я — первые насельники Переделкина. Во второй части возникнут Тренев, Павленко, Андроников, Казакевич, Нилин.

23. II. 63. Страшно взволновала меня сегодняшняя встреча с моим давним прошлым: Макс Поляновский, чудесный организатор, устроил сегодня в Клубе (в Чоботах) демонстрацию старых фильмов. В том числе была показана дача Леонида Андреева в Вammelсуу — дача, в которой я знал каждое бревно, каждое деревце. Я помню, как Андр. Андр. Оль показывал Леониду Андрееву в поезде проект этой дачи — и вот уже 40 лет она разрушена до-

тла, не осталось ни щепочки — и вот она тут передо мною, вся, такая знакомая, я даже учуял запах из кухни, всегда ощущаемый чуть войдешь в hall. А вон и Ал. Ал. Измайлов, бурсак, «Добролюбов „Биржевых ведомостей”», лукавый и страшно наивный, автор остроумных пародий (В перила вперила свой взор Неонила, Мандрила же рыла песок). А вот и Анастасья Николаевна, мать. Давно уже ее кости смешались с землей, а тут она сидит, натягивая шаль, и я вновь услышал ее хриповатый голос и вспомнил ее походку, ее усталый, заторможенный вид. И Чириков!!! Теперь-то он, очевидно, простил мне все обиды. Человек мелко-талантливый; и сам Леонид Николаевич — боже мой, в последний раз я видел его в 1916 году — и вот встречаюсь в 1963. И седой Вадим — шестилетний. И моторная лодка «Савва», та, на которой мы ходили в море. И лодка Хамоидол! И Анна Ильинична — страшно подумать: я знал ее отца. Это было тысячу лет назад.

Сильный мороз. Писателям дали автобус. Поляновский организовал все это дело блистательно.

1 марта. Позвонили из Детгиза, что умер (даже странно писать) Конашевич. Я помню его в издательстве Гржебина — молодой щеголь с прелестными усиками, очень умело рисующий розы, шикарно одетый, эстетствующий (график, как мне тогда казалось, подражатель Чехонина), и только потом я разглядел, что за этой холодноватой наружностью скрывается очаровательно добрый, простой и простодушный человек, прекрасный, надежный товарищ. Он был гармоничный, спокойный, вполне петербургский человек. Очень интеллигентный, начитанный, молчаливый, сторонящийся от всякой пошлости, с украинской флегмой. (Один из его предков был украинским гетманом.) Изящество мысли, изящество чувств, изящество художественного стиля было свойственно ему органически. Лет 5 тому назад он приехал ко мне, посмотрел библиотеку для детей и через несколько времени прислал мне в подарок чудесную большую картину «Конек Горбунок», где в каждом мазке чувствуется его ясность души и его доброта. И еще был у него талант — литературный. Он писал прекрасные письма.

В Доме творчества Шкловский. Отношения у нас не налаживаются. Он почему-то в моем присутствии съеживается, хотя я отношусь к нему с открытой душой. Вчера мы пошли гулять: Елизар Мальцев с женой, Шкловский с женой, Арк. Райкин, — дошли до нашего дома, с радостью взошли ко мне по первому моему приглашению, а Шкловский, дойдя до порога, сказал:

— Корней Ив., мы с Симой погуляем, мы завтра...

1963

И ушел.

Был я у Паустовского. Он рассказал чей-то афоризм (чуть ли не Бабеля):

Для того, чтобы стать образованным, достаточно прочитать 7–8 книг... Да. Но перед этим нужно прочитать тысяч двадцать.

Воскресенье 3 марта

1) *Евг. Бор. Збарская* после смерти мужа получает очень небольшую пенсию. Я написал письмо М. А. Шолохову (с которым оба они были близко знакомы), он написал соответствующую бумагу — и она приедет сегодня, чтобы я подписал ее вместе с ним.

2) *Профессор Weil* с гитарой. Очень симпатичный молодой человек. Энтузиаст Горького, хочет писать книгу о нем.

Получил письмо от Солженицына!!!

Вторник, 5 марта. Был вчера у меня Юр. Ник. Коротков. Требует введения в книгу горьковских воспоминаний.

Поэтому я забрасываю работу над «Искусством перевода» и берусь за глупую статейку. Получил от М. И. Бенкендорф отвратительный перевод моих «Современников» (о Чехове и о Л. Андрееве). Посылаю ей письмо и телеграмму.

STOP TRANSLATING TILL YOU GET MY LETTER¹.

Послезавтра, в четверг 7-го марта, назначен разгром литературы, живописи и кино в Ц. К. Я был в Доме творчества, видел Паустовского и Яшина. Яшин в панике. Рассказывает анекдот о Карапете, который, спасаясь от льва, спустился по канату в колодец и вдруг увидел, что на дне — крокодил. «Но Карапет не унывает». И вдруг он видит, что мышь подгрызает веревку. «Но Карапет не унывает».

Сам он очень «унывает». Ему прислали [письмо] по поводу его «Вологодской свадьбы» крестьяне описанного им колхоза, что он совершенно прав; он носит это письмо при себе — и дрожит: «У меня шестеро детей и что будет с нами, если меня перестанут печатать?» Паустовский мрачен: «У них уже все слажено заранее, как обедня; и мне в этом богослужении нет места. Я три раза на всех трех съездах хотел выступить — и мне три раза не давали слова». Ему и мне звонят из ЦК, чтобы мы были непременно.

7 марта. Жаль, что я болен и не могу поехать на сегодняшнее собрание в Кремле.

¹ Остановите работу над переводом, пока не получите моего письма (англ.).

Что будет на этом собрании, не знаю — и не будь мне 81 года, я бы принял там «живейшее участие».

Но разговоров много. Говорят, будто Шолохов приготовил доклад, где будут уничтожены «Новый Мир» с Твардовским, будет уничтожен Солженицын, будет прославлен Ермилов, будет разгромлена интеллигенция и т. д.

Был вчера у Нилина. Он читал мне прелестные рассказы (vagia) и сказал, будто ни Катаев, ни Яшин не получили приглашения в Кремль.

14 марта. Был у меня Паустовский. Со слов Каверина, который бывает у Эренбурга каждый день, он говорит, что Эренбург страшно подавлен, ничего не ест, похудел и впервые в жизни не может писать*. Паустовский показывал фото (достал из кармана): мраморная глыба, на которой высечено: «Здесь хотела лежать Марина Цветаева». Глыбу бросили в Оку. Вывезли специально на пароме. — «Но я знаю место, куда ее бросили, и постараюсь летом выудить. Буду хлопотать о восстановлении»*.

Вчера он весь день писал. По дороге мы встретили Сельвинского. Паустовский сказал Сельвинскому:

«— Я начинаю 4-ю часть своей автобиографии рассказом о том, как на диване у меня сидел Багрицкий и декламировал вашу «Улалаевщину». Чудесно на все голоса».

Сельвинский пробовал заговаривать о знаменитом совещании в Кремле, но я сказал ему, что так как я занят «Искусством перевода» и подготовкой Собрания сочинений и, кроме того, нездоров, я запрещаю своим домашним разговаривать со мной на эту тему, сообщать мне какие бы то ни было сведения по этому поводу и не видел за все это время ни одной газеты; он, конечно, не поверил мне, но на самом деле это так. Я запутался с «Искусством перевода» — стараюсь преодолеть эту путаницу, мудрую, комбинирую отдельные куски — и покуда не склею их крепкими связками, не могу думать ни о чем другом. — Получил книгу В. Н. Орлова «Пути и судьбы». Интересная, отлично написанная, умная — но холодная, без темперамента. Очень сенсационная «История одной любви» — и боже, до чего ядовита, «тлетворна», как говорили в старину. И вот из такой-то гнили выходили гениальные стихи. Гниль — жена, бездарная артистка, вульгарно путающаяся с Бельм, Чулковым, Кузьминым-Караевым, Гидони, и муж — я видел его с Оленькой Судейкиной, с Полинькой Сасс (из Одессы) в игорном доме на Невском — напряженная жила на виске, сексуальные глаза, —

Возьми еще колечко,
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую.

И думаешь: если бы отношения с женой у него были нормальные, не было бы лучших блоковских стихов!

18 марта. Невероятный мороз: 23 градуса. И ветер. Днем на солнце теплее. Но по утрам и ночью — ужасная стужа. Паустовский рассказывал о житье-бытье Рыльского. Позвонишь к нему на квартиру — отзывается свора собак — в квартире их множество. Хозяин отгоняет их и предостерегает гостя: сюда не садитесь: грязно. А этот стул развалился и т. д. В комнатах беспорядок, сумбур. Куча родственников и какие-то приживальщики. Внизу под Рыльским живет Павло Тычина. Он не выносит громких звуков, страдает от каждого стука. Чтобы обезопасить себя от шума, идущего с верхнего этажа, он на свой счет «подковал» всю мебель Рыльского резиной. Но Рыльский, подвыпив, предлагает гостям и домочадцам:

— Давайте дразнить Тычину.

Гости начинают горланить «Дубинушку»:

Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за *Тычиной Тычину*.

Это выводит Тычину из себя. Он прибегает с проклятиями... и остается, и сам принимает участие в хоре.

20 марта, вечер. Сейчас ушел от меня Паустовский. Он выступал перед студентами электро-(какого-то) института. В конце они поднесли ему букет... для Эренбурга. «А я, — говорит Константин Георгиевич, — как раз к нему и ехал. Он очень плох. Сидит в кресле, не вставая. Целые дни звонит телефон, где ему без конца выражают сочувствие. Он сидит оцепенело, и жена его... страшно взглянуть на нее». Мне, конечно, понятно, что Эренбургу надо уехать куда-ниб. от себя самого, куда-нб. на природу. Сегодня Вс. Иванов и Каверин были у Федина:

— Ты же председатель Союза. Сделай же что-нибудь для облегчения судьбы Эренбурга.

Паустовский рассказал, что в Казани в архиве нашелся его роман «Дым отечества», который когда-то отверг Симонов, стоявший во главе «Нового Мира». В «Новом Мире» рукопись пропала. О его гибели Паустовский сообщил в одной из своих книг. Книгу

прочитал некий казанский житель и сообщил Паустовскому, что роман его нашелся.

1963

21 марта. День Марии Борисовны. Мороз ужасный, невообразимый. Окна замерзли снизу до самого верху. Каждый день происходит то же: к часу дня мартовское солнце припекает их. Узоры на стеклах исчезают, но к 5 час. вечера возникают снова. Получил от Марии Игнатьевны дивное письмо: я потребовал, чтобы она прекратила перевод моих «Современников», потребовал грубо — телеграммой и письмом. И вот она на мою грубость ответила нежным письмом.

Паустовский вчера рассказывал о героическом поведении Елизара Мальцева. Этот, как сказал он, «малютка» среди всей свистопляски вел себя достойно и гордо, и когда один из присутствующих крикнул:

— Да мы вас на кол посадим!

«Малютка» сказал:

— Кто это там кричит? Встаньте!

И негодяй встал.

— Вы член Союза Писателей? — спросил Мальцев.

— Нет!

— Так как же вы сюда попали? Уходите *сейчас*. И приходите ко мне завтра объяснить, почему вы бесчинствуете и кто привел вас сюда (банда софронцовцев протащила в Союз своих подручных).

В 6 часов пришла Агата Андр. Охотина-Белопольская, с которой я познакомился в 1906 году. Сибирячка-студентка, она в Лутахенде прыгала со мной через костры. Мне приятно было ее посещение: сегодня день Марии Борисовны, а она очень любила Марию Борисовну. У нее было шестеро детей и есть шестеро внуков. И очень счастлива.

26 марта. 20 дней тому назад мне позвонила Наташа Роскина и взяла у меня интервью по поводу «детской недели». Я наговорил ей всякого неинтересного вздору, и вдруг третьего дня она звонит мне невинным голосом, что она внесла туда несколько строк — откликов на речь т. Хрущева о литературе. «Лит. газета» сейчас только такими откликами и интересуется, и вот поэтому Наташа вставила в текст моего интервью несколько абзацев о том, что я не вижу ни малейшей розни между (сталинистами)-отцами и детьми. Слово кто ударил меня по голове. Я пришел в ужас. Послал за Наташей — она приехала, я требовал, чтобы эта позорная отсебятина была выброшена, а потом сообразил, что в это траурное время всякое выступление с каким-то *тфу-ля-ля* от-

1963

вратительно, потребовал, чтобы все интервью было аннулировано. Наташа не ручалась за успех, но обещала попробовать. Это было в субботу. После двух бессонных ночей я в понедельник (вчера) поехал в «Лит. газ.». Прошел в кабинет редактора и сказал ему: «Вы сами понимаете, что я, старый интеллигент, не могу сочувствовать тому, что происходит сейчас в литературе. Я радуюсь тому, что “дети” ненавидят “отцов”, и если вы напечатаете слова, не принадлежащие мне, я заявлю вслух о своих убеждениях, которых ни от кого не скрываю».

И еще много безумных слов. Он обещал. Но вернувшись, я не спал еще одну ночь (т. е. спал, но тревожно, прерывисто, т. к. знал бандитские нравы нынешней печати) — мне чудилось, что, несмотря на обещание, «Лит. газ.» тиснет за моей подписью черт знает что! Об этом рассказал мне Илья Зверев (Изольд), который был у меня накануне. Он сдал «Лит. газете» очень либеральную статью и уехал в Польшу. Пользуясь его отсутствием, «Лит. газ.» изменила всю направленность статьи и приписала конец, сплошь состоящий из цитат из речи Хрущева. Получилась полная противоположность тому, что Зверев хотел сказать. Но со мною, слава богу, обошлось.

3 апреля и 4 апреля. В «Живом как жизнь» две последние главы — бездарны, наивны и запутанны. Я писал их месяцев шесть — и теперь вижу, насколько они хуже остального текста. В них вся моя 80-летняя немота.

12 апреля. Тоска. Кропаю свою книжку о переводах — бессмысленно, тупо, тратя иногда по 3 часа на то, чтобы выжать из себя 2 строки... Все разговоры о литературе страшны: вчера разнесся слух, что Евтушенко застрелился. А почему бы и нет? Система, убившая Мандельштама, Гумилева, Короленко, Добычина, Маяковского, Мирского, Марину Цветаеву, Бенедикта Лившица, — замучившая Белинкова и т. д., и т. д., очень легко может довести Евтушенко до самоубийства.

Говорят, что к Солженицыну приехали репортеры спросить, как он относится к современному оскотинению литературы, он сказал им:

— Вы мешаете мне работать. Если вы не уйдете из комнаты, уйду я.

15 мая. Сегодня, гуляя с Лидой, мы встретили С. С. Смирнова, Нилина и Кривицкого.

Кривицкий протянул Лиде руку, и она демонстративно отдернула свою*.

1963

Сегодня в гостях у меня Райкин, Рома и Котя.

6 июня. Сегодня был у меня Солженицын. Вбежал по лестнице легко, как юноша. В легком летнем костюме, лицо розовое, глаза молодые, смеющиеся. Оказывается, он вовсе не так болен, как говорили. «У меня внутри опухоль, была как два кулака, теперь уменьшилась, ташкентские врачи, очень хорошие, лечили». Много рассказывает о своих тюремных годах. «Я мог бы деньги зарабатывать: сидеть в тюремной приемной и учить старушек, какие вещи можно передавать, а какие нельзя». Потом: «В тюрьму нельзя идти в хорошем костюме, уголовные отнимут все равно, нужно сшить из тряпки мешок, взять ложку и чашку из пластмассы (ничего металлического); вообще в Таганку можно брать папиросы, а в Бутырки нельзя, и т. д., и т. д. И как мы веселились по вечерам в Бутырках. Я там лекции читал по физике, в три смены, совсем запарился. Ах, К. И., какие хорошие русские слова — сохранились в науке и в технике» (привел слова). Рассматривал «Чукоткалу». Заинтересовался предреволюционными записями: «Я пишу Петербургскую повесть, давно хотел написать. Сейчас я закончил рассказ о том, как молодежь строила для себя техникум, а когда построила, ее прогнали. У нас в Рязани из трех техникумов два были построены так».

— 75%, — сказал я.

— 66! — сказал он, и я вспомнил, что он учитель. Очень восхищается городом Таллиным. «Единственный город в Эстонии, где сохранились памятники средневековья. И какие! (перечисляет). Особенно в северо-западном углу Эстонии (назвал место). Мы туда с товарищем на велосипеде собираемся».

Поехали мы с ним на кладбище. Посмотрели на могилу Пастернака, она вся в белых цветах пиюпника — и множество цветов внутри. Побывали мы и на могиле Марии Борисовны — и моей. Там густые заросли: вишни, акация, рябина. Мы постояли там долго — и я ушел как всегда умиротворенным.

Давно я не писал дневника. Между тем у меня дважды (две среды подряд) была Ахматова, величаяя, медлительная, но с безумными глазами: ее мучает, что Сергей Маковский написал о ее отношениях с Гумилевым какую-то неправду. «Он не знал первого периода нашего брака».

С Солженицыным мы приехали на станцию, когда подошел поезд: как молодо помчался он догонять поезд — изо всех сил, сильными ногами, без одышки. Какими-то чертами он похож на

Житкова, но Житков был тяжелый человек, хмурый деспот, всегда мрачный, а этот легкий, жизнерадостный, любящий.

Над Переделкиным тучи. На прошлой неделе свезли в больницу Катаева — предстоит операция. Туда же свезли Всеволода Иванова. Говорят, инсульт.

14 сентября. Суббота. Зинаида Николаевна Пастернак рассказывает: я просто взбесилась и написала бешеные письма Федину и Тихонову. О том, что я в нищете, что до сих пор не получаю пенсии, что томик стихов Бори издательство сократило вдвое, что из-за границы мне не шлют ни копейки; о том же написала и Тихонову. Тихонов сейчас же пришел ко мне — обещал поговорить с Фединым — и вот нужно же было так случиться, что после этого я пошла к Сельвинским взять в долг хоть несколько рублей — вижу, идут они оба: Тихонов и Федин. У меня подкосились ноги, чувствую, что падаю, сердце застучало как сумасшедшее, «только бы дойти до кордиамина» (лекарства), Федин обещал сделать, что может, и придти ко мне в понедельник. Ждала его весь день, он пришел только к вечеру, смертельно усталый (у него вообще вид глубокого старца, особенно это бросилось в глаза днем, когда я встретила его с Тихоновым: брови и нос). Он сказал, что дано распоряжение уплатить за дачу, дать мне единовременное пособие, печатать стихи Пастернака в «Библиотеке поэта» в количестве 18–20 листов (а не 11-ти, как сказано в договоре) и т. д. Я заговорила о «Докторе Живаго». Он смутился и сказал: «Подождем, теперь не время». Но на следующий день позвонил Хесин из Управления авторских прав, попросил *спешно* сообщить ему сведения о наследниках. (Очевидно, хотят перевести сюда иностранные деньги.)

25 сентября в великолепную погоду я приехал в Барвиху. Встретил здесь милых Солдатовых, которые подарили мне песни Бернса (Souvenir Edition¹). История с Mrs. Morton, которая перевела «От двух до пяти», несмотря на мое запрещение. Письмо от Смита 27 августа из Нью-Йорка сообщает, что Калифорнийский университет готов издать ее перевод и заплатить ей гонорар, если я одобрю ее перевод. А как могу я одобрить ее? 3-го сентября я напечатал в «Известиях» «Записки пострадавшего» о том, как гнусно та же Мортон перевела «Тараканище».

¹ Подарочное издание (англ.).

Все это свыше моих сил, но я рад, что голова набита у меня этой соломой и я благодаря этому отвлекаюсь от своей единственной мысли — о Смерти.

1963

30 сентября. Вот говорят о молодежи: тунеядцы, паразиты и проч. Но со мною сидит за столом старый большевик Ермаков — темная посредственность, глухой ко всему человеческому, кроме еды, круглый оголтелый невежда — и оказывается, он здесь, в Барвихе — бесплатно (содержание больного здесь стоит 6 тысяч в месяц). Завтра он уезжает — на прощание спросил меня:

— Вы прикреплены к столовой на ул. Грановского?

И я вспомнил, что великое множество вот таких принципиальных бездельников получает бесплатное пропитание в больничной столовой.

— Я получаю сухим пайком! — похвастался он.

Вообще он очень доволен судьбой:

— У меня жена моложе меня на 16 лет.

Здесь акад. Цицин с женой. Целый день он увлеченно ловит рыбу. С радостью показывает полдюжину окуньков, пойманных им в результате 10-часового рабочего дня. Академик Тарле не мог бы уйти с головой в рыболовство.

2 октября. Изумительная, невероятная погода. Впервые за все эти месяцы я позволил себе решительно ничего не делать и гулять над прудом. Жара. У пруда акад. Цицин целые дни с удочкой. Его жена тоже. На пруде золотая рябь — деревья стоят кругом, как зачарованные. Мы 3 часа — или больше — нежились вместе с А. А. Солдатовым на солнце и вели ленивый разговор. Говоря о сталинских временах, Солдатов сказал:

— Подумайте: только в одном «Аркосе» пять директоров один за другим были сняты и расстреляны*. Теперь они все реабилитированы. Так? (он любит, рассказывая что-нб., приговаривать: «так?»). Пять директоров! Ясно, что уже 3-й, 4-й, 5-й думали не о деле, а о том, как бы им уцелеть.

Тут Солдатов говорит.

— Особенно пострадали партийцы.

И конечно, это неверно: особенно пострадали интеллигенты. Из писателей: Бенедикт Лившиц, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Гумилев, Мирский, Копелев, Солженицын, Добычин, Зощенко, Ахматова, Эйхлер, Заболоцкий, Бабель, Мих. Кольцов, Ал. Введенский, Хармс, Васильева, Бруно Ясенский, Пильняк, Ел. Тагер.

— Макаренко — дутая фигура. Его метод никуда не годится. Да и таланта у него маловато. Его «Педагогическая поэма» — вздор.

Я спрашиваю:

— А чем вы занимаетесь?

— Бывший учитель.

Все кругом засмеялись. Оказалось, это маршал Соколовский. Завтра уезжают Солдатовы, и я с тоскою думаю об этом. Такие уютные, сердечные, милые люди, и мне с ними было так хорошо.

Погода все время изумительная. Теплынь. Подумать только: летают осы, бабочки, мухи жужжат на стеклах. Вместо октября сплошной июль. Я все еще увяз в «Куприне».

10 октября. Солдатовы уезжают, и я остаюсь сиротой. Подарил им книжку «Живой как жизнь». Сделал на ней такую топорную надпись:

Не дожить бы до проклятого
Десятого!
В этот день, по воле сатаны,
Я лишаюсь милого Солдатова
И его приветливой жены.
Мне без них в Барвихе будет лихо:
Будет мне пустынею Барвиха.
Всегда-то вы,
Солдатовы,
Отрадой были мне,
Так пусть вам будет сладостно
В туманной и безрадостной
Далекой стороне!

12 октября. Пишу ответ Сельвинскому*. Вышел пройтись. На встречу маршал Соколовский. Слово за слово — стал ругать Солженицына. «Иван Денисович» это проповедь блатного языка. Кому из нас нужен (!) блатной язык! Во-вторых, если хочешь обличать сталинскую эпоху, обличай ясно, а то сказал о Сталине несколько слов — и в кусты! и т. д. А «Матренин двор» — нашел идеал в вонючей деревенской старухе с иконами и не противопоставил ей положительный тип советского человека!

Я с визгом возражал ему. Но он твердил свое: «*проповедь* блатного языка».

О «Случае на станции...» говорит более благосклонно. Покуда мы спорили, смотрел на меня с ненавистью, но вскоре мы оба со-

шлись на том, что «Теркин в аду» — худшее произведение Твардовского.

1963

Соколовский звук *г* произносит мягко, по-украински. В разговоре употребляет крутые солдатские ругательства. А боится блатного языка.

Здесь отдыхают два председателя колхоза: «Мы хотим поговорить с вами о Солженицыне». Я избегаю их всеми способами.

Вчера была у меня Мура Будберг и Людмила Толстая. Мура привезла мне книжку Устинова, посвященную ей... Я поставил ей бутылку вина, которую она, не допив, взяла с собой.

20 октября. Здесь министр торговли Павлов, — и один из редакторов «Правды» Сутоцкий, очень либеральный господин, осуждающий в разговоре все то, что восхваляется в «Правде».

27 октября. Солнце так и бьет в окно. Небывалый октябрь, очень похожий на август. Жужжат мухи, и так как за все время не было ни заморозков, ни ливней, ни бурь, листва еще живет на деревьях.

Весь здешний бюрократический Олимп ужасно по-свински живет. Раньше всего все это недумающие люди. Все продумали за них Маркс — Энгельс — Ленин — а у них никакой пытливости, никаких запросов, никаких сомнений. Осталось — жить на казенный счет, получать в Кремлевской столовой обеды — и проводить время в Барвихе, слушая казенное радио, играя в домино, глядя на футбол (в телевизоре). Очень любят лечиться. Принимают десятки процедур.

Разговоры такие:

— Что-то нет у меня жажды...

— А ты съешь соленого. От соленого захочется пить.

— Верно, верно.

Или:

— Какая водка лучше — столичная или московская?

— Московская лучше, на этикетке у нее — медали.

Или:

— Кто у вас там секретарь?

— Солодухин.

— Иван Васильевич?

— Нет, Василий Иванович.

Со мною рядом сидит Сергей Борисович Сутоцкий, один из редакторов «Правды». Милейший человек, загубленный средой, поддающийся ее влиянию. Он принес мою книжку «Живой как жизнь», прося автографа. Я написал ему следующее:

Средь сутолоки идиотской
Ты помнишь ли, Сергей Сутоцкий,
Глубокомысленный завет,
Что нам оставил Заболоцкий,
Мудрец, учитель и поэт:
— «Не позволяй душе лениться,
Она — служанка, а не дочь.
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь».
В Барвихе или в Кисловодске —
В какой бы ни попал ты рай,
Прошу тебя, мой друг Сутоцкий,
Своей души не усыпляй.
Оставим стаду идиотов
Усладу грязных анекдотов,
Транзисторы и домино
И скудоумное кино.
К лицу ли нам, друзьям искусства,
Такое гнусное паскудство?

Вчера к Екатерине Павловне Пешковой, которая живет здесь в 22 палате, приехали ее правнуки: Катя, Максик и волшеббно красивая Ниночка (внучка Берии), а также Людмила Толстая. Мы все уселись на террасе. Невдалеке поместился маршал Соколовский. Как нарочно, заговорили о Солженицыне. Все отзывались о нем восторженно. Соколовский слушал-слушал, не выдержал и сбежал. (За это время я ближе познакомился с ним, и он мне симпатичен — очень болен.)

А третьего дня ко мне подошел один вельможа. «Я депутат той области, где живет Матрена. Ваш Солженицын все наврал. Матрена совсем не такая».

Напрасно я говорил ему, что художник имеет право преобразовать действительность, он толковал свое: «Все исказил, все перервал. Если ты писатель, пиши правду».

10 декабря. Мне легче. Вчера я ходил гулять — вместе с Расулом Гамзатовым, который поселился здесь в Доме творчества во флигеле, в палате 49. Софронова и Кочетова зовет «эта шайка». Цензура выбросила из его нового сборника 17 стихотворений. «И правильно сделала. Вообще без этих стихов сборник сильно выиграл». Очень забавно рассказывал, как он исполняет обязанности члена правительства. Всякий раз, когда какое-нибудь новое превращение какого-нб. генерала в маршала или мелкого посланника в посла, звонят ему из Кремля, чтобы он подал свой голос. Он всякий раз отвечает: «Я согласен», так как никого из этих людей не знает, и их карьера не интересует его. Но это выходило

очень монотонно, и вот для разнообразия он ответил однажды «я подумаю», хотя и не знал, о ком идет речь. «Я подумаю и на днях дам ответ». Там всполошились. Но он через день позвонил и сказал: «Пожалуй, я согласен». Вообще у него много юмора.

О Маршаке: «пятерочник, первый ученик, хорошо переводит, но его собственные стихи никогда никого не задели, не проникли в народ — именно потому, что он пятерочник». Очень начитанный: читал книгу Лиды, читал мои фельетоны в «Литгазете».

12 декабря. Была Фрида Вигдорова. Записи ее гениальны: «Блокнот журналиста» и «Блокнот депутата»*.

4 января 1964. Опять в Барвихе. Измочален совсем. Шумно, неуютно. Сдал в «Новый Мир» статейку об Ахматовой, в «Лит. Россию» «Сигнал» (воспоминания о 1905 году), в издательство «Искусство» книгу «Высокое искусство».

Гулял сегодня с Селихом, бывшим редактором «Известий». Изумительно самовлюбленный человек. Встречал он очень много людей: и Мехлиса, и Луначарского, и Ворошилова и Ал. Толстого — но помнит только то, что он говорил им. Всякий раз: «а я ему сказал», потом пауза и следует какая-нб. пошлость, которую он считает образцом остроумия и мудрости. Мы гуляли 2 часа над роскошным озером (оно замерзло, и в нем пробито множество лунок, над которыми сидят вельможи с лесками), и я только и слышал: «а я сказал Луначарскому», «а я сказал Короленке». Среди всей этой пустяковины стоит записать одно: была какая-то календарная дата, связанная с Анатолем Франсом. Селих звонил Луначарскому — и Луначарский на другой день прислал статью о... Бальзаке. Спутал по рассеянности. «Я ему говорю: Что вы наделали! Он: «ничего, можно и об Анатоле Франсе».

Все, что вчера удалось мне услышать от соседа по столу, это анекдот о Никите Сергеевиче. Приехал Н. С. в одну украинскую деревню. Председатель угощает его самогоном. Н. С. (с неудовольствием): «У вас это еще не изжито».

Председатель: — «Нет, не из жита, а из кукурузы».

10 января 1964. Гулял с Андреем Андреевичем Громыко. Высокий мужчина, бывалый — и жена его. Рассказывал им о Пастернаке — о том, что деньги огромные пропадают в США — гонорары за иностранные издания «Доктора Живаго». Не лучше ли взять эти деньги (валютой) и выдать жене Пастернака советскими деньгами.

Прихожу домой — на столе книжка: Pasternak, «Fifty Poems». Chosen and translated by Lydia Pasternak Slater¹ (Unwin Books).

1964

Предисловие прелестное: биография матери, отца, отрывки из писем Бориса Леонидовича. Но переводы — уж лучше бы прозой. Большинство пастернаковских стихов передано в ритме Якуба Коласа — причем нечетные строки без рифмы, воображаю, как страдал бы Пастернак, если бы познакомился с такими переводами. У нас ни одна редакция не допустила бы таких переводов в печать. Значит, напрасно я взъелся на бедную Miriam Morton и Марию Игнатьевну за переводы моих вещей. Коверкание русских текстов в Англии и США в порядке вещей.

Селих рассказал, как в «Известиях» и в «Правде» (случайно в один день) появились рецензии, ругающие «Наполеона» Тарле. «Книга-то очень хорошая, но ее *нужно* было выругать, т. к. предисловие к ней написал Радек».

— Так ругали бы Радека. Зачем же ругать книгу Тарле?

— Вы ничего не понимаете. Так всегда делается.

Дальше он рассказал то, что я знаю. Что Тарле написал Сталину письмо, просил разрешения ответить своим рецензентам в газете, Сталин ответил ему письмом:

«Академику Тарле

(Тарле был тогда исключен из Академии)

Не нужно отвечать в газете. Вы ответите им во 2-м издании Вашего прекрасного труда».

Оказывается, Сталин вызвал Мехлиса и Стельмаха [описка, следует читать: Селиха. — *Е. Ч.*] и сделал им нахлобучку за злобные выпады против Тарле. «И мы тогда признали свою ошибку и обещали похвалить эту книгу», — закончил Селих.

— Значит, вы хвалите и браните только по распоряжению начальства.

— А как же иначе!

11.I.64. Вспомнил о маме. Послала она меня в аптеку (Дзенкевича) за каплями Боткина и дала бумажный рубль. Я сунул рубль в перчатку, а перчатка была дырявая — и в аптеке оказалось: рубля нет. Я в слезах и в отчаянии прибежал домой без рубля и без лекарства. И мама сказала:

¹ Пастернак. «Пятьдесят стихотворений». Выбраны и переведены Лидией Пастернак-Слэйтер (*англ.*).

— Ну что ж! Подумай только, как обрадуется тот, кто найдет этот рубль. Какая-нб. бедная женщина и т. д.

История с ее именинами. 24 декабря в день св. Екатерины. Особенный день, другого цвета, другого запаха, чем все остальные. И нужно было по секрету подготовить подарки. И тут происходили чудеса: вдруг дней за десять где-нибудь в башмаке я находил трехрублевку — мама, вот 3 р. — «Это не мои деньги». — Уверенный, что просто мне повезло, я шел с Марусей и Маланкой в магазин Колпакчи и покупал стеклянный графин со стаканом, а на полученную сдачу бюст Шевченко, и был так мал, что не знал о Шевченко ничего и думал, что всякий бюст называется Шевченко. — А Маруся, найдя у себя под подушкой такие же три рубля, покупала канву и мотки гаруса и начинала вышивать для мамы подушку, таясь по темным углам. Секретность соблюдалась чрезвычайная. — Мама идет! Прячь! — шептал я в ужасе — но мама упорно не замечала ни Маруси, ни вышивки. Мне и в голову не приходило тогда, что мама знает в этой вышивке каждый крестик и, покуда Маруся спит, корректирует ее вышивание. И ужас: я сам же нечаянно и разбил кувшин, предназначенный для подарка. И на туалетном столе — розовая юбка у туалетного стола, а сверху тюль — нашел новую трехрублевку.

Воспитывала она нас демократически — нуждою. Какой это был ритуал: когда она мыла посуду, вытирать полотенцем тарелки и вообще помогать маме.

18 января. Мороз 21°, как полагается на Крещение. Вышел вчера — душно — никакого удовольствия. Приезжали записывать меня для грамзаписи 4 человека (с тяжелыми ящиками), а я не ждал их — и не было у меня что читать им, и маленькая армяночка повторяла: Кошмар! Кошмар! и даже плакала. Потом книга нашлась (я забыл ее в школе), и я читал им и «От двух до пяти», и сказки, и стихи. Читал паршиво, но впервые мои стихи не показались мне противными.

Но мой перевод «Напрасных усилий любви», который я сейчас перечитываю, кажется мне по-прежнему отвратительным.

Посол Мали Ив. Александрович Мельник предоставил мне свою тихую палату (№ 35) — но при этом вполне серьезно сказал: могарыч — бутылка коньяку. Я купил эту бутылку здесь (за 6 с чем-то рублей), поставил ее ему на стол, и он благодушно выпил ее вместе с приехавшим гостем, считая такую взятку совершенно нормальной.

21 января. Гулял с Миколой Бажаном. Он рас-

1964

сказывает о том, как совещались писатели: что делать им на предстоящем съезде писателей в Джакарте. Съедутся: китайцы, вьетнамцы, африканцы, троцкисты всех стран — и начнут обливать нас помоями и нам придется уйти с заседания оплеванными. Сейчас Бажан прочитал какую-то китайскую не то речь, не то статью, где китайцы зовут Ник. Серг. подлецом, подлым изменником и проч.

Троцкисты подняли головы. Андрей Ротштейн рассказывал мне, что лондонские троцкисты, которых он видел по разным трактирчикам — голодными, чуть не оборванными — все ходят в новых костюмах, разбогатели, разрядили жен и детей и т. д. Шутка ли — у этой захудалой секты вдруг оказалась поддержка 600 миллионов одних китайцев!

24/І. У меня такое впечатление, будто какая-то пьяная личность рыгнула мне прямо в лицо. Нет, это слишком мягко. Явился из Минска некий Сергей Сергеевич Цитович и заявил, подмигивая, что у Первухина и Ворошилова жены — еврейки, что у Маршака (как еврея) нет чувства родины, что Энгельс оставил завещание, в котором будто писал, что социализм погибнет, если к нему примкнут евреи, что настоящая фамилия Аверченко — Лифшиц, что Маршак в юности был сионистом, что Кони (Анат. Фед.) был на самом-то деле Кон и т. д. Я сидел оцепенелый от ужаса. Чувствовалось, что у него за спиной большая поддержка, что он опирается на какие-то очень реальные силы.

31 января. Вчера кончил возиться с предисловием к книге Вл. Ос. Глоцера «Дети пишут стихи». Книга не научная, а чисто педагогическая. Но она обличает наших казенных учителей, и в этом ее заслуга.

Микола Бажан, — академик, главный редактор Украинского Энциклопедического словаря, один из украинских вождей, несмотря на все свои звания, человек скромнейший и очень неуверенный в себе. Сейчас он пишет большую поэму. Я спросил его: успешно ли. Он сделал кислое лицо: «все утро боролся с собственной бездарностью».

Его жена Нина Владимировна говорила мне о своем Миколе, что его положение на Украине очень трудное: его мучает русификация края, и антисемитизм, и др. явления. В прошлое воскресенье у Бажанов были Андрониковы и Тамара Иванова, а еще раньше — Ив. Сем. Козловский — певец — готовят шевченковские празднества у памятника Шевченка в Каневе. Козловский настаивает,

2 февраля 64. Вчера в Барвиху приехал Маршак. Поселился в полулюксе № 23 в нижнем этаже. Когда я увидел его, слезы так и хлынули у меня из глаз: маленький, сморщенный, весь обглоданный болезнью. Но пышет энергией. Не успел я сесть, как он стал говорить о себе со страшной силой самовосхищения, которое совершенно оправданно, так как он в самом деле феноменально одухотворен, творчество так и пышет из него. Рассказывал о Блэйке. Как Горький говорил ему и даже писал: «Не стоит ваш Блэйк, чтобы Вы переводили его». Рассказывал о Солженицыне, который вместе с Твардовским третьего дня приходили благодарить Маршака за статью в «Правде»*. Статья первоначально была предназначена для радио. Говорит с большим одобрением о Солженицыне — «Отличный человек: ему так нравятся мои переводы сонетов Шекспира». Об Эткинде: Эткинд в своей книге очень расхвалил Маршака, но позволил себе не совсем благоговейно отозваться об одном переводе одного из сонетов Шекспира, и Маршак уже два месяца всюду порицал его книгу*. Но вчера был у Маршака Эткинд, и Маршак доказал ему его неправоту, и они помирились. Читал мне свои лирические эпиграммы, среди которых есть одна хорошая.

«Теркин на том свете» был переведен (не до конца) одним английским поэтом, который жил в СССР и умер, не закончив перевода. Теперь Маршак написал предисловие к этому переводу, который выйдет в Англии.

Говорил Маршак о своем разговоре с Косолаповым, директором Гослита, по поводу поэта Бродского, с которым тот расторг договор:

— Вы поступили как трус. Непременно заключите договор вновь... и т. д.

Он говорил со мной, как с колокольни. Не просто говорил, а «дарил своей мудростью» — «щедро делился своими богатствами» — и все же был трогателен великой победой духа над плотью, бессмертья над обступившей его со всех сторон смертью. И когда я ушел, чувство жалости к нам обоим сжало мне горло.

Кстати: сердце у меня продолжает болеть. Вчера перестало, а сегодня —

3 февраля боль возобновилась.

Читаю Р. Зернову «Свет и тень» — очень хорошо.

Снастин, заместитель Ильичева, говорил мне во время прогулки, что существует много рукописей Ленина, не вошедших в

«Собр. соч.» — одна из них о Ворошилове — о том, как Ворошилов развалил армию. «Мы не печатаем: жаль старика».

1964

Рассказывал о Шепилове, который нынче служит в архиве: разбирает военные бумаги XIX века. «Мы дали ему квартиру на Кутузовском — две комнаты. Он запротестовал: мало. Где я буду держать мои бумаги? — Мы даем вам квартиру не для бумаг, а для жилья».

Молотов не взял никакой работы. «Он упрямый, нераскаянный». А Булганин был на встрече Нового года в Кремле и дружески беседовал с Ник. Сергеевичем. О Федине говорит с великим почтением,

7 февраля. Вчера вечером показывали «Новые времена» Чарли Чаплина. Пришел Маршак. Оказывается, он все видит, даже мелкие титры. Но слух у него очень ослабел, и самовлюбленность необъятная. Вчера я проводил его из кино в его номер, вижу: на столе новая книжка «Нового Мира», беру ее с жадностью; он говорит: «здесь мои “лирические эпиграммы” — прочитайте». Я читаю ему вслух его стихотворения, которые он читал мне вчера и третьего дня. И когда я стал перелистывать книжку, взял ее у меня. Вновь рассказал мне, что он ответил директору учреждения, где служит его сын, вновь рассказал, что директор сказал: «я распушу всю эту синагогу», хотя у него три процента служащих-евреев. Я было хотел приходить к нему ежедневно и читать, но вижу, что это невозможно: он терпит только чтение *о нем* и всякое другое чтение заменяет своим монологом.

Чаплин, конечно, гений, равного которому нет. Он сделал цирковую эксцентрику лиричной.

Чуть перееду на дачу, начну писать «Чехов и его мастерство».

17 февраля 64. Здесь новые лица. Зам. министра МИД: Сергей Георгиевич Лапин, человек студенческого обличья, проводящий на коньках и на лыжах по 3—4 часа в день, отец полторагодовалого ребенка (Сергея) — весь блондин, с ног до головы, веселый, озорной человек, пишущий стихи, читающий всевозможные книги, питомец Высшей партийной школы. И с ним его друг Влад. Семенович Лебедев, референт Никиты Сергеевича, молодой и моложавый человек в очках, непрерывно острящий — главным образом над своим дружкой Лапиным. Их дружба выражается в непрерывных остротах друг над другом — иногда очень удачных. Лапин сочинил какое-то — неплохое — стихотворение,

Лебедев прочитал его и сказал: нужно попросить Маршака, чтобы он перевел его на русский язык.

С Маршаком я вижу каждый день. Он по-прежнему говорит только о себе или превращает свою речь в ряд бессвязных афоризмов, которые произносит с таким видом, будто изобрел их сию минуту. Иные афоризмы хороши, например о том, что стихи Луговского похожи на воду, в которой художник моет кисти, и вода от этого разноцветная, но не перестает быть водой. Или о том, что у наших критиков есть руки, но нет пальцев. И т. д. Сейчас он работает над изменением своих переводов сонетов Шекспира, которые он передал как обращения к женщине, в то время как они явно обращены к мужчине.

Здоровье его очень расшатано. От неумеренного потребления антибиотиков во всем его теле зуд, который не дает ему спать по ночам. Зрение ухудшается, хотя он видит и кинокартины, и рукописи, — сам пишет десятки страниц.

Лида и Фрида Вигдорова хлопочут сейчас о судьбе ленинградского поэта Иосифа Бродского, которого в Ленинграде травит группа бездарных поэтов, именующих себя «Руссистами». Его должны завтра судить за бытовое разложение. Лида и Фрида выработали целый ряд мер, которые должны быть приняты нами, Маршаком и Чуковским, чтобы приостановить этот суд. Маршак охотно включился в эту борьбу за несчастного поэта. Звонит по телефонам, хлопочет.

— Пойдем, поговорим о нем по прямому проводу, — предложил он. У меня в это время был Митя. Он помог Маршаку взобраться на 2-й этаж в ту комнату (рядом с кино), где телефон. Был 7-й час. Но мы не могли дозвониться до Лиды. Митя в промежутке между звонками стал рассказывать о Солженицыне. Солженицын пришел в студию МХАТ'а посмотреть инсценировку «Случая на станции». Поглядеть на него собралась куча народа. Долго ждали его — что же он запаздывает? — оказалось, он давно сидит в третьем ряду, не uznанный никем. Когда его опознали, он сказал, что хотел поговорить с глазу на глаз с актерами, а не с публикой, — и особенно ему неприятно, что здесь присутствуют журналисты. «Все, что я хочу сказать читателям, я скажу в своих произведениях — и мне не нужны посредники». И стал так нелестно отзываться о журналистах, что один из них предпочел уйти.

Маршак внимательно слушал этот Митин рассказ и вдруг сказал совсем простым голосом: «Мне плохо» и сомлел. Митя чуть не на руках отвел его в его палату (№ 23), мы вызвали врача, открыли фрамугу окна, и через несколько минут он отошел. «А я думал, что умираю», — очень просто сказал он.

На Митю все это произвело большое впечатление. Маршак, едва очнувшись, сказал: «Звоните Лиде об Иосифе Бродском».

1964

Есть в этом характере черты величия.

18 февраля. Сейчас ушел от меня Влад. Семенович Лебедев. Вот его воззрения, высказанные им в долгой беседе. Шолохов — великий писатель, надорванный сталинизмом. «Разве так писал бы он, если бы не страшная полоса сталинизма. — Вы, К. И., не знаете, а у меня есть документы, доказывающие, что Сталин намеревался физически уничтожить Шолохова. К счастью, тот человек, который должен был его застрелить, в последнюю минуту передумал. Человек этот жив и сейчас. Леонов, исписавшийся, выжатый, как лимон, — тоже жертва сталинизма: «Вот, мол, меня Горький любил». Тем и живет. И его «Русский лес» такая чушь. Анну Ахматову я люблю и чту: в то самое время, когда велась против нее травля, она писала стихи о Родине.

Об Ахматовой я заговорил с ним первый: ей 75 лет, нужен ее однотомник. «Ну что же — однотомник будет». И вообще, К. И., все будет. Будет Собрание сочинений Пастернака. Мы издадим даже «Доктора Живаго», в котором чудесные описания природы, зима, например, великолепно.

О Фросте: я записал всю беседу Никиты Сергеевича с Фростом. Фрост ребенок, наивный, знал, что умирает, и приехал умирать в СССР. Но наивен. Сурков даже сочинил стихи — где называет его идеи бредовыми. Сурков весь изменился на 180°. Удивляю меня эти люди — «изменившиеся» и т. д.

Ничего не знаю об Иосифе Бродском. Интересно, что Маршак возложил на меня не только составление телеграмм, но и оплату их*.

Сегодня он как ни в чем не бывало оделся, надел шубу, шапку и умчался в Москву. «Там в театре репетируют одну мою пьесу».

Завтра приедет ко мне Паперный, а также художник Кузьмин.

19 февраля. Будь прокляты Бенкендорфы и Дубельты, какой бы режим ни защищали они насилием над Литературой! Бедный, ничтожный поскребышек, его бесславье перейдет в века. Жданов и не догадывался, каким страшным клеймом он клеймит и себя и свое потомство — своим безграмотным и хамским наскоком на Ахматову и Зощенко.

Вот что хочу я написать Лебедеву на книжке «От двух до пяти», которую он принес ко мне, чтобы я начертил на ней автограф.

Кузьмин должен приехать ко мне с рисунками к моему «Персею», которые были заказаны ему еще в прошлом году Детгизом.

Паперный — автор фильма «День рождения Чуковского» — хороший литературовед, труженик, остроумный пародист, юморист. Очень одаренный человек. Его жена Калерия Ник. Озерова — редактор рецензий «Нового Мира».

21 февраля. Приехал сюда с месяц тому назад некий старый большевик Воеводин, одержимый манией грандиоза. После первого же знакомства он поднес мне саморекламную брошюру, из которой явствует, что он был зауряден как плотва, бездарный и бесцветный человек. Прошло недели три, и вдруг он потребовал у меня свою брошюру назад.

— ?

— Вы сказали, что вы ненавидите старых большевиков, а я как старый большевик. Я требую свою книжку назад.

Оказалось, на общей террасе я в присутствии Снастина, Артюшиной и некоего Баттероля Бандероля позволил себе сказать, что среди старых людей — пенсионеров, а также некоторых старых большевиков живет стремление к тунеядству. Они считают себя вправе решительно ничего не делать только потому, что лет 30 назад они совершили некий — часто весьма заурядный поступок. Услышал это Бандероль и стал звонить по всему санаторию, что я будто бы ругал всех старых большевиков. Ему возражали: Майзель-Розовская, Андреева, Алтаева, но все же сплетня делала свое дело — и многие чуть ли не бойкотировали меня.

Но вот сплетня эта дошла до Вл. Сем. Лебедева. Он, больной гриппом, тотчас же пошел к Бандеролю и сказал ему: «Вы клеветник», и позвонил Снастину, и Снастин передал ему мои слова в точности и сказал, что вполне солидаризуется со мною. Тогда Лебедев пошел к Воеводину и предложил ему извиниться передо мною и потом пришел ко мне успокоить и утешить меня.

А я после своего выступления в университете (20-го февр.) сорвал себе голос, пью горячий боржом, сижу в комнате и читаю Рауза о Шекспире. Маршак сразу держит корректуру четырех книг и не будет выступать сегодня.

1 марта 1964. Вчера состоялся вечер Маршака. Перед этим Маршак ездил в Москву на репетицию своих «Умных вещей», готовящихся в Малом театре. Была первая читка. Он приехал очень довольный. «Ильинский превосходит. Малый театр взял из театра Сатиры двух лучших артистов — на читке многие захо-

тали — спектакль намечается легкий». Это очень открыло Самуила Яковлевича. Он вышел «на эстраду» в сопровождении Элика очень изнеможенный, но бодрый. Читал свою чудесную «Быль и небылицу» по памяти, Элик смотрел в книгу и подсказывал, но т. к. Маршак глух, эту подсказку публика слышала раньше, чем он. Потом он прочитал из Бернса «Честную бедность» и 3—4 эпиграммы, потом шекспировские сонеты, публика хлопала после каждого опуса, хотя многое до нее совсем не доходило. Например, о словаре, о времени и т. д.

Вл. Сем. Лебедев уверяет, что рядом с ним один восхищался: — И все в рифму!

Я забыл сказать, что перед этим показывалась кинокартина «Маршак» — очень хорошая, прекрасно оформленная.

После вечера сотрудник «Правды» Абалкин, я, Лебедев, Михаил Александрович Цейтлин, Юля пошли к Маршаку, он читал свои прелестные эпиграммы.

Меня и Маршака позвал к себе Владимир Семенович. Прочитал нам письмо Солженицына, который очень благодарит за участие, — видимо, волнуясь по поводу премии. Потом очень много рассказывал об Н. С. Хрущеве:

«Работает с 7 час. утра. Читает документы, корреспонденцию. Потом разговоры по телефонам. Приемы, до 7 вечера. Ни минуты свободной. Вообще можно сказать, что это самая тяжелая жизнь, без малейшего просвета — и врагу не пожелаю такой. Разве иногда он выезжает на охоту, но редко. С Молотовым спорил без конца. Молотов противник всяким новшествам. Сейчас мы все сталинисты — и вы, Корней Ив., и вы, Самуил Яковлевич».

Ненавидит Евтушенко. Это глун. Он сказал матери, что уезжает на станцию Зима, а сам направился в Ленинград на симпозиум — восстановить связи с иностранцами.

Очень самобытный человек — Вл. С. Лебедев. Линия у него либеральная: он любит Паустовского, выхлопотал печатанье «Синей тетради» Казакевича, обещает добыть для вдовы Пастернака пенсию, восторженно говорит о русской интеллигенции, но при этом глумлив, задирист, всегда ведет разговор так, чтобы кого-нибудь из собеседников высмеять, обличить, поставить в неловкое положение. Так как у него бездна юмора, он очень находчив, — это блистательно удается ему. Спорщик он великолепный, с иезуитским наклоном. И тут же рядом учительный тон, когда он говорит о святынях, отчасти даже поповский, проповеднический.

Кстати: он говорил об изумительной памяти Н. С. Хрущева: он помнит почти дословно все документы, которые когда-либо читал, хотя бы десятилетней давности.

4 марта. Воротился третьего дня в Переделкино. Очень грустно старому человеку возвращаться в обновленный дом, где ему — человеку — остается жить не годы, но месяцы. Ремонтировали дом очень добротнo: ванная внизу, кухня, все неузнаваемо прелестно — мой кабинет, Кларочка сделала чудеса, воротив сюда и в соседнюю комнату все мои книги, которые были снесены вниз в сараи, и расставив их по полкам — и Марина прекрасно оформила столовую, — никогда я не жил в таком отличном, благоустроенном доме. Особенно стал хорош этот дом оттого, что в нем нет Кати Лури.

20 марта. Надвигается 82 года. Была вчера врачиха NN, которая, очевидно, и уложит меня в гроб. Она сказала, что в моей истории болезни записано:

— *Считает себя здоровым!*

Нет, я считаю себя очень больным, но, ненавидя лечиться, не желая, чтобы врачиха (очень тупая) надоедала мне ежедневными визитами, я ежедневно говорил ей:

— Чувствую себя превосходно.

21 марта. День Марии Борисовны. Не спал ночью, встал с головной болью. Из всех событий главное: приехала Ек. П. Пешкова и привезла некую американку — лет 60. Американка оказалась русской — автор книжки рассказов, «которые хвалил Бунин». Бедная женщина. От России отстала, к США не пристала. Странно видеть русскую *интеллигентную* женщину, не знающую русской литературы — совсем, даже не слышавшую таких имен, как Федин, Зощенко и т. д.

Гулял с Гребневыми. На кладбище не пошел.

Американка написала роман (по-русски) и жаждет пристроить его. За тем и приехала. И я интересую ее ровно настолько, насколько я имею, как она думает, влияние устраивать романы.

Екат. Павл. — феномен. Ей 84 года (говорят: 87), она легко поднялась на 2-й этаж, осмотрела все уголки в моих комнатах, даже выбежала без пальто на балкон, ходила смотреть детскую библиотеку, недавно была в Одессе, там была горьковская сессия, очень поздоровела (по сравнению с Барвихой) — и, как это ни странно, сохранила много женственности, прелестного изящества души.

Зовут «американку» *Ольга Михайловна Ньюберг.*

Калашникова, Холмская и Богословская были у _____ **1964**
меня по поводу наследия Ив. Ал. Кашкина. Я председа-
тель Комиссии по его наследству, а я даже не знал, что он умер.

30 марта. Надвигается день рождения. От маникюрши Эсфи-
ри Борисовны я получил *2 куса мыла* — заграничного.
От Берты Самойловны Квитко... *четыре куса мыла*.
Недаром я написал «Мойдодыра».

31/III. Елена Редл прислала мне из США *шотландский халат*
из чистой шерсти!!

Я устроен так наивно, во мне столько глупой детскости, что я
радуюсь этим подаркам, охотно забывая, что пользоваться ими —
не долго.

Ездил вчера в Гослит — объясняться насчет Собрания своих
сочинений. Бедный Косолапов циничен, лжив — и затуркан. На-
писал мне письмо, что редакция хотела бы ознакомиться с 6-м то-
мом — и сейчас же отрекся от своих слов: мы вполне полагаемся
на вас!

Позвонил мне Рыклин. Он в Доме творчества. Я пошел к нему
и получил в подарок *иерусалимское мыло* — *опять мыло*.

1 апреля. Встал поздно: в 5.45. Глянул в окно. Сынется
мелкий снег.

За весь март не было ни одного теплого южного ветра.

Вчера лег поздно из-за Вареньки Арутчевой, которая привез-
ла мне... *мыло*.

Пишу о Зощенко — работаю больше месяца и все еще на 3^й
странице. Стыдно перед Кларочкой, что я столько раз отдаю ей в
переписку одно и то же, все одно и то же. Снег валит хлопьями.

5 апреля. Влад. Жаботинский (впоследствии сионист) сказал
обо мне в 1902 году:

Чуковский Корней,
Таланта хваленного,
В 2 раза длинней
Столба телефонного.

Новелла — юродивая, больная, лохматая, уклончивая, но бес-
конечно милая, яркая, киплингская кошка, что «ходит сама по
себе». Глаза умные лирически-насмешливые — настороженные,
какие бывают только у подлинных поэтов.

1964

17 июня. Погода потрясающе прелестная. Жарко. Птицы, ни облачка. О, если бы не было дождя во время костра!

У нас ремонт. Красят крышу, выкрасили мой балкон, заливают отмостье асфальтом. Я очень радуюсь всему этому, хотя и понимаю, что недолго мне пользоваться этим отремонтированным жильем.

18 июня. Утро: дождь!! Вот тебе и наружный ремонт. Вот тебе и костер. После того, как я умру, вся жизнь переполнится такими событиями, вещами, стихами, романами, именами, о которых я сейчас и понятия не имею. Через десять лет после моей смерти моя нынешняя эпоха покажется древностью. «Это еще когда жил здесь Чуковский», — будут говорить о Переделкине.

Только что уехала от меня милая Инуи, подарившая мне ту ручку, которой я пишу сейчас. Книжки ее детские (проза) написаны под сильным английским влиянием — я устроил в детской библиотеке выставку ее книг, несколько ее портретов. Она надела кимоно, и мы пошли с нею по улицам Переделкина. Вместе с нею приехали: студент и студентка университета Дружбы — Ясуко Танака и Юза Танако (муж и жена) и Ирина Кожевникова из «Советской женщины». Я пригласил Веру Никол. Маркову и ее мужа Леонида Евгеньевича, художника. Маркова, отличная переводчица, бегло говорит по-японски. У Инуи прелестный смех — такого я никогда не слышал, как будто она решила засмеяться, но на половине бросила, раздумала. Что-то есть в ее смехе младенческое. Мы пошли в Дом творчества — к Марковой, там японцы спели несколько народных японских песенок — в маленькой комнатке. Потом пошли к Лили Брик и Катаняну и пригласили Новеллу Матвееву, она спела: «Какой большой ветер» и «Окраину».

Сегодня я бегло познакомился с Евтушенко и с Ахмадулиной.

19 июня. Снова взялся за Зощенко. Пишу первые полторы страницы целый месяц. Из-за этого даже не мог поехать навеситить Паустовского (в Барвихе). Вечером гулял с Нилиным. Он на словах страшно левый. Бранит Хрущева за то, что тот сказал в Дании заносчивую речь. «Ему бы поучиться у датчан сельскому хозяйству. Ведь как-никак маленькая страна, 5 миллионов жителей, а кормит молочными продуктами половину земного шара. Зачем такое зазнайство». Нилин пишет сейчас о Бурденко и рассказывает случаи гражданской доблести Бурденко (т. е. его мнимых выпадов против Советской власти).

Встретил глухую сестру Веры Вас. Смирновой — очень милую, набожно верующую в марксистскую эстетику. Должно быть, это от глухоты.

1964

21 июня. Воскресенье. Троица. Безоблачный день. Жара. Костер. Больше тысячи детей — чудесных.

22 июня. Божественная погода продолжается. Сегодня неожиданно получил первые листы 1-го тома Собрания моих сочинений. Мне кажется ужасным предисловие и отвратительным «Серебряный герб».

Вожусь с Зоценко.

Сегодня была у меня бывшая балерина Гердт и брат Ираклия Элефтер.

Сирень цветет бешено.

Маляры кончили ремонт.

24 июня. Вчера в Доме творчества две «вдовы»: Лили Брик и Н. А. Нольде (Коган). Одна — о Маяковском, другая — о Блоке. О, если б их увидели сейчас Маяковский и Блок. Нольде совсем плоха: разбита параличом, еле движется, в лице ни кровинки, глаза мертвые.

Лили говорит мне:

— Не правда ли, странный человек был Володя? Очень странный.

Утесов гениально показывал трех портных, у которых советские люди заказывают себе пиджаки: польского, латышского и еврейского.

Петра Семеновича Когана Маяковский презирал как воплощение всяческой тупости. Издевался над ним в стихах. Но чего не делает смерть. Вчера я видел, как вдова Когана передавала вдове Маяковского фото (лекция Дюамеля), на которой присутствуют и Маяковский и Коган. И вдова Маяковского нежно спросила:

— А где же Петр Семенович?

— А Петр Семенович вот здесь.

25 июня. Были у меня вчера четыре джентльмена. Л. Н. Смирнов, Председатель Верховного суда РСФСР, В. Г. Базанов, директор Пушкинского Дома, Е. Ворожейкин, директор Юриздата и еще один, чья фамилия не выяснена. Мои коллеги по изданию 8-томного Кони. Я стал критиковать их проспект (пропустили дело о крушении поезда в Борках: дали в III томе то, что надо было дать в IV-ом, отвели под комментарии всего по 2 листа!). Они слу-

шали без интереса, ибо цель их приезда — уговорить меня, чтобы я дал вступительную статью об Анатолии Федоровиче.

— Но ведь я написал статью о нем.

— Чудесная статья!

— В ней я сказал все, что знаю о нем. И больше сказать мне нечего.

Все же настаивают. Оказалось, что со Смирновым, Председателем Верховного суда, я уже встречался в жизни — на Лахте, в Ольгино, в 1922 году. Он говорит: «помню, вы все возились с детьми». Был ли он тогда ребенком, я не решился спросить. Он тучный, высоколобый, с усталым лицом. Я заговорил об Иосифе Бродском.

Он оживился:

— Представьте, я получил о нем два письма. Оба из Ленинграда. Одно по-английски. Пишет какой-то студент — на бумаге, вырванной из тетради. Такое смешное письмо...

— Вам смешно, а он страдает. Больной, должен где-то под командой грубых людей возить навоз и т. д.

— Очень смешное письмо...

Я стал говорить о злобном Прокофьеве, который из темных побуждений решил загубить поэта, о невежественном судье, Базанов и незнакомец вяло поддерживали меня, но Смирнов отошел в угол балкона (покурить) и все говорил:

— Такое письмо... И по-английски.

Мы вышли с ним в лесок. Он стал жаловаться на усталость. Должен сейчас ехать обратно в Москву. Много непрочитанных дел: убийства, изнасилование и снова убийства... Несколько человек к расстрелу.

Лицо симпатичное. Интеллигент. На прощание:

— Это очень хорошо, что вы любите детей.

26 июня. Почти весь июнь был солнечный. Утро золотило деревья. Сегодня первое утро в облаках. Но птицы поют, как и прежде.

Вчера Зина (девица, у которой умер отец) пришла ко мне с предложением бесплатной работы, т. е. у нее каникулы. Она — студентка. Я обрадовался. Но оказалось, что она никогда не читала Анны Ахматовой; знает об Эмиле Золя только понаслышке. Я лег на диван и попросил ее читать мне вслух статью о Золя в «Вопросах литературы» (№ 6). Она читала: «Бальзака́», «На́на», «Э́рио», явно не понимая того, что читает. Я вежливо отклонил предложенные ею услуги.

Гуляя вечером, встретил Баталова. Он проезжал в «самodelковой» машине, перестроенной из «Москвича». Говорили об Иосифе Бродском, судьбой которого Баталов живо интересуется. Приехал он к Шкловскому по каким-то киношным делам. «Ну и субъект!» — говорит он о Шкловском.

Мне предложили выступить по радио к юбилею Ахматовой.

27 июня. Облачно. Целый день возился с Зощенко. Только в 8 час. вечера встал из-за стола. Пошел гулять с Ваней Халтуриним. Встретили Андроникова; только что вышла его новая книга, он обещал принести. Андроников закапывает свой огромный талант в землю: Кирпотина он не показывает, так как Кирпотин обижается. Фадеева не показывает, т. к. Фадеев трагически умер. Суркова не показывает, т. к. Сурков — начальство. Маршака не показывает, т. к. Маршак обидчив, Федина не показывает, т. к. ... и т. д., и т. д., и т. д.

С ним была Манана — его красивая и умная дочь.

28/VI. С ужасом вижу, что «Зощенко» никуда не годится. Пишу его с 1-го марта, думал выкроить 10 страничек, но и это не удалось. Были вчера Таня с Верой и Изида с Тришкой. Таня приехала не ко мне, а к Белинкову, который болен воспалением легких. Белинкова били и истязали в лагере — он вернулся оттуда полутрупом. Сколько я знаю его, он всегда на пороге смерти. Страданиям его нет конца: легкие, сердце, желудок — все искалечено, изуродовано. Жена его Наташа — страдальца. Она тяжело работает (в каком-то институте — «оформляет книги»), и все ее мысли — о нем. Он в Переделкине, она каждый день ездит поездом на службу — и кажется на десять лет старше, чем есть. Конечно, мне жаль его очень, и я даже чувствую себя виноватым перед ним — но разговоры с ним меня утомляют, я заболелаю от них. Он написал книгу о Тынянове, она имела успех, — и он хочет продолжать ту же линию, то есть при помощи литературоведческих книг привести читателя к лозунгу: долой советскую власть. Только для этого он написал об Олеше, об Анне Ахматовой.

Он предложил мне свои рукописи — для прочтения. Я отказался, так как перегружен работой сверх головы. Он обижен на меня кровно. Но мне утомительно читать его монотонную публицистику. Это сверх моих сил. Теперь он навалил свои писания на Таню. Она чуть не плачет: он пишет так затейливо, претенциозно, кудряво.

2 июля. Пришла верстка 1-го тома Собр. моих сочинений. Очень пухлый том — 46 листов. «Серебряный герб» мне по-преж-

нему отвратителен: это самая слабая, самая неоригинальная из моих книг. «От 2 до 5» — неплохо. А из сказок не надо было включать «Бибигон». «Бибигон» и «Серебряный герб» — единственные вещи, которые я писал без азарта, равнодушно и вяло. Нужно было бы выбросить их. Продержал 30 листов. Осталось 16.

Вчера были у меня критик Огнев, поляк Северин Поляк и армянский поэт Эмин.

Гулял с Сергеем Бонди.

5 июля. Три дня назад Лида вышла из наших ворот, чтобы пойти в Дом творчества — и увидела автомобиль. Отбежав от него в сторону, она не заметила велосипеда, который мчался за ним. Велосипед сбил ее с ног, она рухнула на землю — повредила себе всю левую сторону тела; с тяжкими ушибами ее доставили в дом. Оказалось, что во всех больницах выключены телефоны. Сейчас она в городе...

Я правил (в «кукушке»*) корректуру «От двух до пяти». Понадобилась сноска из маршаковского «Воспитания словом». Я взял эту книгу, нашел нужную страницу и стал записывать в корректуру, позвонил Володя Глоцер, который был у меня вчера с Риной Зеленой, и сказал мне два обыкновеннейших слова: «Маршак умер» — и меня словно кипятком ошпарило. Рука дрожит, не могу собрать мысли.

И страшная мысль: что если узнает Лида?!

Она сейчас изнервленная, прикованная к постели, лишенная возможности попрощаться с ним, написать о нем, — я позвонил Люше, чтобы она приняла меры, но ведь приедет Любарская — и остановится у нас на квартире. Любарская приедет на похороны.

7 июля. Совсем пододвинулись черные дни. От С. Н. Мотовиловой открытка. «Лежу больная» и т. д. Лида больна — сотрясение мозга. — Маршак, его похороны 9-го. — Вчера с тоскою наговорил чего-то для «Литгазеты» и «Лит. России». — Позвонил кто-то и сказал про семью Уструговых: Варвара Карольевна была убита, а Аля Устругова, так чудесно певица моего «Крокодила», курносенькая, похожая на девочку, изящная, талантливая, была расстреляна за шпионство (!), ее пытали так, что она с кровью вырвала свои чудесные волосы, и т. д. Я боюсь подойти к телефону. Каждый звонок о беде. Была вчера у меня Софа Краснова, бездарная редакторша моего Собрания сочинений, 1-й том сверстан гнусно, рисунки выбраны кое-как, стишонки распределены по-дурацки. Но... калькуляция тома уже сделана — и менять ничего нельзя. Я

вообразил, что будет макет, макета мне не показали.

1964

Ужасно это возмутило меня. 50 лет назад, когда я редактировал Репина «Далекое близкое», перестановка всех рисунков, переверстка и т. д. производились в 3 дня — и не было престоуплением. А теперь при плановом хозяйстве требуется чуть ли не декрет Совета министров, чтобы произвести перестановку текста в 4-х листах (из 46). Калькуляция...

Вечером милая бельгийка Каролина Соеп, которая пишет о Чехове. 28 лет, экспансивная. Чехова знает отлично. Ее учитель Сергей Бонди. Он прочитал нам вечером о Пушкине — о кризисе его мировоззрения в 1823—24 гг.

8 июля. Все страшнее для меня мысль о Маршаке. Больной, весь в когтях смерти, он держался здесь на земле только силой духа, только творчеством. Возле его постели был целый стол, заставленный лекарствами. Он не мог ходить, оглох, ослеп, весь съежился, как воздушный шар, из которого выкачали воздух, — но на письменном столе у него высился ворох бумаг, и покуда он был повелителем этих бумаг, покуда он мог создавать свои черновики, которые он бесконечным, неустанным трудом превращал в поэзию, в песню, в эпиграмму, в русского Бернса, русского Блэйка — он держался на поверхности земли. Вообще, эта «поверхность земли». Она существует миллионы лет. И вдруг после миллионов лет небытия на ней возникает на минутку человек — и через минутку уходит в небытие прочь с поверхности. С такими глазами, с такой биографией, Самуил Яковлевич написал о Габбе:

Ты научила меня умирать.

И в его устах это были не слова. Он после ее смерти стал мудрее, смиреннее, строже к себе.

10 июля. Первый том — нужно было верстать в другом порядке, сократить «От двух до пяти», дать другие иллюстрации и проч. «Высокое искусство» — ничто не проверено, даже цитаты из Чехова.

Вчера вечером был Андроников. Рассказал: рассказ Алексея Толстого о чествовании у него в доме Уэллса (Старуха Тургенева и старуха Крандиевская) и о Кирпотине, посетившем в 1941 году Отто Шмидта.

24 августа. Последние полтора месяца впервые показали мне, что моя жизнь вступила в *предсмертный период*. Сердечные спазмы, феноменальная слабость. Уже сорок дней я лежу в постели,

ПРОТОКОЛ МОЕГО УМИРАНИЯ.

В ночь на 23 авг. Страшное сердцебиение в 6 часов утра — чтобы прекратить его, принял пять лекарств — лежу на балконе отравленный. Накануне я сильно переволновался. Таня схватилась с Марианной Петровной — политический спор — совершенно неуместный у постели больного.

В ночь на 24 — тоже в 6 час. утра сердцебиение, кот. длится до сих пор. Но я решил не принимать никакого лекарства. Лег на террасе и работал над вторым томом своего собрания сочинений. (Проспекты собрания соч. вышли около месяца назад, но до сих пор не разосланы по магазинам.)

25 авг. Status quo ante¹. Прекрасное самочувствие.

26 авг. Легкое трепыхание сердца — около 7 час. утра. Решил ничего не принимать. Прошло само собой.

Утром 10 сентября. Камфара.

Все это пустяки. Умирать вовсе не так страшно, как думают. Из-за того, что я всю жизнь изучал биографии писателей и знаю, как умирали Некрасов, Тургенев, Щедрин, Вас. Боткин, Леонид Андреев, Фонвизин, Зощенко, Уолт Уитмен, Уайльд, Сологуб, Гейне, Мицкевич, Гете, Байрон и множество других, в том числе Куприн, Бунин, Кони, Лев Толстой, я изучил методику умирания, знаю, что говорят и делают умирающие и что делается после их похорон. В 1970 году Люша будет говорить: это было еще при деде, в квартиру к тому времени вторгнется куча вещей, но, скажем, лампа останется. «Эту дорожку в саду провели еще при Корнее Ивановиче». «Нет, через год». И проходя мимо дачи: «Вот на этом балконе сидел всегда Маршак... — Какой Маршак? Чуковский!» И появятся некрологи в «Литгазете» и в «Неделе». А в 1975 году вдруг откроют, что я был ничтожный, сильно раздутый писатель (как оно и есть на самом деле) — и меня поставят на полочку.

10 сентября. Четверг. В 10^{1/2} пришел Солженицын. Моложавый. Отказался от кофею, попросил чаю. Мы расцеловались. Рас-

¹ Состояние, как было до [болезни] (лат.).

сказывает по секрету о своем новом романе*: Твардовский от него прямо с ума сошел. В восторге. Но Дементьев и Закс растерялись. Положили в сейф. Посоветовали автору говорить всем, что роман еще не кончен. А он кончен совсем. 35 печатных листов. Три дня (сплошь: двое с половиной суток) 49-го года. Тюрьма и допросы. Даже Сталин там изображен. Завтра он скажет Твардовскому, чтобы Твардовский дал прочитать роман мне.

Узнал, что я пишу о Зощенко. «Много читал его, но не люблю. Юмор кажется грубым».

Мы гуляли с ним под дождем по саду — взошли наверх и вдруг ему стало худо. Лида уложила его в нижней комнате — дала ему валокордина. И сейчас он лежит до 2 ¹/₂, когда...

[Дописано позже. — Е. Ч.]:

Потом: Твардовский так и не дал мне романа. Он вдруг круто меня невзлюбил.

23 октября. Вчера был у меня Чивер, поразительно похожий на Уэллса: тот же цвет волос, та же улыбка, тот же рост, та же фактура розовой кожи. Сидел он долго — 4 часа, и хотя у него был билет в Большой театр, предпочел пропустить 1-ое и 2-ое действия. У меня грипп, мне было трудно сидеть, хотелось лечь, но я так люблю его, что мне было радостно с ним. Уходя, он обнял меня — о если б он знал, какую плохую статейку я написал о нем!

Разговор главным образом вела Таня, которая вся расцвела в его обществе. Она чудесно перевела его «Swimmer'a»¹.

За это время сняли Хрущева, запустили в небо трех космонавтов*, в Англии воцарились лейбористы, но обо всем этом пусть пишут другие. — Я же запишу, что вчера приехал в Москву Апдайк.

Чивер совсем домашний.

20 ноября. Пятница. С этого дня буду вести дневник регулярно. Сейчас ушел от меня Александр Георгиевич Менделеев, член редакции «Недели» — умница, высокого роста. Он очень жалел, что Таничка говорила не с ним по поводу Чивера — очень просит дать ему ее перевод.

Пишу о Зощенко. Написал 74 ¹/₂ страницы. Надо кончать. Удачнее всего вышла глава о языке. Хочется удлинить эту главу.

21 ноября. День Марии Борисовны.

¹ «Пловца» (англ.).

Из-за того, что какой-то советский турист предпочел недавно остаться в Англии, задержана группа туристов, которые должны были отправиться в Италию, — в том числе Коля, Марина, Штейн с женой и другие.

Так как, свергнув Хрущева, правительство пребывает в молчании — и обыватели не знают, под каким гарниром их будут вести «по Ленинскому пути», — сочиняется множество эпиграмм, песен, анекдотов, стихов.

24 ноября, вторник. Сегодня я гулял по снежному Переделкину с Нилиным, Заходером и Максом Поляновским — каждые пять минут — новый анекдот.

26 ноября, четверг. Когда-то Коля (ему было лет 6) рассматривал на полке мои книги и сказал:

— Когда папа умрет, вот эти книги я отдам в переплет, а эти выброшу вон.

Теперь это время придвинулось, и я думаю, что Коля так и поступит. Вообще с книгами будет им возня. За последнее время очень большое место в моей библиотеке занимают английские книги. Ни у кого из моих наследников нет охоты читать английские книги.

Читал сегодня по радио свои воспоминания о Леониде Андрееве. Теперь над радио и TV новый начальник. Он усмотрел какой-то криминал в недавней телевизионной передаче «Цирк» и уволил троих сотрудников. Бездарная, слабоумная сволочь. Ничему не научились — полицаи — по-прежнему верят лишь в удушение и в заушение*.

Первого приезжает Лидочка. Я послал ей свою статейку об Анне Ахматовой — и теперь испытываю конфуз: статейка элементарна и плохо написана.

У Лиды дела с глазами плохи, между тем она не выносит, чтобы ей читали вслух.

В пятницу, то есть завтра, выходит моя книга «Искусство перевода», я очень хочу послать ее Солженицыну, но боюсь послать по его адресу в Рязань. Он говорил, что вся его почта под строжайшим контролем.

Сейчас ко мне придет Александр Борисович Раскин и пойдем с ним гулять. Морозу 9 градусов.

4 декабря. Приехала из Комарова Лидка. Сегодня встал в 5 часов. Написал рецензию о Банниковской «Антологии», закончил вступительную статейку о фокуснике Ал[л]и-Ваде, исправил корректуру «Что вспомнилось», которую перекорректировала редакция

«Лит. России», и теперь принимаюсь за «Зощенко», куда я внес десятки исправлений, предложенных мне Вениамином Каверыным.

1964

Лиды я еще не видал. Вчера был у Фриды, — которая после всякого своего депутатского приема заболевает и лежит в постели. Гулял со Зверевым. Читал Эллери Квина «Double dozen»¹.

7 декабря 1964. По случаю «Дня Конституции» приехала ко мне Аня Дмитриева вместе с Митей. Аня — чемпионка тенниса, 24 лет, и в то же время студентка. Она спокойна, приветлива, чистосердечна, хорошо молчит, хорошо смеется. Не верится, что она знаменитость — заслуженный мастер спорта. В Лондоне была с командой около 10 раз, была в Африке, в конце января едет в Финляндию. Чемпионка по теннису. Мы вместе читали Юрия Нагибина «Далеко от войны».

7 декабря. Сейчас позвонила мне Ласкина из журнала «Москва». Моя статья о Зощенко ей понравилась — «вы научили нас читать Зощенко».

— Значит, я как критик здесь гораздо сильнее, чем как мемуарист.

— Верно. Нужно будет сократить мемуарную часть.

В «Лит. газету» я отправил статью «Язык Зощенко». Вышло 11 страниц.

В «Литературной России» идут мои записи «Что вспомнилось».

В «Неделю» я отправил дрянную статейку об Анне Ахматовой.

Сейчас звонил мне сын Пастернака, Евгений Борисович, просит написать предисловие к книжке его стихов, которые выходят в Гослитиздате.

О! о! о!

Сволочь я, что не пишу о Чехове.

Таня рассказывает, что она на квартире одного из работников американского посольства смотрела кино — по его приглашению, присланному в Инкомиссию Союза Писателей. С нею была Волжина и два молодых переводчика — четыре человека. И на эту четверку — пришлось четыре стукача, причем один из них в лифте попросил одного из переводчиков открыть портфель и показать, какие книги подарил ему работник посольства.

Ахматова в Италии — это фантастика. У нее

¹ «Две дюжины» (англ.).

и вдруг в Италии, где ее коронуют*.

А что с моим Зощенко для «Литгазеты»?

8 декабря. Приехала вчера Лида из Комарова. Рассказывает, что Лернер, дружинник, сыгравший такую гнусную роль в судьбе Бродского, выследил одного физика, к которому в гостиницу повадилась дама. Стоя на страже морали, Лернер запугал коридорного, и тот впустил Лернера в номер, где физик принимал свою даму. Лернер вошел в прихожую, а так как физик — атомщик, у него в прихожей сидели два охранника, которые и отколотили Лернера, потом вызвали директора гостиницы, и тот отобрал у Лернера все документы.

Вечером вчера был на даче Всев. Иванова. Копелев болен: радикулит. Фрида больна — голова. Погода прелестная, мартовская.

10 декабря. Прекрасная погода. Были у меня М. Ф. Лорие, В. Мих. Россельс. Потом — Оленька Андреева, внучка Леонида Николаевича. Она в Нью-Йорке переводит с мужем «Идиота», в Париже устраивает выставку своих рисунков, а в Женеве проживает с родителями.

Вечером встретил трех партийцев: Елизара Мальцева, Павла Нилина и [в оригинале пропуск. — *Е. Ч.*] ...енко. Они гораздо левее беспартийных, их отзывы о происходящих реформах — ироничны. Рассказывают, что Румянцев, новый редактор «Правды», поместил ругательную заметку о журнале «Октябрь», который расхвалил дрянную пьесу Софронова. Так и сказано: дрянную. Те пришли к нему объясняться и сказали: «Очевидно, это случайность». Он ответил: нет, не случайность. Ваша пьеса действительно плоха — и я буду и впредь бороться с плохими произведениями, а что касается групповщины, которую вы насаждаете, — мы будем осуждать ее всячески.

11 декабря. Пятница. «Унитаз никогда не превратится в Джиоконду», — сказал Симон Дрейден, узнав, что «Лит. газета» не приняла моей статьи о Зощенко.

Я говорил по телефону с каким-то Залманом Ахраимовичем, который заведует каким-то отделом «Лит. газеты». Этот Залман сказал о моей статье, что она не газетная. «Я 60 лет пишу в газетах, — сказал я, — и очень хотел бы хоть раз написать что-нибудь не газетное и не могу. Статья моя газетная вполне, а просто вы трусите. Я дал вам возможность хоть перед подпиской — показа-

ться читателю честными людьми, и вы сами знаете, что одна эта статья создала бы сотни подписчиков.

1964

Но вы захотели солидаризироваться с теми, что топтали сапогами М. Зощенко».

15 вторник. Мой «Зощенко» все еще читается в редакции «Москвы» — и загадочное молчание. Боюсь, что там найдут статью не журнальной.

Был вчера благороднейший Елизар Мальцев. 1¹/₂ часа рассказывал о заседании в горкоме партии. Страшно взволнован, потрясен, рассказывал нервно, вскакивал, хихикал, вскрикивал. «Я сказал Егорычеву, а он говорит... А Борщаговский... А Антокольский... А Слуцкий крикнул с места... А Щипачев схватился за сердце и упал... вызвали врача... а Сергей Сергеевич Смирнов... Прижали Егорычева...»

Я слушал и думал: при чем же здесь литература? Дело литераторов — не знать этих чиновников, забыть о их существовании — только тогда можно остаться наследниками Белинского, Тютчева, Герцена, Чехова. Почему между мною и Чеховым должен стоять запуганный и в то же время нагловатый чиновник! Я микроскопический, недостойный, но несомненный наследник Чеховых, Тургеневых, Куприна, Бунина, я целыми днями думаю о них, о своих законных предках, а не о каких-то невежественных и бездарных Егорычевых.

Сегодня получил еще одного «Чивера», — не знаю, от кого.

У Лиды очень хорошая статья — о герценовских «Былом и Думах»*.

«Высокое искусство» еще не вышло из печати. Те, кому я послал эту книгу, пишут о ней с похвалами: Д. С. Лихачев, Е. Эткинд, Мкртчян, акад. Алексеев и др. Но конечно, в книге множество дыр.

Умер С. И. Ожегов, мне поручено написать для «Литгазеты» некролог.

17 декабря. Четверг. 1964. А. Г. Менделеев позвонил мне вечером, что «*Анна Ахматова*» моя идет в ближайшем номере «Недели».

Коля вернулся из Италии, куда ездил с Мариной. Марина в Риме видела в телевизоре торжество Ахматовой. Говорит, что Твардовский сказал дикую речь: будто А. А. «и на родине пользуется признанием и почетом».

Сейчас был у меня Менделеев, редактор «Недели». Привез мою статейку об Ахматовой, которая пойдет в ближайшем номе-

ре. От него несет водкой — человек он со всячиной, но ура — заговор молчания об Ахматовой нарушен!!!!

Но почему-то я очень волнуюсь за нее.

18 декабря. О! о! о! Вчера была у меня Софа Краснова, редактор моего «Собрания сочинений». Ее редактура заключается в панической боязни пропустить что-нибудь нецензурное и в исправлении моего слога. Исправление заключается в дурацких придирках: «здесь у вас два раза “потом”». Не сказать ли в одном случае “впоследствии”?». Лучше бы пилили меня деревянной пилой.

Все хохочут над дураком — Лактионовым, который написал предисловие к роману «Тля». Т. к. в этом гнусном романе пресмыкательство перед Хрущевым, против него (и против лактионовского романа) ополчилась даже сервильная пресса. Лактионов, желая оправдаться, публично заявил (письмом в редакцию «Лит. газеты»), что

1. романа он не читал,
2. не читал и своего предисловия, так как это предисловие в порядке саморекламы сочинил сам автор «Тли».

То есть сам о себе заявил, что он шулер, причем думает, что здесь — оправдание*.

21 декабря. День Марии Борисовны. Гулял с Залыгиным, который живет в Новосибирске. Тамошние жители давно уже не выходят вечерами на улицу, так как недавно на улице появилась группа молодых вполне советских юнцов, которая в один вечер убила ни с того ни с сего 12 человек. Просто эти веселые люди развлекались во время прогулки. Помахивая гиришкой на веревке, они при встрече с возвращающимися из театра людьми говорили: вот этого и вот эту. Гирька взлетала в воздух, и на улице оставались два труп, а молодые люди, возвращенные советской действительностью, шли дальше и развлекались убийствами.

Одна сотрудница местной газеты написала об этом очень неполный, урезанный цензурой отчет — ее вызвали в Горком: как вы смеете позорить наш город? ведь в других городах то же самое.

Гуляя с Залыгиным и с Елизаром Мальцевым и с Колей Степановым, мы встретили Вадима Кожевникова — который всегда проходил мимо меня не здороваясь, но теперь вдруг признал и прошел с нами целый круг, щеголяя своими либеральными взглядами, — тот самый человек, который снес в ЦК роман Василия Гроссмана, вследствие чего роман арестовали — и Гроссман погиб. Теперь он называет журнал «Октябрь» «черносотенным», ав-

тора «Тли» «черносотенцем» и тут же сообщил, что черносотенка Серебрякова потерпела позорный крах: она нашла ход к т-те Хрущевой, и «Нина Петровна» выхлопотала для нее согласие мужа на то, чтобы Серебрякова посвятила ему свою книгу. Она посвятила. Хрущев стал эту книгу хвалить. Она со своей стороны расхвалила роман «Тлю» и теперь оказалась в луже. Кожевников выразил сожаление, что, свергнув Лысенко, возвеличивают «В. Серова» — который гораздо более нагл, чем тот.

25 декабря. Вчера была у меня жена индийского посла в Чили (ныне в Индонезии) г-жа Ратнам.

Гулял с Симой Дрейденом. Он рассказал мне потрясающую, имеющую глубокий смысл историю. Некий интеллигент поселился (поневоле) в будке железнодорожного сторожа. Сторож был неграмотен. Интеллигент с большим трудом научил его грамоте. Сторож был туп, но в конце концов одолел начатки грамматики. Он очень хотел стать проводником на поезде. Для этого нужно было изучить десятки правил наизусть — и сдать экзамен. Интеллигент помог и здесь. Сторож стал проводником, приезжая на юг, закупал апельсины и проч. и небезвыгодно продавал на севере. Разбогател. Интеллигента между тем арестовали. Отбыв в лагере свой срок, он воротился домой. Здесь его реабилитировали — и показали его «дело». Оказалось, что, научившись грамоте, благодарный железнодорожник первым делом написал на него донос: «Предупреждаю, что NN имеет связи с границей».

Увлёкся опять книжкой «Живой как жизнь». Пишу вставки то в одну главу, то в другую. А жизни осталась самая капелька. Сердечные припадки — подсказывают, что мне помереть от сердца.

Как радостно сердце большое заёкало,
Когда я услышал словечко Чукоккала.

31 декабря. Нужно писать о Юрочке Васнецове. А Чехов!?

Написал письмо Косолапову о том, что я запрещаю выбрасывать из моей статьи имя Оксмана*. Но Штильманы, приехавшие ко мне с Новогодним визитом —

1-го января 1965 года уже знают об этом, хотя никаких копий я не снимал. Погода чудесная. Мы с Мариной много гуляли по оснеженному Переделкину.

Сумбурно и бездарно проходят мои предсмертные дни.

Сегодня Марина затеяла съезд всей родни — у нее на квартире и приготовила им всем подарки.

14 января. Вчера два часа сочинял поздравительную телеграмму В. В. Виноградову. Надо было смешную, легковесную, а я написал: «Глубокоуважаемый шкаф». Был в городе: хлопотал, чтобы «Москва» перенесла моего Зощенко из 5-го номера в 4-й. Оказалось, что он перенесен... в 6-ой. 4-й будет ленинским, 5-й (майский) весь посвящен победе над фашизмом.

Из «Москвы» — в «Правду». Николай Александрович Абалкин с серым лицом, облысый, прочитал вслух при мне статейку о Васнецове и сказал: «хорошая статейка, талантливая, и главное: нужная. Мы должны *воспитывать* (!) молодежь (!) в духе национальных и даже националистических идеалов. Потому что куда идет молодежь? Разнуздалась, никаких святынь» и т. д. Мне и в голову не приходило, что моя бедная статейка — узда для молодежи. Обещал напечатать. Впечатление от «Правды» мрачное, словно тюремное. Оттуда в Гослит.

Мои сочинения печатаются 100 000-ным тиражом. В отделе классиков, в отделе советской литературы и т. д. Встретил Н. В. Кузьмина. Он сделал отличные рисунки к «Малолетнему Витушкинову». Очень просят меня в Гослите написать предисловие к маленькой книге стихов Пастернака. Если я соглашусь — прощай «Чехов».

Получил прелестное письмо от Чивера.

Таня три дня назад прочитала мне перевод его первого рассказа «Бригадир и вдова». Чудесный, поэтический перевод с внутренним ритмом, с библейской тональностью. Мне кажется, что

русский язык, русская проза вполне приспособлена для таких рассказов. Перевод порою лучше подлинника.

1965

Третьего дня я, больной (желудок, бессонница, сердце), не смотря на все уговаривания близких, поехал в Союз Писателей выступить на вечере, посвященном Зощенко. Первый вечер за двадцать лет. Хотя публики собралось очень много, ее загнали в Малый зал. Нигде, даже внутри Дома Литераторов — ни одной афиши. Секретное нелегальное сборище. В программе: Вал. Катаев, Шкловский, Чуковский, Каверин, Ильинский. И Катаев, и Шкловский побоялись приехать, да и стыдно им: они оба, во время начальственного гонения на Зощенко, примкнули к улюлюкающим, были участниками травли... Очень сильный мороз, я приехал в валенках. Слушали мой доклад с увлечением, много аплодировали, кричали: спасибо.

Председествовал Лев Славин. Он сказал чудесное вступительное слово: о том, что есть у нас целый разряд великолепных писателей, которых даже не упоминают в истории советской литературы: Бабель, Платонов, Хацревин, Лапин,— и вот Зощенко. Мы будем бороться за них и т. д.

Каверина доклад, блестяще написанный, мужественный, прозвучал негодованием к палачам, погубившим Зощенко. После нас Ильинский. Говорят, он великолепно прочитал два рассказа: «Елка» и еще какой-то.

16 января. Типичное мое утро. Сажусь за стол, хочу готовить Уитмена для 2-го тома. Но нет гослитиздатского издания его стихов, намеченных мною для этого издания. Откладываю Уитмена, решаю писать о Маршаке, но нет стихов, которые Клара послала сыну Самуила Яковлевича.— Решаю написать письмо японке, но нет тех книг, о которых я хотел ей написать.

Недели две назад Евтушенко прочитал по радио стихи о корабле, который волны швыряют туда и сюда* (т. е. о партии Ленина). Стихи вызвали ярость начальства, и две редакторши уволены.

Сегодня суббота. Кларочка не приедет. Необходимо записать, что в последние два-три года я привязался к ней очень. Она чудесный, гармонический, благородный человек. Никакой мелочности, щедра, участлива, — работяща — умна.

Сегодня она не приедет. И я не должен буду признаваться ей в своем банкротстве: не написал ничего.

Во главе Союза Писателей, равно как и во главе всех журналов — по замыслу начальства — должны стоять подлецы. На днях будет избираться новое руководство Союза Писателей — правление. Лиду

1965

это ужасно волнует. Если бы выборы были правильные, то все подлецы полетели бы. Но конечно, начальство придумает способ, чтобы навязать Союзу своих подлецов. Из-за чего же волноваться? Исход выборов предreshен. Однако Лида рвется в бой: пусть молодежь видит, что есть борьба за справедливость (?!). Вместе с нею рвется и Таня. Она хочет встать и спросить об Оксмане.

Фридошка Вигдорова страшно больна: думали, что рак поджелудочной железы. Третьего дня в Институте Виноградова ей сделали операцию, которая длилась $3\frac{1}{2}$ часа. Обнаружили камни в желчном пузыре. Фрида и на «смертном одре» спрашивала: что с Иосифом Бродским? Решено ли его дело?

18 января. Литераторы в восторге. В Ленинградском Союзе Писателей были перевыборы и с грохотом провалили Прокофьева, который состряпал «дело Иосифа Бродского». В правлении выбраны «бродскисты»:

Добрынина [описка, на самом деле Грудинина. — Е. Ч.]

Долинина

Эткинд и др.

Такое крошечное и хрупкое торжество справедливости вызывает восхищение всего литературного мира.

А третий посмотрел лукаво
И головою покачал...*

Фриде как будто лучше.

21 января. День Марии Борисовны. Через месяц — десять лет, как она похоронена и ждет меня в соседнюю могилу. Была у меня Раиса Орлова и рассказывала о выборах в правление Союза Писателей. Целый день тысячи писателей провели в духоте, в ерунде, воображая, что дело литературы изменится, если вместо А в правлении будет Б или В, при том непременно условии, что вся власть распоряжаться писателями останется в руках у тех людей, которые сгубили Бабеля, Зощенко, Маяковского, Ос. Мандельштама, Гумилева, Бенедикта Лившица, Тагер, Марину Цветаеву, Бруно Ясенского, Пастернака и сотни других.

12 февраля. На днях получил письмо от 63-летней Е. Б. Буховой, о которой 40 лет [назад] я сочинил такие стихи:

Ты еще не рождалась,
Тебя еще нет.
Ты побоялась
Родиться на свет.

Ты кем-то несмелым,
Как будто во сне,
Начертана мелом
На белой стене.

1965

Надо писать о Пастернаке. Только что кончил о Библии. Оказывается, нельзя писать Библия с большой буквы и лучше бы не говорить, что это еврейская книга.

«Нью-Йоркер» уведомил меня, что Чивер подписался для меня на этот журнал. Но журнала нет, и вряд ли будет. Книжка моих сказок, которую я послал в США вдове Ганфмана, дошла до нее через 27 дней. Вот и говори об обмене культурными ценностями. Был у меня вчера корреспондент «Таймса» Кирилл. Подарил мне книжку «Кандинский» — репродукции картин этого шалого мастера.

Мне очень противно признаваться в своей старикинской косности, но я с негодованием вчера читал любимую Лидой и Люшей *Марину Цветаеву*. Сплошной моветон, словоблудие, претенциозность, кокетливость: «Я люблю Брюсова и потому ненавижу его, и как он был туп, что не догадался, как я люблю его и только потому ненавижу».

21 февраля. *Десять лет со дня смерти Марии Борисовны.*

Сегодня я встал с головной болью и с полной неспособностью к писанию. Пишу о Пастернаке.

Приехали Лида и Люша. Есть Митя, Марина, Коля. И конечно, мне легче нести мою невыносимую тяжесть — тяжесть вины перед Марией Борисовной, которая на горе себе связала свою жизнь с моей. После обеда мы едем на кладбище.

29 марта. В среду (24^{то}) обещала приехать ко мне Анна Ахматова. Перед этим мне захотелось поехать на праздник детской книги в Колонный зал. Открытие недели. Приехал благополучно. Барто. Яковлев. Детиздатские друзья. Сажу на эстраде. Дивный зал. Вспоминаю: здесь мы отпевали Горького, Кирова. Здесь когда-то выступал Лермонтов — 14-летний мальчуган. Впереди сидят крохотные девочки в венках. Налаживается телепередача. Кассиль говорит о космонавтах, — и вдруг все поплыло у меня перед глазами, и я еле добрел до дивана в фойе. Мира Наумовна, мать Аркадия Белинкова, и милый Владимир Осипович Глоцер — первые засуетились вокруг меня. Нашли здешнего доктора Татьяну Григорьевну, вызвали скорую помощь, и вот я, после сосудорасширяющей инъекции, возвращаюсь еле живой в Переделкино.

Анна Ахматова уже в Переделкине (у Фриды), но я не могу ее принять. Она уезжает, а я обречен на бездействие и на глотание

1965

всяческих ядовитых лекарств. Должен был править Уитмена для 3-го тома, а сейчас лежу «как дурак, как нерожденный, как мертвый», и добрая Марина читает мне «Фрегат “Палладу”», специально написанную для тех, кому, как мне, предписано не шевелить мозгами. Очень талантливая, но пресная книга.

Самое большое событие: Коля прочитал мне свои воспоминания о Жене Шварце, прекрасно написанные, задушевные, умные, исполненные «клокочущей ненависти» к тому, что душило и душит всех нас. О Тынянове его воспоминания тоже хороши, но безысходно печальны — больше о болезни Тынянова и его трагической смерти*.

30 марта. Пасмурно. Не выходил на воздух. Вчера Марина, а сегодня Клара читают мне «Фрегат “Палладу”», из которой я узнал, что в 50^х годах слово отель было женского рода — и кажется, больше ничего. Гончаров такой, что если подумаешь о нем, что он хорош, он покажется плох, а если решишь, что он плох, он окажется не таким уж плохим.

Приходят чистые листы моего первого тома. Я очень сержусь на себя, что включил туда банальный «Серебряный герб» и что не сократил «От двух до пяти». Есть разбухшие скучные страницы. Я стараюсь сжать книгу для издательства «Просвещение».

Глоцер отозвался об Алексине, что это — позор детской литературы. Алексин повел против Глоцера подкоп. Издательство не пожелало заключать с Глоцером договор на новую книгу. И вот в последнем № «Литер. газеты» Берестов поместил прелестную рецензию о книге Глоцера. Об этом сообщила мне Клара, потом Люша, потом опять Клара, но ни та, ни другая не принесли газеты.

1 апреля. День моего рождения. Мне
83 года.

Поздравлений столько, что прочитать все невозможно. Вчера доктор из-за моего колита и спазма мозговых сосудов. Велено принимать

8 или 9 лекарств в день
по 3 или 4 раза

и никого не принимать! Если придут поздравители, всех примут внизу — и угостят, а ко мне наверх — никого! ни в каком случае.

Вчера была Леночка Лозовская, вылепила под моим окном бабу, вот и все мое развлечение: глядеть на нее из окна.

Погода сыра. Вчера снег падал крупными лепешками — сейчас все Переделкино под снегом. От скуки читаю роман Gardner'a о

постылом сыщике Mason'e. В чистых листах нашел три ужасных опечатки. Погода в день моего рождения сибирская, каторжная.

1965

Итак, с 4-го апреля 1965 я здесь в 93 боксе Загородной больницы, то есть в раю.

Свел я здесь знакомство с тремя африканцами (из Ганы). Одного из них зовут Ласиса Сумайла.

Все они мне скоро прискучили: потому что они могут говорить либо о сексе, либо о социализме. Читают главным образом пропагандистские книжки. Мы объясняемся с ними по-английски, но когда я спросил их, хотели бы они посетить Англию, они сказали: «нет, ни за что! ведь это — капиталистическая страна». Верят, что СССР несет им свободу. Сейчас позвонил мне Эндрю Ротштейн. Т. к. он — англичанин, Мария Николаевна звонила в особый отдел: разрешили ему завтра приехать ко мне. Но он хочет приехать не один, а вместе с Пэйджем Арноттом, старым английским большевиком.

Это я пишу в субботу.

Сегодня приедет ко мне Ясиновская — очень дельный и смысленный редактор «Библии». Я жалею, что согласился составить эту книгу. Нападут на меня за нее и

верующие
и неверующие.

Верующие — за то, что Священное писание представлено здесь как ряд занимательных мифов.

Неверующие — за то, что я пропагандирую Библию.

Вечером после работы с Ясиновской — пошел пройтись.

6 апреля. В больнице. Провожая Клару, встретил Вл. Сем. Лебедева. Он уже два месяца здесь — завтра уезжает. Он пишет диссертацию: «Радио в период Отечественной войны». Но главное — воспоминания: о сталинской эпохе, о Хрущеве. Говорит, что в новом романе Солженицына есть много ошибок, касающихся сталинского бытового антуража. «Александр Исаевич просто не знал этого быта. Я берусь просмотреть роман и исправить». По словам Лебедева, здесь же отдыхает Борис Полевой.

12 апреля. Все время северный ветер и — весеннее солнце. Между тем надо держать корректуру «Современников», в которых мне теперь очень не нравятся Короленко, Луначарский и Репин. О Луначарском я всегда думал как о легковесном и талантливом пошляке и если решил написать о нем, то лишь потому, что

он по контрасту с теперешним министром культуры — был *образованный* человек. Репин — статейка о нем создалась тогда, когда было запрещено хвалить его, вскоре после его смерти. Теперь имя Репина стало знаменем реакции, и, следуя моде, надлежало бы воздержаться от похвал, но плевать на моду — все же я очень любил его, хотя и согласен с Вл. Набоковым, что его «Пушкин на экзамене» и «Дуэль Онегина с Ленским» — дрянные картинки*.

18. Только что ушли от меня Andrew Rothstein и Page Arnot, милые, простодушные, чистые люди, которые борются за коммунизм там, где это невыгодно, где это мешает карьере, где для этого нужно бескорыстие — то есть в Англии. Я подарил Andrew Rothstein'у свою книгу и надписал:

«С любовью и с завистью». Я действительно завидую таким прямодушным, верующим, чистым сердцем людям, которые пренебрегли личными благами ради цели, которую они считают спасительной для человечества.

День бессмертный по красоте. Пробивается травка.

30 апреля. Дождь.

Читаю Набоковский 4-томник «Евгений Онегин». Нравится очень.

4 мая. Был Митя, проникший ко мне без пропуска. Я шутя спросил привратника, как смел он пропустить этого молодого человека.

— Очень симпатичный. Нельзя было не пропустить.

4 мая. Снег. Лютый ветер. Был в главном корпусе. Узнал, что В. С. Лебедев снова в больнице — в № 206. Хохлушка-работница почему-то повела меня в Зимний сад — очень жидкий и жалкий. Пальмы, кактусы. Вл. Сем., совсем больной, сидит в палате, и по лицу его видно, сколько он перенес страданий. Негодует, что Паустовскому не дали Ленинской премии. И всё — из-за его полемики с Рыльским. Его сокрушительную статью против Рыльского сперва запретили. Фурцева наложила на него вето. «Но я, — говорит В. С., — прочитал эту статью в поездке Никите Сергеевичу. Тот слушал сперва невнимательно, но когда присутствовавший здесь очень влиятельный товарищ стал бешено восставать против этой статьи, Н. С. сказал: «Прочти-ка еще раз». Я прочел. Н. С. распорядился: печатать. И пожелал познакомиться с Паустовским*».

Заговорили о С. С. Смирнове. Оказывается, Вл. Сем. и ему дал «путевку в жизнь», помог обнаружить «Брестскую крепость».

1965

8 мая — опять 37. Собирался завтра уехать, но придется еще проторчать.

9 мая. Впервые — кукушка: уныло и назойливо, не переставая. И как будто в соседней комнате. И — неужели я слышу это опять? — многоголосый птичий хор, идущий из леса волна за волной. Нахлынет и замолкнет и снова нахлынет.

Разговор с африканцем из Кении.

Он. Вы так чудесно говорите по-английски.

Я. О нет! Я только читаю по-английски.

Он (смотрит на меня с недоумением). Читаете английские книги?!

Я. Да, и очень люблю их.

Он. Любите английские книги? А мы их ненавидим, англичан.

Я. Шекспир, Бен Джонсон, Теккерей, Сэм Джонсон, Диккенс.

Он. Мы все равно ненавидим их всех. Мы ненавидим колониализм...

Я. Позвольте, вот, например, Байрон, Бернард Шоу, Уильям Моррис...

Он поморщился, словно от кислого.

И таких — миллионы. И все как один.

Упрощенчество страшное. Подлинно культурные люди окажутся вскоре в такой изоляции, что, напр., Герцен или Тютчев — и все, что они несут с собой, будет задушено массовой полукультурой. Новые шестидесятые годы, но еще круче, еще осатанелее. Для них даже «Pop literature»¹ слишком большая вершина. Двe-три готовых мыслишки, и хватит на всю жизнь.

А человек симпатичный, с богатой жестикуляцией, с высоким лбом, с блестящими молодыми глазами.

Вышел томик избранных статей из «Times Literary Supplement»², и там статья о моей книжке «Живой как жизнь»³, о которой в России не появилось ни одной рецензии. Я перелистал эту high brow³ книгу — и вдруг принесли «Юность» с поэмой Евтушенко о Братской ГЭС — и вся эта умная книга сразу показалась мне

¹ «Массовая литература» (англ.).

² «Таймс литерари сапплемент» (англ.).

³ высоколобую (англ.).

15 мая. Вчера уехал. Попрощался с докторшей Риммой Ал. Написал в книгу пожеланий. Дождь. Марина приехала за мною и увезла меня домой. Дома — холодно, неудобно. Впрочем, к вечеру все стало лучше.

16. Вчера был у Ивановой Т. Вл. Чудесный день. Сидел на террасе. У нее живут Лили Брик и Катанян. Женя Пастернак, которого я встретил на дороге, рассказал, что когда Озеров послал в редакцию «Библиотеки» свои замечания для составленного им тома Пастернака, ему ответили: «Редакция считает себя достаточно компетентной и в Ваших советах не нуждается».

Ахматова собирается в Англию. Будет у меня. Ее коронование произойдет в июне*.

Была по поводу Библии Анна Викторовна Ясиновская.

17 мая. Подарил сто (то есть тысячу) рублей докторше NN. Мы говорили с ней о больнице, где я лежал. Больница позорная: работники ЦК и другие вельможи построили для самих себя рай, на народ — наплевать. Народ на больничных койках, на голодном пайке, в грязи, без нужных лекарств, во власти грубых нянь, затурканных сестер, а для чинуш и их жен сверхпитание, сверхлечение, сверхчутливость, величайший комфорт. Рядом с моей палатой — палата жены министра строительства, — законченно пошлая женщина, — посвятившая все свои душевные силы борьбе со своим 50-летием, совершенно здоровая.

20 мая. Митя. Оказывается, уже играет в какой-то пьесе Стейнбека — инсценировка рассказа. Увлечен очень. Вообще у Мити большая душевная жизнь.

27 мая. Звонила вчера Анна Ахматова. Я давал ей по телефону разные довольно глупые советы насчет ее предстоящего коронования. И между прочим рассказывал ей, какой чудесный человек сэр Исайа Берлин, какой он добрый, сердечный и т. д.

И вдруг Лида мимоходом сказала мне, что А. А. знает Берлина лучше, чем я, так как у нее в 40-х годах был роман с ним в Ленинграде (или в Москве), что многие ее стихи («Таинственной не-встречи») посвящены ему, что он-то и есть инициатор ее коронования. А он очень влиятелен и, конечно, устроит ей помпезную встречу.

Какой у нее, однако, длинный донжуанский список. Есть о чем вспоминать по ночам.

1965

28 мая. Анна Ахматова не уехала в Англию. Ей наши не выдали визы. Сидит на чемоданах. У Ардова. Лида сообщила, что ей (А. Ане) хочется приехать ко мне.

Получил «Лето в Москве» Михайла Михайлова. И «Encounter», где большая статья о суде над ним и обо всем, что предшествовало этому суду. Была Таня. Послано письмо.

Вожусь с дополнениями к «Высокому искусству». — Годовщина смерти Пастернака.

31 мая. Получил памфлет Михайлова — «Moscow Summer»¹ и «Encounter»² о суде над Михайловым. Много ошибок и журналистской пустяковины. — Ахматовой сказали, что едет в пятницу, потом — что во вторник, а дали визу в понедельник. «Литгазета» взяла у нее стихи, а напечатала — переводы с египетского.

Наташа Белинкова привезла мою статью о Зощенко — всю исчерканную цензурой. О Серапионовых братьях никак невозможно. Статья должна пойти в июньской «Москве».

Шефы ставят эстраду для костра.

7 июня. Корректурa 2-го тома с 18 л. до 36. Ужасно мне не нравится статья об Ал. Толстом. Пошловатые анекдотики. О Зощенко боюсь перечисть.

8 июня. Об Ахматовой в газетах ни звука. Получил из Нью-Йорка брошюру Михайлова «Московское лето» — собачья чушь. О Шкловском и о Гудзии пишет как о центральных явлениях советской культуры: выдает с головою — Дудинцева, который беседовал с ним по душе. Тито, преследуя по нашему настоянию Михайлова, — тем самым создал ему всемирное имя. Наши идиоты, преследуя Пастернака, предав гласному суду Бродского, сделали их знаменитостями на пяти континентах. Теперь то же самое Тито сделал с Михайловым. Быть ему американским журналистом.

6-го было совещание о костре. Шефы выкопали у костра 12 ямок для эстрады, обещали привезти 7-го, но не привезли.

10 июня. С утра приехал грузовик, привезший доски, столбы, колья для эстрады. Приехали 5 комсомольцев — и немедленно взялись за работу. И воздвигли дивную эстраду на 18 столбах. Се-

¹ «Московское лето» (англ.).

² «Энкаунтер» (англ.).

чишкой. Чтобы развлечь его, я пригласил Утесова и Поляновского — двух одесситов. На это дело ушло 4 часа, и чуть уехал Бест, приехал С. А. Коновалов. Он привез известия об Ахматовой. Поселилась она у Берлина. Завтракала у Vice Chancellor'a. Ее фото и интервью с нею напечатаны в «Times». Коновалов привез отрывок из этого интервью: там она говорит, что в СССР народилась бесстрашная молодежь, что лучших поэтов (напр., Марию Петровых) не печатают, что ей, Ахматовой, пришлось голодать, что никак не понять, по какому принципу, на каком основании Сталин выбирал свои жертвы и т. д.

Меня это интервью *ужаснуло*. Лиде оно по душе. «Ахматова была всегда героична».

Погода прелестная. Разгар лета. В лесу мелькают дети — готовимся к костру. Все еще поет или кричит кукушка.

19 июня. Итак, завтра *Костер*.

Получил из Иерусалима письмо, полное ненависти к деспотизму раввината. Автор письма Рахиль Павловна Марголина прислала мне портрет пожилого Жаботинского, в котором уже нет ни одной черты того Альталены, которого я любил. Тот был легкомысленный, жизнелюбивый, веселый; черный чуб, смеющийся рот. А у этого на лице одно упрямство и тупость фанатика. Но конечно, в историю вошел только *этот* Жаботинский. Марголина выслала мне его *двухтомную* биографию! Странная смесь у меня на письменном столе! Календарь из Японии, портрет Катеньки Андреевой из Кембриджа, стакан для перьев из США, аппарат для сшивания страниц — из Оксфорда, портрет Жаботинского из Иерусалима, статуэтка Дон Кихота из Испании, статуэтка Андерсена — из Дании.

27 июня. Воскресенье. Ясная погода.

Вчера у меня был маленький мозговой криз. Сегодня спозаранку пришел Женя Пастернак и принес сигнальный томик «Библиотеки поэта», на котором крупными буквами начертано:

«БОРИС ПАСТЕРНАК»!!!

он везет этот томик Зинаиде Николаевне в больницу. Это обрадовало меня, как праздник.

Через 5 минут — костер.

Из Лондона—Парижа вернулась Ахматова — в среду. Нужно одеваться к костру.

30 июня. Пришел военный инженер с девочкой Верочкой — и принес фото: мы у дачи Бартнер* — я, Шура, Таня, Володя Богда-

нович и мать этого офицера Федосеева — с длинными косами, которую я впоследствии встречал у Мережковских.

Я как будто вдруг увидал свою молодость.

1 июля. Получил «Москву» с моей статьей о Зощенко. Ужасно изгажена. Вместо карикатуры, которую я послал в редакцию, напечатали мутный портрет «Зощенко за письменным столом». Насилье над авторами доходит до смешного: я послал в «Комсомольскую правду» письмо в редакцию — благодарность участникам ко-стра. В редакции письмо превратили в статейку, назвали ее «Гори, гори ясно» — и *поправили стиль!* Не согласовав со мною*.

2 июля. Сейчас Мих. Ал. Лифшиц, живущий на даче Паустовской, рассказал, что во дворе того дома, где он живет в Москве, он часто встречает чистенького, вежливого старичка, пенсионера, который любит детей. Это бывший исполнитель приговоров, то есть попросту палач. «Получает *очень* хорошую пенсию, отлично одет, вечно улыбается всем».

Вышла в «Москве» моя статья о Зощенко.

Был Кома — подарил мне книгу Выготского, вышедшую с его примечаниями*. Кома же предложил мне подписаться под телеграммой к Микояну о судьбе Бродского. Я с удовольствием подписал — и дал Кома десять рублей на посылку телеграммы. Там сказано, будто Бродский замечательный поэт. Этого я не думаю. Он развязный.

4 июля. Вожусь над Уитменом. Прочитал (как будто впервые) статью Д. Мирского о нем*. Умная статья, но написана только для умных. *Средний* читатель ничего в ней не поймет. Автор силен анализом и говорит о W. W. так, словно читатели знают его назубок. — Получил из Иерусалима поразительную биографию Жаботинского — к сожалению, только второй том...* Книга бешено взволновала меня. Читаю Хескета Пирсона «Extraordinary People»¹. Вышла в «Малыше» моя книжка «Топтыгин и луна». С чудесными рисунками Валентина Андриевича.

23 июля. В «Юности» моя статейка об Ахматовой. Моя статья о Зощенко в «Москве» проходит незамеченной*. Готовлю Уитмена.

Здесь в Доме творчества — Н. М. Чернышевская. Оказывается, она подруга по гимназии жены Зощенко. С ее помощью я составил

¹ «Выдающиеся люди» (англ.).

еще одну бумагу о воскрешении Зощенко. Мы посылаем ее Суслову, с которым Чернышевская в добрых отношениях. К этому делу я привлек Каверина. У Каверина есть статья «Белые пятна» — о Зощенко, Заболоцком и других отверженцах*. Статью эту набирали для «Нового Мира» несколько раз. Теперь он обратился к Поликарпову. Тот сказал: пришлите мне жалобу на «Новый Мир». Это даст возможность «Новому Миру», оправдываясь, изложить все доводы за печатание вашей статьи... Вот каковы чиновничьи фиоритуры. Каверин так и сделал. Теперь он поехал в «Новый Мир» — помочь «Новому Миру» ответить на его жалобу. Здесь Гудзий, Галь, Облонская.

3. Н. Пастернак вернулась из больницы домой — она купила 90 томов стихов Пастернака для раздачи друзьям.

25 июля. Совсем больной — провел плохое утро, но все же написал рецензию о Кони — о двух томах его Собрания сочинений. Приехала Таня и прочитала два прелестных перевода Чивера.

30 июля. Вчера держал корректуру Пастернака — то есть моей вступительной статейки к его госиздатскому томику.

Чтоб размыкать тоску, пошел к пастерначатам — семилетнему Пете и пятилетнему Боре. Оказалось, что на даче Пастернака (под влиянием выхода его книги в «Библиотеке поэта») Литфонд вдруг сделал асфальтовую дорогу — от ворот до самой усадьбы. До сих пор эта дорога была отвратительна: острые камни, песок. А теперь для пастерначат раздолье: мчатся на самокатах, как вихрь, — очень сильные, смелые, ловкие. Когда они — ради показухи — взбираются на ворота, я закрываю глаза — так лихо они действуют своими мускуленками. По моему совету отец устроил им трапедию во дворе — они подтягиваются, потом передвигаются по железной палке вправо и влево: Боря называет это — «делать занавеску».

15 августа. Я написал длинейшее письмо в Иерусалим — воспоминанье о Жаботинском, который дважды был моей судьбой: 1) ввел меня в литературу и 2) устроил мою первую поездку в Англию*.

Впервые в жизни слушаю радио и вижу, что «радио — опиум для народа». В стране с отчаянно плохой экономикой, с системой абсолютного рабства так вкусно подаются отдельные крошечные светлые явления, причем раритеты выдаются за *общие* факты — рабскими именуются все другие режимы за исключением нашего.

Была вчера Люша. Читала «Гэтсби», которого Таня не захотела и слушать.

С таким же правом можно сказать: газета — опиум для народа. Футбол — опиум для народа. А какие песни — всё бодрячки — прикрывающие собою общее уныние. И персонажи — всё бодрячки — «вот, Ив. Пафнutyч, расскажи нам, как вы достигли в своем колхозе таких изумительных успехов...»

Небо свинцовое. Уже целую неделю ни одного клочка синевы. И бешеный ветер. Бывали дождливые летние месяцы и прежде, но таких не бывало. Из окна вижу стог сена — гниющий у меня на глазах. Так гниет весь урожай.

18 августа. Получил из Италии письмо от Исаяи Берлина — сообщает, что итальянские газеты пишут о моем предисловии к стихам Пастернака. Симмонс прислал из Оксфорда вырезку из «Times'a» идиотскую — о том же. Какая-то канадская докторша прислала мне вырезку из канадской газеты — о том же: «Pasternak Poems». Нужно сообщить Евгению Борисовичу.

Был Митя. Веселый, умный, вернулся из Вильнюса. Рассказывал о Калининграде, о Минске. И мимоходом сказал о том, что умерла Фрида. Оказывается, она умерла в тот день, когда меня увезли в больницу, и об этом не проговорился никто из моих посетителей. Фрида — большое сердце, самая лучшая женщина, какую я знал за последние 30 лет. Говорят, Лида сказала над ее могилой чудесную речь*. Говорил Адмони. От моего имени послали венок. Очень осуждают Алекс. Бор. Раскина за то, что он во время болезни Фриды заперся у себя в комнате, ни разу не вышел к ней, не брил, не ел — и не поехал на кладбище... Я не осуждаю его, мне это понятно, и жаль его из-за этого вдвое.

Люша принесла ужасные вести. Состоялся пленум, на котором разнуздались изуверы-черносотенцы. Опять поход на литературу, против «Нового Мира», против Бродского и вообще против всех, кто смеет иметь свое суждение*.

18. Приучаюсь к музыке.

Дивный концерт Рахманинова (3-й лирический концерт).

Дивная энергия чувства — бурный и мятежный фон, и на этом звуковом фоне хрустальный лирический голос — восторженный плач — некоторые куски из чистого золота. И вдруг пауза — и после нее задумчивые, медленные, наивные — медленные — звуки, готовые прерваться, близкие к тишине, почти тишина — ночные, уединенные, шепотные, разговор с самим собою, — и вот день,

рассвет, ярь солнца и страстей, мнимые приманки и ценности жизни, бешеное биение крови, молодость, Jasagung¹, здоровье.

— Надолго ли? Надолго ль все на свете? Была дробь, и вдруг потоки, взрывчатые, отрывистые, переходящие в пляску, праздничные (великолепные, без оглядки, простодушные) звучания, и опять шепот, — но я устал и дальше не слушал, но хрусталь и золото остаются в памяти на весь день.

Ужас — радио. Все передачи «Юности» сплошные мармеладно-сладкие сопли.

Говорил Гагарин, как поп:

«Вам открыты все пути», а если Люша захочет поехать в Голландию, а если я захочу написать, что «Русский лес» Леонова плох — этот путь будет мне закрыт.

В № 326 живет Н. А. Булганин. Он выходит из палаты, гуляет по коридору, отвечает на поклоны, но ни с кем не разговаривает.

22-е августа. Булганин узнал меня, светским образом пожал мою руку: «Что такое?.. Приходите, побеседуем».

24 августа. Вчера в парке — у озера — блаженный день. Подошел ко мне седой Семен Кирсанов, лицо загорелое, глаза живые, но говорит он глухо. Зовет к себе в палату № 666. С нами Стугарев, бровастый инженер-горняк. Интересно рассказывает об Индии (нищета: бездомные люди спят на земле, лежат сплошь на площади, но и здесь расслоения: у одних есть подстилка — это аристократы, у других есть и тряпье вместо одеяла, это магнаты, а у большинства нет ни того, ни другого). Касты в полной силе. Встретил... Вл. Сем. Лебедева и Цейтлина (из «Известий») — стиль у них по-прежнему глумливый, иронический — и в то же время нежный. Лебедев говорит, что русская интеллигенция очень обижена, что Шолохову не дали героя труда!!! Я взвился: разве интеллигенция следит за чинами? за бляхами, которые прицепят тебе на грудь. Какая же это интеллигенция! и т. д.

Была Марианна Петровна.

Сентябрь 15. Дивная погода. Мне лучше. Главное событие: «Театральная повесть» Булгакова — чудо. В 8-й книге «Нового Мира». Ослепительный талант. Есть гоголевские страницы.

¹ Согласие со всем (нем.).

1965

Статейка моя о Пастернаке — напечатанная в «Юности» — вызывает столько неожиданных похвал. От Сергея Боброва, от жены Бонди, от семьи Пастернака слышу необычные приветы по этому поводу. Была группа студентов — выразить благодарность.

21 сентября. Приедет Пузиков из Гослита по поводу моего предисловия к Пастернаку.

21 сентября. День Марии Борисовны. Приехали А. И. Пузиков и К. И. Бонецкий — главы Гослитиздата. И заявили, что, т. к. моя статья напечатана в «Юности» полуторамиллионным тиражом, они не могут печатать ее в качестве предисловия к томику его стихов*. И все потому, что, печатая статью, Полевой, редактор «Юности», не указал, что она появится в Гослитиздате.

Конечно, все это дипломатия. На самом деле они придираются к любой мелочи, лишь бы не печатать моей статейки.

Сегодня у меня будет Солженицын.

Сообщает Би-Би-Си, что Румянцева сняли.

В самом деле: можно ли было ему позволить, перечисляя лучших творцов советской литературы, — не упомянуть ни Грибачева, ни Софронова, ни Кочетова?! И где? В «Правде».

Сейчас ушел от меня Солженицын — борода, щеки розовые, ростом как будто выше. Весь в смятении. Дело в том, что он имел глупость взять в «Новом Мире» свой незаконченный роман — в 3-х экземплярах и повез этот роман в чемодане к приятелю. Приятель антропософ. Ночью нагрянули к нему архангелы. Искали якобы теософские книги; а потом: «Что это там у вас в чемодане? белье?» — и роман погиб*.

Враги клеветают на него: распространяют о нем слухи, будто он власовец, изменил родине, не был в боях, был в плену. Мечта его переехать в ученый городок Огнинск [Обнинск. — Е. Ч.] из Рязани, где жена его нашла место, но сейчас ее с этого места прогнали. Он бесприютен, растерян, ждет каких-то грозных событий — ждет, что его куда-то вызовут, готов даже к тюрьме.

Сегодня в «Правде» напечатано письмо инженера С. Иванова, жалующегося, что он нигде не может достать моих сказок, причем эти сказки называются всякими лестными прозвищами.

25 сентября. Вчера милая Марианна Петровна. Очень усталая. Отдохнула.

Писал *полдня* крохотное поздравление Кассию по случаю его 60-летия.

Сегодня у меня японцы, изучающие русский язык — привезет их Гатов от Инкомиссии Союза Писателей.

1965

Были вчера Митя и Аня. Митя очень забавно рассказывал солдатские свои приключения — он отбывает воинскую повинность в театре Красной Армии. Аня преподает французский язык.

Сочиняю письмо Демичеву.

27 сентября. Вчера были у меня в гостях «сердечники» из кардиологического санатория — человек 50, не меньше. Погода божественная. Я демонстрировал льва, заставлял их состязаться в стрельбе в тир, рассказал им историю нашей библиотеки — у всех у них лица милые, оживленные, и был среди них мальчуган, Александр *Милоресдович* Петров, победивший всех состязающихся. Сегодня написал письмо Демичеву*.

28. Клара поехала отвезти мое письмо в ЦК. В час дня приехал Солженицын с вещами и женой. Завтра утром он поселится у меня в Колиной комнате.

29 сентября, среда. Поселился у меня Солженицын. Из разговора выяснилось, что он глубоко поглощен своей темой и не слишком интересуется, напр., Пушкиным, Леонидом Андреевым, Квитко. Я читал ему любимые стихи. Ему они никак не понравились. Зато о лагере может говорить без конца.

Гулял с ним по лесу.

Глеб Струве разыскал где-то мои послания к Зине Шкловской, написанные в 1902 и 1903 годах, и тиснул их в своем журнале* — хотя они литературно беспомощны и очень глупы.

30 сентября. Поразительную поэму о русском наступлении на Германию прочитал А. И. — и поразительно прочитал. Словно я сам был в этом потоке озверелых людей. Читал он 50 минут. Стихийная вещь, — огромная мощь таланта.

Он написал поэму 15 лет назад. Буйный водопад слов — бешеный напор речи — вначале, — а кончается тихой идиллией: изнасилованием немецкой девушки.

Был Борис Заходер. Привез Винни Пуха. Чудесный цикл его стихов в «Юности». Но издателя для них нет. Замышляет перевести «Алису в волшебной стране».

2 октября. Вчера была милая Столярова, привезшая мне подарки от Вадима Андреева. Она оказалась секретарем Эренбурга.

1965

Солженицын хорошо знаком с ней — и мы провели отличный вечер (вчетвером: приехала Люшенька). Столярова сообщила, что Синявский признался, что он один из «Абрамов Терцов». Она видела в Париже старых эмигрантов: вымирающее племя — 30 инвалидов из богадельни — в том числе Г. Адамович, Одоевцева.

3 октября. Вчера разбирали с Люшей Чукоккалу, которую она знает гораздо лучше, чем я. Очень весело было работать вместе.

Солженицын вчера уехал в Москву. Может быть, приедет сегодня, а может быть, в четверг. Я ближе присмотрелся к нему. Его, в сущности, интересует только одна тема — та, что в «Случае на станции» и в «Иване Денисовиче». Все остальное для него, как в тумане. Он не интересуется литературой как литературой, он видит в ней только средство протеста против вражьих сил. Вообще он целеустремлен и не глядит по сторонам.

4 октября 1965. В 16.00 час. прибыл в Барвиху, привезя 14 страниц статьи о набоковском «Пушкине». Погода дивная. По дороге встретил академика Цицина с женой. Интересно узнать, здесь ли Солдатовы?

Солдатовы здесь!!!

5 октября. Гнусная бессонница. Горчичники. 3 порции димедрола... С милым Солдатовым сошел к озеру — и вдруг головокружение. Вернулись — и Солдатовы сообщили мне потрясающую новость: Мария Игнатьевна Будберг зашла в какой-то магазин и сунула в свою сумку товару на десятки фунтов, а в кассу внесла лишь самую ничтожную сумму. «Очевидно, была пьяна», — говорит Руфина Борисовна. На суде она держалась развязно. Говорила: в тот день я украла кое-какие вещички еще и в другом магазине.

В газетах было сказано, что Будберг уроженка России.

Как удивились бы, узнав об этом, Горький и Уэллс — ее имени-тые lovers¹.

Несмотря на головную боль, написал одну страницу «Набокова».

Солдатовы, с которыми я сейчас гулял в парке, сказали, что приезд Ахматовой в Оксфорд был почти незаметен.

8 октября. Рассказывают Солдатовы, что Ахматова заявила им, что не любит Чехова, так как он был антисемит, из всех писателей выше всех ставит Достоевского.

¹ любовники (англ.).

Познакомился с президентом Латышской Академии*.

1965

Его жена, русская, Конкордия Николаевна рассказывает, что она пришла «записаться» с мужем в Загс, тамошняя служащая сказала ей: «Ой, не ходи, девушка, замуж за латыша. Латыши упрямые и злые мужья».

— Откуда вы знаете?

— Я сама замужем за латышом.

14. Уехали Солдатовы. Здесь Ив. Ив. Анисимов и Ажаев с женой. Больше я не знаю ни одного человека. Чуть-чуть простудился. Правлю «Доктора Айболита» для нового издания. Есть абсолютно бездарные страницы.

Добрый Ажаев принес мне адрес работника ЦК, ведающего поездками за границу, Альберт Андреевич Беляев. Он рассказывал вчера о том, что на каторге он был вместе с Заболоцким.

Сейчас примусь за комментарии к «Чукоккале».

Среда 28. Сегодня среда: Мортониха и Столярова. Пробую писать комментарии к Чукоккале. А Набоков? А подготовка 4-го тома.

Вчера мы гуляли: я, Ажаев, Щипачев и Храпченко. Храпченко рассказывал случаи, когда автор, не знающий языков, пишет солидные научные труды руками подчиненных ему специалистов (Щербина). Покойный Александров-академик прибег к такому способу: призвал к себе молодого человека, талантливое, и сказал ему: звонили из ГПУ, спрашивали о вас, вообще вам грозит катастрофа: единственное для вас спасение — написать книгу в честь сталинских статей по лингвистике. Тот в панике пишет, Александров запугивает его вновь и вновь и получает книгу в 20 листов, на которой Александров ставит свое имя.

А Баскакова книга — о Чернышевском — вся невежественная, подло лживая, доносительная, — несмотря на критику Жданова и др. — получила в ВАКе высокую оценку и автору была присуждена степень доктора. Степень эту отняли у него лишь теперь, когда оказалось, что он проворовался. Ни одному автору нельзя дать свою книгу на рецензию — рецензент сопрет и выдаст за свое.

5 ноября 1965. Пришла Клара. С нею Митя и Люша. Я дико обрадовался. Кларочка обняла меня сзади и вдруг, покуда я болтал чепуху, сказала: Вчера днем умер Николай Корнеевич.

Мне эти слова показались невероятными, словно на чужом языке. Оказывается, Коля, который был у меня три дня назад, вполне уравновешенный, спокойный, прошелся со мною над озером, — вчера после обеда уснул и не проснулся. Тихо умер без страданий. Марина — в трансе — вошла, увидела мертвого Колю и пошла на кухню домыывать посуду.

Потом пришла Облонская, мы редактировали Уолта Уитмена, и это меня спасло. Весь день мы работали над «Листьями травы» — она умница, работяга, и я держу себя в тисках. Очень хорошо отнеслись ко мне Щипачевы и Ажаевы. И вдруг ночью приехал Андроников, и Люша привезла его, и он посидел у меня час. Я был отвлечен и увидел, что самая страшная БОЛЬ не дает мне показывать ее наружу. Коленька! С той минуты, как Мария Борисовна в 1905 году показала его большеголового мне в Одессе под олеандрами, я так привык, что у него, а не у меня будущее.

Кларочка делает все, чтобы облегчить мою муку. Получил портреты от Сингера.

Прости меня, Колечка, не думал я тебя пережить. В голову не приходило, что я буду видеть облака, деревья, клумбы, книги, когда все это для тебя тлен и прах.

8 ноября. Вчера Лидочка приехала из Комарова. Была у меня. Чувствует себя бодрее, чем в Переделкине. Статья Солженицына в защиту языка — против Виноградова*. Обсуждаем проект устроить его в Москве. Думаю о Коле непрерывно. Он написал рассказ, который сейчас не для печати. Он оставил около 700 страниц «Воспоминаний», вчера Марина читала о Стениче его записи — превосходны. У Марины на руках столько живья (или живности) — ждет внука от Митиной Ани, Женины малыши, Татины малыши — она найдет, куда приложить свое сердце. Я вновь как будто возвращаюсь к писательству. Сегодня утром оделся — одевался часа полтора — и вышел на снег, на мороз — прекрасная погода, со мной Михаил Борисович Храпченко, рассказывает о тех временах, когда он был министром культуры.

13 ноября. Мороз 12°. Говорил с Пузиковым. Действительно напечатают с моей статьей, но с прибавлением статьи Банникова, коему и предложено найти «сложность и противоречивость» пути Бориса Пастернака*.

15 ноября. Так развинтилось мое сердце, что меня сегодня перевезли в Кунцевскую больницу. Зоя Семеновна отметила увеличение одышки, опухание ног и т. д. Я в 515 палате больницы.

Здесь Исаковский, Вл. Сем. Лебедев, Паустовский.

1965

Прошу убрать ящик TV, чтобы расположить книги.

Но вот мертвый час — а тишины никакой. Звук посуды, мужские, дамские всячины. И как нарочно мой номер — против такого уютного холла. Боюсь лечь в постель. Бахнула дверь.

Был у Исаковского. Лежит, угрюмый, с перевязанной рукой. Написал бездну стихов.

Оттуда — вместе с Лебедевым — к Паустовскому. При Паустовском — сестра («пост»). Он все еще не может очнуться от Италии. Говорит, что в тамошних газетах пронесся слух, что он, Паустовский, будет выдвинут на Нобелевскую премию. Его бешено фотографировали для газет. Сейчас он еле говорит, но куда здоровее Исаковского.

Палата № 515 — очень шумная. Я заявил ультиматум: если не переведут меня в тихую комнату 500, я еду домой.

23. Вчера. Были две аристократки: графиня Людмила Толстая и баронесса Будберг (Мура). Заговорили о Солженицыне. Людмила: «С удовольствием отдам ему комнату Алеши — одну из пяти комнат в моей квартире». Говорят, он был у Капицы — и произвел на них чарующее впечатление.

Была Люша, и мы чудесно поработали с ней над Чукоккалой. Она привезла сотни фото. Знает материал идеально. И вообще, мне с нею очень хорошо.

27. Приезжали двое из радио: записали мое о Луначарском. Стал набрасывать для Чукоккалы о Гумилеве: бездарно и неумолимо.

Каждый вечер посещаю Паустовского: он в палате № 299.

28 ноября 65. Выползаю из-под Гумилева. Прочитал рассказ Солженицына. Ну и мастерище. «Правая кисть».

Опять о бесчеловечьи человеческом.

Паустовский выразил желание подписать петицию о Солженицыне. Мы были у него с Люшей. Прежде чем пойти к нему, произошла заминка. Он послал узнать, кто звонил. Его испугало, что вдруг — Чаковский.

«Впрочем, — прибавил он, — в Италии он вполне знаменит, там его называли Чайковский».

Читаю Агату Кристи — «At Bertram's Hotel»¹.

Очень неуклюжее склерозное произведение.

Вчера Паустовский был в духе — и рассказывал мне и Вл. С. Лебедеву о Булгакове, который изобрел целую серию рассказов о своей мнимой дружбе со Сталиным. Новеллы очень

¹ «В отеле Бертрама».

Вчера написал большое письмо Солженицыну. Мы собираем подписи: уже есть подпись С. Смирнова, Капицы, Шостаковича, моя, Паустовского. Интересно: даст ли свою подпись Твардовский*.

4 декабря. Жена Евреинова*, пухленькая старуха — боевая, бодрячка. «На мне хотел жениться Сергей Маковский... Один чилийский дипломат... А Юрий Анненков — кормится не своей живописью, а работой своей жены. Та работает на фабрике Мульти. А Бутковскую я выгнала в шею — и другую даму Евреинова, Молчанову. Мы с Николаем 1 1/2 года прожили в США. Самые его пьесы — в Латинской Америке — имеют бешеный успех» и т. д.

Был В. С. Лебедев — он буквально спасает моего «Поэта и палача». Очень дельные замечания.

6 декабря. Я заснул *без снотворного впервые*. Встал со свежей головой, стал мудрить над тем, чтобы ради цензуры исковеркать свою статью «Поэт и палач».

Карьерий Поллюцианович Вазелинский.

Паустовский рассказывает, как в Союзе Писателей Вазелинский подошел к нему (после своего выступления против Пастернака) и Паустовский сказал ему:

— Я не могу подать вам руку.

Вазелинский прислал Паустовскому письмо на машинке: «вы нанесли мне тяжкое оскорбление» и т. д., а пером приписал:

«Может быть, вы и правы».

Ночь на 15 декабря. Были: Люша, Волкова и Зильберштейн.

Зильберштейн чудо. Сейчас он задумал том «Русская сатира XX в.», сообразив, что главные материалы — в Париже: Тэффи, Аверченко, Саша Черный. «Это будет томик — во! И вы, К. И., черкнете мне о Тэффи — предисловие. Мы их всех оживим!» Большой, сильно постарелый — но «я почти закончил 50 листов книги об Ал. Бенуа. Я с ним был в переписке последние пять лет».

27/XII. Был Митя — высказывает ряд литературных суждений, очень умно, самобытно, с необыкновенной пронизательностью. Я любовался и им, и его остроумием. И когда он успел так чудесно поумнеть и расцвести душой!

Все говорят о деле Синявского*, во всех лит. учреждениях выносят ему порицание по воле начальства, хотя никто из осуждающих не видел его криминальных произведений.

28. Был милый Расул Гамзатов, с двумя друзьями. Завтра он едет на Кубу. Пришел навестить.

Вспоминаю Сергеева-Ценского. Он был из тех армейских остряков, которые говорят *Досвишвеция* вместо *досвидания*, ухажуя, ухажу я, и т. д. Зубы крепкие, волосы черные густые, здоровяк. Зарабатывал много, но тратил на себя очень мало: ходил в дрянном пальто с толкучего рынка, в стоптанных башмаках. Все заработки шли у него на путешествия по России. Получит гонорар из «Современного мира» — тысячи полторы — и сейчас же закатится либо в Сибирь, либо в «Западный край», либо в Донецкий бассейн изучать быт шахтеров. Изучение быта той или другой русской местности он ставил себе в обязанность, но не для того, чтобы написать *бытовой* рассказ. Нет, быт был нужен ему как материал для Символической лирики — для целых симфоний о том, что все в мире тленно и призрачно. Читал он свои вещи отлично; читал у меня Репину «Движения», и все мы удивлялись, откуда столько поэзии у этого незамысловатого прапорщика. Он был холостяк, бобыль, неделями жил у меня в Куоккале или где-нибудь в дешевых номерах. Влюбился в Марию Карловну Куприну и для завоевания ее сердца постоянно доказывал ей, что он, Ценский, пишет лучше Куприна. Тут проявлялась отталкивающая черта его личности: самовлюбленность, уверенность в том, что он — гениальный писатель. Когда началась революция, он не признал ее, поселился на горе в Алуште, женился, обзавелся короной — и ни разу не сошел вниз — и слал мне укоризненные письма, зачем я «продался большевикам». А потом переменял вежи, стал кропать бездарные романищи и сделался любимым писателем Сталина. Оглох.

Как и все самовлюбленные, был гомерически скуп. В последнее время мог говорить только о себе. Но я, знавший его в лучшую пору его творчества, в пору «Медвежонка», «Наклонной Елены», «Печали полей», «Лесной топи», — сохранил любовные чувства к *тому* С. Ценскому, не похожему на автора «Севастопольской эстрады».

29 декабря. Я вырвался из этой подлой тюрьмы. Температура у меня 37, но какое счастье проплестись на трясущихся ногах к машине и очутиться в глубоких снегах Переделкина.

Поздравлений с Новым Годом я получил около сотни — от Солженицына, от Паперного, от протоиерея Пимена.

1965

Послал Оксману, Ахматовой, Гитовичу, Лили Брик. Кларочка уехала в Питер, вместо нее Наташа Белинкова.

31 декабря. Близится Новый Год. 11 часов. Я не сплю: у меня огромное горе. Пропали 2–3 страницы моей статейки о Гумилеве, которые я выжимал из своих больных мозгов в больнице. Ищу их полтора часа и не могу найти. Вновь написать их я не в силах. Телеграммы и поздравления сыплются, как с потолка. Я отдал бы их все за один листок своей рукописи.

6 января. Был Иосиф Бродский. Производит впечатление очень самоуверенного и даже самодовольного человека, пишущего сумбурные, но не бездарные стихи. Меня за мои хлопоты о нем он не поблагодарил. Его любовь к английской поэзии напускная, ибо язык он знает еле-еле. Но человек он в общем приятный. Говорит очень почтительно об Анне Ахматовой.

Кларочка нашла листок моей рукописи о Гумилеве. И вообще: все, что она делает для меня, полно неподдельной любви.

15 января. Софья Николаева из «Искусства». О Репине. Перед нею молодой интервьюер. После нее тотчас же: Петр Леонидович Капица с В. М. Ходасевич и женою — по поводу Солженицына. Настаивает, чтобы я написал Брежневу. Очень милый, сильно постаревший, подарил мне книжку, где есть отличная статья о Резерфорде. После Капицы тотчас же Бонди со Стефанчук. Ужи-нали, вспоминали Сологуба.

18.I. Были у меня лингвисты. Я показывал им начало Чукоккалы. В. Г. Костомаров попросил у меня сделать надпись на книге «Высокое искусство» — под портретом, снятым Вл. С. Лебедевым. И вдруг Таня Винокур сказала: три дня назад Лебедев умер.

Умер? Лебедев?! Я чуть не заплакал. Мы видались в больнице почти ежедневно. И какие планы строил он — хотел писать записки о Сталине, о Хрущеве — и хотя был очень слаб, мне и в голову не приходило, что я переживу его.

1 февраля. Юля Ратнер — химик. Сын Миша. О Жаботинском. Читаю Катаева «Золотой колодец»* — в восторге.

Вчера умерла Анна Ахматова.

Сегодня 5 марта. Умерла от пятого инфаркта в Домодедове. От Лиды скрывают: Лида только что перенесла припадок арит-

1966

мии, зверский. Боюсь, как бы она не сорвалась с места и не уехала в Ленинград на похороны. С Ахматовой я был знаком с 1912 г. — стоит передо мною тоненькая, кокетливая, горбоносая девушка, в которую я больше верю, чем в эту рыхлую, распухшую, с болезненным лицом старуху. Наши слабые устроили *тайный* вынос ее тела: ни в одной газете не сообщали ни звука о ее похоронах. Поэтому в Союзе собралась случайная кучка: Евтушенко, Вознесенский, Ардов, Марина, Таня, Тарковский и др. Тарковский сказал:

— Жизнь для нее кончилась. Наступило бессмертие.

9 марта 1966. Я послал в Союз телеграмму:

Изумительно не то, что она умерла, а то, что она так долго могла жить после всех испытаний — светлая, величавая, гордая. Нужно теперь же начать составление ее монументальной биографии. Это будет поучительная книга.

Оказывается, в Союзе Писателей 9-го было собрание писателей. Горячо протестовали против подлого молчания о выносе тела Ахматовой. Это сделали по распоряжению ЦК, даже на стенке не вывесили объявления. Думали, что дело сойдет шито-крыто. Но на собрании в Союзе самые тихони с негодованием кричали: «позор». Михалков, произнесший знаменитую фразу: — Слава богу, что у нас есть ГПУ! — был обруган единогласно.

Особенно отличалась Тамара Иванова.

25 марта. Я уже 10-й день в больнице — в Инфекционном корпусе, бокс № 93.

Приехал сюда с нормальной t° , а сейчас у меня 37,5. Душевные муки я испытываю страшные. Сейчас, держа корректуру III тома, прочитал свою статью о Бичер-Стоу. Позор, банальщина, сюсюкание, фальшь. Если бы мне, когда я был молод и бился за новые формы критических статей, показали эту статейку, написанную в сталинские дни для Детгиза (а Детгиз отверг ее, так как тогда боролись с «чуковщиной»), — если бы мне показали эту дряблую, бескровную статейку, я бы заплакал от горя. Всю жизнь я отдал на то, чтобы таких ханжеских гладеньких статей не существовало на свете — и вот в «Собрании моих сочинений» как образец читателям преподносится эта затхлая статья, в которой нет ни искры чуковщины.

И еще моя книжка «Высокое искусство» не может быть поставлена в III томе *рядом* с книжкой «Живой как жизнь». Одна убивает другую. Что делать? Зачем я разрешил комбинировать этот том, даже не вдумавшись в его конструкцию?

Кларочка на себе принесла 30 экземпляров стихов Б. Пастернака с моим жидковатым предисловием. Предисловие правлено кем-то, и в него введено даже ненавистное мне слово «показ». Так как я отказался порицать (в своей статье) Пастернака за его мнимые ошибки, за это взялся пьяница Банников, обожающий Пастернака гораздо больше, чем я. Он написал несколько хороших страниц — но потом все же ругнул «Доктора Живаго», упомянул о порочных идейных позициях Пастернака, о его «отгороженности и обособленности». Если бы это было пороком, мы не славили Генри Торо.

И чуть он, Банников, стал брехуном, ему изменил даже стиль. Он пишет:

«Заблуждения и ошибки Пастернака» (359) (как будто заблуждения и ошибки не синонимы), В «умах и (?) душах» (338), «морально этические» (357)*.

К письму (к Косолапову) нужно прибавить:

Пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, как горько мне выносить цензурный гнет над моим «Собранием». Вырезали из моей статьи «Тынянов» несколько строк о Юлиане Григорьевиче Оксмане, в то время как это имя свободно печатается во многих изданиях. И сейчас почему в мой третий том не вводят мою живую статью о Джеке Лондоне? Разве Джек Лондон тоже табу, как и Оксман? Я думал, что, приобретая сочинения Чуковского, Вы знали, что такое Чуковский.

1-ое апреля. День рождения, 84 года.

Солнце!! Птицы криком кричат за окном. Корректурa III тома.

Подлая речь Шолохова — в ответ на наше ходатайство взять на поруки Синявского* так взволновала меня, что я, приняв утроенную порцию снотворного, не мог заснуть. И зачем Люша прочитала мне эту речь? Черная сотня сплотилась и выработала программу избиения и удушения интеллигенции. Я представил себе, что после этой речи жизнь Синявского станет на каторге еще тяжелее.

3-е апреля. Пишу с трудом о Сологубе.

Весь день с Люшей работали над «Чукоккалой». С Люшей необыкновенно приятно работать, она так организованна, так четко отделяет плохое от хорошего, так литературна, что, если бы я не был болен, я видел бы в работе с нею одно удовольствие. Кончил корректуру «От двух до пяти».

12 апреля. Пробую писать для Чукоккалы — о Сологубе; трудная тема. Вообще — по теперешним временам Чукоккала — сплош-

1966

ная нелегалыщина. Она воскрешает Евреинова, Сологуба, Гумилева, Анненкова, Вячеслава Иванова и других замечательных людей, которых начальство предпочитает замалчивать. Что делать?

18 апреля. Сегодня в Доме Литераторов поминки по Коле. А я здесь. Весь день не нахожу себе места. Ничего не могу делать. Вечером пришел какой-то довольно дубовый мужчина, и я вел себя с ним так нервно, так истерично, что мне сейчас стыдно, но это оттого, что я всей душой там, в Доме Литераторов — и на кладбище. Говорят, что сегодня должны выступать Лев Успенский, Миша Слонимский, что в Доме Литераторов устроена выставка его произведений, что выступает Герой Сов. Союза, которого Коля вывел в «Балтийском небе»*, а мне все время рисуется круглоголовый мальчишка 7—8 лет, который в Куоккале бегаёт по камням дачи Бартнер у взморья и сам себе рассказывает фантастические рассказы или, входя в воду, говорит:

— Папа, купи зай — ...ой какая вода холодная! — ца.

И не верится, что именно сейчас [он] лежит в гробу под землей и весенние ручьи протекают к нему, к его черепу! А сегодня начали петь соловьи, и это такое проклятье.

19. Были Марина, Успенский и Слонимский. Марина как будто немного ожила, сбросила с себя тоску.

Вечер, посвященный Коле, ей понравился. Хорошо говорили Слонимский, Успенский, Штейн, Каверин. Сорвался Бек — понес какую-то несурязицу.

26 мая. Два дня тому назад прибыла моя правнучка «Марина Дмитриевна» — четырех месяцев, окруженная всеми современными англо-американскими снарядами, изобретенными для раннего детства.

Вчера Аня очень профессионально, умно и талантливо проделывала над четырехмесячной дочкой разные физкультурные танинства.

19 июля. Вчера был Солженицын с женой. Я только что прочитал его «Раковый корпус». Он боится, что «высшие власти», раздобыв его худшие пьесы, не даром напечатали их для внутреннего распространения. Хотят, чтобы с пьесами познакомились члены правительства и вынесли бы ему свой приговор. Очень хвалит мою книжку «От Чехова до наших дней» (?), Катаева еще не прочел. «Раковый корпус» в «Новом Мире». Надеются напеча-

тать. Твардовский одобрил, но запил — третий запой за нынешнее лето. Он предлагает заглавие «От четверга до среды». Похоже, что Солженицын никакими другими темами не интересуется, кроме тех, которым посвящены его писания.

Спросил его жену: есть ли у них деньги. Говорит, есть. Даже валюта. Она получает 300 р. в месяц (как химик). Кроме того, А. И. говорит: богатство не в том, чтобы много зарабатывать, а в том, чтобы мало тратить. «Говорю ему: тебе нужны ботинки. А он: еще не прошло 10 лет, как я купил эти».

Работаю над вступлением к Ахматовой (ленинградский сборник стихов).

Вышел 3-й том моих «Сочинений». Опечаток тьма.

Пишу об Ахматовой, правлю Колин перевод Конан Дойла, редактирую Библию, кончаю Чехова.

20 июля. Володя Швейцер был. Написал книжку, где есть и обо мне, но книжка куда-то исчезла — и я не знаю (и вряд ли хочу знать), что написано в ней.

Милая Маринка-младенец, чуть у нее прибавилось немного ума, перестала по-толстовски исповедовать непротивление злу. Прежде, бывало, отнимешь у нее игрушку, она хватает другую, мирно и даже смиренно. Как ни положишь ее, она счастлива. Казалось, — воплощенная флегма. Теперь, чуть что не по ней, орет вовсю. Ест и кисель и суп — в огромных количествах. И бесконечно мила. Каждую свободную минуту я стараюсь сидеть у ее колыбели. Теперь у нее одно стремление: сесть. Ей надоело лежать. Я кладу палку поперек ее коляски, она хватается за нее и садится — и все было бы хорошо, но она сейчас стремится прильнуть к этой палке губами — приходится валить ее на спину, из-за своего прекрасного характера она не обижается, не плачет, но тянется к палке снова.

С Солженицыным снова беда. Твардовский, который до запыя принял для «Нового Мира» его «Раковый корпус», — после запыя отверг его самым решительным образом.

23 июля. Был вчера Андроников. Он только что закончил вторую серию грампластинок — от Бунина до Светлова. Есть и Леонид Андреев.

Бодр. Мчится в Москву, чтобы в журнале «Театр» рассказать о том, как он создает свои устные рассказы. О Чукоккале отзывается восторженно, но его не удовлетворяет ни начало, ни конец.

Сегодня утром (в субботу) звонил Паустовский. Он придет с Кодрянскими ко мне в понедельник в

4 часа.

Были Таня и Люда. Работали над «Библией» 4 часа подряд.

Танина мать Иву написала мемуары о своем муже Максиме Максимовиче Литвинове. Кажется, их примет «Новый Мир». Прочитав свою рукопись, Иву сказала: только теперь я поняла, какая брехня все мемуары.

Внизу: Марина Яг.¹ лепечет бессвязные монологи — почему-то это радует меня. Между тем не мешало бы помнить, что мы с нею два сообщающихся сосуда: что приобретает она, то теряю такими же темпами я.

1 августа. 66. Вчера были Ан. Вознесенский и З. Богуславская. Она пишет рассказы, он стал заниматься живописью и пишет акварельные портреты. Очень осуждает Евтушенко за его письмо к Стейнбеку*.

3 августа. Клара в Комарове. Вместо нее Володя Глоцер — чудный человек. Мы с ним быстро прикончили «Библию». Редактирую «Мастерство перевода» — сборник.

6 августа. Суббота. Был Фишер (Джорджик), он же Юрий Львович. Придя, тотчас же снял ботинки, стал жить у меня босиком. Рассказывал о своей статистической книге, о том, что он решил больше никогда не изменять жене, что он возненавидел «американский образ жизни».

Я держу корректуру Уитмена. Обратился к нему за советом, но и он не мог объяснить мне темное место уитменских стихов.

Вчера Катаевы увидели Маринку в коляске и стали восхищаться ею — она и вправду прелестна — и вдруг Валентин Петрович сказал:

— Вылитый Хрущев.

Я глянул — и правда: есть что-то похожее, как это ни дико.

С тех пор я не писал дневника, т. к. дневники пишутся для себя, а не для посторонних. Но хочется писать по инерции. Между тем уже декабрь. 15 декабря. Прочитал в «Новом Мире» статью о «Первом Съезде писателей». Помню тоску, которую вызвал во мне этот Съезд: все, что есть ценного в послесъездовской литературе, ценно потому, что оно осуществилось *вопреки* заветам Съезда.

Героически трудится Клара над реставрацией библиотеки: красит скамейки, расставляет игрушки.

¹ младшая (англ.).

17 декабря, воскресенье. Сегодня трудный _____ **1966**
день: я пригласил Галича спеть свои песни, — в сущности, для Лены, Майи и других teen-agers¹. Надеялся, что хозяйничать будет Марина, но Марина занята: *сегодня приезжает Митя*.

21. Был милый Митя — только что после 2-месячной военной подготовки в Курске. Талантливо говорит обо всех приключениях, о казарменных порядках, о курянах, о медичках, о проститутках, обслуживавших гитлеровских солдат, о двух Маринах.

Был Ал. Галич, — весь день сочинявший стихи, — прочитал стихи среднего качества. Мите он очень понравился. И действительно, он очень большой человек. Научился он мещанскому нынешнему языку — в больницах, т. к. ему подолгу пришлось валяться в общих палатах.

Кончаю для Чукоккалы — про Мандельштама.

¹ тинейджер (подросток) (англ.).

6 января. Сегодня в Библиотеке — елка.
Я послал туда книги, конфеты, игрушки.

Эрику
В Америку
Шлю я каблограмму!
Приветствуя Америку
И Эрикину маму.
Чтоб счастливым рос и рос
Эрик Эремия Росс*.

14 января. Был Кирилл Титмарш, бегал на лыжах, зашел погреться. Читаю старый отчет о заседании в Союзе Писателей по поводу Пастернака*. Особенно подлы речи Перцова и Корнелия Зелинского. Вчера на полчаса приезжала Лида, рассказывала о Пуниных, разбазаривших наследие Ахматовой*.

15 января. Я дал «Царя Пузана» Галичу — приспособить мою пьесу для сцены.

25 января. Еще вчера пришел «New-Yorker» с моим письмом по поводу Miriam Morton, номер от 21 янв. Что-то не очень нравится мне это письмо. Что-то есть в нем мутное — то есть не в письме, а в моей позиции к Mrs. Morton. Она приехала в Переделкино с открытой душой, написала обо мне очень хорошие строки (в Horn Book), потратила немало труда, чтобы перевести мою книгу; увидев эту книгу, я под первым впечатлением написал ей приветливое письмо о книге — и лишь во втором письме указал на чудовищные ошибки в переводе «Тараканища» — и на другие промахи, после чего она приезжает в СССР снова, чтобы написать историю «Детской Советской Литературы». Я помогаю ей раздобыть право на ежедневное посещение Дома детской книги, но при этом сообщаю ей, что в «Высоком искусстве» я напечатал «Записки по-

страдавшего» — протест против ее перевода «Тараканища». Больше я ее не видел, и боюсь, что она вздумает отвечать, и мне придется дать в переводе отрывок из моих «Записок пострадавшего».

1967

1 февраля. Вчера приезжала Люша. Сообщила ужасную вещь. Ее институт химии, недавно построенный, один из лучших институтов СССР, — сгорел из-за того, что одна из мелких служащих оставила включенную плитку. Вначале пожар был ничтожный. Но вызвали пожарных, и те выбили стекла. Ворвался ветер и раздул пламя.

И Люша, и все сотрудники работали весь день, иные всю ночь — все потрясены. В институте около 1000 служащих. Мороз страшный.

3 января [февраля]. Мороз — ужасный! ниже 34°. У Кларочки «замерзли все внутренности», по ее словам. Митя еще не нашел своего призвания в жизни и, по словам Марины, очень терзается этим. В «Новом Мире» в 12-й книжке большая хвалебная рецензия о Лидиной книге «Былое и думы»!!!

8. Вожусь с V-м томом. Очень скучные статьи, в которых нет меня. На всех отпечаток той скуки, к которой вынуждала нас эпоха культа. Помню тоску, с которой я писал эти статьи — без улыбки.

Была Марианна Петровна — мы слушали с нею речь, произнесенную в Лондоне Косыгиным. Не талантливая, узколобая речь. И бестактная. На обеде — промышленников — говорит о том, что все они политики и что мы перегоним Америку!!

Сегодня приехал Мирон*. Мы работали с ним над «Поэтом и палачом», портя всю статью, чтобы приспособить ее к цензурным требованиям.

Кончил Чехова как будто окончательно. Впрочем, хочется еще раз поглядеть перед печатью.

21 февраля. День Марии Борисовны. Ровно 12 лет со дня ее смерти. Был у меня по этому случаю Митя — и вечером Лидочка. Она привезла мне в подарок чудесное стихотворение Ахматовой, очевидно, обращенное к Исае Берлину:

Ты напрасно мне под ноги мечешь.

Несмотря на тяжкую болезнь, Лида очень много работает: и над изданием ахматовского сборника, и над составлением Анто-

1967

логии детских стихов, и над дневниками Фриды. Вид у Лиды неплохой. Была дочь Риты Райт.

3 марта. Вчера говорил по радио — приветствие женщинам 8 марта. Гостит у меня Машенька Слоним — уютная, трижды родная, простая, талантливая.

Оказывается, «Times Literary Supplement» пишет о Лиде, что ее повесть есть classic of purge¹, сравнивает повесть с «Ив. Денисовичем» и с «Реквиемом».

По 1 янв. 1967

Книжная Палата сообщила мне официальную справку:

За время революции мои книги издавались 715 раз. Общим тиражом 82 миллиона на 64 языках.

На русском языке 457 раз общим тиражом 76 миллионов. В 1966 — 15 раз общим тиражом 2 мил. 48 тысяч.

Сижу и порчу «Поэта и палача».

5 марта. Неожиданно: Таня. Письмо о Тепляковых — хлопотом, чтобы перевели их в Москву.

14 марта. Таня. Какая-то матовая, словно пеплом посыпанная. Без сумасшедшинки. Я показал ей «Поэта и палача», которого я переделываю — она помогла мне в композиции. Написал письмо одному американцу, который предлагает мне, что переведет мои сказки. Мы написали «They are untranslatable»². Читала мне стенограмму одного судебного процесса, где юношу, чистого душой, прямо исповедующего свои убеждения, после замечательной речи адвоката, доказавшего его невиновность, — приговорили к трем годам каторги. Фамилия юноши, кажется, Хаустов.

Вожусь с комментариями к Некрасову в Библиотеке поэта. С изумлением увидел, что мои комментарии к поэме-сатире «Современникам» почти целиком переписал Теплинский и выдал за свои.

15-го марта. Была вчера Лидочка. Сегодня записка от нее, что снова вышла книга Пастернака с моим предисловием.

18 марта. Была вчера Ясиновская. Вела себя корректно и смиренно.

¹ классика периода чисток (англ.).

² «Они непереводаемы» (англ.).

Все вожусь с «Поэтом и палачом», порчу свой текст напрапую.

1967

21 марта. День Марии Борисовны. Солнце, капель, все еще не кончил переработку «Поэта и палача».

Вышла книга Фриды Вигдоровой — с чудесным послесловием Лиды*.

Разглядывая свои последние фото, я понял, что я действительно безобразно стар, изношен, отвратителен — и упросил фотографа из «Литературной России» не снимать меня. Он глянул на меня и *согласился*. Стыдно быть таким отталкивающим.

24. Был вчера Сима Дрейден. 43 года назад он был моим секретарем и ушел от меня как раз тогда, как родилась Клара.

Сегодня день рождения Лиды. 60 лет назад я пошел в Пале-Рояль, где внизу была телефонная будка, чтобы позвонить в родильный дом доктора Герзона, и узнал, что родилась девочка. Сзади стоял И. А. Бунин (в маленькой очереди). Он узнал от меня, что у меня дочь, — и поздравил меня — сухим, ироническим тоном. Вчера приходил Тарковский, чтобы переслать в Москву поздравление Лидочке.

28 марта. Вчера 60-летняя Лида. Мы погуляли с нею в саду, пришел Сима Дрейден.

Позвонил телефон: Буба Гржебина!! Я не видел ее лет 48.

31 марта. Бешеный, безостановочный снег. Целые пуды мыла, от Алянского, Пискунова, Компанейца цветы.

А я, как подобает в 85 лет, лежу больной с мозговым кризом, так как вздумал с Симоном Дрейденом заняться своим пятым томом. Телеграмм и поздравлений — кучи, более всего тронула меня из Рязани — от Солженицына. Сима провел со мной здесь наверху весь свой досуг — умный, душевный, радостный. Рано утром приехали с адресом от «Вопросов литературы» — очень приятный сотрудник.

1 апреля. Туман, слякоть. Телеграммы от Ривов. В «NY Times» статейка Рива.

В каждой телеграмме — за каждым пожеланием долголетия скрывается: «Знаем, что ты скоро помрешь».

Художники малюют фасад Библиотеки, а я лежу в двух шагах от них — и не могу полюбоваться.

Таня, Люша, Клара — вот мои подруги, которыми я счастлив, умирая.

Марина испекла гигантского «наполеона».

Андроников напечатал обо мне очерк «Корней Иванович» — гиперболический, я назвал этот очерк Шиллер Шекспирович Гёте и поместил в папке, на которой Сима написал:

«Быть знаменитым некрасиво»*.

В «Новом Мире» Колины воспоминания о Блоке. Лида подарила мне свой дневник об Анне Андреевне*.

3 апреля. Правлю корректуру «Библии». Таня приехала — пишу письмо в Собес о Тепляковых. Потом — Библия.

20 мая. Я в постели. Затянулась пневмония. Сегодня приехал Солженицын, румяный, бородатый, счастливый. Закончил вторую часть «Ракового корпуса». О Твардовском, о его двойственности. Твардовский Солженицыну: «Вы слишком злопамятны! Надо уметь забывать — вы ничего не забываете».

Солженицын (торжественно): Долг писателя ничего не забывать.

Он ясноглазый и производит впечатление простеца. Но глаз у него сверлящий, зоркий, глаз художника. Говоря со мной, он один (из трех собеседников) заметил, что я утомлен. Меня действительно сморило. Но он один увидел это — и прервал — скорее сократил — рассказ.

Таким «собранным», энергичным, «стальным» я еще никогда не видел его. Оказывается, он написал письмо Съезду писателей, начинающемуся 22 мая, — предъявляя ему безумные требования — полной свободы печати (отмена цензуры). В письме он рассказывает о том, как агенты Госбезопасности конфисковали его роман. Письмо написано — с пафосом. Он протестует против того, что до сих пор не вышли отдельным изданием его рассказы, напечатанные в «Новом Мире».

Я горячо ему сочувствовал — замечателен его героизм, талантливость его видна в каждом слове, но — ведь государство не всегда имеет шансы просуществовать, если его писатели станут говорить народу правду... Если бы Николаю I-му вдруг предъявили требование, чтобы он разрешил к печати «Письмо Белинского к Гоголю», Николай I в интересах целостности государства не сделал бы этого. Нужно же войти в положение Семичева [Демичева. — Е. Ч.]: если он предоставит писателям волю, возникнут сотни Щедриных, которые станут криком кричать о Кривде, которая «царюет» в стране, выступят перед всем человечеством под зна-

менем ПРАВДЫ и справедливости. И куда денется армия агитаторов, куда денутся тысячи областных и районных газет, для которых распоряжение из Центра — закон. Конечно, имя Солженицына войдет в литературу, в историю — как имя одного из благороднейших борцов за свободу — но все же в его правде есть неправда: сколько среди коммунистов было воспитательных, самоотверженных, светлых людей — которые действительно создали — или пытались создать — основы для общенародного счастья. Списывать их со счета истории нельзя, так же как нельзя забывать и о том, что *свобода слова* нужна очень ограниченному кругу людей, а большинство, — даже из интеллигентов — врачи, геологи, офицеры, летчики, архитекторы, плотники, каменщики, шоферы делают свое дело и без нее.

Вот до какой ерунды я дописался, а все потому, что болезнь моя повредила мои бедные мозги.

24 мая. В ночь на сегодня я не заснул ни на миг. Боль в прямой кишке. Д-р Никифоров, заведующий Инфекционным корпусом, дней десять тому назад заявил, что возьмет меня к себе, в 93 бокс, — и вдруг на все его боксы нагрянули корейцы, человек сорок, и я остался без врачебной помощи. Вдруг сегодня явились ко мне две врачихи — и сказали: «собирайтесь, едем!»

Оказывается, здесь сын Михалкова Никита.

Читаю чудесные Лидины записки об Ахматовой. Говорят, что завтра может навестить меня Таня.

2-й день у меня в 5 час. нормальная температура.

Как дивно здесь лечат, споро, дружно. Врачи накидываются на твою болезнь толпой, как охотники на зверя — и страстно жаждут уничтожить ее. Но как жаль, что такая медицина доступна только нескольким избранным, а Таня, Лида, Ахматова, Коля и сотни тысяч лучших людей были вынуждены довольствоваться услугами неумелых, унылых, равнодушных людей. Возможно, что Коля был бы жив посейчас, если бы, скажем, в 1963 году попал в 93-й бокс. Весь корпус полон корейцами, которые все дни дуются в карты. Ни одной газеты, ни одной книги.

Пятница 6 часов. Какое число, не знаю. Съезд еще продолжается. Говорят, что около ста человек подписались под письмом Солженицына. Или, кажется, составили свое письмо, еще более сильное.

Бокс 93. 30 мая. Прочитал две книги. Одну — о Тынянове, другую — «Прометей» № 2. Автобиография Тынянова — чудо. Вся из

конкретных образов, из художественных деталей. Как будто пишет не ученый, а великий беллетрист. И какая память на те живописные образы, что окружали его в детстве!

В книге нигде не говорится, что он был еврей. Между тем та тончайшая интеллигентность, которая царит в его «Вазир-Мухтаре», чаще всего свойственна еврейскому уму. Сравните романы Ал. Толстого с тыняновскими. У Тынянова героями выступают идеи, идеи борются и сталкиваются, и вообще на первом месте — *идеология*. Идеология, подкреплённая живописью. А у Ал. Толстого — *плоть*.

Были врачи. Как единодушно они ненавидят Светлану Аллилуеву-Сталину*. Опростоволосившиеся власти торопятся клеветать на нее в газетах, но так как в стране царит единомыслие, даже честные люди попадают в этот капкан.

И вся Россия мечется,
Покуда не излечится.

Барбитураты
Виноваты,
Что мы с тобой дегенераты.

Сейчас няня «тетя Дуся» увещевала меня:

— И зачем вам работать? Надо и отдохнуть. Много ли вам жить осталось? Ну год, ну два, — не больше.

И все это — от доброго сердца.

Два дня истратил на чтение книги Erle Stanley Gardner'a «The Case of the Beautiful Beggar»¹. Чуть страшная, но нельзя оторваться.

«Прометей» № 2 превосходен. Леонид Гроссман о Лике — по неизданным материалам — написал прекрасное исследование.

Хуже всего отрывки из Честертона — выбранные наобум.

Безличной женщине:

Ты еще не рождалась,
Тебя еще нет,
Ты побоялась
Родиться на свет.
Ты кем-то несмелым
(Как будто во сне)

¹ Эрла Стэнли Гарднера «Случай с прекрасной нищенкой» (англ.).

Читаю Голдинга «Lord of the Flies»¹. Здрóрово.

В «Нью-Йоркере» — записные книжки Эдмунда Уилсона. Сколько самодовольства и какая бедность мысли.

Прочитал I часть автобиографии Bertrand'a Russel'a. При всем своем демократизме он остается британским аристократом.

Пишет прекрасным, классически прозрачным языком. Юмор — чудесна свобода суждений — и полная откровенность насчет своих сексуальных причуд. Ни математика, ни философия не убили в нем человека.

Прочитал «Papa Hemingway»*, развязную, вульгарную книжку — со страшным концом — о сумасшествии великого писателя.

29 июня. Сегодня меня выписывают из больницы. Таничка получила дивное письмо от L. Ross.

6 августа. Вчера в Переделкино приехал А. И. Солженицын. Но мне было так худо, что я не мог его принять. Голова, сердце, желудок. Сейчас он спит внизу.

Сегодня из Эстонии возвращается Люша.

Написал на книжке «От двух до пяти», посылаемой в Палестину Сильве Рубашовой:

Подумаю про Иудею
И моментально молодею¹.
О, Сильва милая моя,
Любил ли кто тебя, как я?
Но был тобою предпочтен
Высоколобый Соломон.
И говорят: ты подарила
Ему младенца Гавриила.
Ну что же! Ревностью дыша,
Благословляю малыша
И книжечку для матерей
Я шлю тебе из-за морей.
Будь счастлива и не жирей!

¹ Вариант: холодею

¹ «Повелитель мух» (англ.).

Помолодел, пополнел. Великолепно рассказал, как в Союзе Писателей почтительно и растерянно приняли его в кабинете Федина — Воронков, Марков, Соболев. Он вынул и положил на стол бумаги. Марков испугался: что если это новый обязательный документ, обращенный к мировому общественному мнению? Они дружески упрекнули его: зачем же вы не написали письма в Президиум. Зачем размножили свое письмо к Съезду и разослали копии каждому члену Съезда?

Он обратился к тем бумагам, которые выложил заранее на стол.

— Я уже два года обращался к разным отдельным лицам и ни разу не получил ответа.

Вот копия моего письма к Брежневу. Брежнев мне не ответил. Вот копия письма в «Правду». Ответа я не получил. Вот мое письмо к вам в Союз, вы тоже не ответили мне.

Марков, Воронков, Соболев — изобразили на лицах изумление. «Несомненно, Леонид Ильич Брежнев не получал Вашего письма».

Словом, все лебезили перед ним. «Не мешает ли вам форточка? Не дует ли?» Когда он попросил воды, тотчас же в комнату были внесены подносы со стаканами чаю и обильными закусками.

Твардовский, привезший Солженицына, спросил: скажите, пожалуйста, не думаете ли вы, что ваш «Раковый корпус» будет напечатан за границей?

Солженицын. Весьма вероятно. По моим сведениям, существует не меньше 500 машинописных копий этой вещи; нельзя надеяться, что ни одна из этих копий не попадет за границу.

— Что же нам делать? — в отчаянии спросили судьи у подсудимого.

— Остается одно, — сказал Твардовский, — печатать «Раковый корпус» в «Новом Мире».

Заговорили о клевете на Солженицына, будто он дезертир, будто он был в немецком плену чуть ли не полицаем и т. д. Великодушно обещали ему защитить его доброе имя.

Он чувствует себя победителем. И утверждает, что вообще государство в ближайшем будущем пойдет на уступки. «Теперь я могу быть уверен, что по крайней мере в ближайшие три месяца меня не убьют из-за угла».

Походка у него уверенная, он источает из себя радость.

7/VIII. Дней десять назад был у меня блистательный Александр Верт вместе с пьяным Катаевым. Катаев от самовосхище-

ния переходил к покаянию — «я мерзавец, вы даже не знаете, какой я негодай!» Верт подарил мне книгу «Russia at the war»¹.

1967

От любви изнемогая,
Говорю я: «Дорогая,
Приходи ко мне нагая,
И приделаю рога я
Мужу твоему».

Это — из недописанной оперетты «Чертецца», которую я сочинял в 20-х годах. Оттуда же:

У меня жена беременна,
Но, я надеюсь, это временно.

Я пытался быть циничным, — но ничего из этого не вышло, и я стал детским автором.

Катаев едет в Париж на чествование Бодлера — и уже месяц готовится: сочиняет речь о Бодлере.

14 августа. Жарко. Блаженствую на балконе. Правлю «Леонида Андреева» — старую свою визгливую статейку для шестого тома Собрания сочинений.

15 августа 67. Лидочке лучше; ей нужна клиника, где она быстро поправилась бы, но из-за ее нервного заболевания ей нужна отдельная палата и чтобы не было шума в коридоре. Единственная клиника, где ее могли бы вылечить, — та якобы инфекционная, где лечился я, но туда ее вряд ли примут из-за ее письма к Шолохову и из-за ее «Софии Петровны», выходящей в Англии. — В 3-м номере «Прометея» ее статья о детстве и юности Герцена — очень талантливая, но неоконченная, так как ей скучно заниматься такой нетворческой работой при наличии «Былого и дум».

Сима сообщил, что вчера по ВВС сообщили о Лидиной книге, вышедшей в Англии. Интересно бы узнать, кто переправил ее рукопись через границу.

Какая мутная, претенциозная чушь набоковское «Приглашение на казнь». Я прочитал 40 страничек и бросил.

21 августа. День Марии Борисовны.

¹ «Россия в войне» (англ.).

Сейчас от меня ушел Роман Якобсон, которого Маяковский назвал в стихах Ромка. Оказывается, Эрнест Симмонс перевел это слово как *рюмка* (по словам Романа Якобсона).

Здесь в СССР печатается его книга в переводе на русский язык, и он говорит, что перевод блистателен, что в СССР сейчас великие лингвисты — у них тонкое понимание, большое научное воображение — напр., Кома Иванов. «В январе его мы в американском лингвистическом Обществе выберем почетным членом». Сам он бодр, дружелюбен, полон электричества.

Сегодня Кома 38 лет — день рождения — Якобсон приехал к нему на праздник.

Очень взволновала меня встреча с ним, с нашей молодостью, и сразу вся хворь прошла. Мне читала Рая Облонская и Марианна Петровна о Пржевальском из «Русской Старины».

22 августа. Еле жив. Сердце. Голова. Собрался подумать о VI томе.

Раичка Облонская читала мне воспоминания А. Н. Тихонова — и я вспомнил милого, милого Тищенко, моего великолепного друга — и его страшную смерть.

24 августа. Четверг. Была чудесная Аня, только что напечатавшая в «Юности» очень любопытный рассказ о себе*. Митя помог мне рассортировать материал для VI тома и прочитал мне вслух замечательный рассказ Грековой «На испытаниях». Была Таничка. Был Сима Дрейден.

Всех я любил прощальной любовью. Работал над реставрацией «Ив. Бунина».

Статья Рассадина обо мне в 7 кн. «Нового Мира». Я и не подозревал, что я такой симпатичный. Он делает меня крупнее, чем я есть.

Митя очень любит вещи. Деловит и хозяйственен. В разговоре с прислугой у него начальственные нотки. Хочет стать режиссером в телевизоре — или пойти в рядовые сотрудники А.П.Н. Расклеивает для меня книгу «От двух до пяти».

28 августа. Митя оказался идеальным секретарем. Вместе с Люшей он в один день расклеил «От двух до пяти» для издательства «Советская Россия» — расставил на полках сотни книг, всю Некрасовиану, читал мне часами вслух, брил меня, разговаривал по телефону — и в конце концов, послушав мои рассказы о Нечаеве, решил написать о нем для «Недели». Уверен, что из него выйдет недюжинный писатель. — Отличный организатор — вызволил из

12 сентября. Вчера была Лидочка, очень похудевшая, с каким-то таинственным недугом, который гложет ее. Вернее всего, что это активизировалась ее эндокринная болезнь. Увлеченно говорила о составленных ею комментариях к стихотворениям Ахматовой. Я уверен, что эти комментарии превосходны. Прочитала новое издание моих «Современников». Одобряет: «Житкова», «Чехова», «Леонида Андреева», «Куприна». А статью об Анне Ахматовой считает ниже других. Особенно мемуарная часть жидковата. Это ощущаю и я сам.

Была Таня — очень духовно интенсивная. Был Володя Глоцер. Пишу рецензию (внутреннюю) о Пятом томе сочинений Кони. На очереди для VI тома Бунин. Погода все еще божественная.

Третьего дня в воскресенье были у меня Митя и Аня, и Марина. Привозили маленькую Марину, правнучку. Девочка прелестная, но вокруг нее столько громких восторгов, что будет немудрено, если она выйдет эгоисткой. Интересно, что теперешнее меццанство (все зажиточные рабочие Переделкина, шофера, сторожа и т. д.) воспитывают своих детей точно так же: балуют их напропалую!

17 сентября. Таня. Правит переводы Стивенсона. Ожидал вчера Артура Миллера и Олю Карлайль, не приехали. Вожусь со статьей об Ахматовой — для Ленгиза. Делаю вставки, многие из которых подсказаны мне Лидой.

Когда вышла моя статья «Читая Ахматову», Ахматова прислала мне письмо, которое куда-то пропало вместе с другой Ахматовианой.

Бунин в своей беллетристике мастер деталей, для которых у него порой нет никакого стержня.

Здесь в Доме творчества Новелла Матвеева. Я ее назвал «уходящая». Встречаясь со мною, она весело идет мне навстречу, но после 2-х минут разговора убегает. Недавно мы сидели большой компанией в саду — я рассказывал какую-то историю. Она послушала минут десять, но не выдержала и убежала: «Не могу, — объяснила она, — очень уж вы интересно рассказываете». Подарила мне книжку последних стихов.

Письмо о том, что жива Елена Киселева*, дочь составителя учебников алгебры и геометрии, — ученица Репина, — с которой у меня был бурный (и короткий) роман в 1915 году. Помню, как волновал меня ее красный зонтик, с которым она выходила на пляж. Теперь ей лет 90, — и пусть бы она вышла с ним на пляж!

1967

Память моя с каждым часом слабеет. Вчера я дошел до того, что никак не мог вспомнить, откуда эти строки у Пушкина:

Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона*.

Читаю Артура Миллера — очень умелый писатель. Здесь Ибсен, Чехов — и самая бурная фабула.

20 сентября. Был Заходер. Удивительный человек. Очень способный, не глухой, но говорить может только о себе — и делает мертвое лицо, когда при нем говорят о других. Вообще характер мелкий: обидчивый, вечно себе на уме.

Мои стихи к глухой Зинаиде Смирновой, специалистке по Белинскому и Герцену:

О сердце робкое, не выдай
Ты тайны сладостной моей:
Пленен суровой Зинаидой
Безумный, пламенный Корней.
Без Зинаиды он тоскует
И жизнь ему не дорога:
К Белинскому ее ревнует
И видит в Герцене врага.
И я молю тебя, Смирнова,
Не будь к несчастному сурова.

23 сентября. Суббота. Был Солженицын. Вчера он 5 часов находился под судом и следствием Секретариата Союза Писателей — где его допрашивали с пристрастием Федин, Сурков, Воронков и др.

3 октября. Только что вместе с Люшей слушал передачу по БиБиСи Светланы Аллилуевой: куриные мозги, бесцветный пошлый язык, визгливые и фальшивые ноты. Невыносимо слушать эту пустоголовую ханжу.

Написал ответ Катеньке Андреевой (Кембридж), единственной моей подруге (11 лет). Она пишет мне дивные письма.

6 октября. Была Лидочка. Я показал ей куски статьи об Ахматовой. Получил от проф. Кэйдена приглашение написать предисловие об Ахматовой — к ее переводам. Был у меня Семен Липкин — очень умно говорил об Ахматовой. Как-то поздно вечером она позвала его к себе — «по очень важному делу», — сказала в телефон. Он, встревоженный, поспешил приехать. «Вот» — и она показала

ему статью во французской газете. Липкин читает: _____ **1967**
статья восторженная. Ахматова негодует: «Какая мерзость». Оказывается, в статье сказано, будто Гумилев разошелся с ней. — «Нет, это я кинула Гумилева. А в этой подлой статье...»

8 октября. *Прилетели синички.* Стучатся в окно.

15, воскресенье. Октябрь. Таня о рукописи Мередита, над которой она работает:

— Не мередите мои раны!

Таня — наиболее одухотворенная женщина из всех, с кем мне доводилось дружить. Свободная от всякой аффектации и фальши. Это видно из ее отношения к отцу, которого она любит нежно и — молчаливо. Никогда я не слышал от нее тех патетических слов, какие говорятся дочерьми и вдовами знаменитых покойников. Она любила отца не только сердцем, но и глубоким пониманием. Она живет у меня вот уже неделю, и это — самая ладная, самая светлая моя неделя за весь год. Больше всего на свете Таня любит свою мать и своих детей. Но и здесь опять-таки никакой аффектации. И умна — и необычайно чутка ко всякому лжеискусству. Потребовала, чтобы я выбросил из своей многострадальной статьи об искусстве — «Есть женщины в русских селеньях», и права. Ее работа над Мередитом — колоссальная умственная работа. Теперь она правит рукопись своего перевода — и за весь день напряженного труда ей удастся «сделать» 8–10 страниц.

Она много и охотно рисует, но всегда кроки, всегда наброски, — ее альбомы полны зарисовками разных людей — в судах, в кофейнях, в вагонах железной дороги — порою в них пробивается сильная талантливость, а порою это просто каракули. Вообще ее отношение к изоискусству хоть и понятно мне — но не совпадает с моим. Зато литературные оценки *всегда* совпадают.

Вчера был у меня Henry Shapiro с женой. Говорит, что иностранцам можно ездить в Переделкино, но не по Минскому шоссе, а каким-то окольным путем — по кочкам и выбоинам, — а почему — непонятно.

Чего нет у Тани и в помине — важности. Она демократична и проста со всеми — не из принципа, а по инстинкту. Не могу представить ее себе *солидной* старухой.

16, понедельник. Был чудесный Митя. Рассказал об Олеше. Тот пьяный вышел в вестибюль «Астории» и говорит человеку с золотыми галунами:

— Швейцар! Позовите такси!

— Я не швейцар. Я адмирал!

— Ну так подайте катер.

Люша привезла мед. Мы с нею и с Митей были на могиле Марии Борисовны.

Вечером Дрейден. Я зову его Симочка. Наша удмурдка Зоя зовет его Семячкин.

22 октября. Митя держит экзамены в институт режиссеров телевидения. Им дали свободную тему: «Лестница». Марина пишет заметку о Коле — для «Молодой гвардии». — Талантливо и умно. Я послал в Театр на Таганке рецензию о «Пугачеве» Есенина—Эрдмана. Приезжал ко мне директор театра Юрий Петрович Любимов — просить рецензию, так как театр подвергся нападкам начальства, вполне справедливо усмотревшего здесь пасквиль на нынешнее положение вещей. Замучен корректурами пятого тома своих сочинений — где особенно омерзительны мне статьи о Слепцове. При чем я исхожу в этих статьях из мне опостылевшей формулировки, что революция — это хорошо, а мирный прогресс — плохо. Теперь последние сорок лет окончательно убедили меня, что революционные идеи — были пагубны — и привели [не дописано. — Е. Ч.]

26 октября. Таня, прочтя мои старые дневники (1921—1924 гг.), сказала: «Боже мой, какой вы были несчастный человек. Очень жалко читать». А я и не знал, что я несчастный. Все время чувства приливы счастья — безумные.

30 октября. Была вчера в гостях Анна Елизарова — с дочерью, работающей на радио. Дочь сообщила, что радио получило приказ воздерживаться от целодневного прославления 50-летней годовщины, чтобы не прискучить слушателям. По городу ходит анекдот.

— Василий Степанович, почему у вас такие мятые брюки?

— Я боюсь их утюжить.

— Почему?

— Вставлю в штепсель утюг — и вдруг оттуда послышится: да здравствует великая годовщина.

Вообще ежедневное *ура* приедается даже удмуртам и чукчам.

В Чоботовской школе новый учитель русского языка и словесности. Он внушал детям, что при самодержавии все поэты гибли на дуэли. Никто не умирал своей смертью.

Одна девочка невинно спросила:

— А в советское время почему застрелился Маяковский? И Есенин?

Девочку объявили злодейкой, стали исключать ее из школы, — и она была счастлива, когда ей объявили строгий выговор и опозорили перед всем классом.

Был у меня вчера Рассадин. Впечатление симпатичное. Уговариваю его написать книгу «Булгарин». Он работает над книгой о «Баратынском» и для себя пишет об Осипе Мандельштаме.

Сегодня закончил 2-ую корректуру пятого тома. Ужасно угнетает меня включение туда статейки «Ленин и Некрасов». Все это мои старые мысли, с которыми я сейчас не согласен. Нужно будет издать седьмой том, дополнительный:

Жена поэта

Достоевский в Кругу «Современника»

Формалист о Некрасове

Все обзоры 1909—1917

Мы и они

Две души Горького и т. д.

Книга об Ал. Блоке.

Была правнучка Мариночка. Милая девочка. Но окружена преувеличенными восторгами. Каждое ее слово встречается шумно и празднично. Нельзя воспринимать ее языковые завоевания как ее личные победы — все ее сверстники столь же чудесны, но семья восхищается только *ею*, а не всеми вообще малышами. Такое мне совсем непонятно.

Я хорошо знаю, что эта моя осень — последняя. И не дико ли, что я думаю об этом без грусти! Между тем единственное, что прочно в моем организме — мои вставные зубы. Остальное ветохъ и рухлядь. А зубы какие-то бессмертные. Я — приговоренный к смерти — не «смертный», но «смертник» — и знаю, что никто не заменит мне казни — пожизненной каторгой —

Напрасно просить: погоди!* —

и все же ликую и радуюсь. Неожданное чувство.

Таня — вся в «Мередите». Завязла в переводе этого труднейшего сочинителя. Я очень сочувствую ей — и при этом знаю, что глаза мои уже не увидят этого перевода в печати*. Также не увидят они напечатанной «Чукоккалы». Не увидят статьи об Ахматовой — в Лениздате — и не увидят будущей весны.

Погода для 30 октября — фантастическая. Распустились на вербе почки вдоль всей дороги на станцию. Третьего дня меня укусила оса — которой давно пора бы на зимние квартиры. Сухость воздуха — крымская. И ни ветерка. Небо синее.

1967

Была у меня Маргар. Ивановна Рудомино. Директор иностранной библиотеки, вернее: Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. Рассказала о Розенель-Луначарской, как та выселяла ее из ее квартиры, которую и захватил Луначарский. Она, Рудомино, пришла к Луначарскому: «Разрешите мне еще два дня прожить на прежней квартире. Я не успела уложить вещи». Луначарский любезно: «Пожалуйста!» Розенель в гневе схватила корзиночку с клубникой — редчайшей ягодой — и швырнула ее в стену.

Изумительна библиотека — настоящий дворец, полный воздуха, цветов, света. Приехала Фурцева:

— Зачем такая пустота. Посмотрите, как тесно в Ленинской библиотеке.

8 ноября. Пошли мы с Таней к Кавериним, говорили о Тынянове, у которого жена была страшная ведьма. Моя эпиграмма о ней начиналась словами:

Была жена у Юрия
Не гурия, но фурия.

Я вспомнил Влад. Влад. Набокова — когда он был мальчиком — балованным барчуком. Я пришел к ним — к его отцу — он жил в особняке на Б. Морской. Я, полуниский литератор, обремененный семьей, пришел по его приглашению, и как высокомерно взглянул на меня юный миллионер! И сразу заявил, что ему гораздо дороже и ближе, чем я, — Валериан Чудовский, кропавший в «Аполлоне» какие-то претенциозные статейки.

А сам Влад. Дмитриевич был ко мне милостив. Он хотел быть демократом — и порою это удавалось ему.

26/XI.

Мой друг, я знаю: песня спета.
И я не доживу до лета.
Меня убьет злодей февраль,
Но мне себя ничуть не жаль:
Я щедро взыскан был судьбою:
Я жил, обласанный тобою.

Но до чего же мы бонтонны,
И чопорны и церемонны.
Неинтересные и пресные,
Совсем друг другу неизвестные.

27. Впервые к окну подлетели синицы и нахально стучат в окно.

1967

2 декабря. Мягкая погода. Сейчас пойду гулять. Вчера ни с того ни с сего снова занялся Набоковым. «Бунин» вышел у меня неудачен. Больше месяца мудрю над ним.

Очевидно, каждому солдату во время войны выдавалась, кроме ружья и шинели, книга Сталина «Основы ленинизма». У нас в Переделкине в моей усадьбе стояли солдаты. Потом они ушли на фронт, и каждый из них кинул эту книгу в углу моей комнаты. Было экземпляров 60. Я предложил конторе Городка писателей взять у меня эти книги. Там обещали, но надули. Тогда я ночью, сознавая, что совершаю политическое преступление, засыпал этими бездарными книгами небольшой ров в лесочке и засыпал их глиной. Там они мирно гниют 24 года, — эти священные творения нашего Мао.

7 декабря. Выволок свою статейку о набоковском «Евгении Онегине». Для 6-го тома разыскал старую лекцию свою «О самоубийцах». Сейчас она звучит очень наивно.

Когда я написал трескучую и моветонную статью о Сергее Городецком, появилась эпиграмма:

Сергей воспел стихами «Ярь»,
Корней покрыл его хвалою.
Поверьте, други, вас бы встарь
Одною высекли лозою.

8 декабря. Синицы и воробьи клюют зерно, высыпанное мною на дощечку у окна. Четыре раза постучатся носом в дощечку, а потом четыре раза оглянутся, нет ли опасности.

Была сегодня Ясиновская с радостной вестью: «Библия», составленная нами, в ближайшие дни идет в печать!!!

Но — строгий приказ: нигде не упоминать слова *Иерусалим*. Когда я принимался за эту работу в 1962 году, мне было предложено не упоминать слова «евреи» и слова «Бог». Я нарушил оба запрета, но мне в голову не приходило, что Иерусалим станет для цензуры табу.

10 декабря 67. Вышел с Мариной погулять по чудесному воздуху по нашей тропинке — и по дороге мы встретили: Нилина, потом Сергея Смирнова с женой, потом Татьяну Тэсс, потом Райкина и Утесова. Утесов стал рассказывать анекдоты — артистически — и я хохотал до икоты — и почувствовал, как это здорово — смеять-

ся на морозе. Мороз мягкий, не больше 7° — вся дорога в снегу — в серебре, красота фантастическая.

А я просил — нет, не объятья,
Но тихого рукопожатия.

Вожусь со старой статьей о Сологубе для VI тома, а хочется писать о набоковском Пушкине.

25 декабря. Сейчас был Каверин. Очень весел. Говорит: «Раковый корпус» уже набран и сверстан для 12-й книжки «Нового Мира». Точно так же решено издать книгу рассказов Солженицына. Говорят, что на этом настояли итальянская и английская компартии.

Солженицын говорил Каверину: «Я убежден, что Советский Союз неизбежно вступит на западнический путь. Другого пути ему нет!»

Жду Люшу.

Люша пришла и сразу окатила меня холодной водой. Оказалось, что никакого разрешения на печатание «Корпуса» нет. Твардовский намерен включить первые 8 глав в 12-ю книжку, но этот текст еще не был в цензуре и т. д.

26 декабря. Встретил сегодня Залыгина, который сказал, что в 12-ой книге «Нового Мира» — повести «Раковый корпус» *не будет*. Перенесли на 1-ую книгу.

27 декабря. Возобновил древнее знакомство с Шагинян. Мы с нею пошли к старухе Александре Бруштейн. Та слепа, глуха. Феноменально исхудала. Видно, истрачена вся до конца, до последней кровинки.

Шагинян рассказывает, как она нашла, что мать Ленина была дочерью еврея-выкреста Бланка, местечкового богача. Мариетта выследила этот род. Настоящее имя этого выкреста было Израиль. При крещении он получил имя Александр. Со своим открытием Шагинян поспешила к Пospelову. Тот пришел в ужас. «Я не смею доложить это в ЦК». Шагинянше запретили печатать об этом*.

Обе старухи — глухие. У каждой свой слуховой аппаратик, и трогательно видеть, как они разговаривают, вооруженные этими позолоченными изящными штучками и суя их друг другу в лицо.

К Шагинянше у меня пробудилось старинное дружеское чувство. У нее на столе огромный том Фразера — о новейших концеп-

29 декабря. Какой-то пьяный азербайджанский писатель сообщил мне вчера, что в книжном магазине он видел огромную очередь, «как за хлебом», — покупали мою книгу «заглавие какое-то серебряное» — очевидно, «Чудо- дерево» и «Серебряный герб».

Клара слышала от Софии Петровны Красновой, что вышла моя книжка «О Чехове».

По слухам, вышел также V том Собрания сочинений. «Вавилонскую башню» опять затормозили.

Вчера БиБиСи передавало «протест», написанный Павлом Литвиновым против заметки в «Вечерней газете», где Буковского зовут хулиганом*. Кажется, протест передан за рубеж самим Павлом. Очень все это странно. Я знал этого Павла как ленивейшего школьника — шалопая. И вот оказывается: герой. Так же удивил меня в свое время сын Луначарского, я знал его мальчишкой избалованным, хамоватым, беспардонным. А умер на войне смертью героя.

Танюша рассказала мне, что едва только по БиБиСи передали о поступке Павла Литвинова, советские умники решили сорвать свою ненависть на... покойном М. М. Литвинове. Как раз на этих днях было празднование юбилея Советской дипломатии. И газетам было запрещено упоминать имя М. М. Литвинова. Говорили «Чичерин и другие». Так поступила даже газета «Moscow News». Танюша справилась: оказывается, было распоряжение замалчивать имя покойника, понесшего ответственность за проступки племянника [внука. — Е. Ч.] через 25 лет после своей смерти.

9 января 1968. Лютый мороз: не выхожу на улицу. Работаю одновременно над шестым томом, над седьмым томом, над «Бибигоном» (переделал его в шестой раз), над статьей о Набокове («Онегин за рубежом»), над статьей о детективах и если бы не головная боль после наркотиков, писал бы целые дни.

11 января. Таня опять: написала негодующее письмо в «Известия» по поводу суда над четырьмя* и опять стремилась прорваться в судебную залу вместе со своим племянником Павлом. Мне кажется, это — преддекабристское движение, начало жертвенных подвигов русской интеллигенции, которые превратят русскую историю в расширяющийся кровавый поток. Это только начало, только ручеек. Любопытен генерал Григоренко — типичный представитель 60-х годов прошлого века. И тогда были свои генералы. Интересно, ширится ли армия протестантов, или их всего 12 человек: Таня, Павлик, Григоренко, Кома Иванов — и обчелся.

Павлик вручил иностранным корреспондентам вполне открыто свое заявление, что нужно судить судей, инсценировавших суд над четырьмя, что Добровольский — предатель, что все приговоры были предрешены, что весь зал был заполнен агентами ГПУ, — и это заявление вместе с ним подписала жена Даниэля.

Английская коммунистическая партия в «Morning Star» заявила, что наше посольство в Лондоне обмануло английских коммунистов, уверив их, что суд будет при открытых дверях.

Приспособляю к 6-му тому своего «Ната Пинкертон», написанного 60 лет назад.

Александр Верт и Валентин Катаев были у меня — кажется, осенью — оба вдрызг пьяные. Но Верт — сохранял равновесие, а Катаева развезло, и он стал либеральничать. Издевался над всеми властями. Верт намотал все это на ус и очень точно воспроизвел в печати. Теперь он получил от Верта письмо, где тот пишет: «М. б., вы ничего этого не говорили, оба мы были пьяны». Катаев

воспроизвел это письмо в «Литгазете» и оправдался. Но я был при этом разговоре и свидетельствую, что Верт сообщил обо всем правильно — слово в слово.

1968

Получил я, наконец, «Harvest» Miriam Morton:* где ни откроешь — отвратительно.

15 января. Стишки Берте Як. Брайниной:

О, если погаснет любовь моя к Берте,
Пусть в адский огонь унесут меня черти,
И в адском огне закричу я, поверьте,
Что радостной жизни желаю я Берте.
Да, ласковой Берте я предан до смерти,
И ныне взываю я к ласковой Берте:
Ах, если бы мне вдохновенье Роберта,
Чтобы воспеть твои доблести, Берта.
Но нет у меня ни кистей, ни мольберта
Изобразить твои прелести, Берта.

17 января. Слушал передачу Би-би-си, где меня называют корифеем и хвалят меня за то, что я будто бы «работаю» вместе с дочерью. А я узнал текст ее письма к Шолохову из американских газет*.

Кончаю перечитывать Семина*. Очень хороший писатель.

20.1. Чувства какие-то раскидистые, — Бог с ними, с моими чувствами. Таня рассказала, что Iyu, старуха, ни с того ни с сего, дала интервью репортеру газеты «Morning Star», одобряя поступки своего безумного внука*, которого, кстати сказать, вызвали вчера в военкомат.

29 января. В гостях у меня был гений: Костя Райкин. Когда я расстался с ним, он был мальчуганом, играл вместе с Костей Смирновым в сыщики, а теперь это феноменально стройный, изящный юноша с необыкновенно вдумчивым, выразительным лицом, занят — мимикой, создает этюды своим телом: «Я, ветер и зонтик», «Индеец и ягуар», «На Арбате», «В автобусе». Удивительная наблюдательность, каждый дюйм его гибкого, прелестного, сильного тела подчинен тому или иному замыслу — жаль, не было музыки — я сидел очарованный, чувствовал, что в комнате у меня драгоценность. При нем невозможны никакие пошлости, он поднимает в доме духовную атмосферу — и глядя на его движения, я впервые (пора!) понял, насколько красивее, ладнее, умнее тело юноши, чем тело девицы.

Верно сказал Ал. Н. Толстой:

Девка голая страшна:
Живородная мошна.

Привели Костю его мать — Рома и Татьяна Тэсс, только что написавшая большую статью о Райкине (в «Известиях»).

Очень своеобразен и художествен разговор Кости Райкина. Своим серьезным, немного саркастическим голосом он рассказывал, как родители и дети собираются где-нибудь за городом для общих веселий: родители вначале опекают детей, стоят на страже, но вскоре сами напиваются так, что их начинают опекать дети: «папа, стыдно!», «мама, довольно» — и развозят их по домам.

Я кончил роман Пристли «Salt is leaving»¹ о докторе Солте, который открывает, что его пациентку убила дочь одного важного дельца. Тут и психология, и быт, и интрига, а в общем базарная дешевка, на которую я истратил два рабочих дня.

30 января. Создалась неуклюжая ситуация. Лида (я слышал) написала резкое письмо Маргарите Алигер — та ответила ей грубостью, Лида ответила еще резче*. И нужно же было так случиться, что сегодня вечером ко мне в гости приехала Лида как раз в ту минуту, когда пришла Алигер (вместе с Ритой Райт). Лида — полуслепая — в темноте услышала голос Риты — «Здравствуйте, Рита Яковлевна» и, не рассмотрев Алигер, подала ей руку. Все обошлось. Я пригласил Риту. Она рассказывает мне о письме, какое она получила от Маши из Гаваны. Маша со своим мужем, немецким поэтом, была на Кубинском съезде. Кубинцы показались ей обнищавшими, но... веселыми. «В лавках нет ничего, хлебные карточки, очереди — но все веселы и гостеприимны».

Лида величава и полна боевого задора. Люда Стефанчук сказала за ужином, что один из рассказов Солженицына (которого она обожает) понравился ей меньше других. Лида сказала железным голосом:

— Так не говорят о великих писателях.

И выразила столько нетерпимости к отзыву Люды, что та, оставшись наедине с Кларой, заплакала.

Переработал «Ната Пинкертона», «Мы и они», «У последней черты», Куприна, берусь за Ал. Ремизова. Кларочка простудилась. Боюсь, что надолго. Познакомился с Мкрчаном.

Читаю Габбе «Быль и небыль» — чудо! Безупречный вкус, абсолютное понимание своей литературной задачи.

21 февраля. Ровно 13 лет со дня смерти Марии Борисовны. А я по-прежнему веду суматошливую, бестолковую — дурацки труженическую жизнь.

Видел Расула Гамзатова, мы расцеловались. Написал статейку в защиту Грековой, которую преследует остервенелая военщина

¹ «Солт уходит» (англ.).

за ее повесть «На занятиях»*. Написал плохо, был _____ **1968**
болен. Когда в Союзе Писателей на партийной Секции прозы обсуждали повесть (16-го февраля) и читали мою статью, один из военных громко сказал:

— Спятил старик.

Председатель предложил ему уйти. Он извинился и сказал, что выругал не меня.

Председатель:

— Поверим ему, что он сказал это не о К. И.

Собрание согласилось поверить.

Утешая Грекову, я по телефону сказал ей:

— Рассосется как-нибудь.

Она разгневалась:

— Я не хочу, чтобы рассосалось. Я хочу изболбить негодяев.

Вчера была Софа Краснова, принесла мне грозное письмо от издательства: требуют 6-й том. А я между тем отдаю целые недели Копшицеру, Грековой и друг. А впереди не больше месяца.

Прекрасная книга Семина.

Бокс 93

Март 68 в Инфекционном Корпусе

12 марта. Приехал сюда здоровый — и здесь меня простудили, т° 37,3.

Вспоминаю.

Б о л ь н и ч н ы е з а п и с к и

Что вспомнилось*,

или

Собачья чушь

(писано в больнице при высокой температуре)

1968

1.

В 1905–1906 гг. был литературный салон у Николая Максимовича Минского на Английской набережной в доме железнодорожного дельца Полякова. Поляков (родственник Минского) предоставил поэту роскошную квартиру. Минский поселился там с молодой женой, поэтессой Вилькиной. Вилькина была красива, принимала гостей, лежа на кушетке, и руку каждого молодого мужчины прикладывала тыльной стороной к своему левому соску, держала там несколько секунд и отпускала.

Однажды пошел я с нею и с В. В. Розановым на митинг. Когда ей нравился какой-нибудь оратор, она громко восклицала, глядя на него в лорнет:

— Чуковский, я хочу ему отдаться!

Брюсовский «Скорпион» напечатал книгу ее стихов «Мой сад». Розанов написал к книге предисловие, не читая ее. «Я думал, что книга зовется „Мой зад“», — оправдывался он.

* * *

2.

У Розанова была падчерица — Шура, высокая девушка, дочь его второй жены попадьи Варвары Дмитриевны. Раз — около 1907 г. — она назначила мне свидание у памятника Пушкина в Петербурге и сказала мне: «Я сифилитичка. Посмотрите!» (И показала болячки во рту, на шее). «Я сама себе отвратительна. У моего отца (священника) был сифилис».

Что мне было делать? Я предложил ей — на этот день — забыть обо всем и пойти со мной гулять по городу. Мы пошли к Неве. Я читал ей стихи Брюсова, Белого, Блока. Она слушала с упоением. «Еще!» — говорила она, едва я прекращал свое чтение.

На следующий день она повесилась.

Как В. В. Розанов любил свою Варвару! Здесь была его святыня — эта женщина с неприятным хриплым голосом, со злыми глазами, деспотка. Ее слово было для него — закон. Меня она терпеть не могла. Не выносила, насколько я помню, и Бердяева. «Фальшивые люди!» — говорила она.

* * *

Розанов очень мало читал. «Довольно с меня того, что я написал книгу „О понимании“. Книга большая: 5 рублей стоит», — хвастал он по-детски.

В кабинете у него висел барельеф — гипсовый портрет Ник. Ник. Страхова. На столе был портрет Николая Яковлевича Данилевского. «Данилевский правильно доказал, что дарвинизм — чушь. Вот я порезал палец, и какая-то премудрая сила скрепила порез, наложила сверху струп, произвела тонкую работу под струпом, струп отпал — и от пореза ни следа — вся фактура кожи ровная, словно и не было пореза. Природа совершила ряд целесообразных поступков, клонящихся к благу индивидуума, но при чем же здесь борьба за существование? Легче верить в бога, чем в эту борьбу».

Страшно хотел, чтобы Репин написал его портрет. Репин наотрез отказался: «лицо у него красное. Он весь похож на...»

Узнав, что Репин не напишет его портрета, Розанов в «Новом времени» и в «Опавших листьях» стал нападать на него, на Наталию Борисовну и выругал мой портрет работы Репина. Но все это простодушно; при первой же встрече он сказал: «Вот какую я выкинул подлую штуку».

1968

* * *

3.

Пишу, что вспомнилось: о Константине Набокове, полюбившем меня после моих переводов Уитмена. Тощая фигура, изможденное измятое лицо, отличный костюм от парижского портного — приехал ко мне в Куоккалу из-за границы, даже не заехав к своей матушке на Сиверскую (вся Сиверская принадлежала Набоковым). Денег у меня не было. Семья большая. Весь наш обед состоял из горохового супа. Я отправлялся в лекционное турне, читать лекцию, кажется, об Оскаре Уайльде. Он сопровождал меня и в Москву, и в Вильну, и в Витебск и снова и снова слушал мою лекцию — одну и ту же. Причем останавливался в дорожных гостиницах, водил меня по дорогим ресторанам — из-за чего мои заработки сильно уменьшились. Когда мы вернулись в Москву — я по некоторым поступкам Кости понял, что он гомосексуалист и любовь его ко мне — любовь урининга. Он любил искусство, был очень учтив, увлекался стихами — потом я встретил его в Лондоне, он был 1-ым секретарем посольства — и нашей дружбе наступил конец.

А в Питере мы очень дружили.

* * *

4.

Помню: гулял с Константином Набоковым, встретил Дымова. Дымов был дивный рассказчик — тогдашний Андроников. Зашли в подворотню, и Дымов выложил там весь свой репертуар: об Антокольском, на могиле которого энергичный оратор произнес:

— Он умер, наконец.

О юбилее еврейского прозаика Пружанского и т. д. Потом оказалось, что Дымов спешил в аптеку за лекарством для больного ребенка. Уезжая из Финляндии, я оставил все письма Константина Набокова ко мне у сербского посланника Ив. Ст. Шайковича*, женатого на дочери Шишкина.

* * *

5.

Как Ахматова презирала Шкловского! Это перешло к ней по наследству от Блока, который относился к нему с безразличностью,

как к прокаженному. «Шкловский, — говорил он, — принадлежит к тому бесчисленному разряду критиков, которые, ничего не понимая в произведениях искусства, не умея отличить хорошее от плохого, предпочитают создавать об искусстве теории, схемы — ценят то или иное произведение не за его художественные качества, а за то, что оно подходит (или не подходит) к заранее придуманной ими схеме».

* * *

6.

Читаю 5-ое издание Хрестоматии по детской литературе. Сколько принудительного ассортимента: например, родоначальником детской литературы считается по распоряжению начальства Маяковский. Я прочитал его вирши «Кем быть». Все это написано левой ногой, и как неумоима была его левая нога! Какое глубокое неуважение к ребенку. Дело дошло до такого неряшества — о самолете —

В небеса, мотор, лети,
Чтоб *взамен* низин (где ритм?)
Рядом птички пели.

Почему птички поют *взамен* низин? Разве низины поют? И потом, разве самолеты для того поднимаются ввысь, чтобы слушать пение птиц? И если бы даже нашелся такой летчик, что захотел бы взлететь в небеса, чтобы послушать птиц, их голос будет заглушен пропеллером. Между тем именно в низинах огромное большинство певчих птиц. И какая безграмотная фразеология. И как устарело! Этот фимиам рабочему, этот рассказ о постройке многоэтажного дома при помощи строительных *лесов*. Так как я люблю Маяковского, мне больно, что по распоряжению начальства навязывают детям самое плохое из всего, что он написал. Издательство «Просвещение» лучше бы назвать «Затемнение». В «Хрестоматии» есть много Баруздина и нет ни Майкова, ни Полонского, ни Хармса, ни Вознесенского, ни Пантелеева.

* * *

7.

Мережковский однажды изрек:

— Люди разделяются на умных, глупых и молдован. Репин — молдованин.

— И Блок тоже! — громко крикнула из другой комнаты 3. Н. Гиппиус.

В ту минуту мне показалось, что я их понял.

8.

В 1968 году я написал рецензию о Копшицере*. Отдал ее в «Литгазету». Там отказались напечатать.

— Это не наш профиль.

Я ответил:

— Тут виноват не ваш профиль, а профиль Копшицера.

И отправил статейку в «Лит. Россию».

— Хорошо, — сказал мне Поздняев, — но вы *за это* дайте нам материал о Горьком.

Я обещал. Поздняев напечатал мою рецензию.

Потом приехал ко мне. Я дал ему кое-какой материал и в том числе — запись Горького об антисемитизме гравера Боброва, где говорится, что Горький выступил в защиту евреев*. Поздняев взял, но этого материала *не напечатал*. — «Гравюра не поддается воспроизведению», — бесстыже заявил он мне в глаза.

* * *

9.

Я — Леониду Андрееву, когда он, уехав в Италию, предоставил мне жилье в своем доме:

Длиннейший изо всех Корнеев
Шлет капитану свой салют
С фрегата «Леонид Андреев»,
Где средь заброшенных кают
Нашел он отдых и уют.

и т. д.

* * *

10.

Сейчас вспомнил, что была в Одессе мадам Бухтеева (ее объявления можно найти в «Одесских новостях»). У нее было нечто вроде детского сада — и туда мама поместила меня, когда мне было лет 5-6. Там было еще 10-15 детей, не больше. Мы маршировали под музыку, рисовали картинки. Самым старшим среди нас был кучерявый, с негритянскими губами мальчишка, которого звали Володя Жаботинский. Вот когда я познакомился с будущим национальным героем Израиля — в 1888 или 1889 годах!!!

27 марта. Тоскуя от одиночества, пошел в Главный Корпус. Встретил там сладчайшего армянина, читающего моих «Совре-

* * *

10, а

Встретил акад. Скрябина, которому сейчас 93 года. Остались одни усы. А ведь был дюжий и бравый. Лет 30 (или 40) назад мы оба отдыхали в Кисловодске, в санатории Академии Наук (или КСУ), меня прельстила его поэтическая походка, его музыкальная фамилия. Я спросил у него, чем он занимается. Он ответил: гельминтологией. Что это такое, я не знал. Думал, что-нибудь поэтическое, вроде ботаники. И попросил его выступить вечером для отдыхающих с маленьким докладом по гельминтологии (я был организатором вечерних бесед). Собрались дамы в вечерних туалетах, вышел он походкой артиста или капельмейстера и начал поэтическим голосом:

— Рано утром, покуда детки еще спят, войдите в любую спальню детского дома и поднимите им рубашечки. Вы увидите, что у них из заднего прохода, высунув головки, выглядывают глисты...

И около часу продолжал в этом роде. А закончил весело: «В каждом из вас сидят черви. Мы все зачервлены, все до одного».

Заведующий вечерними развлечениями назывался почему-то диктатор. После того, как я на следующий вечер устроил чтение проф. Н. Н. Петрова «О раке» и он убежденно сообщил, что по крайней мере одна треть слушающих его умрет от рака, — мне пришлось передать свой диктаторский жезл другому.

* * *

11.

У Саввы Мамонтова когда-то проживал юноша Вентцель. С него Репин написал своего смертника в картине «Отказ от исповеди». Что Вентцель делал впоследствии, не знаю. Я познакомился с ним, когда он был глубоким стариком и писал в «Новом времени» стишочки под псевдонимом «Бенедикт». Сологуб жил тогда на Васильевском Острове. Вентцель, глухой, снежно седой, сидел в стороне от всех и беспомощно улыбался. Ни одного звука из того, что читали Тэффи, Сологуб, Блок, Кондратьев, он не слышал и сидел среди толпы «in splendid isolation»¹. Но изредка к нему подбегал кто-нибудь (чаще всего Петр Потемкин) и кричал ему в черную большую трубу, похожую на рожок, какое-нибудь

¹ «в великолепной изоляции» (англ.).

слово. Это значило, что от Вентцеля требуется рифма к этому слову. Помню, Потемкин крикнул ему в трубу слово «евангелие» — старик оживился и тотчас же сообщил могильным голосом, что святой Николай был очень обижен,

1968

Когда святого дали ранг Илье.

Игра в рифмы была очень распространена на сологубовских вечерах. Помню, Сологубу дали рифмы «Чернильница» и «лампа». Он тотчас же сказал, не задумываясь:

Предо мною лампа
И чернильница,
Я танцую там па,
Где родильница.

В «Чукоккале» он записал такую рифму на слово Африка:

Солнце жаркое палит
Кафра, кафриху и кафрика,
Бур за камушком лежит,
Это Африка.

* * *

Сестра Галя говорит «Ессентучки».

12.

Самовлюбленный Луговой. Красивый, высокий, с венчиком седеющих волос вокруг лысины — облик большого писателя. Любил сниматься — руки на груди (как у Брюсова на врубелевском портрете). Пришел к нам в нашу нищенскую квартиру (Коломенская, 11) и предложил мне издать мою книжку («так как у вас несомненно талант»). Я обрадовался: напечатать книжку это выход из нищеты. «Книжка будет с портретом». — «С каким?» — «С моим, конечно». Название книжки: «Алексей Луговой». Из-за безденежья я согласился. Поехал к нему в Лугу на неделю (главный соблазн — ежедневный обед), и он водил меня по Луге и говорил: «Вот здесь я задумал роман “Добей его!”». Здесь я закончил свою повесть “Умер талант”. Я увидел, что писать о нем невозможно, — разве что эпиграмму. Банален, претенциозен, не без проблесков дарования, но пуст. Свои черновые рукописи он посылал в Вашингтонскую библиотеку, не доверяя нашим русским хранилищам. Многие свои вещи предварял эпиграфами из Шопенгауэра, Эхила, Ипполита Тэна на немецком, древнегреческом, французском языках. Когда его жена шла в гости, он писал длинные подкаски, что говорить и чего не говорить. Когда он задумывался, жена сни-

Каждое утро в постели он сочинял новый афоризм и вставлял его в рамочку и вешал у себя над кроватью до следующего утра. А старые афоризмы складывал как драгоценность — плоские изречения Кифы Мокиевича*. Была у него секретарша, извилистая, словно резиновая, с чувственным, тоже резиновым ртом. Она каталась зимой на салазках, попала в колодец, разбилась насмерть. Ее сфотографировали: она лежит на спине, мертвая, а он стоит в позе мудреца — глядит на нее и размышляет о тайнстве смерти. Вскоре после кончины Лугового его вдове попались в потаенном ящике любовные письма этой резиновой девушки к Луговому. Вдова возненавидела его: «Я из-за него сделала себе девять аборт, а он, подлец», — говорила она мне. Она дружила с мадам Маркс, женой издателя «Нивы», звала ее Лидушей. На Маркса такое впечатление произвела наружность Лугового, что он под влиянием Лидуши купил у Лугового его претенциозные сочинения за 65 тыс. рублей. Луговой был обижен — меньше, чем Чехову! Вообще, он был непоколебимо уверен в своей гениальности. Страстная мечта жгла его — попасть в академики. Поэтому он ухаживал за Боборыкиным — и в бытность свою редактором «Нивы» дал бесплатным приложением его Собрание сочинений. Подписка на «Ниву» мгновенно упала. Единственное, что было в нем для меня интересно, — знакомство его с Влад. Соловьевым. Вл. Соловьев переписывался с ним, дарил ему свои стихи.

Претенциозное самомнение Лугового сыграло с ним злую шутку. Он вообразил, что он может написать трагедию о баварско-мексиканском Максимилиане, в которой будет около 25 действий и около 1000 действующих лиц. Трагедия была написана корявыми стихами — и окончательно сгубила его репутацию. Он послал ее в «Русское Богатство» и получил отрицательный отзыв от Короленко. Ну уж и отделал он Владимира Галактионовича в ответном письме!!!

* * *

13.

У Ольги Николаевны Чюминой каждую среду бывали мы с Марьей Борисовной, Поликсена Соловьева, Зинаида Венгерова. Иногда Мизинова, молчаливая, полная дама с мужем (Саниным). Ни разу я не слышал от нее ни одного слова о Чехове.

* * *

1 апреля 68 года. День моего рождения. Очень забавна судьба человеческая. Я, здоровый, захотел лечь в больницу в марте, что-

бы стать покрепче к 1-му апреля. Ждал этого дня, _____ 1968
как праздника. И вот докторша Мария Николаевна
заявляет мне сегодня, что у меня «желтушка». Ждал я милую прав-
нучку Мариночку — в этот день. И оказалось, вчера на Марину на-
летел детский велосипед — и у нее «сотрясеньице мозга». Она в
больнице. Знайте, смертные, вреднее всего то, что вы считаете
наиболее желательным, и враждебно то, что вы считаете друже-
ственным.

6 апреля. Читаю Бунина «Освобождение Толстого»*. Один
злой человек, догадавшийся, что доброта высшее благо, пишет о
другом злом человеке, безумно жаждавшем источать из себя доб-
роту. Толстой был до помрачения вспыльчив, честолюбив, само-
любив, заносчив, Бунин — завистлив, обидчив, злопамятен.

* * *

14.

Несколько воспоминаний из очень далекого прошлого.

Огромный зал, наполненный толпой. Человек семьсот, а по-
жалуй, и больше. Студенты с огневыми глазами и множество наз-
лектризованных дам.

Все томится страстным ожиданием. Наготове тысячи ладо-
ней, чтобы грянуть аплодисментами, чуть только на сцене поя-
вится он.

«Он» — это Семен Юшкевич, любимый писатель, автор серд-
щипательного «Леона Дрея» и других столь же бурных творе-
ний, которые не то чтобы очень талантливы, но насыщены горя-
чей тематикой. Знаменитым он стал с той поры, как его повести,
рассказы и очерки стали печататься в горьковских сборниках
«Знание», рядом с Горьким, Куприным и Леонидом Андреевым.

Сейчас он, постоянный обитатель Одессы, появится здесь,
перед киевской публикой и самолично прочтет свой только что
написанный рассказ.

Но почему он запаздывает? Прошло уже десять минут, а сце-
на, где стоит пунцовое кресло и столик с графином воды, все еще
остается пустая.

Вот и четверть часа, а Юшкевича все еще нет.

Вместо него на эстраде возникает какой-то растерянный, дро-
жащий, щеголевато одетый юнец и голосом, похожим на рыда-
ние, сообщает об ужасной катастрофе: любимый писатель при-
слал телеграмму, что из-за внезапной простуды он не может се-
годня порадовать Киев своим драгоценным присутствием.

В зале раздается общий стон. Вздохи разочарования и скорби.

Когда они немного затихают, незнакомец торопится утешить толпу:

— В этом зале присутствует другой беллетрист, тоже участвующий в сборниках «Знание», — Иван Алексеевич Бунин, который любезно согласился выступить здесь перед вами с чтением своих произведений.

Публика угрюмо молчит. Юноша завершает свою грустную речь неожиданно бодрым басом:

— Желающие могут получить свои деньги обратно.

Желающих оказывается великое множество. Все, молодые и старые, словно в зале случился пожар, — давя и толкая друг друга, кидаются безоглядно к дверям. Каждый жаждет получить поскорее свои рубли и копейки, покуда не закроется касса.

В это время на сцене появляется Бунин с неподвижным, обиженным и гордым лицом. Не подходя к столику, он останавливается у левого края и долго ждет, когда кончится постыдное бегство ошалелой толпы.

Оставшиеся в зале — человек полтора — шумно устремляются к передним местам.

Бунин продолжает стоять все в той же застывшей позе — бледный, худой и надменный.

Начинает он со своего стихотворения «Пугало». Это единственное его стихотворение на гражданскую тему: прогнившее самодержавие изображается здесь в виде жалкого огородного чучела:

На задворках за ригами
Богатых мужиков
Стоит оно, родимое,
Одиннадцать веков.

Но иносказание не понимает никто. «Одиннадцать веков», эта точная дата возникновения абсолютизма в России осталась никем не замеченной. Всем кажется, что Бунин и вправду намерен подробно описать деревенское чучело. Человек семьдесят — из тех, что хотели остаться, — срываются с мест и устремляются, сломя голову, к выходу.

— Ээ! Природа и погода! — с презрением резюмирует поэзию Бунина один из пробегающих мимо, тучный, мордастый мужчина, увлекая за собою двух кислотицх девиц. Вот и еще дезертиры, а за ними еще и еще. В зале остается ничтожная кучка. Сгрудившись у самой рампы в двух-трех шагах от оскорбленного Буни-

на, мы хлопаем неистово в ладоши, чтобы хоть отчасти вознаградить его за то унижение, которое он сейчас испытал.

1968

Но он смотрит на нас ледяными глазами и читает свои стихи отчужденным, сухим, неприязненным голосом, словно затем, чтобы мы не подумали, будто он придает хоть малейшую цену нашей преувеличенно-пылкой любви.

Кончилось тем, что какой-то желторотый студент, желая блеснуть своим знанием поэзии Бунина, обратился к нему с громкой просьбой, чтобы он прочитал: «Каменщик, каменщик в фартуке белом», не догадываясь, что это стихотворение Брюсова.

То было новой обидой для Бунина. Он даже не взглянул на обидчика и горделивою поступью удалился со сцены.

Происходило это, насколько я помню, в так называемом Коммерческом клубе. Я встретился с Буниным у входа, и мы пошли по киевским переулкам и улицам.

О том, что случилось сейчас, мы не говорили ни слова, но было ясно, что обида, которую ему нанесли, отразилась на его тогдашнем настроении. Он с первых же слов стал хулить своих литературных собратьев: и Леонида Андреева, и Федора Сологуба, и Мережковского, и Бальмонта, и Блока, и Брюсова, и того же злополучного Семена Юшкевича, из-за которого ему пришлось пережить несколько неприятных минут.

Говорил он без всякой запальчивости, ровным, скупающим голосом, но видно было, что мысли, которые он излагает, — застарелые, привычные мысли, высказывавшиеся им тысячу раз.

Я любил его произведения, понимал, что он имеет право считать себя непонятым, недооцененным писателем, но его недобрые отзывы казались мне глубоко ошибочными. Он говорил о писателях так, словно все они, ради успешной карьеры, кривляются на потеху толпы. Леонида Андреева, который в то время был своего рода властителем дум, он сравнивал с громахающей бочкой — и вменял ему в вину полнейшее незнание русской жизни, склонность к дешевой риторике. Бальмонта трактовал как пошляка-болтуна, Брюсова — как совершенную бездарность, морочившую простаков своей мнимой ученостью. И так дальше, и так дальше. Все это были в его глазах узурпаторы его собственной славы.

В ту ночь, слушая его монолог, я понял, как больно ему жить в литературе, где он ощущает себя единственным праведником, очутившимся среди преуспевающих грешников.

Ему, сознающему себя талантливее и выше их всех, оставалось одно: относиться к ним с высокомерной брезгливостью. Особен-

но поразили меня его язвительные отзывы о Горьком. «Утро в Куоккале, — рассказывал он. — На дачной террасе кипит самовар. Горький сходит вниз раньше всех и нетерпеливыми пальцами разворачивает свежие газеты. В каждой газете говорится о нем. Он ухмыляется. Проходит полчаса. Он откладывает газеты в сторону. К чаю спускаются дамы — и тоже первым делом за газеты. — Алексей Максимович, здесь репортажная заметка о вас, а здесь целый подвал о вашей книге.

Горький с деланным равнодушием:

— А мне неинтересно».

Я принял все это за чистую монету и не догадался спросить, откуда же мог Бунин узнать, что делал Горький у себя на террасе один без посторонних свидетелей.

С Горьким и Леонидом Андреевым Бунин все еще поддерживал отношения дружеские.

Нельзя сказать, чтобы он был непризнанным автором. Истинные ценители литературы, ее верховные судьи, Чехов и Горький, уже по ранним стихам и рассказам высоко оценили его дарование. Академия Наук почтила его званием академика. Но публика, читательская масса долго оставалась к нему равнодушна.

Мне вспоминаются несколько отрывочных фактов.

Самое древнее воспоминание такое:

Гостиница «Метрополь». Москва. В двух крайних номерах ютятся редакции и контора декадентского издательства «Скорпион» и молодого журнала «Весы». Валерий Брюсов, глава и руководитель издательства, только что уехал — на конке — домой. Издатель «Скорпиона» скромнейший и тишайший миллионер Сергей Александрович Поляков со своей милой, виноватой улыбкой угощает нас чаем — меня, Андрея Белого, Бальтрушайтиса и каких-то норвежских гостей. Уже подали два подноса с двумя пузатыми московскими чайниками. Уже поставили на стол две бутылки кагора. Но стулья заняты почетными гостями, а нам приходится садиться на какие-то пачки истерханных книг, перевязанных крепкой бечевкой. Что за книги, полюбопытствовал я. Оказалось: Ив. Бунин. «Листопад». Этот первый сборник бунинских стихов издал «Скорпион», и сборник лег на складе мертвым грузом. Покупателей на него не нашлось. Всякий раз, приходя в издательство, я видел эти запыленные пачки, служащие посетителям мебелью. Они остава-

лись там несколько лет, и в конце концов издательство объявило в своих анонсах, прилагаемых к журналу «Весы»:

«Иван Бунин. «Листопад» вместо рубля 60 копеек».

И тут же:

«Валерий Брюсов. «Urbi et Orbi»¹ распродано».

Каково было Бунину читать эти строки при его презрительном отношении к Брюсову?

И еще одно воспоминание — более позднее. Финляндский вокзал в Петербурге. Лето, жара, духота. Из поезда выходят Леонид Андреев и Бунин. Публика сошла с ума от радости: «Андреев, Андреев, Андреев!» Толкая друг друга, разгоряченные, потные, все ринулись поглядеть на сверхзнаменитого автора «Бездны».

— А кто это с ним рядом?.. вот тот... художавый.

— Бунин! — говорю я как можно внушительнее.

Но все по-прежнему лепечут молитвенно:

— «Андреев... Андреев... Андреев».

Вряд ли все это доставляло удовольствие Бунину: он считал себя на тысячу голов выше Андреева.

Как-то ночью, направляясь из Петербурга в Куоккалу, я увидел их обоих в вагоне той же Финляндской железной дороги. Они ехали дальше, чем я, — до станции Райвола. Оба были пьяны, но Бунин казался гораздо трезвее Андреева, который, как и все очень добрые люди, был во хмелю говорлив, наклонен к слезам и лиричен. Он обнимал Бунина и признавался ему в нежнейшей любви. И тут же засыпал — на минуту. А Бунин вырывал у него из бороды волоски и говорил, усмехаясь:

— Я пошлю по волоску твоим поклонницам!

Помню, как тревожилась простодушная Анастасия Николаевна, мать Леонида Андреева, когда в Финляндию, в Ваммельсуу, приезжал Бунин и они оба отправлялись кутить в Петербург.

— Опять он споит Леонида.

Конечно, Бунин не ставил себе этой задачи. Да и не требовалось особых усилий, чтобы споить Леонида Андреева, так как Андреев в те годы пьянел после третьей рюмки.

¹ «Городу и миру» (лат.).

И еще воспоминание. Москва. Репин в гостях у Марии Николаевны Муромцевой, популярной в свое время певицы.

Комнаты полны знаменитостями. Репин, Коровин, Шаляпин и в углу незаметный Бунин. Я подсел к нему, и он с неожиданной задушевностью в голосе стал говорить о Репине: какой это чудесный художник. Особенно восхищался портретами Писемского, Мусоргского, Фофанова и картиной «Не ждали».

Меня это не удивило: в те дни он несколько раз с чувством восхищения и нежности говорил о картинах Репина.

Я напомнил ему, что на передвижной выставке, где была картина Репина «Какой простор!», он громко порицал эту картину.

Он ответил:

— Да, эта картина ниже дарования Репина. Но заметили вы, какая там чудесная волна, прянувшая из-под мартовской льдины... Живая волна, замечательно схваченная.

Увлеченный разговором, я не заметил, что комната давно опустела. Все ушли в столовую, где, очевидно, происходило что-то очень смешное, потому что оттуда не раз доносились взрывы веселого женского визга.

Наконец все вернулись в гостиную. Николай Дмитриевич Ермаков, мой петербургский знакомый, пришедший сюда вместе с Репиным, подошел ко мне и с упреком сказал:

— Эх вы! Проворонили такое наслаждение! Сейчас Федор Иванович (Шаляпин) рассказывал дьявольски смешные истории, а вы целый час просидели с этим... Подмаксимкой.

Бунин в то время уже написал свои лучшие вещи, но обыватели все еще по привычке считали его Подмаксимкой, то есть одним из слабых писателей, пытающихся благодаря своей близости к Горькому придать себе вес и значение.

Это дико, это безумно, это кажется почти невероятным, но таковы были факты. Повторяю, Бунин имел свою долю успеха, его не замалчивали, о нем печатались хвалебные рецензии — но если сравнить, например, те Эльбрусы статей, которые вызывало каждое новое произведение Горького, а впоследствии — Леонида Андреева, с количеством критических откликов, посвященных произведениям Бунина, это количество покажется микроскопически малым. Хотя впоследствии он отзывался о символистах с гадливой насмешливостью, он в свое время сделал скрепя сердце попытку примкнуть к их лагерю и сблизиться с ними, потом примкнул к сборникам «Знания», в которых, судя по его позднейшим

высказываниям, тоже чувствовал себя чужаком. Никаких звонких лозунгов он с собой не принес, никуда не звал, ничему не учил, правда, он обладал светлым поэтическим ощущением жизни, изощренным мастерством новеллиста, самобытным и тонким стилем, но это совсем не те качества, которые ценились в то время широкой читательской массой.

И конечно, он был бы святым, если бы не чувствовал затаенной вражды к более счастливым соперникам. Их всероссийская слава, по искреннему его убеждению, досталась им слишком уж дешево — за произведения более низкого качества, чем те, какие созданы им. Но святым он не был, и потому можно представить себе, сколько долгих и тяжких обид должен был испытывать он изо дня в день, видя шумные триумфы Валерия Брюсова, Леонида Андреева, не говоря уже о небывалой, фантастической славе Горького.

Хуже всего было то, что он должен был скрывать свои высокомерные чувства, должен был постоянно яхнаться с теми, кого презирал, водить с ними многолетнюю дружбу, писать им теплые, участливые письма (о которых впоследствии и сам заявил, что они часто бывали неискренними*, то есть скрывали его неприязненное отношение к тем, кто считали его своим другом).

Когда в позднейших его мемуарах читаешь желчные отзывы о тех писателях, с которыми он водился в дореволюционное время, понимаешь, как мучительно было ему, считавшему себя великаном, жить среди тех, кого он считал чуть не карликами.

Читая воспоминания Бунина, представляешь себе, что он был резкий, колючий, насмешливый, строго принципиальный человек, бесстрашно вступивший в борьбу с бездарностью, пошлостью, лживостью литературных направлений и школ, процветавших в его эпоху.

На самом деле он держался по-приятельски и с Чириковым, и с Найденовым, и с Максом Волошиным, и (в первое время) с Валерием Брюсовым. Я видел, как кротко беседовал он с Петром Семеновичем Коганом, с критиком Тальниковым, с критиком Евгением Ляцким.

* * *

Очень удивили меня его мемуарные заметки о Репине*. В них он сообщает, что Репин жаждал написать его портрет и что, уступая настоятельным просьбам художника, он приехал к нему в Куоккалу в назначенный день. Но в мастерской, где работал Репин, стоял лютый холод, все окна были распахнуты в зимнюю стужу, и Бунину пришлось поспешно убежать из Пенатов, к немалому огорчению Репина.

Когда это произошло, неизвестно. Бунин не указывает даты. Может быть, в самом начале двадцатого века, когда я еще не жил в Куоккале и не был знаком с Ильей Ефимовичем. А в более поздние времена дело было как раз наоборот. Бунин очень добивался того, чтобы Репин написал его портрет, но, к сожалению, потерпел неудачу. Все это происходило у меня на глазах, и мне хочется поделиться своим недоумением с читателем.

Раньше всего мне вспоминается 1914 год, когда какой-то безумец порезал картину Репина «Иван Грозный и сын»*. Репин приехал в Москву. Остановился в гостинице «Княжий двор» на Волхонке. Здесь его посетила делегация именитых москвичей, депутат Государственной Думы Ледницкий, Бунин, Шаляпин и еще кто-то, кажется, художник Коровин, и от имени Москвы трогательно просили у Репина прощения за то, что Москва не уберегла его картины. Репин благодарил, главным образом Шаляпина. И тогда же сказал Федору Ивановичу: «Я жажду написать ваш портрет!» А Бунину, стоявшему рядом, он не сказал этих слов. Потом в ресторане, кажется в Праге, состоялся банкет в честь Репина, где произносились горячие речи. Бунинская речь была дифирамбом в честь Репина. Репин благодарил его в своем обычном гиперболическом стиле, но ни слова не сказал о желании написать его портрет. Потом (или раньше, не помню) Репин посетил Третьяковскую галерею, смотрел реставрированного «Ивана». С ним вместе пришли Шаляпин и Бунин, и Репин снова повторил Шаляпину, что хочет написать его портрет. Мы возвращались с ним из Москвы в Петербург, он всю дорогу восхищался Шаляпиным, называл его вельможей Екатерины и тут же в вагоне у меня на глазах набросал карандашный эскиз будущего шаляпинского портрета.

Зная, как Бунин мечтает о том, чтобы Репин написал его портрет, я, когда мы вернулись в Куоккалу, читал Репину лучшие очерки, рассказы и стихотворения Бунина. Репин одобрял и стихи и рассказы, но не выразил никакого желания запечатлеть его черты на холсте. Когда Бунин ([в оригинале пропуск. — *Е. Ч.*] числа) приехал к нему в Пенаты, Репин не принял его¹, — и Бунину пришлось придти ко мне. Хотя тесные комнаты моей маленькой дачи были даже слишком натоплены, он не снял своей роскошной шубы, утверждая, что в доме у меня страшный холод, выбрал климат Финляндии, потом ушел огорченный на станцию. Я

¹ Возможно, что Репин был в то время в отлучке. Этого я точно не помню. — *К. Ч.*

проводил его к поезду, и этим, по-моему, кончились все его отношения с Репиным.

1968

Все это совсем не похоже на то, что написано в его воспоминаниях. Конечно, я не сомневаюсь в правдивости Бунина, но должен сказать, что, бывая в мастерской Репина почти ежедневно с 1909 года по 1917, я ни разу не страдал там от холода, о котором повествует Бунин. У Репина были ученики Фюк и Комашко, которые отапливали мастерскую до 15–20 градусов по Цельсию. Репин любил свежий воздух, спал в меховом мешке под открытым небом на балконе, но (по крайней мере, в мое время) писал он всегда в тепле.

15.

Куприн любил всякие practical jokes («розыгрыши»). Однажды в Одессе я после ночи, проведенной в море с рыбаками, пришел к нашему общему приятелю Антону Богомольцу и, растянувшись на трех стульях, заснул. Куприн взял ножницы и проделал какие-то проплешины в моих густых волосах. Когда я проснулся, я увидел, что шевелюра моя безнадежно испорчена. Куприн оправдывался: «Сегодня тезоименитство государыни императрицы Александры Федоровны. Я из патриотических чувств мечтал где-нибудь запечатлеть букву А. Увидел, что вы крепко заснули, и выстриг эту букву у вас в волосах».

16.

Нужно подробнее написать, как я пришел в Москве к Бунину — поздравить с тем, что его избрали академиком. Как он в очках разбирал какие-то карточки — с матерными словами разных губерний. Илья Толстой. — Шалапин.

17.

Михаил Константинович Лемке. Я познакомился с ним у Ляцкого (в доме Пыпиных). Было в нем что-то воловье. Работоспособность колоссальная. Его книги о полицейской политике Александра II, погубившей Михайлова, Чернышевского и др., доставили ему великую славу в 1904–1905 годах. Он первый вскрывал жандармские архивы того времени — и очень ловко использовал свои находки — писал залихватски, эффектно, в духе бульварных романов, но виден был ум дубоватый, узкий, элементарный. Стоило посмотреть на его приземистую фигуру, на его квадратный лоб, над которым волосы торчали ежиком, чтобы убедиться, что он ограниченный человек, — сильный своей ограниченностью. Вся его работа над Герценом обнаружила его колоссальную рабо-

тоспособность и полную неспособность понять Герцена. В его натуре не было ни грамма артистичности, и одной работоспособности здесь оказалось мало. Позднейшее академическое издание Герцена обнаружило промахи и провалы в его комментариях к Герцену. Герцен насыщал свои писания французскими, немецкими, английскими каламбурами. Ни одного из этих языков Лемке не знал. Отсюда его позорные «междуфилейная часть» (*entrefilet*)¹ и выставка кукол (*of babies*).

Наряду с воловьими качествами в нем странным образом уживались лисьи. В этом я убедился, наблюдая его в репинских Пенах. Так как он заведывал типографией М. М. Стасюлевича (втершись в доверие к его жене Любови Исааковне (урожд. Утиной), он принял к напечатанию книгу Нордман-Северовой и на этой почве жаждал сблизиться с Репиным. Мечтал о том, чтобы Репин написал его портрет, и всячески его злил передо мной, думая, что портрет зависит отчасти от меня.

Не было таких льстивых эпитетов, которыми он не награждал бы меня, мои статьи. Любови Исааковне Стасюлевич он угодил тем, что, отбросив всякие радикальные идеи, став на время праведным либералом, издал пять томов корреспонденции ее покойного мужа. Лисьи способности Лемке сказались во время войны, когда он попал в Ставку царя и очутился среди генералитета. Есть его пухлая книга о Ставке*.

Отношения наши были дружеские. Приходя к нему, я всегда заставлял его за работой. В комнате у него стоял сейф с рукописями Герцена, сейф этот был очень внушителен. Он охотно показывал мне эти рукописи, вообще был радушен и любезен. Но вот в одном из томов Герцена он опубликовал найденное им где-то письмо Некрасова к Герцену, приписал ему фальшивую дату и сделал из этого письма чудовищные выводы. Я отнесся к его ошибкам юмористически и указал на них в печати в своей статье «Жена поэта»*. В 1919 году, едва написав эту статью, я читал ее в Доме Искусств. Присутствовал Лемке. Когда я стал доказывать, что он не понял найденного им письма, он порывисто сорвался с места — и, бормоча ругательства, демонстративно покинул зал.

В это время — или несколько позже — в Ленинграде стал издаваться журнал «Литература и революция», или что-то в этом роде. Там Лемке был заправилкой. Первым долгом он напечатал статейку против моего «Крокодила», где прямо было сказано, что, кроме гонорара, полученного мною, никакой никому пользы «Крокодил»

¹ На самом деле — типографский термин, обозначающий вступление, послесловие или комментарий к основному тексту (*франц.*).

не принес. Таким образом Лемке явился первым в ряду тех мракобесов, которые составили целую фалангу иступленных врагов моего детского творчества. Здесь же, рядом, чуть ли не в том же номере журнала, Лемке (под псевдонимом Маврин) ополчился против моих некрасоведческих работ*. Здесь он был во многом прав, но кипящая в нем злоба — личная злоба, порожденная обидой, чувствуется в каждой строке. Чтобы окончательно посрамить меня как некрасоведа, Лемке заявил, не совсем грамотно, что найденная мною рукопись Некрасова, которую я условно назвал «Каменное сердце», есть только малая часть того текста, который известен ему весь целиком. Этот текст будто бы называется «Как я велик!» и издан на правах рукописи в Перми. Всё это, конечно, очень странно: зная огромный интерес к Достоевскому и Некрасову, нельзя не удивляться тому, что в необъятной литературе, посвященной обоим писателям, эта публикация осталась никому, кроме Лемке, неизвестна. А если она каким-то чудом стала доступна ему одному, почему он не обнародовал ее, почему не сообщил о ее существовании (если не мог обнародовать)? Почему он ждал, чтобы я нашел одну главу этой повести, — и лишь тогда выступил с сенсационным известием. По его словам, эта книжка была у него в руках недолго. Но все же была. Значит, он знает, кто владелец этой книжки. Почему он скрыл его имя?! Почему не убедил владельца, что напечатание никому не известной повести Некрасова о Достоевском несет ему и прибыль, и почет. Что заставляет этого владельца вот уже 40 лет прятать от читателей свое сокровище? Не то ли, что «Как я велик!» — фальшивка, неумелая подделка подлинного текста? Не то ли, что «Как я велик!» не имеет ничего общего с некрасовской темой? Если бы Лемке привел хоть три строчки из пермской книги, если бы он хоть в общих чертах сообщил о содержании тех глав, которые не найдены мною. Тем не менее милый и простодушный С. Шестериков заявил в № 49–50 «Литературного наследства», что ввиду высокого (?) научного авторитета Мих. Лемке мы должны считать, что находка Чуковского не имеет ни малейшей цены по сравнению с находкой Лемке, хотя Чуковский опубликовал и прокомментировал подлинную некрасовскую рукопись, а Лемке лишь сообщил заглавие какой-то неведомой книги, из коей он не мог привести ни единой строки.

Со стороны все это представляется мне очень забавным. Предположим, что я нашел всего гривенник, но Шестериков, не найдя ни копейки, вместо того, чтобы поблагодарить меня за этот гривенник, сердится на меня, зачем я не нашел рубля, хотя рубль чрезвычайно сомнительный, может быть, даже фальшивый.

Николай Ив. Кульбин был кроткий, учтивый человек, любивший говорить всем приятное. Когда я познакомился с ним, ему было лет 50. Он был старше всех других футуристов. Лысина, лучистые морщины. Служил в каком-то медицинском департаменте — и дослужился до генерала. Летом жил в Куоккале неподалеку от нас. Неплохо рисовал — главным образом портреты. При всей своей тихости, в душе был бунтарь. Недаром примкнул к футуристам, выступал вместе с ними в их шутовских маскарадах. Едва прослышав об американских нюдистах, стал выходить на куоккальский пляж нагишом в генеральской фуражке. Это вызывало скандалы. Тогда он стал надевать на свое волосатое тело легкие полупрозрачные трусы — и однажды явился в таком виде к нам на дачу. Пройдя пляжем около версты, подошел к Марии Борисовне и учтиво поцеловал ей руку. Мария Борисовна глянула на него:

— Ступайте вон! Безобразие! — закричала она.

Он вежливо приподнял фуражку и с достоинством удалился.

Я возил его к Леониду Андрееву — он нарисовал Леонида Николаевича — очень похоже.

19.

Подвыпивший Бальмонт шел ночью по Лондону. У лондонских полицейских был обычай проверять пьяных при помощи дубинки. Если от легкого удара дубинки пьяный не свалится на землю, он может продолжать путь, а свалится — его забирают в участок. Бальмонт не свалился и под утро пришел в бординг хауз весь в синяках. (Рассказано И. В. Шкловским-Dioneo.)

20.

Пародия Бунина на Бальмонта:

Собака я, когда с собакою,
Я с лесом лес, со зноем зной,
Я Титикака с Титикакою,
Но я не муж, когда с женой.

21.

Бунин в 9 томе говорит в «Письме в редакцию «Последних новостей»:

«Я стоял... раздетый, разутый, — он сорвал с меня даже носки, — весь дрожал и стучал зубами от холода и дувшего в дверь сквозняка...» (333).

В статье: «Репин»:

«...жестокий мороз... в доме — все окна настежь.

1968

Репин... ведет в свою мастерскую, где тоже мороз, как на дворе... Я... пустился со всех ног на вокзал...» (379—380).

В «Джером-Джероме»:

«В английских столовых с одной стороны камин, с другой “полярный холод”». «Милые хозяева вдруг распахнули все окна настежь, невзирая на то, что за ними валил снег. Я шутя закричал от страха и кинулся по лестнице спастись...» (381).

Он был очень зябкий и даже у меня на даче в жарко натопленной комнате не снял шубы. Говорил: я путешествую в южные страны, а в России — только в международных вагонах, потому что окна там наглухо закрыты.

22.

Кусок воспоминаний, вырванный из потемок забвения.

Я — в «Лоскутной гостинице», которая запомнилась мне только тем, что в ней перила были обмотаны красным бархатом. В номере Федоров, Бунин и Ал. Круглов. Пьяны.

Федоров: — У меня чахотка.

Бунин. — Никакой чахотки у тебя нет.

Федоров. — Говорю тебе, у меня чахотка!

Бунин. — Ты совершенно здоров.

Федоров (обиженно): Я здоров?

Бунин (дразня): Здоров, здоров.

Федоров (в ярости бросается на Бунина): Говорю тебе: у меня туберкулез, ту-бер-ку-лез. (Плачет.)

* * *

ЗАВЕЩАНИЕ

Гонорар за все мои детские книги: Серебряный герб, Солнечная, Джек, покоритель великанов, Мойдодыр, Крокодил, Биби-гон и за альманах «Чукоккала» завещаю моей внучке Елене Цезаревне Чуковской.

Гонорар за все мои книги для взрослых: «Современники», «От двух до пяти», «Мастерство Некрасова», «Книга об Ал. Блоке», «Живой как жизнь», «Высокое искусство», «Уолт Уитмен», «Люди и книги» и др. завещаю дочери моей Лидии Корнеевне Чуковской.

Все русские книги, составляющие мою библиотеку, завещаю Библиотеке Дома Литераторов.

Все иностранные книги — библиотеке Иностранной литературы.

Лиде — все деньги за исключением тех, которые я выделил для Татьяны Макс. Литвиновой, для Клэрочки, для Марианны Шаскольской, и вся мебель, которую Лида захочет взять для себя или раздать близким. За исключением секретера, который я завещаю Марине.

Из той суммы, которую я оставляю Лиде, я прошу ее выделять ежемесячно Евгению Борисовичу Чуковскому. И если возможно по мере сил — поддерживать денежно библиотеку для детей, построенную мною.

На могиле расчистить деревья и поставить две плиты — надо мною такую же, как над Марией Борисовной.

Все книги, относящиеся к Некрасову, — Некрасовскому музею в Ленинграде.

14 апреля. 93 бок Инфекционного корпуса. Сейчас ушла Марианна Петровна. 37,2.

История моего портрета, написанного Репиным. Репин всегда писал сразу несколько картин. Я позировал ему для двух: для «Черноморской вольницы» и для «Дуэли». Раздевался до пояса и лежал на ковре в качестве раненого дуэлянта. В 1910 году он предложил мне позировать ему для портрета. Портрет удался. Репин подарил его мне. Но в Риме в 1912 году открылась выставка — и Репин попросил у меня разрешения отправить на выставку мой портрет. Портрет был послан. Через месяц Илья Ефимович приходит смущенный и сообщает, что портрет купили какие-то Цейтлины. «Произошла ошибка, — пояснил он. — Я застраховал портрет за определенную очень малую сумму, а администрация выставки вообразила, что это *цена* портрета, продала ваш портрет по дешевке». Я был огорчен. Репин, утешая меня, обещал, что напишет с меня новый портрет. В 1916 году я был в Париже — с Ал. Толстым, Вл. Набоковым и Вас. Немировичем-Данченко. К нам в гостиницу явился сладкоречивый г. Цейтлин и от имени своей супруги пригласил нас к ним на обед. Мы пришли. Цейтлины оказались просвещенными, гостеприимными людьми, понааторельми в светском радушии. После десерта мадам Цейтлин порывисто схватила меня за руку и повела в одну из дальних комнат. Там я увидел портреты ее детей, написанные Бакстом, и мой портрет, написанный Репиным. Я сказал, что этот портрет подарен мне художником, что они заплатили лишь сумму страховки, что я готов уплатить им эту сумму немедленно. Порывистая мадам уже хотела было распорядиться, чтобы принесли лестницу и сняли портрет со стены, но ее муж, войдя в комнату, воспротивился: «Куда в военное время вы повезете портрет? Ведь вам

ехать в Питер Балтийским морем, через Скандинавию, портрет может утонуть, достаться немцам...

Вот кончится война, и мы привезем вам портрет». Война кончилась большевиками, ленинскими декретами — все же Цейтлины воротились в Москву. В записках Крандиевской (жены Ал. Толстого) есть повествование о том, как Цейтлины, у коих было конфисковано все имущество, пробирались вместе с Толстыми в Одессу. Мой портрет, конфискованный у Цейтлиных, очутился в Третьяковке. Там он был повешен в зале, где портрет Павлова (работы Нестерова). Но висел не более месяца. Пришло какое-то начальство, удивилось:

— Почему Чуковский? Отчего Чуковский?

Портрет убрали в подвал. Когда я снова приехал в Москву, я увидел его в витрине магазина «Торгсин».

— Охотно продадим, но только за валюту, за золото.

Я ушел, а через месяц узнал, что портрет увезен в Америку. Это было, должно быть, в 1933 году. Через год я снова приехал в Москву, остановился в «Национале». Прихожу как-то вечером в вестибюль гостиницы, портье громко называет мое имя и дает мне письмо. Стоявшая рядом дама сказала певуче с удивлением:

— Are you really Mr. Chukovsky?¹

Мы разговорились. Она сказала мне, что репинский портрет куплен ее мужем, находится (кажется) в Иллинойсе. Я объяснил ей, что портрет — моя фамильная собственность, что я прошу их продать мне этот портрет за советские деньги. Она обещала поговорить об этом с мужем. Муж работал в Амторге, и советская валюта представляла для него ценность. Условились, что он привезет репинский портрет из Иллинойса, а я уплачу ему стоимость портрета советскими червонцами. Так как американка (кажется, Mrs. Edward, или что-то в этом роде) тоже жила в «Национали», я каждое утро приходил к ней пить кофе, и мы близко познакомились. Потом она уехала к мужу — и долго не возвращалась.

Наступил год сталинского террора — 1937-й. Отечественные хунвейбины распоясались. Шло поголовное уничтожение интеллигенции. Среди моих близких были бессмысленно арестованы писатели, переводчики, физики, художники, артисты. Каждую ночь я ждал своей очереди.

И вот как раз в это время приходит ко мне посыльный, на фуражке которого вышито: «Astoria» (из гостиницы «Астория»), вручает мне письмо и пакет. Я разворачиваю пакет: там томики Уолта Уитмена, О'Непгу, чулки, карандаши и еще что-то. Я даже

¹ Неужели вы действительно м-р Чуковский? (англ.).

не взглянул на конверт, не попытался узнать, от кого посылка, а завернул все вещи в тот же пакет, в каком они были, и отдал рассылному вместе с нераспечатанным письмом. «Вот... вот... вот... я не читал... не смотрел... возьмите и несите назад», — бормотал я в отчаянии, ибо всякая встреча *любого* гражданина с иностранцем сразу же в глазах хунвейбинов превращала этого гражданина в шпиона. Хунвейбины и представить себе не могли, что есть хоть один интеллигент не шпион. Я почему-то вообразил, что письмо и подарки прислали мне «Эдварды» и что в письме было сообщение о прибытии моего портрета в Ленинград. Я думал, что портрет навеки исчез с моего горизонта. Но нет! Уже в 50-х годах я познакомился в Барвихе с нашим израильским послом, и он сказал мне, что часто бывал в Иерусалиме у тамошнего богача Шеровера и любовался репинским портретом. Я, конечно, сейчас же позабыл фамилию богача, но позднее, вступив в переписку с жительницей Иерусалима Рахилью Марголиной, очень милой женщиной, сообщил ей о своем портрете. Она установила при помощи радио, что портрет находится у г. Шеровера, большого друга СССР. Я вступаю с Шеровером в переписку. Он сообщил, что после его смерти портрет отойдет по завещанию Третьяковской галереи* — и любезно прислал мне фотоснимок с этого портрета. Шеровер (я видел его портрет в одной иерусалимской газете) — человек несокрушимого здоровья, он проживет еще долго. По его словам, он купил этот портрет в Латинской Америке.

В 1968 году он посетил меня — типичный американский коммерсант.

* * *

Федору Кузьмичу Сологубу даже в старости была свойственна игривость. Почему-то он всегда носил туфли с очень несолидными бантиками и, сидя, очень легкомысленно подпрыгивал ножкой.

— Какое самое плохое стихотворение Пушкина? — спросил он меня однажды, сидя в проходной комнате Евдокии Петровны Струковой. Я куда-то спешил и, не задумываясь, ответил:

Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

— Это очень расплывчато и расхлябано, — сказал я. — Неясно даже, в каком падеже «ночи» (дав *чего?* или *чему?*). И кроме того, с белой ночью не связано слово «спешит». Белая ночь никуда не спешит, она томная, тягучая. И кроме того...

Сологуб перебил меня и сказал докторально:

— Самое худшее стихотворение Пушкина «Для берегов отчизны дальней».

— ?!

— Да. Я слушал об этом стихотворении лекцию Жирмунского, и с той поры оно стало мне ненавистно. Жирмунский как пеплом посыпал его.

* * *

Анастасия Чеботаревская — маленькая женщина с огромным честолюбием. Когда она сошлась с Сологубом, она стала внушать ему, что он гениальный поэт и что Горький ему в подметки не годится. Началось соревнование с Горьким. Она стала издавать (крошечный) журнальчик — специально для возвеличения Сологуба и посярмления Горького. С Васильевского острова молодые переехали на Разъезжую. Здесь Чеботаревская создала салон, украсила комнаты с претенциозною пышностью. Помню какие-то несуразные вышивки, развешанные по стенам. Чтобы жить на широкую ногу, Сологуб превратился в графомана-халтурщика. Количество своей литературной продукции он увеличил раз в десять. Чуть ли не во все газеты и журналы он рассылал свои скороспелые рассказы и стихи. Порою доходил до плагиата. Его талант стал проявляться в его произведениях все реже. В салоне бывали Блок, Судейкин, Судейкина, Кузмин, Тэффи, Ал. Толстой, Ал. Бенуа и др. — Сологуб встречал их гораздо приветливее, чем это было на Васильевском, — и вообще стал куда говорливее, чаще улыбался, открыто радуясь, что у него есть подруга. На всех вернисажах, премьерах, литературных сборищах он являлся вместе с Анастасией Николаевной — иногда даже взявшись за руки. В его лице появилось что-то наивное. Через несколько лет они оба переехали на Петроградскую сторону — и вдруг обнаружилась ужасная вещь: Анастасия Николаевна влюбилась в NN и совершенно охладела к Сологубу. В доме начался ад. Любовь Анастасии Николаевны была без взаимности. Несчастная находила острую отраду — приходить к знакомым и говорить им о своей безнадежной любви. Наконец не выдержала, выбежала из дому и тут же в двух шагах от квартиры бросилась в реку — утонула. У меня в «Чукоккале» есть вырезка из газеты — объявление Сологуба об ее самоубийстве.

* * *

Я только что сказал, что Сологуб одно время стал опускаться до плагиата. Критики Редько в «Русском Богатстве» напечатали статью, где указали на его литературные хищения. Оказалось, что

он позаимствовал для своей повести чуть ли не целую главу из какого-то французского романа. Вскоре после этого я встретил Сологуба у Замятиных. Он, по обыкновению, игриво подпрыгивал ножкой (в тужельке с бантиком).

— Видали, — спросил он у меня, — как в «Русском Богатстве» осрамились ваши друзья Редьки?

— Осрамились?!

— Еще бы! Уличили меня в том, что я похитил четыре страницы у бульварного французского писателя... А того не заметили, что следующие четыре страницы я списал у Шарлотты Бронте. Не позор ли: знают назубок вульгарного писаку и не имеют понятия о классическом авторе.

* * *

О Чеботаревской он не вспоминал никогда.

* * *

Когда я и Ал. Ник. Тихонов устроили с помощью Горького «Дом Искусства», мы пригласили Сологуба на собрание учредителей. Он ответил мне решительным отказом, заявив о своем принципиальном нежелании работать с Советской властью.

Лучше всего он изображен Фединым в книге «Горький среди нас». Там чудесно передан его голос.

Я был у него за год до его кончины. Он выдвинул ящик письменного стола и показал перевязанные ленточками пачки переписанных на папиросной бумаге стихов (машинопись) и сказал:

— У меня заре-ги-стри-ровано 217 любовных стихотворений, у меня зарегистрировано 114 философских стихотворений, у меня зарегистрировано 12 юмористических стихотворений...

Что стало с этими зарегистрированными стихами, не знаю.

* * *

Кропоткина я первый раз увидел в читальном зале Британского музея. Он был невысокого роста, с широкой грудью, со спокойными глазами. Чувствовалась военная выправка. Все кругом называли его Prince Kropotkin¹. В читальном зале были тогда такие дощечки на ножках, вроде высокого столика. Утомленные читатели отдыхали у таких столиков. В то время я видел там одного из братьев Гранат (готовивших свой знаменитый словарь), Семе-

¹ Князь Кропоткин (англ.).

на Венгерова (готовившего издание Шекспира и Байрона), видел Милюкова и Лазурского, — все устало становилось у столика — через 2—3 минуты возвращались к прерванным трудам. Не то князь Кропоткин: он стоял статуйно, как памятник, немного позируя, позволяя человечеству глядеть на него с восхищением. Я не познакомился с ним, хотя у нас было много общих знакомых — Зинаида Венгерова, Дионео (Шкловский).

Он был импозантен и респектабелен. При этом панически боялся шпионов. Отказался беседовать с Вл. Ф. Лазурским — смиренным приват-доцентом, бывшим учителем детей Льва Толстого, командированным в Лондон писать диссертацию о Стиле и Адиссоне.

— Это несомненный петербургский агент, — говорил он Дионео про Лазурского.

* * *

В 1917 или 18 году А. Ф. Кони был арестован Чекой. Грозный юноша-следователь спросил его с гневом:

— Вот вы сразу работали и как член Государственного Совета, и как Почетный академик? Совместительство. Разве так можно?

— Для вас, молодой человек, это никак невозможно, — ответил Кони. — А для меня возможно. (Рассказ самого А. Ф. Кони.)

* * *

С дочерью Кропоткина — Сашей — я познакомился в «Пенатах». Ее привезла туда Зин. Аф. Венгерова, которая опекала ее в Петербурге. Саша была здоровая, круглощекая девушка, отнюдь не преданная доктринам отца. Говорила она с английским акцентом. Впоследствии Блок называл ее «древней Рюриковной», очевидно не зная, что ее мать — еврейка.

В 1917 году (кажется) Кропоткин по приглашению Керенского приехал в Россию и поселился на Каменном острове в доме бывшего голландского посла, который вернулся в Голландию. Дом вполне подходил к стилю Кропоткина: тоже был респектабелен и импозантен. Встретив меня как-то на Невском, Саша сказала:

— Папа очень хотел бы познакомиться с вами. Он читал ваши статьи о Некрасове. И какую-то статью в «Русском Слове» (чуть ли не о Джеке Лондоне). Приемный день — воскресенье.

В первое же воскресенье с утра я поспешил на Каменный остров — в уютный и министриабельный домик голландца. В домике была небольшая зала, — тоже высокопарная и даже немного пугающая.

В зале уже было несколько молчаливых людей, ожидавших Петра Алексеевича. Его не было. Он был в Зимнем дворце, — «по приглашению Керенского».

Наконец возвестили: «приехал!» Через несколько минут он появился в дверях, широкогрудый, невысокого роста, с холеной бородой, благосклонный. Мы привстали, потом сели, и он стал обходить нас одного за другим и терпеливо выслушивать каждого. Не было бы ничего удивительного, если бы в руках у нас оказались прошения. Первый, к кому он подошел, был журналист-интервьюер. Кропоткин долго отвечал на его вопросы, потом вдруг рассердился и громко сказал, обращаясь ко всем:

— Какая это жалость, что ни один из русских репортеров не знает стенографии. У нас на Западе каждый газетный работник обязан знать стенографию. Иначе его не возьмут на работу. Меня, когда я въехал в Россию, встречало пять репортеров и ни один не знал стенографии. Я сказал Александру Федоровичу (Керенскому), что нужно возможно скорее открыть курсы стенографии для работников печати. Он обещал.

И князь важно разгладил бороду.

Потом он подошел к группе молчаливых «просителей». Они оказались американскими дельцами. Зная, что у нас неполадки с транспортом, они предлагают нам для русских железных дорог, а также для «Сайбири» какие-то особые crossing & switches¹, образцы которых они тут же показали Кропоткину. Вся их просьба заключалась в том, чтобы он показал их изделия Керенскому и помог бы им заключить соответствующий контракт.

— Хорошо, — сказал Кропоткин. — Я доложу.

Прощаясь с ним, американцы сказали свою обычную фразу:

— Почему вы не побываете у нас в Штатах?

— И рад бы, да не могу... Въезд в Штаты мне строго запрещен.

— Почему?

— Да потому, что я анархист.

— Are you really anarchist?!² — изумились они.

И действительно трудно было представить себе, что этот ушантый, осанистый и важный старик имеет какое-нибудь отношение к тем шайкам бомбистов, которые терроризировали чикагских обывателей за несколько лет до того.

Американцы ушли, Кропоткин направился ко мне. Начал знакомство очень странно: после первых приветствий он встал в позу и стал декламировать длинное стихотворение Некрасова:

¹ железнодорожные стрелки (англ.).

² Вы и вправду анархист? (англ.)

Я слушал, не смея перебить его декламацию. Прочитав все стихотворение с начала до конца — он сказал:

— Никому не известное. Нигде не напечатанное. Мне его сообщил Степняк-Кравчинский.

Стихотворение было мне известно. Кажется, я же и разыскал его в старых изданиях. Тихим голосом и даже виновато, я сообщил ему об этом, но, очевидно, он не расслышал меня и при следующих встречах всегда декламировал эти стихи.

— Как же, как же, читал вас. Остро и задиристо. Но почему вы пишете все о педерастах: об Оскаре Уайльде, Уитмене. Скажите: вы сами педераст? Да что вы краснеете! У нас в корпусе мы все были педерастами.

И он опять разгладил бороду и выпятил грудь. Очень странно прозвучало это: «у нас в корпусе».

Прошло несколько дней — и меня посетил неожиданный гость: Ив. Дм. Сытин в сопровождении своего фактотума Руманова. Первый раз я видел его таким печальным и растерянным. Он всегда был немного угрюм. В 1914 году он издал мою книгу «Уолт Уитмен», которую конфисковала полиция, и месяца два дулся на меня. «Вы нас подвели. Ввели в расходы». Я несколько лет печатался у него в «Русском Слове», и тем не менее он писал мою фамилию «Чюковский». («Абажаемому сотруднику нашему Чюковскому», — написал он, очевидно под диктовку Руманова, мне на томе «Полвека для книги».)

Сейчас Сытин был странно изнервлен: брал у меня со стола резинку, карандаш, фотокарточку и клал каждую вещь на место — а потом через минуту хватался за них опять. Отходил на минуту от стола, садился на диванчик и снова устремлялся к столу.

— Что нам делать? — говорил от его лица Аркадий Вениаминович Руманов. — Корней, дорогой, что делать? Мы хотим дать к «Русскому Слову» приложением сочинения Мережковского, но Мережковский святоша, «спаси, господи, люди твоя», и нынешний читатель на него не польстится. Нам бы нужен революционный, боевой. Мы подумываем о Гауптмане... Его «Ткачи»...

Тут меня осенило.

— А почему не дать Кропоткина? Его «Записки революционера», «Завоевание хлеба», «Взаимопомощь в мире животных» и т. д.

Сытин вопросительно взглянул на Руманова. Его лицо, похожее на физиономию летучей мыши, осветилось надеждой. Все еще бегая по моей маленькой комнатке, он, говоря мне то *ты*, то *вы*, попросил меня составить перечень сочинений Кропоткина. Я

тут же набросал этот перечень на узкой полоске бумаги. Сытин как-то мрачно оживился.

Через час мы в доме голландца на Каменном острове. В том же торжественном зале. Кропоткин вышел к нам очень приветливый — и сразу же наговорил много комплиментов Ив. Дм. Сытину: «Ваша просветительная деятельность... ваше служение культуре...»

Сытин привык к таким похвалам. Но всегда принимал их так, будто впервые слышал. Стал кланяться по-простецки и с униженными жестами сжал княжескую руку в двух своих.

— Вот мы тут к вам с предложением, — сказал он, — и можно договор хоть сейчас.

Руманов объяснил Кропоткину, в чем дело. Кропоткин взял у меня узкую полоску бумаги и долго рассматривал ее сквозь свои золотые очки. Потом вписал еще одно заглавие, кажется, «История русской литературы», которую я считал топорной и наивной книгой — и не включил в свой список.

— Только, верьте Богу, — сказал Сытин, стилизуя себя под купца-простака (он был очень артистичен и охотно играл эту роль), — верьте Богу, больше десяти тысяч мы при нынешних обстоятельствах дать не можем. Десять тысяч сейчас — при подписании, — и десять тысяч потом, когда определится подписка. Что делать? В прежнее время мы и по 60 тысяч давали, но сейчас, верьте Богу и т. д.

Кропоткин слушал его очень спокойно и, когда он кончил, сказал:

— Видите ли, мы, анархисты, считаем безнравственным брать деньги за произведение ума человеческого. Я буду рад, если мои книги дойдут, наконец-то, до русских читателей. И этой радости мне вполне довольно. Предоставляю вам права на них — бесплатно.

Сытин изменился в лице. Наскоро попрощавшись с князем, он быстрыми шагами пошел к автомобильчику, в котором мы приехали (Руманов каким-то чудом сохранил в неприкосновенности редакционный автомобильчик «Русского Слова»). Автомобильчик скрежетал и вихлялся и подпрыгивал на выбоинах мостовой. Сытин долго молчал и, только когда мы выехали на Каменноостровский проспект, сказал укоризненно и хмуро:

— Эх, дура, даже денег не берет за свои книги. Видать, что книги — собачье дерьмо!

* * *

Между тем денежные дела у Кропоткина были далеко не блестящи. Содержал его, в сущности, некий Лебедев, мелкий газетный сотрудник, муж его дочери Саши. Старик отказывался от гонораров за свой писательский труд («Мы, анархисты») и не заме-

чал, что живет на гонорар своего зятя. Лебедев лез из кожи, писал корреспонденции в английскую прессу, переводил какие-то декреты, но все же еле сводил концы с концами, а тут еще во время очередного обхода у него конфисковали последние запасы муки.

Сашу в Голландском доме я встречал редко. Встретил ее раз в канцелярии на Дворцовой площади; мы пришли туда зачем-то с Ал. Ал. Блоком, и она произвела на него очень большое впечатление.

Смех и брови, и голос светский
Этой древней Рюриковны.

Дальнейшей ее судьбы не знаю:

Болтали: там какой-то генерал,
А может быть, кто говорил, соврал.

* * *

У Шагинян есть строчка:

Девы нет меня благоуханней.

Встретив ее, Куприн попросил:

Благоухни мне, как бутон.

* * *

К Блоку он обратился с такой же иронией. У Блока есть прелестный импрессионистический этюд:

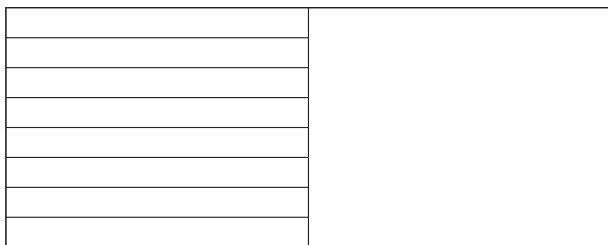
В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

— Почему не в халву? — почтительно спросил он у Александра Александровича.

* * *

Маяковский, тоскуя по бильярду, часто приходил в Куоккале на дачу к Татьяне Александровне Богданович — играть с ее детьми в крокет. Я как сейчас слышу уверенный и веселый стук его молотка по шару. Он почти никогда не проигрывал. Ему было 23 года, гибкий, ловкий, он не давал своим партнерам ни одного шанса выиграть. Татьяна Александровна ждала гостей — Евгения Викторо-

вича Тарле, Редьков. Она приготовила большой пирог с капустой. Разрезала его пополам и одну половину на восемь частей.

а

б

Поставила пирог на террасе и сказала:

— В. В., возьмите себе на террасе пирожок.

В. В. вскочил на террасу и взял *целную* половину пирога, ту, что была неразрезана (б).

* * *

Горький был слабохарактерен, легко поддавался чужим влияниям. У Чехова был железный характер, несокрушимая воля. Не потому ли Горький воспевал сильных, волевых, могучих людей, а Чехов — слабовольных, беспомощных?

* * *

Есть фотоснимок: юбилей Горького в 1919 году. На этом снимке хорошо видна женщина с мягкими чертами лица, стройная, с круглыми, кольцеобразными цыганскими серьгами. Это Варвара Васильевна Шайкевич, хозяйка всего торжества. Она достала бокалы, пекла лепешки, накрыла праздничный стол. Вместо шампанского был горячий, сладкий чай. Все это устроила она.

Не помню, числилась ли она тогда женой Тихонова — или они уже разошлись. Первым ее мужем был банкир Анатолий Шайкевич, черносотенец, поддерживавший крайне правые эмигрантские группы. От него у нее был черноголовый мальчишка Андрей.

Кажется, это было в 1920 или 1921 г. Каждое воскресенье за мною заходил Гумилев, и мы пешком отправлялись на Петроградскую сторону к Варваре Васильевне. У Гумилева были две приманки: он хотел прочитать В. В. свои новые стихи (в ту зиму он почти каждый день создавал по стихотворению). Он верил, что В. В. тонко понимает поэзию. Вторая приманка — вино. У В. В. был запас итальянских вин. Мы шли по великолепному мертвому городу. Воздух был чист, как в деревне: не было верениц автомобилей,

отравляющих воздух, не было дымов из труб — все жили в лютom холоде, горячей пищи никогда не готовили. Только у Горького на Кронверкском топилаcь ванна — сказочная роскошь — другой ванны не было на десять километров в окружности. В. В., слушая стихи Гумилева, обычно сидела на диване и зябко куталась в кашемировую шаль. Гумилев прихлебывал вино и попыхивал длинной папироской — чуть ли не подарок Варвары Васильевны. Читал Гумилев напыщенно, торжественно, гордясь каждой строкой, каждым звуком, с огромным уважением к себе, как к создателю таких восхитительных ценностей, В. В. слушала робко, в молчаливом восторге. Обычно все это происходило в 5 часов или даже раньше — в четыре.

И вот как-то во время этого торжественного действия мы услышали в соседней комнате какое-то шевеление. Через минуту оттуда вышел с застенчивой неуклюжестью, сутулясь более обычного, Горький. Смущенно поздоровавшись с нами, он сказал Гумилеву: отлично вы прочитали стихи... особенно это последнее. Вот прочитайте-ка опять...

Но обольщенный своими стихами, их звучностью, их красотой, их успехом, Гумилев сказал, спокойно стряхивая пепел с папироски:

— Если бы вы понимали поэзию (он выговаривал: пуэзию), вы никогда не написали бы целую строку из односложных:

Впóлз уж и лег там.

Русский стих не терпит такого скопления односложных.

Если сказать:

Впóлз уж и, —

это будет дактиль, если сказать:

Вполз ўж и, —

это будет амфибрахий, если сказать:

Вполз уж и́, —

это будет анапест.

Горький, в ту пору переживавший увлечение Гумилевым, скуксился и смиренно сказал:

— Ну какой же я поэт!

Мы переглянулись с Николаем Степановичем и поспешили откланяться. Нас не удерживали.

Варвара Васильевна была женою Тихонова, потом на очень короткое время стала женою Горького, он ходил с ней в комисси-

* * *

Как-то в ресторане «Вена» я увидел Мих. Кузмина в большой незнакомой компании. Меня пригласили к столу. Кузмин указал на одну полную даму, сидящую рядом с ним, и сказал:

— Вот вы все пишете о Некрасове, а не знаете, что эта вакханка — родная дочь Авдотьи Яковлевны Панаевой.

— Как вы смеете! — рассердилась вакханка. — Я никому, никому не говорю, что я ее дочь.

Вакханка оказалась писательницей Нагродской, автором шумевшего романа «Гнев Диониса». В то время в литературных кругах еще помнили о причастности Авдотьи Панаевой к огаревскому делу.

Тут же Нагродская проговорила, что у нее есть тетрадь, написанная рукою Некрасова.

Нужно было раздобыть у нее эту тетрадь. Жила она в Павловске. Не надеясь на свои силы, я взял с собою двух друзей: Эмиля Кроткого и Исаака Бабеля. По дороге я рассказал им, какое значение для некрасоведения может иметь наша добыча. Всю дорогу Эмиль Кроткий безостановочно острил, Бабель молчал, глядел в окно. Он в то время симулировал великую почтительность ко мне и каждую фразу свою начинал словами: «Уй, Корней Иванович!», часто сопровождал меня в моих хождениях по городу, — и конечно, я чувствовал, что это напускная почтительность, что в ней есть много подспудной иронии, но охотно принимал эту игру.

Мы пошли к Нагродской вдвоем с Эмилем Кротким. Бабель остался в саду. Кроткий сразу испортил все дело. Он стал говорить этой даме, каким драгоценным она владеет сокровищем, как дорога для потомства каждая строчка Некрасова и т. д., и т. д.

Я постарался отделаться от такого неудачного союзника и кликнул на помощь Бабеля. Бабель сумрачно слушал наши разговоры, как слушает великий артист неумелых дилетантов, и сделал нам знак, чтобы мы замолчали.

— Позвольте, Елена (или Елизавета?) Аполлоновна, поговорить с вами интимно, — сказал он. — Наедине.

И ушел с нею в другую комнату. Видно было, что она симпатизирует ему больше, чем нам. Очевидно, его псевдонаивное лицо с ямочками на щеках произвело на нее впечатление.

Мы ждали его очень долго. Наконец, он вышел весь красный, с крупинками пота на высоком челе. В руке у него была черная (ныне знаменитая) тетрадь, которую он и вручил мне с обычным

своим ироническим полупоклоном. Я выдал Наград-
ской расписку, и руки у меня дрожали.

1968

Когда мы вышли, я спросил у Бабеля, какое такое волшебное слово сказал он ей, что она согласилась расстаться со своим сокровищем.

— Я говорил с ней не о Некрасове, нет, а о ее романе «Гнев Диониса». Я расхвалил этот роман до небес, я говорил, что она для меня выше Флобера и Гюисманса, я говорил ей, что и сам нахожусь под ее влиянием. Она пригласила меня приехать к ней в ближайшую пятницу, она прочтет мне начало своего нового романа... «И зачем вам какие-то пожелтевшие архивные документы, — говорил я ей, — если вы владеете настоящим и будущим. Вы сами не знаете, как вы талантливы».

— Но ведь «Гнев Диониса» бездарный роман! — сказал я.

— Не знаю, не читал, — ответил Бабель.

* * *

Зиновий Исаевич Гржебин окончил Одесскую рисовальную школу, никогда ничего не читал. В литературе разбирался инстинктивно. Леонид Андреев говорил:

— Люблю читать свои вещи Гржебину. Он слушает сонно, молчаливо. Но когда какое-нибудь место ему понравится, он начинает нюхать воздух, будто учуял запах бифштекса. И тогда я знаю, что это место и в самом деле стоящее.

* * *

У него была способность пристраиваться к какому-нибудь большому писателю. В 1906 году он поместил в Горьковском журнале «Жупел» карикатуру «Оборотень», изображающую государственного двуглавого орла, который, будучи перевернут вниз головой, превращался в фигуру Николая II с обнаженными ягодницами. За этот дерзкий рисунок Гржебин был приговорен к году крепости, «Жупел» подвергся карам, и Горький почувствовал нежное расположение к Гржебину. Гржебин сделался у него своим человеком. Гржебин действительно располагал к себе. Он был неповоротлив, толстокож, казался благодушным, трогательно-идиллическим простецом. У него было трое девочек: Капа, Буба и Ляля и милая худощавая, преданная ему жена Мария Константиновна, — и мать Марии Константиновны, престарелая русская женщина. Дом был гостеприимный, уютный, я очень любил там бывать.

В 1906—07 годах Гржебин отпрянул от Горького и прилепился к Леониду Андрееву, основал вместе с Копельманом «Шиповник», где предоставил Леониду Андрееву, бывшему тогда в апогее

славы, главную, ведущую роль. Горьковские сборники «Знание» перестали привлекать к себе массовых читателей, эти читатели шарахнулись к альманахам «Шиповника».

Настал 1914 год. Война. Гржебин стал издавать патриотический журнал «Отечество», противостоящий горьковскому пацифистскому журналу «Летопись».

В 1916 году Гржебина призвали в ряды действующей армии. Он пришел ко мне, смертельно испуганный, и попросил, чтобы я выпросил ему у британского посла Бьюкенена отсрочку с тем, что он будет техническим редактором англо-русского бюллетеня. Бьюкенен был тогда очень влиятелен. Но вдруг вмешался художник Константин Сомов (он дружил с англичанами, с Хью Уолполем, бывал в посольстве). Он заявил, что Гржебин — вор, мелкий мазурик, что при помощи подложной подписи он получил в «Шиповнике» деньги, которые надлежало получить Сомову. Я побежал к Сомову, умоляя его не губить Гржебина, в невиновность которого свято верил. Гржебин был освобожден от фронта и в 1918 году снова перекинулся к Горькому. Горький полюбил его новой любовью, поручил Тихонову и ему организацию «Всемирной Литературы», Гржебин стал директором издательства. Горький постоянно бывал у него на Таврической улице, приносил подарки Капе, Ляле и Бубе, играл с ними на ковре (принес им однажды при мне террарий с ужом и лягушкой) — и когда однажды на Кронверкском у Гржебина заболела голова, Горький уложил его на софу и принес ему собственноручно две подушечки. Вскоре Гржебин открыл на Невском «Издательство З. И. Гржебина», опять-таки под эгидой Горького. Издавало это издательство очень небольшое количество книг. Считалось, что раньше ему нужно составить программу, где были перечислены книги, которые ему предстоит напечатать. Эти программы по разным научным дисциплинам, по истории и по литературе составлялись нами при ближайшем участии Горького. Тогда никто из нас не понимал, почему это Гржебин хлопочет о таких пышных программах. Дело объяснилось просто: под книги, санкционированные программами Горького, Гржебин получал от правительства бумагу, которою и спекулировал на вольном рынке. Благодаря покровительству Горького Гржебин был послан в Берлин, чтобы в немецких типографиях на немецкой бумаге реализовать составленную в Питере программу, там он напечатал 5–6 книжек — и остался за границей со всеми своими детьми и с женой.

Словом, нельзя сказать, чтобы он оказался честнейшим из всех моих друзей и знакомых; конечно, он был хитроумным делягой, склонным к темным спекуляциям и хищениям. И в то же время это был один из самых привлекательных людей, каких я встре-

чал в своей жизни. Его слоновая неповоротливость, его толстокожесть (которую так хорошо отразил Юрий Анненков в своем знаменитом портрете), самая его неспособность к интеллектуальным разговорам, — все это нравилось в нем. Он был перед вами весь как на ладони — и это тоже располагало к нему.

1968

* * *

Жил он на Таврической улице в роскошной большой квартире. В моей сказке «Крокодил» фигурирует «милая девочка Лялочка», это его дочь — очень изящная девочка, похожая на куклу.

Когда я писал:

«А на Таврической улице мамочка Лялочку ждет», — я ясно представлял себе Марью Константиновну, встревоженную судьбою Лялочки, оказавшейся среди зверей.

* * *

Проф. Владимир Михайлович Бехтерев — вечно сонный, рыхлый мордвин с дремучими бровями, с большой бородищей. Директор Психоневрологического института, где был приют для студентов-неудачников, не принятых в другие институты. Когда Репин писал его портрет, я, по просьбе художника, приходил в мастерскую — будоражить Бехтерева, чтобы он окончательно не заснул во время сеанса. Как-то за обедом Репин рассказал профессору, что я страдаю бессонницей, и просил его вылечить меня гипнозом. Бехтерев в это время уписывал дыню и промышчал невнятно, что согласен. Тотчас же после обеда в мастерской Репина было установлено кресло, я с верой и надеждой уселся в него, Бехтерев вынул из кармана какую-то блестящую штучку, поднял у меня над головой и предложил мне неотрывно смотреть на нее. Я смотрел, а он забормотал сонным голосом: «И когда вы положите голову на подушку, вы расслабьте мускулы и вспомните меня» (что-то в этом роде). Я, как потом оказалось, вообще не поддаюсь гипнозу, а тут как назло Бехтерев от съеденной дыни (молекулы которой остались у него в бороде) стал через определенные промежутки икать. У него получалось «и когда, ик!, вспомните меня, ик!». Все это смешило меня, но я из вежливости подавил смех, особенно после того, как я заметил, что Илья Ефимович, вообще благоговевший перед наукой, ходит вокруг кресла на цыпочках. Я даже хотел притвориться засыпающим, но это мне не удалось, так как все время хотелось фыркать.

О жизни Бехтерева я знал от его зятя, мелкого чиновника, Б. Никонова, печатавшего в «Ниве» свои пустопорожние стишки.

Оказывается, Бехтерев принимал больных до 2-х часов ночи (к нему как к знаменитости съезжались больные со всех краев России) и так обалдевал после полуночи, что, приложив трубку к сердцу больного, не раз говорил, как спросонья:

— У телефона академик Бехтерев, кто говорит?

Мне рассказывал А. Е. Розинер, директор издательства «Нива», что он однажды привел к Бехтереву на прием свою 17-летнюю дочь, которая (переходный возраст) стала страдать легкой виттовой пляской. Бехтерев задал застенчивой девушке несколько очень интимных вопросов, от которых она мучительно краснела, а потом попросил отца и дочь немного подождать — ушел в другую комнату, откуда послышался звон стакана (было ясно, что он подкрепляется отнюдь не бехтеревкой) — потом он снова вошел в кабинет и сказал Розинеру:

— Разденьтесь.

Думая, что профессор хочет изучить одного из предков девушки, дабы уяснить ее наследственность, Розинер покорно разделся до пояса, но вскоре понял, что Бехтерев во время антракта забыл, кого из двух посетителей он должен лечить, и вообразил, что — отца.

Обычная плата за визит — сто рублей.

Ради этих сторублевок Бехтерев ложился страшно поздно и потом весь день проводил в полусонной дремоте.

Книгу «Гипнотизм» он написал не один — ее писали разные ученые (в том числе и студенты), из-за чего то, что утверждается на одних страницах, опровергается на других (об этом я слышал от Сергея Осиповича Грузенберга, состоявшего лектором в Психоневрологическом институте).

Когда Маршак вернулся с Кавказа в 1920 или 1921 году, Горький долго не хотел его принять.

— Конечно, я хорошо его помню, но сейчас я занят, не могу, — отвечал он мне.

Маршак привез детские пьесы, написанные им вместе с Васильевой (Черубиной де Габриак), и долго хлопотал перед Клячкой, чтобы он издал эти пьесы. Кроме того, он написал балладу о пожаре в духе шотландских баллад. Я сказал:

— Зачем баллады? Это не годится для маленьких детей. Детям нужен разноstopный хорей (наиболее близкий им ритм). Причем детское стихотворение надо строить так, чтобы каждая строфа

требовала нового рисунка, в каждой строфе должна быть новая образность.

1968

Дня через три он принес свою поэму «Пожар», написанную по канонам «Мойдодыра». В то время он открыто называл меня своим учителем, а я был в восторге от его переимчивости и всячески пропагандировал его творчество. Недавно Федин напомнил мне, как я приводил к нему Маршака, стремясь расширить круг литературных знакомств начинающего детского автора. Была у меня секретарша Памбэ (Рыжкина). Она отыскала где-то английскую книжку о детенышах разных зверей в зоопарке. Рисунки были исполнены знаменитым английским анималистом (забыл его имя). Памбэ перевела эту книжку, и я отнес ее работу Клячке в «Радугу». Клячко согласился издать эту книгу (главным образом из-за рисунков). Увидел книгу Памбэ Маршак. Ему очень понравились рисунки, и он написал к этим рисункам свой текст — так возникли «Детки в клетке», в первом издании которых воспроизведены рисунки по английской книге, принесенной в издательство Рыжкиной-Памбэ, уверенной, что эти рисунки будут воспроизведены с ее текстом.

В то время и значительно позже хищничество Маршака, его пиратские склонности сильно бросались в глаза. Его поступок с Фроманом, у которого он отнял переводы Квитко, его поступок с Хармсом и т. д.

Заметив все подобные качества Маршака, Житков резко порвал с ним отношения. И даже хотел выступить на Съезде детских писателей с обвинительной речью. Помню, он читал мне эту речь за полчаса до Съезда, и я чуть не на коленях умолил его, чтобы он воздержался от этого выступления. Ибо «при всем при том» я не мог не видеть, что Маршак великолепный писатель, создающий бессмертные ценности, что иные его переводы (например, *Nursery Rhymes*¹) производят впечатление чуда, что он неутомимый работяга, и что у него есть право быть хищником. Когда я переводил сказки Киплинга «Just so stories»², я хотел перевести и стихи, предваряющие каждую сказку.

Удалось мне перевести всего четыре строки:

Есть у меня четверка слуг

и т. д.

Эти строки я дал Маршаку, он пустил их в оборот под своей подписью, но не могу же я забыть, что все остальные строки он перевел сам и перевел их так, как мне никогда не удалось бы перевести. Он взял у Хармса «Жили в квартире 44» — и сделал из этого

¹ Нянюшкины прибаутки (англ.).

² «Сказки» (англ.).

стихотворения шедевр. Вообще к сороковым — пятидесятым годам мое отношение к Маршаку круто изменилось. Все мелкое и пошлое отпало, и он встал предо мною в ореоле своего таланта и трудолюбия. Теперь, когда он приблизился к старости, он как-то смягчился душою, и его трагическая болезнь вызвала во мне острую жалость. Мы одновременно отдыхали в Барвихе, я всегда с волнением и глубочайшим уважением входил в его номер, где на столе высились грудой книги, рукописи, газеты, где стоял густой папиросный дым, а на столе у постели возникли десятки склянок с лекарствами. Он сидел у стола, такой похудевший, такой беспомощный, почти утративший слух и зрение, сонный (так как из-за антибиотиков ночи он проводил без сна, ибо на него по ночам нападала чесотка, заставлявшая его до крови царапать свое тело ногтями), сидел одинокий, сиротливый и по-прежнему уверенно, красивым, круглым почерком исписывал страницы чудесными стихами, переводами, и я готов был плакать от горького восхищения силой его могучего духа.

В это время посетил меня как-то Митя. Он увидел Маршака у вешалки и почти на руках отнес его в номер. И Маршак говорил с ним целый час — и говорил так вдохновенно, высказывал такое множество проникновенных и благородных идей, что Митя буквально ошалел от восторга. Он ушел от Маршака очарованный.

У Маршака был своеобразный ум. Маршак почти ничего не читал (нужные цитаты из Белинского и других ему добывала Габбе), истории литературы (со всеми Михайловскими, Шелгуновыми, Мережковскими, Достоевскими) он совсем не знал, но он знал сотни народных песен, шотландских, еврейских, великорусских, украинских, болгарских и т. д. Он знал Пушкина чуть не всего наизусть, знал творческой страстной любовью — Шекспира, Китса, Шелли — всех, кого переводил. Знал Бернса. Когда он умер, я плакал о нем, как о родном.

* * *

Был единственный русский поэт, которого после 1917 года называли «господин», а не «товарищ». Это — Юргис Бальтрушайтис, литовский подданный, писавший русские символические стихи. В первые годы революции он стал литовским послом, кажется, получил даже автомобиль, о котором прежде не смел и мечтать. Это был очень молчаливый господин, высокого роста, редко расстававшийся с бутылкой. Он любил пить в одиночестве, прихлебывая вино небольшими глотками. Фамилия его была похожа на русское повелительное наклонение множественного числа. Поэтому, когда он знакомился с Куприным и сказал ему свою фамилию:

— Бальтрушайтис, —
 пьяный Куприн ответил:
 — Я уже набальтрушался.

Когда в самом начале века поэт, юрист и критик Сергей Андреевский прочитал в пользу Литфонда лекцию «Вырождение рифмы» (доставившую Литфонду один рубль дохода или расхода, не помню), поэт Минский сказал:

Рифма вырождается,
 Утешайтесь:
 В Москве нарождается
 Бальтрушайтис.

* * *

А ведь в конце концов Сергей Аркадьевич Андреевский был прав. После того как рифма во всех европейских литературах достигла небывалого расцвета, она в 50-х, 60-х годах XX века вдруг угасла и во Франции, и в Англии, и в США. Поэты решили отнять у себя самое могучее средство воздействия на психику читателя. Казалось бы, человечеству вполне достаточно одного Уолта Уитмена; два Уолта Уитмена было бы слишком много. Между тем их сейчас не меньше шестидесяти.

10 мая. Все это писано в Загородной больнице, куда я попал почти здоровый и где перенес три болезни. Температура у меня все время была высокая, роз огромное, ничего дельного я писать не мог — и вот писал пустячки. Писал коряво, кое-как. Сейчас должны прибыть Митя, Клара и Виктор Федорович Емельянов и увезти меня отсюда. О, сколько скопилось книг! Два месяца я не написал ни одной путной строки.

Среда 22. Май¹. Была Софья Петровна Краснова. Показал ей 6-й том. Говорит: мал. Требуется еще материалу.
 Пишу почему-то воспоминания о Бунине.

Четверг 23. Май. Утром неожиданно приехал профессор Владимир Харитонович Василенко — чарующее впечатление. Вечером приехала Елена Никол. Конюхова от «Советского писателя» уговаривать меня, чтобы я выбросил из своей книги упомина-

¹ Эта и следующие даты (до заголовка «Предсмертная тетрадь») напечатаны типографским способом в деловом календаре. Дневниковые записи велись в этом календаре.

ние о Солженицыне*. Я сказал, что это требование хунвейбиновское, и не согласился. Мы расстались друзьями. Книга моя вряд ли выйдет.

Кларочка готовит 6-ой том.

Встретил Нилина, Агапова, Галина, Разгонику.

Книга моя «Высокое искусство» сверстана в издательстве «Советский писатель». Она должна была выйти в свет, когда в издательстве вдруг заметили, что в книге упоминается фамилия *Солженицын*. И задержали книгу. Итак, у меня в плане 1968 г. три книги, которые задержаны цензурой:

— «Чукоккала»

— «Вавилонская башня»

— «Высокое искусство».

Не слишком ли много для одного человека?

Пятница 24. Май. Ужасное известие: оказывается, предатель Блинов *позабыл* включить в план «Моего Уитмена», и вся моя работа повисла в воздухе. Четвертая из моих книг погибла. Вечером был Леонид Николаевич Радищев. Рассказывал, как Зощенко не подал руки Стеничу, когда Стенич был на короткое время выпущен из тюрьмы. Зощенко стоял с Радищевым и другими литераторами, когда подошел Стенич. Поздоровавшись со всеми, он протянул руку Зощенке. Тот спрятал руку за спину и сказал:

— Валя, все говорят, что вы провокатор, а провокаторам руки не подают. — Вечером звонила Софья Анат. из «Искусства».

Моя обмолвка: «он был богат на женатой» вместо «он был женат на богатой».

Суббота 25. Май. Я в полной прострации. Боюсь, что в эту книгу мне придется записывать одни неудачи. Иметь на своем счету четыре неиздаваемых книги: «Уитмен», «Чукоккала», «Библия», «Высокое искусство», это слишком много для меня. Всякий раз, когда у меня из рук вываливается работа, я читаю Агату Кристи. Теперь я взял ее «Bertram Hotel». Первые три главы, где экспозиция, написаны хорошо, даже с юмором. Потом начинается «crime»¹ и скоро, очевидно, будет «murder»². Там и стиль и сюжет становятся дешевле. Я презираю себя, но ничего другого читать в такие дни не могу. Еще читаю «New Yorker». Корреспонденции из Иерусалима.

В пять часов приехал ко мне Юрий Петрович Любимов, руководитель «Театра на Таганке» — жертва хунвейбиновского наскока

¹ «преступление» (англ.).

² «убийство» (англ.).

на его театр. С ним Элла Петровна — зав. лит. частью.

1968

Хотят ставить на сцене мою «Чукоккалу». Очень смешно рассказывал о посещении театра «Современник» Хрущевым и вообще показывал Хрущева. У меня прошла всякая охота писать. Уже третий день ничего не делаю из-за смертельной тоски, которую стараюсь никому не показывать. Внизу Леночка готовится к экзамену по ботанике.

Воскресенье 26. Май. Приходил Сима Дрейден, муж и жена Разгоны. Все трое были в сталинских лагерях, жена Разгона — дважды.

Забыл записать: Хрущев в «Современнике» говорил о Фальке.

— Почему же мне не сказали, что он старик, что он умер. Я думал: молодой — и хотел помочь молодому. Но все же там у него баба нарисована — отвратная. Кто же согласится жить с такой?

Кто-то с галерки:

— Вы же живете!

Понедельник 27. Май. Приехала Таня, очень усталая. Она еще не разделалась с Мередитом, но уже близок конец. В новой книжке «Иностранной литературы» напечатан ее блистательный перевод «Геометрия любви» Чивера.

Сейчас я вспомнил, что Любимов рассказал о подвиге Паустовского. Паустовский очень болел, все же он позвонил Косыгину и сказал:

— С вами говорит умирающий писатель Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности нашей страны. Если вы снимете с работы режиссера Любимова — распадется театр, погибнет большое дело и т. д.

Косыгин обещал рассмотреть это дело. В результате — Любимов остался в театре, только ему записали «строгача».

Клара весь день работает над VI томом, который мы завтра должны сдать. Возилась со статьей об Авдотье.

Гулял с Нилиным. Он говорит, что вчера, бродя по ул. Калинина, он понял: кончилось старое, начинается новая эпоха, новые люди.

Вторник 28. Май. Правлю на балконе 6 том. Наткнулся на статью о Шевченко и сам взволновался: вспомнил, с каким волнением первооткрывателя я писал эту статью.

Клара отвезла VI том для разгрома. Был в Чоботах — на даче у Айви. Перед ней оmlет и «Пенденнис». Две собаки: Тяпа и другая. Таничка отдыхает после Мередита, Маша и Антоша приеха-

1968

ли ко мне. Антон — клубок колоссальной энергии.

Бегал кругом дома, — в экстазе. Потрясающе, что у такого крохотного существа есть мнение, есть слова. Он дошел до фраз со словом: «если».

Прочитал в сборнике Университета Тарту воспоминания о Блоке (Кузьминой-Караваевой). Очень взволновался. Отличная статья об Анненкове. Читали с восторгом «Гардениных» Эртеля.

Уже скоро час ночи, а я — ни в одном глазу. В VI томе совершенно не просмотрен мною Гаршин. Из Шевченка нужно выбросить всю первую половину.

Четверг 30. Май. Сегодня сдаем VI том. Но нужно дорабатывать «Шевченко».

Когда-то мне приходилось бороться за то, чтобы ввести в детскую поэзию перевертыши. Теперь перевертыши стали проклятием детской литературы. Каждый стихоплет может состряпать такое:

Есть на земле Наоборот,
Живет он рядом с нами.
Он воду — ест,
Картошку пьет,
А ходит вверх ногами.

Андр Крестинский
Солнце на гвозде. Л. 1968.

Приехала Лида.

Был Ю. М. Гальперин, которому я очень плохо и сбивчиво говорил по радио о Уолте Уитмене.

Отдохнуть не удалось: пришли вслед за этим Каверины. Ему без объяснения причин вернули 2-ое издание его книги «Ecrire est difficile»*. Лесючевский не ответил ему, он написал письмо Мелентьеву. Очень взбудоражен тем, что его письмо к Федину передается по зарубежному радио*. Я сказал ему: «Чего вам волноваться? У вас своя дача и деньги в банке». В самом деле страдают Львы Копелевы.

Суббота 1. Июнь. Ясиновская молола эротический вздор, потом панический вздор и сообщила, что «Библия для детей» уже вся отпечатана, но не сегодня завтра пойдет *под нож*. Привезла контрабандой Библию.

Понедельник 3. Июнь. Красили библиотеку, которую обе Васильевны с божьей помощью превратили в свинарник. Кларочка работала над украшением этого Мертвого дома.

Недаром я чувствовал такой удушливый трепет с утра. Сегодня прочитал клеветнический выпад со стороны бандитов в «Огоньке» по поводу Маяковского*. Выпад не очень беспокоил меня. Но я боюсь, что это начало той плановой кампании, какую начали эти бандиты против меня в отместку за мою дружбу с Солженицыным, за «подписанство», за [недописано. — Е. Ч.]

1968

Среда 5. Июнь. Была у меня Мария Вениаминовна Юдина. Принесла мне религиозные брошюры и журналы с портретами епископов и архиереев. Очень жалела, что у меня нет пианино: хотела сыграть мне Мусоргского. Из вежливости я скрыл от нее, что я не верю в Бога и ничего не смыслю в музыке.

Четверг 6. Июнь.

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ

Михаил Леонидович Лозинский. Друг Гумилева и Ахматовой. Мой товарищ по «Всемирной Литературе». Имел брата Григория Лозинского, специалиста по португальской литературе. Оба были потрясающе вежливы. Их вежливость была внешним выражением их доброты.

Как-то шел я с Мих. Леонидовичем по Каменноостровскому. Говорили о том, как мы голодны.

У меня дома были голодные дети и у него. Вдруг пролетела над нами ворона — и прямо к нашим ногам уронила большое кольцо «польской» колбасы. Мы подняли это кольцо — и Мих. Леон. стал уверять, что все это кольцо должно принадлежать мне, так как оно упало ближе ко мне, чем к нему. Насилу мне удалось убедить его, что кольцо нужно разделить пополам.

В своей книге «Высокое искусство» я выбрал его переводы «Гамлета» и «Тартюфа». Тем не менее он прислал мне однажды — ко дню моего рождения буквально любовное письмо, полное дружеской нежности.

Задолго до этого мы оба отдыхали в Kislovodске. У Лозинского кончился срок, и ему нужно было уезжать в Ленинград. В то время поезда отходили от Kislovodска ночью. На вокзале была полутьма. Лозинский, войдя в вокзал, тотчас же дал носильщику пять рублей. Носильщик тотчас же кинул его чемодан и стал обслуживать другого пассажира. К каждому вагону была очередь. Лозинский стал в очередь, но, оглянувшись, увидел, что сзади женщина, приподнял шляпу и уступил ей место. Сзади была еще

одна женщина — он отошел еще дальше в тыл. Я удержал его от дальнейших любезностей. Когда он приблизился к вагону, вагон был битком набит.

Я толкнул его туда, вместе с его чемоданами, и вдруг увидел на перроне забытую им корзинку. Я сунул ее в окошко, когда вагон уже двинулся. На следующий день я получил от него открытку со станции «Минеральные воды»:

Не попрощавшись с вами на ночь,
Я ни за что бы не заснул,
Спасибо вам, Корней Иванович,
За всунутый в окно баул.

И т. д.

* * *

Воскресенье 9. Июнь. Были: корреспондент Шапиро с женой, проф. Вейл с гитарой. Зоя Богуславская, Андрей Вознесенский, Таня, Марина, какой-то неизвестный, очень приятный человек средних лет, приведенный Вознесенским.

Словом, лето в разгаре. Так как я (благодаря самоотверженному чтению Марины, — вечером в субботу она стала до одурения читать мне Стивенса) спал впервые без сновторных, выносливость моя была выше норм, я мог выслушать пять стихотворений Андрея Вознесенского: «Пляж», «Значки», «Роща», «Восток и Запад». Читал он стихи восхитительно, с десятками тонких оттенков. Еще был Мирон Петровский — сообщил, что его книгу о детелитературе, печатавшуюся в «Просвещении», уничтожили. Рассыпали готовый набор.

Понедельник 10. Июнь. Спасибо Марине — вчера усыпила меня. Весь день ничего не делал: Таня читала мне свой превосходный перевод Мередита; помогал ей править его. Вновь в тысячный раз читаю Чехова.

Нужно написать о гнусной затее Н. Ф. Бельчикова редактировать ранние произведения Чехова «в хронологическом порядке». И почему это Чехова непременно редактируют прохвосты. Первое Полное собрание сочинений редактировал сталинский мерзавец Голоин. Это стоит вагона с устрицами! О Чехове мне пришлось в голову написать главу о том, как он, начав рассказ или пьесу минусом, кончал ее плюсом. Не умею сформулировать эту мысль, но вот пример: водевиль «Медведь» — начинается ненавистью, дуэлью, а кончается поцелуем и свадьбой. Для того, чтобы сделать *постепенно* переход из минуса в плюс, нужна виртуозность диалога. См., напр., «Дорогую собаку». Продает собаку, потом готов приплатить, чтоб ее увезли.

Среда 12. Июнь. Был Зильберштейн, человек

1968

колоссальной энергии, основатель «Литнаследства», автор Парижских находок. По его просьбе я написал заметку о том, как нужно издавать Чехова*, — он попытается пристроить ее в «Правде». Рассказывал о Макашине. Он, Зильберштейн, дал Макашину работу в «Литнаследстве», он посылал ему посылки, когда тот был в лагере, — и Макашин отплатил ему черной неблагодарностью. Когда он за свою тусклую книгу о Щедрина получил лауреата, он зазнался, стал водиться с черносотенцами и т. д. Я возражал, но не слишком уверенно.

Четверг 13. Июнь. Пишу об Андроникове. Приехал киносценарист, написавший сценарий о Чукоккале. Сценарий сырой и нестройный, но сценарист образованный, знающий, типичный петербуржец по фамилии — Рейн.

Пятница 14. Июнь. Лидочка рассказывала сегодня очень смешные вещи о семье Иосифа Уткина, о его сестре и матери, которую звали Матюткина (Мать Уткина). Таня читала мне Мередита в своем переводе. Трудности перевода огромные, и весело следить, как она преодолевает их. Мередит — великий писатель, сложный и тяжеловатый до умопомрачения — и в то же время блистательный, глубокий и мудрый.

Понедельник 17. Июнь. Алянский. Говорит, что Анненков в Париже принял его с «закрытым сердцем». Похоже, что он бедствует и очень жалеет, что покинул Советский Союз. Рассказывал, что те страницы в книге «От двух до пяти», где я рассказываю о травле «Чуковщины», вызвали большую тревогу и даже панику в издательстве «Детская литература».

Лида упрекнула меня, зачем я не читаю проредактированные ею дневники Фриды Вигдоровой.

Среда 19. Июнь. Чувствую, что VI том, который сейчас рассматривается в Гослите, будет отвергнут. О Зайцеве нельзя — так как он эмигрант, о Мережковском нельзя, т. к. он Мережковский и т. д.

Четверг 20. Июнь.

О скульпторе Меркурове

Скульптор он был слабый, но фигура очень колоритная. Враль в стиле Ноздрева. Я рассказал ему как-то, что мне предстоит операция.

— Ах, — сказал он, — мне тоже. У меня больная поч-
ка. Я хотел оперировать ее в Париже. Уже положили
меня на хирургический стол, и вдруг какое-то смятение, прибежа-
ли сестры, врачи — и увезли меня обратно в палату. Что такое? Ока-
зывается, хирург, который должен был делать мне операцию, вне-
запно сошел с ума и двум предыдущим пациентам *вырезал обе почки*,
отчего они и умерли.

Рассказывал он это при своей жене. Даже она, привыкшая к
его брехне, и то с удивлением возвела на него глаза. Но когда он
сказал ей:

— Помнишь, Аста?

она сказала:

— Конечно, помню.

Похабник он был страшный. В Барвихе меня посадили за стол
вместе с ним. Через неделю я попросил, чтобы меня посадили за
другой стол — невозможно было вытерпеть его похабщину.

Когда в гостях в СССР был глава Монголии Чойболсан (ка-
жется, так?), его портрет написал Герасимов, а его бюст вылепил
Меркуров. Чойболсан спросил Герасимова, сколько он хочет за
свой портрет. Он сказал некую сумму, которая была немедленно
ему выдана. А Меркуров сказал: я не возьму денег. «Я дарю свой
бюст Чойболсану». И, конечно, выиграл. Ему, по его рассказам,
прислали три грузовика окороков, муки, мешки орехов и т. д.

Когда меня выругали в «Правде» (в 1944 году), я, проходя по
ул. Горького, вдруг увидел Меркурова. Обычно он бросался ко
мне с распростертыми, но теперь, к моему удивлению, юркнул в
какой-то магазин. На лице у него была отчужденность, и когда я
вошел в магазин, не понимая, что он прячется от меня, — он по-
смотрел на меня чужими глазами — и не подал мне руки. Он был
единственный из моих знакомых, кто совершенно порвал со
мною — после этой ругательной статьи.

К концу жизни он был в опале. Опала постигла его после того,
как он вылепил памятник Гоголю.

Но об этом я, кажется, уже записал в одном из моих дневников.

Среда 26. Июнь. Была Наталья Ильина. Пришли друзья Кла-
ры — учитель и учительница Фейны. Пришел Дрейден. Ильина
прочла свои записки об Анне Ахматовой, умные, богатые подроб-

ностями, Ахматова дана не в двух измерениях (как у _____ **1968** меня), а в трех — живая и притом великая женщина.

Центр воспоминаний — сцена с пошляком Корнейчуком, который решил приволочнуться за Натальей Ильиной, благодаря чему Ильина получила возможность достать для Анны Андреевны такси.

Рассказывала о гнусном поведении Скворцова*.

Четверг 27. Июнь. Потēju над Пантелеевым. Пришел к странному выводу, что техника у него даже выше таланта.

Он мастеровитый писатель.

Был Вознесенский. Принес пакостный журнал «Playboy» — торжествующая пакость: весь номер посвящен изображению женских грудей, которые страшно теряют от этой назойливой и настырной рекламы.

Пятница 28. Июнь. Для Лиды тяжелый день. Ленгиз уведомил ее, что из однотомика Ахматовой решено выбросить четыре стихотворения и несколько строк из «Поэмы без героя». Она написала письма в редакцию Ленгиза, Жирмунскому, Суркову и еще куда-то, что она протестует против этих купюр. Между тем в тех строках, которые выброшены из «Поэмы без героя», говорится о том, что Ахматова ходила столько-то лет «под наганом», и вполне понятно, что при теперешних «веяниях» печатать эти стихи никак невозможно.

Но Лида — адамант. Ее не убедишь. Она заявила издательству, что если выбросят из книги наган, она снимет свою фамилию, т. к. она, Лида, ответственна перед всем миром за текст поэмы*. Некрасов смотрел на такие вещи иначе, понимая, что изуверство цензуры не вечно.

Суббота 29. Июнь. Умер Крученых — с ним кончилась вся плеяда Маяковского окружения. Остался Кирсанов, но уже давно получеловек. Замечательно, что Таня, гостящая у нас, узнав о смерти Крученых, сказала то же, что за полчаса до нее сказал я: «Странно, он казался бессмертным».

Подлая статья о Солженицыне в «Литгазете» с ударом по Каверину*.

Воскресенье 30. Июнь. Мне хочется записать об одном моем малодушном поступке.

Когда в тридцатых годах травили «Чуковщину» и запретили мои сказки — и сделали мое имя ругательным, и довели меня до крайней нужды и растерянности, тогда явился некий искуситель

(кажется, его звали Ханин) — и стал уговаривать, чтобы я публично покаяться, написал, так сказать, отречение от своих прежних ошибок и заявил бы, что отныне я буду писать правоверные книги — причем дал мне заглавие для них «Веселой Колхозии». У меня в семье были больные, я был разорен, одинок, доведен до отчаяния и подписал составленную этим подлецом бумагу. В этой бумаге было сказано, что я порицаю свои прежние книги: «Крокодила», «Мойдодыра», «Федорино горе», «Доктора Айболита», сожалею, что принес ими столько вреда, и даю обязательство: отныне писать в духе соцреализма и создам... «Веселую Колхозию». Казенная сволочь Ханин, торжествуя победу над истерзанным, больным литератором, напечатал мое отречение в газетах*, мои истязатели окружили меня и стали требовать от меня «полновесных *идейных* произведений».

В голове у меня толпились чудесные сюжеты новых сказок, но эти изуверы убедили меня, что мои сказки действительно никому не нужны — и я не написал ни одной строки.

И что хуже всего: от меня отшатнулись мои прежние сторонники. Да и сам я чувствовал себя негодяем.

И тут меня постигло возмездие: заболела смертельно Мурочка. В моем отречении, написанном Ханиным, я чуть-чуть-чуть исправил слог стилистически и подписал своим именем.

Ханин увез его в Москву. Узнав, что он намерен предать гласности этот постыдный документ, я хотел вытребовать его у Ханина, для чего уполномочил Ваню Халтурина, но было поздно. И мне стало стыдно смотреть в глаза своим близким.

Через 2–3 месяца я понял, что совершил ужасную ошибку. Мои единомышленники отвернулись от меня. Выгоды от этого ренегатства я не получил никакой. И с той поры раз навсегда взял себе за правило: не поддаваться никаким увещаниям омерзительных Ханиных, темных и наглых бандитов, выполняющих волю своих атаманов.

В «Одесских Новостях» был сотрудник Ал. Вознесенский (Бродский), мой коллега. Он писал эффектные статьи (например, «У меня болит его нога»), был мужем Юреновой, переводил пьесы Пшибышевского, хотя и не знал польского языка.

С Юреновой у него были отношения бурные: они иногда забирались в гостинице на 8, на 12 часов — выяснять отношения. Оттуда из-за двери слышалось: Перепоймите меня!

Вообще Вознесенский был ушиблен ницшеанством, символизмом, но не лишен дарования.

Марина. Бесконечно милая, доверчивая. После того, как на нее налетел на бульваре велосипедист и у нее было микроскопическое сотрясение мозга — стала боязливой: заслышав самолет, лезет под стул.

Мариночка возится в саду в холодной луже. Ни на секунду не хочет оторваться от нее. Аня берет чайник горячей воды и льет в лужу, чтобы Марина барахталась в теплой воде. Но лужа в один миг остывает.

Первый визит ко мне. Лев испугал ее, но колокольчик очень понравился. И заводная мышка. Но сколько ни прельщал я ее заводными игрушками, больше всего полюбила простецкая незатейливая маленькая собачонка.

Пятница 5. Июль. Сегодня была Ольга Георгиевна Чайковская — красивая, внешне спокойная, очень неглупая. Мы просидели с ней, и с Танечкой, и Митей — в глубине леса (где костер) — я пригласил ее, чтобы она распутала дело о Тепляковых.

Воскресенье 7. Июль. Люшенька украсила веранду — занавесками. Таничка внизу работает над последними главами Мередита.

Я вожусь с Пантелеевым.

Сейчас был доктор Коневский. Нашел тяжелым положение Лиды. В самом деле: она теряет в весе, задыхается при малейшем движении, у нее ухудшилось зрение.

Меня он нашел вполне удовлетворительным стариком.

Между прочим, рассказал о проф. Василенко, что тот был персональным врачом Мао, жил в Китае, и когда направлялся в Москву, наши его арестовали на границе.

В газетах печатается речь Брежнева. В ней он упомянул меня. Не написать ли ему письмо — о своих задержанных книгах? Говорят, что изгнан из правительства один из самых ярых антисемитов и что «Огоньку» влетело за его статьи о Маяковском.

Понедельник 8. Июль. Говорят, что в «Литгазете» появятся статьи против огоньковского «Маяковского». Статьи будто бы заказаны Ц. К.

Четверг 11. Июль. Вчера были у меня Солженицын, Вознесенский, Катаев младший, Лидия Гинзбург, Володя Швейцер — не слишком ли много людей?

Солженицын решил не реагировать на публикацию «Литер. газеты». Говорит, что Твардовский должен побывать на аудиен-

ции у Брежнева — с предложением либо закрыть журнал, либо ослабить цензуру. Приходится набирать материал на три книжки, чтобы составить одну.

Мы спустились вниз к обеду, но едва только Солженицын стал угощаться супом, пришел Андрей Вознесенский и сообщил, что Зоя и он едут сейчас в Москву. Солженицын бросил суп, попрощался со мною (обнял и расцеловал) и бросился к Лиде буквально на 3 минуты, и умчался с Андреем в Москву (с ним он тоже расцеловался при встрече).

Сегодня в «Правде» напечатана моя статейка о Чехове. Коля Коварский, отдыхающий в Доме творчества, *поздравил* меня с этим событием. А Женя Книпович сказала: «Мы все были очень рады, что вы заступились за Чехова». Как будто я получил орден.

Говорят, Лидия Гинзбург написала очень веселые эссеи о советском сервисе и проч.

Пятница 12. Июль. Кропаю Пантелеева. Вчера была Софья Краснова с моим шестым томом. Хунвейбины хотят изъять из него: статью о Короленко, о Шевченко, «Жену поэта» и еще что-то. Пришлось согласиться на это самоубийство.

Мариночка становится милее с каждым днем.

Воскресенье 14. Июль. Марина — крепконогая, неутомимая, сама побежала в Дом творчества, я еле мог догнать ее, становится на шар у дверей Дома, увидела кошку — побежала за ней.

— Кошка тоже человек.

Висит на мне 6-й том. Оттуда выкинули множество статей, а заменить нечем. Клара говорит «Прямодушным» Учирли.

Среда 17. Июль. Сейчас ушла от меня Лили Брик со своим мужем Катаньяном. Он написал сценарий «Чернышевский», который задержали, т. к. находят в нем много параллелей с нынешними событиями. Я питаю к ним обоим большую и непонятную мне самому симпатию. Лили рассказывает, что Яковлева напечатала в газетах письмо, что она никогда не собиралась выйти замуж за Маяковского, что она протестует против напечатания ее писем к матери. По словам Лили, к Яковлевой на днях приезжала Британская королева. «Вот на какой высоте стоит теперь эта дама».

Четверг 18. Июль. Чаковский искажил мои строки в некрологе Паустовского, который я дал в Литгазету лишь под тем условием, чтобы не выбрасывали ни единого слова.

Пятница 19. Июль. — Не играй с этим стариком! — сказала по-французски гувернантка на бульваре у Казанского собора, когда я стал перебрасываться мячом с ее питомцей, девочкой лет 8-ми. Мне было тогда лет 50. 1968

Я пришел в Публичную библиотеку и стал жаловаться 70-летнему В. И. Саитову, заведующему отделом рукописей.

Он утешил меня. — Это ничего. А вот я шел с работы укутанный башлыком, и один мальчишка серьезно спросил меня:

— Дедушка, дедушка! Ты дедушка или бабушка?

Суббота 20. Июль. Ночь. У меня ни в одном глазу нет сна, так как завтра я, наконец, увижу Лиллиан и Эрика. Это очень романтическая история.

У меня столько карточек Эрика — столько получил писем о нем, что он был для меня персонаж из беллетристики, вроде Тома Сойера или Давида Копперфильда, и вот он реализовался — и завтра я увижу его.

Воскресенье 21. Июль. Таня привезла Лиллиан в «Националь». Там не оказалось ни одного номера, хотя номера были консервированы. Пришлось переезжать в «Метрополь». Лиллиан заявила, что она сейчас же вернется в Осло, если ей не дадут номера. Это никого не испугало.

И вот свершилось: в час дня Митя привез Лиллиан и бедного Эрика в Переделкино. Дождь льет, как из ведра, не переставая. Лиллиан оказалась совсем непохожей на свой портрет. Ей лет 55. Страстная душа, не умеющая любить вполсилы, она преодолела все препоны, чтобы приехать из Нью-Йорка на два дня и повидаться со своим далеким другом Корнеем. Всю свою страстную душу она отдала приемному сыну Эрику — и балует его напропалую. Проволокла его через океан, через Осло и Копенгаген и Москву, она привезла его в Переделкино раздребезженным, изнервленным. Очень милый мальчик, он чувствовал себя среди нас, как среди врагов, и всякий раз начинал реветь, когда мы обращались к нему. Мариночку он толкал, за столом буянил, и пришлось дать ему димедрол, чтобы он уснул.

Подарков привезла она целую кучу. И спички, и трубки для мыльных пузырей, и галстуки, и *paretrie*, и магнит, и накладные ресницы и *ball points*¹, и среди них нет ни одного предмета, нужного мне. Целый чемодан пустяков. Но да будет благословенно человеческое доброжелательство! Все, что она делала, делала от

¹ шариковые ручки (англ.).

чистого сердца. Эрик сыграл в ее жизни роковую роль: из писательницы она стала нянькой.

Все иллюзии исчезли. Эрик суматошливый, избалованный, развинченный мальчишка, она затурканная, поработанная этим мальчиком женщина (ее подлинная фамилия Розовская) — и этим они оба еще милее и роднее мне. Ездил к Таничкиной маме, видела Антона, осталась очень довольна.

Хотя она приехала, чтобы побеседовать со мной, так и не хватило у нее времени для этой беседы.

Вторник 23. Июль. Был проф. Егоров из Тарту. Милый человек, молодой.

Встретил Нилина, который дивно, очень талантливо изобразил Сталина — процитировав наизусть страницы романа, который он сейчас пишет. С Нилиным это часто бывает. Он пишет с упоением большую вещь, рассказывает оттуда целые страницы наизусть, а потом рукопись прячется в стол, и он пишет новое.

Среда 24. Июль. Пришла Софа Краснова. Заявила, что мои «Обзоры», предназначенные для VI тома, тоже изъяты. У меня случился сердечный припадок. Убежал в лес. Руки, ноги дрожат. Чувствую себя стариком, которого топчут ногами.

Очень жаль бедную русскую литературу, которой разрешают только восхвалять начальство — и больше ничего.

Дрожат руки — милая Клара утешала меня. Дала мне какую-то пилюлю — и мне полегчало. Приходила Мариэтта Шагинян, но я в это время лежал в бесспамятстве. Пробую работать.

Суббота 27. Июль. Писал Пантелеева — со смутным чувством, что статья моя ни к черту не годится. Пришла Таня — прочла статью, и мое смутное чувство стало уверенностью, пора мне бросить писать статьи. Ничего не выжмешь из таких склеротических мозгов, да и прежнего азарта нет. Последнюю азартную вещь я писал о Грековой*. Finis.

Понедельник 29. Июль. Работает у меня В. О. Глоцер.

О Щеголеве

Павел Елисеевич Щеголев был даровитый ученый. Его книга «Дуэль и смерть Пушкина» — классическая книга. Журнал «Былое», редактируемый им, — отличный исторический журнал. Вообще во всем, что он делал, чувствуется талант. Но «при всем при том» он был первостепенный пройдоха. Родился он в Воронеже.

Другой воронежский уроженец А. С. Суворин, издатель реакционного «Нового Времени», помогал ему в первые годы его литературной карьеры. Выдавал ему субсидию и печатал его ранние статьи в своем — тоже реакционном — «Историческом Вестнике». Но Щеголев постепенно левел и вскоре сделал себе карьеру как журналист прогрессивного лагеря. Все было бы прекрасно, но вдруг юбилей Суворина. Пышный, очень громкий юбилей. Щеголев скрепя сердце явился на этот юбилей приветствовать своего благодетеля. К его ужасу на юбилейный банкет явились фотографии — снять юбиляра среди его друзей и приверженцев. Ничего не поделаешь: Щеголев встал в самом заднем ряду. Но перед тем как фотографии щелкнули своими аппаратами, он уронил платок и нагнулся, чтобы его поднять. Таким хитроумным маневром он спас свою литературную честь. И когда в «Новом Времени» напечатали, что он присутствовал на юбилее Суворина, он говорил: это враки.

В 22 (кажется) году он предложил мне дать в журнал «Былое» какую-ниб. статью. Я дал ему «Некрасов и деньги» и при этом сказал, что хотел бы получить гонорар не обесцененными деньгами, а продуктами.

— Ну а дров вам не надо?

— Надо, надо. Мы уже месяц без дров.

Он повел меня по коридору и распахнул какую-то дверь. В небольшой комнатке были аккуратно сложены дрова до потолка. Каждое полено нумеровано.

— Вот возьмите 60 поленьев.

Я не поверил своему счастью. Помчался домой, на Кировную (это по соседству. Редакция «Былого» на Литейном), позвал Колю, мы взяли с собой мешки, и когда на квартире оказалось 20 поленьев, Мария Борисовна затопила плиту, развела огонь в камине — а мы пошли с мешками за новой добычей. Но у дверей комнаты стояла финка (как тогда говорили, чухонка).

Она встретила нас громкими криками:

— Рова?! Рова?! Это мои рова?! (финны не произносят двух согласных подряд. *Хлебу* них лейпа.)

Называя нас ворами и мазуриками, она потребовала, чтобы мы вернули ей 20 поленьев.

Щеголева, конечно, в редакции не было. «Чухонка» очевидно до самой смерти была уверена, что я уворовал ее «рова».

Лет через пять случилось мне при поездке в Москву оказаться в одном вагоне со Щеголевым.

Ехал я заключить договор на новое издание Некрасова, над которым я работал лет пять. Цель своей поездки я, конечно, не скрыл от Щеголева. В те времена заключать договор было дело трудное. Нужно было бегать по всем этажам «Огиза», чтобы получить на договоре печати пяти или шести инстанций. Последняя инстанция — юридическая. Утомленный юрист с раздражением сказал:

— Сколько же выйдет изданий Некрасова? Только что я утвердил договор какого-то на букву *Щ*. И вот новый договор на букву *Ч*.

— На букву *Щ*? Не Щеголев ли?

— Да, да! Щеголев!

Я бросился к редактору (кажется, Бескину). Но у Щеголева была сильная рука: Демьян Бедный, с которым он дружил. И я потерпел поражение.

Нужно же было так случиться, что и обратно мы ехали в одном купе. Он на нижней полке, я на верхней.

Едва он появился в вагоне, я стал шептать какие-то сердитые слова и громко демонстративно вздыхать.

— Что это вы вздыхаете?

— Я вздыхаю о том, что в нашей стране столько жуликов.

Он догадался, в чем дело.

Мы помолчали, и наконец он сказал:

— Хотите яблочко?

Я взял яблоко, и у нас установился мир. В Питере он отказался от Некрасова, которым никогда не занимался вплотную.

Я познакомился с ним в 1906 году в одном из игорных притонов. Его приговорили тогда к заключению в крепости, и он накануне ареста проводил в этом лотошном клубе свою, как он говорил, последнюю ночь. Я попал в этот притон впервые вместе с Сергеевым-Ценским. Мы взяли за рубль одну карту на двоих и сразу же выиграли. Не зная, что по этикету клуба выигравший должен сделать равнодушное лицо и негромко сказать: довольно, — мы закричали в восторге: «Мы выиграли! мы выиграли! прекратите игру». Все обратили на нас внимание — в том числе Щеголев, сидевший в соседней комнате. Он по-домашнему расположился за круглым столом, за которым сидели сторублевые кокетки, чинные, как классные дамы, одетые богато, но скромно. Этим девам Щеголев раздавал по рублю, чтобы все они покупали себе карту лото, но когда кто-нибудь из них выигрывал, половину выигрыша она отдавала Павлу Елисеевичу. Он же держал себя так, словно он — размашистая натура — прожигает жизнь. Был он уже

тогда толстяком с очень широкой физиономией — и было в его брюхатости и в его очень русском, необыкновенно привлекательном лице что-то чарующее. Чувствовался во всех его повадках прелестный талант.

1968

Когда наступила революция, его, при содействии Демьяна Бедного, сделали главным оценщиком всех материалов, поступающих в государственные архивы после конфискации этих материалов у частных лиц. Помню, как он ликовал, найдя портрет молодой Анны Керн. До тех пор был известен лишь один портрет этой женщины, запечатлевший ее старухой. Между тем, хотелось ее изображение, относящееся к тому времени, когда [она] отдалась 26-летнему Пушкину, после чего он написал знаменитое:

Я помню чудное мгновенье!

Щеголев отыскал ее юный портрет и продал его Пушкинскому Дому. Пушкинский Дом (Котляревский, Ник. Пыпин) гордился новым приобретением. Но приехала из провинции какая-то бесхитростная архивистка и простодушно сказала:

— Ах, и у вас есть эта Волконская!

Щеголев продал Пушкинскому Дому портрет какой-то захудалой Волконской в качестве портрета Анны Керн.

Чуть не в тот день, когда мы совершили путешествие из Москвы в Петроград в одном купе, — случилась такая история:

Поезд уже подъезжал к Петрограду. Щеголев укладывал свой чемодан и рассказывал, как он зашел в один из подпольных московских ресторанчиков, где (благодаря нэпу) можно было выпить стаканчик вина и закусить чудесным пирожным (за фантастически огромную сумму).

— Пришел в гостиницу пьяный и, как был в шубе, завалился поперек кровати спать. К утру чувствую: что-то колет меня в грудь, неудобно спать. Гляжу: серебряный подстаканник. Оказывается, я с пьяных глаз нечаянно похитил подстаканник. Пришлось идти в эту трущобу возвращать подстаканник.

Он рассказывал это мне в присутствии железнодорожного проводника, который, стоя в дверях купе, ожидал чаевых за мелкие услуги.

Проводник услышал рассказ Щеголева и сказал ему вкрадчивым шопотом:

— Господин, поставьте на место подушечку.

Оказалось, что, укладывая чемодан, Щеголев в рассеянности сунул туда крошечную подушечку от нижнего дивана купе (не знаю, как теперь, а тогда на диванах международного вагона были небольшие тугие подушечки, прилежавшие к окнам).

Среда 31. Июль. Была Наталья Ильина, умница. Привезла сестру-француженку (Ольгу) и ее дочь Катю. Ездили все вместе к Литвиновым. Взяли Аню, Марину.

Очень помогает Владимир Осипович — идеальный секретарь — поразительный человек, всегда служащий *чужим* интересам и притом вполне бескорыстно. Вообще, два самых бескорыстных человека в моем нынешнем быту — Клара и Глоцер. Но Клара немножко себе на уме — в хорошем смысле этого слова — а он бескорыстен самоотверженно и простодушно. И оба они — евреи, т. е. люди наиболее предрасположенные к бескорыстию. (См. у Чехова Соломон в «Степи».) Самые бескорыстные люди, каких я знал в своей жизни: Моник Фельдман (владелец книжной лавки, даривший книги неимущим покупателям), студент Рейтер, в Лондоне мистер Бахман — и Таня Литвинова. Все до одного евреи.

Пятница 2. Август. Подготовили 6-ой том к печати — вместе с Вл. Ос. Глоцером и ждем Бонецкого вместе с Софой. Они прибыли ровно в 4. Я разложил на столе все статьи изувеченного тома. И тут Бонецкий произнес потрясающий монолог: оказывается, я обязан написать предисловие о том, что я долгим, извилистым, «сложным и противоречивым» путем шел в своей писательской карьере к марксизму-ленинизму и наконец пришел к этой истине, что явствует из моих книг «Мастерство Некрасова» и т. д. А в этом томе я печатаю статьи, ошибки коих объясняются тем, что марксизм-ленинизм еще не осенил меня своей благодатью.

Эта чушь взволновала меня. Сердце мое дьявольски забилося. И я, наговорив всяких глупостей, прочитал написанное мною предисловие к VI тому, над которым мы столько трудились вместе с Марианной Петровной и Глоцером. К моему изумлению, приверженец Маркса и Энгельса вполне удовлетворился моим предисловием* и сказал:

— Это как раз то, что нам нужно!

«Обзоры» мои остались неприкосновенны, нужно только выбросить из них упоминание о горьковской «Матери», — тапан, как игриво выразился Бонецкий.

Дальше оказалось, что многого в этом томе он не прочел и говорит лишь понаслышке. Мою статью «Литература в школе»,

забракованную Софой, теперь признали вполне пригодной. Вообще оказалось все зыбким, неясным, но «Короленко», «Кнутом иссеченная Муза», «Жена поэта» полетели теперь вверх тормашками.

1968

Потом Бонецкий стал рассказывать анекдоты, подали закуску и коньяк, и мы благодушно отправились гулять по Переделкину, встретили Нилина, посмотрели здание строящегося Дома творчества и — двоица отбыла, вполне удовлетворенная и собою и мною.

Воскресенье 4. Август. Был вчера Кома Иванов и г-жа Богораз, о которой я совсем не догадался, что это жена Даниэля. «Пришла поблагодарить вас за пальто, которое вы купили моему сыну». Так как я покупал пальто для нескольких школьников, я и тут не догадался. Принесла мне стихи Даниэля, среди них — отличные. Рассказала историю Марченко.

И еще пришел любопытный субъект: Макаренко Мих. Янович. Чернявый, черноглазый, приятный. Тот самый Макаренко, который в Новосибирске устроил 12 художественных выставок, намеревался устроить выставку Шагала и выставку Пикассо (Пикассо обещал приехать) — и вдруг выставку закрыли, Макаренко обругали в газетах — и ему пришлось уехать. Сам он — житель гор. Пушкин. Там у него есть двухэтажный дом. Он привез мне фотоснимок этого дома и попросил передать Солженицыну, что этот дом (4 комнаты) к его услугам. Он давно мечтал подарить этот дом Солженицыну.

Среда 7. Август. Володя Глоцер не пришел. Была Софа. Ее всегдашнее настроение — укусное. Она проводит в изд-ве хунвейбинскую политику, будучи на словах весьма либеральной. Выбросила 4 лучших статьи из 6-го тома и теперь пытается заменить их «Чукоккалой» и прочей ерундой. Заранее обижена на всех и на вся. Жалко ее: одинокий, не обласканный жизнью человек, — по существу очень добрый, но исколотый тысячами иголок, уязвима, горделива, занудлива.

Когда она ушла, я — очевидно от радости — завалился спать и проспал три часа, чего никогда со мной не было.

Пришла Маша Слоним, разбирали с ней детские книги, какие она могла бы перевести.

Милая Аня Дмитриева! Я все больше привязываюсь к ней.

Вечером — блаженный час с правнучкой.

Утром я долго смотрел на Маришу из окна. Она в полном уединении собирала песок с отдаленной кучи и носила его к крыльцу.

Я сказал ей: что ты делаешь? Ей стало неловко, ей не хотелось играть при свидетелях, и она (о, детское лукавство!) сказала:

— Уходи от окна, ты простудишься!

Вторник 17. Сентябрь. Лида в больнице. С моими книгами — худо. «Библию» задержали, хотя она вся отпечатана (50.000 экз.). «Чукоккалу» задержали. Шестой том урезали, выбросив лучшие статьи, из оставшихся статей выбросили лучшие места. «Высокое искусство» лежит с мая, т. к. требуют, чтобы я выбросил о Солженицыне.

Я оравнодушел, хотя больно к концу жизни видеть, что все мечты Белинских, Герценов, Чернышевских, Некрасовых, бесчисленных народовольцев, социал-демократов и т. д., и т. д. обмануты — и тот социальный рай, ради которого они готовы были умереть, — оказался разгулом бесправия и полицейщины.

Каждое утро ко мне приходит Маринка — мешает мне заниматься, но радует мое сердце — сама выдвигает ящик, достает магнит, прикладывает его ко всем скрепкам, достает лупу, смотрит на свои пальцы, говорит: «огромные», достает пружину, подаренную Росихой, и сует ее в башмак — и т. д. Сейчас узнал, что ко мне, возможно, приедет Солженицын, которого выследили в его деревне, где он писал. Вчера был Берестов, читал стихи о детстве, неплохие — но он читал их с искренним восторгом и, прочтя каждый стишок, смеялся. Говорит, что был такой день, когда он написал 30 стихотворений.

Понедельник 23. Сентябрь. Я счастлив, что у меня живут Аня, Марина и Митя. Впервые чувствую, что у меня есть семья. Горько на старости лет остаться бобылем. Люша надежный друг, но у нее нет для меня времени. У милой Марины — тоже. Это все — визитеры. Приехали на день, и прочь. А Митя и Аня поневоле (из-за Аниного pregnancy¹) вынуждены прикрепиться к Переделкину — и быть ежедневно со мной. Вчера мы с Митей сверяли с подлинниками мои переводы «Just so Stories»². Он обнаружил и чутье стиля, и находчивость.

Вторник 24. Сентябрь. Вчера был Май Митурич с дочкой Верочкой, лет 14-ти. Показывал талантливые рисунки к «Бармалею». Все очень цветасто — и страшно. Бармалей — страшилище.

¹ беременности (англ.).

² «Сказки» [Киплинга] (англ.).

Умолял его убавить страха. Боюсь, что текст книжки безнадежно испорчен рисунками. Дождь.

1968

Среда 25. Сентябрь. В гости приехала Елена Сергеевна Булгакова. Очень моложава. Помнит о Булгакове много интереснейших вещей. Мы сошлись с ней в оценке Влад. Ив. Немировича-Данченко и вообще всего Художественного театра. Рассказывала, как ненавидел этот театр Булгаков. Даже когда он был смертельно болен и будил ее — заводил с ней разговор о ненавистном театре, и он забывал свои боли, высмеивая Немировича-Данченко. Он готовился высмеять его во второй части романа.

Сегодня Марина неожиданно сказала: «теперь у нас темно, а Эрику (в Америке) светло». Кто сказал ей об этом, неизвестно.

Четверг 26. Сентябрь. Перевел куски из «Just so Stories», проверил вместе с Кларой все «Song of Myself»¹, все 52 отрывка — до десяти вечера.

Пишу письмо Лесючевскому. Карпова написала, что мне типография хочет рассыпать набор «Высокого искусства». Завтра приедет Ася Берзер, посоветуюсь с ней и решу.

Пятница 27. Сентябрь. Была Софа. Решено, что ради полного «листажа» к VI тому нужно прибавить несколько моих переводов. Из Киплинга, Уайльда, О. Генри.

Вчера была поэтесса двадцати одного года — с поклонником-физиком. Стихи талантливы, но пустые, читала манерно и выспренне. Я спросил, есть ли у нее в институте товарищи. Она ответила, как самую обыкновенную вещь:

— Были у меня товарищи — «ребята» (теперь это значит юноши), но всех их прогнали.

— Куда? За что?

— Они не голосовали за наше вторжение в ЧехоСловакию.

— Только за это?

— Да. Это были самые талантливые наши студенты!

И это сделано во всех институтах.

Говорят, что в Союзе Писателей Межелайтис, Симонов, Леонов и Твардовский отказались выразить сочувствие нашей Чехо-Словацкой афере.

Суббота 28. Сентябрь. Восстановилась ясная погода. Я гуляю в саду с Мариночкой. Она ударилась в рисование. Весь асфальт и

¹ «Песня о себе» (англ.).

1968

все ворота измазаны ее человечками, елочками, колесами. С волнением замечаю, что она *с каждым днем* совершенствуется, буквально *с каждым днем*. Пишу письмо Лесючевскому — по совету Люши и Аси.

Утомлен очень. Ася Берзер — прелесть, талантливая журналистка, хороший критик, я был рад ее приезду. Она вместе с Люшей провожала на самолет Виктора Некрасова. Тот напился. И, увидев портрет Ленина, сказал громко:

— Ненавижу этого человека.

Воскресенье 29. Сентябрь. Весь день правил Уитмена для Гослитиздата.

Правнучка страшно полюбила подавать мне калоши и следить, чтобы они прилипли по ноге. Вся дрожит от радости, когда ей скажу: ну-ка принеси прадеду калоши!

Вчера она впервые усвоила навязанный мною миф, что все плохие поступки совершает не она, но — Маримонда.

Понедельник 30. Сентябрь. Пришел к убеждению, что моя шестимесячная забастовка из-за требований Совписа, чтобы я вычеркнул имя Солженицына из своей книги «Высокое искусство», бесплодна и что нужно убрать это имя. Сознание этого так мучит меня, что я не мог заснуть, несмотря на снотворные.

Вторник 1. Октябрь. Правил свои переводы «Just so Stories», «Рыбака и его души» и О. Генри для 6-го тома. Убедился, что я плохой переводчик, ненаходчивый и не гибкий.

Отдельвал письмо Лесючевскому.

Безумная жена Даниэля! Оставила сына, плюнула на арестованного мужа и сама прямо напросилась в тюрьму. Адвокатши по ее делу и по делу Павлика — истинные героини, губящие свою карьеру*. По уставу требуется, чтоб в политических делах адвокаты признавали своих клиентов виновными и хлопотали только о снисхождении. Защитницы Павла и Ларисы — заранее отказались от этого метода.

С моей книжкой «Высокое искусство» произошел забавный казус. Те редакторы, которые потребовали, чтобы я изъясился из книги ту главку, где говорится об Александре Исаевиче, — не подозревали, что на дальнейших страницах тоже есть это одиозное имя. Я выполнил их требование — и лишь тогда Шубин указал им, что они ошиблись. С Конюховой чуть не приключился инфаркт. Я говорил с ней по телефону. Она говорит: это моя вина... теперь меня прогонят со службы. Что делать? Я сказал: у Вас есть единст-

венный выход: написать мне строжайшее требование — официальное, и я немедленно подчинюсь приказу.

1968

— Хорошо! — говорит она. — Я пришлю вам такой приказ — за своей подписью.

— Пожалуйста.

Четверг 3. Октябрь. Получил известие, что завтра, в пятницу ко мне приедет Шеровер, владелец моего портрета в Иерусалиме. Интересно, каков он окажется.

Пятница 4. Октябрь. Ну вот только что уехал Шеровер. Маленького роста джентльмен 62-х лет, очень учтивый, приятный — он приехал на симпозиум по черной металлургии; приехал из Венесуэлы, где он участвовал в строительстве сталелитейного завода. Он рассказывал свою жизнь — как молодым человеком он организовал заем Сов. Союза в Америке — уплатив нам в виде гарантии собственные 10 000 долларов. Рассказал историю моего портрета — совсем не ту, какая помнится мне; он купил этот портрет за 2 500 долларов. В Иерусалиме у него вилла, там и висит мой портрет. Показал портрет сына, который сражался в Израиле-Арабской войне. Эта война волнует его. Он рассказал, как Насер за несколько дней до войны заявил, что русские друзья предупредили его, что Израиль собирается напасть на арабов. Премьер Израиля предложил русскому посланнику в Израиле убедиться, что это не так, но тот отказался, и т. д.

По словам Шеровера, он пожертвовал на кафедру русского языка в израильском университете 10 000 долларов и теперь на постройку театра в Иерусалиме один миллион долларов. — «Люблю искусство!» — скромно признается он.

[Вклеен листок из Тем. плана изд-ва «Искусство» на 1969 г. с аннотацией о «Чукоккале». — Е. Ч.]

Воскресенье 6. Октябрь. Выпал снег. В два часа над нами пролетели все сорта и разновидности снега: хлопья, «крупа», кристаллы, — когда все улеглось, ходил с Аней и Мариной на поляну, где Митя играет в футбол. Маринка неутомима: на трехколесном велосипеде гонит быстрыми ножонками так, что ее не догнать. Я установил станции «Стоп!» — и она мгновенно останавливается.

Поляны мы так и не нашли.

Понедельник 7. Октябрь. Сегодня, увы, я совершил постыдное предательство: вычеркнул из своей книги «Высокое искусство»

Пришлось искалечить четыре страницы, но ведь я семь месяцев не сдавался, семь месяцев не разрешал издательству печатать мою книгу — семь месяцев страдал оттого, что она лежит где-то под спудом, сверстанная, готовая к тому, чтобы лечь на прилавок, и теперь, когда издательство заявило мне, что оно рассыпет набор, если я оставлю одиозное имя, я увидел, что я не герой, а всего лишь литератор, и разрешил наносить книге любые увечья, ибо книга все же — плод многолетних усилий, огромного, хотя и безуспешного, труда.

Мне предсказывали, что, сделав эту уступку цензурному терпору, я почувствую большие мучения, но нет: я ничего не чувствую, кроме тоски, — обмозолился.

Вторник 8. Октябрь. Сейчас ушел от меня известный профессор Борис Николаевич Делоне — дед злополучного Вадима, которого будут завтра судить*. Рассказал между прочим, как Сталин заинтересовался «Историей опричнины», разыскал книгу о ней и спросил, жив ли автор книги. Ему говорят: «жив». — «Где он?» — в тюрьме. «Освободить его и дать ему высокий пост: дельно пишет». Наше ГПУ — это те же опричники. Профессору Делоне это рассказывал сам автор — Смирнов.

Б. Н. Делоне — говорун. Рассказывал, как он принимал у себя француженку Деруа. Все было хорошо, вдруг один оратор (Стечкин) сказал: «Жалко одно, что вами управляет такой длинноносый премьер» (де Голль). Все смутились. Бестактность. И вдруг француженка сказала: «он не только длинноносый — он глупый. Очень глупый».

Рассказывал, как молодой Якир в Кишиневе, где ставили памятник его отцу, вдруг сказал перед многотысячной публикой, собравшейся на торжество:

— Неужели не стыдно Ворошилову и Буденному, кои подписали смертный приговор моему отцу.

Делоне — 78 лет. Бравый старик. Альпинист. Ходит много пешком. На днях прошел 40 километров — по его словам.

Среда 9. Октябрь. Комната моя заполнена юпитерами, камерами. Сегодня меня снимали для «Чукоккалы»*. Так как такие съемки ничуть не затрудняют меня и весь персонал очень симпатичен, я несколько не утомлен от болтовни перед камерой. Это гораздо легче, чем писать. Я пожаловался Марьяне (режиссеру), что фильм выходит кособокий: нет ни Мандельштама, ни Гумилева, ни Замятина, так что фотокамера очень стеснена. Она сказала:

— Да здравствует свобода камеры!
Дмитрий Федоровский (оператор):
— Одиночной.

Вечером читал Руфь Зернову: «На солнечной стороне». Хорошо. Написал ей письмо.

У Лиды второй день нормальная т°. А в Москве судят Павлика, Л. Даниэль, Делоне. Чувствую это весь день. Таня, Флора, Миша у меня как занозы*. И старуха Делоне...

Рассказ Iyy в «New Yorker'e» очень хорош.

Четверг 10. Октябрь. Снимали меня для «Чукоккалы». Ужасно, что эта легкомысленная, игровая книга представлена из-за цензуры — постной и казенной.

Выступать перед юпитерами — для меня нисколько не трудно. И потерянного дня ничуть не жалко.

Сегодня второй день суда над Делоне, Даниэлем, Павликом.

Все мысли — о них. Я так обмозолился, что уже не чувствую ни гнева, ни жалости.

Погода хорошая после снега и слякоти. Милый Александр Исаевич написал мне большое письмо о том, что он нагрывает на Переделкино вскоре, чему я очень рад.

Суббота 12. Октябрь. Была Ясиновская по поводу «Вавилонской башни». Работники ЦК восстали против этой книги, т. к. там есть Моисей и Даниил. «Моисей не мифическая фигура, а деятель еврейской истории. Даниил — это же пища для сионистов!»

Словом, придиркам нет и не будет конца.

По моей просьбе, для разговора с Ясиновской я пригласил Икрамова, одного из редакторов «Науки и религии». Милый человек, сидевший в лагере, много рассказывал о тамошней жизни. Как арестанты устраивали концерты в дни казенных праздников, как проститутки исполняли «Кантату о Сталине», выражая ему благодарность за счастливую жизнь. Рассказывал о том, как милиция любит вести дела о валютчиках, так как те дают взятки валютой.

Воскресенье 13. Октябрь. Пришла к вечеру Таня — с горящими глазами, почерневшая от горя. Одержимая. Может говорить только о процессе над Павликом, Делоне, Богораз и др. Восхищается их доблестью, подробно рассказывает о суде, который и в самом деле был далек от законности. Все ее слова и поступки — отчаянные.

Теперь, когда происходит хунвейбинская расправа с интеллигенцией, когда слово «интеллигент» стало словом ругательным — важно оставаться в рядах интеллигенции, а не уходить из ее рядов — в тюрьму. Интеллигенция нужна нам здесь для повседневного интеллигентского дела. Неужели было бы лучше, если бы Чехова или Констэнс Гарнетт посадили в тюрьму.

Понедельник 14. Октябрь. Были у меня Лили Брик, Катанян и Краснощекова. Из-за рассказов о судьбище не сплю, и самые сильные снотворные не действуют.

Илюша Зильберштейн прислал мне свою книгу об Александре Бенуа. Там есть письма Ал. Н-ча, написанные в моем дряхлом возрасте. И он тоже, оказывается, страдал от бессонницы — и такая же у него была вялость после ночи, отравленной барбитуратами.

Книгу я прочитал всю и пришел к убеждению, что он был блистательный писатель (иногда графоман) и, если не считать двух-трех шедевров, — посредственный третьестепенный рисовальщик. Но какая богатая, разнообразная жизнь, сколько дружб, восторгов и успехов.

Пятница 18. Октябрь. Вчера вечером приехал Солженицын. Я надеялся, что он проживет недели две — он приехал всего на сутки. При встрече с ним мы целуемся — губы у него свежие, глаза ясные, но на молодежавом лице стали появляться морщины. Жена его «Наташа», работающая в каком-то исследовательском институте в Рязани, вдруг получила сигналы, что не сегодня завтра ее снимут с работы. Уже прислали какого-то сладенького «ученого», которого прочтат на ее место. Через час после того, как он уехал из своей деревенской избы, сосед Солженицына увидел какого-то высокого субъекта, похожего на чугунный памятник, который по военному шагал по дороге. У соседа на смычке собака. Субъект не глядел со сторонам — все шагал напрямик. Сосед приблизился к нему и сказал: «уехали!..» Тот словно не слышал, но через минуту спросил: «когда?» Сосед: «да около часу, не больше». Незнакомец быстро повернул, опасливо поглядывая на собаку. Сосед за ним — на опушке стояла машина невиданной красоты (очевидно, итальянская), у машины стояли двое, обвешанные фотоаппаратами и другими какими-то инструментами.

Все это Солженицын рассказывает со вкусом, но морщины вокруг рта очень тревожны. Рассказывает о своих портретах, помещенных в «Тайме». «Я видел заметки о себе в «Тайме» и прежде, но говорил: «нет того, чтобы поместить мой портрет на об-

ложке. И вот теперь они поместили на обложке целых четыре портрета. И нет ни одного похожего».

Вечером пришел к нему Можаяев и прочитал уморительные сцены из деревенской жизни «Как крестьяне чествовали Глазка». Очень хороший юморист, — и лицо у него — лицо юмориста.

Сегодня чуть свет Солженицын уехал.

Приехала Таня — успокоенная. Павлик — очень серьезен и ни на что не жалуется. Читает в тюрьме Пруста — занимается гимнастикой — готовится к физическому труду.

Мариночка:

— Ну давай, старичок, я тебе надену калоши.

Воскресенье 20. Октябрь. Приехала в гости Флора Литвинова с сыном Павла (Сережей) и его товарищем Женей. Оба — девятилетние.

Интересно, что у большинства служащих, выполняющих все предписания партии и голосующих *за*, есть ясное понимание, что они служат неправде, — но — привыкли притворяться, мошенничать с совестью.

Двурушники — привычные.

Среда 23. Октябрь. Третьего дня была Нина Кристенсен. Чудесная женщина, добрая, жалостливая. Рассказала о своей жизни. Ее первый муж был призван в армию во время последней войны. Попал в плен к японцам. Оставил ее беременную. Она ждала его с тоской. Пришло известие, что он умер. Японцы обращались со своими пленными свирепо. Прошел год, она вышла замуж за Кристенсена. И вдруг пришло известие, что первый муж — *жив*. Она вместе со вторым мужем стала ждать его возвращения. Второе известие: он только что умер. В это время у нее родился ребенок от Кристенсена — и скончался на третий день. Она была в Оксфорде, когда туда приехал Кирпотин. Его пригласил Оксфордский университет для прочтения лекций студентам, изучающим русский язык. Собственно, приглашение было отнюдь не персональным. Университет просил выслать кого-нибудь, кто владеет образцовой русской речью.

Могли бы прислать любого профессора — Лихачева, Оксман, Нечкину, Алексеева. Никому из них не дали визы — и послали Кирпотина, славного малого, но отличающегося местечковым еврейским акцентом. Был страшный конфуз в Оксфорде, едва только он открыл рот и произнес первую фразу. Коновалов, который должен был принимать его как почетного гостя, прикрыл себе ладонями лицо, студенты смеялись. Он говорил

1968

Щёдрин, ударение и проч. Кирпотин так и не догадался о своем провале — и всегда вспоминает Оксфорд с улыбкой гордости. Должно быть, и я точно так же опозорился в Оксфорде и тоже не подозреваю об этом.

Приехал сегодня мой японский издатель Комияма-сан. КГБ не пускало его в Переделкино: запретная зона.

Пятница 25. Октябрь. Услышал о новых подвигах наших хунвейбинов: они разгромили «Библиотеку поэта» с Орловым во главе. В самом деле, эта «Библиотека» готовилась выпустить Ахматову, Гумилева, Мандельштама, «интеллигентских» поэтов и пренебрегла балалаечниками вроде Ошанина... Сняли Орлова, Исакович и других из-за того, что в книге Эткинда о переводчиках сказано, что Ахматова, Заболоцкий и др. не имели возможности печатать свои стихи и потому были вынуждены отдавать все силы переводам.

Забавный разговор с милым поэтом Чухонцевым. Я дал ему антологию английских поэтов. Встречаю его:

— Ну как?

— Очень хорошие стихи. Особенно нравится поэт Анон. Что это за поэт? Какая у него биография?

Я угадал не сразу. Но вдруг меня осенило. — Это аноним! Anonymous.

Суббота 26. Октябрь. Мариночка очень полюбила выполнять задания взрослых, если она понимает их целесообразность. Особенно, если эти поручения даются ей в порядке игры.

Вышла моя книжонка «Котауси Мауси» — переводы английских детских песенок. Но Англия теперь не в чести. Поэтому нигде на передних страницах не упомянуто, что песенки — английские — только сзади микроскопическими буквами.

Синицы слетаются к окну и требуют пищи. И мне как-то совестно перед синицами.

Четверг 31. Октябрь. Мариночка сегодня сказала:

— У Володички нет прадеда. У мальчиков и девочек не бывает прадедов, прадеды у всех скоро умирают. Когда ты умрешь?

Был поэт Чухонцев. Вчера я встретил его вместе с Евтушенко и Борисом Слуцким.

Трехлетняя Леночка Пастернак, проходя мимо дачи Федина, говорит двухлетней Мариночке:

Суббота 2. Ноябрь. С утра — Нина Кристенсен. Вечером — от 6 до 11 Евтушенко. Для меня это огромное событие. Мы говорили с ним об антологии, которую он составляет по заказу какой-то американской фирмы. Обнаружил огромное знание в старой литературе. Не хочет ни Вяч. Иванова, ни Брюсова. Великолепно выбрал Маяковского. За всем этим строгая требовательность и понимание. Говорит, что со времени нашего вторжения в Чехию его словно прорвало — он написал бездну стихов. Прочитал пять прекрасных стихотворений*. Одно о трех гнилых избах, где живут две старухи и старичок-брехунок. Перед этой картиной изображение насквозь прогнившей Москвы — ее фальшивой и мерзостной жизни. Потом о старухе, попавшей в валютный магазин и вообразившей, что она может купить за советские деньги самую роскошную снедь, что она уже вступила в коммунизм, а потом ее из коммунизма выгнали, ибо у нее не было сертификатов. Потом о войсках, захвативших Чехословакию. — Поразительные стихи и поразителен он. Большой человек большой судьбы. Я всегда говорил, что он та игла, которая всегда прикасается к самому больному нерву в зубе, он ощущает жизнь страны, как свою зубную боль.

— Я ей-богу же лирический поэт, — сказал он. — А почему-то не могу не писать на политические темы, будь они прокляты.

Слушали его Марина, Митя и Люшенька.

Воскресенье 3. Ноябрь. Сегодня был Олег Чухонцев с женой и вновь читал отличные стихи. О Державине, Дельвиге, о Баркове, о танках, о реставраторе. Читая, он жестикулирует. Разговаривая — тоже. Весь в черном, в черных очках — так что сильно движущиеся белые руки особенно заметны.

Когда ко мне, старику, взбегает крохотными ножками моя правнучка, я очень хорошо знаю, что это бежит ко мне жадность, корысть, эгоизм, стремящиеся получить от меня возможно больше удовольствий и сластей и не дающие ничего взамен, — и все же умиляюсь и радуюсь, потому что жадность, корысть, эгоизм воплощены в такую чудесную, трогательно-хрупкую, красивую оболочку.

Понедельник 4. Ноябрь. Я сказал Мариночке дней 10 назад свои стишки:

Бабушка к буфету,
А жаркого нету.
Что ж это такое?
Где мое жаркое?

Бабушка к буфету,
А жаркого нету.
Бабушка к буфету
А жаркого *есть*.

2 года 10 месяцев.

Воскресенье 10. Ноябрь. В эту ночь Аня легко, почти без боли родила мальчика. Марина Ник. ликует, как сумасшедшая. «Я знала, что будет мальчик! Я предсказывала!»

Среда 13. Ноябрь.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.
Блок

Суббота 16. Ноябрь. Приехала Люша. Заштопала мою рубашу. Переписала черновой набросок о Чехове. Научила меня, что молнию на моих ботинках нужно стеаринить. Взясась исправить японский паровоз. Привела в порядок мои письма.

Пятница 22. Ноябрь. Вечером Евтушенко. Доминантная фигура. Страшно волнуется: сегодня его должны либо выбрать, либо провалить в Оксфорде (речь идет о присуждении ему звания Оксфордского профессора). «Подлец Амисс» выступил там с заявлением, будто Евтушенко — «официальный» поэт. А сам — фашист, сторонник войны во Вьетнаме. — «Сволочь Амисс! Не знают они нашего положения! Ничего не понимают!» Из его высказываний: «Я отдал бы пять лет жизни, лишь бы только было напечатано в России “В круге первом”». У нас нет писательской сплоченности — от этого все мы гибнем». И излагает фантастический план захвата власти в Московском отделении Союза Писателей!.. Читал стихи — лучшие о «ползучих березках» — то есть о себе, о своей литературной судьбе. К этому сводятся все его стихи. Пошли гулять. По дороге без всякой связи рассказал про свою любовницу-латышку, в сумочке которой он нашел инструктивную телеграмму от КГБ, как выпытывать мысли Евтушенко: она была агентом.

Суббота 23. Ноябрь. Сегодня приехал ко мне второй центральный человек литературы Александр Исаевич. Борода длиннее, лицо изможденнее. Вчера приехал в Москву — и за день так устал,

что приехал ко мне отоспаться. Бодр. Рассказывает о дерзостных письмах, которые он написал в Рязанское отделение Союза Писателей. Секретарь рязанского Обкома пожелал побеседовать с ним. Пригласил к себе. Он ответил (через Союз Писателей), что так как он не партийный, он не считает себя обязанным являться к нему и если он хочет, пусть придет в Союз и Солженицын охотно побеседует с ним, но, конечно, не с глазу на глаз (т. к. у нас нет никаких секретов). Ему поставили в вину, зачем он держится в стороне от Рязанского Союза. Он ответил, что он во всякое время готов прочесть там «Раковый корпус», что же касается беседы, то вряд ли его слова будут иметь вес после того, как его оклеветала «Лит. газета».

Вторник 3. Декабрь. Я увидел в «Times» статью Харти о избрании Евтушенко в Оксфорд и решил отвезти ему вырезку. Мимо проезжал милиционер в мотоцикле, подвез. «Евтушенко болен», — сказала нянька. Оказалось, он три дня был в Москве и три дня пил без конца. «Пропил деньги на магнитофон», — сокрушается он. Стыдно показать глаза жене. Прочитал мне стихи о голубом песце, о китах. «Удивляюсь, как напечатали о песце. Должно быть вообразили, что я и в самом деле пишу о песцах. Их ввела в заблуждение подпись “Аляска”». Пошли вместе к Слуцкому, — а потом по хорошему снежку ко мне. Евтушенко с большим уважением относится к Слуцкому. Высоко ценит метафоры.

Март 6-ое. Вчера попал в больницу Кассирского. Персонал отличный. Врачи первоклассные. Но я очень плох. Весь отравлен лекарствами.

7 марта. Кончаю статью о Туманяне.

Позор и ужас. Обнаружился сосед, который обожает *телевизор*. Из-за стены слышен несмолкаемый лай. Прекратится он только в 12 часов. Если бы мне хоть намекнули, что возможно соседство с таким дикарем, я предпочел бы умереть у себя на диване.

Была Кларочка. Привезла письма от Кати Андреевой, от Woods и от Simons'a.

Мне трудно много разговаривать.

Март. Больница 15. Здесь весь коридор лечится по блату. Есть даже домработница министра. Есть чья-то племянница. Есть тетки. А для Анны Ахматовой были доступны лишь городские больницы.

24 марта. Здесь мне особенно ясно стало, что начальство при помощи радио и теле и газет распространяет среди миллионов разухабистые гнусные песни — дабы население не знало ни Ахматовой, ни Блока, ни Мандельштама. И массажистки, и сестры в разговоре цитируют самые вульгарные песни, и никто не знает Пушкина, Баратынского, Жуковского, Фета — никто.

В этом океане пошлости купается вся полуинтеллигентная Русь, и те, кто знают и любят поэзию, — это крошечный пруд.

Спасибо д-ру Пашкову. Это он приехал ко мне в Переделкино и снял кардиограмму и убедил меня приехать в эту больницу.

Через пять дней my birthday¹.

¹ мой день рождения (англ.).

Проф. Ефим Борисович Рабкин, лежащий в соседней палате, рассказывал мне много интересного.

О том, как ему пришлось приобщать к сознательной жизни глухую, слепую и немую женщину, которая до 16 лет сидела в сарае отца с петлей на шее — и если близко к ней подходили, кусалась. И другой, слепорожденной, которой он вернул зрение, когда ей было 20 лет, и она не постигала вещей зрением. Ей показывали ключ, она не знала, что это такое, и только когда ей дали ощупать его, сказала: «это же ключ!»

2-го были американцы: сын Софии Дубновой и его жена медработник (итальянка). Он из Йельского университета — где находится и Аркадий Белинков с Наташей. Оба они чувствуют себя хорошо — передают приветы. Сам сын Дубновой пишет книгу о Гоголе.

Здесь наиболее замечательная личность Валентина Георгиевна Антипова, финансовый ревизор по проверке железнодорожного строительства Урала, Сибири и Дальнего Востока — и фабрик. Всю душу отдает воспитанию сына, 16-летнего юноши, очень милого. Житейский опыт у нее огромный. Все сибирские города известны ей, как мне — Переделкино. Ум большой, самостоятельный. С мужем она давно рассталась — поневоле ей пришлось выработать мужские черты характера. К современности относится критически. Говорит, что после комсомольства не пожелала вступить в партию, хотя ее отец — старый партиец.

Разговаривать с ней одно удовольствие — живой, деятельный, скептический ум.

Но... она даже не предполагает, что в России были Мандельштам, Заболоцкий, Гумилев, Замятин, Сомов, Борис Григорьев, в ее жизни пастернаковское «Рождество» не было событием, она не подозревала, что «Мастер и Маргарита» и «Театральный роман» — наша национальная гордость. «Матренин двор», «В круге первом» — так и не дошли до ее сознания. Она свободно обходится без них.

Так как я давно подозревал, что такие люди существуют, я стал внимательно приглядываться к ней и понял, что это результат специальной обработки при помощи газет, радио, журналов «Неделя» и «Огонек», которые не только навязывают своим потребителям дурное искусство, но скрывают от них хорошее. Выдвинув на первое место таких оголтело-бездарных и ничтожных людей, как Серафимович, Gladkov, Ник. Островский, правительство упорно скрывает от населения стихи Ахматовой, Мандельштама, Гумилева, романы Солженицына. Оно окружило тайной имена Сологуба, Мережковского, Белого, Гиппиус, принуждая любить

худшие стихи Маяковского, худшие вещи Горького. Во главе TV и радио стоят церберы, не разрешающие пропустить ни одного крамольного имени.

Словом, в ее лице я вижу обокраденную большую душу.

Рядом со мной в палате 202 живет окулист проф. Рабкин. Как всякий самовлюбленный специалист, он может говорить только о своей специальности. Едва лишь мы познакомились, он изложил мне свою «систему», которую он применил к живописи. Потом он ловил меня в коридоре и излагал ее во время прогулки, потом он вздумал устроить вечернее чтение, объявив, что будет читать $1/4$ часа. Читал он час пять минут, не считаясь со слушателями, причем предпосылкой его воззрений была чепуховая мысль, будто то искусство хорошо, которое творится здоровыми людьми. Художник близорукий — плохой художник, дальнорский тоже. Дальтоники он уличает, как преступников. Ему мерещится, что если он докажет, что Ван Гог был дальтоник, этим он в какой-то мере скомпрометирует Ван Гога. [Сбоку приписано. — A John Turner? — Е. Ч.] Умница Инна Борисовна задала ему вопрос: итак, если бы у Достоевского не было падучей, он писал бы лучше? Осел ответил: несомненно... «Если бы Гойя не был болен, он еще лучше написал бы огромную серию «Капричос»?» — «Еще бы». Врубель, по мнению идиота-профессора, свою синюю гамму изобрел из-за дальтонизма — а то, что эта синяя гамма была вехой в его истории, вкладом в искусство, так как ею посрамлялось и опровергалось захиревшее передвижничество, это ему невдомек. Самое требование «здорового искусства» по самому своему существу порочно. Оно выдвинуто в свое время советскими жандармами. Вследствие этого от публики прятали в подвалах шедевры импрессионистов, приобретенные Щукиным, который завещал их народу. От всех художников требовали «реализма». Из-за этого выдвинулись вонючие полуфотографы вроде Галактионова, Герасимова. Но даже советским идеологам пришлось уступить — устроили выставку Матисса, стали воскрешать художников «Мира Искусства», перестали употреблять в качестве ругательства имена Сера, Сислея, Мане, Моне и т. д.

Рабкин декларировал свою любовь к искусству. Но ничем не показал, что любит его. Он сам рассказывал мне, что когда приехал в Россию из Индии Рерих, он, Рабкин, долго разговаривал с ним по-английски, не подозревая, что Рерих — русский. Словом, не знал «Город строят», «Вороны» и др. произведений мастера. Невежество лошадиное!

Абсолютно лишенный эстетического вкуса, понимания школ и направлений в мировой живописи, он авторитетно толкует о

ней, как знаток. Это так взволновало Валентину Георгиевну, что она, ссылаясь на духоту, ушла раньше времени. А я пожалел, что этому тупице я, по его настойчивой просьбе, еще не познакомившись с ним, подарил свою книжку «Чехов».

1969

Ко всем его экскурсам в искусство годится один эпитаф:

Суди, голубчик мой, не выше сапога*.

Его стараниями уничтожен Эдгар По, Уитмен, Гаршин, Бодлер, Достоевский.

Показываю одной из здешних интеллигенток снимки с картин Пироманашвили.

— Ах, как я люблю шашлык, — сказала она, и здесь была вся ее реакция на творчество грузинского художника.

Интересны характеры: няня Полина Семеновна, обожающая работу. Всякое дело она делает с яростной страстью; вымыла в палате вдвое больше окон, чем ей полагалось, уборку комнаты превращает в веселый смерч. В восторге от себя и от всей своей работы, хотя решительно ничего не умеет, выдавливает стекла, которые моет.

29 апреля. Здесь возник новый больной Игорь (27 лет). Он музыкант, музыковед, первое впечатление: развязный, избалованный, взбалмошный малый, обжора, балагур. Второе: очень добрый, широкая натура. Третье: талантливый. Вчера он взялся написать всю стенгазету к 1-му мая единолично. И сочинил блестящую передовицу, где говорится о победе рабочего класса над «империалистами»(!). Это — автопародия. Уже шесть лет он в качестве комсомольца сочиняет такие передовицы, целиком состоящие из казенных шаблонов.

Большую радость доставило мне в последнее время общение с Игорем Александровичем Косыревым — из 209 палаты. Несмотря на свою внешнюю грубость, это деликатный, добрый, щедрый, покладистый человек. Очень талантлив. Во время наших общих обедов в столовой он заставляет нас хохотать своими остроумными репликами. Трудолюбив, талантлив, упорен, бескорыстен. Но феноменально далек от общечеловеческой культуры. Он певец — и я верю — хороший. Но недаром Шалапин смолоду водился со Львом Толстым, с Чеховым, с Горьким, с Лениным Андреевым, с Бальмонтом, с Головиным, с Кустодиевым, с Судейкиным, — недаром Собинов был одним из начитаннейших людей своего времени. Недаром Лядов мог в разговоре цитировать Щедрина и Достоевского — а Игорь Ал., не получив

общегуманитарного образования, может цитировать лишь вонючую пошлятину современных казенных стихокропателей. Мне странно видеть молодого человека, который не знает ни Заболоцкого, ни Мандельштама, ни Ахматовой, ни Солженицына, ни Державина, ни Баратынского. Он пробует писать, и конечно, в его писаниях сказывается его богатая натура, но вкуса никакого, литературности никакой, шаблонные приемы, банальные эпитеты.

Между тем это один из самых замечательных людей, живущих в нашем коридоре. Остальные — оболванены при помощи газет, радио и теле на один салтык, и можно наперед знать, что они скажут по любому поводу. Не люди, а мебель — гарнитур кресел, стульев и т. д. Когда-то Щедрин и Козьма Прутков смеялись над проектом о введении в России единомыслия — теперь этот проект осуществлен; у всех одинаковый казенный метод мышления, яркие индивидуальности — стали величайшею редкостью.

Медицинская сестра, которая раньше работала на улице Грановского, где Кремлевская больница. Спрашиваю ее: «а кто был Грановский?» Не знает.

Получил письмо из Мельбурна, спрашиваю Игоря Ал.: «Где этот город?» Отвечает: «в Швеции», а потом: «в Швейцарии». Я наконец сообщаю ему, что этот город в Австралии.

Он: «Ах да, там были какие-то скачки!»

Только оттого, что туда ездили наши советские спортсмены, он знает, что существует этот город.

Я вышел в сад. Дубы, лиственницы, березки. Подсел к каким-то больным. Одна говорит:

— Ты нашему забору двоюродный плетень.

Сегодня 12 мая. Вчера познакомился с женою Багрицкого. Седая женщина с тяжелой судьбой: была арестована — и провела 18 лет в лагере. За нашей больничной трапезой женщины говорят мелко-бабье: полезен ли кефир, как лучше изжарить карпа, кому идет голубое, а кому зеленое — ни одной общей мысли, ни одного *человеческого* слова. Ежедневно читают газеты, интересуясь главным образом прогнозами погоды и программами теле и кино.

Какую рыбу надо перевернуть, чтобы получился город? *Налим.*

В болоте родился, три раза крестился. С фашистами дрался. Героем остался. (Ленинград.)

Его хотели повесить, но он вырвался из рук и упал. Тогда его поставили на видное место и назвали царем. (Царь Колокол.)

Каких камней нет в море? (Сухих.)

Почему мальчики ходят в ботинках, а девочки в туфельках.
(По земле.)

(Сообщено Е. И. Рагель. Москва)

Я лежал больной в Переделкине и очень тосковал, не видя ни одного ребенка. И вдруг пришел милый Евтушенко и привез ко мне в колясочке своего Петю. И когда он ушел, я состряпал такие стихи:

Бывают на свете
Хорошие дети,
Но вряд ли найдутся на нашей планете
Такие, кто был бы прелестнее Пети,
Смешного, глазастого, милого Пети.
Я, жалкий обломок минувших столетий,
Изведавший смерти жестокие сети,
Уже в ледящей барахтался Лете,
Когда сумасшедший и радостный ветер
Ворвался в мой дом и поведал о Пете,
Который, прибыв в золоченой карете,
Мне вдруг возвестил, что на свете есть дети,
Бессмертно веселые, светлые дети.

И вот я напряг стариковские силы
И вырвался прочь из постылой могилы.

14/V. Вчера один из больных, увидев в своей «Истории болезни» (которую ему удалось прочитать из-за оплошности сестры), что у него злокачественная опухоль мозга, взобрался на столб высоковольтного провода и, схватившись за него рукой, мгновенно сгорел, да так и повис на проволоке. Он по профессии был электриком.

15. Приходил Андроников.
О Кате Буховой в 1916 г. :

Ты еще не рождалась,
Тебя еще нет,
Ты побоялась
Родиться на свет!

Ты кем-то несмелым
Как будто во сне
Начертана мелом
На белой стене.

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ

16 июня. Понедельник. Вчера внезапно приехал с женой А. И. Солженицын. Расцеловались. Обедали на балконе. Погода святая: сирень расцвела у нас необыкновенно щедро, — кукушки кричат веселей, чем обычно, деревья феноменально зеленые. А. И. пишет роман из времен 1-й германской войны (1914—1917) — весь поглощен им. «Но сейчас почему-то не пишется. Мне очень легко писать то, что я пережил, но *сочинять* я не могу...» Жена подтверждает: когда у него заstopорится работа, он становится мрачен, раздражителен. Жена («Наташа») ведет его архив — 19 папок: одна папка почетных званий — он ведь академик, избранный какой-то из литературных академий Парижа, а также — почетный член американской академии. Жена благоговейно фотографирует ту крохотную дачку, где живет Солженицын, все окрестности, — и как он собирает грибы, и как он пишет в саду, за вкопанным в землю столом, и как гуляет над рекой. Фото — цветные, она привезла с собою около 50 в коробке. Спрашивали у меня, нет ли у меня копии того отзыва об «Иване Денисовиче», который я написал в Барвихе, когда рукопись этой повести дал мне почитать Твардовский*.

16. Был Кассиль. Человек, с которым у меня многое связано. Не забуду, как он нежно и ласково вел меня домой после того, как меня прорабатывали в Союзе Писателей. Вообще он человек добрый — с хорошими намерениями. И семья у него превосходная: Ира — в Киноинституте, Володя — хирург и т. д.

Милая Аня трогательно ухаживает за мною весь день.

17/VI, вторник. Вожусь с первыми страницами статьи о детективах*. Пишу две страницы чуть ли не двадцатый раз — борюсь со своим проклятым склерозом. Процесс писания причиняет мне столько страдания, я начинаю так зверски ненавидеть себя — что обрушиваюсь на ни в чем не повинных людей.

Среда 18. Приехала Наташа Ильина и те самые учителя, которых она встретила у меня в прошлом году, когда читала об Ахматовой.

В этом году должны выйти: «Репин», «Мой Уитмен», «6-й том», «Муха Цокотуха», «Сказки» и еще что-то.

«От 2-х до 5» отодвинулось на будущий год.

Аничка мила бесконечно.

Аничка косит траву. Очень хорошо, но по-дилетантски. Нянька Елена Ефимовна, держа маленького Митю на руках, все же машет левой рукой, исправляя (в уме) ее ошибки. Вот стала размахивать Митей.

Все буюсь над загадкой о ковре*.

Лето в разгаре. Вчера я навещал Катаева. Он уже на ногах, принимал меня в белой комнате, говорил о Бунине, о Книппер. Его опять тянет к писанию — «Хочу написать простую вещь, непохожую на “Кубика” — наивно простую».

25 июля. Месяц не писал. За это время — отравился.

В США сейчас очень плохая духовная атмосфера. Там побывал Елизар Мальцев, отец которого, темный крестьянин, работал там лесником и был сброшен браконьерами в воду, где и утонул. У Елизара там две сестры, одна — официантка в кафе, другая музыкантша. Он провел там месяц, собирая материалы, чтобы написать повесть об отце (но ведь подобная повесть написана Короленко «Без языка»). Елизар тоже «без языка». Он видал там только русских. Говорит, что нравы там бандитские, что негры творят там бесчинства и т. д. Обо всем этом поведала жена Елизара — милая Александра Ивановна, которая после чтения «Анти-Дюринга» стала православной (бывшая комсомолка). Это массовое явление. Хорошие люди из протеста против той кровавой брехни, которой насыщена наша жизнь, уходят в религию.

Была у меня очень собранная и целеустремленная миссис Рек, пишущая книгу о Пильняке.

Весь поглощен полетом американцев на Луну*. Наши интернационалисты, так много говорившие о мировом масштабе космических полетов, полны зависти и ненависти к великим американским героям — и внушили те же чувства народу. В то время когда у меня «грудь от нежности болит» — нежности к этим людям, домработница Лиды Маруся сказала: «Эх, подошли бы они по дороге». Школьникам внушают, что американцы послали на Луну людей из-за черствости и бесчеловечия; мы, мол, посылаем аппараты, механизмы, а подлые американцы — живых людей!

Словом, бедные сектанты даже не желают чувствовать себя частью человечества. Причем забыли, что сами же похвалялись быть первыми людьми на Луне. «Только при коммунизме возмож-

ны полеты человека в космос» — такова была пластинка нашей пропаганды.

Благодаря способности русского народа забывать свое вчерашнее прошлое, нынешняя пропаганда может свободно брехать, будто «только при бездушном капитализме могут посылать живых людей на Луну».

Завравшиеся шулера!

Была в ту среду Наташа Ильина. Читала отличное начало смехотворной пародии на нынешние кинофильмы.

Правил сегодня последние листы VI тома. Клара — молодец! Работяга. Сегодня она изготовила обед для 10 человек (для Воскресенского и его свиты!), ухаживала за мною больным, нянчила Марину — вела секретарскую работу.

Сейчас позвонила Таня, что космонавты благополучно вернулись на Землю!

На Землю, которая одновременно рождает и подлецов и героев, и феноменальных мудрецов и феноменальных невежд — и потом служит могилой для тех и других.

Огромное круглое кладбище от полюса до полюса издали (с Луны) кажется хорошенькой звездочкой.

2 августа. Был Евтушенко. Вместе с художником, фамилию которого я не запомнил. Читал вдохновенные стихи, читал так артистично, что я жалел, что вместе со мною нет еще 10 тысяч человек, которые блаженствовали бы вместе. Читал одно стихотворение о том, что мы должны, даже болея и страдая, благодарить судьбу за то, что мы существуем. Стихи такие убедительные, что было бы хорошо напечатать их на листовках и распространять их в тюрьмах, больницах и других учреждениях, где мучают и угнетают людей. Потом прочитал стихотворение, вывезенное им из Сибири, где он плыл на реке в баркасе, который сел на камень. Очень русское, очень народное. Был он в Казани, пишет о Ленине в 80-х годах, там секретарь Обкома дал ему один занятный документ. Стихи его совсем не печатаются. 12 редакций возвратили ему одни и те же стихи. Одно стихотворение, где он пишет, как прекрасно раннее утро в Москве, как хороша в Москве ночь — ему запретили оттого, что — значит, вы предпочитаете те часы, когда начальство спит?

Он готовился выступить в кино в роли Сирано де Бержерака. Но Ц. К. не разрешил: внезапно режиссеру было сказано: кто угодно, только не Евтушенко.

Режиссер отказался от Сирано. Принес мне поэму об Америке.

Вот уже **4-ое сентября**. Сколько событий обнаружилось за это время. Налет милиции на мою дачу ради изгнания Ривов, кото-

рые приехали ко мне с 3-мя детьми*. Я подружился с Наталией Иосифовной Ильиной, которая путем долгих усилий написала для «Нового Мира» отличную юмореску об экранизации классиков*. Я начал писать об детективах — и бросил. Начал о Максе Бирбоне и бросил. Сейчас пишу о том, как создавались мои сказки. Но память у меня ослабела — боюсь наврать.

Марина обрела новые слова: «сумасшедшая кошка», «я вздрогнула» и повторяет их с упоением: «я увидела сумасшедшую кошку и вся вздрогнула».

Чудо нашего дома — правнук Митя. Ему нет и десяти месяцев, но он стал понимать нашу речь. Чуть скажу ему: «Сделай ладушки», он соединяет свои ручонки и хлопает ими. Это значит, что ему доступны и другие сигналы. Силач, сильный мозг — и радость жизни. Обычное его выражение — улыбка.

8 сентября. Главное мое горе — дезертирство Клары. В пятницу в 2 часа она, не попрощавшись, ушла с работы (5 сент.). 6-го сентября мне позвонила ее приятельница Муза и сказала, что Клара оставила записку с просьбой сообщить мне, что она уехала. Между тем мне особенно тяжело без нее. Делаю всю черную работу: переносю поправки на дубликаты. Самое печальное, что Клара издавна задумала свой побег, а мне сообщила в конце, будто это только что пришло ей в голову.

9-го. Вторник. Спасибо Марианне Петровне! Приехала сегодня помочь мне, села за машинку и переписывает мои статьи «Как я писал мои сказки». Увлекает меня эта статья. Из-за нее я бросил писать о детективах. Дивное письмо от Ильиной.

Четверг 11. Вчера был Евтушенко. Читал стихи о Сирано, в которых он проклинает Баскакова, запретившего ему выступать в этой роли.

— Покуда я не буду читать эти стихи — чтобы не повредить своей книжке, но чуть книжка выйдет, я прочту их с эстрады.

Дело в том, что в Гослите вновь набирают его книгу, набор которой был рассыпан месяца 3 назад. До выхода книги «я должен воздерживаться от всяких скандалов».

14 сентября 1969. Вчера вечером, когда мы сидели за ужином, пришел Евтушенко с замученным неподвижным лицом и, поставив Петю на пол, сказал замогильно (очевидно, те слова, которые нес всю дорогу ко мне):

— Мне нужно бросать профессию. Оказывается, я совсем не поэт. Я фигляр, который вечно чувствует себя под прожектором.

Мы удивлены. Он помолчал.

«Все это сказал мне вчера Твардовский. У него месяцев пять лежала моя рукопись “Америка”. Наконец он удосужился прочитать ее. Она показалась ему отвратительной. И он полчаса доказывал мне — с необыкновенною грубостью, что все мое писательство — чушь».

Я утешал его: «Фет не признавал Некрасова поэтом, Сельвинский — Твардовского». Таня, видевшая его первый раз, сказала: «Женя, не волнуйтесь».

И стала говорить ему хорошие слова. Но он, не дослушав, взял Петю и ушел.

Днем был Май Митурич, на которого я накинулся из-за его рисунков к «Бармалею». Вся эта сказка требует иллюстраций на скрипке, а его рисунки барабанные. Он почти согласился со мною и показал мне свои иллюстрации к «Мухе Цокотухе», тоже исполненные пятнами, а не штрихами. С ним была его прелестная дочь Вера. Школьница, смотревшая на меня с ненавистью, когда я бранил ее отца. У нее с отцом необыкновенная дружба.

Был Володя Глюцер — мой благодетель и друг, который принял к сердцу все мои дела и переписал на машинке кое-какие рукописи. Это человек неимоверной доброты — и нужно было видеть, как он нянчил Марину, которая осталась беспризорной.

16 сентября. Был вчера Андроников. Лицо розовое, молодежливое, манеры знаменитости. Принес мне книжку своих очерков с моим предисловием*. Книжка аппетитная. Только что вышла. За ужином показывал Суркова.

Слушали его Митя, Лида, Аня, я и пришедшие позднее Атаровы. Почувяв, что этой аудитории нужно другое, он гениально рассказал новеллу о приезде в Царское Село режиссера Пискатора, посетившего дом Алексея Толстого. Толстой пробует говорить ему по-немецки. Ich schreibe Peter der Grosse¹ — а по-русски ругающийся: к черту слизистый суп; «если завтра дадут мне слизистый суп, я уйду из дому, как Лев Толстой» — хрюкающий и хныкающий Алексей Николаевич — бессмертный шедевр Андроникова. Потом встреча Всеволода Иванова с Блоком — столь же гениальная. Я пригласил его на среду — когда будут Люша и Берзер.

¹ Я пишу о Петре Великом (нем.).

Погода по-прежнему дивная, жаркая. Лидочка чувствует себя лучше. Великая труженица, несмотря на больные глаза, она полуслепая работает в Пиво-Водах все дни — и как талантливо! Я дал ей прочитать свои статьи о детских своих книжках, которые пишу сейчас. Все хвалили эти статьи. Она сразу нашла в них основные изъяны — и посоветовала, куда повернуть весь текст.

Читаю стихи Слуцкого. Такой хороший человек, очень начитанный, неглупый, и столько плоховатых стихов.

17 сентября. Среда. Жду Люшеньку и Асю Берзер, то есть очень любимых мною людей. Упросил Андроникова дать им концерт. Марина дивно помогала Мите укладывать у меня на три полки детективные книжки. У нее теперь новое увлечение: помогать взрослым. Подает Мите книги, гвозди, мне пододвигает лекарство — каждую минуту озираясь на взрослых: смотрите, какая я хорошая.

Лидка (вчера). Ох, и рассержусь же я на тебя.

Марина. А разве старушки сердятся?

Лидка. Еще как!

Марина. И шлепать старушки умеют?

Какая-то добрая душа подписала меня в Америке на «Life», «Time» и еще какие-то журналы. Я получил по одному номеру и — стоп. Перлюстраторы задержали все дальнейшие номера.

Прилег днем отдохнуть, вздремнуть. Приснилась Клара.

Ее поступки непонятны мне. Уехать в пятницу среди дня, не попрощавшись. На другой день Муся (или Муза?) позвонила мне, что она уехала. Я позвонил к ней на квартиру. Там сказали то, чего я не знал: уехала на две недели. Мне нужны папки, местонахождение которых знает она одна. У нее остался № «Life», коего она так и не вернула. Мой доктор дал ей указания, как лечить меня, — этих указаний она так и не довела до моего сведения. И все же без нее мне оказалось очень хорошо: и Володя, и Марианна Петровна, и Митя переписали мои рукописи, Люша читала мне и т. д. Володя достал для меня сведения из Книжной Палаты, свел меня с «Литгазетой», проведаль, вообще дай ему бог счастья.

5 октября. Воскресенье. Вдруг утром сказали:

— Солдаты пришли!

Какие солдаты? Оказывается, их прислал генерал Червонцев для ремонта нашей библиотеки. Какой генерал Червонцев? А тот, который приезжал ко мне дня четыре назад — вместе с заместителем министра внутренних дел Сумцовым. А почему приезжал

Сумцов? А потому, что я написал министру внутренних дел бумагу. О чем? О том, что милиция прогнала из моей дачи профессора Рива! У проф. Рива был намечен маршрут на Новгород. А он заехал ко мне в Переделкино. Его настигла милиция — человек 10, иные на мотоциклах, и вытурили — довольно учтиво.

По совету Атарова я написал министру заявление; министр прислал ко мне зама, не то с извинением, не то с объяснением. Сумцов, приехав, сообщил, как он рад, что случай дал ему возможность познакомиться со мною, — и привез с собою генерала Червонцева, который признался, что он, не имея никакого дела в Министерстве внутренних дел, приехал специально затем, чтобы познакомиться со мною. Это громадный толстяк, с добродушным украинским прононсом. Располагает к себе, *charmeur*. Они долго не могли уехать, т. к. их шофер ушел в лес искать грибы. Я повел их в библиотеку, где сейчас производится ремонт. Червонцев обещал прислать солдат, чтобы убрать библиотечный сад — и отремонтировать внутренность. Вот что значило восклицание:

— Солдаты пришли.

Из-за болезни я не вышел к ним, не поглядел на их работу, но говорят, что они расчистили весь участок вокруг библиотеки. Четверо остались на целую неделю — ремонтировать внутреннее помещение.

Около шести часов пришла докторша Хоменко — нашла у меня желтуху — и увезла меня в Инфекционный корпус Загородной больницы.

Усадила меня в свою машину — и несмотря на то, что ко мне в это время приехала австралийская гостья, доставила меня в больницу, где только что освободился 93 бокс, мой любимый. И застал свою любимую сестру Александру Георгиевну. Привезла меня Марина.

6 октября. Понедельник. Я в Загородной больнице — в 93 боксе. Д-р Никифоров и Римма Алексеевна в Ленинграде на съезде. Очень плохо спал. Еду дали мне казенную: рыба и каша. Взяли все анализы.

Вчера Марина:

— Вы едете в больницу?

Когда у нее торжественный разговор со мною, она всегда говорит *вы*.

Потом подумала:

— И не вернетесь?

Последний месяц окрашен огромным событием. Маленький Митя встал на ноги и стал ходить. Бесконечные вариации поз. Влюблен в мою палку, чуть завидит, начинает энергично подвигаться к ней и ползком и пешком. Феноменально здоров, баснословно спокоен. Марина — кокетка и шельма, избалованная, но — прелестная.

Сегодня будет смотреть меня начальница б-цы *Мария Николаевна*. Дежурная сестра *Вега Ивановна*.

Слабость у меня такая, что трудно стоять и зубы чистить. С мая гостят Митя с Аней — оба милы и приятны. Аню я искренне полюбил. Это деятельный светлый человек. Ее сила — насмешливый юмор.

Читаю Элери Квин, последние выпуски. Вздор.

7 октября. Сестра Сима, делая мне укол, сказала:

— Да, камни в печени неприятная вещь!

Вот оно что! У меня камни в печени.

Мария Ник. вчера объяснила, что во всем виноваты *снотворные*, которые я принимаю чуть не с двадцати лет.

Пробую писать, не пишется.

Мария Николаевна после долгой пальпации решила, что у меня больна печень, и назначила мне внутривенное вливание.

Пожелтел еще сильнее, чем прежде. Слабость ужасная. Пишу 3-й этюд о своих сказках. Тороплюсь, потому что знаю, что завтра голова моя будет слабей, чем сегодня.

У меня над дверью табличка

Подозревается болезнь Боткина.

9 октября. Утром 36,4. Кони. Корректур.

Работаю над 8-м томом *Кони**. Это был праведник и великомученик. Он боролся против тех форм суда, какие существуют теперь, — против кривосудия для спасения государственного строя. Ирония судьбы, что эти благородные книги печатаются в назидание нынешним юристам.

В пять часов температура 37,6.

11 октября. Прочитал «Спутник». Те молодцы, что составляют этот дайджест, изображают Россию (советскую) в таком привлекательном виде, что невольно думаешь: «Эх, хоть бы одним глазком повидать эту страну!»

13 октября. Единственная радость: детская библиотека. По приказу генерала Червонцева пришли на один день двадцать сол-

1969 _____ дат — убрали запущенный, загаженный сад вокруг библиотеки. Потом 4 курсанта — вежливые, милые.

Живут в библиотеке, целый день, производя в ней ремонт.

Потом пришел профессор Никифоров:

— Ничего хорошего на ближайшие 2 недели у вас не обещаю. Боткинская в самом разгаре.

16 октября. Слабость как у малого ребенка, — хотел я сказать, но вспомнил о Митяе Чуковском и взял свои слова обратно. Митяй, которому сейчас 10 месяцев, — феноменальный силач, сложен, как боксер. В январе 2000 года ему пойдет 32-й год. В 2049 году он начнет писать мемуары:

«Своего прадеда, небезызвестного в свое время писателя, я не помню. Говорят, это был человек легкомысленный, вздорный».

Я уже на три четверти — мертвый. Завидую Фету, который мог сказать о себе: полуразрушенный, полужилец могилы.

18 октября. Суббота. Вот какие книги, оказывается, я написал:

1. Некрасов (1930 изд. Федерации)
2. Книга об Ал. Блоке (1924)
3. Современники
4. Живой как жизнь
5. Высокое искусство
6. От двух до пяти
7. Чехов
8. Люди и книги 60-х годов и другие очерки (Толстой и Дружнин. — Слепцов. Тайнопись «Трудного времени» и т. д.)
9. Мастерство Некрасова
10. Статьи, входящие в VI том моего Собр. соч.
11. Статьи, входящие (условно) в VII том
12. Репин
13. Мой Уитмен
14. Серебряный герб
15. Солнечная.

Авторские права на все эти книги я завещаю дочери моей Л. К. и внучке моей Елене Цезаревне Чуковским.

Кроме того, Елене Цезаревне Чуковской я вверяю судьбу своего архива, своих дневников и Чукоккалы.

Первый день обошелся без рвоты.

Появилось нечто вроде аппетита.

Утро 19-ое октября. Ем зернышки граната, привезенного Люшей.

Конец «12 стульев», присочиненный по указке
цензуры, очень плох.

1969

Начало «Золотого тельца» тоже.

[Вклеено письмо. — Е. Ч.]

Дорогая Лида. Я не просто не могу стоять на ногах, а я просто перестаю существовать, чуть сделаю попытку подняться. Желудок у меня также отравлен, как и почки, почки — как печень. Две недели тому назад я вдруг потерял способность писать, на следующий день — читать, потом — есть. Самое слово *еда* вызывает во мне тошноту.

Нужно ли говорить, что все права собственности на мой архив, на мои книги «Живой как жизнь», «Чехов», «Высокое искусство», «Мой Уитмен», «Современники», «От двух до пяти», «Репин» «Мастерство Некрасова», «Чукоккала», «Люди и книги», «Некрасов» (1930), «Книга об Александре Блоке», я предоставляю Тебе и Люше. Вам же гонорар за Муху Цокот [не дописано. — Е. Ч.].

20 октября.

Книги, пересказанные мною: «Мюнхаузен», «Робинзон Крузо», «Маленький оборвыш», «Доктор Айболит».

Книги, переведенные мною: Уичерли «Прямодушный», Марк Твен «Том Сойер»; первая часть «Принца и нищего», «Рикки-Тики-Тави» Киплинга. Детские английские песенки.

Сказки мои: «Топтыгин и Лиса», «Топтыгин и луна», «Слава Айболиту», «Айболит», «Телефон», «Тараканище», «Мойдодыр», «Муха Цокотуха», «Крокодил», «Чудо-дерево», «Краденое солнце», «Бибигон».

С приложением всех моих загадок и песенок —

Все это я завещаю и отдаю в полное распоряжение моей дочери Лидии Корнеевне и внучке Елене Цезаревне Чуковским.

Как это оформить, не знаю.

21 октября. День Марии Борисовны.

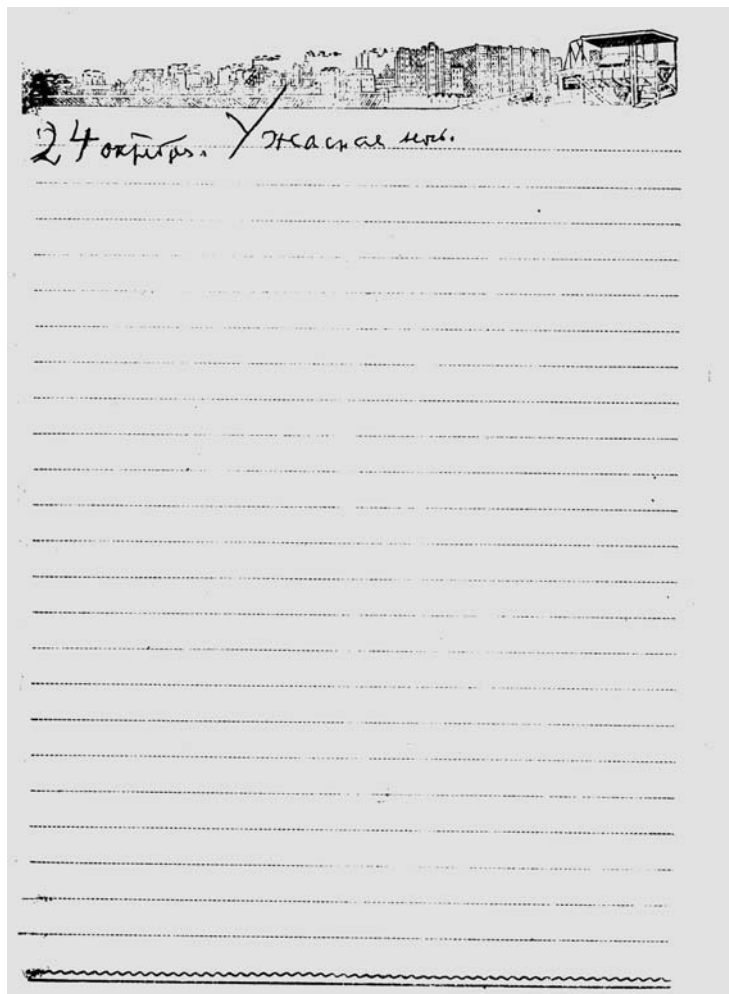
Вчера пришел VI том Собрания моих сочинений — его прислала мне Софья Краснова с очень милым письмом, а у меня нет ни возможности, ни охоты взглянуть на это долгожданное исчадие цензурного произвола.

Вчера был Володя Глоцер.

1969

Пью боржом с вишневым и удивляюсь: до чего
ложны и субъективны наши вкусы. Оказывается,
вишня не имеет того поэтического [недописано. — Е. Ч.]

24 октября. Ужасная ночь.

Последняя страница дневника. 24 октября 1969 г.

Последний том дневников Чуковского охватывает более тридцати лет. Записи делались в разные эпохи, из которых каждая была трудна по-своему.

Сохранилась только одна дневниковая запись за весь 1938 год.

В военные годы дневник велся также очень нерегулярно и невелик по объему.

В 1944 году началась новая волна травли сказок Чуковского и его вытеснение из детской литературы, которое продолжалось до 1953 года, до смерти Сталина.

В 1949 году тяжело заболела Мария Борисовна, у нее случился удар. Сам К. И. тоже много болеет. В дневнике появляется множество сообщений о болезнях, врачебных советах, школьных занятиях внука Жени и проч.

В эти и последующие годы меняется самый стиль дневника. Автор начинает задумываться об адресате. Привожу его мысли по этому поводу:

«1 апреля 55. Ну вот, Корней, тебе и 73 года! До сих пор я писал дневник для себя, то есть для того неведомого мне Корнея Чуковского, каким я буду в более поздние годы. Теперь более поздних лет для меня уже нет. Для кого же я пишу это? Для потомства? Если бы я писал его для потомства, я писал бы иначе, наряднее, писал бы о другом и не ставил бы порою двух слов вместо 25 или 30, — как поступил бы, если бы не мнил именно себя единственным будущим читателем этих заметок. Выходит, что писать дневник уже незачем, ибо всякий, кто знает, что такое могила, не думает о дневниках для потомства.

23 июня 1956. Я окончательно понял, что писал эти заметки в никуда, что они, так сказать, заклочительные — и потому торжественно прекращаю их. Но так как я еще не умер, меня интересует практически, кто когда был у меня (ибо я забываю о всяком, чуть только он уйдет от меня), и потому превращаю дневник в книгу о посетителях и практических делах.

8 января 1963. Свои дневники я всегда писал для себя: «вот прочту через год, через два, через десять, через двадцать лет». Теперь, когда будущего для меня почти нет, я потерял всякую охоту вести дневники, потому что писать о своей жизни каким-то посторонним читателям не хочется — да и времени нет».

К этим кратким выпискам нужно добавить убеждение автора, высказанное как-то В. А. Каверину: «нельзя слишком интимничать с современным читателем».

Два предыдущих тома дневника печатались без каких-либо сокращений. При подготовке настоящего тома, опираясь на взгляды автора, мы сочли возможным исключить из послевоенного дневника записи частного и медицинского характера, не имеющие общего интереса.

С. 6 *Пастернак... пишет черт знает какую ерунду, напр., в «Известиях».* — Тынянов имеет в виду два стихотворения Б. Пастернака: «Я понял: все живо...» и «Мне по душе строптивый норов...» из цикла «Художник». Во втором стихотворении были такие строки: «...И смех у завалин, / И мысль от сохи, / И Ленин, и Сталин, / И эти стихи». Через два месяца, выступая на III пленуме правления Союза советских писателей в Минске, Пастернак высказал об этих стихах то же мнение, что и Тынянов: «В течение некоторого времени я буду писать плохо с прежней точки зрения, впредь до того момента, пока не свыкнусь с новизной тем и положений, которых хочу коснуться, — сказал Пастернак. — Плохо это будет со многих сторон: с художественной, ибо этот перелет с позиции на позицию придется совершить в пространстве, разрозненном публицистикой и отвлеченностями, малообразным и неконкретным. Плохо это будет и в отношении целей, ради которых это делается, потому что на эти общие для всех нас темы я буду говорить не общим языком, я не буду повторять вас, товарищи, а буду с вами спорить, и так как вас — большинство, то и на этот раз это будет спор роковой и исход его в вашу пользу... Два таких стихотворения я напечатал в январском номере «Известий», они написаны сгоряча, черт знает как, с легкостью, позволившей в чистой лирике, но на такие темы, требующие художественной продуктивности, недопустимой, и, однако, так будет, я не могу этого переделать, некоторое время я буду писать как сапожник, простите меня». В 1957 году Пастернак написал, что в стихотворении «Мне по душе строптивый норов...» он «разумел Сталина и себя... Бухарину хотелось, чтобы такая вещь была написана, стихотворение было радостью для него. Искренняя, одна из сильнейших (последняя в тот период) попытка жить думами времени и ему в тон». Подробнее см.: *Б. Пастернак. Собр. соч.*: В 5 т. Т. 2. М., 1989, с. 7, 142, 619, 620, 642.

С. 7 *Лили Брик рассказывает подробно, как она написала Сталину письмо...* — Письмо Л. Брик к И. Сталину и резолюция И. Сталина на этом письме теперь опубликованы полностью. В сталинской резолюции, адресованной Ежову, есть такие слова: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти — преступление... Привлеките к делу Таль и Мехлис и сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов». Письмо Лили Брик датировано 24.11.34 г. Напечатаны также воспоминания Л. Брик и В. Катаняна и рассказ Л. Брик, записанный в 1968 году. По ее рассказу (рассказ несколько отличается от записи Чуковского), письмо было составлено по совету ее мужа, В. М. Примакова, крупного советского военачальника. (См.: *Лили Брик. Я не могла поступить иначе* / Публ. Ар. Кузьмина // Слово. 1989. № 5, с. 79–80, а также — В. А. Катанян. О Владимире Маяковском. Не только воспоминания / Публ. В. В. Катаняна // Дружба народов. 1989. № 3, с. 220–227; *Владимир Дядичев. Прошлых лет изучая потемки* // Москва. 1991. № 5, с. 187–200.)

С. 10 *...пойдем в театр на «Далекое»...* — Упомянут спектакль театра Вахтангова по пьесе А. Афиногенова.

С. 11 *Лидия речь сегодня... напечатана в «Комсомолке».* А моя — в «Литературке». — Речь идет о статьях: *Лидия Чуковская. О грубых словах и безликом языке* // Комс. правда. 1936, 27 янв.; *Корней Чуковский. Дела детские* // Лит. газета. 1936, 26 янв.

С. 14 *Написал фельетон о Квитко – неважный и поверхностный.* — 1936—1939
«Фельетоном» К. И. называет свою статью о Квитко «Замечательный поэт» (Красная газета. 1936. 2 июня).

С. 19 *...рядом со мной было свободное место.* — Возможно, именно в этот день Б. Игнатович сделал фотографии Б. Пастернака и К. Чуковского, ранее ошибочно отнесенные к 1932 году. См., напр., сб.: Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1983, с. 121.

С. 29 *...Мюд* — Международный юношеский день. Проводился ежегодно в сентябре по решению Бернской международной конференции социалистической молодежи (1915).

С. 34 *...речь Сталина. Это речь на века.* — 26 ноября «Правда» сообщила: «Вчера открылся Чрезвычайный VII Всесоюзный Съезд Советов. С докладом о проекте Конституции Союза ССР выступил вождь народов СССР и всего трудящегося человечества, творец Конституции товарищ Сталин».

1937

С. 41 *Лидина трагедия...* — 6 августа в Киеве, по дороге из Ленинграда в Кироводск, на квартире у родителей был арестован муж Л. К. Чуковской, физик-теоретик М. П. Бронштейн. Подробнее о нем см.: Г. Е. Горелик, В. Я. Френкель. Матвей Петрович Бронштейн. М.: Наука, 1989, а также *Лидия Чуковская*. Прочерк. М.: Время, 2009.

С. 42 *Звери Ванюшку(!) так ласково любят... / Вале(!) и Ляле читает Жюль Верна.* — Восклицательными знаками отмечены слова с опечатками. Правильно: «Ванюшу» и «Ване».

С. 43 *Была Боба с... Ниной.* — Упомянута Нина Станиславовна, первая жена Бориса Корнеевича Чуковского, с которой он вскоре развелся.

...потопление «Тимиразева» заставит нас издавать не книги, а линкоры. — С осени 1936 года СССР оказывал военную помощь испанскому республиканскому правительству в гражданской войне, развязанной мятежниками генерала Франко. Фашистские государства — Германия и Италия — направили значительные силы своих флотов в испанские воды, с явной целью поддержки мятежников. Германские и итальянские сухопутные войска и авиация открыто приняли участие в гражданской войне на стороне франкистов. Корабли германского и итальянского флотов прикрывали перевозку войск и вооружения и обеспечивали разведкой флот испанских мятежников. Последний вел активные блокадные действия, перехватывая транспорты с военными грузами, которые в 1936—1937 годах направлялись из СССР в республиканские порты. До 4 мая 1937 года корабли франкистского флота не без помощи итальянцев 86 раз нападали на советские суда. Три транспорта — «Комсомол», «Благоев» и «Тимиразев» — были при этом потоплены.

С. 44 В «Правде» появилась моя статейка, искаженная: телеграф наварал. — Речь идет о статье: Трехлетние // Правда. 1937. 23 сент.

С. 45 *Повесть моя движется медленно.* — Речь идет об автобиографической повести о детстве. Первое издание вышло под названием «Гимназия» (позднее повесть выходила под названием «Серебряный герб»).

1939

С. 47 *Вчера в «Правде»... мой фельетон о Радловой. Скоро... появится большая моя статья на ту же тему* — «Астма у Дездемоны». — См.: Искалеченный Шекспир //

Комментарии

Правда. 1939. 25 ноября; Астма у Дездемоны [*«Отелло»* в перев. А. Радловой] // Театр. 1940. № 2, с. 98–109.

С. 47 В... книжке... *Лидина повесть. Лидя пишет о Чернышевском и Михайлове.* — Речь идет об «Истории одного восстания» (Красная новь. 1939. Кн. 10–11, с. 27–71); повесть *о Чернышевском и Михайлове* не была написана. О замысле автора см.: *Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М.: Время, 2007, примеч. на с. 77.*

С. 48 ...я написал Лиде о Матвее Петровиче. — За этой лаконичной записью скрывается известие о гибели М. П. Бронштейна. В результате длительных хлопот Чуковский пробился на прием к председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР В. В. Ульриху и узнал от него о смерти своего зятя. К. И. с оказией передал из Москвы в Ленинград такую записку дочери: «...Мне больно писать тебе об этом, но я теперь узнал наверняка, что Матвея Петровича нет в живых. Значит, хлопотать уже не о чем. У меня дрожат руки, и больше ничего я писать не могу» (там же, примеч. на с. 62).

1940

С. 50 ...моя статья о Радловой. — См. примеч. к с. 47.

С. 51 ...как хлопотать о Шуручке Богданович. — Шуручка — старшая дочь Т. А. Богданович. Имя писательницы Т. А. Богданович часто встречается на страницах дневника Чуковского. Она была крестной матерью дочери К. И. — Лидии, К. И. с детства знал ее четверых детей. Ее дочь, Шуручка Богданович была арестована в Харькове в конце 30-х гг., вскоре после ареста ее мужа, инженера. Она погибла в тюрьме в ходе следствия, но в 40-м году ни Чуковский, ни Тарле об этом еще не знали.

С. 52 «...любовные вздохи этой стареющей женщины, которая забыла умереть». — Ахматова говорит о статье В. Перцова «По литературным водоразделам», опубликованной 27 октября 1925 года в журнале «Жизнь искусства». В статье, в частности, говорится: «...новые живые люди остаются и останутся холодными и бессердечными к стенаниям женщины, запоздавшей родиться или не сумевшей вовремя умереть».

...восхищается Лидиной статьей об Олеше. — Речь идет о рецензии Лидии Чуковской на книгу Ю. Олеши «Три толстяка» (Детская литература. 1940. № 8, с. 45–48).

...он обещал звонить по телефону о Левушке... — Ахматова просила Фадеева заступиться за ее сына — Льва Николаевича Гумилева, который был арестован. Из записи в дневнике Л. Чуковской видно, что Фадеев обещал свою помощь: «Анна Андреевна рассказала, что была в Переделкине у наших... Ехала она туда, по словам ее, очень удачно: попала в одно купе с женою Федина, которая сразу же на машине доставила ее в Переделкино. Ее поразило и, конечно, обрадовало, что Фадеев принял ее очень любезно и сразу сделал все от него зависящее. (Все последние дни перед отъездом она твердила: «Фадеев меня и на глаза не пустит».) Поражена также тем, что Фадеев и Пастернак выдвинули ее книгу на Сталинскую премию» (*Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М., 2007, с. 200.*)

1941

С. 55 ...меня бабахнула статья в «Правде» о «Лит. учебе»... прихлопнула статья в «Литгазете». — 29 декабря 1940 г. в «Правде» появилась статья А. Штейна под за-

дорным названием «Чему учит “Литературная учеба”?». Автор, в частности, пишет: «...вульгарная социология нет-нет да и покажет свои уши со страниц журнала. Взять, к примеру, статью К. Чуковского “Социальная природа переводчика”...» Полемика с К. Чуковским и В. Орловым завершается эффектной концовкой: «...этого более чем достаточно, чтобы судить о крайне низком теоретическом и литературном уровне авторского коллектива журнала, призванного обучать молодых литераторов». Вторая статья — рецензия Л. Псковского на «Чтеца-декламатора для детей» (составил Корней Чуковский. М.: Изд-во детской литературы, 1941). Статья появилась в «Литературной газете» 26 января 1941 года. В рецензии указано, что «плоха вторая, главная часть, посвященная современной “взрослой” поэзии».

1939—1943

1942

С. 60 ...*Фадеев... раздувал... историю с Репиным!* — Когда в ходе советско-финской войны наши войска пришли в Пенаты, распространился упорный слух, что Чуковский то ли в дни своего приезда к Репину в 1925 году, то ли в одном из своих писем отговаривал Репина вернуться в СССР. Это было по тем временам серьезным политическим обвинением. О последствиях для Чуковского этой истории читаем у В. Кирпотина: «После Финской войны нам достались “Пенаты”, дача Репина. В архиве художника было найдено письмо Чуковского — ответ на запрос Репина о переезде в Советскую Россию. Корней Иванович настойчиво отговаривал художника от этого шага... Сказочника всенародно начали топтать ногами за ремесленную сказку, но не по литературным причинам, а по политическим: за то, что... отговаривал Репина вернуться в Россию» (В. Кирпотин. Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006, с. 530). В настоящее время разысканы и опубликованы все письма Чуковского к Репину (Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. М.: Новое лит. обозрение, 2006). Установлено, что письма, о котором пишет Кирпотин, не существовало в природе, теперь известно кто именно и зачем распустил этот ложный слух. Подробный рассказ о том, как обстояло дело на самом деле см.: Елена Чуковская. Почему Репин не приехал в СССР: История одного вымысла // Лит. газета. 1997. 11 июня.

С. 61 *Дивный перевод «Леноры» прочитал Левик.* — Балладу «Ленора» написал немецкий поэт Готфрид Бюргер.

Пишу новую сказку. — Речь идет об антивоенной сказке «Одолеем Бармалея».

С. 63 «Тільки я, мов окаянный...» — Строка из стихотворения Шевченко «И мертвым, и живым, и неродившимся землякам моим в Украине и не в Украине мое дружеское послание».

С. 64 ...*поверила в Шендера Мендера* — так в те годы звался герой сказки, задуманной Чуковским и впоследствии названный Бибигоном.

1943

С. 65 «Были и лето и осень дождливы». — Строка из баллады Р. Саути «Суд Божий над епископом» в переводе В. А. Жуковского.

С. 69 *Так зачем же злые вороны очи выклевали мне?* — Неточная цитата из некросовских «Коробейников» (VI): «А за что вы, черны вороны, / Очи выклевали мне?»

С. 71 ...*ах какой дуся*». — Речь идет о младшем внуке, Дмитриии (р. 1943), сыне Н. К. Чуковского.

Статья в «Правде». — Статью П. Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского» см.: Правда. 1944, 1 марта. Статья посвящена разгрому сказки «Одолоем Бармалея». Поводом для этого послужил донос в ЦК от художника П. В. Васильева. П. Васильев — автор серии рисунков, посвященных жизни и деятельности В. И. Ленина. Среди его работ — картина «Ленин и Сталин в Разливе». Картина постоянно воспроизводилась на первых страницах газет. Васильев жил в Москве в том же доме, что и Чуковский, — в соседнем подъезде. Незадолго до своего доноса Васильев зашел к Чуковскому по-соседски, на столе лежала газета с репродукцией этой картины. К. И. сказал: «Что это вы рисуете рядом с Лениным Сталина, когда всем известно, что в Разливе Ленин скрывался с Зиновьевым». Васильев пошел прямо в ЦК и сообщил об этом разговоре. Корнея Ивановича вызвал Щербаков, топал ногами, матерился, через несколько дней и появился разнос в «Правде». В архиве Чуковского сохранилась открытка. На открытке воспроизведена другая картина Васильева «Ленин в детские годы». Под репродукцией рукой Чуковского написано: «Этот П. Васильев — стукач. Донес на меня Поскребышеву [описка К. И., на самом деле — Щербакову.— Е. Ч.], что говорил я о Сталине, — и чуть не погубил меня. К. Ч.». В 1982 г. на доме, где жили П. В. Васильев и К. И. Чуковский, установлена мемориальная доска П. В. Васильеву.

Еще об одной причине травли Чуковского см. примеч. к с 60.

С. 72 «...*Вот он — закон крови на земле*». — См.: Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Биография. Письма и заметки из записной книжки. Т. 1. СПб., 1883, с. 355.

С. 74 ...*приехала Женина мама* — Нина Станиславовна, первая жена Б. К. Чуковского.

Я похлопотал о нем у Катаняна и тем погубил его... — Чуковский хлопотал об Н. А. Пыпине не только у Катаняна. См. Т. 12, с. 601 примеч. к с. 569.

С. 75 *Ты еще не рождалась...* — Эти же стихи см. Т. 11, с. 211 наст. изд.

1946

С. 81 *Старцев в «Советской книге» свел со мной счёты...* — Упомянута статья А. Старцева о переводах Уота Уитмена в «Советской книге», № 1.

С. 84 *Говорил о новой сказке Исаковского, которую «Правда» предложила ему изменить*. — Как сообщила мне А. И. Исаковская, речь идет о «Сказке о Правде». Ее история рассказана самим М. Исаковским в письме к А. Твардовскому от 10 января 1966 г. (см.: Михаил Исаковский. Письма о литературе. М., 1990, с. 141–145). «Сказка» была напечатана лишь после кончины М. В. Исаковского, уже во времена «перестройки», с предисловием В. Лакшина («Знамя». 1987. № 10, с. 3–16). В. Лакшин пишет, что «поэма... вряд ли могла появиться в те годы... автор обрек ее на то, чтобы рукопись осталась лежать в дальнем ящике стола». По мнению Лакшина, это произошло еще и потому, что в августе 1946 г. «...разносу подверглось стихотворение-песня «Враги сожгли родную хату...». Судя по рассказу Твардовского, записанному Чуковским, дело обстояло не совсем так. (Сходные слова Твардовского приводит в своем дневнике и А. Кондратович: «Помните его сказку о правде, ту, что не хотели напечатать». — Алексей Кондратович. Новомирский дневник. М., 1991, с. 51.) Автор не «обрек рукопись... лежать в дальнем ящике стола», а предложил ее газете «Правда». Газета в июне 1946 г. «Сказку...» не на-

печатала, но в августе разному подверглось одно из стихотворений М. Исаковского, что весьма характерно для литературных нравов тех лет.

1944—1946

С. 86 ...он придет ко мне плакаться. — Фадеев говорит о статье Ф. Панферова «О черепках и черепашках» (Октябрь. 1946. № 5, с. 151–162). «Черепки и черепашки», по мысли Панферова, — это редакторы и критики, которые образуют непробиваемую преграду между читателем и «деревом литературы». В результате «дерево сохнет». Ссылаясь на Сталина, сказавшего: «Шекспир великий писатель. Но надо учиться писать лучше, чем Шекспир», — Панферов призывает современных писателей «писать лучше, чем писали наши классики». Завершает он советом: «Итак, товарищи, дробите “черепки и черепашки”... и выше знамена инженеров человеческих душ!» Панферову возразили О. Курганов и А. Колосков (см.: Об «исповедях» и «проповедях» в журнале «Октябрь» // Правда. 1946. 24 июня), а также редакция «Литературной газеты»: «Статья Ф. Панферова неграмотна не только в прямом, элементарном смысле слова. Она неграмотна в самом своем существе» (1946. 22 июня). Одновременно появились неодобрительные отзывы о Панферове-редакторе и, в частности, о публикации в журнале «Октябрь» поэмы С. Кирсанова об А. Матросове. См.: Н. Калигин. Игра в рифмы // Комс. правда. 1946. 19 июня.

С. 87 ...в «Новом Времени» напечатали их заискивающие письма к Суворину... — Скандал в газете «Новое время» по поводу писем Д. С. Мережковского к А. С. Суворину разразился одновременно с другим скандалом — попытками устроить общественный суд и исключить В. В. Розанова из Религиозно-философского общества. В этих попытках принял участие и Мережковский. 25 января 1914 г. «Новое время» поместило «Письмо в редакцию» В. Розанова. В своем письме Розанов негодует по поводу недавно опубликованной статьи Мережковского «Суворин и Чехов», где Мережковский очень неслестно характеризует Суворина, умершего год назад. Приведя ряд цитат из статьи Мережковского, Розанов пишет: «Вся Россия рассудит, какого названия заслуживает писатель, стоявший если не в передней Суворина, то, во всяком случае, просивший пройти через эту переднюю, но чего-то недополучивший или получивший, по его расценке, “мало”... и теперь говорящий ругань в спину своего недостаточного благодетеля, и когда тот не может ему ответить» (№ 13604, с. 14). В одном из следующих номеров редакция опубликовала два письма Мережковского к Суворину, относящихся к 1903 году. В первом письме Мережковский просил Суворина дать в долг деньги для газеты «Новый путь». «Из моих многолетних, хотя и редких бесед с вами, — писал Мережковский, — особенно из последней, мне чувствуется, что между нами есть взаимное понимание, вне всяких узких литературных партий и предрассудков... несмотря на то, что я обращаюсь к Вашей материальной помощи, я искренно ощущаю возможность ясного и бескорыстного отношения к вам». Из второго письма Мережковского ясно, что Суворин деньги дал (№ 13607, с. 4). И наконец, в следующем номере газета снова возвращается к отношениям Мережковского и Суворина в статье «Изобличенный г. Мережковский». Статья содержит множество выпадов против Мережковского, защищает Суворина, который «не угодил литературному Израилю», и включает в себя полный текст ответа Мережковского на нападки «Нового времени», помещенный в «Речи» 28 января (10 февраля). Вот этот ответ: «Как будто независимо, а на самом деле в связи с удалением В. В. Розанова из Религиозно-философского общества, “Новое Время”, опубликовав мое частное письмо к А. С. Суворину, поднимает вопрос о

моих личных отношениях к нему. Отвечаю не “Новому Времени”, а тем, кто мог бы не понять, в чем дело. У меня и у З. Н. Гиппиус были очень давние, многолетние, литературные и личные, отношения с Сувориным, которые начались еще в 1891, когда он издал мою книгу “Символы”. Эти отношения усилились благодаря моему знакомству с А. П. Чеховым, а впоследствии с В. В. Розановым, в период “Нового Пути” и религиозно-философских собраний 1901–02 гг. За долгие годы, несмотря на постепенно углублявшееся расхождение по вопросам общественным, у нас с Сувориным продолжалась, хотя и с большими перерывами, переписка личного характера. Из длинного ряда писем “Новое Время” выхватило одно, совершенно случайное и незначительное, ссылаясь на него как на свидетельство моего неизменно доброго отношения к Суворину. Как будто добрые отношения к человеку, которому я лично был обязан литературной поддержкой, есть какое-то преступление. Но судить о действительном смысле этих отношений можно только по тому, к чему они привели. Когда, 21 октября 1911 г., появилась в газете “Речь” моя статья “Национализм и религия”, Суворин написал мне по поводу ее очень резкое письмо, на которое я ответил ему с еще большей резкостью, после чего всякие письменные и личные сношения наши прекратились навсегда. Пусть же “Новое Время” опубликует мое последнее письмо к Суворину. Из него будет видно, что я осудил общественную деятельность Суворина с меньшей резкостью, чем это сделано в моей статье “Суворин и Чехов”. Смысл моей статьи не более отрицателен, чем смысл моего последнего письма к Суворину, где я называю национализм его — нигилизмом, кощунством и надругательством над общественной правдою. Тяжелая вина моя, которую я вполне сознаю, заключается в том, что я не сумел вовремя порвать мои личные отношения с Сувориным». В этой же статье «Новое время», приняв вызов, печатает последнее письмо Мережковского к Суворину от 21 ноября 1911 г., где Мережковский, в частности, заявляет: «Я — враг “Нового Времени”, а следовательно и враг Суворина, но об Алексее Сергеевиче у меня все-таки сохранилось самое доброе и сердечное воспоминание» (Новое время. 1914. 29 янв. (11 февр.), с. 5.).

С. 87 *Неделя об Ахматовой и Зощенко.* — В такой туманной форме автор упоминает о травле Ахматовой и Зощенко, развернутой в печати после печально знаменитого доклада А. А. Жданова «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и Постановления ЦК от 14 августа 1946 г. под тем же заглавием.

С. 88 ...в «Правде» *ругательный фельетон о моем «Бибигоне» — и о Колином «Серебряном острове».* — Травля К. Чуковского началась через неделю после опубликования «постановления ЦК “О журналах...”». 21 августа оно было напечатано в «Правде». В статье С. Крушинского «Серьезные недостатки детских журналов» (Правда. 1946, 29 авг.) объектом разнеса стали журнал «Мурзилка» и сказка К. Чуковского «Бибигон». Крушинский пишет: «...нельзя допускать, чтобы под видом сказки в детский журнал досужие сочинители тащили явный бред. С подобным бредом под видом сказки выступает в детском журнале “Мурзилка” писатель Корней Чуковский... Нелепые и вздорные происшествия следуют одно за другим... Дурная проза чередуется с дурными стихами... Натурализм, примитивизм. В “сказке” нет фантазии, а есть одни только выкрутасы. Чернильница у писателя большая, а редакция журнала “Мурзилка” неразборчива...» В не столь грубой форме, но досталось и журналу «Пионер», печатавшему на своих страницах повесть Николая Чуковского «Серебряный остров». Крушинский охарактеризовал повесть как «дань плохим образцам — жанру западного детективного рома-

на». Заканчивается статья утверждением: «Нельзя печатать в журнале стихотворение ли, рассказ ли, очерк ли, если это произведение не отвечает целям и методам коммунистического воспитания детей...»

С. 88 В *«Правде»* вчера изничтожают Василия Гроссмана. — В. Ермилов в статье «Вредная пьеса» так характеризует пьесу Вас. Гроссмана «Если верить пифагорийцам», опубликованную в журнале «Знамя». 1946. № 7: «...он решил опубликовать свое убожечное произведение после Великой Отечественной войны... он написал двусмысленную и вредную пьесу, представляющую злостный пасквиль на нашу действительность, на наших людей. И только политической безответственностью редакции журнала “Знамя” можно объяснить появление на страницах журнала реакционной, упаднической и антихудожественной пьесы Вас. Гроссмана» (Правда. 1946. 4 сент.).

«...Неужели вам это не обидно, т. Тихонов?» — 4 сентября президиум правления Союза писателей обсудил на своем заседании Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа и постановил исключить Ахматову и Зощенко из Союза писателей. Были рассмотрены также организационные вопросы: Н. С. Тихонова освободили от обязанностей председателя ССП. Для руководства работой союза президиум решил создать секретариат в составе: генерального секретаря ССП, 4-х его заместителей и 8-ми членов секретариата. Президиум избрал генеральным секретарем ССП А. А. Фадеева, заместителями К. М. Симонова, В. В. Вишневского, Н. С. Тихонова и А. Е. Корнейчука. Л. М. Леонов стал одним из членов секретариата. Резолюция этого заседания, а также выступления его участников напечатаны в «Литературной газете» 7 сентября 1946 г.

89 Изъятие «Большой жизни» лишило его гонора 440 000 р. — 4 сентября 1946 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» (опубликовано в «Литературной газете» 14 сентября). Сценарий к фильму написан П. Ф. Нилиным и посвящен жизни и труду донецких шахтеров. За первую серию Нилин получил Сталинскую премию (1940). Постановление вынесено о второй серии. «Кинофильм порочен в идейно-политическом и крайне слаб в художественном отношении... дано фальшивое, искаженное изображение советских людей... выпуск на экран второй серии фильма «Большая жизнь» запретить» — таково основное содержание этого документа. Чуковский узнал о запрете заранее от П. Ф. Нилина, своего соседа по Переделькину. По рассказу Нилина, его внезапно вызвали в Кремль, и он присутствовал на обсуждении, где И. В. Сталин осудил «Большую жизнь».

С. 91 Был... Лея Арнштам... Работает над исправлением Глинки. — Речь идет о фильме «Глинка», который был поставлен режиссером Л. О. Арнштамом.

С. 92 Тут драка — не драка, игра — не игра... — Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Крестьянские дети».

С. 93 Фадеев... написал 4 письма... — Два письма Фадеева к Чуковскому и письмо Фадеева Симонову см. сб.: Александр Фадеев. Материалы и исследования. М., 1977, с. 194, 195, 250. Письма Фадеева помогли публикации статей Чуковского о Некрасове. Так, 23 октября Фадеев пишет Чуковскому: «...Я успел написать два подробных письма о Вашей работе с просьбой взять отрывки — Симонову в “Новый мир” и Панферову в “Октябрь”. Прошу Вас с ними созвониться... Что же касается “Литературной газеты”, то я персонально договорился с Сурковым... и прошу Вас это дело реализовать». В тот же день в письме к Симонову Фадеев писал: «У К. И. Чуковского есть очень хорошая работа о Некрасове... Написано это

Комментарии

необыкновенно просто, талантливо и очень убедительно». Вероятно, именно в результате заступничества Фадеева статьи Чуковского были опубликованы, невзирая на одновременную кампанию травли из-за «Бибигона». См. также примеч. к с. 88, 94, 96.

С. 94 ...*новый номер «Мурзилки», где нет «Бибигона»!* — Сказка «Бибигон» печаталась в «Мурзилке» с продолжением — в № 11, 12 за 1945 г. и в № 1–7 за 1946 год. На седьмом номере печатание было оборвано.

...*сдал, наконец, статейку о Некрасове в «Новый мир»*. — Статья «О Некрасове: К 125-летию со дня рождения» напечатана в «Новом мире» (1946. № 12).

С. 95 ...*найденные мною стихи Некрасова плохи: явный черновик!* — 30 ноября 1946 г. в юбилейном номере «Литературной газеты» (125 лет со дня рождения Н. А. Некрасова) напечатана статья К. Чуковского «Неизвестные стихи», где автор приводит строки, строфы и отдельные слова, выброшенные или измененные Некрасовым в угоду цензуре.

С. 96 ...*обозвали меня пошляком и пасквильном за...* «Собачье царство». — В 1946 году в издательстве «Сотрудник» с рисунками С. Чехонина вышла в пересказе Чуковского сказка «Собачье царство», впервые напечатанная Чуковским в 1912 году в детском сборнике «Жар-птица» (также с рисунками С. Чехонина и с указанием «сюжет заимствован»).

На выпуск сказки отзывалась газета «Культура и жизнь». 10 декабря 1946 года Е. Ватова, руководитель детских учреждений Министерства сельхозмашиностроения, в статье «Пошлятина под флагом детской литературы» писала: «Новая его [Чуковского] книжка представляет вопиющий пример пошлости: автор издевательски относится к большим целям воспитания наших детей... Этот пасквиль Корней Чуковский выдает за сказку, а близорукие редакторы и издатели распространяют это сочинение, оскорбляющее чувства детей, их представление о человеке. Нужно оградить детей от сочинений, в которых проповедуется зоологическая мораль».

В статье дело было представлено так, что сказка — это пасквиль на современную действительность, говорилось об «исправительно-трудовой политике пса-самодержца», о том, что автор призывает детей жить по законам «собачьей морали». То обстоятельство, что сказка впервые печаталась в 1912 году и по одному этому не могла быть пасквилом на обстоятельства 1946 года, никого не смутило.

В 1981 был издан библиографический указатель «Список книг, не подлежащих распространению в книготорговой сети» (М.: Книга). Там, среди других «опасных» изданий, на странице 111 значилось:

Чуковский К. Собачье царство. М.: Кооп. т-во «Сотрудник», 1946. — 16 с. — 50 000 экз.

Вся эта история наглядно характеризует приемы и аргументы травли писателей в 1946 году после пресловутого постановления ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

1947

С. 98 *Друзья притворно-безмятежны, / Угрюм Кадо, мой верный пес.* — Вариант стихотворной строфы Некрасова из его «Вступления к песням 1876–77 годов»: «Друзья притворно-безмятежны, / Угрюм мой верный черный пес, / Глаза же ны сурово-нежны: / Сейчас я пытку перенес».

С. 102 ...*волнует бумажка, полученная Лидой...* — Речь идет о Лидии Николаевне Рогожиной, второй жене Бориса Корнеевича Чуковского.

С. 104 *Я написал о Феофиле...* — См.: Ф. М. Толстой и его письма к Некрасову / [Вступ.] ст. и публ. К. Чуковского // Лит. наследство. М., 1949. Т. 51/52. Кн. 2, с. 569–620.

С. 105 ...*деньги ...не успели дойти до действия декрета.* — В декабре 1947 г. было издано постановление «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольствие и промышленные товары». Денежная реформа заключалась в обмене находившихся в обращении денежных знаков на новые в соотношении 10:1 и дифференцированной переоценке денежных накоплений.

1948

С. 107 «*Госутив*» — «Государственное управление туч и ветров», предполагаемое название задуманного Чуковским романа о погоде. См. также Т. 12 наст. изд., примеч. к с. 452.

С. 109 ...*1-й том своего двухтомного сборника «Репин».* — Речь идет об издании: Художественное наследство. Репин: В 2 т. Т. 1 / Под ред. И. Э. Грабаря и И. С. Зильберштейна. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

1949

С. 113 «*Молчит сомнительно восток...*» «*всемирный благовест лучей*». — Начальная строка стихотворения Ф. Тютчева и неточная концовка этого же стихотворения. У Тютчева: «Раздастся благовест всемирный / Победных солнечных лучей...».

С. 115 «*И наши внуки в добрый час из мифа вытеснят и нас*». — Строки из пушкинского «Евгения Онегина» (Гл. 2, строфа XXXVIII).

1950

С. 117 *Главный подарок – Лидины стихи.* — Л. К. переписала от руки и подарила отцу в день рождения тетрадочку со своими стихами. Несколько месяцев спустя, в сентябре 1950 года, К. И. писал ей: «Я часто читаю и перечитываю «Стихи последних лет». Мне очень по душе стихи про ручеек, про библиотеку, про трамвай, «Каюсь: я уже чужой судьбою...», «И маленький глоток свободы на ночь...» — особенно последнее (я читаю его чаще всего). Всюду предельный лаконизм, энергия и свежесть выражения, великолепная смелость метафор — и *осердеченность каждого образа*. Все это произведения большого поэта. (Иногда смелость переходит в вычурность: «А клен, наверное, закату брат...» и т. д. и еще в двух-трех случаях; чаще же всего и вычурность художественно убедительна.)

Изо всех подарков, какие я когда-либо получал ко дню рождения, этот мне дороже всего. Вот уже сентябрь, а я все еще радуюсь этому подарку — и завидую поэту, который *может находить для своих чувств такие слова*» (Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. 1912–1969. М.: Новое литературное обозрение, 2003, с. 339).

С. 120 ...*стихи... по поводу дискуссии о советской лингвистике, начатой в «Правде» выступлением проф. Чикобавы.* — 9 мая 1950 г. «Правда» объявила: «В связи с неу-

Комментарии

довлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты «Правда» свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания». Дискуссию открыла занявшая две газетные полосы статья Арн. Чикобава, профессора Тбилисского государственного университета им. Сталина «О некоторых вопросах советского языкознания». Проф. Чикобава выступил с критикой основных положений общелингвистической теории академика Н. Я. Марра. После этого еженедельно «Правда» начала отдавать половину газеты специальным статьям по языкознанию (см. № 136, 143, 150, 157, 164 и 178). Среди опубликованных статей была и статья академика В. В. Виноградова «Развивать советское языкознание на основе марксистско-ленинской теории» (№ 157). Интерес редакции к языкознанию стал понятен после того, как в дискуссию вступил И. Сталин со своей статьей «Относительно марксизма в языкознании».

С. 120 *Есть у нас еще дома дела.* — Слова из «Песенки фронтového шофера» Б. С. Ласкина.

...встретил я Тату Сельвинскую и ее «жениха». — Упомянут Михаил Анчаров, поэт, исполнявший свои песни под гитару, один из родоначальников авторской песни.

С. 123 ...был у нее брат Юрочка... — впоследствии художник Ю. П. Анненков.

С. 124 *Получил от Е. В. Тарле замечательное письмо.* — См.: Е. В. Тарле и К. И. Чуковский. Переписка / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Н. Никитина // Вопросы истории. 2006. № 1, с. 91–92.

1951

С. 130 *Горькому не понравились Собакин и Зоя Цветаева... написал... что прекращает с ним переписку.* — Чуковский неверно запомнил и записал фамилии. На самом деле Пастернак говорил о Б. М. Зубакине и Анастасии Цветаевой, которые летом 1927 г. гостили у Горького в Сорренто. Переписка Б. Пастернака с М. Горьким теперь полностью опубликована (см.: Переписка Бориса Пастернака. М., 1990).

1952

С. 132 ...я смотрел фильм «Кавалер Золотой Звезды». — Фильм режиссера Ю. Райзмана по одноименному роману Бабаевского.

1953

С. 135 ...*Отечество нам Узкое село.* — Перефразированы строки из стихотворения А. С. Пушкина «19 октября»: «Всё те же мы: нам целый мир чужбина; / Отечество нам Царское Село».

С. 143 *Читал «Элефантиду».* — По словам Татьяны Максимовны Литвиновой, «Элефантида» — ее повесть, рукопись которой она давала прочесть Корнею Ивановичу. Повесть так и не опубликована.

С. 144 *Словно хожу по цветистому лугу, / Но ни травы, ни цветов уж не мну.* — Строки из стихотворения А. М. Жемчужникова «Старость». Должно быть: «Но ни цветов, ни травы уж не мну!..»

И утро, и вечер, и полдень мои позади. — Строка из стихотворения Уолта Уитмена в переводе К. Чуковского. 1950—1954

С. 145 *Статьейка Тарасенкова в «Литгазете» глубоко оскорбила меня...* — Упомянута статья А. Тарасенкова «Мастерство поэта» о книге Чуковского «Мастерство Некрасова» (Лит. газета. 1953. 7 мая).

С. 147 *Зощенко очень подавлен...* — Спустя две недели после этой записи, 23 июня 1953 года, президиум ССП на своем заседании рассмотрел заявление М. М. Зощенко о восстановлении его в Союзе писателей. На заседании выступили А. Софронов, М. Шагинян, К. Симонов, А. Твардовский, Н. Грибачев, Л. Соколов. Было решено отказать Зощенко в «восстановлении», а принять его в ССП заново как переводчика и автора «Партизанских рассказов». Стенограмму этого заседания см.: *Б. Сафнов, Е. Чуковская. Случай Зощенко* // Юность. 1988. № 8, с. 76—77.

...Гудзий... сообщил сенсацию о статьях в «Коммунисте» и борьбе за «типическое». — В отчетном докладе на XIX съезде ВКП(б) в октябре 1952 г. секретарь ЦК Г. М. Маленков, в частности, сказал: «Наши художники, литераторы, работники искусства в своей творческой работе... должны постоянно помнить, что типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы. В марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее... Типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве. Проблема типичности есть всегда проблема политическая...» (Правда. 1952. 6 окт.) Эта формулировка типического «списана референтом Маленкова из статьи известного литературоведа, репрессированного «врага народа» Д. Святополк-Мирского» (*А. Берзер. Прощание. М., 1990, с. 202*). На какое-то время рассуждения о «типическом», слегка варьирующие слова Маленкова, стали необходимым атрибутом любой литературоведческой статьи. Присутствуют они и в докладе Фадеева 24 марта 1953 г. (досталось там и Н. К. Гудзю, см. примеч. к с. 166), и в журнале «Коммунист» (1953. № 6, с. 81).

С. 150 *...Федин, принес «Новый мир» с рецензией Жданова.* — Имеется в виду рецензия В. Жданова на «Мастерство Некрасова» — «Книга о мастерстве поэта» (Новый мир. 1953. № 7, с. 252—256).

С. 155 *...Эренбург напечатал в «Знамени» статью...* — Речь идет о статье Ильи Эренбурга «О работе писателя» (Знамя. 1953. № 10). Среди «писателей буржуазного общества, которые создавали прекрасные произведения», назван Кнут Гамсун. В статье упомянут также Матисс.

С. 156 *...он жив и, кажется, здоров.* — К сожалению, этот слух о Л. М. Квитко оказался ложным. Он был расстрелян в 1952 году.

С. 158 *Лидина статья «Гнилой зуб»...* — Статья Лидии Чуковской «Гнилой зуб» напечатана на первой полосе «Литературной газеты» 24 декабря 1953 г. Название редакция изменила, и статья вышла под заглавием «О чувстве жизненной правды».

1954

С. 161 *...перевод (мой и Тани Литвиновой) пьесы Филдинга...* — Речь идет о пьесе Г. Филдинга «Политик из кофейни, или Судья в ловушке».

С. 162 *...узнат, и больше мне в Коктебель нет пути.* — Катаев говорит о своем рассказе «Вечная слава» (Огонек. 1954. № 4). В этом рассказе Максимилиан

Комментарии

Волошин выведен под именем Аполлинарий Востоков, а его жена — Мария Степановна названа Ольгой Ивановной. Автор саркастически повествует: «Сам Востоков давно умер, забыт... дом напоминает не столько базилику, сколько караимскую синагогу... В доме всегда живет несколько бестолковых старушек, поклонниц Востокова, которые помогают Ольге Ивановне поддерживать легенду о необыкновенной личности поэта и об его вечной славе... Подобно Душечке, Ольга Ивановна потеряла себя и все время жила как во сне даже после смерти мужа».

С. 164 *Катя не знает, что умер Сережа.* — Сергей Исаакович Хмельницкий, муж Екатерины Борониной.

Ком се жолі! ком се жолі! — Чуковский цитирует неточно, по памяти. На самом деле следует читать: Се тре жолі, се тре жолі! / Коман ву порте ву? (Как мило, как мило! Как вы поживаете? — *франц.*)

...всюду разговоры об этой статье. — Статья М. Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян» появилась в «Новом мире». 1954. № 2. В саркастической, язвительной и остроумной форме Лифшиц высмеял М. Шагинян за то, что «писательница готова рассуждать на любую тему, совершенно не зная ее», за то, что «почтенный автор смело вторгается в любую область, будь то ботаника или архитектура, и так привыкает к этой легкости, что начинает забывать таблицу умножения». Статья завершается выводом: «В этом произведении столько ошибок и чернильных пятен, а литературный язык так плох, что не может быть никакого сомнения — перед нами действительно настоящий дневник, не переписанный набело, рабочая тетрадь. Даже великие писатели оставляли вопрос о публикации таких тетрадей на усмотрение потомства».

С. 165 *...чуть только Шагинян похвалила в «Лит. Газете» роман Панферова, Панферов в журнале «Октябрь» похвалил дневник Шагинян.* — 9 января 1954 г. в «Литературной газете» появилась пространная статья М. Шагинян «О новом романе Ф. Панферова». Статья содержала многочисленные комплименты по адресу панферовского романа «Волга-матушка река». В февральском номере журнала «Октябрь», выходящего под редакцией Ф. Панферова, помещена хвалебная рецензия М. Бременера о «Дневнике писателя» М. Шагинян.

С. 166 *...какой я подлец, что напал на... роман Гроссмана... на... Гудзия...* — В документальном повествовании Анны Берзер «Прощание» (М., 1990) прослежены все стадии участия А. Фадеева в судьбе романа Василия Гроссмана «За правое дело». Фадеев сперва был горячим сторонником романа, выдвигал его на Сталинскую премию, заступался за него в ЦК, а затем, в марте 1953 г., возглавил кампанию травли романа и его автора, развязанную по приказу сверху. Стенограмма выступления Фадеева на президиуме правления Союза писателей 24 марта 1953 г. напечатана в «Прощании» (с. 186–210) и, в сокращенном виде, — в «Литературной газете», 28 марта 1953 г. Вариант, помещенный в «Литературной газете», содержит три раздела: «1. О романе В. Гроссмана «За правое дело». 2. Об ошибках редакции журнала «Новый мир». 3. Борьба за высокое качество советской литературы и ее идейные противники». Говоря об ошибках «Нового мира», Фадеев обрушивается на статью Н. К. Гудзия и В. А. Жданова «Вопросы текстологии», «...которая, — по его словам, — представляет собой замаскированную полемику с государственным требованием упорядочить издание классиков... Формально в статье Н. Гудзия и В. Жданова признается, что переиздаваться должен текст последнего прижизненного издания, но дальше статья наполнена ложными науко-

образными предложениями, которые по существу ревизуют государственные указания...».

1954

С. 168 ...очень большой китаист. — Речь идет о китаисте Борисе Ивановиче Панкратове (сообщено М. В. Баньковской).

...история Вирты. (См. «Комсомольскую правду» от 16-го.) — В «Комсомольской правде» 17 марта появился фельетон М. Суконцева и И. Шатуновского «За голубым забором». Авторы высмеяли Н. Е. Вирту, который построил в селе Горелове на Тамбовщине дом за голубым забором и «собирается писать книги о героях, которых он, судя по всему, не видит, не понимает и не уважает».

...его исключили... из Союза Писателей. — А. Суров — драматург, театральный критик. Его пьесы «Далеко от Сталинграда», «Зеленая улица» (Сталинская премия), «Обида» ставились по всей стране. Кроме пьес, Суров прославился беспробудным пьянством и активным участием в кампании борьбы с космополитами. Однако после смерти Сталина в партком Союза писателей посыпались жалобы, из которых выяснилось, что Суров работал с помощью «негров», писавших для него пьесы и критические статьи. Этими «неграми» были те же космополиты, лишенные возможности печататься под своими именами. Жалобы разбирала комиссия ССП. Н. С. Атаров, один из членов этой комиссии, рассказывал автору этих строк, что «негры» (среди которых был Я. Варшавский) предъявили доказательство своего участия в литературных трудах Сурова: так, в одной из пьес все действующие лица имели имена и фамилии соседей по коммунальной квартире, в которой жил один из «соавторов»; была предъявлена сельскохозяйственная брошюра, которую на разные голоса в виде своих реплик пересказывали персонажи суровской пьесы. В результате разбора дела — Сурова исключили из Союза писателей, а дело замяли. Об этой истории см. также: В. Каверин. Эпилог. М., 1989, с. 328—329.

С. 169 ...прочитал новую вещь — «Теркин на небе» — прелестную, едкую. — Имеется в виду поэма А. Твардовского «Теркин на том свете».

С. 173 «Буя воеет в саду, буя ломится в дом». — Строка из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».

С. 174 Серго — С. Л. Берия, муж внучки М. Горького Марфы, сын Лаврентия Берии.

С. 175 ...кончила книжку... о Георгиевской. — Упомянута брошюра: Лидия Чуковская. С. Георгиевская: Критико-биографический очерк. М.: Детгиз, 1955.

С. 177 ...«мудрецы и поэты, хранители тайны и веры». — Строки из стихотворения Валерия Брюсова «Грядущие гунны».

С. 179 Весь город говорит о столкновении Эренбурга и Шолохова, говорившего в чернотенном духе. — С 15 по 25 декабря проходил Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Съезду предшествовала встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с писателями 13 декабря. (См.: С. И. Чуфринин. Хроника важнейших событий // Сб.: Оттепель. 1953—1956. Страницы русской советской литературы. М., 1989.) Сохранилась запись А. Твардовского об этой встрече и о выступлении Шолохова: «Жаль Шолохова. Он выступил постыдно. Каким-то отголоском проработок космополитов звучали его напоминания Эренбургу о том, что тот писал в 21 г. и издавал в Риге, что тот принижает русских людей и, наоборот, возвеличивает евреев. Ах, не тебе, не тебе, Михаил Александрович, говорить эти слова. И хриплый задущенный голос, местами гложущий, срывающийся совсем, голос, относительно происхождения хрипоты которого не могло быть ни у кого сомнений» (А. Твардовский.

Комментарии

Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7, с. 150). Речь Шолохова на съезде (22-го) содержала резкие нападки на Симонова и снова — на Эренбурга. Шолохов назвал «Оттепель» «шагом назад», обвинил Эренбурга в «топтании на месте», в том, что он «на малейшее критическое замечание обижается». Отвечал Шолохову Федин, который заявил, что писатели не хотели бы, чтобы с ними разговаривали «таким языком, каким говорил Шолохов с Симоновым. Это какой-то особый язык» (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1956, с. 374, 504).

1955

С. 194 Читал Стивенсона о дневнике *Pepys'a*. — Речь идет о книге: *Robert Louis Stevenson. Familiar Studies of men and books*. London: Chatto and Windus, 1912. Эта книга сохранилась в переделкинской библиотеке Чуковского. Страницы из главы «*Samuel Pepys. Respectability*» (p. 226–227) отчеркнуты на полях.

С. 197 ...черты молодого *Homunculus'a*. — *Homunculus* — псевдоним молодого Заславского.

С. 201 Хлопоты о Тагер уперлись в тупик. — Чуковский хлопотал о реабилитации Е. М. Тагер.

Бек... рассказал мне дело Сахнина, укравшего у сосланный Левиной ее роман. — Речь идет о романе А. Я. Сахнина «Тучи на рассвете», напечатанном в журнале «Знамя» (1954. № 2, 3). В том же году роман вышел в «Роман-газете» (№ 7, 8), в Детгизе и в Гослитиздате. Между тем ссыльная Раиса Семеновна Левина обратилась в суд с заявлением, что она послала в редакцию «Знамени» свой роман, а сотрудник журнала А. Сахнин заимствовал из ее рукописи многие сюжетные ходы, ситуации и отрывки и опубликовал книгу под своим именем. Суд привлек к разбору этой жалобы комиссию Союза писателей, которую возглавил В. А. Рудный. От него автору этих строк известно, что суд постановил обязать Сахнина выплатить Левиной часть гонорара и поставить ее имя, так как, судя по рукописи, представленной Левиной, «Тучи на рассвете» изданы на основе ее труда, хотя Сахнин и переработал текст.

А. Я. Сахнин в 1945 году участвовал в освобождении Маньчжурии и Кореи. В Корею провел более трех лет, после демобилизации в 1948 г. вернулся в Москву, с 1949 г. — сотрудник журнала «Знамя», в 1957 г. — принят в Союз писателей, в 70-е годы, уже после снятия А. Твардовского, работал в «Новом мире». «Тучи на рассвете» переизданы (без имени Левиной) в 1957, 1965, 1968 и 1975 годах. Другие книги А. Сахнина — о подрывной деятельности американского империализма против Чили, против социалистических стран, о польской разведке в ФРГ, а также о подвигах машинистов и подводников.

С. 202 Зоценко не придет. Я получил от него письмо... — Письмо Зоценко к Чуковскому теперь опубликовано. Зоценко, в частности, пишет: «Очень, очень благодарен Вам за приглашение в Переделкино, но пока этого, даже мысленно, не могу себе представить. Видимо, я одичал, и на людях быть мне сейчас трудно» (Юность. 1988. № 9, с. 80).

С. 205 ...с ним занимается Тагер Ел. Мих. — В воспоминаниях С. Альтерман «Друг своих друзей» (Нева. 1989. № 10) опубликованы письма Е. М. Тагер, касающиеся ее пребывания в Переделкине.

С. 206 *Мих. Ал. Лифшиц, автор знаменитой статьи о Шаги- 1954—1957*
нян. — Об этой статье М. А. Лифшица см. примеч. к с. 164.

...работает над второй частью своего «Карабанова». — Имеется в виду вторая книга из трилогии Вигдоровой: «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка». Трилогия посвящена судьбе ученика Антона Макаренко Семена Калабалы (в повести Вигдоровой «Карабанова»).

1956

С. 211 ...«для бедной легковой тени не нахожу ни слез, ни пени». — Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Под небом голубым страны своей родной...».

С. 215 *Он... пытался совместить человечность с гегелевизмом.* — В Переделкине знали, что Фадеев оставил письмо в ЦК. Содержание этого письма стало известно лишь через 34 года. Осенью 1990 г. письмо было напечатано в «Известиях», «Лит. газете», «Гласности». Но наиболее обстоятельная публикация (включая факсимильное воспроизведение), а также докладные записки от 14 и 22 мая 1956 г. в ЦК КПСС от председателя КГБ И. А. Серова о ходе следствия по этому делу и, наконец, письмо А. Фадеева к В. Ермилову напечатаны в «Известиях ЦК КПСС». 1990. № 10, с. 146—155. Нельзя не заметить, что некоторые мысли Чуковского из его дневника совпадают с тем, что пишет о себе Фадеев в своем предсмертном письме.

С. 217 ...вытисал из Сенгиля. — Сенгилей — место ссылки В. А. Сутугиной-Кюнер.

Пастернак вручил свой роман «Доктор Живаго» какому-то итальянцу, который намерен издать его за границей. — В предисловии Евгения Пастернака к изданию «Доктора Живаго» (М.: Книжная палата, 1989, с. II) рассказано: «Летом на дачу в Переделкино приехал сопровождаемый представителем Иностранной комиссии Союза писателей сотрудник итальянского радиовещания в Москве, коммунист Серджио д'Анджело. Он попросил рукопись для ознакомления и в этой официальной обстановке получил ее. К автору рукопись не вернулась. Анджело передал ее итальянскому коммунистическому издателю Дж. Фельтринелли, который... известил Пастернака, что хочет издать роман на итальянском языке. 30 июня 1956 года Пастернак ответил ему, что будет рад, если роман появится в переводе, но предупреждал: «Если его публикация здесь, обещанная многими журналами, задержится и Вы ее опередите, ситуация будет для меня трагически трудной»».

...дал... предисловие к Сборнику его стихов. — Имеется в виду автобиографическая проза Б. Пастернака «Люди и положения».

1957

С. 227 ...огромная картина «Утро родины» (Сталин среди полей)... — Автор картины «Утро Родины» — художник Федор Шурпин.

...стал читать переписку Победоносцева с Александром III. — По-видимому, речь идет о двухтомнике «Письма Победоносцева к Александру III». М.: Новая Москва, 1925, 1926.

...«Письмо от М. О. Алигер»... — В своем письме М. И. Алигер подтверждала намерение редколлегии «Литературной Москвы» открыть третью книжку альманаха статьей К. Чуковского «О Чехове». Об истории с «Чеховым» М. И. Алигер подробно пишет в своем очерке «Долгие прогулки» (см. сб.: Воспоминания о

С. 229 *Лидя* *стязала ненависть Детгиза своей статьей «Рабочий разговор»*. — Статья Лидии Чуковской «Рабочий разговор. Заметки о редактировании художественной прозы» напечатана во 2-м сборнике «Литературной Москвы» (М., 1956, с. 752–779).

...*Твардовский написал Фадееву суровое письмо... и это очень огорчило Фадеева*. — Переписка А. Фадеева с А. Твардовским опубликована в сб.: Александр Фадеев. Письма и документы. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2001. Однако писем, упомянутых Чуковским, там нет. Отзвуки разногласий, о которых пишет Чуковский, слышны в записях А. Твардовского: «15.V. Смерть Фадеева. Узнал вчера утром. Самое страшное, что она не удивила. Это было очень похоже. Сегодня газеты хамски уточняют причины самоубийства. 20.V. Думал найти последнее письмо Фадеева ко мне, подклеить его в этой тетради и дать “для истории” свои пояснения к нему, но раздумал. Пусть оно лежит, как лежат и другие его письма. Все это уже прошлое. Разрыв, объявленный им в этом письме, совершился гораздо ранее. Последние годы я уже только сохранял форму вежливости в отношении старой дружбы, а ее уже не было, и была ли доподлинно, — трудно сказать. От меня он ушел раньше, чем от всех нас, а я от него еще раньше. И теперь мне только страшно жалко его по-человечески, хотя ни в чем не могу себя попрекнуть. Неужели после такого письма: “Прекращаю с Вами всякие отношения” — я мог ему звонить, искать объяснений и т. п. Конечно, да, если б я мог предположить этот его конец. Я бы всем поступился, чтобы спасти его. Но это не было бы искренним душевным порывом, возмещающим понесенную ранее утрату» (А. Твардовский. Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7, с. 182).

С. 231 *Ну чем не «рычаг»!* — Рассказ Александра Яшина «Рычаги» напечатан во втором сборнике альманаха «Литературная Москва». Каверин приводит слова Яшина: «Два года назад я послал этот рассказ в “Новый мир”. Кривицкий вызвал меня и сказал: “Ты, говорит, возьми его и либо сожги, либо положи в письменный стол, запри на замок, а ключ спрячь куда-нибудь подальше”. Я спрашиваю: “почему?”, а он отвечает: “Потому что тебе иначе 25 лет обеспечены”... «Рычаги» прославили Яшина, — продолжает Каверин. — Он впервые показал одно из самых характерных явлений советского общества, двойную жизнь...» (В. Каверин. Эпилог. М., 1989, с. 338–339). Яшин рассказывает о сельских коммунах, которые до собрания ведут себя как люди, а на собрании превращаются в «рычаги» бездушной машины. Поразительно, что вскоре после разговора, записанного Чуковским, Федину суждено было стать таким «рычагом» травли «Литературной Москвы».

С. 232 *...я был у Каверина, коего сегодня выбрали в «Правде»*. — А. Дмитриев в статье «О сборнике “Литературная Москва”» обвинил Каверина в том, что его роман вышел отдельной книгой раньше, чем появился на страницах альманаха «Литературная Москва», а также приписал Каверину и Алигер «огульное отрицание критики» (Правда. 1957. 20 марта).

С. 233–234 *...Хоть меньше тьмы, чем прежде / За 75 лет... — К. И. записал в дневнике стихотворение А. М. Жемчужникова «Семьдесят пять лет», причем строфы цитируются непоследовательно и выборочно (записаны 5, 17, 20, 11, 13, 10, 2, 3 и 4-я строфы).*

С. 235 *Казакевич переводит «Пиноккио»*. — Упомянута сказка Карло Коллоди о Буратино. 1957—1958

С. 237 *В газете «Советская культура» напечатано, что строит библиотеку мне помогает Литфонд*. — П. Елисеев сообщил в своей статье «Библиотека в теремке», что «Корней Иванович решил построить с помощью Литфонда СССР детскую библиотеку» (Сов. культура. 1957. 29 июня).

С. 245 *...как не стыдно печатать такую чушь, как стихи Тихонова*. — В «Знамени» № 10–12 за 1957 год напечатана поэма Н. Тихонова «Серго в горах».

1958

С. 250 *...он прислал Федину поразительно нежное письмо*. — Это письмо М. М. Зощенко к К. А. Федину теперь опубликовано. Оно кончается словами: «Целую тебя, мой старый друг. И еще раз благодарю тебя за твое доброе сердце и за твой светлый разум» (Юность. 1988. № 8, с. 83).

С. 253 *Говорил с министром здравоохранения РСФСР и министром здравоохранения СССР*. — В 1958 году эти посты занимали С. В. Курашов (РСФСР) и М. Д. Ковригина (СССР).

С. 254 *И не родная мне дочь...* — Строки из стихотворения Я. Полонского «Узница».

С. 259 *Читал пустопорожнего Ежова — воспоминания о Суворине*. — Речь идет об Н. М. Ежове, многолетнем сотруднике суворинского «Нового времени». Его повествование «Алексей Сергеевич Суворин (Мои воспоминания о нем, думы и соображения)» опубликовано в «Историческом вестнике» (1915. № 1–3). «Думы и соображения» изложены высоким стилем: «Суворин-редактор — колоссальная статуя, повитая лавровым венцом...» и т. п. Однако многие страницы воспоминаний посвящены А. П. Чехову, чью биографию и творчество Чуковский постоянно изучал.

С. 262 *Взял у меня Фолкнера «Love in August»*. — На самом деле книга Фолкнера называется «Light in August» («Свет в августе»; англ.).

С. 270 *«Высшие силы повелевают мне поступить так... нельзя же решать такие вопросы топором»*. — Письмо не было отправлено адресату.

...принудили написать письмо с объяснениями... Колено выступление в Союзе. — Письмо с объяснениями в архиве К. И. Чуковского не сохранилось. Упомянуто выступление Н. К. Чуковского на заседании Президиума СП с осуждением Пастернака.

Кома месяца 3 назад не подал руки Зелинскому... Зелинский сообщил об этом на собрании писателей, публично. — В своей статье «Поэзия и чувство современности» (Лит. газета. 1957. 5 янв.) Зелинский тенденциозно истолковывает стихотворение Пастернака «Рассвет» и делает автору политические упреки. Вскоре после напечатания этой статьи Вяч. Вс. Иванов (Кома) публично не подал Зелинскому руки. Тогда Зелинский на собрании, где исключали Пастернака, рассказал об этом эпизоде и призвал «провести очистительную работу». В результате Вяч. Вс. Иванов был изгнан из числа преподавателей МГУ и уволен с поста зам. главного редактора журнала «Вопросы языкознания». Подробнее об этом см.: *Лидия Чуковская*. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М.: Согласие, 1997, примеч. на с. 716–717.

С. 272 *...12-й номер «Звезды», где... Чуковский»*. — Упомянута статья: *Л. Радищев*. Книжки, люди и Корней Чуковский // Звезда. 1958. № 12, с. 189–194.

...догадался, что это афганский принц... — сын короля Афганистана Мухаммед Захир Шаха.

С. 274 «...мы странствовали с ним». — Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского».

1959

С. 285 ...он каким-то образом переслал «Зверя» за границу, где его и тиснули!!! — Имеется в виду стихотворение Пастернака «Нобелевская премия», которое начинается словами: «Я пропал, как зверь в загоне...». Стихотворение послужило поводом для новых преследований. Пастернак был вызван к Генеральному прокурору Р. А. Руденко, который пригрозил начать против него дело по статье 64 — «измена родине».

А его книга о Бестужевых! — Речь идет о книге И. С. Зильберштейна «Николай Бестужев и его живописное наследие» (М.: Изд-во АН СССР, 1956).

С. 286 «Из-за этого человека я узнал лагерь, войну, плен, этот человек мерзавец, и работать с ним я не буду». — Биография и репутация Я. И. Эльсберга были таковы, что статья о нем в Краткой литературной энциклопедии, опубликованная в трудные 70-е годы, подписана красноречиво: Г.П. Уткин (М.: Сов. энциклопедия, 1975, т. 8, с. 883). После выхода тома энциклопедии в редакции разразился скандал, но было поздно.

С. 287 ...швырнул в Пастернака комком грязи в «Огоньке»... — Речь идет о стихотворении И. Сельвинского, напечатанном в «Огоньке» № 11 за 1959 год. Стихотворение «Отцы, не раздражайте ваших чад...», обличающее Пастернака, кончается строфой: «К чему ж былая щедрая растрата / Духовного огня, который был так чист, / Когда теперь для славы Герострата / Вы родину поставили под свист?»

С. 288 Был послом в Венгрии — во время событий. — В это время советским послом в Венгрии был Ю. В. Андропов.

С. 289 ...читали с ним пародию Паперного на Панферова: чудо. — Эта пародия на роман Ф. Панферова «Волга-матушка река» ходила в те годы по рукам. Теперь она напечатана. См.: «Старик и Морев» в сб.: З. Паперный. Музыка играет так весело... М., 1990, с. 96–97.

1960

С. 300 ...«свежей травы мне не мять». — Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «В деревне».

С. 302 ...Лидя прочитала... из своего дневника о Тамаре Гр. Габбе. — См.: Отрывки из дневника: Памяти Тамары Григорьевны Габбе // Лидия Чуковская. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2010, с. 7–82.

С. 305–306 Вас. Гроссман дал в «Знамя» роман... У него без двух минут инфаркт. — Речь идет о романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Роль В. Кожевникова, тогдашнего главного редактора «Знамени», в истории этого романа Чуковский излагает неточно, возможно, со слов своего сына, Н. К. Чуковского, в то время члена редколлегии «Знамени». Теперь уже широко известно, что именно В. Кожевников послал роман В. Гроссмана в ЦК — Д. А. Поликарпову и

М. А. Суслову. В результате все машинописные экземпляры романа в феврале 1961 г. были конфискованы КГБ. Подробнее об этом см.: *Семен Липкин. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Анна Берзер. Прощание.* М., 1990.

1958—1961

1961

С. 308 ... со слов... Влад. Дмитриевича Набокова... я будто бы обратился к нему с вопросом об Оскаре Уайльде. — Очевидно, Чуковский имеет в виду следующий абзац из книги В. Набокова «Другие берега»: «Отец и раньше бывал в Англии, а в феврале 1916-го года приезжал туда с пятью другими видными деятелями печати (среди них были Алексей Толстой, Немирович-Данченко, Чуковский) по приглашению британского правительства, желавшего показать им свою военную деятельность, которая недостаточно оценивалась русским общественным мнением. Были обеды и речи. Во время аудиенции у Георга Пятого Чуковский, как многие русские, преувеличивающий литературное значение автора «Дориана Грея», внезапно, на невероятном своем английском языке, стал добиваться у короля, нравятся ли ему произведения — “дзи воркс” — Оскара Уайльда. Застенчивый и туповатый король, который Уайльда не читал, да и не понимал, какие слова Чуковский так старательно и мучительно выговаривает, вежливо выслушал его и спросил на французском языке, ненамного лучше английского языка собеседника, как ему нравится лондонский туман — “бруар”? Чуковский только понял, что король меняет разговор, и впоследствии с большим торжеством приводил это как пример английского ханжества, — замалчивания гения писателя из-за безнравственности его личной жизни» (*Владимир Набоков. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1990, с. 271*).

С. 315 В «Литературе и жизни» две статьи с доносом о моей неблагонадежности. — 12 августа 1961 г. «Литературная газета» напечатала статью К. Чуковского «Нечто о лабуде» (см. Т. 10 наст. изд.). В статье автор писал о молодежном жаргоне, о всяческих «потрясно» и «хиляй», усматривая в этом жаргоне протест против штампованной бюрократической речи. Чуковский сочувственно встретил публикацию в «Юности» «Звездного билета» В. Аксенова и написал о том, как в повести передано современное молодежное аргю. Против статьи Чуковского ополчилась газета «Литература и жизнь» (в те годы ее называли кратко и выразительно «Лижи»). В статьях И. Астахова «Не по-горьковски!», И. Моцарева «Никакого оправдания» и В. Панкова «Право на звездный билет» был дан решительный отпор взглядам Чуковского. И. Астахов не согласился с его утверждением, что «вульгарные слова — порождение вульгарных поступков и мыслей». «Получается, — возмущается Астахов, — что школьников толкает в пучину вульгарности сама школа». Моцарев с негодованием цитирует строки из статьи Чуковского — «школьникам опостылела та лакированная, слащаво-фальшивая, ханжески благонамеренная речь, которую разные люди в футляре все еще культивируют в школе». Авторы убеждены, что «никакого оправдания для В. Аксенова нет и быть не может» (*Литература и жизнь*, 23 и 25 авг.). Разгорелась оживленная дискуссия. (Перечень многочисленных откликов на статью «Нечто о лабуде» см.: *Д. А. Берман. Корней Чуковский. Биобиблиографический указатель.* М., 1999, с. 78.) 9 и 16 сентября «Литературная газета» напечатала новую статью Чуковского «Кан-

Комментарии

целярит». В этой статье автор утверждал, что главная болезнь языка — засилие в нем канцелярски-бюрократических оборотов, присущих «департаментскому стилю».

С. 317 *Подарил мне «За далью даль» — с доброжелательной надписью.* — Книга сохранилась в переделкинской библиотеке Чуковского. Надпись: «Корнею Ивановичу Чуковскому, неутомимому деятелю и великому знатоку родной литературы — в знак глубокого уважения и расположения. А. Твардовский. 21.IX.61. Барвиха».

Познакомился я с нашим израильским послом. — Послом СССР в Израиле с 1958 г. был М. Ф. Бодров.

С. 319 *Одного из ее сыновей, челюскинца, расстреляли, оттого что он ездил на охоту с Попковым.* — Челюскинцем был сын А. А. Охотиной зоолог Лев Осипович Белопольский, а расстреляли другого ее сына, Валентина Осиповича Белопольского, который заведовал охотничьим спецхозяйством Ленгорисполкома и ездил на охоту с Попковым. В 1952 году Л. О. Белопольский был выслан как брат врага народа. После реабилитации он продолжил свою работу и до 1990 года заведовал кафедрой зоологии позвоночных Калининградского университета.

1962

С. 320 *...американский профессор автор книги о Герцене, забыл его фамилию...* — Упомянут американский профессор Мартин Малиа и его книги.

...Лесючевский, погубивший Корнилова и Заболоцкого, — сидит на месте. — В эти годы Н. В. Лесючевский занимал пост директора издательства «Советский писатель». От его воли зависели судьбы писателей и их книг. В литературной среде было хорошо известно о его причастности к аресту Н. Заболоцкого и Б. Корнилова. Многим памятен рассказ Ю. Г. Оксмана, увидевшего Лесючевского в президиуме торжественного заседания в Большом театре по поводу Пушкинского юбилея. Оксман громко спросил: «А этот от чьего имени здесь присутствует? От имени убийц поэтов?» В конце 80-х годов сведения о деятельности Н. В. Лесючевского в Ленинграде в 30-е годы в качестве «консультанта» НКВД попали в печать. См. его доносы на Н. А. Заболоцкого: «Лит. Россия». 1989. 10 марта и «Невский проспект». 1990. № 1, 2. Первый донос Лесючевский написал по заказу Николая Николаевича Лупандина, оперуполномоченного НКВД, палача с 4-классным образованием, впоследствии — персонального пенсионера союзного значения. О зверствах следователя Лупандина при допросах Заболоцкого см.: *Евг. Лунин. Великая душа // Ленинградская панорама*, 1989. № 5, с. 36–38. Второй донос Лесючевский составил по велению сердца — и уже не только на Заболоцкого, но и на прокурора Ручкина, который по просьбам ленинградских писателей в 1940 году истребовал дело Заболоцкого для пересмотра. Об Я. И. Эльсберге см. примеч. к с. 286.

С. 322 *...как бы кто не прочел «Борис Пастернак».* — Речь идет о книге: *Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Статьи, редакция текста и примеч. Лидии Чуковской. М.: Мол. гвардия, 1947. Книга выходила в серии «Б-ка путешествий» (БП).* По рассказу Л. К., когда редактор сказал ей, что БП могут прочесть, как «Борис Пастернак», она спросила: «А почему не как «бей подхалимов»?»

С. 323 *Письмо от Казакевича.* — Поздравляя Чуковского с 80-летием, Э. Казакевич писал: «Вы — один из тех немногих людей, у которых мы учились и научились ценить и понимать свое призвание, свое великое ремесло. От Вас мы узнали, что слово, написанное пером, влиятельнее, чем приказы и тюрьмы, долго-

вечнее, чем гранит и медь... Потому мы и смотрели на Вас всегда как на великого седого путешественника и следопыта, сильного и хитрого, прошедшего через все бури и широты для того, чтобы нам про это рассказать». В 1982 году, к 100-летию К. И., автором этих строк по просьбе редакции «Недели» была подготовлена публикация материалов из архива К. Чуковского. Однако в последнюю минуту тогдашний главный редактор «Недели» Ю. Грибов распорядился снять имя публикатора и выпустил отрывки из дневника Чуковского и письма к нему под заглавием «Наш Корней Иванович» — безо всяких указаний на источник этих документов. В подборке напечатано, в частности, письмо Э. Казакевича (см.: Неделя. 1982. № 12, с. 9).

С. 324 *Изумительно четкие кованые стихи прислал мне Маршак к моему 80-летию...* — Юбилейное стихотворение С. Маршака «Мой старый добрый друг Корней...» кончалось словами: «Могли погибнуть ты и я, / Но, к счастью, есть на свете / У нас могучие друзья, / Которым имя — дети!» Этим маршаковским четверостишием К. И. завершил свой альманах «Чукоккала», когда в конце 60-х годов готовил рукопись к печати.

...*рукопись некоего беллетриста о сталинских лагерях.* — Речь идет о рассказе А. Рязанского «Щ-854». Рассказ впоследствии был опубликован в «Новом мире» под названием «Один день Ивана Денисовича». А. Рязанский — псевдоним Александра Солженицына.

С. 325 *Я пришел в восторг и написал краткий отзыв о рукописи.* — Этот краткий отзыв назывался «Литературное чудо» и представлял собой первую рецензию на «Ивана Денисовича» (см. Т. 10 наст. изд.). Рецензии Чуковского и Маршака Твардовский переслал Н. Хрущеву, добиваясь разрешения на публикацию «Одного дня Ивана Денисовича». Однако Солженицыну Твардовский этих отзывов не показал (см.: А. Солженицын. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6, с. 25).

С. 326 *Очень против меня ораторствовала Елена Стасова...* — О позиции Стасовой см.: С доводами Стасовой и ее товарищей не согласны! (Т. 10 наст. изд.).

Это стоит суетории. — Суетория — слово, созданное Твардовским. См. его поэму «Страна Муравия»: «Товарищ Сталин! / Дай ответ, / Чтоб люди зря не спорили: / Конец предвидится, ай нет / Всей этой суетории?»

С. 327 *В «Правде» вчера была... статейка Погодина о моем... снобизме.* — Речь идет о статье Н. Погодина «Школа «Правды»», где автор вспоминает М. И. Ульянову и свою работу вместе с нею в газете. В статье Погодин упоминает, как он читал свою пьесу на квартире Л. Н. Сейфуллиной в присутствии Чуковского, который спросил: «Разве в самом деле пятилетка — такое трудное дело?» «Теперь бы сам Корней Иванович назвал подобный вопрос снобизмом и оторванностью от жизни,— продолжает Погодин,— но тогда пятилетка еще не стучалась в двери наших квартир» (Правда. 1962. 21 апр.).

С. 330 *Я... прославил... наше литературоведение...* — «Оксфордская лекция» Чуковского опубликована в России лишь через 27 лет, поскольку в ней были упомянуты имена, попавшие в те годы под запрет (см.: Корней Чуковский. Русскими глазами // Звезда. 1989. № 5, с. 189).

С. 337 *Читал мне свои стихи — из них лучшее — о Марине Цветаевой.* — Стихотворение С. Маршака «Марине Цветаевой» кончается словами: «Себя ты до последней строчки / Успела родине вернуть» (С. Я. Маршак. Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. Большая серия. Л., 1973, с. 132).

Комментарии

С. 338 *Читал мне стихи, посвященные Тамаре Григорьевне.* — В конце 1962 г. вышел сборник стихотворений С. Маршака «Избранная лирика». Седьмой отдел сборника посвящен Т. Г. — Тамаре Григорьевне Габбе — сотруднице и близкому другу С. Маршака с конца 20-х годов. Очевидно, Маршак прочитал К. И. одно из стихотворений этого цикла.

С. 341 *...Копелев, достал для «Нового Мира» рассказ «Один день»...* — В своих «очерках литературной жизни» А. Солженицын рассказал о роли Л. Копелева в судьбе рассказа «Один день...» (см.: А. Солженицын. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6, с. 15 и № 12, с. 38). Воспоминания Л. Копелева об этом событии см. в кн.: Р. Орлова, Л. Копелев. Мы жили в Москве. М., 1990, с. 76–81.

С. 342 *Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека.* — Строки из стихотворения В. Маяковского «Несколько слов обо мне самом».

Рябит в глазах, и какие плохие стихи... он цитирует в тексте. — Речь идет о главах из 4-й книги воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» // Новый мир. 1962. № 4, 5.

С. 348 *Получил от... Медведева... статью о Лысенко и Презенте, убийцах академика Вавилова.* — Это были «Очерки по истории генетики» Жореса Медведева, которые тогда широко ходили в Самиздате.

С. 351 *У меня в то время оба сына были на фронте, а сын Щербакова... был упрям — где-то в тылу.* — Старший сын А. Щербакова — Александр, член ВКП(б) с 1942 г., в 1943 г. окончил в Вязниках школу пилотов, участник войны.

С. 352 *...дружеское письмо от Ахматовой.* — Письмо не сохранилось. Уцелел только черновик, который теперь опубликован (см. Новый мир. 1987. № 3, с. 227).

С. 353 *Статья Ал. Ал. о книжке Бориса Тимофеева убийственна и остроумна.* — Речь идет о статье А. Реформатского «Так как же надо говорить? (Вместо рецензии на книгу Б. Н. Тимофеева «Правильно ли мы говорим?»)» // Русский язык в национальной школе. 1962. № 1, с. 73–84).

С. 355 *...директриса Дома детской книги* — Антонина Ивановна Фотеева.

...жена посла — переводчица. — Американским послом в Москве в это время был Фой Д. Колер.

1963

С. 359 *...«ведь ваша “Золотая чаша” — интеллигентская штука».* — На самом деле повесть Паустовского называется «Золотая роза» (1956).

...в «Известиях» целая полоса занята подборкой писем... — Паустовский имеет в виду подборку писем читателей «Известий» по поводу спора между В. Ериловым и И. Эренбургом о мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь». В. Ерилов в своей статье «Необходимость спора» (Известия. 1963. 29 янв.) обвинил Эренбурга в том, что он «выдвигает искусство модернизма на первый план... Не видит, как искало себя искусство революции». Однако основное неудовольствие критика вызвали те строки мемуаров, где автор пишет об «искусстве молчания», которое противостоит несправедливостям окружающей действительности. Свой ответ Ерилову Эренбург назвал: «Не надо замалчивать существо спора». Рядом с его ответом помещены возражения Ерилова, который высмеивает Эренбурга, приписывая ему лозунг «Могу молчать!», противоположный знаменитому толстовскому «Не могу молчать!». Редакция «Известий» стала на сторону Ерилова. Об этом говорит и содержание редакционной врезки, и подбор писем читате-

лей. Читатели осудили Эренбурга за «молчание», газета поведала и о «мнении простых рабочих об абстракционистах» (Известия, 5 и 15 февр.). Полемика Ермилова с Эренбургом (то, как ее подала газета) послужила важным симптомом, свидетельствующим, что на смену «оттепели» накладываются новые заморозки.

1962—1963

С. 360 ...*обращение к Никите Серг. по по воду уничтожения северных церквей.* — Это письмо Паустовский и Чуковский послали Н. С. Хрущеву. Копия сохранилась в архиве К. Чуковского (РГБ. Ф. 620). В письме, в частности, говорится, «что управляющий делами Совета Министров Карельской Республики — Петр Афанасьевич СЕМЕНОВ (он же — Уполномоченный по делам Русской православной церкви) подписал список 116 церквей, подлежащих безотлагательному уничтожению... недалеко время, когда великолепные эти произведения станут объектами отечественного и мирового туризма и источником гордости нашей страны. Почти все церкви, входящие в список Семенова, являются признанными памятниками архитектурного искусства (16-го, 17-го и 18-го веков)... Мы обращаемся к Вам, дорогой Никита Сергеевич! Мы умоляем Вас спасти наше северное искусство... от холодных рук и равнодушных сердец, иначе будет обездолена наша великая культура».

С. 361 ...*он не должен отвечать «Комсомольской правде»...* — Имеется в виду «Свадьба с дегтем. Открытое письмо писателю А. Яшину» (Комс. правда. 1963. 31 янв.). Письмо подписано вологодскими земляками Яшина — зоотехником, трактористом, другими участниками читательской конференции в районной библиотеке Никольска. «...Оказывается, земляки литератора А. Яшина — люди нищие и жадные,— говорится в письме.— Что за люди живут на родине А. Яшина? Воры, плуты, хулиганы, пьяницы — и ни одного честного человека... Как могла подняться у Вас рука, чтобы всех собравшихся на свадьбу вывести такими?.. Вы черните даже то, что принес в деревню колхозный строй... Свадьбу играют, как в старину... В райкомовской машине Вы везете сваху с иконой... Вы не скрываете восторженного отношения к старинным обрядам... Своей “Вологодской свадьбой” Вы нас кровно обидели. Через темные очки смотрите Вы на нашу сегодняшнюю жизнь». Для вящей убедительности атака земляков была поддержана редакцией газеты, которая посоветовала «...задуматься о позиции журнала “Новый мир”. В последнее время читателю все чаще приходится недоумевать по поводу того, что иной раз печатается в журнале. Это, в частности, относится к некоторым страницам мемуаров И. Эренбурга». Негодует редакция и по поводу публикации в № 12 «Нового мира» одновременно с «Вологодской свадьбой» еще и американских заметок Виктора Некрасова, «содержащих более чем странные рассуждения о советской молодежи».

С. 365 ...*Эренбург страшно подавлен... не может писать.* — А. Солженицын в своих «очерках литературной жизни» «Бодался теленок с дубом» так пишет об этой встрече правительства с интеллигенцией: «Вторая же кремлевская встреча — 7–8 марта 1963 г., была из самых позорных страниц всего хрущевского правления. Создан был сталинистами пятикратный перевес сил (приглашены аппаратчики, обкомовцы) и была атмосфера яростного лая и разгрома всего, что хоть чуть отдавало свободой... Была в короткое время... воссоздана атмосфера нетерпимости 30-х годов». В. Каверин вспоминает, что на этой встрече Эренбург оказался «главным объектом нападения». Книгу «Люди, годы, жизнь» Хрущев оценил как «взгляд из парижского чердака на историю советского государства». Эренбург пытался возражать... «но был тотчас оборван и замолчал.

Оскорбления сыпались одно за другим... вокруг него мгновенно образовалась пустота» (В. Каверин. Эпилог.

М., 1989, с. 381).

Буду хлопотать о восстановлении. — Интересно сопоставить эту запись с версией Анастасии Цветаевой, обвинившей в уничтожении памятника Марине Цветаевой в Тарусе — А. Эфрон, И. Эренбурга и К. Паустовского. А. И. Цветаева вспоминает: «Аля была в Латвии... уже летели Але телеграммы, ее знакомые сообщали, что без нее неизвестные ставят Марине “Памятник”... На другой день по просьбе дочери Марины, Ариадны Сергеевны Эфрон, от цветаевской комиссии, членами коей были Эренбург и Паустовский, пришел в райсовет властям протест по поводу установки камня. Дальнейшая судьба камня была такова: за ним приехала машина, его с трудом погрузили, повезли по холмистому пути, меняли транспорт (подробно не знаю, так как я с Ритой уже уехала), снова везли и, наконец, сбросили в какую-то яму — возле не то автостанции, не то гаража. Там он и лежит поныне, должно быть» (Анастасия Цветаева. Воспоминания. М., 1983, с. 742).

С. 369 *Кривицкий протянул Лиде руку, и она демонстративно отдернула свою.* — В 1946 году Л. К. Чуковская заведовала в «Новом мире» отделом поэзии. В то время главным редактором журнала был К. Симонов, а его заместителем, комиссаром при Симонове — Кривицкий. Из-за столкновений с Кривицким Л. К. довольно быстро ушла из журнала. Подробнее см.: Полгода в «Новом мире» // *Лидия Чуковская*. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2010, с. 83–164.

С. 371 *...в одном «Аркосе» пять директоров... сняты и расстреляны.* — «Аркос» это акционерное торговое общество, учрежденное в Лондоне 11 июня 1920 по английским законам советской кооперативной делегацией и зарегистрированное как частная компания с ограниченной ответственностью. Название — аббревиатура от All Russian Cooperative Society.

С. 372 *Пишу ответ Сельвинскому.* — Чуковский напечатал в «Лит. газете» статью под названием «Неточная точность» [о проблемах художественного перевода] (1963, 12 сент.). Сельвинский отозвался: «Неточная точность или просто вольность» (Лит. газета. 1963, 5 окт.). На эту статью Сельвинского Чуковский и отвечает. (См.: Мой ответ: [К итогам дискуссии по вопросам художественного перевода] // Лит. газета. 1963. 29 окт.)

С. 375 *Записи ее гениальны: «Блокнот журналиста» и «Блокнот депутата».* — Теперь записи Ф. Вигдоровой из блокнота журналиста частично опубликованы. См.: Звезда. 2005. № 3.

1964

С. 380 *Рассказывал о Солженицыне... вместе с Твардовским... приходили благодарить Маршака за статью в «Правде».* — Речь идет о статье С. Маршака об «Одном дне Ивана Денисовича» под названием «Правдивая повесть». — Правда. 1964. 30 янв.

Маршак уже два месяца всюду порицал его книгу. — Имеется в виду книга Е. Эткинда «Поэзия и перевод» (М.; Л., 1963). Книга сохранилась в переделькинской библиотеке Чуковского с надписью автора: «Дорогому Корнею Ивановичу Чуковскому, самому дорогому мне и самому первому читателю этой книги с любовью. Е. Эткинд. 29.XI–63».

С. 383 ...*Маршак возложил на меня не только составление телеграмм, но и оплату их.* — Чуковский и Маршак отправили в Ленинград, в Народный суд Дзержинского района телеграмму. В телеграмме говорилось: «Иосиф Бродский — талантливый поэт, умелый и трудолюбивый переводчик... Мы просим Суд... учесть наше мнение о несомненной литературной одаренности этого молодого человека». Судья отказался приобщить эту телеграмму к делу, поскольку она не была заверена нотариально.

С. 392 «*Кукушка*» — домашнее название закрытого балкона на втором этаже переделкинской дачи К. И.

С. 395 *Рассказывает... о своем новом романе...* — Речь идет о романе А. Солженицына «В круге первом».

За это время сняли Хрущева, запустили в небо трех космонавтов... — 12 октября 1964 г. космонавты В. М. Комаров, К. П. Феоктистов и Б. Б. Егоров совершили космический полет вокруг земли на корабле «Восход».

С. 396 *Ничему не научились — полицаи — по-прежнему верят лишь в удущение и в заущение.* — В октябре 1964 г. Председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению стал Николай Николаевич Месяцев, до этого с 1942 года следователь НКВД, затем — в контрразведке «СМЕРШ». Позже — секретарь ЦК ВЛКСМ, затем — ответственный работник ЦК КПСС.

С. 398 *У нее «Нет косточки неломаной...» и вдруг в Италии, где ее коронуют.* — Стихотворные строки — из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Анна Ахматова ездила в Италию, где ей была вручена почетная премия «Этна-Таормина».

С. 399 *У Лиды очень хорошая статья — о герценовских «Былом и Думах».* — Возможно, речь идет о рукописи статьи Лидии Чуковской, опубликованной впоследствии, в 1966 году, небольшой отдельной книжкой. См.: *Лидия Чуковская. «Былое и думы»* Герцена. М., 1966 (2-е изд.: *Лидия Чуковская. Избранное.* М.: Время, 2011, с. 7–142).

С. 400 ...*сам о себе заявил, что он шулер, причем думает, что здесь — оправдание.* — Роман И. Шевцова «Тля» вышел в 1964 году (М.: Сов. Россия) с предисловием действительного члена Академии художеств СССР А. Лактионова. Аннотация сообщала: «...Действие романа происходит главным образом в Москве, в среде художников. Автор показывает борьбу между представителями реалистического и формалистического искусства». А. Лактионов пишет о «Тле» как о «произведении остром, актуальном, глубоко партийном... Что ж, борьба есть борьба, и она правдиво отражена в романе писателем беспокойного, ершистого характера, человеком, который сам постоянно находится на переднем крае этой борьбы». Роман вызвал многочисленные отзывы критиков. Приводим лишь некоторые: *Гр. Огнев.* Кривое зеркало пошлости // Комс. правда. 1964, 12 ноября; *М. Синельников.* Жизни вопреки... // Лит. газета. 1964. 12 ноября; *Ник. Николаев.* Салопница пишет роман // Огонек. 1964. № 48, с. 30; 3. Паперный. Агрессивное невежество // Юность. 1964. № 12; *А. Сивянский.* Памфлет или пасквиль // Новый мир. 1964. № 12; *В. Непомнящий.* Сто-ты-сяч-ным тиражом... // Знамя. 1965. № 1. Заголовки статей говорят сами за себя. 17 декабря 1964 г. «Литературная газета» напечатала письмо в редакцию А. Лактионова, где, в частности, сказано: «Я не читал роман, когда подписывал предисловие к нему, заранее заготовленное автором романа, проявив тем самым, мягко говоря, неосторожность. Разрешите через вашу газету выразить мое искреннее сожаление о случившемся. Сей-

Комментарии

час, прочитав роман, я вижу, как жестоко искажен в нем высокий смысл жизни искусства и служения ему. Я считаю своим долгом сообщить читателям, что полностью согласен с критической оценкой, выраженной этому "произведению" в печати».

С. 401 ...*написал письмо... о том, что я запрещаю выбрасывать из моей статьи имя Оксмана.* — В это время Ю. Г. Оксман подвергался гонениям за переписку с Г. П. Струве. Оксман был исключен из Союза писателей, у него был произведен обыск и наложен запрет на упоминание его имени в печати. Подробнее о преследованиях Ю. Г. Оксмана см. мемуары Л. Фойера, Е. Фойер-Миллер и статью М. Чудаковой в «Тыняновском сборнике». (Пятые тыняновские чтения, Рига–Москва, 1994). Чуковский высоко ценил труды Ю. Г. Оксмана, переписывался с ним долгие годы. Письмо Чуковского к Косолапову с запрещением выбрасывать из его статьи имя Оксмана см.: Ю. Г. Оксман — К. И. Чуковский. Переписка. М.: Языки славянских культур, 2001, с. 11–12.

1965

С. 403 ...*Евтушенко прочитал по радио стихи о корабле, который волны швыряют туда и сюда...* — Речь идет о стихотворениях «Качка» и «Баллада о миражах».

С. 404 ...*И головою покачал...* — Строка из стихотворения Н. А. Некрасова: «IV. Литераторы» («Три друга обнялись при встрече...») из цикла «Песни о свободном слове» (1865).

С. 406 *Коля прочитал свои воспоминания о Жене Шварце... о болезни Тынянова и его... смерти.* — См.: Николай Чуковский. О том, что видел. М.: Молодая гвардия, 2005, с. 274–312 и 355–366.

С. 408 ...*согласен с Вл. Набоковым, что его «Пушкин на экзамене» и «Дуэль Онегина с Ленским» — длинные картинки.* — Вероятно, Чуковский имеет в виду такой отзыв Вл. Набокова о Репине: «Я даже воображал, да простит мне Бог, ту бездарнейшую картину бездарного Репина, на которой сорокалетний Онегин целится в кучерявого Собинова» («Другие берега» — в кн.: Владимир Набоков. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1990, с. 245).

Н. С. распорядился: печатать. И пожелал познакомиться с Паустовским. — Как сообщил мне исследователь творчества К. Паустовского — Л. А. Левицкий, в этой записи спутаны несколько разных эпизодов из биографии К. Паустовского. Полемика с Рильским в «Литгазете» относится к 1960 году, когда М. Рильский в своем «Открытом письме» обвинил Паустовского в «неправильном обращении с именами, фактами, цитатами» и в том, что Паустовский «позволил себе... высказывания о деятелях украинской культуры и о языке украинского народа, которые иначе как оскорбление не могут быть восприняты» (Лит. газета. 1960. 29 окт.). В своем ответе Паустовский заявил, что письмо Рильского «в гораздо большей степени факт морального порядка, чем литературное выступление» (Лит. газета. 1960. 3 ноября). Однако не эта полемика с М. Рильским, а статья К. Паустовского «Бесспорные и спорные мысли» (Лит. газета. 1959. 19 июня), написанная к III Всесоюзному съезду писателей, вызвала нападки А. Метченко, В. Перцова, Н. Грибачева и др. Именно эту статью Лебедев читал в поездке Хрущеву. И наконец, Ленинской премии не дали Паустовскому в 1965 году, через несколько лет после всех перечисленных событий и уже после падения Хрущева.

С. 409 ...*томик избранных статей из «Times Literary Supplement», и там статья о моей книжке «Живой как жизнь»...* — Речь идет о статье «Brush up Your Russian.

Language and Life», помещенной в «The Times Literary Supplement» 16 января 1964 г. В переделкинской библиотеке Чуковского сохранился сборник статей в T.L.S. за 1964 год, включающий и эту статью. См.: T.L.S. Essays and Reviews From The Times Literary Supplement 1964. London: Oxford University Press, 1965, p. 94–99.

С. 410 *Ее коронование произойдет в июне.* — Анна Ахматова была приглашена в Англию, так как Оксфордский университет присудил ей почетное звание доктора литературы «honoris causa».

С. 413 *...принес фото: мы у дачи Бартнер.* — Бартнеры — соседи Чуковских по Куоккале.

С. 414 *Получил «Москву»... поправили стиль! Не согласовав со мною!* — Упомянуты журнал «Москва» (1965. № 6) и письмо в «Комс. правду» (1965. 1 июля).

...Кома — подарил мне книгу Выготского, вышедшую с его примечаниями. — Речь идет о книге Л. С. Выготского «Психология искусства» (М., 1965). Книга сохранилась в переделкинской библиотеке Чуковского. Надпись гласит: «Дорогому Корнею Ивановичу, чьи «Лепые нелепицы» цитируются в конце этой книги (стр. 339–340), от ее редактора и комментатора:

Вы примите Комин дар и
Прочитайте Коммен-тарий.

30.VI.65. Кома Иванов».

Прочитал... статью Д. Мирского о нем. — Имеется в виду предисловие Д. Мирского «Поэт американской демократии» — в сб.: Уолт Уитмен. Листья травы. Перев., ст. и примеч. К. И. Чуковского. Л., 1935, с. 9–30.

Получил... биографию Жаботинского... второй том... — Речь идет о двухтомнике: Joseph B. Shlechtman. The Vladimir Jabotinsky story. N. Y., 1956–1961. Книгу прислала Р. П. Марголина (см. примеч. к с. 415 на с. 573). В переделкинской библиотеке Чуковского книга не сохранилась.

В «Юности»... статейка об Ахматовой... о Зощенко в «Москве» проходит незамеченной. — Упомянуты предисловие к публикации стихотворений Анны Ахматовой (Юность. 1965. № 7) и «Михаил Зощенко: Из воспоминаний» (Москва. 1965. № 6).

С. 415 *У Каверина есть статья «Белые пятна» — о Зощенко, Заболоцком и других отверженных.* — О перипетиях с публикацией в «Новом мире» статьи «Белые пятна» В. Каверин пишет в «Эпилоге»: «Борьба журнала за опубликование этой статьи стоит внимания историка литературы. Она продолжалась пять лет — и под другим названием («За рабочим столом») статья с сильными сокращениями все-таки была опубликована в 1965 году» (Эпилог. М., 1989, с. 434). Статья «Белые пятна» впервые полностью напечатана в посмертном сборнике В. Каверина «Счастье таланта» (М., 1989, с. 269–287). Под статьей стоит дата: «1965–1987».

...воспоминание о Жаботинском, который дважды была моей судьбой: 1) ввел меня в литературу и 2) устроил мою первую поездку в Англию. — По просьбе Р. П. Марголиной из Израйля Корней Иванович послал туда несколько пространных писем с воспоминаниями о Владимире Жаботинском. Об отношениях Чуковского и Жаботинского см.: Евг. Иванова. Чуковский и Жаботинский. М.; Иерусалим: Мосты культуры — Гешарим, 2005.

С. 416 *...Лидя сказала на ее могиле чудесную речь.* — См.: Над гробом // Лидия Чуковская. Открытое слово. М.: ИМА-Press, 1991, с. 6–7.

Опять поход на литературу... против всех, кто смеет иметь свое суждение. — Отзвуки этого собрания слышны на страницах солженицынских «Очерков литературы

Комментарии

ной жизни»: «Я могу только наощупь судить, какой поворот готовился в нашей стране в августе-сентябре 1965 года. Когда-нибудь доживем же мы до публичной истории, и расскажут нам точно, как это было. Но близко к уверенности можно сказать, что готовился крутой возврат к сталинизму во главе с “железным Шуриком” Шелепиным... Было собрано в том августе важное Идеологическое Совещание и разъяснено: “борьба за мир” — остается, но не надо разоружать советских людей (а — непрерывно травлывать их на Запад)... пора возродить полезное понятие “враг народа”; дух ждановских постановлений о литературе был верен; надо присмотреться к журналу “Новый мир”, почему его так хвалит буржуазия. (Было и обо мне: что искал я истинную картину лагерного мира, где страдали только коммунисты, а враги сидели за дело.)» — А. Солженицын. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6, с. 77.

С. 418 ...они не могут печатать ее в качестве предисловия к тому же его стихов. — Речь идет о статье «Борис Пастернак», впервые опубликованной в журнале «Юность» (1965. № 8).

Искали якобы теософские книги... и роман погиб. — 11 сентября 1965 года на квартире у В. Л. Теуша был проведен обыск и конфискованы машинописные экземпляры романа «В круге первом». Подробнее о конфискации архива см.: А. Солженицын. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6, с. 79.

С. 419 Сегодня написал письмо Демичеву. — Черновик письма к П. Н. Демичеву сохранился в архиве К. Чуковского. Письмо касается трудностей с печатанием предисловия Чуковского к сборнику стихотворений Бориса Пастернака. См. также примеч. к с. 422.

Глеб Струве разыскал где-то мои послания... и тиснул их в своем журнале. — Упомянуты: Корней Чуковский. Неизданное письмо и шуточные стихи... / Публ., предисл. и коммент. Г. П. Струве // Мосты. München. 1965. № 11, с. 369–377.

С. 421 Познакомился с президентом Латышской Академии. — Президент Латышской академии наук — Я. В. Пейве.

С. 422 Статья Солженицына в защиту языка — против Виноградова. — Речь идет о статье «Не обычай детям пши белить, на то сметана». — «Лит. газета». 1965. 4 ноября.

...«сложность и противоречивость» пути Бориса Пастернака. — По просьбе Евгения Борисовича Пастернака Корней Чуковский написал предисловие к первому стихотворному сборнику Бориса Пастернака, издаваемому в СССР после скандала из-за «Доктора Живаго». Редакция потребовала указать в предисловии, что литературный путь Пастернака был «сложным и противоречивым». После того, как Чуковский отказался сделать это, книга была дополнена послесловием Н. В. Банникова, который и напомнил читателям, что «...не будучи социальным мыслителем, Пастернак, естественно, не мог разрешить поставленных им в романе проблем. Серьезная его ошибка — передача рукописи романа за границу, а также шум буржуазной западной прессы, корыстно, в политиканских целях воспользовавшейся этим случаем, вызвали резкий протест советской общественности... Заблуждения и горестные ошибки Пастернака, особенно в последние годы его жизни, известны... Пастернака подсекали и скрывали его идейные позиции, его общественная отгороженность и обособленность». См. также с. 429 настоящего издания.

С. 424 *Мы собираем подписи... даст ли свою подпись Твардовский*. — Речь идет о письме к секретарю ЦК КПСС, председателю идеологической комиссии ЦК КПСС П. Н. Демичеву с просьбой предоставить А. И. Солженицыну квартиру в Москве. Это письмо теперь опубликовано (см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12, с. 147). Подписи А. Твардовского там нет. Как сообщают комментаторы, к письму кто-то приложил копию решения Рязанского горисполкома от 28 мая 1965 г. о выделении трехкомнатной квартиры жене А. И. Солженицына Н. А. Решетовской на семью в пять человек. Письмо к Демичеву было отправлено 3 декабря, более полугода спустя после решения Рязанского горисполкома. Несомненно, медлительность в исполнении решения обусловлена растущим вмешательством КГБ в жизнь Солженицына и, в частности, конфискацией его архива 11 сентября 1965 года. В ответ на просьбу К. Паустовского, Д. Шостаковича, К. Чуковского, П. Капицы и С. Смирнова дать Солженицыну квартиру в Москве ему была в двухнедельный срок предоставлена квартира в Рязани, о которой, как видно из текста «петиции», никто не просил.

Жена Евреинова — А. А. Кашина-Евреинова подарила К. Чуковскому свою книгу: «Н. Н. Евреинов в мировом театре XX века» (Париж, 1964). Книга сохранилась в перedelкинской библиотеке К. И. с надписью автора.

Все говорят о деле Синявского... — Все перипетии процесса собраны в «Белой книге по делу А. Синявского и Ю. Даниэля». Книгу составил Александр Гинзбург в 1966 году, она вышла в изд-ве «Посев» в 1967-м, а в январе 1968-го А. Гинзбург был за это арестован. По материалам «Белой книги» в 1989 г. в Москве был издан сборник «Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля» (составитель Е. М. Великанова. М., 1989). К официальным документам следствия и суда составителя не допустили и через 23 года.

1966

С. 427 *...Катаева «Золотой колодец»...* — Упомята повесть В. П. Катаева «Святой колодец».

С. 429 *...«Заблуждения и ошибки Пастернака (359)... морально этические» (357).* — Все ссылки на страницы послесловия Н. Банникова указаны по изданию: *Борис Пастернак*. Стихи. М., 1966.

Подлая речь Шолохова — в ответ на наше ходатайство взять на поруки Синявского... — Имеется в виду речь М. Шолохова на XXIII съезде КПСС, которая была напечатана в газетах. Шолохов, в частности, сказал: «Мне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. (Бурные аплодисменты)». См. сб. «Цена метафоры...», с. 501.

С. 430 *...Герой Сов. Союза, которого Коля вывел в «Балтийском небе»...* — Речь идет о Герое Советского Союза полковнике Игоре Александровиче Каберове, заместителе командующего эскадрилей авиационного полка Ленинградского фронта.

С. 432 *...осуждает Евтушенко за его письмо к Стейнбеку.* — Стейнбек был во Вьетнаме военным репортером, но его имени не оказалось среди подписей 6500 американских литераторов, деятелей культуры и искусства, выступивших против войны во Вьетнаме. Евтушенко обратился к нему с открытым письмом.

С. 434 *Эрик Эремия Росс*. — Американская журналистка Лилиан Росс, с которой переписывался Чуковский, усыновила маленького ребенка — норвежского мальчика Эрика. Ему и адресованы стихи.

Читаю старый отчет о заседании в Союзе Писателей по поводу Пастернака. — Речь идет о стенограмме Общественного собрания писателей 31 октября 1958 года. На этом собрании Пастернак был исключен из Союза писателей. Проект соответствующей резолюции зачитал Н. В. Лесючевский (о нем см. примеч. к с. 320). Стенограмма впервые опубликована в «Новом журнале», 1966. № 83 (Нью-Йорк). В том же номере напечатана повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна», и, вероятно, поэтому журнал, труднодоступный в те годы, попал в руки Корнея Ивановича.

...Лидя рассказывала о Пунинных, разбазаривших наследие Ахматовой. — Судьба рукописей Анны Ахматовой стала предметом судебного разбирательства между ее сыном и наследником Львом Николаевичем Гумилевым и семьей Н. Н. Пунина (его дочерью и внучкой). Позиция Л. К. Чуковской в этом споре четко сформулирована в ее показаниях, написанных для суда (см.: Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. М.: НЛО, 2003, с. 471–476).

С. 435 *...приехал Мифон*. — Мифон Семенович Петровский.

С. 437 *...книга Фриды Вигдоровой — с... послесловием Лиды*. — Упомянута трилогия: *Фрида Вигдорова*. Дорога в жизнь. Это мой дом. Черниговка. М.: Дет. лит., 1967; с послесловием Лидии Чуковской.

С. 438 *«Быть знаменитым некрасиво»* — строка из стихотворения Бориса Пастернака. Юбилейная статья И. Андроникова напечатана в «Известиях» 1 апреля 1967 г.

Лидя подарила мне свой дневник об Анне Андреевне. — Упомянут первый машинописный вариант будущих «Записок об Анне Ахматовой». В те годы эти страницы еще не предназначались для печати.

С. 440 *...врачи... единодушно... ненавидят Светлану Аллилуеву-Сталину*. — Светлана Сталина в это время сделалась невозвращенкой. Сенсационная новость стала известна из передач иностранного радио и кампании брани в советской прессе.

С. 441 *Прочитал «Рапа Hemingway»...* — Упомянута книга А.Е. Hotchner'a «Рапа Hemingway». — N.Y.: Random House, 1966.

С. 444 *...Аня, только что напечатавшая в «Юности» очень любопытный рассказ о себе*. — Речь идет о жене Д. Н. Чуковского (внука К. И.) — Анне Владимировне Дмитриевой, знаменитой теннисистке. В «Юности» № 8 за 1967 год появилась ее статья «Возвращение на корт». Впоследствии она выпустила книгу «Играй в свою игру» (М., 1972, лит. запись и послесловие Ю. Зерцанинова).

С. 445 *...жива Елена Киселева...* — Художница Елена Киселева в 1915 году нарисовала портрет Корнея Чуковского. В 60-е годы Корней Иванович подарил этот портрет своей помощнице К. И. Лозовской, в семье которой он и хранится в настоящее время.

С. 446 *Зачем апапа своего младая любит Дездемона*. — Строка из неоконченной поэмы А. С. Пушкина «Езерский».

С. 449 *«Напрасно просить: погоди!»* — Неточная цитата из стихотворения А. М. Жемчужникова «Прелюдия к прощальным песням». Должно быть: «Напрасно просить: подожди!»

...глаза мои уже не увидят этого перевода в печати. — После кончины Чуковского в изд-ве «Художественная литература» вышел толстый том: *Джордж Меридит*. Эгоист / Перев. с англ. и коммент. Т. Литвиновой. М., 1970.

1967

С. 452 ...*мать Ленина была дочерью еврея-выкреста Бланка... Шагиняние запрети-ли печатать об этом.* — Мариэтта Шагинян — автор книги «Семья Ульяновых» (Роман-хроника. М., 1958, 1959). В роман входит глава «Предки Ленина с отцовской стороны». Глава неоднократно печаталась также под названием «Предки Ленина». В середине 60-х годов в архиве были выявлены документы о том, что дед Ленина по материнской линии был крещеным евреем, а в роду у отца Ленина были калмыки. Подробное исследование генеалогии семьи Ульяновых, включающее главы «Астраханские предки» и «Шведская ветвь», теперь опубликовано. См.: Г. М. Дейч. Еврейские предки Ленина. Нью-Йорк: Телекс, 1991. Среди других документов в книге приведены письма М. Шагинян о ее находке и о запретах, которым подверглась ее работа «Семья Ульяновых». Г. Дейч рассказывает о том, как были уволены сотрудники архива, позволившие исследователям ознакомиться с документами о семье Ульяновых. Завершая свой рассказ, автор пишет: «Кто же по национальности Владимир Ильич Ульянов (Ленин)?.. Я уверенно отвечаю: «Русский. Русский по культуре, русский по языку, русский по воспитанию, потомственный русский дворянин по происхождению»».

Теперь все документы, касающиеся работы М. С. Шагинян над историей семьи Ульяновых, опубликованы. Приведены фамилии сотрудников, которые были уволены из архива как «виновные в утечке информации», напечатаны протоколы заседаний Союза писателей, разбиравшего это дело, приведен перечень документов о предках Ленина, изъятых из архивов и переданных в ЦК. Напечатаны также письма к И. Сталину А. И. Ульяновой-Елизаровой и наброски статьи М. И. Ульяновой о происхождении деда В. Ленина. См: «Изъятие... произвести без оставления... копий (Где хранились и куда переданы документы о предках Ленина)» / Вступ. ст., коммент. и подгот. текста Т. И. Бондаревой и Ю. Б. Живцова // Отечественные архивы. 1992. № 4, с. 65–83.

С. 453 ...*«протест», написанный Павлом Литвиновым против заметки в «Вечерней газете», где Буковского зовут хулиганом.* — Газета «Вечерняя Москва» 4 сентября 1967 года поместила статью: «В Московском городском суде». В статье сообщалось, что «30 августа — 1 сентября Московский городской суд рассмотрел уголовное дело по обвинению Буковского В. К., Делоне В. Н. и Кушева В. И. ... Буковский... много раз предупреждался органами власти за совершение хулиганских антиобщественных действий... Суд приговорил Буковского к 3 годам лишения свободы». На самом деле Буковского судили не «за хулиганство», а за то, что 22 января 1967 года он организовал демонстрацию с требованием освободить Галанскова, Добровольского, Лашкову и Радзиевского, арестованных незадолго до этого. Вскоре после суда Павел Литвинов был вызван в КГБ и предупрежден об уголовной ответственности в случае распространения записи процесса Буковского. Однако П. Литвинов обнародовал рассказ об этом вызове и угрозах КГБ, а затем выпустил книгу: «Правосудие или расправа. Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года. Сборник документов под редакцией Павла Литвинова». London: Overseas Publications Interchange, Ltd., 1968. О В. Буковском см. также: *Владимир Буковский*. И возвращается ветер... М., 1990.

С. 454 *Суд над четырьмя* — суд над Ю. Т. Галансковым, А. И. Гинзбургом, В. И. Лашковой и А. А. Добровольским в январе 1968 года. В. Буковский, который в это время уже был в заключении, на страницах своей книги «И возвращается ветер...» (с. 228–229) передает обстановку «процесса четырех» и приводит выдержки из обращения П. Литвинова и Л. Богораз: «Граждане нашей страны! Этот процесс — пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас... Сегодня в опасности не только судьба подсудимых — процесс над ними ничуть не лучше знаменитых процессов тридцатых годов...» Подробнее см. сб.: Процесс четырех. Составление и комментарии Павла Литвинова (Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971), а также: Мое последнее слово. Речи подсудимых на судебных процессах 1966–1974 (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974).

С. 455 ...«*Harvest*» *Miriam Morton*... — Упомянута книга: *Miriam Morton. A harvest of russian children's literature* (Berkeley, Los Angel., 1967). — «Урожай русской детской литературы» (Беркли, Лос-Анжелос) (англ.).

А я узнал текст ее письма к Шолохову из американских газет. — Открытое письмо Лидии Чуковской «Михайлу Шолохову, автору “Тихого Дона”» — в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля — широко распространилось в Самиздате, его читали зарубежные русские радиостанции и опубликовали иностранные газеты. Оберегая покой своего отца, Лидия Корнеевна не рассказала ему о своем общественном поступке, могущем иметь нежелательные последствия. Теперь «Письмо Шолохову...» опубликовано в России. См. журнал «Горизонт». 1989. № 3, и сборник Лидии Чуковской «Процесс исключения» (М.: Время, 2010).

Кончаю пересчитывать Семина. — Речь идет о повести Виталия Семина «Семье в одном доме», напечатанной в «Новом мире» (1965. № 5).

...Луу... дала интервью репортеру газеты «Morning Star», одобряя поступки своего безумного внука... — т. е. Павла Литвинова.

С. 456 Лидя... написала резкое письмо Маргарите Алигер — та ответила ей грубостью, Лидя ответила еще резче. — Эта переписка сохранилась в архиве Лидии Чуковской. В письмах ведется полемика по поводу стихотворения М. Алигер «Несчетный счет минувших дней...» (Новый мир. 1967. № 9, с. 109). Многие мысли, высказанные в письме к М. Алигер, легли в основу статьи Лидии Чуковской «Не казнь, но мысль. Но слово». Статья была распространена в Самиздате, а в 90-е годы напечатана в нашей стране. См.: журнал «Горизонт». 1989. № 3, а также: *Лидия Чуковская. Процесс исключения*. М.: Время, 2010.

С. 457 Написал статейку в защиту Грековой, которую преследует... за ее повесть «На занятиях». — Повесть И. Грековой называется «На испытаниях». Статья К. Чуковского в ее защиту впервые напечатана в его Собр. соч. (М., 1969. Т. 6) под названием «К спорам о “дамской повести”» (см. также Т. 10 наст. изд.).

«Что вспомнилось». — Записи велись в дневнике попеременно с другими дневниковыми заметками. Затем наброски воспоминаний, сделанные в дневнике, были перепечатаны, и этот машинописный экземпляр автор правил заново. Заголовок написан на первом листе машинописного экземпляра. В нашу публикацию включен не первоначальный, а исправленный автором текст набросков «Что вспомнилось».

С. 459 ...я оставил все письма Константина Набокова ко мне у сербского посланника Ив. Ст. Шайковича. — В архиве проф. Ивана Шайковича, который хранится в Стокгольмском университете, находится 40 писем за 1909–1916 годы от дипломата К. Набокова к К. Чуковскому. См.: *Sven Gustavsson*. Архивные находки // *Scando-Slavica*. Т. XVII. Copenhagen: Munksgaard, 1971, p. 45, 46. Многие письма

К. Д. Набокова теперь опубликованы. См.: «Ваш читатель Константин Дмитриевич Набоков»: Из писем К. Д. Набокова К. И. Чуковскому. 1909–1910 // Чтение в дореволюционной России. М., 1995, с. 136–152.

С. 461 *В 1968 году я написал рецензию о Копицифере*. — См.: *Корней Чуковский*. Нечаянная радость [о кн.: М. Копицифер. Валентин Серов. М., 1967] // Лит. Россия. 1968. 8 марта.

...*Горький выступил в защиту евреев*. — Эта гравюра и запись М. Горького об антисемитизме теперь опубликована. См.: Чукоккала. М., 2006, с. 218–219.

С. 464 *...плохие изречения Кифы Мокиевича*. — Кифа Мокиевич — персонаж из гоголевских «Мертвых душ».

С. 465 *Читаю Бунина «Освобождение Толстого»* — см.: И. Бунин. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1967, с. 7–168.

С. 471 *...писать им теплые, участливые письма (о которых впоследствии и сам заявил, что они часто бывали неискренними...)*... — Чуковский имеет в виду такие высказывания И. Бунина: «Все мои письма (ко всем, кому я писал во всю мою жизнь) не печатать, не издавать. С просьбой об этом обращаюсь и к моим адресатам, то есть к владельцам этих писем. Я писал письма почти всегда дурно, небрежно, наспех и не всегда в соответствии с тем, что я чувствовал — в силу разных обстоятельств. (Один из многих примеров — письма к Горькому, которые он, не спросив меня, отдал в печать.)». Или: «Я чрезвычайно прошу не печатать их [письма. — Е. Ч.], — я писал их всегда как попало, слишком небрежно и порою не совсем кое-где искренне (в силу тех или иных обстоятельств)...» См. статью И. Бунина «К моему завещанию» (1942) и «К моему литературному завещанию» (1951), цит. по: Собр. соч. Т. 9, с. 480, 483.

...*удивили меня его мемуарные заметки о Репине*. — Чуковский полемизирует с воспоминаниями Бунина о Репине (см.: И. Бунин. Собр. соч. Т. 9, с. 379–380). В своей краткой мемуарной заметке Бунин цитирует адресованное ему письмо И. Е. Репина: «Слышу от товарищей по кисти, слышу милую весть, что приехал Нилус, наш художник прекрасный, — ах, если бы мне его краски! — а с ним и вы, прекрасный писатель, портрет которого мечтаю написать: приезжайте, милый, сговоримся и засядем за работу».

С. 472 *...безумец порезал картину Репина «Иван Грозный и сын»*. — 16 января 1913 года А. Балашов, по профессии иконописец, психически больной, бросился с ножом на картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван...» и сильно повредил ее.

С. 474 *Есть его пухлая книга о Ставке*. — Речь идет об изданиях М. К. Лемке: 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг.: Госиздат, 1920; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. и с предисл. М. К. Лемке. Т. 1–5. СПб., 1911–1913.

Я отнесся к его ошибкам юмористически и указал на них в печати в своей статье «Жена поэта». — Брошюра К. Чуковского «Жена поэта» издана в 1922 году и содержит литературный портрет А. Я. Панаевой. Автор касается «дела об огаревском наследстве», роли в этом деле Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой, а также отношения Герцена к Некрасову.

С. 475 *...Лемке... ополчился против моих некрасоведческих работ*. — Журнал, о котором пишет Чуковский, назывался «Книга и революция». В первом номере (июль 1920 г.) помещены три статьи против него. Две рецензии, подписанные «А.» и «М. Маврин», касаются изданий Некрасова под редакцией К. Чуковского.

Комментарии

Критики не скупятся на брань. В статье «Два крокодила», подписанной псевдонимом «Тумим», содержатся такие упреки книге и ее автору: «Ничего нельзя сказать в пользу “Крокодила”... Науке от него никакой корысти быть не может... Материальных благ никто (кроме автора) от этого крокодила не получит... Жертвами этого крокодила являются именно дети, к тому же дети младшего возраста, которых облюбовал Чуковский».

...«Как я велик!» не имеет ничего общего с некрасовской темой? — В 1974 году профессор-некрасовед А. М. Гаркави подготовил и издал в Калининграде сборник: «Корней Чуковский. Несобранные статьи о Н. А. Некрасове». В этом сборнике помещен и отрывок о Лемке из «Что вспомнилось». В подробном комментарии к публикации этого отрывка рассказана история полемики Лемке и Чуковского по поводу «Как я велик!». А. М. Гаркави отмечает, что «полный текст этой рукописи так и не найден, хотя в поиски включилось большое число научных и библиотечных работников», и приводит суждения нескольких некрасоведов, которые, как и Чуковский, вообще сомневаются в ее существовании.

С. 480 ...после его смерти портрет отойдет по завещанию Третьяковской галерее... — В письме ко мне (лето 1991 г.) К. И. Лозовская, присутствовавшая на этой встрече, сообщает: «Когда Шервер был в Переделкине, Корней Иванович за обедом сказал ему (и довольно категорично), что считает репинский портрет своей собственностью, потому что Илья Ефимович подарил ему свою работу... Шервер обещал, что после его (шерверской) смерти наследники вернут репинскую работу лично Корнею Ивановичу». Осенью 1993 года портрет был продан М. Ростроповичу на аукционе Сотби, а в настоящее время в составе его коллекции возвращен в Россию и помещен в Константиновский дворец под Петербургом..

С. 498 ...приехала... Конюхова... уговаривать меня, чтобы я выбросил из своей книги упоминание о Солженицыне. — Речь идет о книге К. Чуковского «Высокое искусство». В книгу входила глава, посвященная анализу английских переводов рассказа Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (см.: К. Чуковский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1966, с. 379–382).

С. 500 «Ecrire est difficile» («Писать очень трудно» — франц.). — девиз «Серапионовых братьев», к которым принадлежал и В. Каверин. Русское название книги — «Здравствуй, брат, писать очень трудно».

...его письмо к Федину передается по зарубежному радио. — Имеется в виду письмо В. А. Каверина к К. А. Федину в защиту солженицынского «Ракового корпуса». См.: В. Каверин. Эпilog. М., 1989, с. 438–440.

С. 501 ...прочитал клеветнический выпад... в «Огоньке» по поводу Маяковского. — В «Огоньке» №16 и № 23 за 1968 год появились статьи «Любовь поэта» и «Трагедия поэта». А. Колосков видит трагедию поэта в травле и непонимании со стороны критиков и возмещает прокурорским тоном: «...Писатель Евг. Замятин, вскоре после этого эмигрировавший за границу, печатает злобную статью “Я боюсь”, где плачет о гибели русской литературы после Октября... Корней Чуковский в книге, вышедшей в 1922 году, определял Маяковского, как “поэта катастроф и конвульсий”, утверждал, что “чувства родины у него нет никакого”, что “его пафос — не из сердца”, “каждый его крик — головной, сочиненный”, “его пламенность — деланная. Это Везувий, извергающий вату... Все это отзывается выдумкой, натугой, сочинительством”. Жадно схватывая брань, ложь, клевету, которыми враги и недоброжелатели революции забрасывали поэта, троцкист Л. Сосновский начал против поэта кампанию под лозунгами “Довольно Маяковщины”... и т. п.

Все факты в этой тираде перевраны. Статья Замятина «Я боюсь» напечатана в журнале «Дом искусств» № 1 в январе 1921 г., а эмигрировал он не «вскоре», а в 1932-м. Чуковский никакой книги о Маяковском в 1922 году не выпустил, а в том же номере «Дома искусств» в январе 1921 года поместил статью «Ахматова и Маяковский». Мысли, изложенные в этой статье, не соотносятся с теми надерганными обрывками фраз, которые приводит Колосков. В этом легко убедиться каждому, кто перечтет эту статью (Т. 8 наст. изд.). Другие несуразицы и натяжки в статье Колоскова, позволившие ему поставить в ряды истинных ценителей поэзии Маяковского Ленина, Куйбышева и Луначарского, вполне укладываются в общую методологию этого автора.

С. 503 ...я написал заметку о том, как нужно издавать Чехова... — Статья вышла в «Правде» 11 июля 1968 г. под названием «Как же издавать Чехова?».

С. 505 ...сцена с пошляком Корнейчуком... Ильина получила возможность достать для Анны Андреевны такси... Рассказывала о гнусном поведении Скворцова. — В книге Н. Ильиной «Дороги и судьбы» (М., 1991) описана история с Корнейчуком и такси (с. 327) и рассказано о «поведении Скворцова» (с. 384).

...заявила изд-ву, что если выбросят из книги наган... она, Лида, ответственна перед всем миром за текст поэмы. — В 1967 г. Лениздат начал готовить к печати первый посмертный сборник Анны Ахматовой «Стихи и проза». Лидии Чуковской издательство поручило подготовить отдел поэзии. Предисловие было заказано К. Чуковскому, а составление отдела прозы — Э. Г. Герштейн. Издательским редактором стал Б. Г. Друян. Книга была сдана в издательство в 1967 г., однако в 1969 г. — задержана на стадии сверки из-за негласного запрета на имя Л. К. Чуковской. Затем было взято из издательства предисловие К. Чуковского. «...А моя текстологическая работа, установленные мною тексты, даты, факты? Кому-нибудь пригодится», — писала Лидия Чуковская в 1974 г. в своих «Очерках литературных нравов». И вправду — пригодилась работа. В 1976 г. книга все же вышла в Лениздате. Составителем отдела стихов объявлен Б. Г. Друян. Предисловие написал главный редактор Лениздата Д. Хренков (по его новой версии — исполняя просьбу Ахматовой). После 1976 г. сборник неоднократно переиздавался.

Подробнее историю этого издания см.: *Лидия Чуковская. Процесс исключения*. М.: Время, 2010, с. 56–61; *Д. Хренков. Уроки добра и мудрости* // Нева. 1987. № 10, с. 194–202; *Э. Г. Герштейн. Разъяснение* // Нева. 1988. № 4, с. 204.

Строки о «нагане» (За тебя я заплатила чистоганом/Ровно десять лет ходила под наганом) — «Песенка» из «Поэмы без героя» (Ч. III. «Эпилог») во всех советских изданиях до конца 80-х годов заменялись многоточием. Впервые опубликованы за границей.

Подлая статья о Солженицыне в «Литгазете» с ударом по Каверину. — Речь идет о статье «Идейная борьба. Ответственность писателя» // Лит. газета. 1968. 26 июня. Основной удар этой редакционной статьи пришелся по Солженицыну — в связи с публикацией на Западе его «Ракового корпуса». О Каверине сказано так: «Раздувая провокационную шумиху вокруг повести “Раковый корпус”, враждебные нам радиоцентры взяли на вооружение еще один “документ”, именуемый ими “Открытое письмо В. Каверина”... Нет нужды разбирать это письмо в подробностях. Достаточно сказать, что, слушая его чуть ли не ежедневно в исполнении зарубежных “голосов”, В. Каверин не считал нужным выступить против этого враждебного нам хора».

Чуковский вспоминает свое «Заявление в ГИЗ» от 10 декабря 1929 года, включенное в статью А. Б. Халатова «К спорам о детской литературе» (Лит. газета. 1929. 30 дек.) В «Заявлении...» говорилось о том, что он будет писать о деревне, о социализме, напишет «Веселую Колхозию», которая, однако, так никогда и не была написана.

С. 510 *Последнюю азартную вещь я писал о Грековой.* — См примечание к с. 457.

С. 514 *...приверженец Маркса и Энгельса вполне удовлетворился моим предисловием.* — См.: «От автора». — В кн.: К. Чуковский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1969, с. 7–9.

С. 518 *Адвокаты по ее делу и по делу Павлика – истинные героини, губящие свою карьеру.* — Защитниками подсудимых были адвокаты Д. И. Каминская, С. В. Каллистратова, Ю. Б. Поздеев и Н. А. Монахов. П. Литвинова защищала Дина Исаковна Каминская, В. Делоне — Софья Васильевна Каллистратова. Поскольку они выступили на стороне своих подзащитных, они сами подверглись политическим преследованиям. Д. И. Каминская была лишена допуска к делам такого рода, а затем, после угроз и обысков, вынуждена эмигрировать. (Подробнее см. ее книгу «Записки адвоката». Вермонт: Хроника-Пресс, 1987.) Глава из этой книги — о суде над участниками демонстрации на Красной площади напечатана с предисловием Владимира Корнилова в «Знамени» (1990. № 8). С. В. Каллистратова была вытолкнута на пенсию, подвергалась обыскам, однако продолжала свою правозащитную деятельность в качестве члена Хельсинкской группы и консультанта А. Д. Сахарова по юридическим вопросам.

С. 520 *...Борис Николаевич Делоне – дед злополучного Вадима, которого будут завтра судить.* — В сборнике Н. Горбаневской «Полдень» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970, с. 371) помещено письмо К. И. Чуковского к Б. Н. Делоне о стихах Вадима Делоне. Письмо написано в октябре 1968 г. и, очевидно, как-то связано с приездом Б. Н. Делоне в Переделкино.

Сегодня меня снимали для «Чукоккалы». — Речь идет о съемках фильма «Чукоккала» (режиссер М. Таврог). Фильм снят на студии «Центрнаучфильм» и вышел на экраны через два месяца после кончины Чуковского.

С. 521 *А в Москве судят Павлика, Л. Даниэль, Делоне... Таня, Флора, Миша у меня как занозы.* — Запись в дневнике касается суда над участниками демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года — против вторжения в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Павлик, Таня, Флора, Миша — Литвиновы. Суд происходил 9–11 октября в помещении народного суда Пролетарского района. Все материалы, относящиеся к демонстрации и расправе с ее участниками, тщательно собраны в сборнике «Полдень» (см. примеч. к с. 520).

С. 525 *Прочитал пять прекрасных стихотворений...* — Речь идет о стихотворениях Е. Евтушенко: «В ста верстах от столицы всех надежд...», «Русское чудо», «Танки идут по Праге...», «Монолог голубого песка», «Кладбище китов».

1969

С. 531 *Суди, голубчик мой, не выше сапога.* — Перефразирована строчка из пушкинской притчи «Сапожник». У Пушкина: Суди, дружок, не выше сапога.

С. 534 *Спрашивали... нет ли у меня копии того отзыва об «Иване Денисовиче», который я написал в Барвихе... дал мне почитать Твардовский.* — См. примеч. к с. 324 и 325.

Вожусь с первыми страницами статьи о детективах. — Статья не закончена. Опубликовано посмертно. См.: Книжное обозрение. 1991. № 31.

С. 535 *Все бьюсь над загадкой о ковре.* — Упомянута последняя стихотворная загадка К. Чуковского для детей: «Лежу я у вас под ногами...»

1968—1969

Весь поглощен полетом американцев на Луну. — 16 июля 1969 г. США запустили пилотируемый корабль «Аполлон-II» с тремя космонавтами на борту. 20 и 21 июля космонавты Н. Армстронг и Э. Олдрин высадились на Луне и пробыли на ее поверхности в районе Моря Спокойствия 21 час 36 мин. М. Коллинз находился в командном отсеке корабля на селеноцентрической орбите.

С. 536—537 *Налет милиции на мою дачу ради изгнания Ривов... с Э-мя детьми.* — Американский славист, профессор F. D. Reeve, автор книг «Robert Frost in Russia», «The Russian Novel» (Ф.-Д. Рив. Роберт Фрост в России. Русский роман. — *англ.*) и др. приехал к Чуковскому в Переделкино с женой и тремя маленькими детьми. Жена Рива — Елена писала диссертацию о Н. А. Некрасове и хотела обсудить ее с Чуковским. Однако не успели гости начать разговор, как явились представители милиции, заставили их сесть в машину и уехать из Переделкина.

С. 537 *...написала для «Нового Мира» отличную юмореску об экранизации классиков.* — Фельетон Н. Ильиной «Записки начинающего экранизатора» не появился в «Новом мире». Его напечатал журнал «Советский экран» (1969. № 23).

С. 538 *Андроников... Принес мне книжку своих очерков с моим предисловием.* — Речь идет о книге Ираклия Андроникова «Рассказы литературоведа», выпущенной в издательстве «Детская литература» в серии «Школьная библиотека». Книга снабжена предисловием К. Чуковского и хранится в переделкинской библиотеке с дарственной надписью И. Андроникова.

С. 541 *Работаю над 8-м томом Кони.* — В больнице Чуковский читал верстку 8-го тома Собрания сочинений А. Ф. Кони. Он был одним из редакторов этого восьмитомника, выпускаемого издательством «Юридическая литература» (1966—1969).

Краткий хронограф жизни и творчества К. Чуковского

1936

Январь. Переводит Марка Твена («Принц и нищий»). Поездка в Москву на совещание по детской литературе при ЦК ВЛКСМ.

Конец февраля. Детиздат предложил составить сборник «Лирика» для подростков.

10 апреля—2 мая. Поездка в Москву на заседание в Кремле по подготовке к 100-летней годовщине со дня смерти А. С. Пушкина.

22 апреля. Вместе с Б. Л. Пастернаком слушает на X съезде ВЛКСМ речь И. В. Сталина.

Август. В Киеве у Квитко. Знакомство с А. С. Макаренко.

Сентябрь. Поездка в Одессу для сбора материалов к повести «Гимназия» и в Алупку — на могилу Мурочки.

Вышла книга «Искусство перевода» и сказка «Краденое солнце» с рисунками Ю. Васнецова.

1937

27 апреля—7 мая. Снова поездка в Одессу для сбора материалов к повести «Гимназия».

Лето. В Петергофе организует с детьми детскую библиотеку.

6 августа. Арестован муж Лидии Чуковской, физик-теоретик М. П. Бронштейн.

1938

Июнь. Получил от Литфонда в аренду дачу в Переделкино.

Конец года. Получена квартира в Москве, окончательный отъезд из Ленинграда.

Издана «Гимназия» (автобиографическая повесть о детстве, позднейшее название «Серебряный герб»).

1939

13 февраля. Вышинский сообщил по телефону, что по ходатайству Чуковского и Маршака освобождена из заключения А. И. Любарская.

Май. Поездка в Киев для участия в праздновании 125-летия со дня рождения Тараса Шевченко и выступления на юбилее.

13 декабря. Пишет дочери о том, что, как удалось с трудом выяснить, М. П. Бронштейна уже нет в живых

1940

Декабрь. Вышли воспоминания «Репин. Горький. Маяковский. Брюсов».

1941

15 февраля. Вышла книжка «Высокое искусство» (2-е изд. «Искусства перевода»).

Лето. Начало войны. Работа в Совинформбюро в Москве. Оба сына уходят на фронт.

15 октября. Отъезд из Москвы в Ташкент.

23 октября. Приехали в Ташкент. До конца года десятки выступлений в школах и клубах.

1942

В Ташкенте работа в Комиссии помощи эвакуированным детям.

Начал писать новую сказку «Одолеем Бармалея».

Младший сын Борис пропал без вести. У старшего сына в Ленинграде разбомбили квартиру.

Книга «Узбекистан и дети».

Сентябрь—октябрь. Первая поездка в Москву.

1943

2 февраля. Возвращение с семьей из эвакуации в Москву.

Более тридцати выступлений с лекциями.

1944

1 марта. Статья П. Юдина в «Правде» против сказки «Одолеем Бармалея» под заглавием «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского».

5 октября. Из «Нового мира» вырезали статью о Репине.

Выступления с лекциями.

1945

Работа над новой сказкой «Бибигон».

1946

29 августа. Статья С. Крушинского в «Правде» против «Бибигона». Печатание сказки в журнале «Мурзилка» прекращено.

10 декабря. В газете «Культура и жизнь» обозвали пошляком и пасквилянтом за сказку «Собачье царство», впервые напечатанную в 1912 году и случайно переизданную в 1946-м.

1947—1948

Работа над редактированием и комментированием Сочинений Н. А. Некрасова, В. Слепцова, над статьей о Феофиле Толстом.

Выступления с лекциями.

1949

7 января. Тяжело заболела М. Б. Чуковская: удар, паралич.

Вышла брошюра «Пушкин и Некрасов».

1950—1953

Работа над редактированием и комментированием Сочинений Н. А. Некрасова.

Работа над книгой «Лаборатория Некрасова» (впоследствии переименована в «Мастерство Некрасова»).

1952. Брошюра «Гоголь и Некрасов».

Февраль 1953. Вышло «Мастерство Некрасова» и встречено одобрительными отзывами критики.

Весна 1953. Начал писать воспоминания о Борисе Житкове.

1954

Освобождают из мест заключения выживших друзей. Возвращаются Збарские, Екатерина Боронина.

29 января. Ленинградская секция критиков выдвинула «Мастерство Некрасова» на Сталинскую премию.

Февраль. В «Новом мире» № 2 помещена статья «От дилетантизма к науке».

5 апреля. Перевел рассказ О. Генри «Стриженный волк».

21 декабря. Выступление на 2-м Съезде писателей.

1955

21 февраля. Смерть М. Б. Чуковской.

Лето.хлопоты о реабилитации Е. М. Тагер.

Переиздана книга «От 2 до 5», не переиздававшаяся с 1939 года.

Переиздано дополненное «Мастерства Некрасова». Автор внес в книгу около тысячи поправок.

Сентябрь. В сборник «Сказок» включен сильно урезанный «Крокодил».

Декабрь. Книга «От 2 до 5» дополнена новыми главами (в частности, главой «Борьба за сказку») и сдана для нового, 11-го издания.

1956

Февраль. В альманахе «Литературная Москва» напечатаны воспоминания о Блоке.

XX съезд КПСС и речь Н. С. Хрущева с разоблачением преступлений Сталина.

13 мая. Застрелился А. Фадеев.

Впервые выходит отдельной книжкой в урезанном виде сказка «Бибигон».

Напечатано 11-е издание «От 2 до 5».

В Детгизе вышел сборник «Сказок» с рисунками В. Конашевича, Н. Ремизова, Е. Чарушина и др. Сборник впоследствии многократно переиздавался. Сказки для детей с этого времени регулярно выходят и отдельными книжками, и в виде сборников под названием «Чудо-дерево» и «Сказки».

1957

1 апреля. Широко отмечен 75-летний юбилей. Награжден орденом Ленина.

Лето. Начал строительство на свои средства переделкинской детской библиотеки по соседству с дачей. Хлопоты в Литфонде о разрешении на это строительство, заботы о материалах для стройки.

29 декабря. В. Конашевич нарисовал и подарил переделкинской детской библиотеке картину «Чудо-юдо рыба-кит» по сюжету любимой сказки Чуковского «Конек-горбунок».

Заново перевел «Тома Сойера», редактировал Слепцова, готовил к изданию «Люди и книги».

1958

Вышли «Люди и книги», «Чехов», «Из воспоминаний», снова большим тиражом переиздана на Украине и в Москве книга «От двух до пяти».

1959

Апрель-май. Хлопоты в защиту «Литературного наследства», выпустившего том «Новое о Маяковском», который не понравился начальству.

Переиздания книг «Мастерство Некрасова», «Из воспоминаний», «Репин».

1960

Пишет воспоминания о Л. Квитко.

11 ноября. Выступление на вечере памяти Л. Квитко в Доме литераторов.

Работа над книгами «Современники» и «Живой как жизнь».

1961

Работа над книгами «Современники» и «Живой как жизнь».

Напечатан «Серебряный герб».

1962

5 марта. Вышло 1-е издание «Живого как жизнь».

1 апреля. 80 лет со дня рождения. Юбилей широко празднуется.

11 апреля. Твардовский в Барвихе дал прочесть рукопись рассказа «Один день Ивана Даниловича» (так у автора в дневнике). Рецензии Чуковского и Маршака на этот рассказ Твардовский передал Хрущеву, когда хлопотал о публикации рассказа в «Новом мире».

12 апреля. Присуждена Ленинская премия за «Мастерство Некрасова».

19 мая—9 июня. Поездка в Англию в связи с присуждением Оксфордским университетом степени доктора литературы «honoris causa».

Вышло 1-е издание книги воспоминаний «Современники».

1963

Переизданы в дополненном виде «Живой как жизнь» и «Современники». Участие в дискуссии о русском языке в «Литературной газете».

1964

Конец февраля.хлопоты в защиту поэта Иосифа Бродского, которого судят в Ленинграде.

Апрель. Начало работы над статьей о Зощенко.

Май. В журнале «Москва» напечатана статья «Читая Ахматову: (На полях ее «Поэмы без героя»)».

Подготовка к изданию своего первого Собрания сочинений.

Статьи в газетах и журналах.

1965

12 января. Выступление на первом за двадцать лет вечере М. М. Зощенко.

Июль. В журнале «Москва» вышла статья о Зощенко, а в журнале «Юность» — об Ахматовой.

Август. Большое письмо в Иерусалим с воспоминаниями о Владимире Жаботинском. В «Юности» напечатана статья о Борисе Пастернаке.

Октябрь. Начал писать комментарии к страницам своего рукописного альманаха «Чукоккала». Готовит книгу для печати.

4 ноября. Внезапно скончался Николай Корнеевич Чуковский.

В издательстве «Художественная литература» вышли первые два тома Собрания сочинений в 6-ти томах: Сказки и стихи для детей, «От 2 до 5» и «Современники».

1966

Работа над комментариями для «Чукоккалы». Вышли два следующих тома Собрания сочинений: «Живой как жизнь», «Высокое искусство», «Мастерство Некрасова».

Напечатано 19-е отдельное издание «От двух до пяти»

1967

3 марта. Получена справка из Книжной палаты: до 1 января 1967 года книги К. Чуковского издавались 715 раз общим тиражом 82 миллиона экземпляров на 64 языках. На русском языке 457 раз общим тиражом 76 миллионов. В 1966 году — 15 раз общим тиражом 2 миллиона 48 тысяч экземпляров.

Август. Работа над реставрацией дореволюционной статьи об Иване Бунине.

20 августа. Вышло новое издание «Современников» в урезанном цензурой виде.

30 октября. Составил план 7-го тома, куда вошли названия книг и статей, которые не удалось включить в издающееся Собрание сочинений.

Вышел 5-й том Собрания сочинений: «Люди и книги».

Издана книга «О Чехове».

1968

Январь. Работа над статьей «Онегин на чужбине» о набоковских комментариях к Пушкину.

Подготовка для издания в шестом томе Собрания сочинений дореволюционных критических статей. Переработал «Ната Пинкертона», «Мы и они», «У последней черты», статьи о Куприне, Ал. Ремизове.

Март—апрель. Попал в больницу, где пишет заметки «Что вспомнилось».

Конец мая. Сдан в издательство 6-й том Собрания сочинений.

Июнь. Продолжение «Что вспомнилось».

Июль. Работа над статьей о Л. Пантелееве.

17 сентября. «С книгами — худо. “Библию” задержали, хотя она вся отпечатана (50.000 экз.). “Чукоккалу” задержали. Шестой том урезали, выбросив лучшие статьи, из оставшихся статей выбросили лучшие места. “Высокое искусство” лежит с мая, т. к. требуют исключить упоминания о Солженицыне».

9 октября. Участие в съемках фильма по «Чукоккале» (Центрнаучфильм, режиссер М. Таврог).

1969

17 июня. Начало работы над статьей о детективах.

4 сентября. Начал писать статью о том, как создавались сказки («Признания старого сказочника»).

5 октября. На основании плохого анализа крови увезен в больницу с подозрением на желтуху.

7 октября. Подозревается болезнь Боткина.

9 октября. Продолжение работы над редактированием 8-го тома Собрания сочинений А. Ф. Кони.

20 октября. Получил только что вышедший 6-й том своего Собрания сочинений, но «нет ни возможности, ни охоты взглянуть на это долгожданное исчадие цензурного произвола».

28 октября. Скончался в Кунцевской больнице под Москвой.

- Абалкин Николай Александрович**
(1906–1986), литературный критик,
с 1949 г. зам. главного редактора га-
зеты «Правда» 385, 402
- Абдурахманов Абдужабар Абдужаба-
рович** (1907–1975), с 1938 г. предсе-
датель СНК Узбекистана 61
- Абрикосов Алексей Иванович**
(1875–1955), академик,
патологоанатом 194
- Аверченко А. Т.*** 361, 379, 424
- Аветовна, см. Арутчева В. А.**
- Агапов Борис Николаевич**
(1899–1973), поэт, очеркист 498
- Агата, см. Охотина А. А.**
- Агин Александр Алексеевич**
(1816–1875), художник 134
- Ада, см. Гуревич А.**
- Адамович Георгий Викторович**
(1892–1972, умер за границей),
поэт, литературный критик 420
- Аддисон Джозеф** (1672–1719),
английский писатель, поэт,
публицист 483
- Адмони Владимир Григорьевич**
(1909–1993), литературовед,
германист 416
- Адуев Николай Альфредович**
(1895–1950), писатель, поэт-
сатирик 118
- Ажаев Василий Николаевич**
(1915–1968), писатель 241, 253, 324,
327, 421–422
- Аксенов Василий Павлович**
(1932–2009), писатель 565
- Александр II*** 473
- Александр III*** 227; 561
- Александра Георгиевна, см.
Залепукина А. Г.**
- Александра Федоровна**** 38, 473
- Александров Георгий Федорович**
(1908–1961), академик, философ,
министр культуры 68–69, 111, 148,
166, 179, 188–191, 193, 199, 421
- Александрович Андрей Иванович**
(1906–1963), белорусский поэт,
общественный деятель 19

* Указатель составили Л. А. Абрамова и Е. Ц. Чуковская.

В указатель включены не все имена, встречаемые в «Дневнике». Не внесе-
ны в список неустановленные лица, некоторые бегло упоминаемые фамилии,
сведения о которых читатель получает непосредственно из текста, а также те,
чья имена несущественны для понимания записи. Краткие аннотации
составлены применительно к контексту, в котором упоминается поясняемое имя.

Знаком «*» отмечены фамилии, ранее аннотированные в Указателе имен к
первой книге Дневника (Т. 11 наст. изд.). Знаком «**» — фамилии, аннотиро-
ванные в Указателе имен в т. 12. В этих случаях ни даты жизни, ни аннотации не по-
вторены. Исключение составляют несколько имен, для которых даты за это вре-
мя уточнены. Цифры, указывающие на страницы комментария, даны курсивом.

Если человек упомянут не по имени и фамилии, а по родственной принад-
лежности (муж, брат и т. п.), ссылки на фамилию смотри в отдельном указателе
«Родственники».

- Алексеев Михаил Павлович** (1896–1981), академик, литературовед, теоретик художественного перевода 330, 399, 523
- Алексей Васильевич, см. Бургман А. В.**
- Алексин Анатолий Георгиевич** (р. 1924), писатель 177, 406
- Алибон Самуэль Остин** (1816–1889), американский библиограф, составитель «Critical Dictionary of English Literature and British and American Authors» 108
- Алигер Маргарита Иосифовна** (1915–1992), поэт, мемуаристка 214, 216–218, 220–221, 224, 226–228, 235, 246, 248–249, 254, 259, 265, 305, 312–314, 323, 456; 561–562, 578
- Алигер Мария Александровна** (1943–1991, умерла за границей), переводчица, дочь М. И. Алигер и А. А. Фадеева 214, 313–314, 456
- Алимджан Хамид** (1909–1944), председатель Союза писателей Узбекистана, поэт, публицист, критик 67
- Алли-Вад, Александр Алексеевич Вадимов-Маркелов** (1895–1967), цирковой актер, иллюзионист, литератор 396
- Аллилуева Светлана Иосифовна** (1926–2011, умерла за границей), дочь И. В. Сталина, мемуаристка 440, 446; 576
- Альтерман С. 560**
- Альтман Иоганн Львович** (1900–1955), литературовед, театральный критик 187
- Альтман Н. И.* 11**
- Алянская Нина Самуиловна** (р. 1930), дочь С. М. Алянского 154
- Алянский С. М.* 11, 13, 15, 36, 71, 85, 88, 101, 110, 153–154, 162, 205, 207, 245–246, 250, 254, 302–303, 310, 324, 341, 347, 437, 503**
- Амис (Эмис) Кингсли Уильям** (1922–1995), английский писатель 526
- Анастасия Ивановна, см. Турло А. И.**
- Андерсен Х.-К.* 413**
- Андреев Андрей Андреевич** (1895–1971), секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро ЦК 19
- Андреев Вадим Леонидович** (1902–1976, умер за границей), писатель, участник французского сопротивления, сын Л. Н. Андреева 234–235, 266, 288, 300–301, 352–353, 363, 398, 419
- Андреев Даниил Леонидович** (1906–1959), поэт, прозаик, сын Л. Н. Андреева 352
- Андреев Л. Н.* 38, 54, 97, 218, 221, 228, 300, 309–311, 352, 362–364, 394, 396, 398, 419, 431, 443, 445, 461, 465, 467–471, 476, 491, 531**
- Андреев Павел Николаевич** (1878–1923), художник, брат Л. Н. Андреева 352
- Андреев С. Л.* 234**
- Андреева Александра Михайловна, дама Шура** (1881–1906), первая жена Л. Андреева 234
- Андреева (Денисевич) А. И.* 234, 363**
- Андреева А. Н.* 363, 469**
- Андреева Катя** (р. 1955), английская девочка, корреспондентка К. Ч. 413, 446, 528
- Андреева М. Ф.* 66–67, 74**
- Андреева Ольга Викторовна** (урожд. Чернова, 1903–1979), жена В. Л. Андреева 235, 300, 352–353, 398
- Андреева Ольга, см. Карлейль О. В.**
- Андреевский Сергей Аркадьевич** (1847–1918), адвокат, поэт и критик 497
- Андрей, см. Чуковский А. Е.**
- Андреевич Валентин Валентинович** (1908–1985), художник-иллюстратор 414
- Андроникашвили Элефтер Луарсавович** (1910–1989), физик, брат И. Л. Андроникова 389
- Андроников Ираклий Луарсавович** (1908–1990), писатель, литературовед, мастер устного рассказа 48, 73, 82–83, 97, 99–100, 109, 116, 118–120, 122–123, 127, 131, 133, 135, 141, 147, 151–153, 158, 186, 199, 249, 256, 261–262, 270, 273, 289, 305, 321, 323, 328, 348, 362, 379, 389, 391, 393, 422, 431, 438, 459, 503, 533, 538–539; 576, 583
- Андроникова Вивиана Абелевна, Вива** (1910–1995), жена И. Л. Андроникова 82, 99, 116, 119, 135, 147, 289, 379
- Андроникова Екатерина Ираклиевна, Эка, балерина, работник телевидения, дочь И. Л. Андроникова** 122, 151
- Андроникова Манана Ираклиевна** (1936–1975), искусствовед, дочь

- И. Л. Андроникова 82, 119–120, 122, 147, 391
- Андроникова (Гальперн) Саломея Николаевна** (1888–1982), княжна, адресат стихов и писем Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама 336
- Андропов Юрий Владимирович** (1914–1984), партийный и государственный деятель, в 1954–1957 гг. посол СССР в Венгрии 288; 564
- Андрусон Леонид Иванович** (1875–1930), поэт, переводчик 229
- Анисимов Иван Иванович** (1899–1966), литературовед, директор Института мировой литературы (с 1952 г.) 257, 321, 421
- Аничковы**, семья критика
- Аничкова Е. В.*** 222
- Анна Георгиевна**, секретарь К. Ч. 36, 53
- Анненков П. В.*** 112
- Анненков П. С.*** 124
- Анненков Ю. П.*** 123–124, 234, 278, 424, 430, 500, 503; 556
- Анненкова (Хлопина) Надежда Павловна** (1888–1950), биолог, сестра Ю. П. Анненкова 123
- Анненкова Зинаида Павловна**, сестра Ю. П. Анненкова 123–124
- Антипова Валентина Георгиевна**, знакомая К. Ч. 529, 531
- Антокольский М. М.*** 101, 332, 459
- Антокольский П. Г.**** 27–28, 48, 88, 102, 207, 399
- Антон Григорьевич**, см. **Сенченко А. Г.**
- Анциферов Николай Павлович** (1889–1959), историк, филолог, краевед 135
- Аня, Анечка**, см. **Дмитриева А. В.**
- Анчаров Михаил Леонидович** (1923–1990), писатель, художник 120, 123; 556
- Апдайк (Эпдайк) Джон** (1932–2009), американский писатель 395
- Аплетин Михаил Яковлевич** (1885–1981), критик, председатель Иностранной комиссии СП СССР 219
- Арбузова Варвара Алексеевна**, дочь А. Арбузова 92
- Арго** (наст. имя и фам. **Абрам Маркович Гольденберг**, 1897–1968), поэт-сатирик, переводчик 118
- Арго Полина**, жена А. М. Арго 89
- Ардов Виктор Ефимович** (1900–1976), писатель 118, 411, 428
- Ариан-Горкина Ася Абрамовна**, переводчица 60, 66
- Арий Давыдович**, см. **Ратницкий А. Д.**
- Армстронг Нейл** (1930–2012), американский астронавт 535–536; 583
- Арнольд Вера Степановна** (1877–?), сестра Б. С. Житкова 146–147, 154
- Арнот Пэйдж Робин (Arnot Page Robin)**, 1890–1986), публицист, деятель Компартии Великобритании 407–408
- Арнштам Л. О.**** 88, 91, 202; 553
- Артемов А.*** 301
- Арутчева Варвара Аветовна** (ок. 1900–1991), помощница К. Ч., сотрудница Музея В. В. Маяковского 66, 71, 135–136, 144, 185, 387
- Архипов Владимир Александрович** (1913–1977), литературовед 321, 325, 327
- Асеев Н. Н.**** 69, 93, 325
- Асмус Ариадна Борисовна** (1918–2005), математик, вторая жена В. Ф. Асмуса 294
- Асмус Валентин Фердинандович** (1894–1975), философ, литературовед 76, 270, 293–294, 311
- Астахов Иван Борисович** (1906–1970), в 1960-е годы зав. кафедрой марксизма-ленинизма в Литинституте 565
- Атаров Николай Сергеевич** (1907–1978), писатель 221, 228, 538, 540; 559
- Афанасьев Александр Николаевич** (1826–1871), литературовед 117
- Афиногенов А. Н.**** 10, 56, 122; 546
- Афиногенова Александра Александровна**, дочь А. Н. и Д. Б. Афиногеновых 122–123
- Афиногенова Антонина Васильевна** (1879–1974), мать А. Н. Афиногенова 56
- Афиногенова Дженни Бернгардовна** (1905–1948), жена А. Н. Афиногенова, американская коммунистка 56, 122, 297
- Афиногенова Джоя Александровна** (1937–ок. 1960), дочь А. Н. и Д. Б. Афиногеновых 122–123
- Афиногенова Светлана Александровна** (р. 1929), дочь А. Н. Афиногенова 56

Ахмадулина Белла Ахатовна
(1937–2010), поэт 388

Ахматова А. А.* 15, 52–53, 59, 74–75, 87–88, 90, 93, 155, 167–168, 179, 200, 204, 216–217, 260, 288, 296, 320, 323, 336, 345, 347, 349–350, 352–353, 355, 369, 371, 376, 383, 390–391, 396–400, 405, 410–411, 413–414, 420, 426–428, 431, 434–435, 438–439, 445–447, 449, 459, 501, 504–505, 524, 528–529, 532, 534; 548, 552–553, 563, 568, 571, 573, 576, 581, 588

Ашукин Н. С.** 110

Бабаев Акпер (1924–1979), тюрколог, переводчик 245

Бабаевский Семен Петрович
(1909–2000), писатель 132; 556

Бабель И. Э.** 45, 142, 258, 320, 360, 362, 364, 371, 403, 404, 490–491

Бабель Ф. А.** 360

Бабель Эммануил Исаакович
(1864–1923), отец И. Э. Бабеля 360

Бабушкина Антонина Петровна
(1903–1947), главный редактор журнала «Детская литература», редактор журнала «Мурзилка» 41–42, 85, 87

Багрицкая (Суок) Лидия Густавовна
(1895–1969), жена Э. Г. Багрицкого 532

Багрицкий Э. Г.** 365

Бажан Микола (1904–1983), украинский поэт 27–28, 257, 379

Бажан Нина Владимировна, жена М. Бажана 379

Базанов Василий Григорьевич
(1911–1981), литературовед, директор Пушкинского Дома 389–390

Байрон Д.-Н.-Г.* 394, 409, 483

Бакст Л. С.* 478

Бакунин М. А.** 180, 247

Балашов Абрам Абрамович, маньяк, повредивший картину Репина 579

Балицкий Всеволод Аполлонович
(1892–1937, расстрелян), нарком внутренних дел Украины 29

Балтрушайтис Юргис Казимирович
(1873–1944), поэт 289, 468, 496–497

Балухатый С. Д.** 80

Бальзак Оноре де** 33, 376, 390

Бальмонт К. Д.* 289, 467, 476, 531

Банников Николай Васильевич
(1918–1996), литературовед 147–148, 396, 422, 429; 574–575

Баньковская Марианна Васильевна
(1927–2009), дочь академика В. М. Алексеева, публикатор его научного наследия 559

Баратынский Евгений Абрамович
(1800–1844), поэт 449, 528, 532

Барков Иван Семенович
(ок. 1732–1768), поэт 525

Бартнеры, соседи Чуковских по Куоккале 413, 430; 573

Барто А. Л.** 8, 29, 101, 118, 141, 230, 236, 242–243, 245, 291, 303, 305, 322, 339, 405

Баруздин Сергей Алексеевич
(1926–1991), писатель 460

Баршман, домовладелец в Одессе 31–32

Баскаков Василий Георгиевич
(р. 1914), философ 216, 228, 421

Баскаков Владимир Евтихианович
(1921–1999), замминистра культуры 537

Баталов Алексей Владимирович
(р. 1928), актер и режиссер 391

Баумволь Рахиль Львовна
(1914–2000), поэт 176

Баура Морис, сэр (1898–1971), английский литературовед 331

Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор 229

Бebel Август (1840–1913), один из основателей германской социал-демократической партии и 2-го Интернационала 263

Беда (Бэда) Достопочтенный
(672–735), английский историк и теолог 129

Бедный Демьян** 17–18, 512–513

Безыменский Александр Ильич
(1898–1973), поэт 5

Бек Александр Альфредович
(1902/3–1972), писатель 201–202, 211–212, 313, 321, 430; 560

Беклемишева Вера Евгеньевна
(1881–1944), писательница 309–310

Белахова Мария Андреевна
(1903–1969), детская писательница 42

Белинков Аркадий Викторович
(1921–1970, умер за границей), писатель 322, 341, 345, 347, 368, 391, 405, 529

Белинкова Мирра Наумовна
(1900–1971), сотрудница Научного

- центра детской книги, мать
А. В. Белинкова 322, 405
- Белинкова Наталья Александровна**
(р. 1930), жена А. В. Белинкова 341,
391, 411, 426, 529
- Белинский В. Г.*** 90, 95, 116, 118, 129,
218, 282, 399, 438, 446, 496, 516
- Белов Геннадий Матвеевич** (р. 1926),
шофер К. Ч. 115, 119, 126, 301, 357
- Белоголовый Николай Андреевич**
(1834–1895), общественный дея-
тель, врач, корреспондент «Коло-
кола» Герцена, автор «Воспомина-
ний» 256
- Белопольский Валентин Осипович**
(1908–1950, расстрелян), в конце
40-х гг. заведующий охотничьим
спецхозайством Ленгорисполкома,
сын А. А. Охотиной-Белопольской
319; 566
- Белопольский Лев Осипович**
(1917–1990), зоолог, специалист по
полярной фауне, челюскинец, сын
А. А. Охотиной-Белопольской 319;
566
- Белый Андрей*** 78, 101, 130, 174, 265,
289, 365, 458, 468, 529
- Бельчиков Николай Федорович**
(1890–1979), литературовед 166,
172, 189, 502
- Беляев Альберт Андреевич** (р. 1928),
завсектором отдела культуры ЦК
КПСС 421
- Бем (Ендаурова) Елизавета Меркуль-
евна** (1843–1912), художница 205
- Бенкендорф А. Х.*** 50, 383
- Бенкендорф М. И., см. Будберг М. И.**
- Бенуа А. Н.*** 34–35, 329, 424, 481, 522
- Бер Эстер Аркадьевна**, редактор
Гослитиздата 132
- Бердяев Н. А.*** 458
- Берестов Валентин Дмитриевич**
(1928–1998), поэт, литературовед,
археолог 77, 84, 131, 175, 208, 216,
246, 310, 323, 361, 406, 516
- Берестов Дмитрий Матвеевич**
(1895–1965), учитель истории, отец
В. Д. Берестова 84
- Берестова Зинаида Федоровна**
(1906–1977), мать В. Д. Берестова 84
- Берестова Лариса Леонидовна**,
первая жена В. Д. Берестова 310
- Берестова Марина Дмитриевна**, дочь
В. Д. Берестова 310
- Берзер Анна Самойловна, Ася**
(1917–1994), редактор «Литератур-
ной газеты», затем «Знамени»,
затем зав. отделом прозы «Нового
мира» 324, 517–518, 538–539; 557–
558, 565
- Берия Лаврентий Павлович**
(1899–1953, расстрелян), министр
внутренних дел СССР 138, 151–152,
157, 163, 172, 176, 189, 193–194, 212,
227, 263, 345, 374; 559
- Берия (Гегечкори) Серго Лаврентье-
вич** (1924–2000), сын Л. П. Берия,
муж М.М. Пешковой 151–152, 174,
176, 199; 559
- Берлин (де Гинзбург) Алина
Элизабет, леди**, жена сэра
И. Берлина 332
- Берлин Исайя, сэр** (1909–1997),
английский славист, историк,
адресат ахматовских стихов 218,
332, 410, 413, 416, 435
- Берлитц Максимилиан** (1852–1921),
американский учитель, разработав-
ший методику изучения иностран-
ных языков, на основе которой со-
здана международная сеть школ
обучения 318
- Берман Д. А.*** 565
- Бернс Роберт** (1759–1796), шотланд-
ский поэт 188, 229–230, 246, 275,
277, 370, 385, 393, 496
- Беседина Тамара Алексеевна**, некра-
совед 134
- Бескин О. М.**** 49, 512
- Бестужев (Марлинский) А. А.*** 45
- Бестужев Николай Александрович**
(1791–1855), писатель, художник,
декабрист 173, 258; 564
- Бестужевы, братья Александр,
Николай и Михаил** (1800–1871),
декабристы 285
- Бетховен Л.*** 27
- Бехер Иоганнес** (1891–1958), немец-
кий поэт, в 1954–58 гг. министр ку-
льтуры ГДР 272
- Бехер Лилли** (1901–1978), немецкая
писательница, жена И. Бехера 272
- Бехтерев В. М.**** 493–494
- Бианки В. В.**** 276, 279, 296
- Бианки Елена Витальевна** (1922–2008)
художник-иллюстратор, дочь
В. В. Бианки 187–188
- Бирбом Макс** (1872–1956), англий-
ский писатель, карикатурист 537

- Бичер-Стоу Гарриет** (1811–1896), американская писательница 50–51, 428
- Бишамбар Нат Панде** (1906–?), последователь М. Ганди, борец за освобождение Индии 350–351
- Благинина Елена Александровна** (1908–1989), поэтесса 108, 117, 177
- Благой Д. Д.*** 131, 138, 169, 216
- Бланк Александр Дмитриевич** (1799–1870), врач, отец М. А. Ульяновой, матери В. И. Ленина 452; 577
- Блейк У.*** 246, 337, 380, 393
- Блинов Евгений Владимирович** (?–1969), зав. редакцией художественной литературы издательства «Прогресс» 498
- Блинчевская Минна Яковлевна** (1921–1996), специалист по русской литературе XIX–XX вв., редактор Гослитиздата 110, 128, 134
- Блок (Менделеева) Л. Д.*** 173, 365–366
- Блок А. А.*** 5, 38, 61, 73, 78, 89, 104, 206–208, 211, 218, 220–223, 226–228, 245, 254, 265, 280, 289, 305, 314, 320, 365–366, 389, 438, 449, 458–460, 462, 467, 477, 481, 483, 487, 500, 528, 538, 542–543; 587
- Блок Георгий Петрович** (1888–1962), архивист, редактор, прозаик, переводчик 53
- Блэйк, см. Блейк У.**
- Боборыкин П. Д.*** 464
- Бобров Виктор Алексеевич** (1842–1918), гравер, живописец 461
- Бобров Сергей Павлович** (1889–1971), поэт, переводчик, художник 418
- Богданович А. А., Шура*** 7, 51, 413; 548
- Богданович В. А.*** 413
- Богданович Т. Ал.*** 7, 53, 133, 216, 487–488; 548
- Богданович Т. Ан.*** 413
- Богомолец А. А.*** 473
- Богораз Лариса Иосифовна** (1929–2004), первая жена Ю. Даниэля 454, 515, 521; 578, 582
- Богословская Мария Павловна** (1902–1974), переводчица, жена С. П. Боброва 387
- Богословский Никита Владимирович** (1913–2004), композитор 63, 348
- Богословский Николай Вениаминович** (1904–1961), литературовед, автор работ о Н. Г. Чернышевском и И. С. Тургеневе 102
- Богуславская Екатерина Трофимовна**, одесская преподавательница 31
- Богуславская Зоя Борисовна** (р. 1924), писательница, жена А. А. Вознесенского 432, 502, 508
- Бодлер Шарль** (1821–1867), французский поэт 443, 531
- Бодров Михаил Федорович** (1903–1988), посол СССР в Израиле (1958–1964) 317; 566
- Бокль Г.-Т.*** 31
- Болдырев Иван Сергеевич**, директор склада лесоматериалов 237–238
- Бондарева Т. И.** 577
- Бонди Наталья Владимировна**, жена С. М. Бонди 140
- Бонди С. М.*** 91, 119, 131, 137–139, 155, 186, 216, 251, 313, 349–350, 392–393, 418, 427
- Бонецкий Константин Иосифович** (р. 1914), редактор издательства «Художественная литература» 204, 253, 418, 514–515
- Бонч-Бруевич В. Д.*** 17–18, 120, 151
- Бонье Софья Павловна** (?–1921), член ялтинского благотворительного общества, знакомая А. П. Чехова 74
- Боровой Лев Яковлевич** (1900–1970), лингвист 88
- Боронина Е. А.*** 164, 176; 558, 586
- Борщаговский Александр Михайлович** (1913–2006), писатель, критик 399
- Борщевский Соломон Самойлович** (1895–1962), литературовед 110
- Босвелл Д.*** 186
- Боткин В. П.*** 394
- Брайнина Берта Яковлевна** (1902–1984), критик 95, 162, 455
- Браун Николай Леопольдович** (1902–1975), поэт 8
- Браунинг Р.*** 308, 329, 331
- Брежнев Леонид Ильич** (1906–1982), государственный и партийный деятель 323, 427, 442, 507
- Бременер Макс Соломонович** (1926–1983), детский писатель 558
- Бриан А.*** 183
- Брик Л. Ю.*** 7–8, 145, 215, 285, 388–389, 410, 426, 508, 522; 546

Брицке Эдгар Викторович
(1877–1953), академик, химик-технолог 81–82

Бровман Григорий Абрамович
(1907–1984), критик 94

Бродская Лидия Исааковна
(1910–1991), художница, дочь И. И. Бродского 275

Бродский И. И.* 13, 15

Бродский Иосиф Александрович
(1940–1996, умер за границей), поэт 380, 382–383, 390–391, 398, 404, 411, 414, 416, 427; 571, 588

Бродский Николай Леонтьевич
(1881–1951), литературовед 82, 116

Бронте Шарлотта (1816–1855), английская писательница 482

Бронштейн Матвей Петрович
(1906–1938, расстрелян), физик-теоретик, автор научно-художественных книг для юношества, муж Л. К. Чуковской 48, 52, 258; 547–548, 584–585

Брунинг, см. Браунинг Р.*

Бруни Нина Константиновна
(1900–1989), дочь К. Д. Бальмонта, жена художника Л. А. Бруни 201

Бруно Джордано (1548–1600), итальянский философ и поэт 342

Брусянин В. В.* 309

Бруштейн Александра Яковлевна
(1884–1968), писательница 452

Брюсов В. Я.* 19, 52–53, 174, 248–249, 274, 289, 319, 405, 458, 463, 467–469, 471, 525; 559, 585

Бруннов Михаил Семенович
(1909–1983), писатель 155, 166, 173

Бубеннова Валентина, жена М. С. Бубеннова 155

Бубнов А. С.** 16–17, 20

Будберг (Бенкендорф*) М. И. 178, 327–328, 336, 344–345, 364, 367, 373, 377, 420, 423

Буденный С. М.** 17, 142, 291, 520

Букowski Владимир Константинович (р. 1941), правозащитник 453; 577–578

Булгаков М. А.** 220, 417, 423–424, 517, 529

Булгакова Елена Сергеевна
(1893–1970), жена М. А. Булгакова 517

Булганин Николай Александрович
(1895–1975), в 1955–58 гг. председатель Совета Министров СССР 264, 381, 417

Булгарин Ф. Б.* 109, 449

Бунин И. А.* 5, 87, 207, 234, 386, 394, 399, 431, 437, 444–445, 451, 465–473, 476–477, 497, 535; 579, 589

Бунин Павел Львович (1927–2008), художник 111, 158

Бурбоны, королевская династия во Франции 213

Бургман Алексей Васильевич, врач 184, 211

Бурденко Николай Нилович
(1876–1946), хирург 388

Бурлюк Д. Д.* 215, 274

Бурсов Борис Иванович (1905–1997), литературовед 152

Бурцев В. Л.* 109

Бутковская Наталья Ильинична
(1878–1948), актриса, издатель, антрепренер 424

Бутягина Александра Михайловна
(1883–1920), дочь В. Д. Розановой, падчерица В. В. Розанова 458

Бухарин Н. И.** 13; 546

Бухова Е. Б.* 75, 404, 533

Бычков Сергей Петрович (?–1953, покончил с собой), главный редактор Гослитиздата, специалист по творчеству Л. Н. Толстого 116

Быковенен Дж.-У.* 492

Бэкон Френсис (1909–1992), английский художник 337

Бюргер Готфрид Август (1747–1794), немецкий поэт, автор баллады «Ленора» 61; 549

Бялик Борис Аронович (1911–1988), литературовед 257

Вавилов Николай Иванович
(1887–1943, погиб в заключении), академик, биолог 348

Вавилов Сергей Иванович
(1891–1951), академик, физик 53

Важа Пшавела (1861–1915), грузинский поэт 261

Валерия Осиповна, см. Зарахани В. О.

Ван Гог В.** 530

Варшавский Яков Львович (1911–2000), кинокритик, журналист 559

Варя, Варенька, см. Роговина В. А.

Василевская Ванда Львовна
(1905–1964), писательница 67, 88, 229

Василевский И. М. (Не-Буква)* 323

Василенко Владимир Харитонович
(1897–1987), врач-терапевт 497, 507

Василий Прокопович, дворник 237, 242–243

Васильев Петр Васильевич (1899–1975), художник 47, 72, 351; 550

Васильев Сергей Александрович (1911–1975), поэт 214

Васильева (Черубина де Габриак) **Е. И.**** 494

Васильева Раиса Родионовна (1902–1938, расстреляна), писательница 276, 371

Васнецов Ю. А.** 250, 254, 401–402; 584

Васьковский Владимир, медицинский работник 210

Ватова Е., руководитель детских учреждений Министерства сельхозмашиностроения 554

Введенский А. И. (митрополит)** 76–77

Введенский А. И. (поэт)** 371

Веберы Лев Григорьевич и Полина Наумовна, знакомые К. Ч. 81, 117

Веденев Борис Евгеньевич (1884/85–1946), академик, гидроэнергетик 81

Вейл (Weil) Ирвин (р. 1928), американский славист, специалист по Горькому 364, 502

Великанова Е. М., правозащитница 575

Венгеров С. А.* 482–483

Венгерова З. А.* 464, 483

Венгров Н.* 8–10

Вентцель (псевд. Бенедикт) Николай Николаевич (1855–1920), поэт, критик 462–463

Вера Степановна, см. **Арнольд В. С.**

Вербицкая А. А.* 265

Вересаев В. В.** 17

Верн Ж.* 42; 547

Верт (Werth) Александр (1901–1969), английский журналист, автор книги «Россия в войне» 442–443, 454–455

Вершигора Петр Петрович (1905–1963), писатель, генерал-майор 85

Веснин Виктор Александрович (1882–1950), архитектор 117

Веснины, архитекторы, братья **Виктор Александрович** и **Александр Александрович** (1883–1959) 33

Вигдорова Фрида Абрамовна (1915–1965), писательница 203, 206, 224, 259, 303, 375, 382, 397–398, 404–405, 416, 436–437, 503; 561, 570, 573, 576

Вилькина-Минская (Виленикина) Л. Н.* 457–458

Вильмонт (Вильям-Вильмонт) Николай Николаевич (1901–1986), литературовед, переводчик 91, 204, 311

Винавер Максим Моисеевич (1863–1926, умер за границей), адвокат, редактор журнала «Вестник права» 278

Виноградов А. К.* 43

Виноградов В. В.** 79–81, 120, 133, 172, 263, 270, 286–287, 351, 402, 412, 422; 556, 574

Виноградов Иван Матвеевич (1891–1983), академик, математик 79

Виноградова (Малышева) Надежда Матвеевна (1894–1990), пианистка, жена В. В. Виноградова 79, 412

Виноградская Софья Семеновна (1904–1964), писательница 243

Винокур Григорий Осипович (1896–1947), языковед, литературовед 139

Винокур Татьяна Григорьевна (1924–1992), лингвист 351, 427

Винокуров Евгений Михайлович (1925–1993), поэт 355

Вирта Ирина Ивановна (1909–1991), первая жена Н. Е. Вирты 56–57, 61, 168

Вирта Николай Евгеньевич (1906–1976), писатель 52, 56–57, 60, 71, 122, 168, 295; 559

Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951), писатель, драматург 89, 305; 553

Владимир Федорович, см. **Попов В. Ф.**

Владимирова Татьяна Александровна, служащая Наркомпроса в Ташкенте 60

Владыкин Григорий Иванович (1909–1983), литературовед, директор Гослитиздата 348

Власов Михаил Федорович (?–1965), сотрудник Госплана РСФСР 251–253

Вовси Мирон Семенович (1897–1960), профессор-кардиолог 43, 183, 253

Воеводин Петр Иванович (1884–1964), старый большевик, литературно-издательский работник 384

Вознесенский (Бродский) А. С.* 506

Вознесенский Андрей Андреевич (1933–2010), поэт 348, 428, 432, 460, 502, 505, 507–508

Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962), академик, историк 111

Волжина-Гроссет Наталья Альбертовна (1903–1981), переводчица 397

Волкова Наталья Борисовна (р. 1924), директор ЦГАЛИ 424

Волконская 513

Волошин М. А.* 101, 162; 557–558

Волошина М. С.** 162, 471; 558

Волынский А.* 342

Вольпе Ц. С.* 45

Вольпина Надежда Давыдовна (1900–1998), переводчица 265

Вольтер М.-Ф.* 72, 308

Вольф Фридрих (1888–1953), немецкий писатель, эмигрировавший в 1933 г. в СССР 83

Воровский В. В.* 292

Ворожейкин Евгений Минаевич (1926–1976), юрист, директор Юриздата 389

Воронков Константин Васильевич (1911–1984), в 1959–1979 гг. секретарь правления СП СССР 241, 442, 446

Воронкова Любовь Федоровна (1906–1976), писательница 177

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), князь, генерал-фельд-маршал, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор 31

Ворошилов К. Е.** 13, 19, 54, 138, 232, 376, 379, 381, 520

Ворошилова Елизавета Давыдовна (1887–1959), жена К. Е. Ворошилова, зам. директора Музея В. И. Ленина 379

Воскресенская Цецилия Александровна (1923–2006), актриса, преподавательница 269, 311–312, 315

Воскресенский Семен Николаевич, сельский учитель и поэт 536

Врубель М. А.* 35, 463, 530

Вульф (Вревская) Евпраксия Николаевна (1809–1883), дочь П. А. Осиповой, близкая приятельница А. С. Пушкина 216

Вучетич Евгений Викторович (1908–1974), скульптор 295

Выготский Лев Семенович (1896–1934), психолог 414; 573

Высотская Ольга Николаевна (1885–1966), актриса 319–320

Высотский Орест Николаевич (1913–1992), сын Н. С. Гумилева и О. Н. Высотской, экономист 319–320

Вышинский А. Я.** 178, 191, 346; 584

Вяземский П. А.* 175

Габбе Т. Г.** 7, 137, 178, 185, 201, 260, 302, 316, 337–338, 393, 456, 496; 564, 568

Гагарин Юрий Алексеевич (1934–1968), первый летчик-космонавт 336, 345, 417

Газзлитт, см. **Hazzlitt**

Гаксли (Хаксли) Олдос (1894–1963), английский писатель 193

Галактионов, см. **Лактионов**

Галансков Юрий Тимофеевич, (1939–1972), архивист, поэт, подписанный на «процессе 4-х» 454; 577–578

Галлахер (Gallacher) Уильям (1881–1965), деятель английского и международного рабочего движения 295

Галин (наст. фам. **Рогалин**) **Борис Абрамович** (1904–1983), писатель, журналист 498

Галич Александр Аркадьевич (1918–1977, умер за границей), поэт, драматург, автор песен 433–434

Галкин Илья Саввич (1898–1990), историк, ректор МГУ 80

Галкин Самуил Залманович (1897–1960), еврейский поэт и драматург 229

Галь Нора Яковлевна (1912–1991), переводчица 415

Гальперин Юрий Мануилович (1918–2000), журналист 500

Галя, см. **Киселева (Кулаковская) Г. А.**

Гамзатов Расул Гамзатович (1923–2003), поэт 374–375, 425, 456

Гамсун К.* 38, 155; 557

Ганди Мохандас Карамчанд (1869–1948), один из лидеров и идеолог индийского национально-освободительного движения 292

Ганфман М. И.* 405
Ганфман (Аносова) Екатерина Алексеевна (1883–?, умерла за границей), вдова М. И. Ганфмана* 405
Гарibaldi Джузеппе (1807–1882), итальянский революционер 108
Гарди Т.* 75
Гаркави Александр Миронович (1922–1980), некрасовед 132; 580
Гаркави Михаил Наумович (1897–1964), актер, с 1922 г. эстрадный конферансье 65, 92
Гарнетт Констэнс (1862–1946), английская писательница, переводчица русской литературы 522
Гаршин В. М.* 500, 531
Гаско Софья Яковлевна, учительница в одесской школе 31
Гатов Александр Борисович (1899–1972), поэт, переводчик 419
Гауптман Герхард (1862–1946), немецкий писатель 485
Гаусман (Hausman), см. Housman A.-E.
Гвоздев Александр Николаевич (1892–1959), филолог, чл.-корр. АПН РСФСР 208
Гегель Г.-В.-Ф.* 198
Гейне Г.* 5, 72, 394
Гейтскел Хью (1906–1963), лидер лейбористской партии Великобритании 333
Геннадий Матвеевич, см. Белов Г. М.
Георг V (1865–1936), английский король 308, 335; 565
Георгиевская Сусанна Михайловна (1916–1974), писательница 175, 185; 559
Герасимов А. М.** 49, 204–205, 295, 348, 356, 504, 530
Герасимов Михаил Михайлович (1907–1970), археолог, антрополог и скульптор 123
Герасимов Сергей Васильевич (1885–1964), художник 49, 135
Герасимова В. А.* 214
Гервег Георг (1817–1875), немецкий поэт и публицист 218, 286
Герд, см. Струве А. А.
Гердт Елизавета Павловна (1891–1975), балерина, педагог 389
Германович Вера, корреспондентка А. Блока 222
Гернет Михаил Николаевич (1874–1953), ученый-криминалист 72

Гернет Нина Владимировна (1904–1982), детская писательница 36
Герцен А. И.* 33, 197, 218, 285–286, 310, 320, 399, 409, 443, 446, 473–474, 516; 566, 571, 579
Герцен Н. А.* 286
Герштейн Эмма Григорьевна (1903–2002), историк литературы, мемуаристка 581
Гёте И.-В.* 140, 147, 161, 217, 249, 253, 268, 394, 438
Гидаш Агнеса, см. Кун А.
Гидаш Антал (1899–1980), венгерский писатель 259–260
Гидони Александр Иосифович (1885–1943?), критик, журналист, прозаик, драматург, переводчик 365
Гиллер И. Г.** 249
Гин Моисей Хаймович (1919–1984), критик, литературовед 132, 134
Гинзбург Александр Ильич (1936–2002, умер за границей), журналист, общественный деятель, правозащитник 454; 575, 578
Гинзбург (Гинцбург) Г. О.* 332
Гинзбург Л. Я.** 507–508
Гинзбург Светлана 323
Гиппиус З. Н.* 309, 460, 529; 552
Гиппиус Александр Васильевич (псевд. А. Надеждин, 1878–1942), юрист, поэт 222
Гитлер А.** 66, 77, 82, 87, 117, 189, 344
Гитович А. И.** 426
Гладков Федор Васильевич (1883–1958), писатель 66, 79, 150, 262–263, 274, 529
Глібов, Глебов Леонид Иванович (1827–1899), украинский поэт-баснописец 31
Глинка Михаил Иванович (1804–1857), композитор 88, 91, 136; 553
Гломер В. И.** 303, 337, 379, 392, 405–406, 432, 445, 510, 514–515, 538–539, 543
Глуценко Иван Евдокимович (1907–1987), академик ВАСХНИЛ, биолог 133
Гоголь Н. В.* 31, 101–102, 127, 130, 137, 166, 203, 208, 270, 274, 357, 417, 438, 504; 579, 586
Гойя Франсиско Хосе де (1746–1828), испанский художник 530

- Голд Майкл (Gold Michael, 1894–1967)**, американский писатель, критик 314
- Голдинг Уильям (1911–1993)**, английский писатель 441
- Голенкина Вера Александровна (1900–?)**, директор Детгиза в 1941–1943 гг. 66
- Голованов Николай Семенович (1891–1953)**, дирижер, аккомпаниатор А. В. Неждановой 49
- Головенченко Федор Михайлович (1899–1963)**, директор Гослитиздата, литературовед 92, 105
- Головин А. Я.* 531**
- Голово Арсений Григорьевич (1906–1962)**, военачальник, адмирал 280, 304
- Голосовкер Яков Эммануилович (1890–1967)**, писатель, философ 104
- Гольдфельд А. Р.* 190**
- Гольцев В. В.** 102**
- Гомер* 331, 348**
- Гончаров И. А.* 166, 332, 406**
- Горбаневская Наталья Евгеньевна (р. 1936)**, поэт, участница демонстрации против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию, с 1976 г. в эмиграции 582
- Горбатов Борис Леонтьевич (1908–1954)**, писатель 89, 163
- Горбунов Иван Федорович (1831–1895)**, актер Малого и Мариинского театров, писатель-юморист, исполнитель народных песен 36
- Горбунов Н. П.** 18, 43**
- Гордон Соня, см. Гринберг Р.**
- Горелик Геннадий Ефимович (р. 1948)**, историк науки 547
- Городецкий Михаил М., врач-терапевт, организатор детского дома в Ворзеле под Киевом 23**
- Городецкий С. М.* 207, 451**
- Горчаков Александр Михайлович (1799–1883)**, дипломат, канцлер, лицейский товарищ А.С. Пушкина 38
- Горький М.* 6, 9, 15, 21, 30, 36, 38, 44, 52–53, 67, 74, 85–86, 117, 128, 130, 135–136, 138, 142, 150–152, 154, 166, 172, 174–176, 178, 206, 218, 231, 249, 252, 256–260, 264, 269, 274, 327–328, 335, 342, 344, 352, 364, 380, 383, 386, 405, 420, 449, 461, 465, 468, 470–471, 481–482, 488–489, 491–492, 494, 514, 530–531; 556, 559, 579, 585**
- Грабарь И. Э.* 13, 49, 101, 123, 274; 555**
- Граве Александр Константинович (1920–2010)**, актер, муж Д. М. Пешковой 145
- Гранат, братья Александр Наумович (1861–1933) и Игнатий Наумович (1863–1941)**, издатели 482
- Грановский Т. Н.* 532**
- Грачев Леонид Павлович (1907–1984)**, с 1949 г. начальник Главного управления полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли 148
- Гребнев Наум Исаевич (1921–1988)**, поэт, переводчик 386
- Гребнева Нозми Моисеевна (р. 1923)**, художница, жена Н. И. Гребнева 386
- Греков Митрофан Борисович (1882–1934)**, художник-баталист 142
- Грекова И. (наст. имя и фам. Елена Сергеевна Вентцель, 1907–2002)**, писательница, доктор технических наук 444, 456–457, 510; 578, 582
- Гржебин З. И.* 309, 363, 491–493**
- Гржебина М. К.* 491, 493**
- Гржебины Капа*, Буба*, Ляля*, дети З. И. и М. К. Гржебиных 437, 491–493**
- Грибачев Николай Матвеевич (1910–1992)**, писатель, поэт 166, 178–179, 418; 557, 572
- Грибов Юрий Тарасович (р. 1925)**, главный редактор «Недели» 567
- Грибоедов А. С.* 105, 344**
- Григоренко Владимир Васильевич, редактор Гослитиздата 128**
- Григоренко Петр Григорьевич (1907–1983, умер за границей)**, генерал, правозащитник 454
- Григорьев Б. Д.* 529**
- Гринберг Иосиф Львович (1906–1980)**, писатель, критик 214
- Гринберг Роман Николаевич (1897–1969)**, редактор-издатель альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк), писавший К. Чуковскому под псевдонимом Соня Гордон 412
- Гринвуд Джеймс (1833–1929)**, писатель 543
- Громов М. М.** 39, 256**

Громова Вера Алексеевна (1890–?), сестра Н. А. Пешковой 44

Громько Лидия Дмитриевна, жена А. А. Громько 376

Громько Андрей Андреевич (1909–1989), министр иностранных дел 282, 376

Гроссман Ольга Михайловна (1907–1976), жена В. С. Гроссмана 273

Гроссман Василий Семенович (1905–1964), писатель 63, 88, 90, 166, 198, 273, 305, 307, 400; 553, 558, 564–565

Гроссман Л. П. ** 243, 440

Грот Н. Я. * 188

Грудинина Наталья Иосифовна (1918–1999), поэт 404

Грудцова (урожд. Наппельбаум) **Ольга Моисеевна** (1905–1982), критик, литератор 261

Груздев И. А. * 96

Грузенберг С. О. ** 494

Гудзий Николай Калининнович (1887–1965), академик, литературовед 116–117, 119, 146–147, 151, 166, 216, 243, 411, 415; 557–558

Гудзий Татьяна Львовна, жена Н. К. Гудзия 216

Гулыга Елена Арсеньевна (р. 1947), поэтесса 355

Гулька, см. **Чуковский Н. Н.**

Гумилев Л. Н. ** 52, 204, 296, 320; 548, 576

Гумилев Н. С. * 75, 167, 319, 351, 368–369, 371, 404, 423, 426–427, 430, 447, 488–489, 501, 520, 524, 529

Гурамишвили Давид (1705–1792), грузинский поэт 261

Гурвич Абрам Соломонович (1897–1962), литературный и театальный критик 88

Гуревич А. ** 36

Гуревич (Веллер-Гуревич) Елена Григорьевна, вдова секретаря С. Орджоникидзе 153

Гус Михаил Семенович (1900–1984), критик 88

Гусева Екатерина Викторовна (?–1974), киевская знакомая К. Ч. 265

Густав VI Адольф (1882–1973), король Швеции 337

Гюго В.-М. * 148

Гюисманс Шарль Мари Жорж (1848–1907), французский писатель 491

Д’Анджело Сержио, итальянский журналист 217; 561

Давыдов Зиновий Самойлович (1892–1957), автор исторических повестей и романов 313

Давыдов Иван Андреевич, редактор изд-ва «Детская литература» 207

Даладье Эдуард (1884–1970), французский политический деятель 342

Даль В. И. * 217

Дальцева Магдалина Зиновьевна (1907–1980-е), писательница, жена Н. С. Атарова 538

дама Шура, см. **Андреева А. М.**
Данзас Константин Карлович (1801–1870), секундانت А. С. Пушкина 38

Данилевский Н. Я. * 458

Даниэль Юлий Маркович (1925–1988), поэт, переводчик, прозаик 454, 515, 518; 575, 578

Данте А. * 229, 298

Дарвин Ч.-Р. * 31

Дегтярь Дмитрий Данилович (1909–1982), председатель Госплана РСФСР в 40-е годы, затем зам. председателя Государственного комитета по экономическим связям 272, 274–275

Дейч Б. ** 338

Дейч Г. М. 577

Делоне Борис Николаевич (1890–1980), математик, чл.-корр. АН СССР 520; 582

Делоне Вадим Николаевич (1947–1983, умер за границей), правозащитник, поэт 520–521; 577, 582

Дельвий А. А. * 38, 525

Дембо Николай Григорьевич, худ. редактор ленинградского отделения изд-ва «Искусство» 187

Дементьев Александр Григорьевич (1904–1986), первый заместитель главного редактора журнала «Новый мир» 160–161, 395

Демичев Петр Нилович (1918–2010), секретарь ЦК КПСС 419, 438; 575

Демченко Мария Софроновна (1912–?), агроном 19–20

Державин Г. Р. * 525, 532

Державин Н. С. ** 16–17, 81, 83

Дефо Д.* 16, 55, 108, 156–157, 543
 Джеймс Г.** 73, 251, 260
 Джерманетто Джiovанни (1886–1959), итальянский писатель 291
 Джером К.-Дж.* 477
 Джонсон Бен (Бенджамин) (1573–1637), английский драматург 409
 Джонсон С.** 69, 186, 409
 Джотто ди Бондоне (1266/67–1337), итальянский живописец 205
 Дзержинский Ф. Э.** 101
 Дик Иосиф Иванович (1922–1984), писатель 171–172
 Дикий А. Д.** 75–76
 Диккенс Ч.* 33, 78, 124, 133, 208, 215, 322, 334, 409, 509
 Димитров Георгий (1882–1949), деятель болгарского и международного коммунистического движения 173
 Динамов Сергей Сергеевич (1901–1939, расстрелян), литературовед, редактор журнала «Интернациональная литература» и «Литературной газеты» 86
 Дисней Уолт (1901–1965), американский кинорежиссер-мультипликатор 108
 Дмитриев А., журналист 562
 Дмитриева Анна Владимировна (р. 1940), многократная чемпионка СССР по теннису, впоследствии спортивный комментатор телевидения, жена Д. Н. Чуковского 397, 419, 422, 430, 444–445, 507, 514–516, 519, 526, 534–535, 538, 541; 576
 Добраницкая Е. К.* 309
 Добровольский Алексей Александрович (р. 1939), подсудимый на «процессе 4-х» 454; 577–578
 Добролюбов Н. А.* 227, 363
 Добычин Л. И.** 351, 368, 371
 Довженко Александр Петрович (1894–1956), кинорежиссер, драматург 27–28
 Дойл А.-К.* 54, 209–211, 226, 328, 431
 Долинин А. С.** 276
 Долинина Н. Г.** 404
 Донини Амброджио (1903–1991), итальянский историк религии 298
 Дора Сергеевна, см. Федина Д. С.
 Дорофеев Виктор Петрович (1909–1972), критик, литературовед, редактор Гослитиздата 112

Дорош Ефим Яковлевич (1908–1972), писатель, член редколлегии журнала «Новый мир» 316
 Достоевский Ф. М.* 72, 114, 125, 129, 133, 138, 180–182, 208, 210, 276, 296, 298, 309–310, 326, 338, 348, 398, 420, 449, 475, 496, 530–531; 550
 Драбкина Е. Я.** 309
 Драгунский Виктор Юзefович (1913–1972), писатель 349
 Дракондиди Фемистокл, владелец лавки в Одессе 45
 Дрейден С. Д.** 187, 398, 401, 437–438, 443–444, 448, 499, 504
 Дружинин А. В.** 216, 542
 Друзин Валерий Павлович (1903–1980), критик 244, 282
 Друян Борис Григорьевич (р. 1936), редактор сборника стихотворений Анны Ахматовой для Лениздата 581
 Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862), начальник штаба корпуса жандармов 50, 383
 Дубинский Давид Александрович (1920–1960), художник, муж Тат. Вс. Ивановой 135, 199
 Дубнова (Эрлих) Софья Семеновна (1885–1986), поэтесса 529
 Дубровина Людмила Викторовна (1901–1977), работник ЦК КПСС, директор Детиздата 93, 102, 128
 Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918–1998), писатель 224, 234, 411
 Дункан А.** 92
 Дункан (Dunkan Michael) Михаил Иванович, культурный атташе британского посольства 320
 Дымов О.* 281, 309, 459
 Дюамель Жорж (1884–1966), французский писатель 389
 Дюма А. (отец)* 73
 Дядичев Владимир Николаевич, литературовед 546
 Дятлова Надежда Осиповна, кисловодская знакомая К. Ч. 33–34
 Ева Петровна, домашняя работница 123
 Евгеньев-Максимов В. Е.* 10–12, 98, 103–104, 110, 134, 182, 223
 Евдокимов Иван Васильевич (1887–1941), писатель, автор биографических повестей о русских художниках Врубеле, Левитане, Сурикове, Репине 73

Евпраксия, см. Вульф Е. Н.
Евреинов Н. Н.* 320, 424, 430; 575
Евреинова, см. Кашина-Евреинова А. А.
Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933), поэт 349, 350, 368, 385, 388, 403, 409, 428, 432, 524–527, 533, 536–538, 524–527, 533, 536–538; 572, 575, 582
Евтушенко Зинаида Ермолаевна (1910–2002), геолог, актриса, мать Е. А. Евтушенко 385
Евтушенко Петя (р. 1967), сын Е. А. Евтушенко 533, 537–538
Еголин Александр Михайлович (1896–1959), литературовед 68, 84–85, 95, 98, 103–104, 115–116, 162, 166, 188–189, 193, 197, 199, 252–253, 288, 502
Егоров Ефим Александрович (1861–1935, умер за границей), журналист 309
Егоров Борис Борисович (1937–1994), летчик-космонавт 395; 571
Егоров Борис Федорович (р. 1926), профессор, литературовед 510
Егорычев Николай Григорьевич (1920–2005), с ноября 1962 г. первый секретарь МГК КПСС 399
Ежов Николай Иванович (1895–1940, расстрелян), нарком внутренних дел СССР (1936–38) 8, 338; 546
Ежов Николай Михайлович (1862–1942), беллетрист, фельетонист «Нового времени» 259; 563
Екатерина Викторовна, см. Гусева Е. В.
Екатерина II (1729–1796), российская императрица 30–31, 472
Еланский Николай Николаевич (1894–1964), хирург, в 1947–59 гг. главный хирург Советской Армии 211, 231
Елена Михайловна, см. Тагер Е. М.
Елена Яковлевна, см. Редл Е. Я.
Елизавета II (р. 1926), королева Великобритании 148, 336, 508
Елисеев Г. З.* 89
Елисеев П. 563
Елютин Вячеслав Петрович (1907–1993), в 1959–85 гг. министр высшего и среднего образования 304–305
Емельянов Виктор Федорович, шофер К. Ч. 497

Еремин Михаил Павлович (1914–2000), литературовед 133, 155, 180, 204
Ермаков Н. Д.* 470
Ермаков Федор Тихонович (1886–1967), деятель революционного движения, персональный пенсионер 371
Ермилов В. В.** 73, 95, 150, 168, 170, 325, 359, 365; 553, 561, 568–569
Ермольева Зинаида Виссарионовна (1898–1974), академик АМН СССР, микробиолог 72, 85, 105
Ерусалимский Аркадий Самсонович (1901–1965), историк 117, 133, 172
Ершов Михаил Андреевич, однополчанин Б. К. Чуковского 343
Ершов П. П.** 363; 587
Есенин С. А.** 92, 258, 318, 351, 448
Жаботинский В. Е. (псевд. Алтале-на)* 387, 413–415, 427, 461; 573, 588
Жаров А. А.** 164, 214
Жданов Андрей Александрович (1896–1948), в 1934–44 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, секретарь ЦК ВКП(б) 19, 93, 288, 383; 552, 574
Жданов Владимир Александрович (1898–1971), историк литературы, специалист по творчеству Л. Н. Толстого 558
Жданов Владимир Викторович (1911–1983), литературовед, критик 150, 421; 557
Желдин Л. Б.** 7–8
Желтухин, см. Жолтовский И. В.
Жемчужников Алексей Михайлович (1821–1908), поэт 144, 232–234, 449; 556, 562, 576
Живов Марк Семенович (1893–1962), переводчик, литературовед 225
Живцов Ю. Б. 577
Жид Андре (1869–1951), французский писатель 155
Жирмунская Татьяна Николаевна (1903–1988), художница 32
Жирмунский В. М.** 481, 505
Житков Б. С.* 8, 30, 140–141, 146–147, 154–157, 167, 272, 276, 279, 296, 347, 370, 445, 495; 586
Житков С. В.** 147
Жолтовский Иван Владиславович (1867–1959), архитектор 274
Жуковский В. А.* 65, 528; 549

Журбина Е. И. ** 59

Забила Наталья Львовна (1903–1985), украинская писательница 8

Заболотная Екатерина Васильевна (1906–1997), жена Н. А. Заболотского 102, 273

Заболотский Н. А. ** 82, 96, 102, 216, 224, 227, 234, 249, 261, 269, 273, 283, 320, 356, 371, 374, 415, 421, 524, 529, 532; 566, 573

Зайцев Б. К. * 362, 503

Зайцева Людмила Степановна, сотрудница Главкинопроката 60

Закс Борис Германович (1908–1998, умер за границей), член редколлегии и ответственный секретарь журнала «Новый мир» 395

Залепукина Александра Георгиевна, мед. сестра Инфекционного корпуса Загородной больницы 540

Залыгин Сергей Павлович (1913–2000), писатель 400, 452

Замошкин Николай Иванович (1896–1960), критик 94

Замятин Е. И. * 482, 520, 529; 580–581

Запорожец Александр Владимирович (1905–1981), психолог, доктор педагогических наук 208

Зарахани Валерия Осиповна (1908–1997), секретарь А. А. Фадеева, сестра его жены А. О. Степановой 204

Зарудный Митрофан Иванович (1836–1883), публицист, юрист 284

Заславский Д. И. ** 10–11, 74, 116, 192–193, 197; 560

Засулич В. И. ** 72

Затонский Владимир Петрович (1888–1938, расстрелян), с 1927 г. нарком просвещения Украины 26, 29

Захир Шах Мухаммед (1914–2007), король Афганистана 273; 564

Заходер Борис Владимирович (1918–2000), писатель 307, 310, 323, 396, 419, 446

Збарская Евгения Борисовна (1900–1985), жена Б. И. Збарского 160, 163–164, 177, 364

Збарская Регина (1936–1987), манекенщица, жена Л. Б. Збарского 164

Збарские Б. И. и Е. Б. 53, 81, 96, 100, 167; 586

Збарский Борис Ильич (1885–1954), биохимик, участник бальзамирова-

ния тела В. И. Ленина 54, 71, 74, 96, 100, 117, 160, 163–164, 169, 173, 177, 364

Збарский Виктор Борисович (р. 1942), сын Б. И. Збарского, биохимик 160

Збарский Лев (наст. имя **Феликс Борисович**, р. 1931), сын Б. И. Збарского, художник 54, 160, 163–164

Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969), нарком, затем министр финансов (1938–1960) 150

Зверев Илья (наст. имя и фам. **Изольд Юдович Замберг**, 1926–1966), писатель 143, 368, 397

Звягинцева Вера Клавдиевна (1894–1972), поэтесса, переводчица 91

Зеленая Р. В. ** 114, 135, 310, 361, 392

Зелинская (Жуковская-Бог), Нинель, третья жена Н. Д. Зелинского 83

Зелинский К. Л. ** 71, 91, 188, 219, 270–271, 294, 305, 424, 434; 563

Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953), академик, химик-органик 83

Зелинский Николай Николаевич, сын Н. Д. Зелинского 83

Зернова Руфь Александровна (1919–2004), писательница 380, 521

Зерчанинов Юрий Леонидович (1931–2009), журналист 576

Зильбер Абель Абрамович, отец В. А. Каверина и Л. А. Зильбера, капельмейстер полкового оркестра 232

Зильбер Л. А. ** 119

Зильберштейн И. С. ** 71, 80, 82–83, 98, 109, 116, 131, 172–173, 189, 223, 252, 285–288, 321, 330, 424, 503, 522; 555, 564

Зинаида Виссарионовна, см. **Ермольева З. В.**

Зинаида Владимировна, см. **Каширина З. В.** *

Зиновьев Г. Е. * 306; 550

Златова Елена Викторовна (1906–1968), критик, жена С. П. Щипачева 422

Злобин Степан Павлович (1903–1965), писатель 138, 171–172, 305

Зозовский Моисей Натанович, директор Ташкентского отделения изд-ва «Советский писатель» 70

- Золя Э.*** 185, 390
Зотов Р. М.** 11
Зошенко В. В.** 200–201, 414
Зошенко М. М.* 41, 69, 87–88, 90–91, 93, 147, 153, 157, 167, 200–204, 212, 228, 249–250, 256–260, 269, 273, 288, 351, 353, 371, 383, 386–390, 394–395, 397–399, 402–404, 411, 414–415, 498; 552–553, 557, 560, 563, 573, 588
Зоя, см. Богуславская З. Б.
Зубакин Борис Михайлович (1894–1938, расстрелян), археолог, поэт-импровизатор 130; 556
Ибсен Г.* 71, 446
Иван IV Грозный (1530–1584), русский царь 29, 68, 93, 255
Иван Иванович, см. Манухин И. И.*
Иваненко Оксана Дмитриевна (1906–1997), украинская писательница 22
Иванищева (урожд. Оболенская) Александра Леонидовна, мать К. М. Симонова 143
Иванов Антон Давыдович (р. 1950), сын Тат. Вс. Ивановой и Д. А. Дубинского 155, 165, 197
Иванов Вс. В.* 67, 135–136, 140, 142–143, 145–146, 151, 157–158, 162, 165–167, 186, 197–199, 209, 213, 215, 218–219, 232, 242, 251, 268–270, 281, 289, 316, 340, 345, 355, 362, 366, 370, 398, 538
Иванов Вяч. И.* 105, 222, 430, 525
Иванов Вяч. Вс., Кома** 61, 135, 166, 186, 213, 270–271, 294–295, 414, 444, 454, 515; 563
Иванов Г. В.* 75
Иванов Евгений Павлович (1879–1942), писатель 222
Иванов М. В.** 355
Иванова Е. В.* 573
Иванова Там. Вл.** 61, 145, 151, 155, 162, 166, 186, 197–199, 202, 209, 213, 219, 251, 253, 261, 270–271, 281–282, 286–287, 289, 294, 355, 379, 410, 428
Иванова Тат. Вс.** 135
Иванова Татьяна Эдуардовна (р. 1925), первая жена Вяч. Вс. Иванова, переводчица 135
Иванов-Разумник Р. В.* 338
Ивантер Бенъямин Абрамович (1904–1942), писатель 219
Ивинская Ольга Всеволодовна (1912–1995), переводчица 215, 269, 281–282, 285–287, 294–295, 336, 340, 347
Ивич Игнатий Игнатьевич (1900–1978), литературовед, критик 133, 224
Игнатович Борис Всеволодович (1899–1976), журналист, фотокорреспондент 547
Игнатьев Алексей Алексеевич, граф (1877–1954), дипломат, писатель 96, 100, 178
Ида, см. Куппонен И. П.
Иетс Уильям Батлер (1865–1939), ирландский поэт и драматург 229
Измайлов А. А.* 363
Изольд Юдович, см. Зверев И. Ю.
Икрамов Камил Акмалевич (1927–1988), писатель 521
Ильин М.** 7–8, 11, 59, 296
Ильин Николай Васильевич (1894–1954), художник-оформитель, заведующий художественной частью Гослитиздата 180
Ильина Елена (наст. имя и фам. **Лия Яковлевна Прейс**, 1901–1964), писательница, сестра С. Я. Маршак 177, 296, 337
Ильина Наталья Иосифовна (1914–1994), писательница 255, 353, 504–505, 514, 534, 536–537; 581, 583
Ильинский И. В.** 384, 403
Ильичев Леонид Федорович (1906–1990), с 1949 г. зам. главного редактора, затем главный редактор газеты «Правда», в 1953–58 гг. зав. отделом печати, в 1958–65 гг. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС 380
Ильф И. А.** 208, 543
Инбер В. М.** 92, 96, 118, 182
Инуи Томико (1924–2002), японская писательница, переведившая сказки К. Чуковского 388
Иогансон Борис Владимирович (1893–1973), художник 273–275
Иофан Ольга Фабрициевна (1883–1963), жена Б. М. Иофана 316
Иофан Борис Михайлович (1891–1976), архитектор 288, 316
Ирвинг (Эрвинг) В.** 217
Ирина Ричардовна, см. Савельева И. Р.
Исаакян А.** 462

Исакович Ирина Владимировна
(р. ок. 1917), сотрудница редакции
«Библиотеки поэта» 524

Исаковская Антонина Ивановна
(1916–1998), жена М. В. Исаковского 550

Исаковский Михаил Васильевич
(1900–1973), поэт 84–85, 117, 167,
323–324, 423; 550–551

Кабалевский Дмитрий Борисович
(1904–1987), композитор 209

Каберов Игорь Александрович
(1917–1995), Герой Советского Со-
юза, прототип персонажа из рома-
на Н. К. Чуковского «Балтийское
небо» 430; 575

Каблуков Иван Алексеевич
(1857–1942), академик, физико-хи-
мик 117

Кавелин К. Д. ** 284

Каверин В. А. * 5–6, 85–86, 88, 119–
120, 128, 153, 156, 158, 164, 183, 185,
199–200, 203, 214, 220–221, 232, 236,
249, 251, 259, 362, 365–366, 397, 403,
415, 430, 450, 452, 500, 505; 545, 559,
562, 569–570, 573, 580–581

Каверин Николай Вениаминович
(р. 1933), академик РАМН, доктор
медицинских наук, сын В. А. Каве-
рина 128

**Каверина (Тынянова) Лидия Нико-
лаевна** (1902–1984), писательница,
жена В. А. Каверина, сестра
Ю. Н. Тынянова 88, 119, 158, 164,
200, 251, 450, 500

Каганович Л. М. ** 19

Казакевич Галина Осиповна, жена
Э. Г. Казакевича 221, 251

Казакевич Евгения Эммануиловна,
Женя (р. 1936), дочь Э. Г. Казаке-
вича 221

Казакевич Ольга Эммануиловна,
дочь Э. Г. Казакевича 221, 236, 361

Казакевич Эммануил Генрихович
(1913–1962), писатель 198, 207,
211–214, 217–218, 221, 226, 235–236,
244, 246, 248, 303, 306–307, 312–313,
317, 323, 328, 350, 362, 385; 563,
566–567

Казин Иван Васильевич, председа-
тель Кунцевского райисполкома
250

Калабалин Семен Афанасьевич
(1903–1972), педагог 206; 561

Калашникова Евгения Давыдовна
(1906–1976), переводчица 204, 206,
387

Калинин М. И. * 55, 65, 101

Калитин Н. (псевд. **Н. Н. Никитина**)
551

Каллистратова Софья Васильевна
(1907–1989), адвокат, правозащит-
ница 518; 582

Кальма Н. (наст. имя и фам. **Анна**
Иосифовна Кальманок,
1908–1988), писательница 360

Каменев Л. Б. * 263

Каминская Дина Исааковна
(1918–2006), адвокат 518; 582

Камю Альбер (1913–1960), француз-
ский писатель, философ 412

Кан Мария Иосифовна (р. 1926),
переводчица 537, 539

Кандинский Василий Васильевич
(1866–1944, умер за границей),
художник 405

Капица Андрей Петрович (1931–2011),
географ, чл.-корр. АН СССР, сын
П. Л. Капицы 250, 323

Капица Анна Алексеевна (1903–
1996), жена П. Л. Капицы, дочь ака-
демика А. Н. Крылова 145, 257, 289,
345–346, 423, 427

Капица П. Л. ** 191, 257, 289, 345–346,
423–424, 427; 575

Капустин Александр Александрович
(1910–1978), директор Ленинград-
ского ин-та точной механики и
оптики (1953–1960) 304

Кара-Мурза Петр Макарович
(1876–ок. 1953), директор санато-
рия «Узкое» в 1936–53 гг. 82

Караваева Анна Александровна
(1893–1979), писательница 69

Карамзин Н. М. * 109

Каркегор (Кьеркегор) Серен
(1813–1855), датский теолог, фило-
соф, писатель 193

Карлайль Генри (1926–2011),
американский писатель,
муж О. В. Карлайль-Андреевой 398

**Карлайль-Андреева Ольга Вадимов-
на** (р. 1930), художница, журналист-
ка, внучка Леонида Андреева 398,
445

Карлейль Т. * (Carlyle T.) 66, 177

Карпенко Галина, редактор Детгиза
53

Карпинская-Толмачева Евгения Александровна, дочь и секретарь А. П. Карпинского 17

Карпинский А. П. ** 17

Карпова Валентина Михайловна (1915–2001), главный редактор издательства «Советский писатель» 517

Кассиль Владимир Львович, Володя (р. 1934), сын Л. А. Кассиля, хирург 534

Кассиль Ирина Львовна (р. 1948), дочь Л. А. Кассиля, художник-мультипликатор 227, 243, 534

Кассиль Лев Абрамович (1905–1970), писатель 101, 121, 133, 176–177, 236–237, 243, 266, 303, 305, 322, 354, 405, 418, 534

Кассиль (Собинова С. Л.) **, жена Л. А. Кассиля 133, 354

Кассирский Иосиф Абрамович (1898–1971), академик АМН, терапевт 528

Катаев В. П. ** 51, 74, 86, 113, 121, 125, 127–131, 142, 146, 150, 154, 162, 164–166, 169, 179, 205, 248, 275–276, 281, 290–291, 315, 320, 325, 344, 350, 353–355, 365, 370, 403, 427, 430, 432, 442–443, 454, 535; 557, 575

Катаев Павел Валентинович, Павлик (р. 1938), сын В. П. Катаева 122–123, 130, 146, 507

Катаев Петр Васильевич, отец В. П. Катаева, учитель истории, географии и русской словесности 129

Катаева Валентина, Тина, внучка В. П. Катаева, дочь Е. В. Катаевой 355

Катаева Евгения Валентиновна, Женя, дочь В. П. Катаева 130, 162, 295

Катаева Эстер Давыдовна, жена В. П. Катаева 113, 121, 150, 162, 432

Катакази Константин Гаврилович (1830–1890), русский посланник в США (1869–1872) 227

Катанян Василий Абгарович (1902–1980), литературовед, муж Л. Ю. Брик 74, 145, 216, 388, 410, 508, 522; 546, 550

Катанян Василий Васильевич (1924–1999), кинодокументалист, литератор, сын В. А. Катаняна 546

Катя, см. Лури Е. Е.

Кацева Евгения Александровна (1920–2005), критик, переводчица 134

Качалов В. И. ** 37, 48, 71, 123, 173
Кашина (Евреиннова) А. А. ** 424; 575

Каширина З. В. ** 135, 199

Кашкин Иван Александрович (1899–1963), переводчик и критик 152, 157, 387

Квитко Берта Самойловна, жена Л. М. Квитко 24–25, 84, 106, 156, 387

Квитко Етл Львовна (1920–1991), дочь Б. С. и Л. М. Квитко, художница 24–25, 156

Квитко Лев Моисеевич (1890–1952, расстрелян), поэт 7–9, 11, 13–14, 21–26, 84, 106, 108, 117, 156, 221, 258, 301–303, 419, 495; 547, 557, 584, 587

Кедров Михаил Николаевич (1893/94–1972), актер, режиссер 157

Кеннеди Джон Фитцджеральд (1917–1963, убит), президент США (1961–63) 338

Керенский А. Ф. * 483–484

Керн А. П. * 202, 513

Кипарский Валентин (1904–1983), профессор славянской филологии Хельсинкского университета 412

Киплинг Дж. Р. * 338, 425, 495, 516–518, 543

Киров С. М. ** 354, 405

Кирпотин В. Я. ** 10–11, 43–44, 48, 83, 391, 393, 523–524; 549

Кирпотина Анна Соломоновна (1899–1982), жена В. Я. Кирпотина 225

Кирсанов С. И. ** 184, 207, 417, 505; 551

Киселев Андрей Петрович (1852–1940), педагог, составитель учебников по математике 445

Киселева Е. А. * 445; 576

Киселева (Кулаковская) Галина Александровна (1937–1974), дочь Ф. А. Вигдоровой, педагог 203

Китс Д. * 53, 496

Клейст Г. ** 53, 130

Климкина Мария Степановна, домашняя работница 535

Ключевский В. О. ** 255

Клячко Л. М. * 99, 165, 277–279, 494–495

Книпович Е. Ф. * 142, 164, 185, 508

- Книппер-Чехова О. Л.*** 74, 174, 535
- Коваленко**, управляющий делами Совнаркома, Ташкент 58–59, 74
- Ковальчик Евгения Ивановна** (1907–1953), литературный критик 95
- Коварский Николай Аронович** (1904–1974), критик, кинодраматург 508
- Ковригина Мария Дмитриевна** (1910–1995), министр здравоохранения СССР в 1954–58 гг. 253
- Коган Борис Борисович** (1896–1967), профессор-терапевт 183
- Коган Иосиф Афанасьевич** 58–59
- Коган П. С.*** 206, 389, 471
- Коган-Нолле Н. А.*** 206, 389
- Кодрянская Наталья Владимировна** (1904–1983, умерла за границей), прозаик, мемуаристка, специалистка по творчеству А. М. Ремизова 349, 432
- Кодрянский Исаак Веняминович**, муж Н.В. Кодрянской 349, 432
- Кожевников Вадим Михайлович** (1909–1984), писатель 245, 305–306, 324–325, 327, 354, 400–401; 564
- Кожевникова Ирина Петровна**, японистка, сотрудница журнала «Советская женщина» 314, 388
- Козловский Иван Семенович** (1900–1993), певец 136, 150, 154, 256, 379
- Козьма Прутков**** 267, 532
- Козьмин Борис Павлович** (1883–1958), историк, литературовед 102, 110, 135, 150, 197
- Кокто Жан** (1889–1963), французский писатель, художник, театральный деятель 337
- Колас Якуб** (1882–1956), белорусский поэт 142, 377
- Колер Дэвид Фой** (1908–1990), американский посол в Москве 355; 568
- Коллинз Майкл** (р. 1930), американский астронавт 535–536; 583
- Коллоди Карло** (1826–1890), итальянский писатель и журналист, автор детской сказки «Пиноккио» 235; 563
- Колосков А.** 551, 580–581
- Колосов Сергей Николаевич** (1921–2012), кинорежиссер 172
- Колпаков А. П.**, автор статьи против «Мухи-Цокотухи» 301
- Кольцов М. Е.**** 13, 197, 371
- Кома**, см. **Иванов Вяч. Вс.**
- Комаров Владимир Михайлович** (1927–1967), летчик-космонавт 395; 571
- Комашка Антон Михайлович** (1897–1970), художник, ученик И. Е. Репина 473
- Комияма Рионей**, глава японского издательства «Рирон-ша» 524
- Компаниец Василий Георгиевич**, главный редактор Детиздата 437
- Кон Лидия Феликсовна** (1895–?), литературовед 85, 327
- Кон Ф. Я.**** 173
- Конашевич В. М.**** 8, 11, 15, 18, 62, 94, 101–102, 105, 164, 167, 180, 205, 207, 210, 245–246, 248, 254, 302, 363; 587
- Конашевич Евгения Петровна**, жена В. М. Конашевича 245, 302
- Кондратович Алексей Иванович** (1920–1984), критик, зам. главного редактора журнала «Новый мир» 550
- Кондратьев Александр Алексеевич** (1876–1966, умер за границей), поэт, юрист 462
- Коневский Виктор Абрамович**, врач, лечивший Л. К. Чуковскую 507
- Коненков Сергей Тимофеевич** (1874–1971), скульптор 145–146
- Кони А. Ф.*** 72, 97, 129, 183, 223, 226, 379, 389–390, 394, 415, 445, 483, 541; 583
- Коновалов Николай Васильевич** (1900–1966), академик, невропатолог 194
- Коновалов Сергей Александрович** (1899–1982), английский славист, профессор Оксфорда, сын министра торговли и промышленности Временного правительства 318, 329–331, 413, 523
- Коновалова Янина**, жена С. А. Коновалова 330
- Константин Федотыч**, см. **Пискунов К. Ф.**
- Кончаловская** (урожд. **Сурикова**) **Ольга Васильевна** (1878–1958), жена П. П. Кончаловского 100
- Кончаловская Наталья Петровна** (1903–1988), писательница, дочь П. П. Кончаловского, жена С. В. Михалкова 71–72, 75–76, 339

- Кончаловские** 145
- Кончаловский Петр Петрович**
(1876–1956), художник 72, 100, 108
- Конюс Елена Александровна**, знаковая К. Ч. 71
- Конюхова Елена Николаевна**
(1916–1982), зам. редактора отдела критики и библиографии издательства «Советский писатель» 497, 518–519; 580
- Копелев Лев Зиновьевич** (1912–1997, умер за границей), критик-германист, правозащитник 341, 371, 398, 500; 568
- Копелевы, Л. З. и его жена Р. Д. Орлова** 341
- Копельман С. Ю.*** 309, 491
- Копшицер Марк Исаевич**
(1923–1970-е), писатель 457, 461; 579
- Копыленко Александр Иванович**
(1900–1959), украинский писатель 8
- Коржавин Наум Моисеевич** (р. 1925), поэт 355
- Корин Павел Дмитриевич**
(1892–1967), художник 135
- Корнейчук Александр Евдокимович**
(1905–1972), украинский драматург 19, 63, 88–89, 184, 505; 553, 581
- Корнейчукова Е. О.*** 36, 218, 319, 377–378
- Корнейчукова (Лури) М. Э.*** 30, 95, 97, 218, 378
- Корнилов Б. П.**** 15, 320; 566
- Корнилов Владимир Николаевич**
(1928–2002), поэт 349, 355; 582
- Коровин К. А.*** 14, 470, 472
- Короленко В. Г.*** 124, 150, 152, 172, 247, 292, 298, 368, 376, 407, 464, 508, 515, 535
- Коротков Юрий Николаевич**
(1924–1989), зав. редакцией издательства «Молодая гвардия» 321, 364
- Косарев Александр Васильевич**
(1903–1939, расстрелян), генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, член ЦК ВКП(б) 7–10, 19
- Косиор Станислав Викентьевич**
(1889–1939, расстрелян), генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины (1928–38) 29
- Косолапов Валерий Алексеевич**
(1910–1982), директор Гослитиздата 380, 387, 401, 429; 572
- Костомаров Виталий Григорьевич**
(р. 1930), лингвист 427
- Костылев Валентин Иванович**
(1884–1950), писатель 93
- Костюков Борис Иванович, Боба**
(1956–2007), правнук К. Ч. 219–220, 254–256, 300
- Костюков Иван Гаврилович**
(1921–2007), летчик, муж внучки К. Ч. Натальи Николаевны 255
- Костюков Юрий Иванович, Юра**
(р. 1956), правнук К. Ч. 219–220, 254–255, 300
- Костюкова** (урожд. Чуковская Н. Н., Тата**) 22, 28, 40, 67, 70–71, 88, 115, 133, 151, 156, 185, 219–220, 254–256, 422
- Костюкова Мария Ивановна, Маша**
(р. 1950), правнучка К. Ч. 116, 151–152, 186
- Костя, Костенька**, см. Роговин К. А.
- Косыгин Алексей Николаевич**
(1904–1980), с 1964 г. Председатель Совета Министров СССР 191, 435, 499
- Косырев Игорь Александрович**, больничный сосед К. Ч. 531
- Котляревский Н. А.*** 513
- Котов Анатолий Константинович**
(1909–1956), литературовед, с 1948 г. директор Гослитиздата 116, 190, 204, 219
- Кочетов Всеволод Анисимович**
(1912–1973), писатель 281–282, 308, 324–325, 327, 374, 418
- Крамской И. Н.*** 211–212
- Крандиевская А. Р.**** 393
- Крандиевская Н. В.**** 141, 479
- Краснова Софья Петровна** (1919–?), редактор Гослитиздата 247, 326, 392, 400, 453, 457, 497, 508, 510, 514–515, 517, 543
- Крачковский И. Ю.**** 127
- Крейтон Кембел** (1914–1990), генеральный секретарь Общества культурных связей СССР–Англия 333
- Крестинский Александр Алексеевич**
(1928–2005), писатель 500
- Кривицкий Александр Юльевич**
(1910–1986), зам. главного редактора журнала «Новый мир», журналист 94, 217, 368–369; 562, 570
- Кривошеин Константин Кириллович**, участник «дела Еголина–Александрова–Кружкова» 190

Кристесен Нина Михайловна (1911–2001), австралийская славистка 523, 525

Кристи Агата (1890–1976), английская писательница 144, 282–283, 320, 423, 498

Кромвель Оливер (1599–1658), деятель английской буржуазной революции 335

Крон Александр Александрович (1909–1983), писатель, драматург 225, 227, 348

Кропоткин П. А. * 482–487

Кропоткина А. П. * 483, 486–487

Кроткий Эмиль (1892–1963), поэт-сатирик 490

Круглов Александр Васильевич (1852–1915), писатель 477

Кружков Владимир Семенович (1905–1991), философ, член-корреспондент АН СССР, зам. зав. отделом ЦК КПСС 188

Крупская Н. К. * 20, 101, 213

Крути Исаак Аронович (1890–1955), театральный критик 187

Крученых А. Е. * 505

Крушинин Ал. Ник., партийный работник, старый большевик 297–298

Крушинский Сергей Константинович (1909–1959), журналист, писатель 552, 585

Крылов Алексей Николаевич (1863–1945), академик, кораблестроитель 346

Крылов И. А. * 31, 125, 314, 333

Крысин Леонид Петрович (р. 1935), лингвист 351, 353

Крюков Владимир Викторович (1897–1959), генерал, муж Л. А. Руслановой 177

Крючков П. П. * 36, 328

Кудреватых Леонид Александрович (1906–1981), писатель, журналист 344

Кузмин М. А. * 177, 289, 481, 490

Кузьмин Ар. 546

Кузьмин Николай Васильевич (1890–1987), художник-иллюстратор, ученик С.В. Чехонина 383–384, 402

Кузьмин-Караваев (Тверской) Константин Константинович (1890–1937, расстрелян), артист, участник театральных экспромтов в «Бродячей собаке», друг Л. Д. Блок 365

Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (1891–1945), поэтесса, участница французского сопротивления, мать Мария 500

Куйбышев В. П. * 17; 581

Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868), писатель 50

Кукрыниксы (псевд. художников **Купреянова Михаила Васильевича**, 1903–1991, **Крылова Порфирия Никитича**, 1902–1990 и **Соколова Николая Александровича**, 1903–2000) 256, 258

Кульбин Н. И. * 476

Кун Агнесса (1915–1990), переводчица, дочь Б. Куна, жена А. Гидаша 259–260, 262

Кун Бела (1886–1938, расстрелян), деятель венгерского и международного коммунистического движения 262

Кун Николай Николаевич, хирург, сын Б. Куна 262

Купала Янка (наст. имя и фам. **Иван Доминикович Луцевич**, 1882–1942, убит), белорусский поэт 17, 19, 142

Купнонен Ида Петровна, домашняя работница Л. К. Чуковской 45

Куприн А. И. * 38, 105, 166, 206–207, 260, 309, 320–321, 372, 394, 399, 425, 445, 456, 465, 473, 487, 496–497; 589

Куприна-Иорданская М. К. * 38, 105, 119, 206–207, 309, 425

Курашов Сергей Владимирович (1910–1965), министр здравоохранения РСФСР в 1955–59 гг. 253; 563

Кустодиев Б. М. * 531

Кушев Евгений Игоревич (1947–1995, умер за границей), историк, поэт, правозащитник 577

Кэйден Евгений Марк (1886–1984), американский переводчик русской литературы 446

Кэрролл Льюис (наст. имя **Чарлз Латуидж Доджсон**, 1832–1898), английский писатель, математик, логик 330, 419

Кюстин Астольф де, маркиз (1790–1857), французский литератор 355

Кюхельбеккер В. К. * 11, 38, 52

Лавренев Б. А. * 282

Лаврецкий А. (наст. имя и фам. **Иосиф Моисеевич Френкель**, 1893–1964), литературовед 116

Лагардель Юбер (1874–1958), французский общественный деятель и экономист, один из основателей Социалистической партии Франции 263

Лазурский В. Ф.* 483

Лактионов Александр Иванович (1910–1972), художник 356, 400, 530; 571–572

Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993), критик 550

Лалин Борис Матвеевич (1905–1941), писатель 403

Лалин Сергей Георгиевич (1912–1990), в 1962–65 гг. зам. министра иностранных дел СССР 381

Ласкин Борис Савельевич (1914–1983), поэт, прозаик, драматург, автор «Песенки фронтового шофера» 120; 556

Ласкина Евгения Самойловна (1914–1991), заведующая отделом поэзии журнала «Москва» 397

Лашкова Вера Иосифовна (р. 1944), правозащитница, подсудимая на «процессе 4-х» 454; 577–578

Лебедев Б. Ф.* 486–487

Лебедев В. В.* 7–8, 16, 275

Лебедев Владимир Семенович (1915–1966), секретарь Н. С. Хрущева 220, 306, 347, 381–385, 407–409, 417, 423–424, 427; 572

Лебедева С. Д.** 8, 77

Лебедев-Полянский П. И.* 10–12, 80, 95, 103, 117–118

Левидов Михаил Юльевич (1891–1942, погиб в заключении), писатель 320

Левик Вильгельм Вениаминович (1906/07–1982), поэт-переводчик 61, 259; 549

Левина Раиса Семеновна (1903–1993), писательница 201–202; 560

Левина Хана Мироновна (1899–1969), еврейский поэт, член Еврейского комитета 23

Левина Элла Петровна, зав. литературной частью Театра на Таганке 499

Левит Владимир Семенович (1883–1961), хирург-онколог 97–98

Левицкий Лев Абелевич (1929–2005), критик 572

Ледницкий А. Р.* 472

Лежнев Исай Григорьевич (1891–1955), публицист, в 1935–39 гг. редактор отдела критики и библиографии газеты «Правда», редактор журналов «Новая Россия» и «Россия» 18, 41–44, 55

Лежнева Лидия Павловна, жена И. Г. Лежнева 43, 55

Лезвиев Михаил, художник 34

Лемберг (Лифшиц) Р. Г.* 263

Лемке М. К.* 473–475; 579–580

Ленин (Игнатюк) Михаил Францевич (1880–1952), актер Малого театра 79

Ленин В. И.* 8, 17, 121, 124, 134, 142, 189, 212–213, 242, 245, 298, 306, 329, 351, 359, 373, 380, 396, 402–403, 449, 451–452, 479, 518, 536; 546, 550, 572, 577, 581, 588

Леночка, см. **Лозовская Е. Р.**

Ленч Леонид Сергеевич (1905–1991), писатель 213

Леня, см. **Пастернак Л. Б.**

Леонардо да Винчи* 335

Леонидов Леонид Миронович (1873–1941), актер МХАТ 145

Леонидов Юрий Леонидович (1917–1989), актер МХАТ, сын Л. М. Леонидова 145–146

Леонов Л. М.** 19, 79, 87–92, 113–114, 125, 127–128, 147–149, 153, 156, 158, 163, 168, 170–172, 178, 182–183, 185, 190, 219, 232, 239, 249, 271, 273, 287, 316, 320, 322, 345–346, 350, 358, 360, 362, 383, 417, 517; 553

Леонова (Сабашникова) Татьяна Михайловна (1903–1979), жена Л. М. Леонова 88, 90, 149, 168, 185, 249, 345

Лепешинская Ольга Борисовна (1871–1963), деятельница революционного движения, биолог, жена П. Н. Лепешинского 174

Лепешинский Пантелей Николаевич (1868–1944), деятель революционного движения, публицист 10

Лермонтов М. Ю.* 29, 81–82, 97, 109, 116, 120, 127–130, 153, 155, 274, 281, 293, 298, 348, 405; 564

Лернер Н. О.* 309

Лернер Яков Михайлович, член народной дружины, один из авто-

- ров статьи «Окололитературный трутень» 398
- Лесков Андрей Николаевич** (1866–1953), литературовед, сын Н. С. Лескова 190
- Лесков Н. С.*** 143, 165, 190
- Лесючевский Николай Васильевич** (1908–1978), директор издательства «Советский писатель» 188, 243, 320, 325, 500, 517–518; 566, 576
- Либединская Лидия Борисовна** (1921–2006), писательница, жена Ю. Н. Либединского 214–215, 243, 310
- Либединский Ю. Н.**** 126–127, 130, 164, 214–215, 242–243
- Ливанов Борис Николаевич** (1904–1972), актер 143, 145–146, 186
- Ливанова Евгения Казимировна** (1911–1978), художница, жена Б. Н. Ливанова 145, 179, 186, 282
- Лившиц Б. К.*** 269, 368, 371, 404
- Лиддел Алиса Плезенс** (1852–1934), одна из дочерей декана оксфордского колледжа, прототип сказки Л. Кэрролла 330
- Лидин В. Г.*** 89, 201, 238, 362
- Лидия Филипповна**, см. **Чудецкая Л. Ф.**
- Лика**, см. **Мизинова Л. С.**
- Линкольн Авраам** (1809–1865, убит), президент США 335
- Липа**, см. **Черткова О. Д.**
- Липатов Виль Владимирович** (1927–1979), писатель 104
- Липкин Семен Израилевич** (1911–2003), поэт, прозаик, переводчик 446–447; 565
- Литвинов Макс. М.**** 292, 432, 447, 453
- Литвинов Мих. М.**** 144, 521; 582
- Литвинов Павел Михайлович** (р. 1940), правозащитник, физик, сын Мих. М. и Ф. П. Литвиновых 453–455, 521, 523; 577–578, 582
- Литвинова А. В.**** 144, 432, 447, 455, 499, 510, 514, 521; 578
- Литвинова Нина Михайловна** (р. 1945), биолог, дочь Мих. М. и Ф. П. Литвиновых 144
- Литвинова Т. М. (Таня)**** 143–146, 148, 151, 157, 161, 163, 171–172, 300–301, 303, 312, 321–322, 339, 347, 358–360, 391, 394–395, 397, 402, 404, 411, 415, 425, 428, 432, 436, 438–439, 441, 444–445, 447–450, 453–455, 478, 499, 502–503, 505, 507, 509–510, 521, 523, 536, 538; 556–557, 577, 582
- Литвинова (Ясиновская) Флора Павловна** (р. 1918), биолог, жена Мих. М. Литвинова 144, 315, 521, 523; 582
- Литвиновы Вера и Маша**, см. **В. И. Слоним и М. И. Слоним**
- Лиф Мунро** (1905–1976), американский детский писатель и иллюстратор 354–355
- Лифшиц Владимир Александрович** (1913–1978), поэт 258
- Лифшиц (Рейнгардт) Лидия Яковлевна**, жена М. А. Лифшица 204, 206
- Лифшиц Михаил Александрович** (1905–1983), литературовед, философ, критик 164, 165, 204, 206, 414; 558, 561
- Лихачев Дмитрий Сергеевич** (1906–1999), академик, литературовед 399, 523
- Логинков Федор Георгиевич** (1900–1958), начальник строительства Чирчикской, Днепровской и Сталинградской ГЭС, министр строительства электростанций СССР 196
- Лозинский Г. Л.*** 501
- Лозинский М. Л.*** 501–502
- Лозовская Елена Радиевна, Леночка** (р. 1950), дочь К. И. Лозовской 406, 433, 499
- Лозовская К. И. (Клара)*** 158, 161–162, 172, 175, 184–185, 197, 200, 202–203, 237, 239, 243, 268, 271, 276, 301, 303, 307, 311, 322–323, 339–340, 342, 347, 386–387, 403, 406–407, 419, 421–422, 426–427, 429, 432, 435, 437–438, 453, 456, 478, 497–500, 504, 508, 510, 514, 517, 528, 536–537, 539; 576, 580
- Лозовский С. А.**** 56, 61
- Ломакин Николай Андреевич** (1913–1975), второй секретарь ЦК КП(б) Узбекистана (1941–1949) 67
- Ломоносов М. В.**** 109, 142–143, 145–146, 157
- Лондон Дж.*** 33, 429, 483
- Лорие Ася**, дочь М. Ф. Лорие 272
- Лорие Мария Федоровна** (1904–1992), переводчица 223, 250, 398

- Лоуренс Дэйвид Герберт** (1885–1930), английский писатель, автор романа «Любовник леди Чаттерлей» 332
- Лофтинг Г.**** 543
- Луговая Л. А.*** 463–464
- Луговой А.*** 463–464
- Луговской В. А.**** 382
- Лукицкий Павел Николаевич** (1900–1973), писатель 33
- Луначарский А. В.*** 104, 286, 305, 376, 407–408, 412, 423, 450, 453; 581
- Луначарский А. А.*** 453
- Лунин (Лукин) Евгений Валентинович** (р. 1956), сотрудник КГБ, начальник Пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, автор книги «На палачах крови нет» 566
- Лунц Л. Н.*** 113, 212, 256
- Лупандин Николай Николаевич** (1904–1977), оперуполномоченный НКВД 566
- Лури Е. Е. (Катя)**** 95, 97, 102–103, 186–188, 231, 255, 260, 269, 386
- Лури Николай Елиферьевич, Коля** (р. ок. 1912), племянник К. Ч. 95, 97
- Лысенко Трофим Денисович** (1898–1976), агроном, президент ВАСХНИЛ 348, 401; 568
- Любарская А. И.**** 178, 392; 584
- Любимов Юрий Петрович** (р. 1917), режиссер, актер 448, 498–499
- Людя, см. Стефанчук Л. Г.**
- Людвик XIV** (1638–1715), французский король 29
- Люша, см. Чуковская Е. Ц.**
- Лядов Анатолий Константинович** (1855–1914), композитор, дирижер 531
- Ляцкий Е. А.*** 471, 473
- Ляшкевич Дмитрий Ефимович** (1904–1989), журналист, сотрудник Литфонда 236–237, 239–241
- Мадлен** (1937–1975), художница, жена Ю. П. Анненкова 424
- Майзель-Розовская, старая большевичка** 384
- Майков А. Н.*** 460
- Майская А. А.**** 100
- Майский И. М.**** 100, 144, 162, 166, 308
- Макаренко Антон Семенович** (1888–1939), педагог и писатель 28–29, 42, 292, 372; 561, 584
- Макаренко Галина Стахиевна** (1892–1962), жена А. С. Макаренко 28, 42
- Макаренко Михаил Янович, знакомый К. Ч.** 515
- Макашин Сергей Александрович** (1906–1989), литературовед 109, 116–119, 164, 189, 285–286, 288, 320–321, 330, 503
- Маковский Константин Егорович** (1839–1915), художник 11
- Маковский С. К.*** 369, 424
- Маколей (Macauley Th.-В.**)** 129
- Максимилиан I Габсбург** (1834–1867, казнен), австрийский эрцгерцог, император Мексики в 1864–1867 гг. 464
- Максимович А. Я.**** 36, 103–104
- Малаховский Лео Брониславович** (1901–1982), шведский художник 338
- Малашкин Сергей Иванович** (1888–1988), писатель 174
- Маленков Георгий Максимилианович** (1902–1988), государственный и партийный деятель 138, 154, 187, 193; 557
- Малия (Malia) Мартин Эдвард** (1924–2004), американский историк, славист, профессор русской истории 320, 344; 566
- Малкин Борис Федорович** (1891–1938, расстрелян), заведующий Центропечатью, член Президиума ВЦИК 8
- Малько Николай Андреевич** (1883–1961, умер за границей), дирижер 19
- Мальцев Елизар Юрьевич** (1916/17–2004), писатель 192, 363, 367, 398–400, 535
- Мальцев Орест Михайлович** (1906–1972), писатель 166
- Мальцева Александра Ивановна, жена Е. Ю. Мальцева** 363, 535
- Мамонтов С. И.*** 462
- Мандельштам О. Э.*** 5, 258, 269, 310, 348, 351, 368, 371, 404, 433, 449, 520, 524, 528, 532
- Манухин И. И.*** 342
- Мане Эдуар** (1832–1883), французский художник 530
- Мао Цзэдун** (1893–1976), китайский государственный и партийный деятель 168, 451, 507

Марголина Рахель Павловна (?–1973), корреспондентка К. Ч. из Иерусалима 413; 573

Марина, Мариночка, см. **Чуковская М. Н.**

Марина, Мариша, см. **Чуковская М. Д.**

Мария Алексеевна, сестра Н. А. Пешковой 67

Мария Антуанетта (1755–1793, казнена), королева Франции, жена Людовика XVI 8

Мария Игнатьевна, см. **Будберг М. И.**

Маркиш Перец Давидович (1895–1952, расстрелян), писатель 69

Марков Георгий Моисеевич (1911–1991), первый секретарь СП СССР 354, 442

Маркова Вера Николаевна (1907–1995), переводчица, жена Л. Е. Фейнберга 388

Маркс А. Ф. * 464

Маркс К. * 30–31, 120, 154, 373, 514; 582

Маркс Лидия Филипповна (?–1932, умерла за границей), жена издателя А. Ф. Маркса 464

Мар Сусанна Георгиевна (1900–1965), поэтесса, переводчица 243

Марецкая Вера Петровна (1906–1978), актриса 295, 297

Марр Н. Я. * 120; 556

Мартынов Леонид Николаевич (1905–1980), поэт 260

Марфа, см. **Пешкова М. М.**

Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986), правозащитник, писатель 515

Маршак Елена, см. **Ильина Е.**

Маршак И. С. * (Элик) 80, 381, 385, 403

Маршак С. М. * 43

Маршак С. Я. * 6–11, 13–15, 29, 41, 43, 48, 59, 68, 80, 82, 85, 98–99, 101, 104, 108, 123, 135, 137, 178, 185, 187, 229–230, 236, 242, 244–247, 249, 273, 275–277, 279–281, 289, 291, 295–298, 316–317, 324–325, 327, 337–338, 348, 375, 379–385, 391–394, 403, 494–496; 567–568, 570–571, 584, 588

Марьямов Александр Моисеевич (1909–1972), писатель 338, 342, 347, 352

Марьяна, см. **Таврог М. Е.**

Маслов Георгий Владимирович (1895–1920), поэт, пушкинист, муж Е. М. Тагер 198

Массалитинова Варвара Осиповна (1878–1945), актриса 173

Матвеева Новелла Николаевна (р. 1934), поэтесса 387–388, 445

Матисс А. * 155, 283, 530; 557

Матросов Александр Матвеевич (1924–1943), гвардии рядовой, Герой Советского Союза (1943, посмертно) 551

Матюшенко Афанасий Николаевич (1879–1907, казнен), один из организаторов восстания на броненосце «Потемкин» 31

Матюшкин Федор Федорович (1799–1872), адмирал, лицейский товарищ А. С. Пушкина 38

Мациевич Лев Макарович (1877–1910), летчик 125

Маша, внучка Репина 100

Машинский Семен Иосифович (1914–1978), литературовед 330

Маяковская Александра Алексеевна (1867–1954), мать В. В. Маяковского 147, 360

Маяковская Л. В. * 119, 147, 360

Маяковская О. В. * 360

Маяковский В. В. * 7–8, 19, 30, 37, 52–53, 73, 86, 92, 101, 119, 144, 146–147, 165, 183, 206, 212, 215–216, 245, 274, 285–286, 310, 333, 335, 342, 351, 360, 361, 368, 389, 404, 444, 448, 460, 487–488, 501, 505, 507–508, 525, 530; 546, 568, 580–581, 585, 587

Маяковский Владимир Константинович (1857–1906), отец В. В. Маяковского 360

Мгебров А. А. * 222

Медведев Жорес Александрович (р. 1925), биолог 348; 568

Медведев Петр Георгиевич, прораб на строительстве детской библиотеки в Переделькино 236–239, 242–244

Медведев П. Н. * 222

Межелайтис Эдуардас (1919–1997), литовский поэт 517

Межлаук Иван Иванович (1891–1938, расстрелян), в 1936–37 гг. председатель Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР, зам. управляющего делами СНК СССР 17

- Мей Лев Александрович** (1822–1862), поэт, драматург 5
- Мейендорф Александр Феликсович, барон** (1868–1964, умер за границей), политический деятель, один из основателей октябристской партии, член III и IV Государственной Думы 334
- Мейер Александр Александрович** (1875–1939, погиб в заключении), автор религиозно-философских статей 222
- Мейерхольд В. Э.*** 17–18, 319
- Мелентьев Юрий Серафимович** (1932–1997), директор издательства «Молодая гвардия» 500
- Мельник Иван Александрович**, посол в республике Мали 378
- Менделеев Александр Георгиевич**, сотрудник «Недели» 395, 399–400
- Менделеева (Кузьмина) М. Д.*** 173
- Мендельсон Морис Осипович** (1904–1983), критик, литературовед 157, 195
- Мередит Джордж** (1828–1909), английский писатель 447, 449, 499, 502–503, 507; 577
- Мережковские Д. С. и З. Н.*** 87, 414
- Мережковский Д. С.*** 128, 309, 460, 467, 485, 496, 503, 529; 551–552
- Меркуров Сергей Дмитриевич** (1881–1952), скульптор 100–101, 173, 503–504
- Меркурова Аста**, жена С. Д. Меркурова 504
- Месяцев Николай Николаевич** (1920–2011), с октября 1964 г. председатель Комитета СССР по радиовещанию и телевидению 396; 571
- Метерлинк М.*** 69, 311
- Метченко Алексей Иванович** (1907–1985), литературовед 572
- Мехлис Л. З.**** 376–377; 546
- Мещанинов Иван Иванович** (1883–1967), академик, языковед 80
- Мещеряков Н. Л.**** 10–12, 20
- Мизинова Лидия Стахиевна, Лика** (1870–1937, умерла за границей), учительница, актриса, друг А. П. Чехова 440, 464
- Микитов-Соколов**, см. Соколов-Микитов И. С.
- Микоян Анастас Иванович** (1895–1978), государственный и партийный деятель 251, 326, 414
- Миклухо-Маклай Н. Н.**** 566
- Миллер Артур** (1915–2005), американский драматург 445–446
- Милн Алан Александр (Milne Alan Alexander, 1882–1956)**, английский писатель 307, 419
- Милюков П. Н.*** 483
- Милютин Николай Алексеевич** (1818–1872), товарищ министра внутренних дел, один из деятелей крестьянской реформы 1861 г. 284
- Мин Дмитрий Егорович** (1818–1885), переводчик 298
- Минаев Д. Д.*** 298
- Минич Наталья Антоновна** (ок. 1896–?), поэтесса 222
- Минна Яковлевна**, см. Блинчевская М. Я.
- Минский Н. М.*** 457, 497
- Миримский (Полетаев С.) Самуил Ефимович** (р. 1922), писатель, редактор Детгиза 185
- Миролюбов В. С.*** 229
- Мирский**, см. Святополк-Мирский Д. П.**
- Митин Марк Борисович** (1901–1987), академик, философ 69, 350
- Митрофан Иванович**, см. Москаленко М. И.
- Митрофания**, игуменья общины сестер милосердия в Москве, обвиненная в мошенничестве 72
- Митурич Вера Маевна** (р. 1954), дочь М. П. Митурича, художница 516, 538
- Митурич Май Петрович** (1925–2008), художник 516–517, 538
- Митя**, см. Чуковский Д. Н. или Чуковский Д. Д.
- Михайлов М. Л.**** 47, 258, 473; 548
- Михайлов Михаила** (р. 1934), югославский журналист 411
- Михайлов Н. Н.**** 220, 229
- Михайлов Николай Александрович** (1906–1982), в 1955–60 гг. министр культуры СССР, в 1965–70 гг. председатель Комитета по печати при Совмине СССР 86–87, 250, 256, 268, 275, 287, 289, 291, 328
- Михайлова Раиса Тимофеевна**, жена Н. А. Михайлова 228–229, 250, 275, 289, 328
- Михайлова Светлана**, дочь Н. А. и Р. Т. Михайловых 250
- Михайловский Н. К.*** 32, 128, 496

Михалков Никита Сергеевич
(р. 1945), кинорежиссер, сын
С. В. Михалкова 439

Михалков Сергей Владимирович
(1913–2009), писатель, секретарь
СП 53, 71–72, 76, 101, 107–108, 176–
177, 230, 236, 242–243, 297, 303, 316,
322, 341, 428, 439

**Михалков-Кончаловский Андрон
Сергеевич** (р. 1937), кинорежис-
сер, сын С. В. Михалкова 176

Михальский Федор Николаевич
(1896–1969), директор музея МХАТ
145

Михоэлс С. М. ** 63

Мицкевич А. ** 394

Мицкевич Сергей Иванович
(1869–1944), деятель революцион-
ного движения, с 1924 по 1934 год –
директор Музея революции в Моск-
ве 173

Мичурин Иван Владимирович
(1855–1935), селекционер 133

Мишакова Ольга Павловна
(1912–1970), секретарь ЦК ВЛКСМ 85

Мкртчян Левон Мкртычевич
(1933–2001), критик, переводчик
399, 456

Можаев Борис Андреевич
(1923–1996), писатель 523

Моисеев Игорь Александрович
(1906–2007), балетмейстер 157

Молотов В. М. ** 328, 381, 385

Молчанова Е. А. * 424

Мольер Ж. Б. ** 501

Монахов Николай Андреевич
(р. 1935), адвокат в политическом
процессе по делу о демонстрации
на Красной площади в 1968 г. 582

Моне Клод (1840–1926), французский
художник 530

Мопассан Г. * 5, 72

Мордовцев Д. Л. * 11

**Морозов (Лихоталь) Александр
Васильевич**, сотрудник МИДа 268–
270

Морозова В. С., переводчица 299

Моррис У. * 409

Мортон Мириам (1908–1985), амери-
канская журналистка, переводчица
370, 377, 421, 434–435, 455

Москаленко Митрофан Иванович
(1896–1966), начальник тыла ВМФ
181

Мотовилова Софья Николаевна
(1881–1966), мемуаристка, сестра
матери В. П. Некрасова 392

Моцарев И. Т., заслуженный учитель
школы 565

Моцарт В.-А. * 17

Мочалов Павел Степанович
(1800–1848), актер 37

Мозм У.-С. ** 337

Муравьев М. Н. * 17

Муромцева Мария Николаевна
(1857–1946), певица, педагог 470

Мусоргский М. П. * 470, 501

Муссолини Б. ** 87

Мухин Николай Лукич (1905–1954),
заместитель главного художника
Гослитиздата 180

Мятлев И. П. * 153, 164

Набоков В. Д. * 308–309, 450.; 565

Набоков В. В. ** 308–309, 408, 420–
421, 443, 450–452, 454; 565, 572, 589

Набоков К. Д. ** 459; 578–579

Набокова Е. И. ** 459

Нагибин Юрий Маркович
(1920–1994), писатель 397

Нагродская Е. А. ** 490–491

Надежда Алексеевна, см.
Пешкова Н. А.

Назым Хикмет Ран (1902–1963),
турецкий писатель 158, 214–215,
245–246, 290

Найденев Сергей Александрович
(1868–1922), писатель, драматург
471

Накоряков Н. Н. ** 17

Наметкин Сергей Семенович
(1876–1950), академик, химик-орга-
ник 80, 83

Наметкина Елена Васильевна, жена
С. С. Наметкина 80

Наполеон I Бонапарт * 82, 111, 165,
213, 377

Наппельбаум М. С. * 169, 267

Наппельбаум Оля, см. Грудцова О. М.

Наппельбаум Ф. М. ** 267

Нарышкина Екатерина Ивановна
(1729–1771), жена К. Г. Разумовско-
го 146

Насер Гамаль Абдель (1918–1970),
президент Египта 519

Наталья Константиновна, см.
Тренева Н. К.

Наумова Анна Иосифовна
(1900–1980), главный редактор Дет-
гиза 66

Наш, см. Нэш О.

Нежданова Антонина Васильевна
(1873–1950), певица 49

**Незнамов-Иванов Владимир
Иванович** (1902–1958), профессор-
терапевт, врач кремлевской боль-
ницы 149

Неизвестный Эрнст Иосифович
(р. 1925), скульптор 355–356

Нейгауз Генрих Густавович
(1888–1964), пианист, педагог 260

Некрасов Виктор Платонович
(1911–1987, умер за границей),
писатель 518; 569

Некрасов Н. А.* 5, 10, 12, 16–17, 20,
29, 31–32, 36–37, 43–46, 69, 73, 79–
80, 84–85, 87–98, 102–105, 109–110,
112–119, 124–125, 127, 129–130,
133–134, 138, 140, 143–144, 148,
150–152, 155–157, 161, 165, 169,
173–175, 179–180, 182, 189–190, 197,
218, 244, 248, 251, 253, 262, 270–271,
278, 280, 286, 288, 300, 324–325, 330,
333, 336, 356–357, 394, 398, 404, 436,
444, 449, 474–475, 477, 478, 483–485,
490–491, 505–512, 514, 516, 538,
542–543; 549, 553–555, 557, 559, 564,
571–572, 579–580, 583, 586–588

Некрасов Ф. А.* 134

Нельсон Горацио (1758–1805),
английский флотоводец 87

Немирович-Данченко Вас. И.* 478;
565

Немирович-Данченко Вл. И.** 173,
517

Непомнящий Валентин Семенович
(р. 1934), писатель, литературовед
571

Неру Джавахарлал (1889–1964),
премьер-министр Индии с 1947 г.
162, 200, 287

Нестеров М. В.* 479

Нечаев Сергей Геннадьевич
(1847–1882), организатор тайного
общества «Народная расправа», ав-
тор «Катехизиса революционера»
444

Нечкина Милица Васильевна
(1901–1985), академик, историк
105, 523

Ника, помощница К. Ч. 259

Никитин Евгений Николаевич, лите-
ратуровед 556

Никитина З. А.** 212, 235

Никифоров Владимир Николаевич
(р. 1919), главный врач инфекцион-
ного корпуса Кунцевской загород-
ной больницы 439, 540, 542

Николаев Ник., журналист 571

Николаева Ариадна 333

Николаева Галина Евгеньевна
(1911–1963), писательница 181

Николаева Софья Анатольевна
(1928–1999), редактор альманаха
«Чукоккала» в издательстве «Искус-
ство» 427, 498

Николай I* 438

Николай II* 491

Никонов Борис Павлович (1873–1950),
поэт, зять В. М. Бехтерева 493

Никулин Лев Вениаминович
(1891–1967), писатель 214, 317

Нилин Павел Филипович (1908–1981),
писатель, переделкинский сосед
К. Ч. 89, 102, 150, 154, 238, 242–243,
246, 271, 294, 315, 362, 365, 368, 388,
396, 398, 451, 498–499, 510; 553

Нина Станиславовна, первая жена
Б. К. Чуковского, мать Е. Б. Чуков-
ского 43, 74, 123; 547, 550

Новелла, см. Матвеева Н. Н.

Новиков Иван Алексеевич
(1877–1959), писатель 120, 150–151

Нольде, см. Коган-Нолле Н. А.*

Нордман Н. Б.* 459, 474

Норман Питер (1921–2007), англий-
ский славист, переводчик русской
литературы 329, 333, 336

Норман Наталья Семеновна, жена
П. Норманна 336

Норрингтон Артур (1899–1982), вице-
канцлер Оксфордского университе-
та 330

Носов Николай Николаевич
(1908–1976), писатель 177, 236–237

**Ньюберг (Жигалова) Ольга Михай-
ловна**, американская писательница
386

Нэш Огден (1902–1971), американ-
ский поэт 328

О. Л. д’Ор* 309

О’Генри* 169–170, 479, 516–518; 586

Облонская Раиса Ефимовна
(1924–2010), переводчица 415, 422,
444

Оболенская Е. М.** 8, 41
Оболенский (Obolensky) Дмитрий Дмитриевич (1918–2001, умер за границей), историк, литературовед 330, 332
Образцов С. В.** 187, 232, 324–325, 349, 354
Овечкин Валентин Владимирович (1904–1968, покончил с собой), писатель 181
Овидий** 169
Овошников Ал. С., родственник М. Б. Чуковский 318
Огарев Н. П.** 320, 490; 579
Огнев Владимир Федорович (р. 1923), критик 392
Огнев Гр., журналист 571
Одоевский Александр Иванович (1802–1839), поэт-декабрист 274; 564
Одоевцева И. В.* 420
Ожегов Сергей Иванович (1900–1964), языковед, лексиколог, исследователь норм русского языка 399
Озеров Иван Христофорович (1869–1941/42), ученый-экономист, педагог 38
Озеров Лев Адольфович (1914–1996), поэт, историк литературы 260, 305, 353, 410
Озерова Калерия Николаевна (1918–2012, умерла за границей), редактор «Нового мира», первая жена З. С. Паперного 384
Оксана, дочь Ц. А. Воскресенской 315
Оксман Ю. Г.** 98, 198, 212, 216, 282, 330, 401, 404, 412, 426, 429, 523; 566, 572
Олдин С. (Aldin)** 10
Олдингтон Ричард (1892–1962), английский писатель 73
Олдрин Эдвин (р. 1930), американский астронавт 535–536; 583
Олейников Н. М.** 296
Олеша Ю. К.** 52, 224–225, 232, 391, 447; 548
Оль А. А.* 362
Ольга Васильевна, см. Румянцева О. В.
Ольга Всеволодовна, см. Ивинская О. В.
Ольга Ивановна, домашняя работница Чуковских 104, 185
Ольденбургский Александр Петрович, принц (1844–1932, умер за границей), организатор и попечитель

Императорского института экспериментальной медицины 100
Орджоникидзе Г. К.** 213, 245; 563
Орлов А. С.** 16–17
Орлов Владимир Николаевич (1908–1985), литературовед 207, 254, 330, 365; 549
Орлова Раиса Давыдовна (1918–1989, умерла за границей), писательница, жена Л. З. Копелева 341, 404, 524; 568
Ортодокс (Аксельрод)** 43
Осипов В. П.** 223
Осипова (в первом браке **Вульф**) **Прасковья Александровна** (1781–1859), соседка и близкий друг А. С. Пушкина 216
Осипович Н. М.* 25
Остин Джейн (Austen Jane, 1775–1817), английская писательница 324, 326
Островский Николай Алексеевич (1904–1936), писатель 529
Остужев Александр Алексеевич (1874–1953), актер 119
Отран, архитектор-реставратор 31
Охотина А. А. (Белопольская А. А.*) 164, 318–319, 367; 566
Ошанин Лев Иванович (1912–1996), поэт 361, 524
Павел I* 31
Павленко Петр Андреевич (1899–1951), писатель 51, 74–75, 151, 198, 213, 344, 362
Павленков Ф. Ф.* 117
Павлов Дмитрий Васильевич (1905–1991), министр торговли СССР 299, 373
Павлов И. П.** 158, 479
Памбэ (Рыжкина М. Н.)** 10, 13, 36, 495
Панаев И. И.* 254
Панаева А. Я.* 104, 110, 180, 198, 449, 490, 499, 508, 515; 579
Панич Михаил Семенович (1903–1990), писатель 315
Панков В. 565
Панкратов Борис Иванович (1892–1979), китаист 168; 559
Панкхорст Эмелина (1858–1928), английская суфражистка 335
Панова Вера Федоровна (1905–1973), писательница 184, 208, 273, 319; 564
Пантелеев Л.** 7, 9, 92, 171–173, 237, 260, 310, 460, 505, 508, 510; 589

Панферов Ф. И.** 86, 93, 164–165, 289, 299, 350; 551, 553, 558, 564

Панюшкин Александр Семенович (1905–1974), сотрудник разведки, дипломат 288

Папанин Иван Дмитриевич (1894–1986), полярный исследователь 54, 115, 295

Паперный Зиновий Самойлович (1919–1996), литературовед, сатирик 246, 289, 348, 354, 383–384, 425; 564, 571

Парни Эварист (1753–1814), французский поэт 37

Пастернак А. Л.** 295

Пастернак Борис Евгеньевич, Боря (р. 1961), внук Б. Л. Пастернака 339, 415

Пастернак Б. Л.** 6, 19–20, 53, 83, 87–88, 90–91, 102, 123, 130, 140, 147, 153, 155–156, 161, 179, 186, 199, 215, 217, 234, 249–253, 260–262, 266–272, 275–276, 281–287, 290–295, 307, 311, 313, 322, 336, 340–342, 349, 353, 355, 362, 369–370, 376–377, 383, 385, 397, 402, 404–405, 410–411, 413, 415–416, 418, 422, 424, 429, 434, 436, 438, 529; 546–548, 556, 561, 563–564, 566, 574–576, 584, 588

Пастернак Е. Б.** 295, 339–342, 348–349, 397, 410, 413, 415–416; 561, 574

Пастернак Евг. В.** 60, 89, 339

Пастернак Елена Владимировна (р. 1936), жена Е. Б. Пастернака, внучка Г. Г. Шпета 339, 341

Пастернак Елена Леонидовна, Лена (р. 1964), внучка Б. Л. Пастернака 524

Пастернак З. Н.** 91, 251–253, 260, 267–269, 281, 284, 286–287, 294–295, 311, 339–342, 345, 347, 355, 370, 376, 385, 413, 415

Пастернак Леонид Борисович (1938–1976), сын Б. Л. и З. Н. Пастернак 92, 181, 269–270, 311, 339–340

Пастернак Л. О.** 329–330, 340, 348, 377

Пастернак (Слэйтер) Лидия Леонидовна (1903–1989, умерла за границей), переводчица, сестра Б. Л. Пастернака 294, 340, 377

Пастернак Петр Евгеньевич, Петя (р. 1957), внук Б. Л. Пастернака 290, 338–339, 341, 415

Пастернак Розалия Исидоровна (1867–1939, умерла за границей), пианистка, мать Б. Л. Пастернака 377

Паустовская (Навашина) Валерия Владимировна, художница, вторая жена К. Г. Паустовского 199, 414

Паустовский К. Г.** 88, 138, 224, 236, 260, 316–317, 323, 358–360, 364–367, 385, 388, 408, 423–424, 432, 499, 508; 568–570, 572, 575

Пейве Конкордия Николаевна, жена Я. В. Пейве 421

Пейве Ян Вольдемарович (1906–1976), президент Латвийской академии наук (1951–1959) 421

Первухин Михаил Георгиевич (1904–1978), государственный и партийный деятель 379

Первухина Амалия Израильевна, жена М. Г. Первухина 379

Переселенков С. А.** 83

Пермяк Евгений Андреевич (1902–1982), писатель 126, 128

Перцов Виктор Осипович (1898–1981), литературовед 52, 71, 185, 188, 199, 206, 210, 214, 265, 305, 361, 434; 548, 572

Перцов Николай Викторович, сын В. О. Перцова 361

Перцова, жена В. О. Перцова 265

Петёфи Шандор (1823–1849), венгерский поэт, революционный демократ 102, 268

Петр I* 11, 346, 538

Петров Е. П.** 158, 208, 344, 543

Петров Н. Н.** 462

Петров Сергей Митрофанович (1905–1988), литературовед, в 50-е годы директор Литинститута 188, 190

Петровский Иван Георгиевич (1901–1973), академик, математик, ректор МГУ 294

Петровский Мирон Семенович (р. 1932), историк литературы 435, 502; 576

Петровых Мария Сергеевна (1908–1979), поэт, переводчица 296, 413

Пешков М. А.* 8, 85

Пешкова Дарья Максимовна (р. 1927), внучка М. Горького, актриса 44, 85, 145, 152, 174, 243, 256, 258, 345

Пешкова Екатерина Павловна (1878–1975), первая жена М. Горького 60, 66–67, 100, 135, 145, 150, 152, 172, 174–176, 199, 234, 242–243, 257, 287, 289, 295, 326–328, 344–345, 374, 386

Пешкова М. М., Марфа** 44, 85, 152, 172, 176, 193, 199, 243, 345; 559

Пешкова Надежда Алексеевна, Тимоша (1901–1970), жена М. А. Пешкова 6, 44, 67–68, 71, 131, 135–136, 151–152, 199, 250, 256, 259, 328

Пешковы 62, 176, 256, 258, 260

Пешковы Надя, Нина, Сережа (дети Марфы); **Катя, Максим** (дети Дарьи), правнуки М. Горького 193, 199, 243, 256, 289, 345, 374

Пикассо П.** 155, 248, 515

Пильняк Б. А.* 362, 371, 412, 535

Пимен (Извеков Сергей Михайлович, 1910–1990), с 1971 г. Патриарх Московский и всея Руси 77, 425

Пиромани Нико (Пиросманашвили Николай Асланович, 1862?–1918), грузинский художник 531

Пирсон Хескет (1887–1964), английский писатель 328, 414

Писарев Д. И.* 217

Писемский А. Ф.* 470

Писка́тор Эрвин (1893–1966), немецкий режиссер, идеолог пролетарского театра. После 1932 г. Писка́тор около двух лет жил в СССР 538

Пискунов Константин Федотович (1905–1987), директор московского Детиздата 129–130, 184, 287, 303, 437

Платонов А. П.** 403

Плеханов Г. В.* 342

По Э.-А.* 531

Победоносцев К. П.* 227; 561

Погодин Николай Федорович (1900–1962), драматург 61, 63, 90, 176, 224, 327; 567

Погодин М. П.** 129

Погодина Анна Никандровна (1901–1968), жена Н. Ф. Погодина 61, 185, 269

Погодина Татьяна Николаевна (р. 1934), физик, дочь Н. Ф. Погодина, жена Н. Н. Чуковского 172, 176, 196, 354

Подгорная Серафима Яковлевна, зав. горно г. Кунцево 241

Пожарова М. А.* 219

Поздеев Юрий Борисович (1930–1994), адвокат 582

Поздняев Константин Иванович (1911–2000), главный редактор газеты «Литературная Россия» 461

Полевой Борис Николаевич (1908–1981), писатель 182, 184, 407, 418

Полевой К. А.* 50–51

Полевой Николай Алексеевич (1796–1846), писатель, журналист, историк 50, 258

Полежаев А. И.** 258

Поленов В. Д.* 76

Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905–1965), в 1955–65 гг. заведующий отделом культуры ЦК КПСС, секретарь правления СП СССР 84, 88, 190, 193, 201–202, 268–269, 271, 273, 305, 354, 415; 564

Полищук Роза, Бетя, дочери одесского коммерсанта, знакомые К. Ч. 31

Половинкин Леонид Алексеевич (1894–1949), композитор 61

Полонская Е. Г.* 342

Полонская Клавдия Павловна (?–1954), сестра В. П. Полонского, сотрудница издательства 112, 180

Полонский В. П.* 112, 180

Полонский Я. П.* 15, 72, 129, 254, 460; 563

Поляков В. А.* 279

Поляков Марк Яковлевич (1916–2011), литературовед 116

Поляков Сергей Александрович (1874–1943), издатель журналов «Скорпион», «Весы», журналист, переводчик 468

Полякова А.* 223

Поляновский Макс Леонидович (1901–1977), журналист 243, 339, 358, 362–363, 396, 412–413

Померанцева Александра Владимировна (1871–1967), член партии большевиков с 1903 года 174

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984), в 1953–54 гг. министр культуры СССР 142, 148, 156–157, 161, 166–167

Попков Петр Сергеевич (1903–1950, расстрелян), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) 299, 319; 566

Попов Василий Степанович (1893–1967), военачальник,

- профессор военной академии
им. М. В. Фрунзе 142
- Попов Владимир Федорович**, инженер, гражданский муж Н. А. Пешковой 161, 250, 328
- Попов Николай Николаевич** (1890/91–1938, расстрелян), секретарь ЦК КП(б) Украины, с 1929 г. член редколлегии газеты «Правда» 22
- Поповский Александр Давидович** (1897–1982), писатель 126
- Поскребышев Александр Николаевич** (1891–1965), секретарь И. В. Сталина 383; 550
- Поспелов Геннадий Николаевич** (1899–1992), историк и теоретик литературы 313
- Поспелов Петр Николаевич** (1898–1979), академик, главный редактор газеты «Правда» (1940–1949), директор Института марксизма-ленинизма (1953–1960) 166, 452
- Постышев Павел Петрович** (1887–1939, расстрелян), с 1933 г. секретарь ЦК КП(б) Украины 22, 26, 29, 354
- Потапова Вера Аркадьевна** (1910–1992), поэтесса, переводчица 320
- Потемкин Владимир Петрович** (1874–1946), государственный и партийный деятель, с 1940 г. нарком просвещения РСФСР 119
- Потемкин Петр Петрович** (1886–1926, умер за границей), поэт 462–463
- Потемкин Сергей Васильевич**, директор издательства «Молодая Гвардия» 321
- Потехин А.** 36**
- Похитонов И. П.** 76**
- Презент Исаак Израильевич** (1902–1969), академик ВАСХНИЛ, философ, сподвижник Т. Д. Лысенко 348; 568
- Пржевальский Н. М.** 444**
- Прилежаева Мария Павловна** (1903–1989), писательница 305
- Примаков Виталий Маркович** (1897–1937, расстрелян), военачальник, партийный и государственный деятель 546
- Приоров Николай Николаевич** (1885–1961), академик АМН, травматолог-ортопед 211
- Пристли Джон Бойтон** (1894–1984), английский писатель 456
- Пришвин Михаил Михайлович** (1873–1954), писатель 163, 224
- Прокофьев А. А.** 60, 390, 404**
- Пронин Б. К.* 320**
- Просовецкая Надежда Львовна**, секретарь К. Ч. 32, 36
- Пружанский** (наст. имя и фам. **Николай Осипович Линовский**, другой его псевд. **Осипович Н.**, 1844–не ранее 18.10.1918), еврейский писатель 459
- Пруст М.** 523**
- Псковский Л.**, рецензент 549
- Пугачев Емельян Иванович** (1740 или 1742–1775), предводитель крестьянской войны 448
- Пудовкин Всеволод Илларионович** (1893–1953), кинорежиссер 50
- Пузиков Александр Иванович** (1911–1996), критик, литературовед, главный редактор издательства «Художественная литература» 219, 418, 422
- Пунин Н. Н.* 576**
- Пунины, Ирина Николаевна** (1921–2003) и ее дочь **Анна Генриховна Каминская** (р. 1939), дочь и внучка Н. Н. Пунина 434; 576
- Пустынин М. Я.* 96, 118, 243**
- Пушкин А. С.* 6, 11, 16–18, 26, 29, 31–32, 34–35, 37–38, 44–45, 53, 79, 100, 112–115, 126, 129–130, 138–139, 142, 151, 155, 168, 189, 211, 216–217, 245, 251, 270, 274, 298, 334, 357, 393, 408, 412, 419–420, 446, 451–452, 454, 480–481, 496, 513, 528; 555–556, 561, 566, 572, 576, 582, 584, 586, 589**
- Пшибышевский С.* 506**
- Пыжова Ольга Ивановна** (1894–1972), актриса, режиссер, педагог 43
- Пыпин Н. А.** 36, 74–75, 513; 550**
- Пыпина Е. Н.** 75**
- Пыпины Н. А. и Е. Н.** 473**
- Пяст В. А.** 222**
- Рабкин Ефим Борисович** (1895–1989), профессор-окулист 529–530
- Радевски Христо** (1903–?), болгарский поэт, переводчик 178
- Радек К. Б.** 377**

- Радзиевский Петр** (р. 1947), подсудимый на «процессе 4-х» 577
- Радищев Леонид Николаевич** (1905–1973), писатель 272, 498; 563
- Радлов Н. Э.** ** 49
- Радлов Сергей Эрнестович** (1892–1958), режиссер, муж А. Д. Радловой 48
- Радлова А. Д.** * 7, 47–48, 50–51, 77, 188–189; 547–548
- Разгон Лев Эммануилович** (1908–1999), писатель 499
- Разгон (Берг) Ревекка Ефремовна** (1905–1991), жена писателя Л. Э. Разгона 498–499
- Разин Степан Тимофеевич** (ок. 1630–1671), предводитель крестьянской войны 138
- Разумовская С. Д.** ** 8
- Разумовский Кирилл Григорьевич** (1728–1803), граф, гетман Украины, президент Российской Академии наук 145–146
- Райзман Юлий Яковлевич** (1903–1994), кинорежиссер 132; 556
- Райкин Аркадий Исаакович** (1911–1987), актер 61, 242–243, 302, 363, 369, 451, 456
- Райкин Константин Аркадьевич** (р. 1950), актер, сын А. И. Райкина 242–243, 302, 369, 455–456
- Райт (Ковалева) Рита Яковлевна** (1898–1989), переводчица 259, 436, 456
- Раппопорт Михаил Юльевич** (1891–1967), невропатолог, с 1952 г. зав. клиническим отделением Института нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко 252
- Раскин Александр Борисович** (1914–1971), писатель-сатирик 63, 225, 396, 416
- Распе Р.-Э.** ** 543
- Рассадин Станислав Борисович** (1935–2012), критик 444, 449
- Ратнам Камала**, поэтесса, жена советника посольства Индии в СССР 242–243, 401
- Ратнер Юлия** и ее сын **Миша**, родственники Р. П. Марголиной, израильской корреспондентки К. Ч. 427
- Ратницкий Арий Давидович**, сотрудник Литфонда, занимавшийся похоронами писателей 185, 202
- Рахманинов С. В.** ** 416
- Редл Елена Яковлевна**, американский педагог, жена Ф. Редла 311–312, 387
- Редл Фриц** (1902–1988), американский педагог 311–312
- Редько А. М. и Е. И.** * 481–482, 488
- Резерфорд Э. (Rutherford*)** 427
- Рейн Евгений Борисович** (р. 1935), поэт, прозаик 503
- Рейсер С. А.** ** 109, 132, 161
- Рейтер С. С.** * 514
- Рек Вера Т.**, американская славистка, переводчица 535
- Рембрандт ван-Рейн** ** 16, 76
- Ре-Ми Н. В.** * 319; 587
- Ремизов А. М.** * 87, 222, 234, 250, 456; 589
- Рен Кристофер** (1632–1723), английский архитектор, математик, астроном 331
- Репин В. Е.** * 123
- Репин И. Е.** * 5, 13, 15–16, 30, 45, 52–53, 60–61, 70, 73–74, 89, 105, 109, 117, 123, 158, 160–161, 201–202, 204, 212, 261, 264, 266, 299, 317, 335, 356, 393, 407–408, 425, 427, 445, 458–460, 462, 470–474, 476–480, 493, 535, 542–543; 549, 555, 572, 579–580, 585, 587
- Репин Ю. И.** * 298–299
- Рерих Николай Константинович** (1874–1947), художник 530
- Рерих Святослав Николаевич** (1904–1993), художник 530
- Реформатский Александр Александрович** (1900–1978), языковед 353; 568
- Решетовская Наталья Алексеевна** (1919–2003), первая жена А. И. Солженицына 418–419, 430–431, 522, 534; 575
- Рив Елена**, жена Ф. Рива 312, 314, 437, 536–537; 583
- Рив (Reeve) Франклин** (р. 1924), американский славист, прозаик 312, 314, 344, 437, 536–537, 540; 583
- Рильке Райнер Мария** (1875–1926), австрийский поэт 285
- Римма Алексеевна**, см. **Степина Р. А.**
- Ричард Львиное Сердце** (1157–1199), английский король 335
- Ричардсон Сэмюэл** (1689–1761), английский писатель 186
- Робинсон Андрей Николаевич** (1917–1993), филолог, медиевист-славист 173

Роговин Константин Александрович
(р. 1955), внук К. А. Федина 223,
312, 339

Роговина Варвара Александровна
(р. 1945), внучка К. А. Федина 136,
139–141, 151, 155–156, 223, 227, 312

Рогожина Лидия Николаевна, вторая
жена Б. К. Чуковского 47; 555

Роден Огюст (1840–1917), француз-
ский скульптор 335

Родичевы Дима, Любочка и Стасик,
дети С. Д. и Н. С. Родичевых 64–65,
185

Родичевы Сергей Дмитриевич
(1905–1987) и его жена **Нина Сте-
пановна** (1905–1979), ташкентские
ответственные работники 64–65

Розанов В. В.* 458–459; 551–552

Розанова В. Д.* 458

Розенель-Луначарская Н. А.** 450

Розинер А. Е.* 494

Розмирович Елена Федоровна
(1886–1953), директор Библиотеки
им. В. И. Ленина, первая жена
Н. В. Крыленко 17–18, 117

**Рокоссовский Константин Констан-
тинович** (1896–1968), маршал,
военачальник 67

Рома Руфь Марковна (1915–1989),
актриса, жена А. И. Райкина 369

Ромашов Б. С.** 33, 79, 82

Роскина Наталья Александровна
(1928–1989), мемуаристка, литера-
туровед 367–368

Росс Лилиан (р. 1926), американская
журналистка, сотрудница газеты
«New Yorker» 441, 509–510, 516; 576

Росс Эрик Эремия, приемный сын
Лилиан Росс 434, 509–510, 517; 576

Россельс Владимир Михайлович
(1914–2000), переводчик 398

Росsetти Д.-Г.* 170, 332

Ростан Эдмон (1868–1918), француз-
ский поэт и драматург 71

Ростропович Мстислав
Леопольдович (1927–2007),
виолончелист, дирижер 580

Ротштейн Федор Аронович
(1871–1953), академик, историк,
дипломат 83, 117

Ротштейн Эндрю (Rothstein Andrew,
1898–1994), историк, член англий-
ской компартии, публицист, автор
книг о Советском Союзе, сын акаде-

мика Ф. А. Ротштейна 329, 337, 379,
407–408

Рубашова Сильва (р. 1932), англий-
ская журналистка 441

Рубинштейн Сергей Леонидович
(1889–1960), психолог, философ 137

Руденко Роман Андреевич
(1907–1981), с 1956 г. Генеральный
прокурор СССР 163, 174; 564

Рудный Владимир Александрович
(1913–1984), писатель 560

Рудомино Маргарита Ивановна
(1900–1990), директор Библиотеки
иностранной литературы 450

Рудянский 198

Руманов А. В.* 87, 222, 485–486

Румянцев Алексей Матвеевич
(1905–1993), академик, экономист,
главный редактор газеты «Правда»
398, 418

Румянцева Ольга Васильевна
(р. 1923), директор переделкин-
ской детской библиотеки 349, 500

Русланова Лидия Андреевна
(1900–1973), певица 177

Рыбаков Анатолий Наумович
(1911–1998), писатель 214

Рыклин Григорий Ефимович
(1902–1964), писатель, журналист,
сотрудник газет «Известия», «Прав-
да» 43, 387

Рылеев К. Ф.** 169, 258

Рыльский Максим Фаддеевич
(1895–1964), поэт, общественный
деятель 53, 366, 408; 572

Савельева Ирина Ричардовна,
московская соседка Чуковских 71

Сантов В. И.** 509

**Салиас-де Турнемир Евгений Андре-
евич** (1840–1908), писатель 11

Салтыков-Щедрин М. Е.* 89, 116,
129, 288, 296, 301, 394, 438, 503,
531–532

**Салтычиха, Салтыкова Дарья Нико-
лаевна** (1730–1801), помещица, за-
мучившая более ста крепостных 149

Самарин Юрий Федорович
(1819–1876), философ, историк,
публицист 126

Самойлов Анатолий Васильевич
(1883–1953), архитектор 147

Самойлович Рудольф Лазаревич
(1881–1940), профессор, полярный
исследователь 14, 43

- Санд Жорж**** 136
- Санин (Шенберг) Александр Акимович** (1869–1956, умер за границей), режиссер Художественного театра, муж Л. Мизиновой 464
- Сапов Иван Андреевич** (1897–1937, расстрелян), первый секретарь Киевского горкома партии 23
- Сапунов Н. Н.*** 320
- Сарджент Джон Сингер** (1856–1925), американский художник 337
- Сарнов Бенедикт Михайлович** (р. 1927), критик, мемуарист 557
- Сартр Жан Поль** (1905–1980), французский писатель, философ 169
- Сарьян Мартирос Сергеевич** (1880–1972), художник 117
- Саути Р.*** 65; 549
- Сафо (Сапфо, VII–VI века до н. э.),** древнегреческая поэтесса 331
- Сафонов Алеша** 243
- Сафонова Елена Васильевна** (1902–1980), художница 14
- Сахаров Андрей Дмитриевич** (1921–1989), академик, физик-теоретик, правозащитник 582
- Сахнин Аркадий Яковлевич** (1910–1999), писатель 201–202; 560
- Сахновский Василий Григорьевич** (1886–1945), режиссер, театровед, педагог 173
- Сварог В. С.*** 15
- Светик Гусев, сын Е. В. Гусевой** 25
- Светлов Михаил Аркадьевич** (1903–1964), поэт, драматург 303, 361, 431
- Святополк-Мирский Д. П.**** 6, 258, 269, 368, 371, 414; 557, 573
- Сейфуллина Л. Н.**** 120, 362; 567
- Селих Яков Григорьевич** (1892–1967), главный редактор «Известий» с 1938 года 376–377
- Сельвинская Берта Яковлевна** (1898–1980), жена И. Л. Сельвинского 118, 287, 311, 315
- Сельвинская Татьяна Ильинична** (р. 1927), театральная художник, дочь И. Л. и Б. Я. Сельвинских 118, 120, 123
- Сельвинская Циля, см. Воскресенская Ц. А.**
- Сельвинский И. Л.*** 93, 151, 287, 311–312, 315, 362, 365, 370, 372, 538; 564, 570
- Семенов Владимир Семенович** (1911–1982), дипломат, зам. министра иностранных дел 229–230
- Семенов Николай Николаевич** (1896–1986), академик, физик 33
- Семенов Петр Афанасьевич,** управляющий делами Совета Министров Карельской автономной республики 569
- Семенов Юра, сын академика Н. Н. Семенова** 33
- Семенова Мила, дочь академика Н. Н. Семенова** 33
- Семин Виталий Николаевич** (1927–1978), писатель 455, 457; 578
- Семичастный Владимир Ефимович** (1924–2001), комсомольский, партийный, государственный деятель 272
- Семужкин Тихон Захарович** (1900–1970), писатель 214
- Семьинин Петр Андреевич** (1909–1983), поэт 54–55
- Сенковский (псевд. Барон Брамбеус) Осип (Юлиан) Иванович** (1800–1858), писатель, журналист, востоковед 153
- Сен-Симон Клод Анри де Рувруа** (1760–1825), французский мыслитель, социалист-утопист 320
- Сент Ламбер Жан Франсуа де** (1716–1803), французский поэт, друг энциклопедистов, возлюбленный маркизы дю Шателе 308
- Сенченко Антон Григорьевич,** секретарь Союза писателей Украины 22
- Сера Жорж** (1859–1891), французский художник 530
- Серафимович А.**** 529
- Сервантес Сааведра Мигель де** (1547–1616), испанский писатель 117, 413
- Сергеев Иван Иванович,** директор городка писателей 239, 241–242
- Сергеев-Ценский С. Н.*** 105, 228, 273–274, 280, 425, 512, 524
- Сергей Николаевич, см. Терновский С. Н.**
- Сергиевский Иван Васильевич** (1905–1954), литературовед 112
- Серго, см. Берия С. Л.**
- Серебрякова Галина Иосифовна** (1905–1980), писательница 401

- Серов Анатолий Анатольевич** (1939–1975), сын актрисы В. В. Серовой и летчика А. К. Серова 90
- Серов Вал. А.*** 295, 329
- Серов Владимир Александрович** (1910–1968), президент Академии художеств СССР 218, 356, 401
- Серов Иван Александрович** (1905–1990), председатель КГБ в 1954–1958 гг. 561
- Серова Валентина Васильевна** (1917–1975), актриса, жена К. М. Симонова 132, 160
- Симмонс Джон Саймон Габриэл** (1915–2005), славист, профессор Оксфордского университета, специалист в области русского книговедения и библиографии 332, 416
- Симмонс (Simmons) Эрнест Дж.** (1903–1972), американский литературовед, славист 444, 528
- Симонов Константин Михайлович** (1915–1979), писатель, общественный деятель 87, 89–91, 93–95, 105, 132–133, 139, 143, 153, 158, 160, 174, 198, 213, 217, 224, 366, 517; 553, 560, 570
- Сингер Исаак Башевис** (1904–1991), еврейский писатель 422
- Синельников Михаил Исаакович** (р. 1946), поэт 571
- Синх Гур Бакш (Gur Baksh)**, знакомый К. Ч. 314–315
- Синявский Андрей Донатович** (1925–1977), писатель 412, 420, 424, 429; 571, 575, 578
- Сион, см. Цион И. Ф.**
- Сирано де Бержерак** (1619–1655), французский драматург, философ, поэт 71
- Сислей Альфред** (1839–1899), французский художник 530
- Скафтымов Александр Павлович** (1890–1968), литературовед 330
- Скворцов Лев Иванович** (р. 1934), лингвист 353, 505; 581
- Скосырев Петр Георгиевич** (1900–1960), писатель 69
- Скрябин Константин Иванович** (1878–1972), академик, гельминтолог 462
- Славин Лев Исаевич** (1896–1984), писатель 403
- Слепцов В.А.*** 107, 110, 180, 198, 204–205, 207–208, 213, 216, 218, 221, 223, 226, 247, 315, 321, 448, 542; 586–587
- Словацкий Юлиуш** (1809–1849), польский поэт, драматург 282, 287
- Слоним (Чалидзе) Вера Ильинична** (р. 1948), дочь Т. М. Литвиновой 144, 227, 339, 391, 447
- Слоним Илья Львович** (1906–1973), скульптор, муж Т. М. Литвиновой 144
- Слоним Мария Ильинична** (р. 1945), журналистка, дочь Т. М. Литвиновой 144, 227, 339, 436, 447, 515
- Слонимский А. Л.*** 125, 350
- Слонимский М. Л.*** 37, 53, 67, 69, 243, 256, 339, 430
- Слущкий Борис Абрамович** (1919–1986), поэт 399, 524, 527, 539
- Сметана Бедржих** (1824–1884), чешский композитор 107
- Смирнов Василий Александрович** (1904–1979), секретарь правления СП СССР (1954–1959) 201, 241, 244, 253
- Смирнов (Халтурин) Володя** (1936–1955), сын И. И. Халтурина и В. В. Смирновой 203, 208
- Смирнов Иван Иванович** (1909–1965), историк 520
- Смирнов Константин Сергеевич, Котя** (р. 1952), сын С. С. Смирнова 312, 455
- Смирнов Лев Николаевич** (1911–1986), председатель Верховного суда РСФСР в 1962–72 гг. 389–390
- Смирнов Сергей Сергеевич** (1915–1976), писатель, в 1959–60 гг. главный редактор «Литературной газеты» 169, 183, 224, 282, 296, 315, 368, 399, 409, 424, 451; 575
- Смирнов-Сокольский Николай Павлович** (1898–1962), артист эстрады, писатель, библиофил 305
- Смирнова В. В.**** 84, 108, 173, 203, 208, 254, 303, 389
- Смирнова Зинаида Васильевна** (1913–?), философ, критик, сестра В. В. Смирновой 389, 446
- Смирнова Ирочка**, дочь В. В. Смирновой 203
- Снастин Василий Иванович** (1913–1976), работник идеологического отдела ЦК КПСС, замести-

- тель секретаря ЦК КПСС
Л. Ф. Ильичева 380, 384
- Собинов Л. В.*** 412, 531; 572
- Собинова Н. И.*** 133
- Соболев Аркадий Александрович**
(1903–1964), представитель СССР в
ООН 288, 295–297
- Соболев Леонид Сергеевич**
(1898–1971), писатель 94, 271, 282,
316, 354, 442; 557
- Соболева Лариса Петровна**, жена
А. А. Соболева 288, 295, 297
- Соболева Ольга Иоанновна**, жена
Л. С. Соболева 171, 271, 316
- Соколов Ю. М.*** 43
- Соколов-Микитов И. С.*** 147, 312
- Соколовский Василий Данилович**
(1897–1968), военачальник,
Маршал Советского Союза 372–374
- Солдатов Александр Алексеевич**
(1915–1999), дипломат, в 1960–66 гг.
посол в Великобритании 336, 350,
370–372, 420–421
- Солдатова Руфина Борисовна**, жена
А. А. Солдатов 336, 350, 370, 372,
420–421
- Солженицын Александр Исаевич**
(1918–2008), писатель 324–325, 337,
341, 353–354, 359, 364–365, 368–374,
380, 382, 385, 394–396, 407, 418–420,
422–425, 427, 430–431, 436–439,
441–442, 446, 452, 456, 498, 501, 505,
507–508, 515–516, 518, 520–523,
526–527, 529, 532, 534; 567–571, 575,
580–582, 588, 589
- Соллертинский Иван Иванович**
(1902–1944), музыковед, литерату-
ровед, театровед 83, 123
- Соллогуб Владимир Александрович**,
граф (1813–1882), писатель 188
- Солнцева Юлия Ипполитовна**
(1901–1989), актриса и кинорежис-
сер, жена А. П. Довженко 28
- Соловьев В. С.*** 11
- Соловьев Вл. С.*** 188, 464
- Соловьева П. С.*** 464
- Сологуб Ф. К.*** 75, 105, 188, 289, 342,
394, 427, 429–430, 452, 462–463, 467,
480–483, 529
- Солодовников Гаврила Гаврилович**
(1826–1901), московский купец, ме-
ценат, владелец магазина «Пассаж»
223
- Сомов К. А.*** 329, 492, 529
- Сосинский Владимир Брониславо-
вич** (1900–1987), писатель, литера-
турный критик, журналист 288,
295–296
- Сосновский Лев Семенович**
(1886–1937, расстрелян), троцкист,
журналист, сотрудник «Правды» 580
- Софонов Анатолий Владимирович**
(1911–1990), писатель, драматург
166, 179, 324, 367, 374, 398, 418; 557
- Софья Анатольевна**, см.
Николаева С. А.
- Спендиаров Александр Афанасьевич**
(1871–1928), композитор 136
- Спендиарова Татьяна Александров-
на** (1902–1990), поэт, переводчик 164
- Сперанская (Филатова) Елизавета
Петровна** (1877–1958), жена
Г. Н. Сперанского 192–194
- Сперанский Георгий Нестерович**
(1873–1969), академик АМН,
педиатр 191–194, 256
- Сперроу Джон** (1906–1992), ректор
колледжа «All Souls» в Оксфорде
332
- Спирин Иван Тимофеевич**
(1898–1960), генерал-лейтенант
авиации, главный штурман ВВС,
доктор географических наук 114–
115, 121
- Спирина Симона Борисовна** (?–1949),
жена И. Т. Спирина 114–115
- Стайн Гертруда** (1874–1946), амери-
канская писательница, теоретик
литературы 170
- Сталин И. В.*** 7–8, 19, 34, 37, 67–68,
70–71, 86, 101, 121, 135, 150, 163,
168, 194, 197–198, 211–215, 227, 270,
320, 324–325, 327–328, 338, 344, 346,
348–349, 351–356, 367, 371–372, 377,
383, 385, 395, 407, 413, 421, 423, 425,
427–428, 451, 502, 510, 520–521;
545–548, 550–551, 553, 556, 559, 567,
569, 574, 576–577, 584, 586–587
- Станислав I Лещинский** (1677–1766),
польский король 308
- Станиславский К. С.*** 80, 174
- Старцев Абель Исаакович**
(1909–2005), филолог, литературо-
вед, переводчик 81; 550
- Стасов В. В.*** 202
- Стасова Елена Дмитриевна**
(1873–1966), партийный деятель,
работник Коминтерна 288–289, 326;
567

- Стасюлевич Любовь Исааковна**, жена М. М. Стасюлевича 474
- Стасюлевич М. М.*** 474; 579
- Стед Вильям Томас (Stead William Thomas, 1849–1912)**, английский журналист, основатель «Review of Reviews» 222
- Стед Эстелла**, английская спиритуалистка, дочь В. Т. Стеда 222
- Стейнбек Джон Эрнст (1902–1968)**, американский писатель 410, 432; 575
- Стенич В. И.**** 44, 204, 258, 422, 498
- Степанов Николай Леонидович (1902–1972)**, литературовед 6, 82, 127, 249, 261, 400
- Степанов Трофим Георгиевич**, директор переделкинского городка 187
- Степанова Ангелина Осиповна (1905–2000)**, актриса, жена А. А. Фадеева 86, 88
- Степина Римма Алексеевна**, врач Загородной больницы 410
- Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851–1895)**, умер за границей), революционер-народник, писатель 485
- Стефанчук Людмила Григорьевна**, востоковед 427, 432, 456
- Стефенс** 336
- Стецкий А. И.**** 8, 18
- Стечкин Борис Сергеевич (1891–1969)**, академик, математик 520
- Стивенсон Р.-Л.*** 5, 188, 194, 205, 445, 502; 560
- Стил Р.*** 483
- Столярова Наталья Ивановна (1912–1984)**, секретарь И. Г. Эренбурга 419–421
- Сторицын П. И.**** 53
- Страхов Н. Н.*** 72, 458
- Стрит Джессика** 162
- Струве Глеб Петрович (1898–1985)**, умер за границей), литературовед, педагог, журналист 419; 572, 574
- Струве Антонина Александровна (1868–1943)**, умерла за границей), жена П. Б. Струве 32
- Струве П. Б.*** 32
- Струкова Е. П.*** 480
- Ступникер Александр Максимович (1902–?)**, журналист, сотрудник журнала «Огонек» 95
- Суворин А. С.*** 87, 259, 511; 551–552, 563
- Суворов А. В.**** 50, 87
- Судейкин С. Ю.*** 481, 531
- Судейкина О. А.*** 365, 481
- Суиннберн А.-Ч.*** 177, 329–332
- Суконцев Александр Алексеевич (1924–1999)**, фелбетонист 559
- Сумцов**, зам. министра внутренних дел 539–540
- Суриков В. И.**** 89
- Сурков Алексей Александрович (1899–1983)**, поэт 67, 85, 119, 148, 155, 163, 166–167, 179, 198, 201, 203, 213, 216, 239, 246, 248, 266, 270, 273, 283, 289, 311, 325, 328, 340, 348, 383, 391, 446, 505, 538; 553
- Суров Анатолий Алексеевич (1911–1987)**, драматург 168, 189; 559
- Суслов Михаил Андреевич (1902–1982)**, член Политбюро ЦК КПСС 262, 415; 565
- Сутеев Владимир Григорьевич (1903–1993)**, детский писатель, художник-иллюстратор 353
- Сутоцкий Сергей Борисович (1912–1974)**, сотрудник газеты «Правда» 373–374
- Сутугина-Кюнер В.А.*** 208, 217; 561
- Сыромятникова (Каширина) Мария Потаповна (1870–1955)**, мать Т. В. Ивановой 199
- Сырыщева Татьяна Яковлевна (1910–2008)**, редактор изд-ва «Молодая гвардия», поэт 313–314, 320–321, 342
- Сысоев Николай Александрович (1918–2001)**, художник 275
- Сытин И. Д.*** 87, 485–486
- Сюннерберг К. А.*** 222
- Т. А.**, см. Богданович Т. Ал.
- Табидзе Н. А.**** 268
- Табидзе Т. Ю.**** 268
- Таврог Марианна Елизаровна (1922–2006)**, режиссер фильма «Чукоккала» 520; 582, 589
- Тагер Елена Ефимовна (1909–1981)**, искусствовед 252
- Тагер Елена Михайловна (1895–1964)**, писательница 198, 201–206, 209, 211, 213, 348, 371, 404; 560, 586
- Тагер Иосиф Львович (1900–1976)**, главный рентгенолог Четвертого медицинского управления 340
- Тагор Р.**** 262
- Тайц Яков Моисеевич (1905–1957)**, писатель 177

Таль Борис Маркович (1898–1938, расстрелян), зам. заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) 8; 546

Тальников Давид Лазаревич (1882–1961), театровед, критик 471

Танака Яско (р. 1938), японская славистка, специалистка по детской литературе 388

Танака Юзо (р. 1933), муж Яско Танаки 388

Таня, Таничка, см. Литвинова Т. М.

Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909–1956), литературовед, критик 88, 145–146, 200, 211; 557

Тарасова Алла Константиновна (1898–1973), актриса 157

Тарховская Елизавета Яковлевна (1895–1968), писательница 71, 242–243

Тарковский Арсений Александрович (1907–1989), поэт 428, 437

Тарле Е. В. ** 51, 67–68, 82–83, 111, 124, 129, 150, 183, 371, 377, 487–488; 548, 556

Тарле Ольга Григорьевна (1874–1955), жена Е. В. Тарле 129, 183, 186

Тарле-Тарновская Мария Викторовна, сестра Е. В. Тарле 183

Тата, Татка, см. Костюкова Н. Н.

Твардовская Ольга Александровна (р. 1941), театральный художник, дочь А. Т. Твардовского 84

Твардовская Мария Илларионовна (1908–1991), жена А. Т. Твардовского 84, 326

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), поэт 84, 95, 133, 134, 150, 167, 169–170, 196, 198, 207, 211, 220–221, 229, 244, 246, 273, 316–317, 323–327, 337–338, 340–342, 359, 365, 372, 380, 395, 399, 416, 422, 424, 431, 438, 442, 452, 507, 517, 534, 538; 550, 557, 559–560, 562, 566–567, 570, 575, 582, 588

Твен М. * 5, 12, 120, 194–195, 219–220, 226, 247, 323, 509, 543; 584, 587

Теккерей У.-М. * 73, 334, 409, 499

Тендряков Владимир Федорович (1923–1984), писатель 236

Теплинский Марк Вениаминович (1924–2012), некрасовед 134, 436

Тепляковы Светлана и Михаил, инвалиды, которым помогал К. Ч. 436, 438, 507

Терехов, актер Малого театра 49

Терновский Сергей Николаевич, шофер К. Ч. до войны 111, 185–186, 259, 318

Теуш Владимир Львович (1898–1973), знакомый А. И. Солженицына 418; 574

Тимирязев К. А. * 224

Тимофеев (Еропкин) Борис Николаевич (1899–1963), писатель, языковед 353; 568

Тимоша, см. Пешкова Н. А.

Титмарш Кирилл, корреспондент «Таймса» 405, 434

Тито (Броз Тито) Иосип (1892–1980), генеральный секретарь ЦК Компартии Югославии 411

Титов Герман Степанович (1935–2000), летчик-космонавт СССР 314

Тихомирова Надежда Васильевна, референт министерства здравоохранения РСФСР 253

Тихонов А. Н. * 43, 68, 70–71, 76, 85, 156–157, 161, 333, 444, 482, 488–489, 492

Тихонов Н. С. ** 6, 85, 88–89, 94, 102, 135, 142, 158–159, 162–163, 242, 245, 316, 321, 342, 350–351, 362, 370; 553, 563

Тихонова (Неслуховская) Мария Константиновна (1892–1975), жена Н. С. Тихонова 158–159

Тициан ** 76

Толстая (Вечорка) Татьяна Владимировна (1892–1965), писательница 45

Толстая Людмила Ильинична (1906–1982), жена А. Н. Толстого 7, 100, 131, 135, 145, 161, 199, 229–230, 250, 257, 259, 345, 373–374, 423

Толстая М. А. ** 100

Толстая С. А. (Сухотина С. А.) 318

Толстой А. К. * 254, 332

Толстой А. Н. * 6–8, 11, 17–18, 48, 60–63, 66, 68–69, 92, 100, 123, 141, 157, 173, 178, 235, 245, 247–249, 309, 352, 355, 357, 376, 393, 411, 423, 440, 455, 478, 479, 481, 538; 565

Толстой Григорий Михайлович (1808–1871), помещик 51, 82, 191, 196

Толстой Илья Львович (1866–1933), писатель, сын Л. Н. Толстого 473

Толстой Л. Н. * 52, 86, 100, 105, 116, 129, 134, 147, 189, 191, 211–212, 230,

- 247, 277, 298, 301, 314, 316, 322, 326, 344, 348, 394, 431, 465, 483, 531, 538, 542; 568, 579
- Толстой Николай Николаевич** (1823–1860), писатель, брат Л. Н. Толстого 134
- Толстой Феофил Матвеевич** (1810–1881), музыкальный критик 102, 104, 196; 555, 586
- Томашевский Б. В.**** 6
- Топуридзе Константин Тихонович** (1904–1977), архитектор, муж Р. В. Зеленой 114
- Топуридзе Р. К.**, архитектор, сын К. Т. Топуридзе 114
- Торо Генри Дейвид** (1817–1862), американский писатель, философ 429
- Тренев Виталий Константинович** (1908–1953), писатель, сын К. А. Тренева 84, 87, 103–104, 139–140, 144, 150
- Тренев Константин Андреевич** (1876–1945), писатель, драматург 84, 150, 213, 362
- Тренева Елена Витальевна**, дочь В. К. Тренева 92
- Тренева Наталья Константиновна** (1904–1980), переводчица, дочь К. А. Тренева, жена П. А. Павленко 74, 213–214, 259, 261
- Третьяков Андрей Федорович** (1905–1966), в 1953–54 гг. министр здравоохранения СССР 194
- Третьяков Павел Михайлович** (1832–1898), промышленник, коллекционер, создатель галереи 202
- Трифоновна Тамара Казимировна** (1904–1962), критик, литературовед 187
- Троллоп Энтони** (1815–1882), английский писатель 73, 181–182, 228, 329
- Троцкий Л. Д.*** 213, 379
- Труханова Н. В.**** 96, 100
- Туманян Ованес** (1869–1923), армянский писатель 528
- Туполев Андрей Николаевич** (1888–1972), авиаконструктор 132, 191–192, 194, 196–197
- Туполева Юлия Николаевна** (1894–1962), жена А. Н. Туполева 192, 194
- Тургенев Александр Иванович** (1784–1845), общественный деятель, историк, писатель 216
- Тургенев И. С.*** 86, 100, 129, 133, 247, 332, 338, 344, 394, 399
- Тургенева М. Л.**** 393
- Турло Анастасия Ивановна**, домашняя работница 185
- Турнер Г. И.**** 6
- Тынянов Ю. Н.*** 5–6, 10–11, 37–38, 52–53, 70, 97, 133, 157–158, 162, 232, 257, 391, 402, 406, 412, 429, 439–440, 450; 546, 572
- Тынянова Е. А.**** 6, 11, 53, 450
- Тырса Николай Андреевич** (1887–1942), художник-график 7, 16, 34
- Тычина Павло (Павел Григорьевич)** 1891–1967), украинский поэт и государственный деятель 17, 27, 366
- Тэн И.-А.**** 463
- Тэсс Татьяна Николаевна** (1906–1984), журналистка 259–260, 323, 451, 456
- Тэффи Н. А.*** 87, 424, 462, 481
- Тютчев Ф. И.*** 26, 29, 31, 113, 236, 283, 399, 409; 555
- Уайльд О.*** 228, 230, 245, 249, 270, 308, 332, 394, 459, 485, 517–518; 565
- Узволот Яков Львович**, массовик-затейник 243
- Уилсон Эдмунд** (1885–1972), американский критик, писатель 271, 441
- Уитмен У.*** 51, 70, 74, 81, 133, 136, 140, 147, 152, 155–157, 190–192, 195, 198, 203, 296, 394, 403, 406, 414, 422, 432, 459, 477, 479, 485, 497–498, 500, 518, 531, 535, 542–543; 550, 557, 573
- Уичерли У.**** 508, 543
- Ульрих Василий Васильевич** (1889–1951), юрист, председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР, один из главных исполнителей репрессий при Сталине 548
- Ульянова Мария Александровна** (1835–1916), мать В. И. Ленина 452; 577
- Ульянова Мария Ильинична** (1878–1937), партийный деятель, сестра В. И. Ленина 567, 577
- Ульянова-Елизарова Анна Ильинична** (1864–1935), мемуаристка, сестра В. И. Ленина 577
- Уолпол Хью (Вальполь Гюг*)** 492
- Успенский Г. И.*** 105, 205
- Успенский Лев Васильевич** (1900–1978), писатель 430
- Успенский Н. В.**** 218, 357

Устинов Питер Александер (1921–2004), английский писатель, киноактер, режиссер, внучатый племянник А. Н. Бенуа 373

Устругова Аля (наст. имя **Варвара Дмитриевна**, расстреляна в 1935), дочь В. К. Уструговой, актриса 392

Устругова В. К.* 392

Утесов Л. О.* 44, 53, 389, 412–413, 451

Уткин Иосиф Павлович (1903–1944), поэт 61, 503

Уточкин С. И.* 38

Ухсай Яков Гаврилович (1911–1986), поэт 166

Ушинский Константин Дмитриевич (1824–1870/71), педагог 189, 197, 288

Уэллс Г.-Д.* 393, 395, 420

Фаворский Владимир Андреевич (1886–1964), художник 322, 355, 358, 360

Фаворский Никита Владимирович (1915–1941, погиб на фронте), художник-гравер, сын В. А. Фаворского 322

Фадеев А. А.* 48, 52, 54, 60, 63, 67–68, 71, 75, 77, 84–89, 93–95, 100, 103–105, 115, 127, 129–130, 141, 151–153, 156–158, 166, 168, 183, 214–216, 229, 271, 313, 351, 391; 548–549, 551, 553–554, 557–558, 561–562, 587

Фадеев Александр Александрович, Шуня (1936–1993), сын А. О. Степановой от первого брака 122

Фадеев Михаил Александрович, Миша (р. 1944), сын А. А. Фадеева и А. О. Степановой 214

Фальк Роберт Рафаилович (1886–1958), художник 348, 355, 499

Фаст Говард Мэлвин (1914–2003), американский писатель, поэт 128

Федин К. А.* 43, 51, 67, 69, 79, 88, 90, 100, 103, 123, 133, 135–137, 139–142, 144–145, 147, 149–151, 154–162, 165, 167–169, 171–172, 178–179, 184–185, 199, 201–202, 207, 216–217, 223–224, 227, 231–232, 235–236, 242–243, 247–250, 252, 268–271, 284–287, 289, 295, 299, 312, 316, 322, 340, 342, 345, 347, 350, 360, 362, 366, 370, 381, 386, 391, 442, 446, 482, 495, 500; 557, 560, 562–563, 580

Федина Дора Сергеевна (1895–1953), жена К. А. Федина 52, 100, 103, 123, 135–137, 141–142

Федина Нина Константиновна (р. 1922), дочь К. А. Федина 52, 137, 139, 142, 145, 159, 184, 199, 248, 312

Федоренко Николай Трофимович (1912–2000), востоковед, дипломат 168

Федоров Александр М.* 477

Федоровский Дмитрий, кинооператор фильма «Чукоккала» 521

Фейн Герман Наумович (р. 1928), преподаватель литературы в школе 504, 534

Фейнберг Илья Львович (1906–1979), пушкинист 259

Фейнберг Леонид Евгеньевич (1896–1980), художник, муж переводчицы В. Н. Марковой 388

Фельтринелли Джанджакомо (1926–1971), итальянский издатель 561

Фельдман Моник* 514

Феоктистов Константин Петрович (1926–2009), летчик-космонавт, инженер 395; 571

Фет А. А.* 15, 195, 331, 528, 538, 542

Фидманы 48

Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782–1867), церковный деятель, с 1821 г. митрополит Московский 129

Филарет (Яценко Лаврентий Тарасович, 1874–1949), титулярный митрополит обновленческой церкви 76

Филатов Александр Константинович, директор Московской Межобластной конторы «Лесстройторг» 234, 236–238

Филатов Владимир Петрович (1875–1956), врач-офтальмолог, хирург 192

Филдинг Г.* 113–114, 150, 151, 155, 157, 161, 163, 171–172, 176, 186; 557

Финн Константин Яковлевич (1904–1975), писатель 52

Фицджеральд Френсис Скотт (1896–1940), американский писатель 415

Фиш Геннадий Семенович (1903–1971), писатель 204

Фишер Джордж (Юрий Львович, 1923–2005), американский социолог, сын Л. Фишера 292, 432

Фишер Луис (1896–1970), американский журналист, автор книг о Ленине, о Сталине и др. 292

Флобер Г.* 491

Фойер (Feuer) Льюис Сэмюэл (1914–2003), американский социолог 572

Фойер-Миллер Робин, американская славистка, профессор русской литературы 572

Фолкнер Уильям (1897–1962), американский писатель 230–231, 262; 563

Фонвизин Д. И.** 344, 394

Форш О. Д.** 147

Фотеева Антонина Ивановна, директор Дома детской книги 355; 568

Фофанов К. М.* 470

Фразер Джеймс Джордж (Frazer James George, 1854–1941), британский антрополог, филолог 452–453

Франко Иван Яковлевич (1856–1916), украинский писатель 216

Франс А.* 376

Франц Францевич, шофер К. И. Чуковского 153, 160, 187

Френкель Виктор Яковлевич (1930–1997), историк науки 547

Фридрих II Великий (1712–1786), прусский король 66, 308

Фроман М. А.** 7, 13, 37, 495

Фрост Роберт (1874–1963), американский поэт 337–338, 383; 583

Фрунзе М. В.** 213

Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974), в 1954–57 гг. первый секретарь МГК КПСС, с 1960 г. министр культуры 224, 227, 248, 267, 269–270, 408, 450

Фюк Алексей Иванович, ученик И. Е. Репина 473

Халатов А. Б.** 258; 582

Халатова С. А.** 258

Халтурин И. И.** 85, 87, 108, 203, 208, 254, 391, 506

Ханин Д. М.** 506; 582

Ханпира Эрик Иосифович (р. 1927), лингвист 344, 351

Харджиев Н. И.** 76, 119

Харитон Б. И.* 280

Харитон Татьяна Юльевна, Тата (1926–1985), дочь Ю. Б. Харитона 33

Харитон Юлий Борисович (1904–1996), академик, физик 280

Хармс Д. И.** 13, 371, 460, 495

Харти Рассел (1934–1988), английский журналист 527

Хаустов Виктор Александрович (р. 1938), рабочий, в 1967 г. осужден на три года за участие в демонстрации 22 января 1967 года 436

Хацревин Захар Львович (1903–1941), писатель, журналист 403

Хемингуэй Эрнест Миллер (1899–1961), американский писатель 282, 441

Херсонский Хрисанф Николаевич (1897–1968), драматург, критик 103

Хесин Григорий Борисович (1899–1983), в 1943 г. директор Литфонда СССР, начальник Всесоюзного управления по авторским правам 265, 370

Хилл Элизабет (1900–1996), профессор-славист Кембриджского университета 333

Хмельницкий Сергей Исаакович (1907–1952), прозаик, муж Е. А. Бороной 164; 558

Ходасевич В. М.* 143, 146, 427

Ходасевич В. Ф.* 10

Ходотов Николай Николаевич (1878–1932), актер, мелодекламатор 45

Хотнер Пьер 329–330

Храбровицкий Александр Вениаминович (1912–1989), литературовед, специалист по творчеству В. Г. Короленко 131, 309, 321

Храпченко Михаил Борисович (1904–1986), академик, секретарь Отделения литературы и языка 116, 201, 285–286, 421–422

Хренков Дмитрий Терентьевич (1919–2002), главный редактор Лениздата, главный редактор журнала «Нева» 581

Хреников Тихон Николаевич (1913–2007), композитор 288

Хрулев Степан Александрович (1807–1870), участник Крымской войны и обороны Севастополя 129

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), государственный и партийный деятель, с 1953 г. первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета министров 213, 220, 232–233, 289, 306, 322, 338, 340, 342, 347, 354–356, 360, 367–368, 376,

- 379, 381, 383, 385, 388, 395–396, 400–401, 407–408, 427, 432, 499; 567, 569, 571–572, 587–588
- Хрущева (Кухарчук) Нина Петровна** (1900–1984), жена Н. С. Хрущева 401
- Цветаева Анастасия Ивановна** (1894–1993), писательница, переводчица, сестра М. И. Цветаевой 130; 556, 570
- Цветаева Марина Ивановна** (1892–1941, покончила с собой), поэтесса, писательница 224, 258, 307, 310, 337, 351, 358–359, 365, 368, 371, 404–405; 567, 570
- Цейтлин М. А.**** 385, 417
- Цейтлин Наум Иосифович** (1909–1997), художник-иллюстратор 310, 324, 341, 385
- Цейтлин (Цетлин) Михаил Осипович** (псевд. Амары, 1882–1945, умер за границей), поэт, критик, коллекционер, меценат 478–479
- Цейтлина (Тумаркина) Мария Самойловна** (1882–1976, умерла за границей), жена М. О. Цейтлина 478–479
- Ценский, см. Сергеев-Ценский С. Н.***
- Цеткин К.**** 263
- Цехановский Михаил Михайлович** (1889–1965), художник книги и мультипликации 76
- Цион Илья Фаддеевич** (1842–1912), физиолог, публицист, агент русского министерства финансов в Париже 227
- Цитович Сергей Сергеевич**, барвинский знакомый К. Ч. 379
- Цицин Николай Васильевич** (1898–1980), академик, селекционер 371, 420
- Цыпин Григорий Евгеньевич** (1899–1938, расстрелян), журналист, директор издательства «Детская литература» 8, 11, 14–17, 19, 41–43
- Цявловский М. А.**** 18, 120, 151
- Чаадаев П. Я.*** 320
- Чагин П. И.**** 53, 55, 74
- Чайков Иосиф Моисеевич** (1888–1979), скульптор 319
- Чайковская Ольга Георгиевна** (р. 1918), журналистка 507
- Чайковский Богдан Осипович**, главный редактор украинского Детиздата 264, 266
- Чайковский Петр Ильич** (1840–1893), композитор 423
- Чаковский Александр Борисович** (1913–1994), писатель 423, 508
- Чан Кай-ши** (1887–1975), китайский государственный деятель 326
- Чапаев Василий Иванович** (1887–1919), командир 25-й стрелковой дивизии Красной армии 22
- Чаплин Чарлз Спенсер** (1889–1977), американский актер, кинорежиссер, сценарист 25, 381
- Чарушин Евгений Иванович** (1901–1965), художник и писатель 587
- Чеботаревская Ан. Н.*** 481–482
- Чекан Виктория Владимировна** (1888–1974), актриса 222
- Чемберс, братья Роберт** (1802–1871) и **Уильям** (1800–1871), английские издатели, литераторы, основатели энциклопедий «Chambers Encyclopedia» и «Cyclopaedia of English Literature» 108
- Червонцев Анатолий Иосифович** (1919–1985), генерал-майор, начальник отдела ГУ Министерства обороны 539–541
- Черемин Георгий Сергеевич**, редактор Гослитиздата 112, 115
- Черноуцан Игорь Сергеевич** (1918–1990), заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС 323, 355
- Черный Саша*** 289, 318, 424
- Чернышевская Нина Михайловна** (1896–1975), директор Музея Н. Г. Чернышевского в Саратове, писательница 414–415
- Чернышевский Н. Г.*** 29, 33, 47, 131, 176, 421, 473, 508, 516; 548
- Черняев Илья Ильич** (1893–1966), академик, химик-неорганик 83
- Черткова Олимпиада Дмитриевна, Липа** (1878–1951), домохозяйка в семье М. Горького 178
- Честертон Г.-К.*** 440
- Чехов А. П.*** 30, 60, 62, 65, 67–68, 70, 72–74, 78, 80–81, 100, 107, 109, 129–130, 132, 143, 150, 153, 159, 172, 174,

- 189, 197, 207, 217–218, 220–221, 223, 226–227, 245, 247–249, 251, 254, 257, 260, 265–266, 275, 286, 288, 290, 292–293, 296, 300, 314, 322–323, 332, 364, 381, 393, 397, 399, 401–402, 420, 430–431, 435, 445–446, 453, 464, 468, 488, 502–503, 508, 514, 522, 526, 531, 542–543; 551–552, 561, 563, 581, 587, 589
- Чехова Мария Павловна** (1863–1957), мемуаристка, сестра А. П. Чехова 175
- Чехонин С. В.*** 278, 363; 554
- Чивер Джон** (1912–1982), американский писатель 300, 395, 399, 402, 405, 415, 499
- Чикобава Арнольд Степанович** (1898–1985), языковед 120; 555–556
- Чимабуэ** (наст. имя **Ченни ди Пеппо**, ок. 1240–ок. 1302), итальянский художник 205
- Чириков Е. Н.*** 363, 471
- Чичерин Б. Н.**** 227, 281
- Чичерин Г. В.**** 292, 453
- Чойбалсан Хорлогийн** (1895–1952), монгольский государственный деятель, премьер-министр Монголии с 1939 г. 504
- Чубарь Влас Яковлевич** (1891–1939, расстрелян), с 1934 г. зам. председателя СНК СССР и СТО, член Политбюро ЦК ВКП(б) 17
- Чуваков Вадим Никитич** (1931–2004), литературовед, специалист по творчеству Л. Андреева 300
- Чудакова Мариэтта Омаровна** (р. 1937), литературовед, критик 572
- Чудецкая Лидия Филипповна**, секретарь К. Ч. 112
- Чудовский В. А.*** 450
- Чуковская Е. Ц., Люша*** 36, 45, 59, 70–71, 78, 81, 83, 115, 120, 130, 133, 138, 144, 152, 154, 156, 167, 185, 196, 259, 261, 268–269, 283, 301, 305, 310, 323, 348, 357, 361, 392, 394, 405–406, 415–417, 420–424, 429, 435, 438, 441, 444, 446, 448, 452, 477, 507, 516, 518, 525–526, 538–539, 542–543; 549
- Чуковская Л. К., Лида*** 7, 9, 11–12, 14, 40–41, 43, 45, 47–48, 50, 52, 55, 57, 59, 61–62, 70–71, 76, 95, 98, 102–103, 108, 117, 124, 126, 133, 136, 156, 158, 160, 167, 175–176, 183–186, 193, 199–200, 202–204, 211, 216, 218, 220–221, 229–230, 259, 261–262, 292–293, 300–302, 305–306, 322, 341, 344–345, 349, 356–358, 362, 368–369, 375, 382–383, 392, 395–399, 403–405, 410–411, 413, 416, 422, 427–428, 435–439, 443, 445–446, 455–456, 477, 478, 500, 503, 505, 507–508, 516, 521, 535, 538–539, 542–543; 546–548, 555, 557, 559, 562–564, 566, 570–571, 573, 576, 578, 581, 584–585
- Чуковская М. К., Мура*** 32–33, 36, 46, 104, 309, 318, 340, 506; 584
- Чуковская М. Б.*** 7–8, 11, 14, 16–17, 19–20, 25, 30–31, 36, 40–42, 48, 50, 52–53, 55–56, 57, 59, 62, 65–66, 69, 71–72, 76, 81–83, 85, 88, 98, 102, 104, 110–113, 123–124, 128, 130, 132–133, 136–137, 140, 144, 146, 148, 153–154, 156, 160, 164, 172, 179, 181, 184–188, 190, 194–195, 197, 199, 202, 205–206, 210–211, 226, 228–229, 231, 247, 251, 254, 256, 261, 286, 300, 308–309, 318, 329, 343, 362, 367, 369, 386, 395, 400, 404–405, 418, 422, 435, 437, 443, 448, 456, 464, 476, 478, 511, 543; 545, 565
- Чуковская Марина Дмитриевна, Мариша** (р. 1966), правнучка К. Ч. 430–433, 445, 449, 465, 507–509, 514–519, 523, 524, 526, 536–541
- Чуковская М. Н., Марина**** 25, 28, 48, 57, 67, 70, 81, 90–91, 174, 177, 184–185, 196–197, 200, 204, 211, 254, 256, 273, 301–302, 305, 310, 315, 318, 328–329, 331–332, 334–336, 354–355, 386, 396, 399, 402, 405–406, 422, 428, 430, 433, 435, 438, 445, 448, 451, 478, 502, 516, 525–526, 540
- Чуковский Андрей Евгеньевич** (р. 1960), правнук К. Ч. 294–295, 310
- Чуковский Б. К., Боба*** 7, 13, 36, 41, 43, 47–48, 50, 57–58, 62, 101–102, 181, 196, 213, 309, 318, 343, 351; 547, 550, 555, 568, 585
- Чуковский Дмитрий Дмитриевич, Митя, Митяй** (р. 1968), правнук К. Ч. 526, 535, 537, 539, 541–542
- Чуковский Дмитрий Николаевич, Митя** (р. 1943), внук К. Ч. 70–71, 88, 119, 154, 177, 185, 186, 196, 302, 312–315, 339, 346, 382–383, 397, 405, 408, 410, 412, 416, 419, 421–422, 424, 433, 435, 444–445, 447–448, 496–497, 507, 516, 519, 525, 538, 541; 550, 576
- Чуковский Евгений Борисович, Женя** (1937–1997), внук К. Ч., кинооператор 47–48, 50, 59, 64–66,

- 69–71, 74, 78, 81, 83, 88–90, 92, 94–95, 101–102, 104, 107, 111, 114, 116, 118, 120–123, 126, 129–130, 137–138, 141, 144, 146–147, 156, 161, 164–165, 174, 180–182, 185–186, 199–205, 207–208, 210–211, 213, 216–218, 220, 230, 253, 267, 294, 301, 306, 310, 312, 315, 422, 478; 545, 550
- Чуковский Н. К., Коля*** 5, 11–12, 14, 22, 27–28, 40–41, 48, 50, 53, 55, 57, 62, 67, 71, 88, 90, 102, 119–120, 133, 156, 158, 166–167, 171–172, 175, 177–180, 183–185, 188–189, 196–198, 200, 202, 204–205, 211–212, 215, 218, 221, 223–224, 229, 234, 251, 255, 260, 262, 270, 273, 283, 296, 301–302, 305–306, 309, 315, 320–321, 328, 341, 351, 356, 361, 396, 399, 405–406, 412, 419, 421–422, 430–431, 438–439, 448, 511; 550, 552, 563–564, 568, 572, 575, 585, 588
- Чуковский Николай Николаевич, Гуля** (р. 1933), внук К. Ч., радиоинженер 67, 88, 115, 133, 154, 156, 172, 176–177, 185, 196, 204, 208, 310, 323, 354
- Чулков Г. И.*** 222, 365
- Чумандрин М. Ф.**** 126
- Чупринин Сергей Иванович** (р. 1947), филолог, главный редактор журнала «Знамя» 559
- Чухновский Борис Григорьевич** (1898–1975), полярный летчик 256
- Чухонцев Олег Григорьевич** (р. 1938), поэт 524–525
- Чюмина О. Н.*** 298, 464
- Шагал Марк Захарович** (1887–1985), художник 515
- Шагинян М. С.*** 164–166, 206, 231, 452–453, 487, 510; 557–558, 561, 577
- Шайкевич Анатолий Ефимович** (1879–1947, умер за границей), журналист, балетный критик, коллекционер 488
- Шайкевич В. В.*** 488–489
- Шайкович И. С.**** 459; 578
- Шайкович Л. И.**** 459
- Шаляпин Ф. И.*** 39, 470, 472–473, 531
- Шаляпина (Бакшеева) И. Ф.*** 257
- Шапорин Юрий Александрович** (1887–1966), композитор 157, 219, 256
- Шаров Ал. Федорович** 228
- Шаскольская Марианна Петровна** (1913–1983), физик, кристаллограф 315, 322, 325, 328, 349, 394, 417–418, 435, 444, 478, 514, 537, 539
- Шаскольские Вера** (р. 1947) и **Майя** (р. 1948), дочери М. П. Шаскольской 315, 349, 433
- Шатуновский Илья Миронович** (1923–2009), писатель, фельетонист 559
- Шаумян Лев Степанович** (1904–1971), зам. главного редактора БСЭ 327
- Шварц Е. Л.*** 167, 257, 296, 406; 572
- Швачкин Николай Христофорович,** психолог 208
- Швейцер В. З.**** 218, 431, 507
- Шевцов Иван Михайлович** (р. 1920), писатель 400–401; 571
- Шевченко Т. Г.*** 50, 63, 129, 378, 379, 499–500, 508; 549, 585
- Шевченко Фаина Васильевна** (1893–1971), актриса МХАТа 145
- Шевырев Степан Петрович** (1806–1864), критик, историк литературы 129
- Шейнин Лев Романович** (1906–1967), прозаик, драматург, главный редактор Мосфильма, председатель кинокомиссии Совета по драматургии 312
- Шекспир У.*** 5, 7, 10, 48–49, 75–77, 88, 99, 111, 137–138, 140, 188–189, 208, 230, 246, 268, 314, 317, 340, 348, 361, 378, 380, 382, 384–385, 409, 438, 483, 496, 501; 547–548, 551
- Шелгунов Николай Васильевич** (1824–1891), публицист, литературный критик 496
- Шелепин Александр Николаевич** (1918–1994), партийный и государственный деятель 574
- Шелли П.-Б.*** 496
- Шенгели Георгий Аркадьевич** (1894–1956), поэт, переводчик 91, 148, 174
- Шепилов Дмитрий Трофимович** (1905–1995), в 1952–56 гг. главный редактор газеты «Правда», в 1956–57 гг. министр иностранных дел 381
- Шеридан Ричард Бринсли** (1751–1816), английский драматург 114–115
- Шеровер Милес М., израильский вла-**делец портрета К. Ч. работы И. Е. Репина 480, 519; 580

Шестериков Сергей Петрович (1903–1941), библиограф 475

Шиллер И.-К.-Ф.* 132, 268, 314, 320, 438

Шиловский Евгений Александрович (1889–1952, покончил с собой), генерал, военный теоретик, муж М. А. Толстой 100

Шильдкрет Константин Георгиевич (1886–1965), писатель 243

Шишкин И. И.* 459

Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954), партийный и государственный деятель 297

Шкловская Зинаида Давыдовна (умерла за границей), жена И. В. Шкловского (Дионео) 419

Шкловская (Суок) Серафима Густавовна (1902–1982), вторая жена В. Б. Шкловского 363

Шкловский В. Б.* 83, 100, 133, 158, 211–212, 323, 347, 354, 363–364, 391, 403, 411, 459–460

Шкловский И. В. (Дионео)* 476, 483

Шмаринов Демьян Алексеевич (1907–1999), художник 178

Шмидт О. Ю.** 14, 48, 393

Шолохов М. А.** 54–55, 68–69, 119, 167, 179, 261–262, 364–365, 383, 417, 429, 443, 455; 559–560, 575, 578

Шолохова Анастасия Даниловна (1871–1942), мать М. А. Шолохова 55

Шолохова Мария Петровна (1902–1992), жена М. А. Шолохова 54, 261

Шолоховы Александр (1930–1990), Михаил (р.1935) и Мария (р.1938), дети М. А. Шолохова 54

Шопенгауэр А.* 463

Шостакович Галина Дмитриевна (р. 1936), дочь Д. Д. Шостаковича, жена Е. Б. Чуковского 267, 294–295, 310, 354

Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975), композитор 60, 208, 306, 332, 342, 358, 424; 575

Шостакович Максим Дмитриевич (р. 1938), сын Д. Д. Шостаковича, дирижер 294, 306

Шоу Д.-Б.* 225, 409

Шпет Г. Г.** 339

Шпет Элеонора Густавовна (1904–1976), руководитель сектора детского театра в Доме

художественного воспитания детей, дочь Г. Г. Шпета 325

Штейн Александр Петрович (1906–1993), драматург 177, 185, 214, 295, 396, 430; 548–549

Штейн Гертруда, см. Стайн Гертруда

Штейн Петр Александрович, Петя, сын А. П. Штейна 243

Штерн Лина Соломоновна (1878–1968), академик, физиолог 59

Штильманы, Розалия Наумовна и Петр Моисеевич, знакомые К. Ч. 401–402

Шток Исидор Владимирович (1908–1980), драматург 71

Штыков Терентий Фомич (1907–1964), в 1959–60 гг. посол СССР в Венгрии 288

Шубин Лев Алексеевич (1928–1983), редактор издательства «Советский писатель», литературовед 518

Шура, см. Бутягина А. М.

Шурпин Федор Саввич (1904–1972), художник 227; 561

Щеглов Дмитрий Федорович (1830–1902), однокурсник Н. А. Добролюбова, педагог, публицист 227

Щеголев П. Е.* 129, 510–514

Щедрин, см. Салтыков-Щедрин М. Е.

Щепкин М. С.** 117

Щерба Лев Владимирович (1880–1944), академик, языковед 48

Щербаков Александр Александрович (р. 1925), сын А. С. Щербакова, летчик-испытатель, инженер 351; 568

Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945), с 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б), с 1942 г. начальник Главного политуправления Красной Армии и Совинформбюро 18, 68, 72, 351; 550, 568

Щербина Владимир Родионович (1908–1989), литературовед, критик 421

Щидри Фриц (1883–1968), в 1933–37 гг. главный дирижер оркестра ленинградской филармонии 48, 83

Щипачев Степан Петрович (1898/99–1979), поэт 127, 166, 354, 399, 421–422

Щукин Борис Васильевич (1894–1939), актер 173

Щукин Сергей Иванович (1854–1937, умер за границей), купец, коллекционер 530

Шупак Самуил Борисович (1895–1937, расстрелян), украинский писатель 27

Эйзенхауэр Дуайт Дейвид (1890–1969), президент США 264, 290

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948), кинорежиссер 173

Эйнштейн Альберт (1879–1955), физик 114

Эйхенбаум Б. М.* 216

Эйхенгольц Марк Давыдович (1889–1953), литературовед 83

Эйхлер Г. Л.** 371

Эйхман Карл (1906–1962), фашистский военный преступник 314, 333

Элик, см. Маршак И. С.**

Элиот Томас Стернз (1888–1965), англо-американский поэт 338

Элла Петровна, см. Левина Э. П.

Эллери Квин (Ellery Queen), псевд. двоюродных братьев **Frederic Dannaу** (1905–1982) и **Manfred B. Lee** (1905–1971), американские писатели 339, 397, 541

Эль Регистан Габриэль Аркадьевич (1899–1945), поэт, журналист 72

Эльсберг Яков Ефимович (1901–1972), критик 286, 320; 564, 566

Эмден Э. М.** 254

Эмин Геворк (1919–1998), армянский поэт 392

Энгельгардт Егор Антонович (1775–1862), директор Царскосельского лицея 38

Энгельс Ф.* 117, 373, 379, 514, 535; 582

Эндикотт Джеймс Гарет (1898–1993), председатель Канадского национального совета защиты мира, политический деятель 162, 326–327

Эндикотт Мэри, жена Дж.-Г. Эндикотта 326

Энциенсбергер Ганс-Магнус (р. 1929), немецкий поэт, публицист, издатель, переводчик, муж Маши Алигер 456

Эпштейн Иосиф Моисеевич (1895–1980), профессор-уролог 252–253

Эрдман Николай Робертович (1902–1970), драматург, сценарист 448

Эренбург И. Г.** 51, 67, 155, 158, 168, 179, 244, 304, 307, 310–311, 325, 341–342, 344, 359, 365–366, 419; 557, 559–560, 568–570

Эренбург-Козинцева Любовь Михайловна (1899–1970), жена И. Г. Эренбурга, художница 366

Эрлих Виктор (Вольф) (1914–2007), американский славист, сын С. С. Дубновой 529

Эртель А. И.* 166, 500

Эссен Мария Моисеевна (1872–1956), редактор Госиздата 10

Эстер, см. Катаева Э. Д.

Эстер Арк. см. Бер Э. А.

Эсхил* 463

Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999), переводчик, литературовед 380, 399, 404, 524; 570

Эфрон Ариадна Сергеевна (1912–1975), дочь М. И. Цветаевой, художница, переводчица 570

Эфрос А. М.** 17, 60, 118

Эфрос Натан Михайлович (1904–1984), эстрадный актер, чтец, исполнитель сказок Чуковского и Маршака (совместно с П. М. Ярославцевым) 71

Югов Алексей Кузьмич (1902–1979), писатель 103, 320–321, 323, 327

Юдин П. Ф.** 350; 550, 585

Юдина Мария Вениаминовна (1899–1970), пианистка 136, 501

Юлдашев, нарком просвещения Узбекистана 59

Юлдашева, жена Юлдашева 60

Юренева В. Л.* 506

Юрьев Ю. М.** 7

Юсунов Нурадин Абакарович (р. 1931), лакский поэт 303

Юсунов Усман Юсунович (1900–1966), с 1937 г. 1-ый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, член ЦК ВКП(б) 61

Юшкевич С. С.* 465, 467

Яблочкин (Яблочков Г. А.*) 38

Ягода (Авербах) Ида Леонидовна
(1905–1938, расстреляна), юрист,
следователь, жена Г. Г. Ягоды, дочь
Л. Л. Авербаха 192

Ягода Генрих Григорьевич
(1891–1938, расстрелян), генераль-
ный комиссар госбезопасности,
нарком внутренних дел СССР в
1934–36 гг. 152, 192, 276

Язвицкий Валерий Иоильевич
(1883–1957), писатель 115

Якир Иона Эммануилович
(1896–1937, расстрелян), военача-
льник, командующий войсками
Киевского военного округа 23, 520

Якир Петр Ионович (1927–1982),
сын И. Э. Якира, правозащитник 520

Якобсон Роман Осипович
(1896–1982, умер за границей),
языковед, литературовед 444

Яковлев Василий Николаевич
(1893–1953), художник, главный
оформитель Сельскохозяйствен-
ной выставки 49, 274

Яковлев Михаил Лукьянович
(1798–1868), лицейский товарищ
А. С. Пушкина, музыкант, литера-
тор 38

Яковлев Юрий Яковлевич
(1922–1996), детский писатель 177, 405

Яковлева Татьяна Алексеевна
(1906–1991, умерла за границей),
адрсат стихов и писем В. В. Мая-
ковского 508

Якушкин Иван Вячеславович
(1885–1958), академик ВАСХНИЛ,
растениевод 196

Якушкин Иван Дмитриевич
(1793–1857), участник Отечествен-
ной войны 1812 г., декабрист 196

Ямпольский И. Г. 254**

Яновский Антон Кириллович (1865–
1942), профессор медицины, рент-
генолог 6

**Яр-Кравченко Анатолий Никифоро-
вич** (1911–1983), художник 135–136

Ярмолинский А. Ц. 338**

Ярославцев Петр Михайлович
(1898–1975), актер, чтец, исполни-
тель сказок Чуковского и Маршака
(совместно с Н. М. Эфросом) 71

Ярцев Георгий Алексеевич (1904–
1955), директор изд-ва «Советский
писатель» 147–148

Ясенский Бруно (1901–1938, расстре-
лян), писатель 258, 362, 371, 404

Ясиновская Анна Викторовна,
редактор Детгиза 407, 410, 436, 451,
500, 521

Ясинский И. И.* 76

Яхонтов Владимир Николаевич
(1899–1945, покончил с собой),
актер, чтец 19

Яшвили П. Д. 310**

Яшин Александр Яковлевич
(1913–1968), писатель, поэт 361,
364–365; 562, 569

Яшина Злата Александровна, дочь
А. Я. Яшина 361

Яшина Злата Константиновна
(1914–1998), жена А. Я. Яшина,
поэтесса 361

ИНОСТРАННЫЕ ФАМИЛИИ

A. E. (Russel George William,
1865–1935), ирландский поэт,
художник, журналист, политик 144

Best Ivan, американский корреспон-
дент К. Ч. 412–413

Bryan–Brown Armitage Noel
(1900–1968), профессор Оксфорда
330

Butler Samuel (1835–1902), англий-
ский писатель 221

Caine Hall (Кэйн Холл, 1853–1931),
новелист, секретарь Д.-Г. Россетти
170

Canning George (1770–1827), премьер-
министр и министр иностранных
дел Великобритании 335

Châtelet Emilie, маркиза du
(1706–1749), математик, близкий
друг Вольтера 308

Dunton Watts (1832–1914), английский
новелист, критик 331

Forster Edward Morgan (1879–1970),
английский писатель 73

Gardner Earl Stanley (1889–1970),
американский писатель, автор
детективов 406, 440

Graffigny Francoise, de (1695–1758), французская беллетристка, корреспондентка Ф. Вольтера и мадам де Шателе 308

Gustavson Sven (Густавсон С.**) 578

Haig Douglas (1861–1928), английский фельдмаршал 335

Haight Amanda (1939–1989), английская исследовательница творчества Анны Ахматовой 349

Hazzlitt (Газзлит Уильям, 1778–1830), английский литературный и театральный критик 265, 329

Housman Alfred Edward (1859–1936), английский поэт 144

Hotchner Aaron Edward (р. 1920), журналист, писатель, друг Э. Хемингуэя 441; 576

Hunter James, английский коммунист 290

Isaiah, см. Берлин И.

Ivy, см. Литвинова А. В.

Laxness Haldor Kiljan (1902–1998), исландский писатель 299

Lear Edward (1812–1888), английский писатель, художник 316–317

Mitford Nancy (1904–1973), английская писательница 308

Morton Miriam, см. Мортон Мириам

Napier Charles James, sir (1782–1853), английский генерал, командующий британскими войсками в Индии 335

Opie Iona (р. 1923) и **Opie Peter** (1918–1982), английские специалисты по детской психологии 292, 334

Pandit Sundarlal (1886–1990), индийский журналист, писатель, общественный деятель 350–352

РОДСТВЕННИКИ

дочь **К. Д. Бальмонта**, см. Бруни Н. К.

жена **Ю. П. Анненкова**, см. Мадлен

жена **Н. С. Атарова**, см. Дальцева М. З.

жена **А. А. Игнатьева**, см. Труханова Н. В.**

жена **Д.-Г. Россетти**, см. Siddal Е.-Е.

жена **А. И. Солженицына**, см. Решетовская Н. А.

жена **С. П. Щипачева**, см. Златова Е. В.

мать **К. М. Симонова**, см. Иванищева А. Л.

муж **М. А. Алигер**, см. Энденсберггер Г.-М.

муж **Р. В. Зеленой**, см. Топуридзе К. Т.

Pepys Samuel (1633–1703), английский государственный деятель 194

Ramelson Bert (1910–1994), один из лидеров английской коммунистической партии 289

Roosevelt Eleonor (1884–1962), американская общественная деятельница, жена президента Ф.-Д. Рузвельта 287

Ross L., см. Росс Л.

Russel Bertrand (1872–1970), философ, математик, общественный деятель 333, 441

Salinger Jerome David (1919–2010), американский писатель 296

Shapiro Henry (1906–1991), американский журналист, главный корреспондент «Юнайтед Пресс Интернешенал» в СССР 447, 502

Shapiro (Никитина) Людмила, жена Н. Shapiro 447

Shlechtman Joseph B., автор биографии В. Жаботинского 573

Siddal Elizabeth Eleonor (1829–1862), натурщица, жена Д.-Г. Россетти 170

Stephenson George (1781–1848), английский изобретатель 319

Turner John Mallord William (1775–1851), английский художник 530

Ward Dennis 336

Weil Irvin, см. Вейл И.

Winnicott Donald Woods (1896–1971), английский автор книг о детской психологии 267

Winter Hellen, мать Стефенса 336–337

Woods George L., детский писатель, редактор детского отдела в «The New York Times Book Review» 528

муж **Тат. Вс. Ивановой**, см. Дубинский Д. А.

муж **Т. М. Литвиновой**, см. Слоним И. Л.

муж **Д. М. Пешковой**, см. Граве А. К.

муж **Л. А. Руслановой**, см. Крюков В. В.

муж **М. А. Толстой**, см. Шиловский Е. А.

отец **В. А. Каверина**, см. Зильбер А. А.

падчерица **В. В. Розанова**, см. Бутягина А. М.

сын **С. С. Дубновой**, см. Эрлих В.

сын мужа **Р. В. Зеленой**, см. Топуридзе Р. К.

СОДЕРЖАНИЕ

1936	5
1937	36
1938	46
1939	47
1940	50
1941	54
1942	60
1943	65
1944	71
1945	76
1946	79
1947	98
1948	107
1949	110
1950	116
1951	125
1952	132
1953	135
1954	160
1955	181
1956	210
1957	226
1958	249
1959	280
1960	292
1961	307
1962	318
1963	357
1964	376
1965	402
1966	427
1967	434
1968	454
1969	528
Комментарии	545
Краткий хронограф жизни и творчества К. Чуковского.	584
Указатель имен	590